

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»**

**ГЕОПОЛИТИКА И
ЭКОГЕОДИНАМИКА
РЕГИОНОВ**

Научный журнал

Том 4 (14) Выпуск 4

2018

**Симферополь
2018**

ISSN 2309-7663

Журнал основан в 2005 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-61822 от 18.05.2015 г.

**Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(протокол № 3 от 03 октября 2018 г.)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – д. геогр. наук, профессор ВОРОНИН И. Н.
Заместитель главного редактора – д. геогр. наук, профессор ВАХРУШЕВ Б. А.
Ответственный редактор – к. геогр. наук СИКАЧ К. Ю.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

д. экон. наук, профессор **БАШТА А. И.**; к. полит. наук **БЕДРИЦКИЙ А. В.**;
д. геогр. наук, профессор **БОКОВ В. А.**; д. техн. наук, профессор
БОЛЬШАКОВ Б. Е.; к. геогр. наук **Р. В. ГОРБУНОВ**; д. экон. наук, доцент
ИБРАГИМОВ Э. Э.; д. биол. наук, профессор **ИВАНОВ С. П.**; д. биол. наук,
профессор **ИВАШОВ А. В.**; д. геогр. наук, доцент **ИВЛИЕВА О. В.**; д. полит.
наук **ИЛЬИН М. В.**; д. биол. наук, профессор **ЛИТВИНСКАЯ С. А.**;
д. геогр. наук, профессор **ПЛОХИХ Р. В.**; д. геогр. наук, профессор
ПОЗАЧЕНЮК Е. А.; д. геогр. наук, профессор **РЕТЕЮМ А. Ю.**; д. геогр. наук,
профессор **ХОЛОПЦЕВ А. В.**; д. эконом. наук, профессор **ЦЕХЛА С. Ю.**;
д. геогр. наук, профессор **ЯКОВЕНКО И. М.**

Подписано в печать 03.10.2018. Формат 60×84/8.

50 усл. п. л. Заказ № НП/212. Тираж 50 экз.

Подписной индекс объединенного каталога
«Пресса России» 39922. Цена 227 руб.

Дата выхода в свет 02.11.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://geopolitika.cfuv.ru>

РАЗДЕЛ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ**

УДК 323.14(477.75)

Воронин И. Н.¹

Швец А. Б.²

Академик Н. В. Багров и развитие крымской географической школы

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Российская Федерация,
г. Симферополь
e-mail: ¹voronin.igor45@gmail.com, ²fusion10@mail.ru

Аннотация. В статье дан краткий анализ научной деятельности академика Н. В. Багрова и ее влияния на формирование крымской географической школы. Определены основные направления научной деятельности академика Н. В. Багрова: транспортно-экономическое (логистическое), рекреационная география, региональная геополитика, информационная география.

Ключевые слова: география, академик Н. В. Багров, Крым, логистика, рекреационная география, региональная геополитика, информационная география.

Говорить о научной школе в крымской общественной географии можно еще с 60-х годов XX века, когда кафедрой экономической географии в Крымском государственном педагогическом институте стал заведовать профессор И. Т. Твердохлебов.

Академик Н. В. Багров был учеником профессора И. Т. Твердохлебова, который создал в Крыму одну из первых в Советском Союзе школу рекреационной географии. В среде своих учеников профессор Твердохлебов называл будущего академика Н. В. Багрова «звездой первой величины». Эта высокая оценка Учителя как будто определила планку всей дальнейшей научной жизни Н. В. Багрова.

В крымскую географию Н. В. Багров пришёл исследователем-полевиком, занимавшимся изучением геологии Главной гряды Крымских гор в период своей работы в Институте минеральных ресурсов АН СССР, располагавшемся в Симферополе.

Получив приглашение в аспирантуру от профессора Твердохлебова, Николай Васильевич сам определил тематику своей будущей научной работы в экономической географии. Его увлекла тема межрегиональных транспортно-экономических связей Причерноморья. То, что спустя более полвека получит название «логистика». Это была простая тема лишь на первый взгляд. В бывшем Советском Союзе направления и объемы транспортных перевозок не всегда отличались рационализмом. Поэтому изучать транспортно-экономические связи в приморском регионе было сродни разгадыванию ребуса с парадоксальным ответом [1].

В 1970 году Н. В. Багров впервые попадает в условия формирования научной школы. В этот год на V съезде Географического общества СССР, проходившем в Ленинграде, он совместно с доцентом МГУ Н. С. Мироненко и профессором И. Т. Твердохлебовым делает доклад «Проблемы рекреационной географии» [2]. В докладе были намечены четыре основных направления в «разработке теоретических и методологических основ территориальной организации сферы отдыха и туризма»: 1) изучение рекреации как формирующейся отрасли народного хозяйства в системе социально-экономических комплексов; 2) исследование пространственных аспектов природных и социально-экономических условий и

факторов развития территориальной организации отдыха и туризма; 3) изучение рекреационных потоков; 4) рекреационное районирование и типология рекреационных систем.

До настоящего времени этот доклад оценивается научно-географическим сообществом как яркий, не потерявший своей актуальности до настоящего времени вклад в формирование теоретических основ нового научного направления – *рекреационная география*. Научная новизна этого доклада заключалась в обращении к проблематике, совершенно несвойственной советской экономико-географической науке. Это была проблематика организации отдыха и, самое главное, свободного времени советских людей. Категория свободного времени в условиях централизованной экономики воспринималась как прорыв к гуманистическим основам жизни.

Тенденция гуманизации советской экономико-географической науки сформировала к 80-м годам XX века новое – социальное крыло. В связи с чем с 1982 года к экономической географии стали добавлять понятие «социальная», и наука, которой занимался Н. В. Багров, приобрела название «экономическая и социальная география». Расширение объекта исследования потребовало от экономико-географов своеобразной «смены вех». Им всё чаще приходилось отвечать на вопросы, связанные не только с размещением в пространстве производства и трудовых ресурсов, но и выяснять проблемы образа жизни людей.

Для Н. В. Багрова период «смены вех» совпал с активной политической и управленческой деятельностью на различных уровнях государственной власти. Но он чётко ощущал необходимость углублённого изучения проблематики отдыха и рекреационной деятельности для Крыма, имевшего для этого природные и социальные ресурсы. Что интересно: политическая деятельность Н. В. Багрова никогда не была препятствием для занятий наукой. Конечно, это были разные виды активности, совмещавшие объективность научной истины с необходимостью её идеологической проверки на верность «линии партии».

Николай Васильевич нашёл такой аспект научной деятельности, который позволил ему сохранить и научную объективность, и верность идеологии. Крым с его многообразием типов хозяйственного освоения и необходимостью превращения в модельный регион рекреационной деятельности надолго вошёл в сферу научных интересов Багрова-ученого.

Одной из первых монографий, вышедших из-под пера Н. В. Багрова, вернувшегося в 90-х годах в науку после нескольких десятилетий политической деятельности, стала книга «Каким быть Крыму в XXI веке?» [3].

Такая постановка вопроса в 1997 году казалась многим нереальной, поскольку траектория социально-экономического развития Украины в это время была непредсказуемой. В отношениях между Крымом и украинским центром накапливалось множество напряжённых проблем и нерешённых вопросов. Интересно отметить, что через десять лет после выхода книги «Каким быть Крыму в XXI веке?» Николай Васильевич заметит в одном из интервью крымским журналистам: «Мне больно смотреть на Крым. Тот грабёж, который идёт в Крыму, не поддаётся нормальному осмыслению...» [4]. Эту оценку крымских реалий экономико-географ Багров не пересмотрел до конца жизни.

90-е годы – начало «нулевых» годов стали для Н. В. Багрова рубежом формирования его собственной научной школы, которая продолжила линию рекреационно-географической проблематики в изучении Крыма и внесла

совершенно новый мотив – политико-географическое изучение Крымской автономии. Такое расширение горизонта научных исследований Н. В. Багрова стало естественным продолжением его богатого политического опыта одного из создателей и руководителя Автономной Республики Крым. Кроме того, в отечественной географии шёл процесс переосмысления миссии этой древней науки в условиях глобализирующегося мира, и Багров не мог оставаться в стороне от этой магистральной линии преобразования географии.

Глобализированный мир выдвинул перед географией совершенно новые задачи. Их смысл сводился к необходимости поиска применения географических знаний в обществе тотального господства информации. Николай Васильевич формирует концепцию *региональной геополитики* и защищает её в 2001 году в докторской диссертации [5]. А через год выходит и монография «Региональная геополитика устойчивого развития» [6]. В этой концепции переосмыслено взаимодействие глобальности человеческих проблем в географической оболочке с их региональной проекцией в Крыму. Посредством развёрнутого анализа сущности геополитической миссии региона Николай Васильевич Багров доказал право Крыма на геополитическую субъектность. По мнению Николая Васильевича, геополитическая миссия таких узловых регионов, как Крым заключается в том, чтобы соединять несоединяемое: цивилизации, культуры, различные идентичности, политические и иные противоречия, требующие своего решения на межгосударственном уровне. Через геополитическую субъектность Крыма академику Багрову Н. В. удалось доказать возможность влияния небольших территорий на глобальные геополитические процессы. Исторические события марта 2014 г. в Крыму стали тому доказательством.

Самому Н. В. Багрову неоднократно приходилось быть разработчиком и активным участником реализации программ, в которых геополитическая миссия Крыма становилась реальностью. К наиболее значимым из этих программ сам Багров относил восстановление Автономной Республики Крым, принятие Закона о разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Крыма [7], введение на крымской территории режима открытой экономики, реализацию комплексных стратегий развития полуострова.

Научные идеи Н. В. Багрова в области рекреационной географии, геополитики, теории экономической и социальной географии получили развитие в семи кандидатских и одной докторской диссертациях его учеников.

Спектр научных исследований в данных работах был весьма широк: кандидатские «Электоральная география Крыма» (Хан Е. А., 1999), «Формирование территориальной системы рынка труда в новых экономических условиях (на примере Автономной Республики Крым и города Севастополя)» (Воронин И. Н., 2000), «Географические особенности и пути оптимизации использования рекреационного потенциала горно-приморских территорий (на примере Автономной Республики Крым)» (Блага Н. Н., 2000), «Межотраслевые аспекты рыночной адаптации территориальных рекреационных систем (на примере Евпаторийской территориальной рекреационной системы Крыма)» (Побирченко В. В., 2001), «Географическое исследование влияния внешнеэкономических связей на трансформацию хозяйства Автономной Республики Крым» (Кузьмина О. М., 2003), «Трансформация виноградарско-винодельческого комплекса Крыма в условиях перехода к рыночному хозяйству» (Пергат А. П., 2005), «Общественно-географическое исследование

территориального потенциала Крыма» (Ромащенко В. В., 2011) и докторская «Общественно-географическое исследование процессов информатизации общества» (Воронин И. Н., 2012).

В последней работе разрабатывалось концептуальное оформление процесса информатизации географической науки, объяснялось движение географической мысли от описательности к управленческому подходу к территории, появлению контуров того направления в географии, которое Николай Васильевич называл «инженерией территории».

Обращение к исследованию информационной сферы было неслучайным в научном творчестве Багрова. Информационная сфера стала для него прообразом ноосферы, о которой писал один из создателей и первых ректоров Таврического университета В. И. Вернадский. Мысль о воспитании ноосферного сознания в системе высшего образования была неоднократно озвучена Николаем Васильевичем в Ноосферном манифесте Таврического национального университета и положена в основу коллективного учебника «Землеведение» [8], получившего в Украине государственную премию в области науки и техники. Это была одна из десяти его географических монографий, где мысль о ноосферном сознании приобрела реальность научного знания, доступного для усвоения студентами различных, а не только географических специальностей.

В научном творчестве Николай Васильевич считал обязательным процесс переосмысления старых истин и устоявшихся представлений. Он неоднократно подчеркивал важность наполнения новым содержанием представлений о территориально-производственных комплексах, которые по старинке считались в постсоветской экономической географии действующими объектами. Ученый ставил задачу модернизации базовых основ преподавания экономико-географических дисциплин, выдвигал тезис о необходимости овладения географами методикой конструктивного управления территориальным развитием.

Все перечисленные выше идеи Н. В. Багров изложил в монографии, посвященной новому направлению в географии – *информационной географии* – «География в информационном мире» [9]. Презентация монографии состоялась в 2005 году, но идеи этой работы академика Багрова актуальны в настоящее время как никогда.

Анализируя научный путь академика Н. В. Багрова и отдавая дань признательности своему Учителю, призываем всколыхнуть «омут» научных традиций и придать географической науке реально конструктивный характер в эпоху информационного преобразования мира.

Литература

1. Багров Н. В. Формирование и развитие межрайонных транспортно-экономических связей ТПК (на примере Южного экономического района): дис. ... канд. геогр. наук / Н. В. Багров. МГУ им. Михаила Ломоносова, 1967.
2. Багров Н. В., Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т. Проблемы рекреационной географии // О новых направлениях в развитии советской экономической географии. Л., 1970. С. 35–36.
3. Багров Н. В. Каким быть Крыму в XXI веке? Симферополь: Таврида, 1997. 196 с.

4. Николай Багров: мне больно смотреть на Крым // Крымское время. Выпуск 08.11.2007.
5. Багров Н. В. Региональная геополитика (на примере Крыма): дис. ...доктора геогр. наук / Н. В. Багров. Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, 2001.
6. Багров Н. В. Региональная геополитика устойчивого развития. К.: Лыбидь, 2002. 254 с.
7. Закон України «Про розмежування повноважень між органами державної влади України і Республіки Крим» від 29.04.1992 р. № 2299-ХІІ.
8. Багров М. В. Землезнавство: підручник / М. В. Багров, В. О. Боков, І. Г. Черваньов. К.: Либідь, 2000. 464 с.
9. Багров Н. В. География в информационном мире / Н. В. Багров. К.: Лыбидь, 2005. 179 с.

Voronin I. N.¹
Shvets A. B.²

***Academician N. V. Bagrov and the
development of the Crimean geographical
school***

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Russian Federation, Simferopol
e-mail: ¹voronin.igor45@gmail.com, ²fusion10@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to a brief analysis of the scientific activity of academician N. V. Bagrov its influence on the formation of the Crimean geographical school. The main directions of scientific activity of academician N. V. Bagrov: transport and economic (logistics), recreational geography, regional geopolitics, information geography.*

Key words: *geography, academician N. V. Bagrov, Crimea, logistics, recreational geography, regional geopolitics, information geography.*

References

1. Bagrov N. V. Formirovanie i razvitie mezhrajonnyh transportno-ehkonomicheskikh svyazey TPK (na primere YUzhnogo ehkonomicheskogo rajona): dis. ...kand. geogr. nauk / N. V. Bagrov. MGU im. Mihaila Lomonosova, 1967. (in Russian)
2. Bagrov N. V., Mironenko N. S., Tverdohlebov I. T. Problemy rekreacionnoj geografii // O novyh napravleniyah v razvitii sovetskoj ehkonomicheskoy geografii. L., 1970. S. 35-36. (in Russian)
3. Bagrov N. V. Kakim byt' Krymu v XXI veke? Simferopol': Tavrida, 1997. 196 s. (in Russian)
4. Nikolaj Bagrov: mne bol'no smotret' na Krym // Krymskoe vremya. Vypusk 08.11.2007. (in Russian)
5. Bagrov N. V. Regional'naya geopolitika (na primere Kryma): dis. ...doktora geogr. nauk / N. V. Bagrov. Kievskij nacional'nyj universitet imeni Tarasa SHEvchenko, 2001. (in Russian)
6. Bagrov N. V. Regional'naya geopolitika ustojchivogo razvitiya. K.: Lybid', 2002. 254 s. (in Russian)

7. Zakon Ukraïni «Pro rozmezhuvannya povnovazhen' mizh organami derzhavnoï vladi Ukraïni i Respubliki Krim» vid 29.04.1992 r. № 2299-XII. (in Russian)
8. Bagrov M. V. Zemleznavstvo: pidruchnik / M. V. Bagrov, V. O. Bokov, I. G. CHervan'ov. K.: Lybid', 2000. 464 s. (in Russian)
9. Bagrov N. V. Geografiya v informacïonnom mire / N. V. Bagrov. K.: Lybid', 2005. 179 s. (in Russian)

Поступила в редакцию 10.08.2018 г.

УДК 911.3+01:327

Дружинин А. Г.

Евразийский вектор развития современной России: тюркская составляющая

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных
проблем Южного федерального университета, Российская
Федерация, г. Ростов-на-Дону
e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. В статье акцентирована многовековая сопряжённость пространственного развития России и Тюркского мира, охарактеризованы особенности позиционирования регионов с весомой долей тюркской этнической составляющей в современной Российской Федерации, обоснован потенциал углубления партнёрства России с тюркскими государствами в различных интеграционных форматах.

Ключевые слова: общественная география, пространственное развитие, Россия, тюркские этносы, тюркские государства, евразийская интеграция, «Большая Евразия».

Введение

Развитие России, «необъятного, непокорного, разбегающегося пространства» (по характеристике философа И. А. Ильина [1]), «континента в себе» (согласно географу П. Н. Савицкому [2]), государства пограничного (по определению историка С. М. Соловьёва [3]), на всём протяжении многовековой истории теснейшим образом связано (как это, в частности, ярко и убедительно показал выдающийся географ, историк и этнолог-тюрколог Л. Н. Гумилёв [4]) с русско-тюркским взаимодействием, с распластавшейся широчайшей полосой по евразийскому пространству (от Балкан до Синьцзяна и Якутии) «россыпью» тюркских этносов.

С середины XVI столетия, продвигая на восток и юг Евразии свои рубежи, Российское государство последовательно вовлекало в орбиту влияния всё новые и новые тюркоязычные народы. В итоге, три столетия спустя, достигнув своих максимальных пространственных пределов, Российская Империя объединяла (как это, в частности, подмечал Ахмет Заки Валиди в своей книге «История тюрков и татар» [5]) месторазвития подавляющей части этнических составляющих Тюркского мира; при этом (согласно первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) тюркские языки были родными для 13,9 млн человек [6], т. е. для 11 % жителей огромной (занимавшей тогда чуть более 40 % евразийского материка) страны. Характерно, что весь последующий период «тюркская составляющая» в населении стабильно увеличивалась; к моменту распада СССР в его пределах проживало (по переписи 1989 г.) 49,7 млн представителей тюркоязычных этносов (17,4 % всего населения); 11,6 млн из них [7], при этом, были сконцентрированы на территории РСФСР. Если бы Советский Союз (гипотетически) существовал и поныне, в нём (к 2017 году) насчитывалось бы не менее 70 млн тюркского населения, т. е. порядка 24 % от всего возможного

(если ориентироваться на суммарную современную численность населения постсоветских стран) демографического потенциала, и эта цифра наглядно иллюстрирует устойчивое (трендовое) изменение этнодемографических пропорций на евразийском пространстве. «Тюркский фактор» продолжает сохранять значение основополагающего, базового и для современной России (Российской Федерации), обретая силу и новые грани в контексте углубляющейся её «размолвки» с Западом, обозначившегося (прежде всего в экономической и, отчасти, военно-политической сфере) перехода к многополюсному миропорядку, стремления к конструированию новых интеграционных форматов, включая и так называемую «Большую Евразию».

Результаты и обсуждения

Тюркские этносы в пространстве современной России: численность и локализация

История неизменно проецируется на геопространство, последнее являет собой субстрат грядущей истории; в пространственной же «матрице» современной России «тюркская составляющая» достаточно существенна. Последняя из двух проведённых в постсоветский период переписей населения (2010 г.) зафиксировала наличие на территории Российской Федерации 24-х тюркоязычных этносов, различающихся своей численностью, локализацией, политико-территориальным статусом (наличием «собственного» субъекта Федерации), типом расселения, демографической динамикой (табл. 1).

Таблица 1.

**Тюркские этносы современной России
(согласно Всероссийской переписи населения 2010 года)***

	С основным ареалом локализации на территории Российской Федерации	С основным ареалом локализации вне территории Российской Федерации
С численностью более 5 млн чел.	татары (0,96**)	
С численностью от 1 до 2 млн чел.	<i>башкиры</i> *** (1,18), <i>чуваши</i> (0,81)	
С численностью от 200 тыс. до 1 млн чел.	<i>буряты</i> (1,11), <i>карачаевцы</i> (1,45), кумыки (1,82), <i>якуты</i> (1,26)	азербайджанцы (1,82), <i>казахи</i> (1,02), узбеки (2,26)
С численностью от 20 до 200 тыс. чел.	<i>алтайцы</i> (1,07), <i>балкарцы</i> (1,44), <i>ногайцы</i> (1,42), <i>тувинцы</i> (1,28), <i>хакасы</i> (0,94)	киргизы (2,51), <i>турки</i> (10,5), <i>туркмены</i> (0,95)
С численностью до 20 тыс. чел.	<i>долганы</i> (1,33), караимы (0,33)	гагаузы (1,4), каракалпаки (0,23), крымские татары (0,12), уйгуры (1,42)

* Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 года

** Соотношение числа представителей этноса в 2010 г. к 1989 г.

*** *башкиры* – более 50 % численности выделенного курсивом этноса проживает в сельской местности

Если принять во внимание, что (по данным переписей) к 2010 гг. численность населения Российской Федерации составила 97 % к соответствующему показателю

1989 г. (для собственно русских – 93 %), то подавляющая часть тюркоязычных этносов (за исключением чувашей, хакасов и сверхмалочисленных – всего 200 человек – караимов) продемонстрировала высокую резистентность к охватившему страну (и достигшему своего «дна» к началу 2000-х) демографическому спаду. Этнодемографическая статистика отражает и устойчивое воспроизводство этнокультурной идентичности большинства тюркоязычных народов современной России. Суммарная численность находящихся на территории страны их представителей составила при этом 12,6 млн человек (т. е. за 1989 – 2010 гг. выросла на 8,6 %); наибольший вклад в подобную поступательную динамику (частично обеспечившую стабилизацию численности населения Российской Федерации) внесли азербайджанцы (рост численности на 247 тыс. чел.), башкиры (239 тыс.) и кумыки (226 тыс.).

В пространстве современной России («москвоцентричном», регионально стратифицированном, с существенными социально-экономическими градиентами и контрастами [8]) тюркские народы характеризуются компактно-дисперсной локализацией. Большая часть их представителей (58,5 % по данным последней переписи) сконцентрирована в 11 национальных республиках (субъектах Федерации), в 10 из которых «титულიность» соответствующего тюркского этноса акцентирована самим названием. С марта 2014 г. Россия пополнилась ещё одним регионом с существенной долей в населении «тюркской составляющей» – Республикой Крым (табл. 2).

Таблица 2.

Основные регионы локализации представителей тюркоязычных этносов в Российской Федерации*

Регион	Удельный вес региона в суммарной численности представителей всех тюркоязычных этносов в РФ, %	Удельный вес в населении региона представителей тюркоязычных этносов, %	Удельный вес представителей «титульного» этноса, проживающих в регионе, к общей численности данного этноса в РФ, %	Душевой ВВП в регионе к среднему по РФ**	Среднедушевые доходы населения в регионе к аналогичному показателю по РФ***
Республика Башкортостан	17,5	54,3	74,0	0,73	0,92
Республика Татарстан	17,2	57,2	37,9	1,07	1,06
Чувашская Республика	6,8	68,0	56,7	0,46	0,58
Республика Дагестан (кумыки)	4,8	21	86	0,42	0,92
Республика Саха (Якутия)	3,9	51,3	97,5	1,77	1,27
Республика Бурятия	2,4	30,9	62,0	0,47	0,82

Республика Крым	2,3	15,0	98,0	0,30	0,59
Республика Тува	2,0	82,1	95,1	0,34	0,46
Карачаево-Черкесская Республика	1,7	44,6	89,0	0,33	0,55
Кабардино-Балкарская Республика	0,9	13,3	97,3	0,33	0,64
Республика Алтай	0,66	40,3	93,2	0,44	0,58
Республика Хакасия	0,6	13,9	87,7	0,72	0,69

* Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г, а также по данным Росстата

** данные Росстата за 2015 г.

*** данные Росстата за 2016 г.

В настоящее время на данную группу регионов приходится 23,9 % территории Российской Федерации, 12,6 % её населения и 8,6 % совокупного валового регионального продукта (ВРП). Характерно также, что все (за исключением Татарстана) «тюркские» регионы РФ концентрируют подавляющую часть «своего» этноса; лишь в пяти субъектах Федерации (Татарстане, Башкортостане, Чувашии, Якутии и Туве) в этнической структуре населения «тюркская составляющая» численно превалирует; только два региона (Татарстан и Якутия) характеризуются вышесредним по России уровнем хозяйственного развития (для социально-экономического благополучия остальных территорий существенное значение имеют различного рода межтерриториальные финансовые трансферты, в том числе и связанные с трудовыми миграциями, рекреационными потоками, бюджетной поддержкой).

За пределами данной совокупности территорий (выступающих своего рода «каркасом» тюркского этногенеза в России) достаточно крупные контингенты представителей тюркоязычных этносов на постоянной основе присутствуют в Москве и Московской области (3,5 % всего тюркского населения РФ), Астраханской области (1,7 %), а также в Санкт-Петербурге (0,7 %). В любом регионе России при этом представлен тюркский этнический компонент, выступающий, в итоге, как повсеместный, значимый, динамичный (в том числе и в связи с интенсивно развивающимися диаспорами из стран СНГ), плотно инкорпорированный в систему межрегиональных взаимодействий, федеративных и межгосударственных отношений.

Разумеется, в сопоставлении с СССР (в его структуре доля этнических русских составляла 50,8 %) современная Россия в целом существенно более однородна по этническому составу. Однако с учётом всей истории соразвития российских этносов, их современной локализации и специфики федеративного устройства страны Российскую Федерацию не следует воспринимать исключительно как мононациональное государство, тем более учитывая, что удельный вес русских в населении стабильно сокращается: в 1989 г. – 81,5 %, в 2002 – 79,8 %; в 2010 – 78 %. Рост полиэтничности России в этом контексте

обретает черты долгосрочной тенденции, географически проявляясь в сложной чересполосице моноэтнических (и моноконфессиональных) и полиэтнических территорий, росте и «укоренении» иноэтнических диаспор, наличии обширных этноконтактных зон и разномасштабных ареалов с интенсивной трансформацией этнодемографической структуры. Этнодемографические изменения проецируются на этнокультурную ситуацию, определяют её перспективу, предугаданную, в частности, почти полтора столетия тому назад И. Гаспринским, полагавшим, что «...в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что... нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы» [9, с. 17].

Что же касается собственно тюркских этносов (как автохтонных, с месторазвитием на территории РФ, так и приуроченных в своей основе к иным составляющим евразийского пространства), то они являют собой не только одну из базовых составляющих этнодемографической, этнокультурной «палитры» России, но и фактор её этнополитической и политико-территориальной стабильности, социально-демографического и хозяйственного развития, а также один из приоритетных «скрепов», коммуникационных каналов во взаимоотношениях с другими сопредельными тюркскими государствами. Миграционное «поведение» населения этих стран, их геоэкономическое положение, геополитическая позиция, равно как и геокультурная специфика – уже в ближайшей перспективе станут оказывать всё возрастающее влияние на характер этнокультурного диалога во многих регионах и субрегионах России, определяя приоритетность в нём русско-тюркского межэтнического взаимодействия, а также соразвития конфессиональных систем Православия и Ислама. Симптоматична (и отрадна!) в этой связи позиция Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, высказанная 21.07.2016 во время его посещения Татарстана, что «сегодня существуют очень сильные предпосылки, глобальные, не только национальные, к развитию отношений между православными и исламом. Мы принадлежим к одной восточной культуре...» [10].

Российская Федерация и тюркоязычные государства постсоветского пространства: пути интеграции в многополюсной «Большой Евразии»

После 1991 года (в связи с появлением на политической карте мира в качестве суверенных стран Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, а также Узбекистана) русско-тюркское взаимодействие в существенной мере обретает международную, транснациональную, трансграничную проекцию. Взаимозависимость Российской Федерации и возникших на её южных рубежах тюркских государств, казалось бы, временами, отчасти ослабевая (благодаря иссякающей геоисторической инерции СССР, геополитической и геоэкономической активности «третьих сил», гипертрафированной «вестернизированности» самой России, равно как и стремлению её партнёров по СНГ к выстраиванию многовекторных взаимодействий), при этом неизменно обретала (и продолжает обретать) новые стимулы, форматы и импульсы.

В постсоветский период на фоне практически всеобщей деиндустриализации «сырьевой крен» стал реальностью не только российской экономики, но и хозяйственных комплексов Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, оказавшихся де-факто конкурентами на глобальном рынке энергоносителей и одновременно резко сократившими масштаб взаимного внешнеэкономического партнёрства. Симптоматично, что даже сейчас, в ситуации уже трёхлетнего

действия механизмов ЕАЭС и декларирования «разворота» России на Восток, удельный вес пяти тюркоязычных государств СНГ в структуре внешнеторгового оборота Российской Федерации за январь–ноябрь 2017 г. (по данным Федеральной таможенной службы РФ) не превышает 4,4 % (3 % приходится на долю Казахстана). Одновременно рельефно проявилась внешнеторговая сопряжённость южных соседей России (в первую очередь – Туркменистана) с Турцией и Китаем на фоне общей диверсификации (наиболее заметной для Азербайджана) международных торговых контактов (табл. 3).

Таблица 3.

Удельный вес сопредельных «центров силы» во внешней торговле ряда тюркских государств Центральной Азии, 2015 г., %*

	Доля в совокупном импорте страны, приходящаяся на				Доля в совокупном экспорте, приходящаяся на			
	Россию	Турцию	Китай	Иран	Россию	Турцию	Китай	Иран
Азербайджан	15,6	12,7	5,6	0,1	3,6	3,7	0,3	1,2
Казахстан	34,4	2,4	16,6	0,2	5,4	1,5	6,4	0,6
Киргизия	32,1	4,1	26,1	0,1	9,5	5,1	2,1	0,1
Туркменистан	14,8	32,7	14,4	0,0	0,7	5,6	78,8	0,0
Узбекистан	21,7	4,8	21,9	0,0	9,4	11,6	20,7	0,0

* Составлено автором по: <http://www.trademap.org/tradestat/Index.aspx>

Впрочем и в данном геоэкономическом контексте «историческая колея» межэтнического взаимодействия сохранила свою силу, обретая новую, значимую как для России, так и для подавляющей части тюркоязычных государств ипостась. Наблюдавшийся в России в «нулевые» годы пролонгированный экономический рост (за 2000–2013 гг. согласно статистике Всемирного банка ВВП страны по официальному обменному курсу вырос в 8,1 раза при среднемировом росте в 2,3) и резко проявившие к этому времени на постсоветском пространстве центро-периферийные градиенты привели к масштабному развитию транснациональных трудовых миграций («отходничества») в Россию. «Пик» этого явления пришёлся, безусловно, на 2013 год, когда на территории РФ только на официальных основаниях находилось 2,2 млн трудовых мигрантов (1,7 млн – представители постсоветских тюркоязычных государств, в том числе 1,07 млн – из Узбекистана [11]); масштаб же нелегальной трудовой миграции оценивался в 10 млн человек (характерно, что если в 1996 г. доля трудовых мигрантов из Центральной Азии в общем количестве иностранных трудовых мигрантов составляла лишь 6 %, то к 2013 г. – более 75 % [12]).

Динамику и финансовый эффект от «отходничества» наглядно (хотя и не полномасштабно) отражает ведомая Центральным банком России статистика сальдо трансграничных переводов физических лиц (табл. 4).

В последние два-три года возможность эффективного трудоустройства (ведения бизнеса) в России (значимая для Узбекистана, Азербайджана и, особенно, Кыргызстана, где, в частности, поступления от «отходничества» эквивалентны 20 % от всего ВВП страны) существенно лимитирована кризисом и динамикой валютных курсов. В перспективе трудовые миграции продолжают иметь место, сохраняя своё значение социально-экономического «амортизатора» для большинства государств Центральной Азии (в том числе и Узбекистана, демонстрирующего ныне сопоставимые с китайскими темпы экономического роста). Под их влиянием будут и далее прирастать диаспоры в крупнейших

городских центрах России, обеспечивая не только необходимый для неё баланс на рынках труда, но и воспроизводя приоритетную составляющую межстрановой взаимозависимости.

Таблица 4.

**Трансграничные переводы физических лиц из России (-)
и в Россию (+), млн долл. США***

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Узбекистан	- 5253	- 6100	- 4978	- 2548	- 2442
Кыргызстан	- 1577	- 1694	- 1637	- 1061	- 1415
Азербайджан	- 1003	- 1093	- 879	- 569	- 566
Туркменистан	- 3	+ 8	+ 44	+ 96	+ 46
Казахстан	+ 647	+ 680	+ 810	+1082	+ 616

* Составлено по данным Центрального банка России

Имевшее место в 2014 г. падение нефтяных котировок, приведшее к существенному снижению ВВП стран – энергоэкспортеров (наиболее сильно кризис ударил по России и Азербайджану; за 2015 год ВВП в них сократился соответственно в 1,51 и 1,42 раза) чётко обозначило необходимость формирования консолидированной позиции двух государств (а также Казахстана, Туркменистана, Узбекистана) на глобальных рынках нефти и природного газа.

Достигнутый военно-политический успех в Сирийской Республике не только повысил конкурентоспособность Российской Федерации на рынке вооружений (из тюркских государств расходы на оборону наиболее существенны в Турции и Азербайджане), но продемонстрировал её реальную готовность выступать гарантом геостратегической стабильности в Центральной Азии и в регионе Прикаспия, повысив, тем самым, ценность интеграционного формата ОДКБ.

Присущий тюркским государствам демографический и экономический рост в условиях наблюдаемых природно-климатических изменений многократно актуализирует и традиционную для этих территорий (характеризуемых как этнической «чересполосицей» [13], так множественными конфликтами в сфере природопользования [14]) проблему устойчивого водообеспечения; их суммарная обеспеченность возобновляемыми водными ресурсами при этом на порядок уступает аналогичному показателю по России, предопределяя ещё один аспект долгосрочной евразийской интеграционной повестки.

Совместной для государств Центральной Азии, Азербайджана и соседствующих с ними регионов России (включая «тюркские») приоритетной задачей выступает и частичное преодоление (за счёт, прежде всего, развития сети магистральных железных и автодорог широтного и меридианального направления [15]) барьеров хозяйственного развития, порождённых особенностями внутриконтинентального положения. Определённые возможности для этого связаны не только с последовательными продуктивными (что симптоматично отмечают ведущие зарубежные эксперты [16]) усилиями Российской Федерации по развитию геоэкономически значимой для неё транспортно-логистической инфраструктуры, но и с возрастающей евразийской активностью Китая («Один пояс и один путь» [17]), а также с достаточно реальной в современном

геополитическом контексте перспективной реализации проекта МТК «Север–Юг» из российского Прикаспия через Азербайджан и далее – на Иран. Как справедливо отмечает казахский географ Шарипжан Надыров, Россия «хотела бы сохранить свое традиционное влияние в регионе за счет равноправного сотрудничества и добровольного восстановления политических и экономических связей на взаимовыгодной основе, для чего есть все основания» [18, с. 71].

Россия и Турецкая Республика: приоритеты и потенциал евразийского партнёрства

Из ныне существующих тюркоязычных государств Турецкая Республика и демографически, и экономически, и в военно-политическом отношении – наиболее мощное, обладающее внушительными (в особой мере проявившимися в постсоветский период) геополитическими и геоэкономическими амбициями, имеющими чётко выраженный (ещё со времен Мустафы Кемаля [19]) евразийский вектор.

В продолжительной (вмещающей более пяти столетий) ретроспективе российско-турецкого взаимодействия последняя четверть века – период особый, максимально насыщенный разномасштабными геоэкономическими и геополитическими событиями, характеризуемый трендовым «сближением» двух государств (испытывающих сложные внутренние метаморфозы, пребывающих в перманентном поиске достойного места в стремительно меняющемся мире) на фоне как аспектной, «пульсирующей» регионально сфокусированной активизации их бывшего соперничества в обширном евразийском ареале, так и попыток (в том числе реализованных, удачных) выстраивания форматов двухстороннего стратегического сотрудничества. Основным его мотивом, фундаментом и «скрепом» (как это многократно акцентировано и российскими [20; 21; 22], и турецкими [23; 24] аналитиками) выступает при этом экономика, прагматичные хозяйственные, в первую очередь торговые интересы.

Охвативший в 1990-е годы Россию и остальные постсоветские государства трансформационный спад в считанные годы «усилил» Турцию (табл. 5), позволил ей, выстроив собственные форматы взаимодействия (в том числе и с тюркоязычными государствами, а также с соответствующими регионами Российской Федерации), обрести статус значимой региональной державы.

Таблица 5.

Соотношение ВВП (по официальному обменному курсу) Турции, России и «тюркских» новых независимых государств (ВВП Турции = 100)*

	1990 г.	2000 г.	2008 г.	2013 г.	2015 г.
Турция	100	100	100	100	100
Россия	345	96	217	235	159
Азербайджан	6	2	6	8	6
Казахстан	18	7	17	25	21
Киргизия	2	1	1	1	1
Туркмения	2	1	2	4	4
Узбекистан	9	5	4	6	8

* Составлено автором по данным Всемирного банка

(<http://www5.worldbank.org/eca/russian/data/>)

Пришедшееся на «нулевые» годы одновременное наращивание экономического потенциала и России, и Турции (создававшее предпосылки для межгосударственной интеграции в условиях взаимной комплиментарности двух

стран общему формату реализуемого Западом глобалистского проекта) имело место в условиях последовательного смещения геоэкономического и геодемографического потенциала на восток, юг и юго-восток Евразии [25]. Опережающими (в сопоставлении со среднемировыми) темпами прирастала (обретая внешнеторговую многовекторность, проявляя всё больший интерес к странам Закавказья, Ближнего Востока, Центральной Азии) и турецкая экономика. На этом фоне уже с 2007 года турецкие политики и стратеги стали позиционировать свою страну как региональную державу, способную влиять на мировую политику [23]. Одновременно в базовых установках турецкого государства происходила смена националистической ориентации на исламистскую [26]; во внешней же политике Турецкой Республики при этом проявился явственный неосманистский тренд (наиболее рельефно – с приходом во власть А. Давутоглу). С рубежа 2007–2008 гг. обозначилось и противоречие (далее лишь нарастающее) во взаимоотношениях Запада и России, приступившей к воссозданию собственной геоэкономической и геополитической конструкции [27]. Новые геополитические и геоэкономические реалии (нарастание геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резкое обострение глобальной конкуренции и неизбежный в этих условиях переход к многополярности [28]), а также внутренние политические и социально-экономические процессы предопределили вступление (с 2008 г.) двух стран в полосу пролонгированной турбулентности в своих взаимоотношениях.

Современные (с лета 2016 г.) отношения России и Турции – постконфронтационны и это означает, что наряду с позитивными устремлениями и ожиданиями в них в существенно большей (чем двумя годами ранее) мере присутствуют различного рода проблемные моменты и риски, подкрепляемые реанимированными страхами, мифами, образами «врага». Возрождаемые с ориентацией на опыт постсоветских десятилетий и достигнутые параметры сотрудничества («образца» 2008 года, позитивно «пикового» в плане оборота взаимной торговли, достигшей в тот период рекордных 38 млрд долларов США, или, например, 2013 г., когда Турцию посетило почти 4,5 млн российских туристов), эти отношения отличает ныне большая (чем в периоды, предшествующие ноябрю–декабрю 2015 г.) дистанцированность, неопределённость. Весьма неустойчив их геополитический контекст (симптоматично, что в актуальной версии «Концепции внешней политики Российской Федерации» [29] видение Турции совершенно не прояснено), а гуманитарный «скреп» (за исключением немногочисленных межнациональных браков да спорадических контактов в туристско-рекреационной сфере) так до сих пор и не создан.

Определённый потенциал воспроизводства демонстрируемого ранее уровня экономического партнёрства двух стран связан, прежде всего, с реализацией масштабного газотранспортного проекта «Турецкий поток». В 2016 г. «Газпром» (единственный российский поставщик природного газа в Турцию, занимающий чуть более 50 % соответствующего рынка этой страны) поставил турецким потребителям 27 млрд м³ голубого топлива, что эквивалентно (с учётом действующих цен) порядка 5 млрд долл. США, или около трети стоимостного объёма всего российского экспорта в Турцию. Ввод в эксплуатацию только первой ветки «Турецкого потока» (мощностью 15,75 млрд м³ в год) позволит перенаправить по ней весь объём газа, транспортируемого в настоящее время через

территорию Украины и, при этом, немного (на 10–12 %) увеличить экспортные возможности России. При ином геополитическом сценарии (сохранении «украинского маршрута») возникает вероятность существенного (в 1,5 раза) роста поставки, де-факто превращающего Турецкую Республику (в 2016 г. на неё пришлось 6,3 % объёма реализации «Газпрома», или 4,9 % всего добываемого в Российской Федерации природного газа) не только в важнейший (после Германии) зарубежный энергетический рынок, но и в плотно имплантированную в геоэкономические интересы России транзитную державу.

Если же учесть перспективу «многовекторности» энергетической (и не только) политики Турции, то геоэкономическая российско-турецкая взаимозависимость в средне- и долгосрочном временных горизонтах, в итоге, не только может возрасти (что, учитывая общеевразийские процессы видится позитивом), но и способна обрести более асимметричный (в пользу Турецкой Республики) формат. Фоном для этого явится дальнейшее трендовое выравнивание демографической и экономической «массы» двух стран, дополняемое пролонгированным военно-стратегическим балансом (основывающимся на ядерном потенциале России и принадлежности Турции к НАТО), сводящим к «нулю» вероятность любого рода попыток задействования «фактора силы» в двухсторонних отношениях и, тем самым, как бы «программируя» их на более конструктивные сценарии, ориентирующиеся на использование возможностей геостратегического соседства и частичной дополняемости экономик. Опираясь на выстроенные (и формируемые) экономические «скрепы», а также наработанные за постсоветский период форматы взаимодействия в рамках Тюркского мира, российско-турецкий геостратегический диалог должен, в этой связи, заключать в себе возможность конструирования каждой из двух сторон собственной евразийской стратегии на малоконфликтной основе, используя практику необходимых компромиссов (уже наработанную в сирийском конфликте), с учётом взаимных интересов и договорённостей.

Выводы

Осуществляя стратегически значимый, необходимый (и практически неизбежный) «разворот на Восток» и продвигая интеграционную общеевразийскую повестку, Россия всё явственнее должна ощущать и позиционировать себя как государство – с весомой тюркской этнодемографической, этнокультурной составляющей, что требует смещения акцентов в её как внешней, так и внутренней (в том числе региональной) политике.

«Евразийская целостность» (как антитеза навязывания обширнейшим пространствам Евразии конфронтационных сценариев), возрождаемая в новом (существенно изменившимся за истекшую четверть века) геополитическом, геоэкономическом и геодемографическом контексте, способна базироваться не только на использовании потенциала взаимодополняемости экономик России и других тюркских государств, но и на активизации общегуманитарных (в том числе и научно-образовательных) аспектов их сотрудничества, позволяющих подкрепить выстраиваемые хозяйственные контакты столь необходимым ростом комплементарности национальных культур, чёткой фиксацией в массовом сознании позитива углубления стратегического сотрудничества.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему “горизонтальных” межрегиональных экономических связей в контексте формирования “Большой Евразии”».

Литература

1. Ильин И. А. О России. Три речи. 1926–1933. София: Изд-во «За Россию»1934. 78 с.
2. Савицкий П. Н. Континент-Океан (Россия и мировой рынок) / Континент-Евразия. М.: Аграф. 1997. С. 398–418.
3. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Мысль. 1989. 347 с.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
5. Әхмәтзәки Вәлиди Туған. Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө. Китап, 1994.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н. А. Троицкого. т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1.
8. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.
9. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.
10. Патриарх объяснил преимущества России общей моралью православных и мусульман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/519793>
11. Ткаченко А. А. Иммиграция в Россию: новые тенденции XXI века // Мир новой экономики. 2014. № 3. С. 32-40.
12. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Трудовые иммиграции в России: динамика и возможные последствия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 1 (123). С. 91–100.
13. Федорко В. Н. Некоторые этногеографические аспекты населения сопредельных с Узбекистаном стран Центральной Азии // Ўзбекистон География жамияти ахбороти, 52-жилд. Илмий журнал. – Тошкент, 2018 йил. б. 54–69.
14. Казахстан в системе новейших геополитических и региональных трансформаций в Центральной Азии / Под ред. Ш. М. Надырова. Алматы: Мир. 2014. 180 с.
15. Безруков Л. А. Транссиб и Шелковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие//ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2016, № 7. С. 21–36.
16. Radvanyi J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe...// Hérodote. Géopolitique de la Russie, 2017. N° 166–167. Pp. 113–132.

17. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (Аналитический доклад). Москва, Научный эксперт, 2016. 84 с.
18. Надыров Ш. М. Теория и практика нового Экономического пояса Шёлкового пути // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017 (6). С. 64-73.
19. Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126.
20. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
21. Дружинин А. Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 5–12
22. Стегний П. Вдвоём на хартленде // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 109–118
23. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и России // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8. № 1. С. 60–70
24. Туран И. Турция на подъёме // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 5. С. 124–138.
25. Дружинин А. Г., Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО, 2017, № 6, С. 24–38.
26. Надеин-Раевский В. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.
27. Druzhinin A. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // Quaestiones Geographicae, 2016, 35(3), 31–39.
28. «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>.
29. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Druzhinin A. G.

***Eurasian Vector in the Development of
Modern Russia: Turkic Aspect***

North-Caucasus research Institute of economic and social problems, Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don
e-mail: alexdr9@mail.ru

Abstract. *The article accents the centuries-old correlations between Russia and Turkic world in the process of their spatial development. The author characterizes the specific positioning way of the regions with a large share of Turkic ethnic component in contemporary Russian Federation. There given the evidence for the necessity of deepening partnership between Russia and Turkic states in different integration formats.*

Key words: *social geography, spatial development, Russia, Turkic ethnic groups, Turkic states, Eurasian integration, "Greater Eurasia"*

References

1. П'ин И. А. О России. Три реки. 1926-1933. София. Изд-во «За Россию»1934. 78 с. (in Russian).
2. Savickij P. N. Kontinent-Okean (Rossiya i mirovoj rynek) / Kontinent-Evraziya. M.: Agraf. 1997 S. 398-418.(in Russian).
3. Solov'ev S. M. Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 2. M.: Mysl'. 1989. 347 s. (in Russian).
4. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'. M.: Mysl', 1989. 497 s. (in Russian).
5. Əhmətzəki Vəlidı Turan. Bashkorttarзун тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө. Kitap, 1994.
6. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 g. Pod red. N. A. Trojnickogo. t.II. Obshchij svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj Vseobshchej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 goda. S.-Peterburg, 1905. Tablica XIII. Raspreделение naseleniya po rodnomu yazyku. (in Russian).
7. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Nacional'nyj sostav naseleniya po respublikam SSSR. [Electronic resource]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1 (data dostupa - 25.01.2018) (in Russian).
8. Prostranstvo sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiya (razmyshleniya geografov-obshchestvovedov) / Otv. red. A. G. Druzhinin, V. A. Kolosov, V. E. SHuvalov. Moskva: Izd-vo «Vuzovskaya kniga», 2012. 336 s. (in Russian).
9. Gasprinskij I. Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya. Simferopol', 1881. (in Russian).
10. Patriarh ob"yasnil preimushchestva Rossii obshchej moral'yu pravoslavnyh i musul'man [Electronic resource]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/519793> (in Russian).
11. Tkachenko A. A. Immigraciya v Rossiyu: novye tendencii XXI veka // Mir novoj ehkonomiki. 2014. № 3. S. 32-40 (in Russian).
12. Rybakovskij L. L., Kozhevnikova N. I. Trudovye immigracii v Rossii: dinamika i vozmozhnye posledstviya // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2015.№ 1 (123). S. 91-100.(in Russian).
13. Fedorko V. N. Nekotorye ehtnogeograficheskie aspekty naseleniya sopredel'nyh s Uzbekistanom stran Central'noj Azii // Ўzbekiston Geografiya zhamiyati ahboroti, 52-zhild. Ilmij zhurnal. - Toshkent, 2018 jil. b. 54-69. (in Russian).
14. Kazahstan v sisteme novejsih geopoliticheskikh i regional'nyh transformacij v Central'noj Azii / Pod red. SH.M. Nadyrova. Almaty: Mir. 2014. 180 s.(in Russian).
15. Bezrukov L.A. Transsib i SHelkovyj put': global'naya infrastruktura i regional'noe razvitie//EHKO: Vserossijskij ehkonomicheskij zhurnal. 2016, №7. S. 21–36. (in Russian).
16. Radvanyi J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe...// Hérodote. Géopolitique de la Russie, 2017 N° 166-167 pp. 113-132.
17. Kitajskij global'nyj proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (Analiticheskij doklad). Moskva, Nauchnyj ehkspert, 2016. 84 s. (in Russian).

18. Nadyrov S.H.M. Teoriya i praktika novogo Ekonomicheskogo poyasa SHyolkovogo puti // Social'no-ehkonomicheskaya geografiya. Vestnik ARGO. 2017 (6). S. 64-73. (in Russian).
19. Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126
20. Druzhinin A. G. Rossiya v mnogopolyusnoj Evrazii: vzglyad geografa-obshchestvoveda. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 228 s. (in Russian).
21. Druzhinin A. G. Rossijsko-tureckie otnosheniya v postsovetskom evrazijskom kontekste: ehkonomicheskie faktory, trendy, perspektivy // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2017. № 4. S.5-12. (in Russian).
22. Stegnij P. Vdvoyom na hartlende // Rossiya v global'noj politike. 2015. T. 13. № 1. S. 109-118. (in Russian).
23. Davutoglu A. Vneshnyaya politika Turcii i Rossii // Rossiya v global'noj politike. 2010. T. 8. № 1. S. 60-70. (in Russian).
24. Turan I. Turciya na pod"yome // Rossiya v global'noj politike. 2011. T. 9. № 5. S. 124-138. (in Russian).
25. Druzhinin A. G. Geoehkonomicheskie vzaimozavisimosti i geopoliticheskie al'yansy v sovremennom evrazijskom prostranstve // Social'no-ehkonomicheskaya geografiya. Vestnik ARGO, 2017, № 6, S.24-38. (in Russian).
26. Nadein-Raevskij V. Vneshnyaya politika Turcii: vetry peremen // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. № 2. S. 84-92. (in Russian).
27. Druzhinin A. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // Quaestiones Geographicae, 2016, 35(3), 31–39
28. «Strategiya ehkonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. № 208 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (in Russian).
29. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V.Putiny 30 noyabrya 2016 g.) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.08.2018 г.

УДК 911.3

Демидова Е. Е.

**«Девииантное» страноведение:
постановка проблемы, примеры
исследований**

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва
e-mail: geoscandi@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен подход к общественным девиациям как важным «проблемно-страноведческим» характеристикам. Рассматриваются традиционные концепции отечественной школы научного страноведения (комплексное страноведение Н. Н. Баранского и проблемное страноведение В. М. Гохмана и Я. Г. Машибица); обозначается специфика современного страноведения в условиях высокого уровня информатизации. В рамках проблемно-ориентированного подхода предлагается рассмотрение особенностей «девиантного портрета» стран и регионов. На примере Австралии демонстрируется, насколько изучение общественных девиаций в контексте научного страноведения корректирует традиционный взгляд на особенности развития страны.

Ключевые слова: комплексное страноведение, проблемное страноведение, девиантные общественные явления, негативные девиации, социальные аддикции, Австралия.

Введение

В системе географических наук особое место занимает страноведение. Сложно найти иное направление географической мысли, которое было бы сопряжено с таким количеством «открытых», дискуссионных вопросов. Для одних страноведение – это вчерашний день географии, относящийся к самому романтическому периоду ее истории – открытию новых земель, и закончившийся вместе с исчезновением «белых пятен» на карте мира. Для других – это сама «соль» географии, высший синтез географических и смежных наук при изучении территории. На одном «полюсе» понимания страноведению отказывают даже в статусе научной дисциплины, называя его лишь формой компиляции физико-географической, социальной, экономической информации, на другом – отводят ключевую роль в географии, называя страноведение ядром географических знаний или, как образно высказывался основатель отечественной школы научного страноведения Н. Н. Баранский, «куполом» над географией.

В XXI веке научное страноведение сталкивается с новыми вызовами, одним из которых является сверхинформирование, обуславливающее фактологическую перегруженность научных исследований в ущерб качественным суждениям. И здесь важную роль играет смещение фокуса комплексного страноведения в сторону проблемно-ориентированного подхода. Среди множества проблем общественного развития особый интерес для социогеографов представляют общественные девиации как важнейшие индикаторы состояния общества.

Материалы и методы

Само понятие страноведение в буквальном значении ведение, знание страны, помимо восточнославянских языков (кроме русского, это украинское «країнознавство», белорусское «краіназнаўства»), существует лишь в немецком языке («Landeskunde») [1, с. 245]. Примечательно, что именно немецкая школа «описательного государственоведения» или, иными словами, «камеральной статистики» (от немецкого «Kammer» – дом) германских университетов XVII–XVIII вв. стала истоком современного, в том числе и отечественного, страноведения. В отличие от периода Великих географических открытий, когда страноведение отождествлялось с географией в целом и являлось источником получения разнообразных сведений об условиях и особенностях развития далеких и близких стран (их природе, народонаселении, культуре и т. д.), камеральная статистика служила, в первую очередь, административным целям – управлению государством¹. И несмотря на многовековую историю развития страноведческой мысли, отраженной, в том числе, и в существовании различных научных течений (комплексного, проблемного, эволюционного и др.), страноведение, зачастую, по сей день воспринимается как некий «паспорт» страны, куда в обязательном порядке должны быть вписаны ее основные формальные характеристики: площадь территории, административно-территориальное деление, численность населения, объем и отраслевая структура ВВП и другие многочисленные данные.

При этом, если исходить из понимания страноведения как дисциплины, занимающейся комплексным изучением территорий, систематизирующей и обобщающей разнородные данные о природе, населении, хозяйстве, культуре, особенностях исторического развития и др., подобный «паспортный» подход несостоятелен. Он не отвечает главному требованию – созданию единой характеристики страны (региона, района), отражающей сложную внутреннюю структуру и систему взаимосвязей слагающих ее компонентов. Перегруженность разнородным фактическим материалом, без попытки объяснить внутреннюю логику страны, стала настоящим бичом современной информационной эпохи.

Проблема «описания без объяснения» данных отнюдь не нова. Еще в 1920-е годы Н. Н. Баранский, вступая в научную дискуссию с приверженцами господствующей в то время отраслево-статистической школы В. Э. Дена, называл географические тексты, переполненные фактами и цифрами, «кашей с гвоздями», а впоследствии – «тяжелым кошмаром». Уже в 1990-е годы выдающийся экономико-географ, один из теоретиков страноведения Н. С. Мироненко описывал подобную ситуацию с помощью не менее ярких метафор: когда в страноведческих исследованиях много деталей, исследователь «теряет лес за отдельными деревьями» и «пристывает к изучению отдельных листьев», что «затемняет общую картину строения страны» [2].

Но поистине гигантских масштабов фактологическая перегруженность достигла в наше время в связи с широким распространением Интернета и разнообразных электронных устройств. Информации стало пугающе много, она оказалась общедоступна. Ответом на этот вызов информатизации стала так

¹ Так, учащиеся университетов, намеревающиеся посвятить себя государственной службе, должны были заучивать многочисленные сведения о странах и городах.

называемая *клиповая культура*², в том числе и научная. А в случае страноведения можно говорить о распространении «клипового страноведения». Его особенностью стало фрагментарно-мозаичное несистемное представление о стране при наличии огромного массива первичной фактологической информации. И в этой ситуации свое второе рождение переживает проблемное (проблемно-ориентированное) страноведение.

Идея «проблемного страноведения» была предложена в 1970-е годы яркими представителями научной школы Института географии Академии наук СССР В. М. Гохманом и Я. Г. Машбицем как дополнение к описательному страноведению. Суть данной концепции заключалась в «переходе от универсальных и всеохватных покомпонентных характеристик к анализу ключевых и специфических проблем территории. Прежде всего тех из них, которые определяют наиболее важные стороны природопользования, социально-экономического и этнокультурного развития. В таких характеристиках более выразительно представлен облик территорий» [2, с. 71]. Подобный подход смог не только изменить фабулу традиционного страноведения своего времени, но и, спустя почти полвека, дать современным исследователям действенный инструмент для проведения страноведческих исследований в условиях сверхинформирования и стать настоящим спасательным кругом для тонущих в информационном море.

Важно отметить, что в трактовке авторов концепции термины «проблема», «проблемный» не имеют только лишь негативную окраску, а исходят из философского понимания проблемы как объективно возникающего в ходе развития познания вопроса (комплекса вопросов), решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес. Именно поэтому проблемное страноведение не ограничивается описанием только лишь трудностей развития территории, хотя, безусловно, и не исключает их.

Таким образом, как указывают авторы концепции, ключевые вопросы (проблемы) могут быть рассмотрены с позиций: 1) масштаба «проблемности», т. е. охвата стран (от проблем, имеющих важное значение при изучении практически всех стран и регионов до преимущественно индивидуальных); 2) тематики «проблемности» (характер ресурсообеспеченности и природопользования; особенности освоения территории; особенности народонаселения, этапы формирования и своеобразие хозяйственной специализации и др.).

Среди широкого спектра вопросов, которые актуальны для всех без исключения стран мира, независимо от уровня их социально-экономического развития, и оказывают непосредственное воздействие на все аспекты жизни общества, но при этом редко становятся предметом изучения географов, следует выделить общественные девиации.

² Клиповая культура – русскоязычный вариант англоязычного термина «blip culture» (англ. blip – изображение на экране радара), впервые предложенного американским социологом, футурологом Элвином Тоффлером (Alvin Toffler) для обозначения культуры информационного общества, имеющей дело с большим массивом «блипов» информации (коротких сообщений, команд, заголовков и т. п.), которые не поддаются классификации и не образуют систему. В отечественной науке философом Ф. И. Гиренком предложена и разработана концепция клипового общественного сознания, отражением которой становится клиповая культура.

Результаты и обсуждение

Страна сквозь призму общественных девиаций

Понятие «девиация» (от латинского «*deviatio*» – отклонение) в самом общем смысле означает отклонение от нормы. Понятие девиации как отклонения встречается в ряде научных и технических дисциплин. В системе социологических наук под **девиациями** понимаются некие *устойчивые во времени и пространстве социально-значимые общественные явления, не соответствующие сложившимся в данном обществе нормам (ожиданиям)*. К их числу традиционно относят негативные социальные явления, такие как:

- преступность, включая преступления против личности (преднамеренное убийство, нанесение телесных повреждений, торговля людьми, человеческими органами, похищение людей, захват заложников), общественного порядка, чести и достоинства граждан, имущественные преступления (кражи, разбои, грабежи), экологические преступления;
- суицид (самоубийство);
- коррупция (в т. ч. взяточничество, присвоение, растрата);
- терроризм, похищение людей, захват заложников;
- наркотизм³, социальные аддикции⁴ (наркомания, алкоголизм, игромания (гемблинг)) [3].

Отдельного упоминания требует такой тип общественных девиаций, как организованная преступность, которая включает в себя целый комплекс девиантных проявлений.

Изучение девиаций и девиантности в страноведении позволяет сменить фокус традиционного взгляда на страну, по-другому взглянуть на, казалось бы, устоявшиеся и ставшие классическими характеристики стран.

Case-study. Страноведение Австралии

В общественном сознании сложился устойчивый образ Австралии как позитивного, солнечного «Зеленого континента» – одной из наиболее высокоразвитых, успешных и счастливых стран мира. Действительно, Австралия обладает внушительных размеров территорией (по площади которой занимает 6-е место в мире), богатой разнообразными природными ресурсами (в первую очередь, топливными (каменный уголь, нефть и природный газ) и рудными (железные, урановые, свинцовые, медные руды, бокситы, золото и др.)).

Как страна так называемого переселенческого капитализма, Австралия, «перемахнув» феодальный период, вместе с колонизацией получила весьма мощный импульс для последующего развития, а природные богатства позволили укрепить экономическое положение не только на уровне Тихоокеанского региона, но и на международной арене. Современная Австралия – это высокоразвитая постиндустриальная страна, с мощной индустриально-аграрной базой и активно развивающимися передовыми отраслями производственного (электроника,

³ Наркотизм – сложное социальное явление, включающее комплекс явлений и процессов, связанных с изготовлением, транспортировкой, хранением, распространением наркотиков и, собственно, зависимостью от них (наркоманией).

⁴ Аддикция – от англ. *addiction*, зависимость, пагубная привычка.

информационные и телекоммуникационные технологии, биотехнологии) и непроизводственного секторов.

По общему объему ВВП Австралия традиционно входит в 20-ку самых богатых стран мира (1,3 трлн долл. США⁵). По уровню ВВП на душу населения относится к наиболее обеспеченным странам (49,9 тыс. долл. США). Наконец, самое главное – на что указывал еще Н. Н. Баранский своим вошедшим в анналы истории географии восклицанием «Человека забыли!» – это люди. При относительно невысокой численности населения (чуть более 24 млн чел.), Австралия, безусловно, может похвастаться его «качеством». В 2017 г. по уровню человеческого развития Австралия занимает 2-е место в мире (после Норвегии) из более чем 120 стран, входящих в исследование «Индекс человеческого развития» (Human Development Index) Программы развития ООН [4]. Заметим, что этот показатель практически не менялся с момента начала проведения данного исследования (1990 г.). Возможно, потому и не удивителен факт, что в рейтинге самых счастливых стран мира (по данным Международного доклада о счастье (World Happiness Report) Австралия занимает почетное 11-е место [5].

Взглянуть на Австралию с иной стороны позволяет рассмотрение наиболее ярких составляющих⁶ ее «девиантного портрета». Ведь именно в форме общественных девиаций выражаются особые (зачастую протестные) настроения социума, и в этом случае девиантные отношения становятся важнейшими индикаторами состояния общества, превращаясь в значимую проблемно-страноведческую характеристику.

«Девииантное» страноведение Австралии

Безусловной и наивысшей ценностью является человеческая жизнь. Именно поэтому негативные социальные явления, несущие угрозу человеческой жизни и/или прерывающие ее, относятся к числу наиболее опасных для общества. Таковыми являются два полярных, с первого взгляда, феномена: преднамеренные убийства и самоубийства.

Ежегодно в мире совершается около 470 тысяч убийств и свыше 800 тыс. самоубийств [6; 7]. При этом среднемировой уровень убийств на 100 тыс. жителей планеты составляет 6–7 чел., а среднемировой уровень суицида – 10–11 чел. Для Австралии характерен один из самых низких уровней убийств в мире – 0,98 на 100 тыс. жителей страны (179 место наряду с такими странами, как Португалия, Марокко, Дания и Мальта.). В Австралии практически полностью отсутствуют массовые убийства, ставшие социальной катастрофой, например, для США⁷.

Характерно, что прямо противоположным образом складывается ситуация в отношении суицида. Самоубийство – главная причина смерти австралийцев в возрасте от 15 до 44 лет. По числу самоубийств (10,6 на 100 тыс. чел.) Австралия,

⁵ Здесь и далее, если не указано иное, статистические данные приведены на 2017 г.

⁶ В данной статье рассмотрены лишь те виды девиаций, которые наиболее ярко отражают девиантно-страноведческую специфику Австралии. Отказ от рассмотрения статистики преступлений (кроме самых тяжких – убийств) обусловлен тем, что высокий уровень зафиксированных преступлений чаще всего свидетельствует отнюдь не о высоком уровне преступности как таковой, а о высокой эффективности работы правоохранительных органов.

⁷ Так, последний инцидент подобного рода был зафиксирован в 1996 г. в Тасмании, где жертвами стали 35 человек.

наряду с Канадой, занимает 87 место в мире, будучи в одной группе с такими странами, как Куба, Мали, Намибия и Туркмения. Во второй половине 2010-х годов в Австралии фиксируется всплеск суицида и суицидальных настроений. Ежедневно в стране совершается около 8 самоубийств⁸, причем большая часть – мужчинами (в среднем уровень самоубийств среди мужчин в 3 раза больше, чем среди женщин). Одной из причин роста суицидальности исследователи называют психологические проблемы⁹, связанные с одиночеством, являющимся прямым следствием атомизации общества. Кроме того, суицид Австралии имеет ярко выраженную национальную окраску: самые высокие показатели характерны для аборигенов (более чем в 2 раза выше, чем для белого населения). Этим фактом объясняется и региональные особенности распространения самоубийств: наивысшие показатели отмечаются в Северной Территории и Тасмании, которые характеризуются и самой высокой долей коренного населения. Во многом это связано с положением аборигенов Австралии как самой отстающей и угнетенной группы населения с низким уровнем жизни, отсутствием образования, высоким уровнем безработицы, недостаточным медицинским обслуживанием и широко распространённой алкогольной зависимостью.

Социальные аддикции играют весьма значительную роль в жизни австралийского общества. Гастрономическая культура Австралии тесно связана с высоким потреблением алкоголя: страна является одним из ведущих производителей вина в мире. Австралия традиционно входит в 20-ку стран с наиболее высоким уровнем потребления чистого спирта на душу населения (1–13 л в год (2015–2016), 2-е место среди стран ОЭСР после Чехии с показателем 13 л). Несмотря на то, что большая часть приходится не на крепкие спиртные напитки (преимущественно, пиво и вино), около 17 % взрослого населения употребляет алкоголь в количествах, представляющих значительный риск для здоровья. Особо острую проблему алкоголизация представляет для коренных народов Австралии вследствие их генетических особенностей и специфики образа жизни.

Но наиболее опасным видом аддикций в Австралии считается употребление наркотических средств [8]. Так, в 2016 г. свыше 3,1 млн австралийцев заявили об употреблении запрещенных веществ и злоупотреблении лекарственными препаратами. Наибольшее распространение в 2010-х годах получили каннабис (марихуана), кокаин и синтетические и полусинтетические наркотики амфетаминового ряда. Основную часть каннабиса и кокаина Австралия получает из Гонконга, США, Бразилии, Чили, ОАЭ, опиоиды – из Афганистана. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, Австралия – один из мировых лидеров по потреблению метамfetамина. В конце XX в. активное производство метамfetамина в Австралии стало ответом общества на ужесточение законодательства в отношении употребления опиатов. Регионами, характеризующимися высоким потреблением наркотических средств, являются штаты восточного побережья страны (Квинсленд, Новый Южный Уэльс и Виктория), преимущественно из-за того, что именно здесь находятся крупнейшие города страны – главные рынки сбыта наркотической продукции.

⁸ На каждый случай самоубийства приходится 30 неудавшихся попыток.

⁹ Этот факт косвенно подтверждают данные о почти двукратном росте потребления антидепрессантов австралийцами за последние 10 лет.

Весьма показательна ситуация, сложившаяся в Австралии относительно еще одного вида социальной аддикции – игромании [9]. Азартные игры разрешены в этой стране законодательно. Вследствие этого игорный бизнес в Австралии получил широкое распространение. В стране действуют многочисленные казино (крупнейшие – в Мельбурне и Сиднее), а также сети развлекательных учреждений с игорным уклоном. По данным национальной статистики, около 80 % австралийцев регулярно играют в азартные игры. Потому не удивителен тот факт, что Австралия занимает 1-е место в мире по потерям денежных средств на азартные игры (около 1,3 тыс. долл. США на играющего), при том, что траты на азартные игры среди бедных слоев населения значительно превышают таковые среди богатых (в среднем, 3 тыс. долл. и 130 долл. соответственно). Выигрыш не облагается налогами, напротив, довольно высокие налоги взимаются с игорных заведений, часть которых, как ни парадоксально это звучит, идет на лечение зависимых от азартных игр. В целом, признавая проблему гемблинга, правительства штатов Австралии принимает ряд мер по снижению воздействия индустрии азартных игр на жизнь населения (в частности, ограничивает открытие новых казино в ряде штатов).

Таким образом, представление, даже весьма поверхностное, об особенностях распространения отдельных видов социальных девиаций в Австралии вносит существенные корректировки в типичное понимание и восприятие этой страны. Страны, где люди, по разным причинам и разнообразными способами (от увлечения азартными играми до самого крайнего варианты – суицида), стараются убежать от действительности, которая казалась почти идеальной. И на этом этапе резко обозначается вопрос: «Почему?», ответ на который отнюдь не лежит на поверхности и может стать основой для дальнейшего страноведческого исследования.

Выводы

Изучение структуры общественных девиаций и особенностей их территориального распространения в странах и регионах мира предоставляет уникальный материал для страноведческих исследований. Меняя фокус с традиционных страновых характеристик на отклоняющиеся (девиантные), мы распахиваем перед страноведением иные горизонты, даем возможность совершать «новые географические открытия». И каждое такое «открытие» становится стимулом для дальнейшего изучения того, что, казалось бы, уже давно знакомо и известно. Особое «девиантное» страноведение становится тем направлением, которое позволяет изучать макрорегионы мира, страны и их районы с позиций распространения девиантных общественных явлений и процессов в тесной взаимосвязи с социальными, экономическими, культурными аспектами жизни общества.

Литература

1. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
2. Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. 238 с.

3. Демидова Е. Е. Негативные социальные девиации: экономико-географический подход к анализу проблемы // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 5. С. 32–42.
4. Human Development Reports. Australia [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: hdr.undp.org/en/countries/profiles/AUS
5. World Happiness Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: worldhappiness.report/ed/2017/
6. Демидова (Чиркова) Е. Е. Сравнительный анализ региональных особенностей распространения убийств и самоубийств в современном мире // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна: материалы XXVIII Международной Балтийской криминологической конференции: в 2 ч. Часть 1. СПб: ИД «Алеф-Пресс», 2015. С. 122–127.
7. Crime Statistics Australia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.crimestats.aic.gov.au/>
8. World Drug Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unodc.org/wdr2017/index.html
9. Australian Gambling Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.qgso.qld.gov.au/products/reports/aus-gambling-stats/>

Demidova E. E.

Regional geography of deviance: problem definition, selected researches

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation,
Moscow
e-mail: geoscandi@mail.ru

Abstract. *This article introduces an approach towards social deviations as important problematic country specific data. Traditional concepts of national school of scientific regional geography (complex regional geography by N. N. Baranovsky and problematic regional geography by V. M. Gokhman and Ya. G. Mashbitz) are regarded, specifics of contemporary regional geography in the age of high informatization level are outlined. Within a framework of problematic-oriented approach, a review of specifics of country and regional “portrait of a deviation” is provided. Using Australia as an example, it is demonstrated to what extent study of social deviations in a context of scientific regional geography adjusts traditional focus on specifics of a country development.*

Keywords: *regional geography, deviant social phenomena, negative deviations, social addictions, Australia.*

References

1. Social'no-ehkonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy Slovar'-spravochnik. Otv. red. A. P. Gorkin. Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 s. (in Russian).
2. Mashbic YA. G. Kompleksnoe stranovedenie. Smolensk: Izd-vo SGU, 1998. 238 s. (in Russian).
3. Demidova E. E. Negativnye social'nye deviacii: ehkonomiko-geograficheskij podhod k analizu problemy/ Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2017. №5. S. 32-42 (in Russian).

4. Human Development Reports. Australia [Электронный ресурс]. URL: hdr.undp.org/en/countries/profiles/AUS (in English).
5. World Happiness Report [Электронный ресурс]. URL: worldhappiness.report/ed/2017/ (in English).
6. Demidova (Chirkova) E.E. Sravnitel'nyj analiz regional'nyh osobennostej rasprostraneniya ubijstv i samoubijstv v sovremennom mire// Prestupnost' i social'nyj kontrol' v obshchestve postmoderna: materialy XXVIII Mezhdunarodnoj Baltijskoj kriminologicheskoy konferencii: v 2 ch. CHast' 1. SPb: ID «Alef-Press», 2015. – s. 122-127 (in Russian).
7. Crime Statistics Australia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimestats.aic.gov.au/> (in English).
8. World Drug Report [Электронный ресурс]. URL: www.unodc.org/wdr2017/index.html (in English).
9. Australian Gambling Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qgso.qld.gov.au/products/reports/aus-gambling-stats/> (in English).

Поступила в редакцию 05.06.2018 г.

УДК 911.37

Панасюк М. В.¹

Робер-Бёф К.²

Потенциал развития пригородной зоны крупного города

¹ ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, г. Казань

² Университет Париж-Нантер, UMR LAVUE, Франция, г. Париж

e-mail: ¹ mp3719@yandex.ru, ² kamrb@hotmail.fr

Аннотация. В работе рассматриваются особенности формирования и развития пригородных зон и зон влияния крупных городов. Приводятся определения пригородной зоны и зоны влияния города, дается обзор концепций, методов и моделей делимитации и анализа пригородных зон. Особое внимание уделяется процессам развития пригородной зоны Казани в советский и постсоветский период. Приводятся результаты анализа потенциала развития пригородного пространства Казани. Отмечаются два аспекта потенциала – способность эффективно развивать пригородное сельскохозяйственное производство и широкий доступ к землепользованию для разных слоев населения. Делается вывод о том, что при всех проблемах структурной и функциональной трансформации пригородного пространства Казани, хозяйственный, селитебный и рекреационный потенциал развития ее пригородной зоны заслуживает высокой оценки.

Ключевые слова: урбанистика, пригородная зона, зона влияния города, методы анализа зон влияния городов, пространство пригородной зоны, потенциал развития пригородной зоны крупного города, Казань, пригороды Казани.

Введение

Мир становится все более урбанизированным. По прогнозам ООН в 2050 году 66 % населения мира будет жить в городах [1]. Происходит увеличение людности городов, они быстро растут в развивающихся странах, формируя региональные структурированные иерархические сети и, в конце концов, образуют настоящие мегалополисы. Некоторые французские географы утверждают, что происходит «смерть деревни», сопровождающаяся преобладанием городского пространства расселения [2]. Между тем, проблемы экологии города и требования устойчивого развития городских поселений предполагают новое видение города. Город должен быть компактным и комфортным поселением. В его центральной и периферийных частях сохраняются и развиваются открытые пространства – зеленые и сельскохозяйственные зоны, способствующие улучшению условий жизни горожан.

Такое видение городского пространства обуславливает необходимость исследования эволюции зон влияния и периферийных пространств крупных городов исходя из того, что пригородная зона является не только земельным резервом, но и находится в постоянном взаимодействии с городом, способствуя его социально-экономическому развитию.

Казань интересна с точки зрения анализа эволюции пригородной зоны и оценки ее потенциала, так как город активно развивается с начала 2000-х годов.

Власти Казани ведут политику активной пространственной реорганизации города с реконструкцией большей части зеленых зон и улучшением общественных мест.

Казань – один из старейших больших городов Восточной Европы. Город расположен практически в центре экономически развитого Приволжского федерального округа, между индустриальными регионами Центра и Урала. Город имеет благоприятное положение и по отношению к важным сырьевым базам Урала и Сибири, сельскохозяйственным районам Поволжья. Приволжский федеральный округ входит в число регионов России с наиболее высоким социально-экономическим потенциалом и уровнем развития экономики. Это объективно формирует благоприятные условия внешней среды развития Казани и, вместе с тем, обуславливает высокий уровень ее конкуренции с основными городами – центрами регионов округа.

Казань является главным городом и крупнейшим экономическим центром Республики Татарстан. Регион имеет значительный природный, культурный, интеллектуальный и экономический потенциал, позволяющие решать задачи обеспечения высоких стандартов качества жизни населения Казани. В Татарстане сложилась развитая сеть городских поселений, что обуславливает сильную полупериферийную систему региона. Сопоставление оценок их социально-экономического потенциала показывает, что позиции Казани не являются позициями абсолютного лидера. Возрастающую конкуренцию Казани при существующих условиях составляют быстроразвивающиеся промышленные центры республики, особенно Альметьевск, Нижнекамск, Набережные Челны.

В XXI в. Казань становится международным городом, принявшим XXVII Всемирную летнюю Универсиаду 2013 г., Чемпионат мира по водным видам спорта в 2015 г. и игры Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г., что вызвало повышение интереса к городу за рубежом, увеличение потоков российских и иностранных туристов. В декабре 2016 г. власти города подписали соглашение о сотрудничестве по туристическим вопросам с Парижем. Цели соглашения – улучшить экономические отношения между городами в сфере туризма.

Результаты и обсуждения

Пригородная зона и зона влияния города

Пригородная зона является одним из источников развития городской системы. Здесь формируются новые формы развития, новые формы и образ жизни населения. Классическое определение города строилось в противопоставлении к пригородной периферии. В эпоху Средневековья стены города демонстрировали четкое разделение между городским центром и обычно сельским пригородом. Поэтому исследователи строго разделили изучение города и изучение городской периферии и долгие годы не изучали их отношения.

Тем не менее рост городов изменил эту точку зрения – сегодня учёные воспринимают город как систему, которая делится на несколько частей, взаимодействующих друг с другом. Европейские исследования о взаимосвязи между городом и его периферией обычно строятся на анализе отношений между городом и сельским или промышленным пригородом. Возникающая пространственная форма приводит к смешиванию понятий «город» и «деревня», меняя традиционную точку зрения, которая противопоставляет эти два пространства [3]. Функции города проникают в сельскую местность, город

развивается и начинается этап слияния города и сельской местности до такой степени, что их невозможно четко разделить [3, с. 121]. Таким образом, в конце XX века появилось новое представление о городе как системе, объединяющей ядро города и пригородную периферию.

Понятие «пригородная зона» (*peri-urban space*) было предложено в 1940-х годах в США, чтобы обозначить зоны взаимопроникновения пространства города и его окружения. Эти пространства характеризуются большим объемом маятниковых рабочих миграций и развитием сети коттеджных поселков на периферии города [4; 5]. Пригородная зона – это пространство с относительно низкой плотностью населения, незначительным разнообразием функций при выраженной селитебности территории и хорошей доступности центра города. Кроме того, сельские пространства в пригородных зонах сильно поляризованы в ландшафтном и экономическом плане. Подобное понимание является результатом исследования процессов быстрого и сильного разрастания крупных американских городов с их бесконечными коттеджными поселками и жилыми районами, которые сформировались в середине XX века.

Во Франции, по статистике, в пригородных зонах проживает 25 % населения. Национальный институт статистики и экономических исследований Франции определяет пригородные зоны как места, в которых 40 % или более занятого населения работает в городском центре [6]. Пригородная зона, таким образом, означает пространство, объединяющее сельские и городские поселения, которые расположены в зоне влияния городского центра. Это гибридное пространство города и деревни. Оно имеет сельские характеристики: присутствие сельскохозяйственных земель, природных и буколических ландшафтов, низкую плотность. Это также пространство с городскими характеристиками. Его особенностями являются городское происхождение жителей, а также городской тип рабочих мест, потребления и досуга.

Формирование развитых пригородных зон в России началось в 2000-х годах в больших городах, в первую очередь в Москве и в Санкт-Петербурге. Растущая урбанизация близлежащих к городам территорий была обусловлена строительством коттеджных поселков, где проживали самые зажиточные слои населения. Данное явление усугублялось и усугубляется развитием закрытых поселков и кварталов (*gated communities*), отражающих пространственную социальную сегрегацию, которая развивается в пределах территорий современной городской периферии. Новые формы организации пригородных зон городов России сочетаются со старой формой освоения пригородного пространства – дачным поселком, которая стала быстро развиваться в пригородных зонах с советского времени.

Дачные поселки во многом формируют маятниковую мобильность населения по направлению «город–пригород», особый образ жизни на природе и возможности ведения подсобного хозяйства, что делает эту форму организации пространства пригородов особо привлекательной для малообеспеченных слоев населения. Тем не менее первый этап урбанизации пригородов в России в 1990-х гг. имел ограниченный характер, поскольку затрагивал лишь меньшинство населения, имевшее возможности строительства коттеджей. Реальная урбанизация пригородов начинается в 2000-х годах, с массового строительства коттеджей, а также с урбанизации садовых товариществ. Городское население, таким образом, активно инвестирует в сельскую местность, помогая ее развитию.

С понятием пригорода тесно связано понятие зоны влияния города. Пространство зоны влияния обычно больше пространства пригорода, т. к. охватывает близлежащие к городу территории, имеющие с ним значительный объем социально-экономических связей и характеризующиеся относительно низкой транспортной доступностью. Под зоной влияния города понимается внешняя территория, на социально-экономическую жизнь населения и экологическую ситуацию которой город оказывает стабильное и интенсивное воздействие.

Для выявления зоны влияния города в заданной системе городов необходимо исследовать пространство его взаимодействия с другими поселениями на основе:

- 1) изучения локализации основных поставщиков и потребителей продукции и услуг, производимых предприятиями города;
- 2) результатов анкетирования жителей;
- 3) данных о пассажиропотоках по всем видам транспорта;
- 4) анализа трафика телефонных разговоров, смс и социальных сетей.

Определение и анализ пространства пригорода тесно связаны с анализом пространства зоны влияния города, являясь, во многом, его частным случаем, в рамках которого особое внимание уделяется изучению трудовых миграций и характеру функционирования.

К числу классических моделей зоны влияния города следует отнести модель идеального города/государства И. Тюнена, где рассматривается однородное по типу хозяйственной деятельности, изолированное от внешней среды пространство, связанное с единственным городом – экономическим центром.

Большое значение для анализа пространства пригорода и зоны экономического влияния городов имеет концепция и модель центральных мест В. Кристаллера. Она позволяет выявить зоны экономического влияния на основе изучения зон обслуживания и/или рынков сбыта экономических центров.

Концепция каркаса городов позволяет провести анализ зон влияния системы городов при предположении о неоднородности и структурированности социального и экономического пространства системы и связанной с этим функциональности его частей.

Каркас представляет собой совокупность городов территории, рассматриваемой вместе с системой отношений между городами и окружающими их сельскими зонами влияния, а также с внешними связями этих городов. Концепция исходит из предположения, что городские поселения не являются изолированными социально-экономическими центрами, они включены в систему экономических связей друг с другом, а также из предположения, что городские поселения и их взаимосвязи в совокупности определяют характер экономического пространства [7].

Эффективное решение проблем делимитации и анализа зон влияния городов позволяет дать и классическая гравитационная модель, а также связанная с ней модель потенциала взаимодействия. Они основаны на исследовании характеристик связности, силы влияния и доступности поселений заданной территории.

Гравитационная модель имеет следующий вид:

$$F_{ij} = k \frac{H_i H_j}{R_{ij}^a} \quad (1),$$

где F_{ij} – сила взаимного влияния i -го и j -го поселений, количественно определяемая объемами потоков (людских, товарных, информационных, финансовых и др.) между i -м и j -м поселением заданной территории;

H_i, H_j – величины «массы» i -го и j -го поселения, характеризуемой численностью населения, объемом произведенного продукта и другими объёмными показателями;

R_{ij} – расстояние между i -м и j -м поселением;

k, a – параметры модели.

Гравитационная модель дает возможность выявить зоны влияния для случая двух и более городов, находящихся в пределах заданной территории.

Разграничение зон влияния осуществляется путем определения показателей силы влияния для всех сочетаний «город-центр – поселение». Границы зон влияния городов проводятся между наиболее удаленными от городов поселениями, для которых сила влияния одного города превышает силу влияния другого.

Модель также позволяет приблизительно определить относительную значимость городов-центров в зависимости от их силы влияния и оценить, какой из существующих городов оказывает более сильное влияние на заданную точку анализируемого пространства.

Наибольший интерес в плане обеспечения качества анализа зон влияния города имеют методы социально-экономического зонирования. Решение задач определения зон влияния и пригородных зон городов Республики Татарстан основывалось на авторском подходе и методе [8], а также на результатах исследований в области определения и анализа системы «экономический центр – экономическая периферия» Татарстана.

Выделение системы зон влияния городов – экономических центров региона проводилось на основе оценки степени развитости их социально-экономических связей с муниципальными районами, т. е. внутренней экономической связности пространства зон влияния, а также их относительных социально-экономической однородности и компактности. Для этих целей была разработана и применялась система показателей, включающая показатели объемов товарных и людских потоков, а также макроэкономические показатели, характеризующие состояние социально-экономической системы муниципальных образований в анализируемый период.

Наряду с этим проводился анализ территорий, не входящих в зоны влияния и пригороды городов-центров, на основе оценки степени их социально-экономической однородности и компактности.

Для оценки варианта зонирования использовался ряд количественных показателей:

- мера (коэффициент) связности, оценивающая соотношение (структуру) экономических связей территорий муниципальных районов с городами-центрами;
- мера однородности, характеризующая степень сходства макроэкономических показателей муниципальных районов, входящих в состав формируемой зоны;
- мера компактности, которая позволяет оценить степень компактности формируемой зоны влияния города, избегая вариантов зонирования со сложным контуром границ.

Оценка варианта зонирования осуществлялась на основе сводного оценочного критерия, объединяющего характеристики социально-экономического пространства и уровня социально-экономического развития зон влияния городов.

В итоге решения задач оптимальный вариант территории зоны влияния Казани включает города Казань и Зеленодольск, а также Верхнеуслонский, Высокогорский, Атнинский, Арский, Балтасинский, Кукморский, Сабинский, Пестречинский, Зеленодольский, Лаишевский, Рыбно-Слободский и Тюлячинский муниципальные районы Республики Татарстан (рис. 1). Оптимальный вариант пригородной зоны включает территории муниципальных районов, имеющих 40–50-минутную доступность Казани.

Рис. 1. Зона влияния г. Казань. *Составлен авторами*

Потенциал пригородной зоны Казани

Казань – древний город, который прошел несколько этапов развития. В советский период Казань превратилась в крупный промышленный центр, значительно расширив свои границы. Были застроены несколько больших промышленных районов, где основную часть территории занимало жилье рабочих и служащих. Из-за больших размеров площади, занимаемой рядом крупных предприятий, они размещались в пригородной зоне Казани. Пригородная зона в радиусе 30 км от города служила и в качестве его земельного резерва, имея также рекреационные и сельскохозяйственные функции.

В послевоенный период в пригородной зоне Казани начинают быстро расти садовые товарищества, которые занимают большую территорию вокруг города и с которыми до сих пор напрямую связан образ жизни значительного числа горожан.

Массовость садовых товариществ в пригородах Казани была вызвана, по большей части, политикой советского государства. Оно значительно облегчало получение жителями города пригородных дачных участков, хотя и строго контролировало практику организации товариществ и эксплуатации участков вплоть до 1991 г. Государственные предприятия были ответственны за организацию садовых товариществ и распределение участков. Таким образом, любой работник смог запросить и в перспективе получить участок. Люди в садовых

товарищества были сгруппированы в соответствии с их предприятиями, а садовые товарищества часто назывались в зависимости от названия управляющего предприятия (например, садоводческое некоммерческое товарищество «Полимер» – предприятие химической промышленности).

Несмотря на трудности, государство продолжало поддерживать или, по крайней мере, сохранять садовые товарищества в период кризиса 1990-х годов и юридически закрепило современный статус садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ) в 1998 г., что способствовало их защите и обеспечило возможности (само)регулирования деятельности. С 2000-х годов структура пригородного пространства Казани меняется, что связано с изменением функций ее пригородов. Территория Казани значительно расширилась. Осознание новой миссии города как центра мирного взаимодействия, единения, взаимного развития евразийских культур, который в этом плане может сформировать опыт и показать пример не только для России, но и для всего мира, привело к необходимости превращения Казани в глобальный город, что отразилось и на ее пригородной зоне.

Принятый в 2006 г. федеральный закон № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» (т. н. «Закон о дачной амнистии») и его последняя редакция 2018 г., определяющие право приватизировать садовые участки, дают также большей части городского населения возможность получения права собственности на землю без ее выкупа. Это, в частности, позволяет членам садовых товариществ осуществлять строительство загородного дома, являющегося местом отдыха или проживания, что способствует росту потенциала урбанизации пригородной зоны Казани.

Урбанизация пригородов Казани при расширении города затрагивает садовые товарищества как в пределах границ города, так и за городской чертой. Отдельные дачи в границах города сейчас исчезают и заменяются супермаркетами или жилыми домами. Садовые товарищества в целом находятся также под угрозой превращения в селитебные территории. Постепенное преобразование пригородных садовых товариществ в коттеджные поселки приводит к уменьшению присутствия в пригородах малообеспеченных слоев населения и оставляет больше возможностей для увеличения доли состоятельных слоев.

Одной из особенностей пригородной зоны Казани является сохранение основной массы садовых товариществ при ограниченной урбанизации отдельных участков ее территории. Это формирует два важных аспекта потенциала развития пригородной зоны:

- способность развивать пригородное сельскохозяйственное производство в условиях экономических кризисов при проблемах традиционной системы агропромышленных комплексов, что было особенно характерно для периодов 1990-х годов, 2008–2009 и 2014–2015 годов во время последнего падения цен на нефть;

- широкий доступ к землепользованию для разных слоев населения.

Способность к формированию агропродовольственной системы садовых товариществ Казани объясняется исторически сложившимся выбором эффективных методов ведения хозяйства, используемых в садах и огородах. Эти методы унаследованы от садово-огородных хозяйств XIX века. Они сочетают высокую урожайность на небольших участках и повторное использование органических отходов. Забота об урожайности наблюдается также при ежегодной

ротации садово-огородных культур, добавлении навоза, компоста, зеленых отходов и при утилизации материалов. Эти методы сохранялись на дачных участках, в то время как они исчезали в крупных хозяйствах, так как они позволяли непрофессиональным группам населения с ограниченными возможностями ведения хозяйства и размерами земельных участков производить достаточно много продуктов питания. Садоводы также могут динамично менять структуру возделываемых на своем участке культур и, при необходимости, увеличивать культивируемую площадь (например, в период экономического кризиса, при рождении ребенка и т. д.) или, наоборот, уменьшить её при уменьшении потребности в объемах производства.

В 2012 г. садоводческие товарищества, имеющие участки в пригородах Казани, произвели 79 % урожая картофеля при примерно 21 %, произведенном сельскохозяйственными предприятиями, и 1 %, произведенном фермерскими хозяйствами. Они также произвели 84 % овощей при примерно 16 %, произведенных сельскохозяйственными предприятиями. Проведенное в период 2012–2017 гг. анкетирование членов СНТ пригородов Казани позволяет сделать вывод о том, что дачный участок позволяет полностью обеспечить овощами и фруктами семью, по крайней мере в летний период и в меньшей степени зимой (за счет домашнего консервирования).

Это позволяет дать высокую оценку хозяйственного и селитебного потенциала развития пригородной зоны Казани.

Выводы

Изучение пригородных зон является особым направлением урбанистических исследований, поскольку они являются быстроразвивающейся частью городских систем, играющей все большую роль в процессах урбанизации. Пригородную зону можно определить как поляризованное пространство, характеризующееся ежедневной миграцией жителей в город и обратно, в основном между местом проживания и работой. Это также преимущественно жилые районы, в которых развиваются новые формы урбанизации, новые формы ландшафтной организации и функциональности пригородного пространства.

Пригородные зоны формируют новые урбанизированные территории. Они определяют перспективы эволюции этих территорий и показывают потенциальные возможности городов будущего. Важной особенностью пригородных зон России является динамичное сочетание территорий городской застройки и садовых некоммерческих товариществ, каждая из которых является экономически эффективной формой организации пригородного пространства. Пригородные садовые товарищества предлагают определенную хозяйственную альтернативу агропромышленным комплексам, поскольку они способствуют обеспечению городских семей качественными продуктами, отличающимися большой трудоемкостью выращивания, что препятствует их производству в рамках современных агропромышленных предприятий. Кроме того, они позволяют обеспечить высокий уровень продовольственной безопасности в условиях экономических кризисов и неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры.

Казань в послевоенный период и до начала 2000-х годов развивалась как типичный большой советский город – промышленный центр, характеризуемый высоким уровнем поляризации городского и пригородного пространства. В XXI

веке город в значительной степени преобразовал свою пригородную периферию, обеспечив новые условия для своего развития. Это привело к урбанизации части пригородной зоны Казани и, в частности, к изменению функциональности садовых товариществ, которые сегодня отвечают новым потребностям развития города, создавая дополнительные возможности реализации прав собственности на недвижимость при сохранении функции обеспечения качественным продовольствием.

Дачное хозяйство в садовых товариществах Казани до сих пор является важным общественным явлением при значительном потенциале его развития, так как имеются необходимые хозяйственные мощности, которые могут компенсировать недостаток отдельных видов продукции, производимой сельскохозяйственными предприятиями. Оно ориентировано на выращивание экологически чистых, органических продуктов, которые дорого стоят в супермаркетах, что не позволяет купить их самым бедным слоям населения. Кроме того, дачный участок является одновременно и зоной семейного отдыха, позволяющей значительно повысить условия и качество жизни населения города.

Сложившееся сочетание и пропорции урбанизированного и дачного пространств пригородной зоны Казани, тенденции их развития, экономическая эффективность эксплуатации ресурсов способствуют формированию большого хозяйственного, селитебного и рекреационного потенциала развития пригородной зоны города.

Литература

1. Département des Affaires Économiques et Sociales, Plus de la moitié de la population mondiale vit désormais dans des villes – ONU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/fr/development/desa/news/population/world-urbanization-prospects.html>
2. Choay, F. Le règne de l'urbain et la mort de la ville, in: La Ville, Art et Architecture en Europe 1870-1993, dir: Barre F., Ed C. Georges Pompidou, Paris, 1994. p. 26-35.
3. Berger A. & Rouzier J. Ville et campagne: la fin du dualisme, Economica, Paris, 1977. 276 p.
4. Berque A., Bonnin P., Ghorra-Gobin C. La ville insoutenable, Belin, Paris, 2006. 366p.
5. Cailly L., Article "Périurbain", in: Dictionnaire de la géographie et de l'espace des sociétés, dir: Levy J et Lussault M, Belin, Paris, 2013. 1127 p.
6. Prost B. Quel périurbain aujourd'hui? // Geocarrefour, 76 (4), 2001. Pp. 283–288.
7. Лаппо Г. М. Города на пути в будущее. М.: Мысль. 1987. 237 с.
8. Панасюк М. В. Перспективные полюса и центры экономического роста республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1 (Т.2.). С. 241–244.
9. Marloie M. & Boukharaeva L. L'utilisation des sols par le jardinage urbain à grande échelle de Russie, Économie rurale // Agricultures, alimentations, territoires, 325-326. 2011. Pp.176–191.

Panasyuk M. V.¹
Robert-Boeuf C.²

Potential of Development of Major City's Suburban Zone.

¹ Kazan (Volga region) Federal University

Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan

² University of Paris-Nanterre, UMR LAVUE, France, Paris

e-mail: ¹ mp3719@yandex.ru; ² kamrb@hotmail.fr

Abstract. *The paper considers the features of formation and development of suburban zones and zones of major cities' influence. The definitions of the suburban zone and the zone of city's influence are given. The paper reviews the concepts and methods of delimitation and analysis of suburban zones, as well as models of suburban areas. Particular attention is paid to the development of the suburban zone of Kazan in the Soviet and post-Soviet periods. The results of analysis of the development potential of the suburban space of Kazan are presented. There are two aspects of its potential - the ability to effectively develop suburban agricultural production and broad access to land use for different segments of the population. It is concluded that for all problems of structural and functional transformation of the suburban space of Kazan, the economic, residential and recreational potential of development of the suburban zone of Kazan deserves high appreciation.*

Keywords: *urban science, suburban zone, city's influence zone, methods for analyzing the zones of cities' influence, suburbs, development potential of the suburbs of the major city, Kazan, Kazan suburbs.*

References

1. Département des Affaires Économiques et Sociales, Plus de la moitié de la population mondiale vit désormais dans des villes – ONU Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.un.org> (in French).
2. Choay, F. Le règne de l'urbain et la mort de la ville, in: La Ville, Art et Architecture en Europe 1870-1993, dir: Barre F., Ed C. Georges Pompidou, Paris, 1994. p. 26-35. (in French).
3. Berger A. & Rouzier J. Ville et campagne: la fin du dualisme, Economica, Paris, 1977. 276 p. (in French).
4. Berque A., Bonnin P., Ghorra-Gobin C. La ville insoutenable, Belin, Paris, 2006. 366p. (in French).
5. Cailly L., Article "Périurbain", in: Dictionnaire de la géographie et de l'espace des sociétés, dir: Levy J et Lussault M, Belin, Paris, 2013. 1127 p. (in French).
6. Prost B. Quel périurbain aujourd'hui? // Geocarrefour, 76 (4), 2001. pp. 283-288. (in French).
7. Lappo G. M. Goroda na puti v budushchee. M.: Mysl'. 1987. 237 s. (in Russian).
8. Panasyuk M. V. Perspektivnye polyusa i centry ehkonomicheskogo rosta Respubliki Tatarstan // Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii. 2018. № 1 / T. 2. s. 241 – 244 (in Russian).
9. Marloie M. & Boukharaeva L. L'utilisation des sols par le jardinage urbain à grande échelle de Russie, Économie rurale // Agricultures, alimentations, territoires, 325-326. 2011. pp.176-191. (in French).

Поступила в редакцию 24.07.2018 г.

УДК 911:3

Нагирная А. В.

География Интернета и вопросы информационной безопасности

ФГБУН «Институт географии РАН», Российская
Федерация, г. Москва
e-mail: a.nagirnaya@igras.ru

Аннотация. *Статья посвящена комплексному пространственно-временному анализу развития сети Интернет в мире в конце XX – начале XXI вв. Выявлены этапы глобального распространения Интернета, сдвиги в его географии, произошедшие в начале XXI века, а также динамика количественных и качественных диспропорций в его развитии. Определена структура трафик-потоков сети Интернет и специфика их самоорганизации в контексте глобальной проблемы обеспечения информационной безопасности.*

Ключевые слова: *Интернет, информационные технологии, диффузия инноваций, телекоммуникации, информационная безопасность, интернет-трафик.*

Введение

Интернет, постепенно вобрав в себя все функции предшествующих видов связи, стал универсальной информационно-коммуникационной платформой и базой для формирования интегрированной системы глобальных цифровых коммуникаций. Доступ в Интернет, согласно решению ООН 2011 г., является неотъемлемым правом человека, а обеспечение населения доступом в Интернет должно быть одним из приоритетных направлений развития любого государства [1].

Однако современная информационная революция, беспрецедентно увеличив информационные возможности человека, одновременно породила новый тип социальной поляризации, который основывается на информационном неравенстве, обозначается термином «цифровой разрыв» и подразумевает нарастающее отставание ряда стран и регионов по уровню распространения и использования новейших ИКТ. В этой связи особую значимость приобрела проблема территориальных диспропорций в развитии Интернета – одна из самых новых и малоизученных в отечественной науке. В свете стоящих перед Россией задач модернизации и информатизации ее регионов исследование данного направления особенно актуально. Ведь информатизация – один из путей ослабления ресурсно-сырьевой зависимости отечественной экономики, а «информационный» путь – если не альтернатива, то очень значимый вектор социально-экономического развития в постиндустриальную эпоху.

Данная статья посвящена выявлению глобальных закономерностей распространения Интернета в конце XX – начале XXI вв. – анализу территориальных диспропорций в его развитии, сдвигов в его географии, а также тенденций самоорганизации потоков интернет-трафика в контексте глобальной проблемы обеспечения информационной безопасности, столь актуальной в современную эпоху.

Материалы и методы

Работа опирается на достижения отечественной школы географии мирового хозяйства и фундаментальные исследования Н. В. Алисова [2], Н. С. Мироненко, В. П. Максаковского, А. П. Горкина, А. И. Трейвиша. Научно-теоретическую базу исследования составили труды отечественных экономико-географов А. Н. Нагирной [3–5], Л. М. Синцера [6–7], Т. М. Вальковой [8], М. Ю. Смирнова и др., социологов и экономистов (А. Н. Авдулова, Е. Л. Варгановой, В. Л. Иноземцева, И. М. Могилевкина, И. С. Мелюхина и др.), а также ведущих зарубежных специалистов по информатизации общества (М. Кастельса, Д. Белла, Т. Стоунера, Э. Тоффлера, М. Маклюэна, Ф. Уэбстера и др.) и диффузии инноваций (Т. Хагёрстранда, Э. Роджерса, В. Л. Бабурина и др.).

Информационно-эмпирической базой исследования послужили данные международных организаций, исследовательско-консалтинговых фирм. В исследовании использовались сравнительно-географический, математико-статистический и картографический методы исследования.

Результаты и обсуждение

Этапы глобальной экспансии Интернета и цифровой разрыв

Интернет в своём развитии и глобальной экспансии прошёл к настоящему времени *три этапа*: ранний (1991–2000 гг.), этап экспансии (2001–2010 гг.) и зрелый (с 2011 г.) (см. табл. 1). На *раннем этапе* внедрение инноваций начиналось с наиболее развитых стран и крупнейших городов, наблюдались самые высокие темпы роста мировой интернет-аудитории. Если в 1991 г. число пользователей во всем мире не превышало 10 тыс., то в 2000 г. оно составило почти 400 млн (6,5 % мирового населения), из них три четверти – жители развитых стран). В России число интернет-пользователей в 2000 г. составляло около 3 млн человек, или 2 % населения. В Интернете зарождались новые формы ведения бизнеса, США стали центром возникновения электронной торговли.

Этап стремительной экспансии Интернета пришёлся на 2000-е гг. Число пользователей увеличилось в 2,5 раза, достигло в 2010 г. 2,3 млрд чел. и составило треть мирового населения, 60 % из которых – жители развивающихся стран (с 2008 г. они стали составлять большинство). Объем глобального интернет-трафика увеличился в 240 раз. Интернет-торговля получила распространение за пределами США – в развитых странах мира.

Таблица 1.

Этапы глобального распространения Интернета,
1991–2017 гг.

Этапы	Ранний этап (1991–2000 гг.)	Этап экспансии (2001–2010 гг.)	Зрелый этап (2011 г. – н. в.)
Показатели			
Среднегодовые темпы прироста числа пользователей	68 %	40 %	37 %
Число пользователей*	400 млн	2,3 млрд	3,9 млрд
Число пользователей на 100 жителей*	6,5	33	52

Соотношение числа пользователей, проживающих в развитых и развивающихся странах*	74:26	40:60	30:70
Индекс «разрыва» в глобальном Интернете*	817 раз	83 раза	13 раз
Доля сайтов, созданных в США*	89 %	62 %	63 %
Объем глобального интернет-трафика*	84 Пбит/с	20151 Пбит/с	96054 Пбит/с
Доля электронной торговли в общем объеме розничных продаж в США*	0,9 %	4,2 %	8,2 %

Составлено автором

Современный этап развития Интернета (второе десятилетие XXI в.) характеризуется стремительным распространением смартфонов и мобильных технологий доступа, которые к настоящему времени потеснили персональные компьютеры в качестве основного средства подключения к Интернету и играют ключевую роль в его распространении, особенно в развивающихся странах. Если в 2010 г. на мобильные устройства приходилось всего несколько процентов мирового интернет-трафика, то в 2016 г. был преодолен рубеж 50 %. Лидируют в мире по этому показателю развивающиеся страны: Нигерия, где с мобильных устройств осуществляется 81 % интернет-трафика, Индия, ЮАР (79 % и 78 %) и др. В развитых же государствах мобильный Интернет ещё не достиг таких масштабов, что обусловлено высоким уровне проникновения и инерцией более ранних технологий фиксированного доступа в Интернет: в США мобильный трафик составляет 37 %, а во Франции, Японии, Канаде и Германии – менее 30 %.

На конец периода – к началу 2018 г. – число пользователей в мире приблизилось к 4 млрд, что составляет уже более половины населения Земли. Если в 2000 г. в развивающихся странах проживало 26 % всех интернет-пользователей мира, то сегодня – уже 70 %, то есть структура интернет-аудитории изменилась зеркально. С 2010 г. объем глобального интернет-трафика увеличился в 5 раз.

На зрелом этапе развития Интернета явлением мирового масштаба становится интернет-торговля, причем с возрастающей ролью развивающихся стран. Североамериканский регион (прежде всего США) потерял лидирующую роль по объемам электронной торговли, уступив ее Азиатско-Тихоокеанскому региону во главе с Китаем, где, помимо огромного потенциала внутреннего рынка, очень интенсивно развивается экспортная составляющая интернет-торговли. США продолжает оставаться инновационным центром отрасли, а Великобритания – страной с наиболее трансформированным и цифровизованным сектором торговли: в 2016 г. там отмечен максимальный в мире показатель доли интернет-сектора в общем объеме розничных продаж – 14,5 % [9]. При этом уже более половины общего числа интернет-покупателей мира проживает в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В первые десятилетия XXI века произошла существенная децентрализация в распределении интернет-пользователей по регионам мира. Если в 2000 г. в североамериканском регионе было сконцентрировано около трети всех пользователей Сети, то сегодня – уже всего 8 %, а половина интернет-аудитории

теперь приходится на Азию; на Европу – 17 %, Латинскую Америку – 10,5 %, Африку – 10 %, Ближний Восток – 3,7 %, Австралию и Океанию – 0,7 %. Однако по числу интернет-пользователей на 100 жителей развивающиеся страны все еще существенно отстают: в 2017 г. пользовались Интернетом 81 % населения развитых стран и 41 % – развивающихся (в наименее развитых странах – всего 17,5 %) [10] (рис. 1).

В десятке стран-лидеров по абсолютному числу интернет-пользователей находятся страны БРИКС, где Интернет использует от 34 % населения в Индии до 76 % в России, а также другие крупные развивающиеся государства (Индонезия, Нигерия, Мексика и др.) и такие передовые страны, как США и Япония (где пользователями являются 88 % и 94 % населения соответственно).

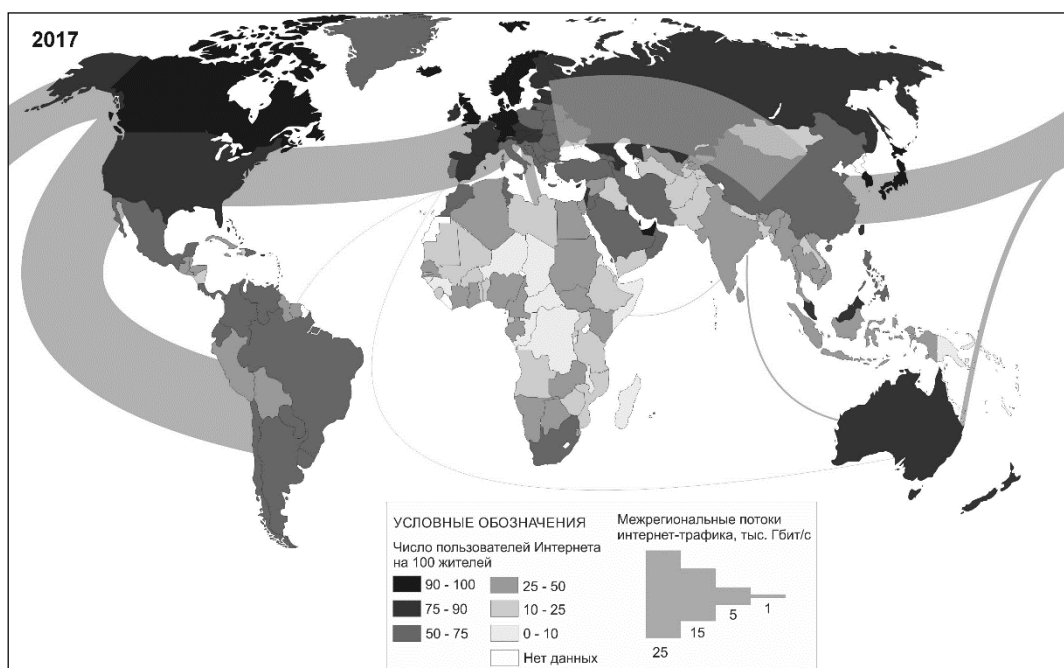

Рис. 1. Распространение Интернета в мире и крупнейшие межрегиональные потоки интернет-трафика, 2017 г.

Составлено автором по: [10]

На первом месте находятся Китай, на долю которого приходится 19 % всех интернет-пользователей мира (почти 740 млн), и Индия (460 млн, 12 %). В России 110 млн пользователей, что составляет около 3 % всей интернет-аудитории мира.

Однако если по показателям численности пользователей диспропорции в мире выравниваются достаточно быстро, то в сфере информационного наполнения Интернета развитые страны сохраняют доминирующие позиции. До сих пор большинство всех сайтов приходится на США (63 % в 2017 г.), а на развитые страны в целом приходится порядка 85 %. В десятку лидеров, помимо США, входят Китай, Германия, Канада, Индия, Япония, Франция, Великобритания и Дания. При этом на страны БРИКС, где проживает 38 % интернет-пользователей, приходится около 4–10 % сайтов. В результате подавляющая часть информационных ресурсов Интернета создается в ограниченном числе стран и публикуется на ограниченном числе языков.

География мировых потоков интернет-трафика и вопросы информационной безопасности

Объём мирового интернет-трафика (передаваемой по Сети информации в единицу времени) стремительно растёт и достиг в 2016 г. 26600 Гбит/с., увеличившись с начала XXI в. в 266 раз [13]. Около 22 % глобального интернет-трафика циркулирует в пределах городов, 20 % – в пределах национальных границ. Основную же часть (58 %) составляет международный интернет-трафик, его доля растёт опережающими темпами: в начале 2000-х годов на него приходилось 30 % глобального трафика, а в 2010 г. – 46 % (рис. 2, 3).

Рис. 2. Динамика роста глобального интернет-трафика, Гбит/с, 2002–2016 гг.

Составлено автором

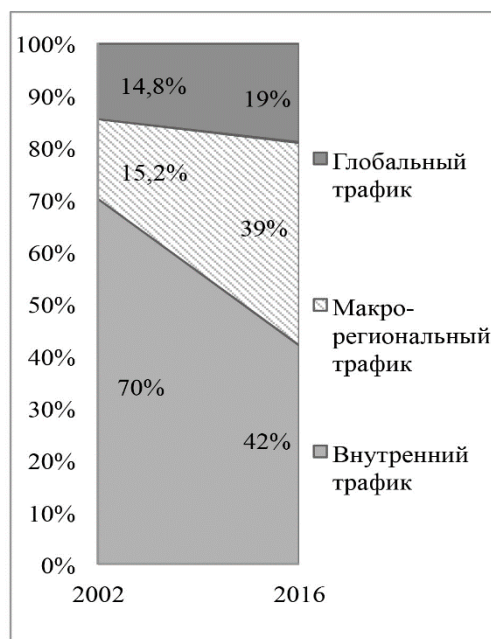

Рис. 3. Полимасштабная структура интернет-трафика мира, 2002–2016 гг.

США и сегодня остаются крупнейшим межконтинентальным интернет-узлом, однако его роль постепенно падает. Структура международного интернет-трафика существенно изменилась за последние 15 лет (рис. 3). Возросла доля макрорегионального трафика (международного трафика, ограниченного пределами макрорегионов), на который приходится сегодня почти 40 %. К примеру, около 70 % европейского международного интернет-трафика на Европе же и замыкается (максимальный показатель среди всех регионов мира), а в Латинской Америке и Африке – около 20 %. Доля же глобального (то есть межрегионального) интернет-трафика изменилась не так значительно, чего нельзя сказать о его структуре. Если в конце прошлого столетия его основная часть (почти три четверти) циркулировала между Северной Америкой и Европой, то сегодня – уже только 21 %. Это вызвано опережающими темпами роста других магистралей, а именно: 1) Северная Америка – Латинская Америка; 2) Европа – Азиатско-Тихоокеанский регион; 3) Северная Америка – Азиатско-Тихоокеанский регион (рис. 1, 4).

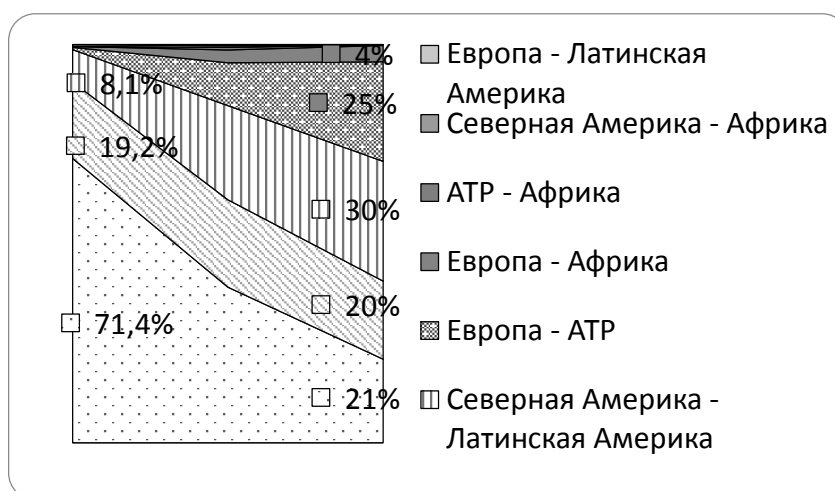

Рис. 4. Сдвиги в территориальной структуре межрегионального интернет-трафика, 2002–2016 гг. *Составлено автором*

В условиях глобальной природы Интернета и исторически сложившегося господства США в качестве главного «куратора» интернет-поток и контент-пространства в последние годы высочайший приоритет приобрела проблема информационной безопасности.

После «арабской весны» 2011 г. и серии разоблачений Э. Сноуденом глобального интернет-шпионажа спецслужб США в 2013 г. произошли значительные сдвиги в управлении глобальным Интернетом. Отмечается падение роли США и стремительный рост стран БРИКС (прежде всего России и Бразилии) как сильного самостоятельного игрока. Государства БРИКС образуют один из самых обширных и быстрорастущих сегментов мировой интернет-аудитории: 1,5 млрд, или 38 % всех пользователей. Они объединились в намерении создать независимое киберпространство и инициировать выработку на международном уровне нового механизма управления Интернетом, свободного от американского доминирования. Он реализуется в разработке юридических норм и международных соглашений, а также создании независимых региональных сетей глобального стратегического и геополитического значения (кабель БРИКС, РОТАКС / «Поларнет» и др.).

Если в 2002 г. более 99 % всего глобального интернет-трафика проходило через США, то сейчас – около 70 %, и сокращение произошло во всех регионах мира, кроме Латинской Америки и Океании. В Европе и Азии – за счёт интенсивного развития внутренних интернет-коммуникаций: доля трафика с США уменьшилась с 25 до 10 % в Европе и с 90 до 40 % в АТР. В Африке имело место замещение трафика с США трафиком с Европой, в результате доля трафика с США упала с 70 до 1 %. В Латинской Америке, в связи с особенностями экономико-географического положения, на Северную Америку всё так же приходится 90 % внешнего трафика [14].

Во многом произошедшие изменения в географии потоков интернет-трафика связаны со значительными сдвигами в территориальном распределении точек обмена интернет-трафиком. Если на рубеже веков подавляющая часть точек обмена располагалась на территории США, то в 2013 г. на эту страну приходилось

уже немногим более трети таких точек, а к настоящему времени их доля сократилась до 17 %, тогда как совокупная доля стран БРИКС превысила в начале 2018 г. 15 %.

Выводы

В географии глобальной сети Интернет в конце XX – начале XXI веков произошли масштабные сдвиги, связанные с существенным сокращением количественных разрывов между странами мира и сглаживанием территориальных диспропорций в уровне проникновения Интернета. Обострение глобальной проблемы информационной безопасности и управления Интернетом во втором десятилетии XXI в. повлекло за собой диверсификацию трафик-потоков, развитие независимых региональных сетей и внутрирегиональных телекоммуникаций, а также значительные геополитические сдвиги, что вызвало существенную децентрализацию и перестройку мировой сети Интернет.

Однако в сфере информационного наполнения и управления Интернетом монополия развитых стран сохраняется. Другими словами, цифровой разрыв переместился в другую плоскость: не столько вопросы доступа и технической обеспеченности, сколько возможности по генерированию информации и управлению информационными потоками определяют сегодня расстановку сил в мировом хозяйстве. Мировые тенденции развития телекоммуникаций таковы, что постепенно все существующие информационно-коммуникационные услуги мигрируют в Интернет, как и значительная часть государственных услуг, торговых, культурно-образовательных и др. В этой связи распространение и активное использование Интернета имеет сегодня решающее значение для социально-экономического развития и повышения конкурентоспособности любой экономики, расширения возможностей ее интеграции в глобальное информационное общество и мировое хозяйство.

В отечественной науке география Интернета и других информационно-коммуникационных технологий является одной из наиболее актуальных тем, требующих постоянного переосмысления ввиду высокой динамики развития процессов и в свете стоящих перед Россией задач модернизации и информатизации общества.

Литература

1. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue // UN General Assembly Human Rights Council 17th session, 16 May 2011. 22 p.
2. Алисов Н. В., Хорев Б. С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор). Учебник. М.: Гардарики, 2000. 700 с.
3. Нагирная А. В. Развитие Интернета в регионах России // Известия РАН. Серия географическая, 2015. № 2. С. 41–51.
4. Нагирная А. В. География глобальной сети Интернет // География в школе, 2012. № 10. С. 14–18.
5. Нагирная А. В. Анализ территориальных диспропорций в развитии Интернета // Актуальные проблемы современной науки, 2014. № 1 (75). С. 153–160.

6. Синцеров Л. М. Транспортно-коммуникационная парадигма мирового развития // Мировая экономика и международные отношения, 2011. № 5. С. 122–128.
7. Синцеров Л. М. Первая глобальная информационная сеть // Известия АН. Серия географическая. 2004. № 3. С. 71–75.
8. Алисов Н. В. Валькова Т. М. География всемирной компьютерной телекоммуникационной системы Интернет // Вест. МГУ. Сер. 5. География. 1997. № 6. С. 3–12.
9. Мяльдин Т. Н. Потребительская интернет-торговля: факторы пространственной дифференциации на глобальном и региональном уровне // Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты / Под ред. В. Н. Стрелецкого. М.: Институт географии РАН, 2018. С. 319–327.
10. Императив лидерства в 2010 году: будущее, основанное на широкополосной связи. Отчет Комиссии по широкополосной связи Международного союза электросвязи и ЮНЕСКО. Нью-Йорк, 2010.
11. State of the Internet: Connectivity Report 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.akamai.com/us/en/about/our-thinking/state-of-the-internet-report/>
12. The Zettabyte Era: Trends and Analysis // Cisco, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/vni-hyperconnectivity-wp.html>.
13. TeleGeography's Global Internet Geography Report. Washington D.C., 2016.

Nagirnaya A. V.

The Internet Geography and Information Security

Institute of geography Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Moscow
e-mail: a.nagirnaya@igras.ru

Abstract. *The article is dedicated to the complex spatiotemporal analysis of the global Internet development in the end of XX – beginning of XXI century. Milestones of the Internet global diffusion are characterized, shifts in its geography over the beginning of XXI century revealed. The dynamics of various quantitative and qualitative aspects of digital divide in the Internet development are presented: the distribution of Internet audience in space, poles of growth, disparities in the level of penetration, websites creation, etc. Internet traffic flows structure is analyzed in dynamics since the beginning of the XXI century. Shifts are described in a context of the global problem of information security and the Internet governance.*

Conclusions done about significant decentralization of the Internet users distribution in the world regions over the first decade of the XXI century. A significant role in flattening geographical contrasts is played by the rapid spread of mobile telecommunication technologies and mobile Internet penetration, where Russia is one of the world leaders. However, a rapid reduction of the quantitative imbalances is accompanied by a conservation of significant qualitative gaps: developed regions maintain their dominance in the sphere of the Internet content creation and Internet traffic management.

The escalation of the global problem of information security and the Internet governance in the second decade of the 21st century resulted in traffic flows

diversification, development of independent regional Internet networks and intraregional telecommunications, as well as essential geopolitical shifts, which caused a significant decentralization and restructuring of the global Internet. However, in the field of the Internet content and governance, the monopoly of developed countries remains. In other words, the digital divide has shifted from the issues of technical access to imbalances in generating information and managing traffic flows, which determine today the alignment of forces in the world economy.

Key words: *Internet, telecommunications, information technologies, innovations diffusion, information security, Internet traffic.*

References

1. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue // UN General Assembly Human Rights Council 17th session, 16 May 2011. 22 p. (in English).
2. Alisov N. V., Khorev B. S. *Ekonomicheskaya i sotsialnaya geografiya mira (obshchiy obzor)*. Uchebnik. M.: Gardariki. 2000. 700 p. (in Russian).
3. Nagirnaya A. V. *Razvitiye Interneta v regionakh Rossii (Internet development in Russian regions)* // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2015. № 2. P. 41-51 (in Russian).
4. Nagirnaya A. V. *Geografiya globalnoy seti Internet* // *Geografija v shkole*. 2012. №10. P. 14-18 (in Russian).
5. Nagirnaya A. V. *Analiz territorialnykh disproportsiy v razvitii Interneta* // *Aktualnyye problemy sovremennoy nauki*. 2014. № 1 (75). P. 153-160 (in Russian).
6. Sintserov L. M. *Transportno-kommunikatsionnaya paradigma mirovogo razvitiya. Mirovaya Ekon. Mezhd. Otnosheniya*. 2011. №5. P. 122–128 (in Russian).
7. Sintserov L. M. *Pervaya globalnaya informatsionnaya set'* // *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.* 2004. № 3. P. 71–75 (in Russian).
8. Alisov N. V. and Val'kova T. M. *geografiya vsemirnoy kompyuternoy telekommunikatsionnoy sistemy Internet* // *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.* 1997. № 6. P. 3–12 (in Russian).
9. Myal'dzin T. N. *Potrebitelskaya internet-torgovlya: faktory prostranstvennoy differentsiatsii na globalnom i regionalnom urovne* // *Polyarizatsiya rossiyskogo prostranstva: ekonomiko-, sotsialno- i kulturno-geograficheskiye aspekty* / Pod red. V.N. Streletskogo. M.: Institut geografii RAN. 2018. С. 319-327. (in Russian).
10. *Leadership Imperative in 2010: a future based on broadband*. Report of the Broadband Commission of the International Telecommunication Union and UNESCO. New York, 2010 (in Russian).
11. *State of the Internet: Connectivity Report 2017*. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.akamai.com/us/en/about/our-thinking/state-of-the-internet-report> (in English).
12. *The Zettabyte Era: Trends and Analysis* // Cisco, 2017. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/vni-hyperconnectivity-wp.html> (in English).
13. *TeleGeography's Global Internet Geography Report*. Washington D.C. 2016 (in English).

Поступила в редакцию 01.07.2018 г.

УДК 332.122

Безруков Л. А.¹

Размахнина Ю. С.²

Теоретические основы исследования этничности и этнических процессов в общественной географии

¹ Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН
Российская Федерация, г. Иркутск

² ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет», Российская Федерация, г. Иркутск
e-mail: ¹bezrukov@irigs.irk.ru, ²juliarazm@gmail.com

Аннотация. *Анализируются подходы к определению понятия этничность – примордиализм, конструктивизм и деятельностный подход. Дана характеристика трех основных направлений в области исследований этничности – этногеографии, этнодемографии и этнолингвистики, а также основных проблем и вопросов, связанных с этими областями знания. Представлено авторское определение этнической географии (этногеографии) как особого направления общественной географии.*

Ключевые слова: *этнос, этнические процессы, примордиализм, конструктивизм, деятельностный подход, этногеография, этнодемография, этнолингвистика.*

Введение

Особенности этносов и этнические процессы вызывают неподдельный интерес у современных исследователей в различных областях гуманитарных наук, в том числе в общественной географии. Подобная заинтересованность может быть обусловлена, например, такими событиями мирового масштаба, как референдумы независимости в Шотландии (2014 г.) и Каталонии (2017 г.) и др. В основе этих процессов лежит стремление к национальному самоопределению, которое опирается на осознание того или иного этноса в качестве независимой устойчивой общности, обладающей своей территорией, языком, индивидуальными особенностями культуры и т. д.

Однако несмотря на важную роль этничности в политической и повседневной жизни, разработки проблемы этносов и этнических процессов в отечественной общественной географии остаются относительно немногочисленными, отсутствует единство в определении ряда исходных понятий, в том числе базового понятия «этнос». В целом же этническая география (этногеография) как особое направление общественной географии все еще находится в стадии становления и расширения своей тематики. В связи с этим целью данной работы является рассмотрение теоретических основ изучения этносов и этнических процессов в общественной географии, прежде всего анализ применяемых подходов к определению понятия «этнос».

В рамках данной проблематики примечательна монография Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» и его учебное пособие по этнографии, где автор рассматривает этнос как специфичную общность, дает классификацию этносов и направлений их исследования [1; 2]. В. А. Тишков – представитель конструктивистского подхода, говорит об общем и различном в этнологии и

этнографии [3]. С. И. Брук указывает на место этнической географии в системе этнографических и географических наук [4]. Т. И. Герасименко дает детальную характеристику существующих подходов (примордиализм, конструктивизм и деятельностная парадигма) к понятию этнос. Кроме того, она подробно рассматривает этнос в его неразрывной связи с культурой, а также выделяет ряд основных и дополнительных признаков этнических групп [5]. В. И. Козлов и В. В. Покшишевский в статье «Этнография и география» предметно характеризуют две эти области научного знания и их точки соприкосновения [6]. Пожалуй, самым неоднозначным направлением этногеографической мысли является теория пассионарности Л. Н. Гумилева, в которой усиленной критике подвергаются два положения – о природе самого феномена пассионарности применительно к формированию этнических общностей и роли ландшафтов в судьбе этнических групп [7].

О значении территории как одного из основных признаков формирования этноса повествует В. И. Козлов в статье «Этнос и территория» [8]. В. В. Покшишевский указывает на тенденции в области численности и динамики национальностей СССР, а также на практическую сферу применения этих данных [9]. Д. Д. Богоявленский показывает распределение этносов России и указывает на допущенные просчеты в ходе кампании переписи [10]. С. Г. Сафронов указал на современные тенденции трансформации этнического состава населения России и обусловленные этим проблемы [11]. В завершение следует отметить работу М. Н. Губогло, в которой исследователь на примере СССР показывает феномен двуязычия на фоне пестрой этнической картины страны [12].

Материалы и методы

Будем рассматривать этнос как определенную исторически сложившуюся относительно устойчивую общность людей, объединяемую происхождением, единым языком, территорией проживания, индивидуальными особенностями хозяйства, культуры и менталитета. На данный момент в науке сложилось три подхода к определению этноса. Примордиалистский подход истолковывает этнос как историческую, культурную и географическую реальность. Данный подход в большей степени ориентируется на использование исторического метода. Постмодернистская парадигма (конструктивизм) претендует на создание собственной методологии или же стремится отказаться от устоявшейся понятийной базы, в нашем случае от понятия «этнос». Деятельностный подход, помимо перечисления группы признаков этноса, выявляет путем сравнения значимые характеристики этноса как категории общественной географии.

В рамках статьи внимание акцентируется на трех направлениях изучения этноса и этнических процессов – этногеографии, этнодемографии, этнолингвистики. Считаем, что этническая география призвана изучать, с одной стороны, обусловленность (детерминированность) социально-экономических и политических явлений, связей и процессов этническими процессами и факторами, с другой стороны, влияние географической среды (природной и общественной) на этносы и этнические процессы. Этногеография в процессе исследования этносов воссоздает такой теоретический инструментарий, который в дальнейшем можно использовать как основу практического изучения этнических групп и их территории проживания (составление этнических карт и метод районирования).

Главным методом этнодемографии является статический метод, причем основными источниками информации служат материалы переписей и анкетирования населения. Главными источниками информации этнолингвистики являются материалы этнографических, археологических, этнолингвистических и диалектологических атласов, тексты на родном языке этносов, диалектные и этимологические словари, словари разговорной речи.

Результаты и обсуждение

Как уже упоминалось выше, на данный момент отсутствует единое и исчерпывающее определение понятия «этнос». Тем не менее возможно проследить истоки появления этого термина. Так, Ю. В. Бромлей указывает на древнегреческое происхождение слова «этнос» (ἔθνος – народ) [1, с. 21]. Отсюда же берут свои корни два общепотребимых названия науки об этносах – этнография и этнология. С. И. Брук пишет, что после приобретения во второй половине XIX – начале XX вв. этнографией статуса самостоятельной сферы знания, она «определилась как наука о происхождении, развитии и взаимодействии народов мира, об общих и особенных элементах их культуры и быта» [4, с. 7].

Стоит отметить, что в употреблении вышеуказанных наименований научной дисциплины имеются свои нюансы. Российский этнолог В. А. Тишков подчеркивает, что термин «этнология» в 1930-е годы перестал использоваться по идеологическим причинам, хотя то, что в Советском Союзе именовалось этнографией, во всем остальном мире было известно как этнология. Говоря о различных оттенках употребления данных терминов, В. А. Тишков отмечает: «Современная этнология отличается от этнографии тем, что первая обозначает научную дисциплину, а вторая – цеховую основу этой дисциплины (этнографический метод и форма нарратива)» [3].

Причиной же отсутствия единого и общепризнанного определения понятия «этнос» является существование нескольких подходов к трактовке данного концепта – примордиалистского (объективистского), постмодернистского (конструктивистского) и деятельностного. В отечественной литературе долгое время доминировала примордиалистская концепция, согласно которой этнос может быть определен с помощью трех основных компонентов – истории, культуры и географической среды. В рамках данного направления отчетливо выделяются две школы, главными представителями которых являются, с одной стороны, Ю. В. Бромлей, с другой – Л. Н. Гумилев.

Ю. В. Бромлеем была выдвинута дуалистическая теория этноса. Двойственность этой теории выражалась в существовании основополагающего базиса или ядра – так называемого этникоса и его этносоциального организма (условия формирования и существования этноса). Этникос состоит из следующих компонентов: этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая деятельность, этноним (самоназвание). Под этносоциальным организмом имеются в виду природные, географические (в том числе территориальные) условия, социально-экономические характеристики и государственно-правовые режимы тех или иных этносов. Проиллюстрировать двойственный характер концепции Ю. В. Бромлея можно на примере представителей русского этноса: все русские, проживающие в мире – это этникос, в то время как русские, находящиеся в пределах своего государства – России – представляют собой этносоциальный

организм. Единство этноса обеспечивается синхронными (в пространстве) и диахронными (во времени) информационными потоками [5, с. 179].

Оппонентом Ю. В. Бромлея выступает Л. Н. Гумилев со своим социобиологическим пониманием этноса. В его представлении этнос является замкнутой системой дискретного типа, люди, входящие в эту систему, обладают общими стереотипами поведения и отличительными признаками от представителей других систем и общностей. Единство этноса зачастую выражается в таком понятии, как комплиментарность, которое проявляется в чувстве симпатии или сопричастия к своему народу (положительная комплиментарность).

Однако комплиментарность может быть и со знаком минус, что выражается в известном противостоянии «мы – они». Но главное место в теории Л. Н. Гумилева отводится пассионарности, определяемой как способность человека абсорбировать энергию внешней среды (взаимодействие с биосферой) и выдавать ее в виде работы. В человеческих организмах степень пассионарности значительно варьируется: одни индивиды совершают поступки, которые способны изменить ход истории, в том числе привести к формированию национального самосознания и народного единства, другие же в большей мере принимают участие в решении насущных проблем их узкого коллектива – семьи, рода. Таким образом, пассионарность также может быть определена как стремление к преобразованию окружающей действительности. Несмотря на некоторую популярность данной теории в 1980-х годах, большинство ее положений не заслужили признания научного сообщества.

1970-е годы считаются переломным этапом в этнологической науке. Это десятилетие ознаменовано ослаблением позиций теории плавильного котла, что наблюдалось повсеместно как в странах США и Западной Европы, так и в СССР. Основной постулат этой теории сводился к преодолению этничности в ходе построения национальных государств. Ослабление позиций традиционной примордиалистской парадигмы привело к отрицанию существования этносов как географической, исторической и культурной объективной реальности [5, с. 179–180].

В русле критики примордиалистской теории выделяется конструктивистский подход, согласно которому этническое чувство не более чем интеллектуальный конструкт писателей, ученых и политиков. Поэтому рядом исследователей, например В. А. Тишковым, оспаривается существование этноса как объективной реальности.

В качестве последнего направления этнологической мысли необходимо отметить деятельностный подход, согласно которому этносом является интегративный, целостный субъект социальной деятельности. В рамках данного подхода этносами выступают самодостаточные коллективы, существующие независимо от исторических периодов и характерных для них общественно-экономических формаций [5, с. 180]. Кроме того, важным преимуществом этого подхода может служить разнообразие признаков, по которым может классифицироваться этнос, начиная от территории проживания и заканчивая особенностями национального характера. Данный подход является, пожалуй, самым молодым, но наиболее перспективным направлением в современной этнологии и междисциплинарных областях знания. Давая ему краткую характеристику, Т. И. Герасименко опирается на труды непосредственных

представителей деятельностного подхода – Ю. В. Ивановой, К. Х. Момджяна, Э. С. Маркаряна [5, с. 180].

По мнению упомянутых выше авторов, при изучении этноса как категории общественной географии необходимо учитывать специфику всех трех подходов, активно используя их преимущества и достоинства. Кроме того, анализ этносов и этнических процессов не будет носить комплексный характер при отсутствии включения в исследование возможностей междисциплинарных наук. Поэтому к характеристике того или иного этноса следует подходить комплексно, рассматривая не только такой типичный географический признак, как территория проживания этноса, но также его язык, социально-экономические условия, культурное наследие, национальный характер и т. д.

География и этнография контактируют между собой в изучении взаимодействия этноса и природной среды, типов расселения, а также по вопросам этнического картографирования [2]. Одним из ключевых понятий этнической географии является территория. Под территорией понимается не только сам ареал проживания того или иного этноса, но и присущие ему характеристики, такие как климат, тип и объекты природного ландшафта (тайга, тундра, горы, реки и т. д.).

Относительно степени влияния ландшафта на этнические процессы в научном сообществе преимущественно царит единодушие. В частности, В. И. Козлов и В. В. Покшишевский полагают, что природные условия накладывают свой отпечаток на материальную культуру и быт этносов (орудия труда, трудовые навыки и хозяйственную деятельность), однако не предопределяют их развитие или упадок [6, с. 9]. Разумеется, природа способна играть положительную или отрицательную роль в этнических процессах, но человек преобразует природу и использует ее в своих целях, поэтому природные условия влияют на этногенез лишь косвенным путем.

Точка же зрения Л. Н. Гумилева резко контрастирует с вышеуказанной позицией по данному вопросу. Он полагает, что этносы, которые не в состоянии приспособиться к имеющимся природным условиям, должны переселиться в более подходящий географический ландшафт или вымереть. Это положение, по его мнению, равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность [7].

Кроме того, некоторыми исследователями, например И. И. Потехиным, высказывается предположение, что общность территории проявляется только тогда, когда народ или нация населяют сплошную территорию, не разрезанную какими-либо естественными рубежами, которые препятствуют повседневному общению [8, с. 91]. В. И. Козлов подвергает критике данное предположение по причине того, что не до конца ясно, какой смысл вкладывается в понятие «повседневное общение». Например, это явление еще можно вообразить между жителями одной деревни, но уже затруднительно представить ситуацию, чтобы жители разных деревень имели возможность такого общения. Более того, в случае протяженных расстояний (например, между Рязанской и Иркутской областями) вышеуказанное представление противоречит здравому смыслу [8, с. 91].

Природные рубежи могут являться границами как между странами, так и в рамках одного государства, между его регионами [8, с. 92]. Например, граница между Республикой Бурятия и Иркутской областью проходит по озеру Байкал. Кроме того, природные рубежи-границы зачастую являются своеобразными этническими символами. В этом отношении пример озера Байкал как границы

между двумя вышеуказанными субъектами РФ вновь демонстрирует свою иллюстративность.

Традиционно выделяется три типа (способа) расселения этносов: анклавный, дисперсный и компактный. При анклавном способе расселения группы определенного этноса проживают на большом расстоянии друг от друга, а также в окружении иноэтнических и иноязычных групп. Под дисперсным типом населения имеется в виду проживание малых этносов на обширной территории (например, эвенки на территории Восточной Сибири). И, наконец, существование населенных пунктов, в рамках которых преобладает доля того или иного этноса, представляет собой компактный тип расселения.

Среди насущных проблем этнической географии традиционно выделяется классификация народов мира. Чаще всего этнические общности и народы разделяют по географическому основанию (по континентам, крупнейшим районам мира и странам). Так, например, Ю. В. Бромлей классифицировал этносы по месту проживания, выделяя народы СССР, Зарубежной Азии, Африки, Австралии и Океании, Америки и Зарубежной Европы.

Возможна еще одна классификация по географическому признаку. Часто можно услышать такие словосочетания, как народы Кавказа, Океании и пр. Однако в данном случае необходимо учитывать совпадение этнического признака и территории. Помимо разделения этносов по территории проживания возможно еще выделение этносов на основе антропологических признаков (цвет кожи, волос, форма черепа и т. д.), языка и пр. В данном случае выделение этих признаков может быть полезным на первичном этапе исследования, когда необходимо заложить теоретический фундамент исследования, который в последующем может быть воплощен в практическом аспекте – картографировании по тому или иному признаку.

Одним из перспективных аспектов исследования этнической географии является изучение макрорегионов. В рамках исследования таких территориальных единиц можно выявить ряд аспектов и проблем, таких как соотношение численности различных этнических групп, наличие национального принципа в административно-территориальном устройстве, влияние этнического фактора на социально-экономическое благосостояние и электоральные процессы, обучение на родном языке и т. д. Примером специфичного полиэтнического макрорегиона может служить Восточная Сибирь.

Уникальная этническая гетерогенность Восточной Сибири, рассматриваемой в составе республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области, способна усиливать меж- и внутрирегиональные социально-экономические диспропорции, действие центробежных сил и политический сепаратизм, что требует научного осмысления этнической проблематики и разработки взвешенной национальной политики страны и ее регионов. В макрорегионе Восточной Сибири преобладающими по численности населения являются русские – 79,7 %. Совокупный удельный вес четырех относительно крупных коренных народов (якуты, буряты, тувинцы и хакасы) составляет 14,0 %, коренных малочисленных народов Севера (эвенки, эвены, долганы, ненцы, сойоты, тувинцы-тоджинцы, шорцы, юкагиры, кеты, нганасаны, тофалары и др.) – всего лишь 0,8 %.

Примером выраженного влияния этнического фактора на политико-географические процессы могут служить проблемы и противоречия существования

иерархии разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий. Особенность Восточной Сибири заключается в том, что подавляющую часть ее территории – 73,9 % – занимают республики (Бурятия, Саха, Тыва и Хакасия) и муниципальные районы бывших автономных округов (Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский в Иркутской области, Агинский Бурятский в Забайкальском крае), сложившиеся на основе этнического принципа. В отдельных республиках представлены национальные муниципальные районы и национальные поселения, которые имеют значительную долю коренных малочисленных народов. С учетом официального перечня «мест традиционного проживания коренных малочисленных народов» в пределах Забайкальского и Красноярского краев и Иркутской области площадь этнических территорий еще более возрастает. Важно отметить, что все эти национальные единицы государственного и муниципального устройства и другие этнические территории имеют принципиально различный статус, что оказывает заметное влияние на электоральные процессы и элитогенез, образование на родном языке и сохранение национальной идентичности, межнациональные отношения и риски возникновения этнополитических конфликтов.

Этнический состав населения Восточной Сибири интересно сопоставить с аналогичным составом населения всей России. Для страны в целом наблюдается следующая картина распределения этнических групп: преобладающая доля принадлежит русскому этносу – 81 %, более 6 % занимают этнические группы стран СНГ (украинцы, белорусы и др.), около 8 % составляют этносы Поволжья и Урала (башкиры, татары, коми и т. д.), на народы Северного Кавказа приходится менее 3 %, наконец, самой малочисленной группой в этническом составе Российской Федерации является коренные малочисленные народы Севера – 0,6 % [10, с. 88]. При близкой доле русских в России в целом и Восточной Сибири для последней характерен меньший удельный вес этнических групп стран СНГ и одновременно больший удельный вес коренных народов.

С. Г. Сафронов указывает на три ключевых компонента при анализе территориальных сдвигов в составе этнического пространства России. Превалирующим компонентом является «русское мегадро», контуры которого соответствуют границам сплошного территориального массива «русских» областей и краев. Также выделяются в качестве следующего компонента национальные регионы, сильно дифференцированные по весу в населении страны и доле титульных этносов. Кроме того, нельзя забывать и о существовании переходных контактных зон.

В последнем случае, подчеркивает С. Г. Сафронов, наряду с традиционными поясами на периферии русского мегадра, своего рода «внешними» этноконтактными зонами, расширяются и «внутренние» – крупные города с мозаичным этническим составом населения [11, с. 140]. Безусловно, что доля проживающих там этнических меньшинств не столь велика по сравнению с представителями титульной нации. Но представляют интерес связанные с этими небольшими «островками» иноэтничности явления, а именно конкуренция на рынке труда, ареалы сегрегированного расселения по этническому признаку и пр. При этом нет и однозначного ответа, что представляют собой этнические диаспоры в крупных городах – группы людей, объединенные объективно

существующими целями и потребностями или искусственно конструируемые и мобилизуемые элитами группы [11, с. 140].

Важным источником изучения этногеографических и этнодемографических процессов являются материалы переписей. Всего, начиная с 1897 г., в истории нашей страны было проведено 10 общегосударственных переписей. Последняя была в 2010 г., в текущем 2018 г. в октябре планируется проведение пробной переписи населения, а в 2020 г. – уже всероссийской.

Несмотря на то, что перепись является основным средством для изучения этнических процессов, полнота представляемых ее сведений не носит абсолютного характера. Как и любой статистический материал, она может содержать неточности и погрешности.

Первым источником неточности является неполный учет демографических событий. В рамках всей страны он незначителен, но в то же время при характеристике отдельных народов этот недочет может оказаться существенным упущением. Традиционно велик недоучет среди исламских народов (у чеченцев в 1960-е годы недоучитывалось до трети естественного прироста населения) [10, с. 89]. Для сельской местности также характерна неполная картина учета проживания этнических групп. Проблемы могут быть связаны с постоянно изменяющейся динамикой миграционных процессов, а именно сложностью учета прибывших, многие из которых оседают в стране пребывания в качестве незарегистрированных мигрантов.

Ко второй группе погрешностей относится тот факт, что в переписи указываются данные самоидентификации (самоопределения) респондента. Отсюда вытекает другая проблема, а именно этническая идентичность. Т. Г. Стефаненко дает следующее определение данного понятия: «Этнической идентичностью является результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и отделения от других этносов» [13].

В качестве примера развертывания этнического самосознания может служить сибирский регион, население которого представлено спектром коренных и малочисленных народов. Процесс формирования специфической локальной этнической идентичности в регионе может быть отнесен еще к началу XVII в. Огромную роль здесь сыграли контакты европейских переселенцев с коренным населением: из-за вольного освоения территории практически без государственного сопровождения переселенцы были вынуждены контактировать с местными жителями на равных основаниях без острых противоречий и масштабных конфликтов. Зачастую они перенимали друг у друга привычки, обменивались традициями и устройством быта. По словам этнографа А. Н. Пыпина, «Сибирь, колонизированная только русскими с самого начала, однако, стала приобретать особый склад административный и бытовой, который с течением времени все больше удалялся от обычного хода жизни в метрополии» [14].

Также в формировании этнической идентичности большая роль отводится межэтническим бракам. Например, данные ЗАГС за 1950–1970-е годы по отдельным регионам Западной Сибири показывали большую долю межэтнических браков, которая колебалась от 38 % до 73 % [33]. К началу 2000-х годов этот показатель снизился примерно до 20 %, но в 70 % опрошенных русских семей,

проживающих в Сибири, имеются близкие родственники другой национальности [15, с. 12].

Сибирский регион относится к зонам активных межэтнических контактов, поэтому у жителей региона с 1990-х годов зачастую возникали трудности с определением своей этнической идентичности. Социологическое исследование, проведенное этнографом М. А. Жигуновой, показало разнообразие мнений респондентов относительно их этнической принадлежности: «Не знаю, кто я, родители разной национальности», «Трудно сказать, много в нас разной крови намешано» и др. Более конкретные ответы респондентов свидетельствовали о наличии у них смешанной идентичности: «метис», «полукровка» и даже такой экзотической, как «православный потомок Чингисхана» и пр. [15, с. 12].

Наряду с наличием этнической идентичности имеется также отсутствие таковой. Это находит отображение в том, что в переписном листе пункт о национальной принадлежности не заполняется. По этому поводу С. Г. Сафронов добавляет, что «минимум неопределившихся там, где этническая идентичность принципиальна для комфортного проживания индивида, испытывающего давление окружающего социума, где сильны позиции традиционной культуры, в которой этническая идентичность – средство политической мобилизации населения, нацеленное на увеличение доли титульного этноса [11, с. 143]. В таком случае вероятность проявления ассимиляционных процессов значительно снижается.

И, наконец, имеют место быть ошибки, связанные с первичным получением данных и последующей обработкой информации. Почти повсеместно отмечались случаи заполнения переписных листов на основе материалов, имеющихся в органах власти, без личного общения с людьми [10, с. 89]. Также Д. Д. Богоявленский отмечает, что, «поскольку демография отдельных народов не считалась особенно важной, соответствующие данные почти не публиковались и не анализировались государственной статистикой, материалы отдельных территорий шли в итог без должного контроля, а общая сумма зачастую скрадывала необъяснимые скачки показателей по регионам» [10, с. 89].

Стоит также упомянуть этноязыковые аспекты этнических процессов, которые являются предметом изучения этнолингвистики. Одной из особенностей в этом отношении является рост двуязычия в современном мире. В качестве примера можно привести многонациональные государства с двумя и большим количеством официальных языков, такие как Швейцария, Бельгия, Индия, Пакистан и др. Данная ситуация хорошо отображена С. И. Бруком, который привел данные переписи СССР 1970 г. Согласно переписи, 52,2 млн чел., или 21,6% всего населения страны свободно владели вторым иностранным языком; доля двуязычия среди нерусских народов составила 42,7 % [4, с. 27].

М. Н. Губогло подчеркивает, что степень овладения вторым языком и масштабы распространения двуязычия у различных народов СССР в первые годы существования государства были различными. Среди народов, владеющих русским языком и проживающих в основном в своих союзных и автономных республиках, выделялись белорусы, украинцы, мордва, карелы, удмурты и марийцы. Наименьшая доля лиц, усвоившая русский язык, была у городских таджиков, узбеков, туркмен и т. д. Уровень владения русским языком был еще хуже в сельских окраинах. Так, например, из 830 тыс. сельских таджиков только для двух русский язык стал родным языком, а из 3,2 млн узбеков – только для 39 чел. [12, с. 295].

Помимо двуязычия также весьма часты случаи, когда несколько народов говорят на одном и том же языке. Например, английским (с небольшими местными различиями) владеют жители Великобритании, США, Канады и др. В таком случае общность языка не может служить основополагающим признаком для анализа того или иного этноса, поэтому необходимо руководствоваться другими характеристиками этнических общностей, например, этническим самосознанием.

В завершение необходимо затронуть проблему образования на родном языке. Например, политику Советского Союза применительно к этой сфере можно разделить на три этапа: 1) период активной поддержки и развития языков народов государства (1920–1930-е годы); 2) период активной русификации и ассимиляции (1930-е – середина 1980-х годов); 3) возврат к политике поддержки коренных и малых народов и их языков (с конца 1980-х годов и до распада СССР).

Советскими специалистами была проделана большая работа по созданию письменности для пятидесяти языков, в том числе таких восточносибирских языков, как якутский, эвенкийский, эвенский. Для организации обучения коренных и малых народностей был учрежден Совет по делам просвещения национальных меньшинств, также была начата работа по подготовке учителей для национальных школ, созданию учебников и т. д. К концу 1920-х годов государству удалось создать сеть детских дошкольных учреждений, кочевых школ для детей и взрослых, подготовительных классов и отделений, появились передвижные и стационарные библиотеки.

В 1930-е годы советским руководством был взят курс на русификацию, что выражалось в принятом постановлении о постепенном переводе обучения на русский язык. Также было прекращено использование латинизированной формы алфавита для языков коренных малочисленных народностей и постепенно начался процесс перехода на кириллицу.

К последнему десятилетию существования Советского Союза сократилось число полноценных носителей языка коренных малочисленных народностей. Те из них, кто родился в 1950–1970-е годы, могли, как правило, понимать обращенную к ним речь, но сами испытывали затруднения в выражении своих мыслей и чувств, зачастую владея лишь знанием примитивных фраз и выражений. Закономерно, что их дети, появившиеся на свет в 1980-х годах и позднее, владеют своим родным языком еще хуже, нежели предшествующие поколения.

Утрата родного языка была особенно актуальна для малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. В качестве примера можно привести тофаларов, проживающих, преимущественно, в Нижнеудинском районе Иркутской области. Согласно переписи населения РСФСР 1989 г., их общая численность составляла 722 чел.: из них 309 владели тофаларским языком и считали его родным, 401 – в качестве родного языка признавали русский, 12 – другие языки [16, с. 50].

В то же время этап перестройки (1985–1991 гг.) в СССР были отмечен ростом самосознания коренных народов. В этот период появляются многочисленные этнические региональные организации, деятельность которых нашла поддержку среди местных властей. В 1990 г. по результатам первого съезда коренных малочисленных народов Севера СССР была создана Ассоциация, в рамках которой были объединены почти все коренные малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока. Данное объединение было создано в целях защиты прав и интересов этих народов, одной из главных задач Ассоциации являлась поддержка национальных языков и традиционной культуры. Некоторые поставленные задачи

вышеуказанной организации действительно удалось реализовать: например, наблюдался значительный прогресс в отношении преподавания и изучения языков [17, с. 377]. Особенно это было характерно для Красноярского и Хабаровского краев, Тюменской области и некоторых других регионов РСФСР, где количество изучавших родные языки выросло в 2–3 раза [16, с. 54]. После распада СССР проблема сохранения языкового наследия этносов остается по-прежнему актуальной.

Выводы

Исследование этносов и этнических процессов является одним из наиболее перспективных направлений в общественной географии, поскольку до сих пор сохраняется соответствующий спектр проблем и вопросов, вызывающих повышенный интерес исследователей. В рамках данной статьи нами были проанализированы проблемы формирования понятийного аппарата концепта этнос, рассмотрены три направления этнических исследований – этническая география, этнодемография и этнолингвистика. В области формирования понятийного аппарата может быть выделено три подхода: примордиализм, конструктивизм и деятельностный подход. Каждый из них имеет свои преимущества, поэтому ни один из них не может быть отброшен за ненадобностью. Тем не менее деятельностный подход, рассматривающий этносы вне зависимости от общественно-экономических формаций, представляется наиболее перспективным направлением изучения этносов и этнических процессов.

В рамках этнической географии сохраняют свои позиции региональные исследования. На примере макрорегиона Восточной Сибири показаны основные проблемы и противоречия существования иерархии разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий. Рассмотрены погрешности и недочеты материалов переписей как основного средства изучения этнических процессов. Внимание акцентировано на проблеме этнической самоидентификации (идентичности) или отсутствии таковой, что показано на примере Восточной Сибири. Освещены этнолингвистические аспекты этногеографических исследований, в рамках которых раскрыт ряд современных тенденций – рост двуязычия в современном мире, владение в качестве родного языка большой общностью людей и т. д. Кратко перечислены вехи советской языковой политики.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 285 с.
2. Этнография. Учебник под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова М.: Высшая школа, 1982. 320 с.
3. Валерий Тишков. Институт этнологии и антропологии РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/main_4.html?cons848_page=4.
4. Брук С. И. Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978. 164 с.
5. Герасименко Т. И. «Этнос» и «культура»: трактовка понятий и подходы к изучению // Вестник Оренбургского университета. 2015. № 6 (181). С. 178–184.

6. Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география // Советская этнография. 1973. № 1. С. 3–13.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article84a.htm>.
8. Козлов В. И. Этнос и территория // Советская этнография. 1971. № 6. С. 89–100.
9. Покшишевский В. В. География населения СССР. М.: Просвещение, 1971. 174 с.
10. Богоявленский Д. Д. Этнический состав населения России // Этносоциология. 2001. С. 88–93.
11. Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.
12. Губогло М. Н. Взаимодействие языков народов СССР и развитие двуязычия [Сб. ст.]. М.: Наука, 1977. С. 294–316.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология [Электронный ресурс]. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с. Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/3/0371/3_0371-197.shtml.
14. Бороноев А. О. Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона [Сб. статей] // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: материалы Всероссийской науч. конф. 5–7 мая, 2006 г. Улан-Удэ, 2006. С. 7–22.
15. Жигунова М. Разные, но мы вместе // Эксперт-Сибирь. 2011. № 50. С. 11–13.
16. Арефьев А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.
17. Размахнина Ю. С. Советская политика в отношении коренных этносов (на примере субъектов Сибири и Дальнего Востока [Сб. ст.] // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской науч. конф., 25 апр., 2018 г. Иркутск, 2018. С. 369–378.

Bezrukov L. A.¹
Razmakhnina Yu. S.²

Ethnicity research of theoretical bases' and ethnic process in public geography

¹ V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Russian Federation, Irkutsk

² Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk
e-mail: ¹bezrukov@irigs.irk.ru, ²juliarazm@gmail.com

Abstract. Approaches to the definition of the concept of ethnicity - primordialism, constructivism and activity approach are analyzed. The characteristic of three main directions in the field of studies of ethnicity - ethnogeography, ethnodemography and ethnolinguistics, as well as the main problems and issues related to these fields of knowledge is given. The author's definition of ethnic geography (ethnogeography) as a special direction of social geography is presented.

Key words: *ethnos, ethnic processes, primordialism, constructivism, activity approach, ethnogeography, ethnodemography, ethnolinguistics*

References

1. Bromlei Yu. V. Etnos i geographia. M.: Nauka, 1973. 285 s. (in Russian)
2. Etnographia. Uchebnik pod redaktsiei Yu. V. Bromleya i G. E. Markova. M.:Vyashaya Shkola, 1982. 320 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://socioline.ru/pages/etnografiya-uchebnik-pod-red-yuv-bromleya-i-ge-markova> (in Russian)
3. Valery Tishkov. Institut entnologii i antropologii RAN [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/main_4.html?cons848_page=4 (in Russian)
4. Bruk S. I. Problemy etnicheskoi geographii i kartographii. M.: Nauka, 1978. 164 S. (in Russian)
5. Gerasimenko T. I. “Etnos” i “kultura”: traktovka ponyatii i podhody k izucheniyu // Vestnik Orenburgskogo universiteta. 2015. № 6 (181). S. 178–184. (in Russian)
6. Kozlov V. I., Pokshishevsky V. V. Etnographia i geographia // Sovetskaya etnographia. 1973. № 1. S. 3–13. (in Russian)
7. Gumilev N. N. Etnogenes i etnosfera [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article84a.htm>. (in Russian).
8. Kozlov V. I. Ethos i geographia // Sovetskaya etnographia. 1971. № 6. S. 89–100. (in Russian)
9. Pokshihevsky Geographia naselenia SSSR. M.: Prosveshenie, 1971. 174 s. (in Russian)
10. Bogoyavlensky D. D. Etnicheskii sostav naselenia Rossii // Ethnocotsiologia. 2001. S. 88–93. (in Russian)
11. Saphronov S. G. Sovremenny tendentsii transformatsii etnicheskogo sostava naselenia Rossii // Baltiskii region. № 3 (25). S. 138–153. (in Russian)
12. Guboglo M. N. Vzaimodestvie yazykov narodov SSSR i razvitie dvyazychia [Sb. st.]. M.: Nauka, 1977. S. 294–316. (in Russian)
13. Stephanenko T. G. Etnopsihologia [Elektronnyj resurs]. - M.: Institut psikhologii RAN, “Akademicheskii proekt”, 1999. 320 s. Rezhim dostupa: http://pedlib.ru/Books/3/0371/3_0371-197.shtml (in Russian)
14. Boronoev A. O. Territorialnaya mentalnost’ i problemy sociokulturnogo razvitiya regiona [Sb. st] // Sibirskaya mentalnost’ I problemy sociokulturnogo razvitiya regiona: materialy Vseros. nauch. konf, 5–7 maya, 2006 g. Ulan-Udae, 2006. S. 7–22 (in Russian)
15. Zhigunova M. Raznye, no vmeste // Ekspert Sibir’. 2011. № 50. S. 11–13. (in Russian)
16. Arefiev A. L. Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: istoria i sovremennost’. M.: Tsenter socialnogo prognozirovania i marketinga, 2014. 488 s. (in Russian).
17. Razmakhnina Y. S. Sovetskaya politika v otnoshenii korennykh etnosov (na primere sybektov Sibiri i Dalnego Vostoka) // Sibir’ v izmenyayushemsya mire. Istoria i sovremenost’: materialy Vseross. nauch. conf., 25 apl., 2018 g. Irkutsk, 2018. S. 369–378. (in Russian).

Поступила в редакцию 2.06.2018 г.

РАЗДЕЛ II

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ

Вопросы геоэкологии

УДК 911.5/9:621.311-028.82

Позаченюк Е. А.¹
Горбунова Т. Ю.²

Теоретико-методологические подходы к оценке ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики

¹ ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
² ФГБУН «Карадагская научная станция имени Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН», Российская Федерация, г. Феодосия
e-mail: ¹pozachenyuk@gmail.com; ²gorbunovatyu@gmail.com

Аннотация. В работе представлены некоторые теоретико-методологические подходы к оценке ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики. Усовершенствовано понятие о ландшафтном потенциале территории для использования системами возобновляемой энергетики как о комплексном свойстве ландшафта выполнять функцию энергообеспечения территории с учетом природных и социально-экономических предпосылок, а также существующих технических и геоэкологических ограничений использования территории.

Ключевые слова: ландшафтный потенциал, оценка, системы возобновляемой энергетики, природный потенциал, технический потенциал, геоэкологические ограничения.

Введение

С технической точки зрения современные методики оценки ландшафтного потенциала реализуются при помощи современных компьютерных программ как специализированного, так и общепользовательского характера, которые позволяют осуществлять построение баз данных ресурсов ландшафта для реализации потенциала возобновляемых энергетических ресурсов и осуществлять реализацию предложенных алгоритмов расчетов. Важное значение имеет визуализация информации в виде карт, картосхем, комплектов карт для атласов.

Современные компьютерные программы позволяют не только осуществлять построение баз данных ресурсов возобновляемой энергетики, но и проводить их

анализ, строить логические и поисковые запросы в пространственной среде картографируемой территории.

В большинстве случаев используемое программное обеспечение позволяет в той или иной мере, в зависимости от сложности программного продукта, визуализировать информацию в виде пространственных схем, хотя в ряде случаев хранение информации осуществляется в табличной форме или в виде банков данных, с единичной визуализацией по отдельным запросам.

На данный момент нет единой строгой общепринятой методики, не разработаны теоретические и методологические основы оценки потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики. В мировой практике проработаны отдельные аспекты оценки потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики, они представлены фрагментарно в зависимости от целей и уровня исследования. Стоит выделить комплексные исследования крупных международных агентств [1–6], а также ряда ученых в области возобновляемой энергетики [7–10], в том числе российских [11–21]. В то же время многие теоретико-методологические положения остаются неразработанными, в том числе вопросы терминологии. Полученные оценки во многих работах сильно отличаются друг от друга в силу различных подходов, методик, выбора данных для анализа потенциала.

Таким образом, на теоретико-методологическом уровне нерешёнными остаются вопросы разработки методики оценки ландшафтного потенциала территории локального уровня для использования систем возобновляемой энергетики. Отсутствие единой методики оценивания приводит к искажениям полученных результатов, их несравнимости, а неучет всех природных, социально-экономических и экологических ограничений – к завышенным оценкам и, соответственно, экономическим потерям.

Хотелось бы отметить, что принципиально важной, по нашему мнению, является доступность методики оценки потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики, ее детальная проработка и соответствие современному уровню исследований в области. С другой стороны, методика, используемая для оценки потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики, не должна быть громоздка и расширена за счет многообразных коэффициентов. Это снизит привлекательность системы для широкого круга пользователей и оставит среди пользователей системы только узкопрофильных специалистов.

Материалы и методы

Теоретико-методологические подходы к оценке ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики разработаны на основе эмпирической оценки, произведенной для территории Юго-Восточного Крыма с применением методов геоматики и осуществлением картографирования потенциала территории. Расчеты потенциала и построение карт проводилось в программе ArcGIS. Возможно также использование и узкопрофильного специализированного программного обеспечения (WAsP, Wind Farm, WindNinja)

Важное значение, с методической точки зрения, при оценке ландшафтного потенциала возобновляемой энергетики имеет выбор операционно-территориальной

единицы. В большинстве случаев оценка проводится на уровне конкретного ландшафта и уровень пространственного охвата близок к региональному и микрорегиональному.

Алгоритм оценки потенциала возобновляемой энергетики для конкретного ландшафта, с одной стороны, связан с непосредственными полевыми исследованиями территории и картографированием компонентов ландшафта, а с другой – тесно переплетается с моделированием геофизических параметров в ландшафте, созданием моделей потоков вещества и энергии.

Полевые наблюдения геофизических параметров ландшафта осуществляются стационарно на сети гидрометеорологических станций, гидропостов, геофизических стационаров и маршрутных индивидуальных наблюдений.

Наиболее часто используемыми метеорологическими параметрами при оценке потенциала возобновляемых источников энергии выступает величина поступающей солнечной радиации, скорость, направление и повторяемость ветров, влажность воздуха, температура воздуха, облачность, величина речного стока и т. д. Достаточно часто данные величины просто интерполируются для конкретных территорий. Типичным примером является построение полей метеорологических параметров по определенной сети метеостанций.

Важное значение при компьютерном моделировании ресурсов и ландшафтного потенциала возобновляемых энергетических ресурсов играет выбор размера ячейки для пространственного моделирования территории. Однозначных методологических решений здесь нет и в случае ландшафтного направления исследований выбор размера ячейки осуществляется в соответствии с общими для компьютерной картографии правилами в зависимости от выбранного пространственного масштаба исследований и размеров территории.

Отметим, что абсолютно универсальных компьютерных продуктов, позволяющих полностью оценить потенциал возобновляемых источников энергии, особенно с ландшафтной точки зрения, не существует, даже при работе в узкопрофильных организациях.

Результаты и обсуждение

Нами в данной работе в основу оценки ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики положен системный ландшафтно-экологический подход, в общем виде заключающийся в анализе особенностей компонентов ландшафта и их влияния на перераспределение энергетических потоков в ландшафте, которые в свою очередь и формируют потенциал возобновляемых энергетических ресурсов каждого конкретного ландшафтного контура.

Системный подход заключается в рассмотрении целостного свойства конкретного ландшафта в виде природного потенциала. Ландшафтный потенциал территории для использования системами возобновляемой энергетики конкретного ландшафта является результатом интеграции свойств отдельных его компонентов, а также ландшафтной структуры.

В ландшафтном потенциале территории для использования системами возобновляемой энергетики, на наш взгляд, выделяется 3 составляющие: природная, техническая и геоэкологическая. Природная составляющая состоит в оценке максимально возможного природного потенциала, определяемого компонентными и

комплексными свойствами самого ландшафта. Техническая составляющая ландшафтного потенциала – это та часть природного потенциала, которую возможно использовать на данном этапе технологического и социально-экономического развития. Геоэкологическая составляющая заключается в необходимости сохранения природного потенциала ландшафта и обеспечении его устойчивого развития. Для этого при использовании ландшафтного потенциала вводится система геоэкологических ограничений (нормативно-экологические, природоохранные, социально-культурные).

Классически под ландшафтным потенциалом понимают способность ландшафта выполнять заданные функции. Именно в таком понимании потенциал ландшафтов рассматривается К. Н. Дьяконовым с соавторами [22; 23], М. Д. Гродзинским [24–27], А. Г. Исаченко [28; 29], Е. А. Позаченюк [30; 31], Е. С. Паштецким [36], А. Д. Волковым, А. Н. Громцевым [37], Л. М. Соцковой [38], авторами коллективной монографии «Туристско-рекреационный потенциал Республики Крым и г. Севастополь» [39], В. Н. Шарафутдиновым с соавт. [40], В. В. Козиным с соавт. [41] и др. Вместе с тем в практике оценки потенциалов возобновляемой энергетики уже сложилась некоторая система оценивания, связанная с расчётом природного (валового), технического, социально-экономического и экологического потенциалов [11; 42–44; 45; 46; 47; 48] территории.

Тем не менее понятие «ландшафтный потенциал территории» для использования системами возобновляемой энергетики в изучаемой нами литературе не встречено. Поэтому, исходя из ранее изложенных теоретических положений, предлагаем под ландшафтным потенциалом территории для использования системами возобновляемой энергетики понимать способность ландшафта выполнять функцию энергообеспечения территории с учетом природных и социально-экономических предпосылок, современного уровня технологического развития, а также существующих технических (инженерных) и геоэкологических ограничений использования территории.

Учитывая вышеизложенное, теоретические подходы к оценке ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики, а также базируясь на личных исследованиях автора [49–52], предлагаем алгоритм оценки ландшафтного потенциала территории Юго-Восточного Крыма для использования системами возобновляемой энергетики (рис. 1).

В первом блоке описываются предпосылки формирования ландшафтного потенциала территории системами возобновляемой энергетики, а именно физико-географические и социально-экономические. Особое внимание в данном блоке уделено климатическим ресурсам, так как они являются основным параметром предстоящей оценки. Социально-экономические предпосылки формирования потенциала заключаются в наличии потребности населения в энергии, а также определении особенностей хозяйственной деятельности региона оценки.

Второй блок характеризует оценку природного потенциала территории, который заключается в расчете величин и повторяемости ресурса и распределении его в пространстве, определении ограничивающих природных факторов и построении карт природного потенциала территории.

Третий блок представлен оценкой технического потенциала. На этом этапе проходит оценка инженерно-геологических и геоморфологических условий территории, строятся и анализируются карты наземного покрова территории.

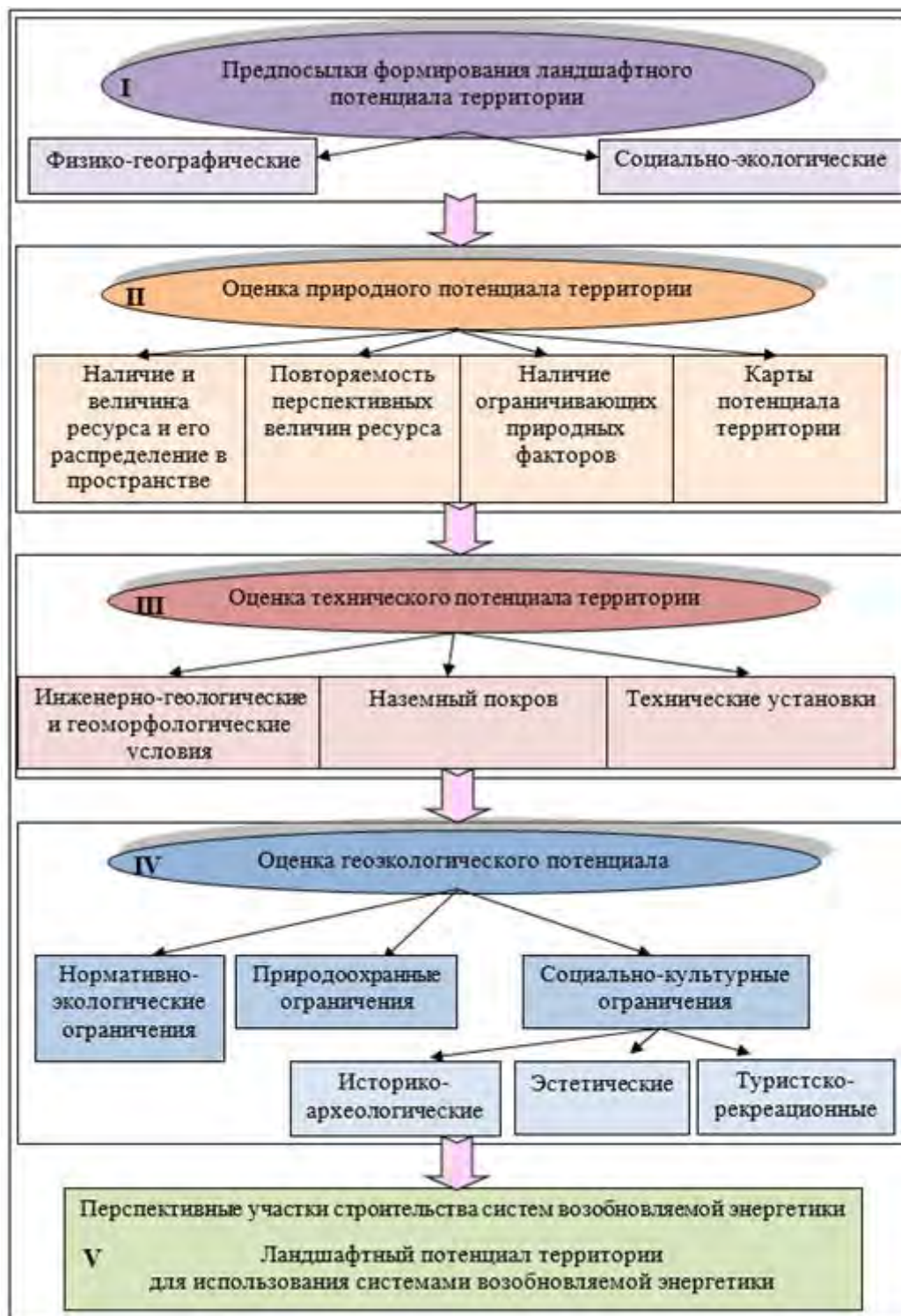

Рис. 1. Алгоритм оценки ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики. Составлено авторами

Определяются критерии пригодности территории для использования системами возобновляемой энергетики (устойчивость пород к строительству, сейсмическая активность, допустимая крутизна поверхности, категории земель, возможные для использования в энергетике) Также в третий блок входит выбор доступных

технологий, с помощью которых будет проходить дальнейшая оценка ландшафтного потенциала территории.

Четвертый блок представляет собой оценку геоэкологического потенциала территории для использования систем возобновляемой энергетики. На данном этапе вводится система геоэкологических ограничений – нормативно-экологические, природоохранные и социально-культурные. К нормативно-экологическим ограничениям в работе относятся водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы, выделение которых регламентируется законодательством Российской Федерации.

Анализируемые территории могут иметь в своей структуре участки с особым природоохранным статусом. Особо охраняемые природные территории имеют особый режим использования и, в зависимости от категории, в их границах запрещена деятельность, противоречащая задачам особо охраняемых природных территорий и установленному для них режиму особой охраны. При строительстве систем возобновляемой энергетики необходимо учитывать не только ареалы обитания животных, в том числе птиц, но и пути их миграции, так как возведение препятствий может негативно сказаться на численности и жизнедеятельности мигрирующих видов.

Под социально-культурными ограничениями в работе понимаются историко-археологические (наличие памятников истории и культуры, археологических объектов), туристско-рекреационные (наличие туристско-рекреационной базы, специализация региона) и эстетические ограничения (пейзажно-эстетические ресурсы региона, ранжирование территории по пейзажно-эстетической ценности).

Результирующим пятым блоком алгоритма оценки ландшафтного потенциала территории является выделение наиболее подходящих участков для строительства систем возобновляемой энергетики с учетом всех вышеперечисленных ограничений и условий, а также расчет значения ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики.

Выводы

Таким образом, в работе освещены некоторые подходы к оценке ландшафтного потенциала территории для использования систем возобновляемой энергетики. Усовершенствовано понятие о ландшафтном потенциале возобновляемых энергетических ресурсов территории как о комплексном свойстве ландшафта выполнять функцию энергообеспечения территории с учетом природных и социально-экономических предпосылок, а также существующих технических и геоэкологических ограничений использования территории.

Ландшафтный потенциал возобновляемых энергетических ресурсов территории определяется тремя составляющими – природным, техническим и геоэкологическим потенциалами территории. При высоких значениях природного потенциала ландшафтный потенциал территории может быть нулевым при низких значениях технического и геоэкологического потенциалов.

Предложенная методика оценки ландшафтного потенциала территории для использования системами возобновляемой энергетики состоит из пяти блоков: выявление предпосылок формирования ландшафтного потенциала территории, оценка природного потенциала, оценка технического потенциала, оценка геоэкологического потенциала, выявление перспективных территорий для строительства систем возобновляемой энергетики и расчет ландшафтного потенциала территории.

Литература

1. Глобальный атлас возобновляемых источников энергии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irena.org/globalatlas/>
2. Commission of the European Communities. ExternE: Externalities of Energy. Vol. 1–6. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. 1995.
3. Survey of Energy Resources Interim Update 2009 / World Energy Council. London: Regency House, 2009. 98 p.
4. VT Energy Atlas. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vtenergyatlas.com.
5. World Energy Outlook 2004 / International Energy Agency. Paris, 2005. 577 p.
6. World Energy Outlook 2009 / International Energy Agency. Paris, 2009. 698 p.
7. Зайфрид Д. Энергия: веские аргументы. – Киев: Эхо-Восток, 1994. 154 с.
8. Клименко В. В. Снытин С. Ю., Федоров М. В. Энергетика и предстоящее изменение климата в 1990-2020 г.г. // Теплоэнергетика. 1990. № 6. С. 14–20.
9. Небел Б. Наука об окружающей среде. Как устроен мир. М.: Мир, 1993. Т. 2. 330 с.
10. Шерр Г. Восход солнца в мировой экономике. Стратегия экологической модернизации. М.: Тайдекс Ко, 2002. 320 с.
11. Атлас ресурсов солнечной энергии на территории России / Попель О., Фрид С., Коломиец Ю. и др. Москва: Изд-во МФТИ, 2010. 83 с.
12. Безруких П. П. Справочник по ресурсам возобновляемых источников энергии России и местным видам топлива. - Москва: ИАЦ Энергия, 2007. 272 с.
13. Боков В. А., Черванев И. Г. Энергетика окружающей среды. Симферополь: ТНУ, 2005. 187 с.
14. Гоголев Г. А. Urban Environmental Accords, как общий план экологического развития городов // Экология урбанизированных территорий. 2007. № 4. С. 16–29.
15. Гоголев Г. А. Международный опыт использования возобновляемых источников энергии, как решение некоторых проблем устойчивого развития: опыт Дании. Устойчивое развитие: проблемы и перспективы, том 4. ИГ РАН, Изд-во КМК, 2009. 320 с.
16. Гоголев Г. А. Эколого-географические основы использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации. Автореф... канд. геогр. наук дис. Москва. 2008. 20 с.
17. Гоголев Г. А. Перспективы изучения и развития использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Российской Федерации. - В кн.: Проблеми розвитку наук про Землю в баченні молодих науковців. Матеріали міжнародної наукової конференції: Київ. 2008. С. 44.
18. Горшков В. Г. Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды // Итоги науки и техники. Сер. Теоретические и общие вопросы географии. 1990. Т. 7. 238 с.
19. Попель О. С., Туманов В. Л. Возобновляемые источники энергии: состояние и перспективы развития / Международный научный журнал «Альтернативная энергетика и экология». АЭЭ. №2 (46). 2007. С. 135–148.
20. Солнечная энергетика для устойчивого развития Крыма / Под ред. Н. В. Багрова. Симферополь: ДОЛЯ, 2009. 294 с.

21. Обзор возможностей для внедрения возобновляемой энергетики в Российской Федерации // под. ред. Хильченко Н. В. Южно-Уральский государственный университет. Москва-Екатеринбург. 2013. 22 с.
22. Дьяконов К. Н., Аношко В. С. Мелиоративная география. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 254 с.
23. Дьяконов К. Н., Дончева А. В. Экологическое проектирование и экспертиза. М.: Аспект-Пресс, 2002. 384 с.
24. Гродзинский М. Д. Устойчивость геосистем к антропогенным воздействиям / К.: Ликей, 1995. 233 с.
25. Гродзинський М. Д. Ландшафтна екологія. К.: Знання, 2014. 550 с.
26. Гродзинський М. Д. Пізнання ландшафту: місце і простір. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2005. Т.1. 431 с.
27. Гродзинський М. Д. Пізнання ландшафту: місце і простір. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2005. Т.2. 503 с.
28. Исаченко А. Г. Введение в экологическую географию: учеб, пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 192 с.
29. Исаченко А. Г. Методы прикладных ландшафтных исследований. Л.: Наука, 1980. 224 с.
30. Позаченюк Е. А. Территориальное планирование. Симферополь: ДОЛЯ, 2003. 256 с.
31. Позаченюк Е. А. Экологическая экспертиза: природно-хозяйственные системы. Симферополь: Таврический экологический институт, 2003.
32. Позаченюк Е. А., Панкеева Т. В. Геоэкологическая экспертиза административных территорий (Большой Севастополь). Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 296 с.
33. Позаченюк Е. А., Панкеева Т. В. Оценка средообразующего потенциала лесов территории Большого Севастополя // Геополитические и географические проблемы Крыма в многовекторном измерении Украины. Симферополь, 2004. С. 245–247.
34. Кирюшин В. И. Структурно-функциональный анализ ландшафта как основа территориального планирования // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития [Электронный ресурс]: материалы XII Международной ландшафтной конференции, Тюмень-Тобольск, 22-25 августа 2017г. : в 3 т. / отв. ред. чл.-кор. РАН К. Н. Дьяконов. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. Т. 1. С. 36–39.
35. Михно В. Б. Ландшафтно-мелиоративное проектирование и вопросы оптимизации природной среды // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития [Электронный ресурс]: материалы XII Международной ландшафтной конференции, Тюмень-Тобольск, 22-25 августа 2017г. : в 3 т. / отв. ред. чл.-кор. РАН К.Н. Дьяконов. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. Т. 2. С. 76–79.
36. Паштецкий В. С. Научные основы оптимизации агроландшафтов и эффективного аграрного производства Республики Крым. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. 276 с.
37. Биоресурсный потенциал географических ландшафтов северо-запада таёжной зоны России (на примере Республики Карелия) / Под ред. А. Д. Волкова, А.Н. Громцева. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. 188 с.

38. Соцкова Л. М. Управление ландшафтами. Симферополь: ДОЛЯ, 2012. 360 с.
39. Туристско-рекреационный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / Под ред. И. М. Яковенко. Симферополь: Ариал, 2015. 408 с.
40. Шарафутдинов В. Н., Яковенко И. М., Позаченюк Е. А., Онищенко Е. В. Крым: новый вектор развития туризма в России. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2017. 364 с.
41. Козин В. В., Идрисов И. Р., Маршинин А. В., Марьинских Д. М., Москвина Н. Н. Ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования в нефтегазопромысловых районах Западной Сибири // Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития [Электронный ресурс]: материалы XII Международной ландшафтной конференции, Тюмень-Тобольск, 22-25 августа 2017г.: в 3 т. / отв. ред. чл.-кор. РАН К.Н. Дьяконов. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. Т. 2. С. 435–438.
42. Атлас енергетичного потенціалу відновлюваних джерел енергії України / С. О. Кудря, Л. В. Яценко, Г. П. Душина та ін. К. : ТОВ «Віол Принт», 2008. 41 с.
43. Атлас ресурсов возобновляемой энергетики на территории России. М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2015. 160 с.
44. Атлас энергетического потенциала возобновляемых и нетрадиционных источников энергии Украины. – Киев, 2001. 110 с.
45. Кудря С. О. Нетрадиційні та відновлювальні джерела енергії. К. : НТУУ «КПІ», 2012. 492 с.
46. Bostan I., Gheorghe A.V., Dulgheru V., Sobor I., Bostan V., Sochirean A. Sisteme de conversie a energiilor regenerabile. Ch.: “Tehnica-Info”, 2007. 592 p.
47. Bostan I., Gheorghe A. V., Dulgheru V., Sobor I., Bostan V., Sochirean A. Resilient Energy Systems Renewables: Wind, Solar, Hydro. Springer Science+Business Media B.V., 2013. 517 p.
48. Meehan B. Empowering electric and gas utilities with GIS. Redlands: ESRI Press, 2007. 280 p.
49. Киселева С. В., Горбунова Т. Ю. Исследование ресурсных возможностей развития ветроэнергетики с учетом физико-географических ограничений и особенностей природопользования (на примере Юго-Восточного Крыма) // Альтернативная энергетика и экология. 2016. 01–02 (189–190). С. 12–24.
50. Позаченюк К. А., Горбунова Т. Ю., Горбунов Р. В. Аналіз ландшафтного потенціалу використання відновлювальної енергетики на території Південно-Східного Криму // Фізична географія та геоморфологія. 2013. Вип. 3 (71). С. 177–186.
51. Горбунова Т. Ю. Оценка территории Юго-Восточного Крыма для использования систем солнечной энергетики // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2015. Т. 1(11). Вып. 4. С. 49–59.
52. Kargashin P. E., Prasolova A. I., Novakovsky B. A., Rafikova Yu. Yu., Gorbunov R. V., Gorbunova T. Yu. Data processing as a critical part of GIS based mapping of renewable energy perspectives // MATEC Web of Conferences 178, 09004 (2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817809004>.

Pozachenyuk E. A.¹
Gorbunova T. Yu.²

***Theoretical and methodological approaches
to assessing the landscape potential of the
territory for use by renewable energy systems***

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Russian Federation, Simferopol

² T. I. Vyazemsky Karadag scientific station - nature reserve
of RAS, Russian Federation, Feodosia

e-mail: ¹pozachenyuk@gmail.com;

²gorbunovatyu@gmail.com

Abstract. *The paper presents some theoretical and methodological approaches to assessing the landscape potential of the territory for use by renewable energy systems. We improved the notion of the landscape potential of the territory for use by renewable energy systems as an integrated landscape property to fulfill the function of energy supply of the territory taking into account natural and socio-economic prerequisites, as well as existing technical and geoecological constraints on the use of the territory.*

Key words: *landscape potential, assessment, renewable energy systems, natural potential, technical potential, geoecological constraints.*

References

1. Global'nyj atlas vozobnovlyaemyh istochnikov energii. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.irena.org/globalatlas/> (in Russian).
2. Commission of the European Communities. ExternE: Externalities of Energy. Vol. 1–6. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. 1995 (in English).
3. Survey of Energy Resources Interim Update 2009 / World Energy Council. London: Regency House, 2009. 98 p. (in English).
4. VT Energy Atlas. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.vtenergyatlas.com (in English).
5. World Energy Outlook 2004 / International Energy Agency. Paris, 2005. 577 p. (in English).
6. World Energy Outlook 2009 / International Energy Agency. Paris, 2009. 698 p. (in English).
7. Zajfrid D. Energiya: veskie argumenty. Kiev: Ekho-Vostok, 1994. 154 s. (in Russian).
8. Klimenko V. V. Snytin S. YU., Fedorov M.V. EHnergetika i predstoyashchee izmenenie klimata v 1990-2020 gg. // Teploehnergetika. 1990. № 6. S. 14–20 (in Russian).
9. Nebel B. Nauka ob okruzhayushchej srede. Kak ustroen mir. M.: Mir, 1993. T. 2. 330 s. (in Russian).
10. Sheer G. Voskhod solnca v mirovoj ekonomike. Strategiya ekologicheskoy modernizacii. M.: Tajdeks Ko, 2002. 320 s. (in Russian).
11. Atlas resursov solnechnoj ehnergii na territorii Rossii / Popel' O., Frid S., Kolomic YU. i dr. Moskva: Izd-vo MFTI, 2010. 83 s. (in Russian).
12. Bezrukih P. P. Spravochnik po resursam vozobnovlyaemyh istochnikov ehnergii Rossii i mestnym vidam topliva. - Moskva: IAC EHnergiya, 2007. 272 s. (in Russian).

13. Bokov V. A., Chervanov I.G. Energetika okruzhayushchej sredy. Simferopol': TNU, 2005. 187 s. (in Russian).
14. Gogolev G. A. Urban Environmental Accords, kak obshchij plan ehkologicheskogo razvitiya gorodov // EHkologiya urbanizirovannyh territorij. 2007. № 4. S. 16–29 (in Russian).
15. Gogolev G. A. Mezhdunarodnyj opyt ispol'zovaniya vozobnovlyaemyh istochnikov ehnergii, kak reshenie nekotoryh problem ustojchivogo razvitiya: opyt Danii. Ustojchivoe razvitie: problemy i perspektivy, tom 4. IG RAN, Izd-vo KMK, 2009. 320 s. (in Russian).
16. Gogolev G. A. Ekologo-geograficheskie osnovy ispol'zovaniya vozobnovlyaemyh istochnikov ehnergii v Rossijskoj Federacii. Avt.-ref. kand. dis. Moskva. 2008. 20 s. (in Russian).
17. Gogolev G. A. Perspektivy izucheniya i razvitiya ispol'zovaniya vozobnovlyaemyh istochnikov ehnergii (VIEH) v Rossijskoj Federacii. V kn.: Problemi rozvitku nauk pro Zemlyu v bachenni molodih naukovciv. Materiali mizhnarodnoï naukovoi konferencii: Kiev. 2008. S. 44
18. Gorshkov V. G. Energetika biosfe(in Russian).ry i ustojchivost' sostoyaniya okruzhayushchej sredy // Itogi nauki i tekhniki. Ser. Teoreticheskie i obshchie voprosy geografii. 1990. T. 7. 238 s. (in Russian).
19. Popel' O. S., Tumanov V. L. Vozobnovlyaemye istochniki ehnergii: sostoyanie i perspektivy razvitiya / Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Al'ternativnaya ehnergetika i ehkologiya». AEHEH. №2 (46). 2007. S. 135–148 (in Russian).
20. Solnechnaya ehnergetika dlya ustojchivogo razvitiya Kryma / Pod red. N. V. Bagrova. – Simferopol': DOLYA, 2009. 294 s. (in Russian).
21. Obzor vozmozhnostej dlya vnedreniya vozobnovlyaemoj ehnergetiki v Rossijskoj Federacii // pod. red. Hil'chenko N. V. YUzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet. – Moskva-Ekaterinburg. 2013. 22 s. (in Russian).
22. D'yakonov K.N., Anoshko V.S. Meliorativnaya geografiya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1995. 254 s. (in Russian).
23. D'yakonov K. N., Doncheva A. V. Ekologicheskoe proektirovanie i ehkspertiza. M.: Aspekt-Press, 2002. 384 s. (in Russian).
24. Grodzinskij, M. D. Ustojchivost' geosistem k antropogennym vozdeystviyam / K.: Likej, 1995. 233 s. (in Russian).
25. Grodzins'kij M. D. Landshaftna ekologiya. K.: Znannya, 2014. 550 s. (in Ukrainian).
26. Grodzins'kij M. D. Piznannya landshaftu: misce i prostir. K.: Vidavnichopoligrafichnij centr «Kiïvs'kij universitet», 2005. T.1. 431 s. (in Ukrainian).
27. Grodzins'kij M. D. Piznannya landshaftu: misce i prostir. K.: Vidavnichopoligrafichnij centr «Kiïvs'kij universitet», 2005. T.2. 503 s. (in Ukrainian).
28. Isachenko A. G. Vvedenie v ehkologicheskuyu geografiyu: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 192 s. (in Russian).
29. Isachenko A. G. Metody prikladnyh landshaftnyh issledovanij. L.: Nauka, 1980. 224 s. (in Russian).
30. Pozachenyuk E. A. Territorial'noe planirovanie. Simferopol': DOLYA, 2003. 256 s. (in Russian).
31. Pozachenyuk E. A. Ekologicheskaya ehkspertiza: prirodno-hozyajstvennye sistemy. Simferopol': Tavricheskij ehkologicheskij institut, 2003. (in Russian).

32. Pozachenyuk E. A., Pankeeva T. V. Geoehkologicheskaya ehkspertiza administrativnyh territorij (Bol'shoj Sevastopol'). Simferopol': Biznes-Inform, 2008. 296 s. (in Russian).
33. Pozachenyuk E. A., Pankeeva T. V. Ocenka sredoobrazuyushchego potenciala lesov territorii Bol'shogo Sevastopolya // Geopoliticheskie i geograficheskie problemy Kryma v mnogovektornom izmerenii Ukrainy. Simferopol', 2004. S. 245–247. (in Russian).
34. Kiryushin V. I. Strukturno-funktional'nyj analiz landshafta kak osnova territorial'nogo planirovaniya // Landshaftovedenie: teoriya, metody, landshaftno-ehkologicheskoe obespechenie prirodopol'zovaniya i ustojchivogo razvitiya [EHlektronnyj resurs]: materialy XII Mezhdunarodnoj landshaftnoj konferencii, Tyumen'-Tobol'sk, 22-25 avgusta 2017g. : v 3 t. / otv. red. chl.-kor. RAN K.N. D'yakonov. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. T. 1. S. 36–39 (in Russian).
35. Mihno V. B. Landshaftno-meliorativnoe proektirovanie i voprosy optimizacii prirodnoj sredy // Landshaftovedenie: teoriya, metody, landshaftno-ehkologicheskoe obespechenie prirodopol'zovaniya i ustojchivogo razvitiya [Elektronnyj resurs]: materialy XII Mezhdunarodnoj landshaftnoj konferencii, Tyumen'-Tobol'sk, 22-25 avgusta 2017g.: v 3 t. / otv. red. chl.-kor. RAN K.N. D'yakonov. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. T. 2. S. 76–79 (in Russian).
36. Pashtekij V. S. Nauchnye osnovy optimizacii agrolandshaftov i ehffektivnogo agrarnogo proizvodstva Respubliki Krym. Simferopol': IT «ARIAL», 2015. 276 s. (in Russian).
37. Bioresursnyj potencial geograficheskikh landshaftov severo-zapada tayozhnoj zony Rossii (na primere Respubliki Kareliya) / Pod red. A. D. Volkova, A. N. Gromceva.– Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2005. 188 s. (in Russian).
38. Sockova L. M. Upravlenie landshaftami. Simferopol': DOLYA, 2012. 360 s. (in Russian).
39. Turistsko-rekreacionnyj potencial Respubliki Krym i g. Sevastopol' / Pod red. I. M. Yakovenko. Simferopol': Arial, 2015. 408 s. (in Russian).
40. Sharafutdinov V. N., Yakovenko I. M., Pozachenyuk E.A., Onishchenko E.V. Krym: novyj vektor razvitiya turizma v Rossii. M.: OOO «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2017. 364 s. (in Russian).
41. Kozin V. V., Idrisov I. R., Marshinin A. V., Mar'inskih D. M., Moskvina N. N. Landshaftno-ehkologicheskoe obespechenie prirodopol'zovaniya v neftegazopromyslovyh rajonah Zapadnoj Sibiri // Landshaftovedenie: teoriya, metody, landshaftno-ehkologicheskoe obespechenie prirodopol'zovaniya i ustojchivogo razvitiya [EHlektronnyj resurs]: materialy XII Mezhdunarodnoj landshaftnoj konferencii, Tyumen'-Tobol'sk, 22-25 avgusta 2017g.: v3 t. / otv. red. chl.-kor. RAN K. N. D'yakonov. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. T. 2. S. 435–438 (in Russian).
42. Atlas energetichnogo potencialu vidnovlyuvanih dzherel energii Ukraïni / S. O. Kudrya, L. V. YAcenko, G. P. Dushina ta in. K.: TOV «Viol Print», 2008. 41 s. (in Ukrainian).
43. Atlas resursov vozobnovlyaemoj ehnergetiki na territorii Rossii. M.: RHTU im. D.I. Mendeleeva, 2015. 160 s. (in Russian).

44. Atlas ehnergeticheskogo potentsiala vozobnovlyaemyh i netradicionnyh istochnikov ehnergii Ukrainy. Kiev, 2001. 110 s. (in Ukrainian).
45. Kudrya S. O. Netradicijni ta vidnovlyuval'ni dzherela energii. K.: NTUU «KPI», 2012. 492 s. (in Ukrainian).
46. Bostan I., Gheorghe A. V., Dulgheru V., Sobor I., Bostan V., Sochirean A. Sisteme de conversie a energiilor regenerabile. Ch.: “Tehnica-Info”, 2007. 592 p. (in English).
47. Bostan, I., Gheorghe, A. V., Dulgheru, V., Sobor, I., Bostan, V., Sochirean, A. Resilient Energy Systems Renewables: Wind, Solar, Hydro. Springer Science+Business Media B.V., 2013. 517 p. (in English).
48. Meehan B. Empowering electric and gas utilities with GIS. Redlands: ESRI Press, 2007. 280 p. (in English).
49. Kiseleva S. V., Gorbunova T. Yu. Issledovanie resursnyh vozmozhnostej razvitiya vetroehnergetiki s uchetom fiziko-geograficheskikh ogranichenij i osobennostej prirodopol'zovaniya (na primere YUgo-Vostochnogo Kryma) // Al'ternativnaya ehnergetika i ehkologiya. 2016. 01–02 (189–190). S. 12–24 (in Russian).
50. Pozachenyuk K. A., Gorbunova T. Yu. Gorbunov R. V. Analiz landshaftnogo potentsialu vikoristannya vidnovlyuval'noї energetiki na teritorii Pivdenno-Skhidnogo Krymu // Fizichna geografiya ta geomorfologiya. 2013. Vip. 3 (71). S. 177–186 (in Ukrainian).
51. Gorbunova T. Yu. Ocenka territorii Yugo-Vostochnogo Kryma dlya ispol'zovaniya sistem solnechnoj ehnergetiki // Geopolitika i ehkogeodinamika regionov. 2015. T.1(11). Vyp. 4. S. 49–59 (in Russian).
52. Kargashin P. E., Prasolova A. I., Novakovsky B. A., Rafikova Yu. Yu., Gorbunov R. V., Gorbunova T. Yu. Data processing as a critical part of GIS based mapping of renewable energy perspectives // MATEC Web of Conferences 178, 09004 (2018) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817809004>.

Поступила в редакцию 25.06.2018 г.

УДК 502.34
Пакина А. А.

***Социально-экологические функции
экосистем и их роль в формировании
механизмов управления
природопользованием региона***

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва
e-mail: allapa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается значимость экосистемных функций для регулирования природопользования и устойчивого развития региона. На примере районов Республики Бурятия в составе Байкальской природной территории приводится обоснование актуальности формирования механизмов стимулирования деятельности по сохранению экосистемных функций в процессе природопользования.

Ключевые слова: платежи за экосистемные функции, управление природопользованием, Республика Бурятия, Байкальская природная территория.

Введение

Внедрение в мировую практику идей устойчивого развития (УР) и «зеленого» роста сопровождается пониманием непреходящей актуальности отечественной теории рационального природопользования. Ключевые принципы устойчивого развития, сформировавшие в конечном итоге основу концепции «зеленой» экономики, во многом идентичны принципам рационального природопользования: в основу оценки устойчивости развития фактически положена оценка эффективности природопользования на основе сопоставления экономических, экологических и социальных результатов. Не менее актуальны подходы, основанные на комплексной оценке природных благ, предполагающей учет не только ресурсной, но также экологической ценности территории.

Необходимость учета стоимости экологических функций (или, в современной трактовке, экологических услуг) природных комплексов рассматривалась в отечественных исследованиях еще в 80-х годах прошлого века. В частности, в работе О. Ф. Балацкого и др. [1] отмечалось, что «природопользование предполагает вовлечение не только материальных природных ресурсов ..., но и нематериальных» (здесь и далее выделено нами – А. П.), а к «экономически значимым» характеристикам природных благ были отнесены такие функции сохранения генофонда и поддержания жизнеобеспечивающих процессов и систем, как средостабилизирующие и средозащитные процессы, поверхностный и грунтовый стоки, миграции животных и т. п. Учет этих и других функций экосистем, таких как поглощение парниковых газов, ассимиляция загрязняющих веществ, предотвращение почвенной эрозии и т. п. необходим при оценке эффективности природопользования.

Сохранение экосистемных (или экологических) функций (ЭФ) приобретает сегодня характер основополагающего фактора развития на региональном, национальном и даже глобальном уровнях. Способность природных комплексов выполнять присущие им экологические функции, которые в экологи-

экономических исследованиях нередко обозначают как «экологические услуги» (от англ. «ecological services»), имеет огромное значение как для поддержания приемлемого для человека качества среды обитания, так и для развития экономики. Известно, что стоимость экологических функций природных комплексов сопоставима с рыночной стоимостью природных ресурсов, а выгоды от сохранения экосистем могут значительно превышать доходы от добычи природных ресурсов [2].

Как показывает мировой опыт, утрата экологических функций конкретных территорий имеет не только экологическое значение: снижение экологической ценности территории отрицательно сказывается и на состоянии здоровья населения, и на перспективах экономического развития региона. В связи с этим оценка стоимости экологических функций в особенности важна для регионов, где значительная часть территории занята особо охраняемыми природными территориями (ООПТ). Именно в таких регионах основу территориальной структуры природопользования составляют виды природопользования, ориентированные на использование природного потенциала – лесо- и сельскохозяйственное, рекреационное и природоохранное. В связи с этим ограничения на некоторые виды природопользования неизбежно ведут к обострению конфликтных ситуаций в силу столкновения интересов в пределах одного и того же ареала.

Материалы и методы

Концептуальную основу изучения и оценки роли функций экосистем как фактора перехода к устойчивому развитию составляют разработки, представленные в Докладе «Цели развития тысячелетия», адаптированном к условиям РФ [3], и развитые в ряде работ по эколого-экономической оценке природопользования и регулированию землепользования [4; 5]. Ключевая идея этих и других работ состоит в интерпретации функций экосистем как фактора повышения уровня жизни населения.

Разработка конкретных предложений по оценке социально-экологической роли экологических функций основывается на выявлении основных групп заинтересованных лиц («игроков») и включении их в процесс оценки в качестве равноценного фактора, наравне с характеристикой изменений в структуре землепользования и сопутствующих им изменений в характере функций экосистем.

Иными словами, наряду с такими факторами регулирования природопользования, как приоритеты экономической, социальной и экологической политики (включая цели развития, зафиксированные в соответствующих региональных или местных программах развития), а также объективные демографические и инфраструктурные ограничения, во внимание принимаются сложившаяся структура землепользования и уровень нагрузки на экосистемы, обусловленный характером природопользования.

Результаты и обсуждение

Ярким примером региона, на территории которого сталкиваются интересы природоохранного, рекреационного и лесохозяйственного природопользования, является Байкальская природная территория (БПТ), сформированная в границах

трех субъектов РФ: Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области. Согласно Федеральному закону «Об охране озера Байкал» (1999 г.) осуществлено зонирование этой территории и установлены серьезные ограничения природопользования в каждой из выделенных зон. Противоречия, возникшие в результате такого подхода к регулированию природопользования, неоднократно рассматривались в работах [6–8]. Современная ситуация, сложившаяся в результате многочисленных, но, к сожалению, недостаточно эффективных попыток разрешить возникающие противоречия, по-прежнему характеризуется наличием серьезных конфликтов в сфере природопользования.

Ограничения, которые законодательство сегодня накладывает на природопользователей, без сомнения, способствуют сохранению экологической ценности уникального природного объекта – озера Байкал, являющегося объектом Всемирного природного наследия и находящегося под охраной ЮНЕСКО. Однако, наряду с этим, те же ограничения существенно снижают инвестиционную привлекательность территории, препятствуя ее экономическому развитию и повышению уровня жизни местного населения. Обострение конфликтов интересов природопользователей свидетельствует о необходимости разработки механизмов регулирования природопользования, внедрение которых позволит развивать экономическую деятельность, способствуя повышению уровня жизни населения и не ставя под угрозу сохранение озера Байкал.

В границах Республики Бурятия (РБ) к Центральной экологической зоне (ЦЭЗ), где действуют наиболее строгие ограничения природопользования, относится значительная часть территории Баргузинского, Прибайкальского, Кабанского и Северо-Байкальского муниципальных районов. На примере этих районов была проведена предварительная оценка эффективности некоторых видов хозяйственной деятельности и собраны статистические данные для дальнейшей обработки и сравнительного анализа эффективности видов природопользования. Анализ структуры природопользования показал, что основными видами здесь являются лесохозяйственное, рекреационное и природоохранное природопользование.

В целом по Бурятии к эксплуатационным лесам, подлежащим освоению в целях устойчивого и эффективного получения древесины и других ресурсов, отнесены леса на площади 9822,3 тыс. га, или 33,1 % от общей площади лесов [9]. Резервные леса занимают площадь 8264,8 тыс. га (27,9 %). Защитные леса (подлежащие освоению в целях сохранения средообразующих, водоохраных, защитных, оздоровительных и иных полезных функций) занимают площадь 11551,9 тыс. га, или 39,0 % от общей площади лесов РБ.

Несмотря на высокие показатели лесистости, в рассматриваемых районах существуют значительные ограничения лесопользования: наряду с ограничениями, обусловленными расположением лесных земель в водоохранной зоне озера Байкал, лесопользование не может осуществляться на территориях ООПТ, которые занимают в границах районов: 22,6 % (Баргузинский р-н), 16,4 % (Кабанский р-н), 7,5 % (Северо-Байкальский р-н). Согласно Лесному плану Республики Бурятия [10], модельные районы характеризуются следующими показателями (табл. 1).

Таблица 1.

**Характеристика лесных ресурсов Республики Бурятия в границах
Центральной экологической зоны**

Район	Общая площадь лесов, га	Площадь лесов на землях ООПТ (га)	Лесистость, %
Баргузинский	1 018 381	230 177 (Забайкальский НП)	44,1
Кабанский	706 503	116 161 (Байкальский заповедник)	47,0
Прибайкальский	1 226 893	-	71,4
Северо-Байкальский	4 775 397	359 346 (Баргузинский заповедник, Фролихинский заказник)	54,1

Составил автор по: [10]

В настоящее время существующие возможности позволяют не только покрывать потребности Республики Бурятия в древесине и иных лесных ресурсах, но и осуществлять экспортные поставки круглого леса и пиломатериалов. Основным потребителем продукции лесопользования Республики Бурятия в течение многих лет является Китай. В 2015 г. был отмечен существенный рост поступлений в бюджет Бурятии от реализации продукции лесохозяйственного комплекса. Этот доход составил 3,9 млрд руб., что было на 1,0 млрд руб. больше, чем в 2014 г. Однако в связи с изменением валютного курса доллара объем доходов от лесного экспорта Бурятии составил 52,4 млн долл. США, или примерно 63 % от уровня 2014 г. В последующие годы также отмечался спад поступлений от лесохозяйственной деятельности: объем ВРП Республики Бурятия по статье «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» в 2016 г. сократился до 9,5 млн руб. по сравнению с 12,4 млн руб. в 2015 г. [11].

Наряду с экономическими причинами, важнейшим фактором обеспечения экономической эффективности лесопользования является устойчивость лесов к пожарам. Несмотря на проводимый ежегодно комплекс противопожарных мероприятий, лесные пожары остаются одной из главных проблем лесного хозяйства. Так, в 2015 г. ущерб от катастрофических пожаров по Республике Бурятия составил 34,4 млрд руб., что в 200 раз превышает величину лесного дохода, полученного от заготовки древесины в республике [10]. Одновременно был нанесен значительный социальный ущерб – закрыт доступ туристам, желавшим посетить озеро Байкал, увеличилось число заболеваний дыхательных органов среди местного населения. Таким образом, под влиянием комплекса негативных факторов (как природного, так и антропогенного характера) происходит утрата ЭФ, в результате которой снижается не только качество жизни населения, но и возможность экономического развития региона.

В контексте приведенных данных разработка подходов к оценке экологических функций экосистем как фактора эффективности природопользования является одним из наиболее сложных и одновременно актуальных вопросов. Внедрение таких механизмов, как платежи за экосистемные функции (ПЭФ), сегодня активно обсуждается на примере многих экологически значимых объектов в разных странах мира, в т. ч. в соседнем с Бурятией Китае [12]. Возможности компенсации затрат на сохранение экологических функций в

Байкальском регионе должны быть направлены на обеспечение развития таких секторов экономики, как лесохозяйственная отрасль и туризм при сохранении экологической ценности этой территории. В обоих случаях эффект от сохранения ЭФ может быть значительным. По разным оценкам функция депонирования углерода обеспечивает свыше 60 % в стоимости услуг лесных экосистем, большую роль играют средовосстановительные и водоочистительные функции, древесина же формирует около 20 % от общей стоимости лесных экосистем [3]. В связи с этим экологическая и экономическая эффективность сохранения лесов и лесовосстановления обеспечивает многосторонний долгосрочный положительный эффект.

В перспективе возможно использование оценки ЭФ для планирования инвестиций в сохранение таких природных комплексов, как охотничьи или сельскохозяйственные угодья, а также для туристской сферы, в т. ч. для развития рекреации на ООПТ. Сегодня нагрузка на природные экосистемы практически не учитывается при планировании развития рекреационной деятельности на средне- и долгосрочную перспективу. В то же время масштабы рекреации в НП несопоставимы с зарубежными примерами: так, НП «Заповедное Подлеморье» в 2015 г. посетили 38 514 чел. [9], а число посетителей «Байкальского ГПБЗ» за тот же период составило около 10 тыс. чел. Развитие туризма в границах БПТ по-прежнему имеет стихийный характер, о чем свидетельствуют и сохраняющаяся неопределенность в отношении развития ОЭЗ «Байкальская гавань», и нерегулируемые потоки иностранных туристов из соседних Монголии и Китая, и незначительный эффект от вовлечения местных жителей в туристскую деятельность. В будущем число туристов в границах БПТ будет расти, поэтому важнейшим фактором устойчивого развития региона должна стать разработка механизмов по принципу компенсаций за экосистемные функции, нацеленные на учет потребностей всех вовлеченных «игроков»: местного населения как основного бенефициара, туристов и других групп природопользователей.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ «Влияние социально-экономических процессов на экосистемы и эколого-экономическую ценность Байкальской природной территории» № 17-29-05078\17.

Литература

1. Балацкий О. Ф., Панасовский Ю. В., Чупис А. В. Экономика и организация охраняемых природных территорий. - М.: Агропромиздат, 1989. 192 с.
2. Завадская А. В., Николаева Е. А., Сажина В. А., Шпиленок Т. И., Шувалова О. А. Экономическая оценка природных ресурсов и экосистемных услуг Кроноцкого заповедника и Южно-Камчатского заказника / под ред. проф. С. Н. Бобылева. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2017. 244 с.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия (под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева). М., Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016. 298 с.
4. Lungarska A., Chakir R. Climate-induced Land Use Change in France: Impacts of Agricultural Adaptation and Climate Change Mitigation // Ecological Economics, 2018, vol. 147, pp. 134–154.
5. Iniesta-Arandia I., García-Llorente M., Aguilera P., Montes C., Martín-López B. Socio-cultural valuation of ecosystem services: uncovering the links between values,

- drivers of change, and human well-being // *Ecological Economics*, 2014, vol. 108, pp. 36–48.
6. Воробьевская Е. Л., Тульская Н. И., Сенина Н. А. Перспективы развития экотуризма в Забайкальском национальном парке // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2017, т. 11, № 4. С. 92–102.
 7. Пакина А. А. Green economy's prospects in Russia: case of Baikal area // *Journal of Sustainable Development of Energy, Water and Environment Systems*. 2014, vol. 2, no. 2. P. 139–151.
 8. Тулохонов А. К., Пунцукова С. Д. Лесные пожары в Республике Бурятия в условиях изменения климата // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 3. С. 72–78.
 9. Государственный доклад «О состоянии и охране окружающей среды Республики Бурятия в 2015 г.». Улан-Удэ, Министерство природных ресурсов РБ, 2016. 247 с.
 10. Лесной план Республики Бурятия; Постановление Правительства Республики Бурятия «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Бурятия от 31.12.2008 № 608 «Об утверждении Лесного плана Республики Бурятия». Республиканское агентство лесного хозяйства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alh-rb.ru/upload/iblock/1cc/kniga-1.-proekt-lesnogo-plana-2015-11.10-s-soderzhanie.pdf>.
 11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Валовый региональный продукт. [Электронный ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/grp/.
 12. A Pilot Study on Payment for Ecological and Environmental Services in Lashihai Nature Reserve, China. In: Kumar, P. and Muradian R. (Eds.), *Payment for Ecosystem Services*. Oxford University Press, New Delhi, 2009. P. 110–141.

Pakina A. A.

Socio-ecological functions of ecosystems and their role in designing mechanisms of environmental management in the region

Lomonosov Moscow state University, Russian Federation,
Moscow
e-mail: allapa@yandex.ru

Abstract. The significance of ecosystem services conservation for rational nature use regulation and sustainable development of the region is considered in the article. The arguments for implementation of economic mechanisms to stimulate ecosystem services conservation are presented on example of the districts of Republic of Buryatia within the Baikal Natural Territory.

Key words: payment for ecosystem services, environmental management, Republic of Buryatia, Baikal Natural Territory.

References

1. Balackij O. F., Panasovskij YU. V., Chupis A. V. *Ekonomika i organizaciya ohranyaemyh prirodnyh territorij*. - M.: Agropromizdat, 1989. 192 s. (in Russian).
2. Zavadskaya A. V., Nikolaeva E. A., Sazhina V. A., Shpilenok T. I., Shuvalova O. A. *Ekonomicheskaya ocenka prirodnyh resursov i ehkosistemnyh uslug Kronockogo zapovednika i Yuzhno-Kamchatskogo zakaznika / pod red. prof. S.N. Bobyleva*. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatpress, 2017. 244 s. (in Russian).
3. *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii. Celi ustojchivogo razvitiya OON i Rossiya* (pod red. S. N. Bobyleva, L. M. Grigor'eva). M., Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF, 2016. 298 s. (in Russian).
4. Lungarska A., Chakir R. *Climate-induced Land Use Change in France: Impacts of Agricultural Adaptation and Climate Change Mitigation // Ecological Economics*, 2018, vol. 147, pp. 134-154 (in English).
5. Iniesta-Arandia I., García-Llorente M., Aguilera P., Montes C., Martín-López B. *Socio-cultural valuation of ecosystem services: uncovering the links between values, drivers of change, and human well-being // Ecological Economics*, 2014, vol. 108, pp. 36-48 (in English).
6. Vorob'evskaya E. L., Tul'skaya N. I., Senina N. A. *Perspektivy razvitiya ehkoturizma v Zabajkal'skom nacional'nom parke // Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2017, t. 11, № 4. S. 92–102 (in Russian).
7. Pakina A. A. *Green economy's prospects in Russia: case of Baikal area // Journal of Sustainable Development of Energy, Water and Environment Systems*. 2014, vol. 2, no. 2. P. 139–151 (in English).
8. Tulohonov A. K., Puncukova S. D. *Lesnye pozhary v Respublike Buryatiya v usloviyah izmeneniya klimata // Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo*. 2016. №3. S. 72-78 (in Russian).
9. *Gosudarstvennyj doklad «O sostoyanii i ohrane okruzhayushchej sredy Respubliki Buryatiya v 2015 g.»*. Ulan-Udeh, Ministerstvo prirodnyh resursov RB, 2016. 247 s. (in Russian).
10. *Lesnoj plan Respubliki Buryatiya ; Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Buryatiya «O vnesenii izmenenii v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Buryatiya ot 31.12.2008 № 608 «Ob utverzhdenii Lesnogo plana Respubliki Buryatiya»*. Respublikanskoe agentstvo lesnogo hozyajstva. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.alh-rb.ru/upload/iblock/1cc/kniga-1.-proekt-lesnogo-plana-2015-11.10-s-soderzhaniem.pdf> (in Russian).
11. *Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Buryatiya. Valovyj regional'nyj produkt*. [Elektronnyj resurs]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/grp/ (in Russian).
12. *A Pilot Study on Payment for Ecological and Environmental Services in Lashihai Nature Reserve, China*. In: Kumar, P. and Muradian R. (Eds.), *Payment for Ecosystem Services*. Oxford University Press, New Delhi, 2009. P. 110-141 (in English).

Поступила в редакцию 15.06.2018 г.

УДК 502.333

Назаренко А. Е.¹

Красноярова Б. А.²

Стоимостная оценка экосистемных услуг по депонированию углерода экосистемами Алтайского края как составляющая перехода к устойчивому развитию

Институт водных и экологических проблем СО РАН,
Российская Федерация, г. Барнаул
e-mail: ¹ harret1992@mail.ru; ² bella@iwep.ru

Аннотация. Проанализирована стоимость эмиссии углерода на существующих биржах торговли углеродом в 2018 г. На основе полученных данных, а также показателей способности различных видов экосистем поглощать атмосферный углерод, предложен алгоритм стоимостной оценки экосистемных услуг депонирования углерода в региональном масштабе. С использованием полученного алгоритма проведена стоимостная оценка депонирования углерода экосистемами Алтайского края. Внедрение подобного механизма может способствовать в будущем снижению недооцененности жизнеобеспечивающих функций экосистем в целях устойчивого развития как регионов, так и государства в целом.

Ключевые слова: экосистемные услуги, устойчивое развитие, регулирующие экосистемные услуги, депонирование углерода, биржи торговли углеродом, стоимостная оценка.

Введение

Регулирующие экосистемные услуги, по определению ЮНЭП, представляют собой выгоды, получаемые от естественного регулирования экосистемных процессов. К таким услугам относят естественное регулирование климата, регулирование качества атмосферного воздуха, регулирование водного стока, естественную очистку воды, защиту почв от эрозии. Регулирующие экосистемные услуги, другими словами, представляют собой выгоды от осуществления экосистемами жизнеобеспечивающих функций.

В мировой практике в рамках концепции устойчивого развития уже несколько десятилетий продолжается работа по внедрению оценок, регулирующих экосистемные услуги и рыночные механизмы природопользования. В частности, плодотворная работа проведена в отношении учета экосистемных услуг по очистке воздуха, а именно – учета депонирования (связывания и накопления) атмосферного углерода в экосистемах. Рыночные механизмы в данном случае, как правило, выражены в создании так называемых «бирж торговли углеродом» (carbon markets), на которых производится торговля квотами на выброс CO₂ в атмосферу промышленными предприятиями.

Важную роль в развитии бирж торговли углеродом играют международные организации, такие как «Региональная инициатива по сокращению выбросов парниковых газов» (RGGI), «Международное партнерство в области борьбы с выбросами» (ICAP) и др. В настоящее время такие биржи функционируют в США,

Канаде, Китае, странах ЕС, Корее и Новой Зеландии. Однако в рыночных оценках природных ресурсов России, в частности лесных ресурсов, они не учитываются, что приводит к возникновению недооцененности природных ресурсов и нарушению баланса в системе «природа–общество».

Материалы и методы

Экосистемы и происходящие в них процессы, как известно, играют важную роль в глобальных круговоротах вещества и энергии, в том числе и в круговороте углерода. Исследованию стока углерода в экосистемах, скорости его изъятия из атмосферы и особенностям накопления посвящены работы отечественных и зарубежных ученых [1–3].

Оценки углеродного бюджета экосистем наиболее активно проводятся с помощью методов математического моделирования и ретроспективного анализа. Так, для оценки углеродного бюджета лесов в региональном масштабе специалистами МГУ и Центра по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН была разработана система региональной оценки бюджета углерода лесов (РОБУЛ), позволяющая проводить оценки с использованием данных государственного лесного реестра [1]. Кроме того, достаточно часто оценки проводятся по канадской модели СВМ-CFS, в которой корневая биомасса лесов и её динамика оцениваются с использованием регрессионных уравнений.

Что касается стоимостных оценок экосистемных услуг по депонированию углерода, заслуживает внимания работа А. В. Неверова, в которой была проведена оценка стоимости депонирования углерода на территории ландшафтного заказника местного значения «Ветеревичский», находящегося в Минской области Республики Беларусь [2], а также работа Е. А. Волковой, в которой проведена оценка стоимости депонирования углерода для территории Московской области [3].

В качестве меры стоимости экосистемных услуг выступает стоимость тонны эмиссии углерода для промышленных предприятий. Торговля выбросами на биржах торговли углеродом осуществляется посредством проведения электронных аукционов, что обеспечивает колебания цен на выбросы в зависимости от спроса и предложения. Ежеквартально ICAP также публикует бюллетень, посвященный обзору основных новостей и тенденций развития торговли выбросами в атмосферу в мире [4].

Средняя стоимость эмиссии 1 тонны CO₂ на существующих рынках торговли выбросами в 2018 г. представлена в таблице (табл. 1).

Как видно из таблицы, стоимость эмиссии на различных биржах значительно разнится, что, прежде всего, вызвано разным уровнем цен на внутренних рынках стран и платежеспособностью их промышленных предприятий. Следует отметить, что такой подход к ценообразованию неоднозначен, так как экосистемные услуги по эмиссии углерода предоставляются в глобальном масштабе. Кроме того, предоставление квот на выбросы в атмосферу по низким ценам в отдельно взятой стране может инициировать рост объемов выбросов в ней, в то время как создание бирж торговли углеродом, напротив, нацелено на сокращение объемов выбросов.

По причине отсутствия подобного механизма в России, основываясь на том, что услуги по регулированию качества воздуха имеют биосферное значение, для оценки стоимости связывания углерода экосистемами был выбран средний

показатель стоимости эмиссии на биржах в 2018 году, который составил USD 8,56, что по курсу валют от 08.06.2018 составляет 534,32 руб./тонну.

Таблица 1.

Уровень цен на существующих биржах торговли углеродом

Система	Стоимость эмиссии тонны CO ₂	Дата отчета	Источник
Калифорния-Квебек	USD 14,61	21.02.2018	Калифорнийский совет по воздушным ресурсам [5]
Пилотные проекты СТВ Китая - Пекин - Чунцин - Гуаньдун - Шанхай - Хубэй - Шенчжень - Тяньцзинь - Фуцзянь	CNY 47,10 (USD 7,50) CNY 24,00 (USD 3,82) CNY 13,58 (USD 2,16) CNY 39,00 (USD 6,21) CNY 15,99 (USD 2,55) CNY 43,12 (USD 6,87) CNY 8,51 (USD 1,36) CNY 19,45 (USD 3,10)	19.04.2018	Европейская энергетическая биржа [6]
СТВ ЕС	EUR 13,99 (USD 17,30)	19.04.2018	Европейская энергетическая биржа [7]
Корея	KRW 22,00 (USD 20,66)	20.04.2018	Корейская биржа [8]
Новая Зеландия	NZD 21,35 (USD 15,58)	20.04.2018	OMF CommTrade Новая Зеландия [9]
Онтарио	CAD 18,44 (USD 14,60)	21.02.2018	Онтарио, Министерство окружающей среды и изменения климата [10]
RGGI	USD 3,79	14.03.2018	RGGI Inc. [10]
Швейцария	CHF 8,00 (USD 8,25)	06.03.2018	Швейцарский реестр торговли выбросами [11]
Среднее по миру		USD 8,56	

Составлено авторами

Вклад различных типов экосистем в депонирование атмосферного углерода был представлен в отчете Status Quo «Оценка экосистемных услуг наземных экосистем России» [12] (табл. 2) на основе данных, полученных научным коллективом из IIASA [13].

Наибольший вклад в депонирование углерода вносят леса, что связано не только с их преобладанием по площади, но и современным состоянием. Современный лесной покров России в значительной степени состоит из вторичных лесов разных стадий восстановления, что и приводит к их высокой активности по депонированию атмосферного углерода. Стоящие на втором месте по площади травяно-кустарниковые экосистемы (в основном это зональные и горные тундры) оказываются слабым источником углерода для атмосферы, что является результатом глобального потепления. Заметный сток углерода представлен болотами в связи с тем, что многие из болотных экосистем еще не завершили свой долгий сукцессионный путь после ближайшего оледенения.

Таблица 2.

**Вклад различных экосистем мира в депонирование
углекислого газа (с упрощениями) ¹⁰**

Тип экосистемы	Площадь, млн га	Баланс углерода, Мт С в год	Объем, т/ га
Леса	820,9	691,9	0,84
Болота	144,6	53,4	0,37
Заброшенные пашни	29,9	46,1	1,54
Луга	24	28,5	1,19
Пашни и пастбища	145,8	25	0,17
Залежи	19	4,2	0,22
Прочие земли, включая воды	101,1	-11,8	-0,12
Травяно-кустарниковые экосистемы	315,7	-15	-0,05
Гари	23,7	-20,8	-0,88
Лесные редины	85,1	-40,3	-0,47

Составлено авторами

В расчете на единицу площади наиболее активно углерод поглощают заброшенные пашни. Масштабное забрасывание пашен в нечерноземной зоне Европейской России происходило на протяжении 1990-х годов. Экосистемы, восстанавливающиеся на месте выбывших из сельскохозяйственного оборота земель, ныне поглощают 46,1 мегатонн углерода в год [14].

В отношении биогеохимических климаторегулирующих услуг наземные экосистемы можно ранжировать по двум параметрам: 1) скорости изъятия углерода из атмосферы и 2) запасам и устойчивости депонированного, выведенного из биогеохимического круговорота углерода [12]. В зависимости от приоритетов значение экосистем меняется. Так, если считать наиболее важным быстрое поглощение углерода, то на первый план выходят молодые леса, особенно те, которые восстанавливаются на месте заброшенных пахотных земель. Если же признать более значимым долговременное накопление углерода, то приоритетным местом для этого оказываются луга и торфяные болота, обладающие максимальными запасами углерода в расчете на единицу площади.

Несмотря на то, что круговорот углерода в экосистемах имеет биосферное значение, не теряет свою важность и региональный учет ценности очистки воздуха экосистемами. Прежде всего это связано с особенностями организации природопользования, структура которого чаще всего основана на внутренних производственных связях, осуществляемых в рамках региональных природно-хозяйственных систем. Таким образом, внедрение рыночного механизма, который учитывал бы ценность естественного регулирования качества воздуха, целесообразно, опираясь на объективные факторы и существующий мировой опыт, осуществлять именно в региональном масштабе с учетом производственных связей. В качестве первых шагов разработки такого механизма мог бы выступать механизм оценки депонирования углерода экосистемами региона.

¹⁰Положительные величины означают сток углерода из атмосферы, отрицательные – его источник в атмосфере

Результаты и обсуждение

На примере Алтайского края был произведен расчет стоимостного значения данных экосистемных услуг. Для оценки использовались данные о площади, занимаемой различными типами экосистем в каждом муниципальном районе, данные о среднем мировой стоимости тонны выброса углерода в 2018 году (табл. 1), а также данные об относительном вкладе различных типов экосистем в углеродный баланс (табл. 2). Результаты оценки представлены на рисунке (рис. 1).

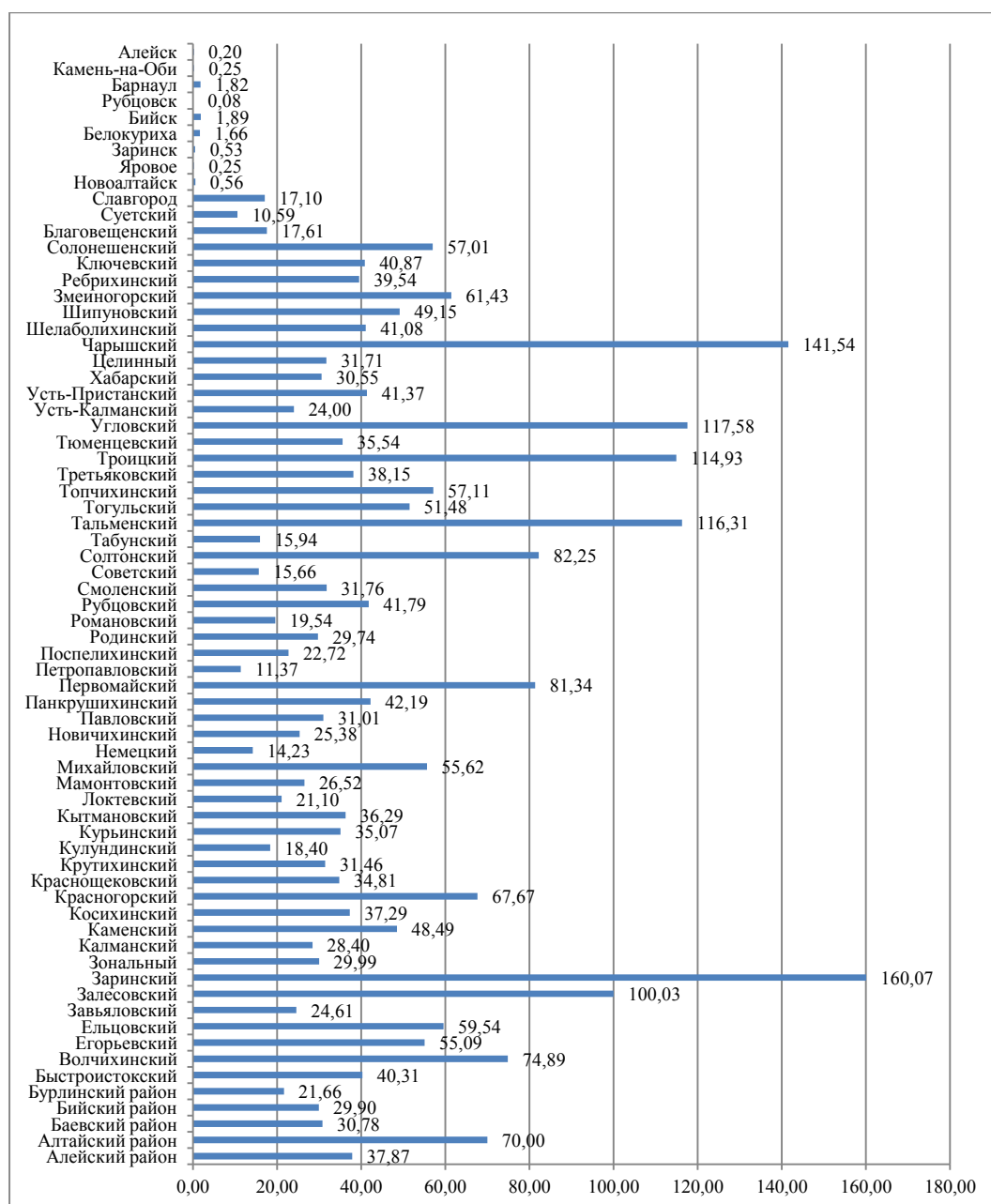

Рис. 1. Стоимость депонирования углерода экосистемами муниципальных районов Алтайского края, (млн руб.). Составлено авторами

Общая стоимость связывания углерода экосистемами края составила 2782,7 млн руб., которые в настоящее время не учитываются в рыночных оценках, что свидетельствует о широких масштабах недооцененности экосистемной значимости природных ресурсов края. Для того чтобы избежать влияния на полученные значения стоимости площадей муниципальных районов, результаты оценки были выражены в удельных показателях (руб./ га) (рис. 2).

Наибольшая стоимость депонирования углерода экосистемами была, закономерно, отмечена в районах с наибольшей лесистостью – Заринском, Залесовском, Тальменском, Троицком, Солтонском, Ельцовском. Вклад лесных экосистем в формирование стоимости депонирования углерода составил 80–90 %. Значительный вклад в формирование стоимости связывания углерода экосистемами вносят и пашни – их вклад составляет 6–14 %.

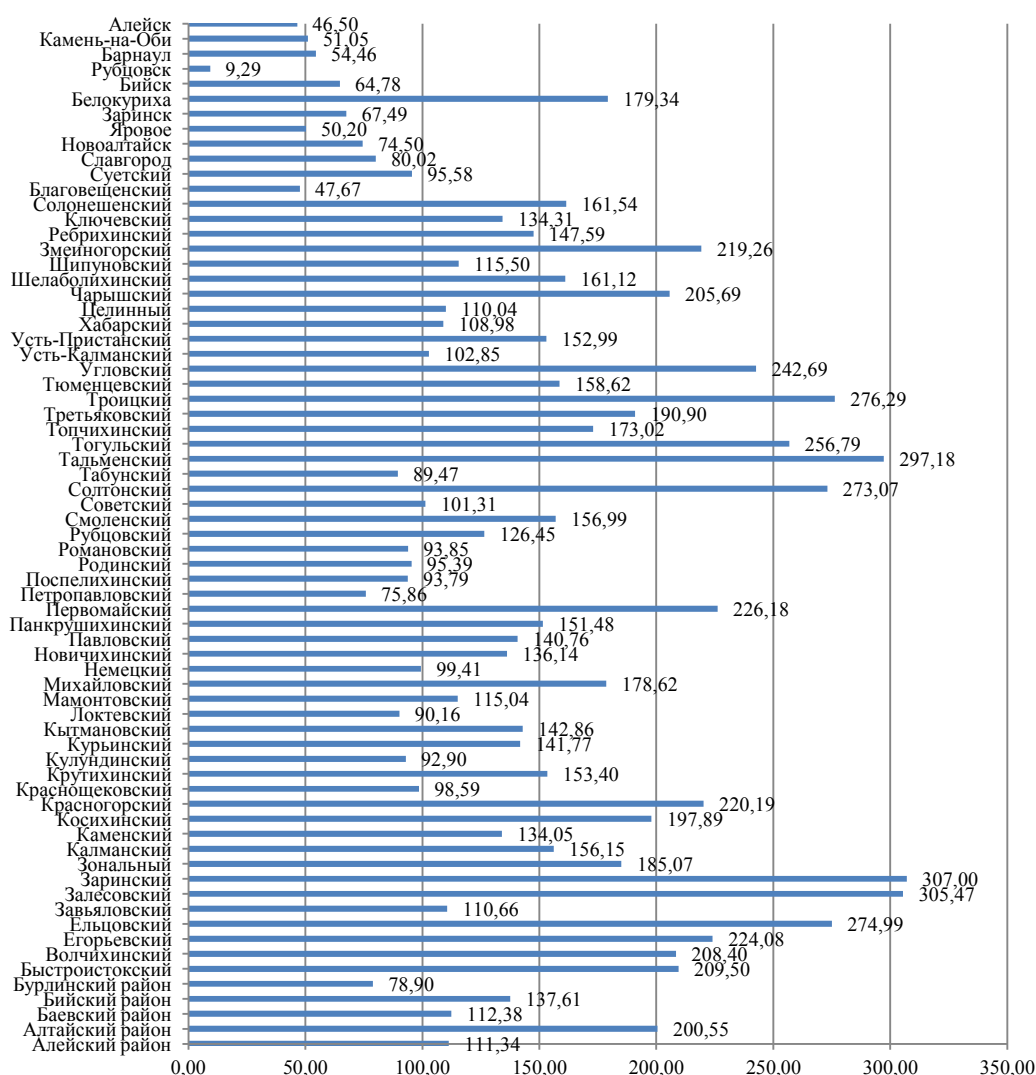

Рис. 2. Удельная стоимость депонирования углерода экосистемами муниципальных районов Алтайского края (руб./га). Составлено авторами

Подобные стоимостные оценки поглощения углерода проводились для других территорий для разных пространственных уровней в рамках комплексных оценок экосистемных услуг. При этом стоимостные оценки депонирования углерода наиболее подробно проводились для лесных экосистем. Проведем сравнение полученных данных с данными оценок, проведенных другими исследователями (табл. 3).

Таблица 3.
Сопоставление данных стоимостных оценок депонирования углерода лесными экосистемами

Территория	Показатель поглощения CO ₂ лесными экосистемами, тонн/га	Стоимость поглощения CO ₂ , долл /га /год	Источник данных
Ландшафтный заказник местного значения «Ветеревичский» (Минская область, Республика Беларусь)	0,705	50,6	Неверов А. В., Белорусский государственный технический университет (2013 год) [2]
Московская область	0,893	8,93	Волкова Е. А., Центр экологических исследований АН РБ (2006 год) [3]
Алтайский край	0,84	7,19	Назаренко А. Е., ИВЭП СО РАН (2018 год)

Составлено авторами

Данные результатов стоимостных оценок, получаемые разными исследователями, значительно разнятся, что вызвано следующими факторами.

1) Использование разрозненных данных о показателях поглощения углерода лесными экосистемами. Само по себе наличие таких разрозненных данных вызвано разными условиями экспериментов по определению показателя поглощения CO₂ лесными экосистемами, а также множеством подобных экспериментов, посвященных локальным оценкам поглощения углерода лесами. Для сопоставления данных об используемом показателе поглощения CO₂ был рассчитан коэффициент вариации (табл. 4).

Коэффициент вариации равен 9,74 %, что говорит о слабой вариативности ряда и, в свою очередь, подтверждает сопоставимость данных.

2) Использование разрозненных данных о стоимости тонны эмиссии CO₂ на мировых рынках. Чаще всего подобные оценки носят приблизительный характер, что приводит к использованию «гипотетических» цен, без проведения подробного анализа цен на мировых биржах. Использование конкретных данных о стоимости эмиссии с использованием квартальных отчетов бирж торговли выбросами углерода (carbon markets), на наш взгляд, позволило бы повысить качество проводимых стоимостных оценок.

Таблица 4.

Расчет коэффициента вариации

Показатели	Значения ряда	$(x - x_{cp})$	$(x - x_{cp})^2$
	0,705	-0,1077	0,0116
	0,893	0,0803	0,0065
	0,84	0,0273	0,0007
Среднее арифметическое значение (x_{cp})	0,81		
Средний квадрат разности $((x - x_{cp})^2 \div n)$	0,0062		
Среднее квадратическое отклонение $\sqrt{(x - x_{cp})^2 \div n}$	0,08		
Коэффициент вариации $\frac{\sqrt{(x - x_{cp})^2 \div n}}{(x_{cp})} \times 100$	9,74		

Рассчитано авторами

Выводы

По результатам проведенного исследования получены следующие выводы:

1) наиболее весомый вклад в осуществление депонирования углерода вносят лесные экосистемы и пашни, поэтому внедрение рыночного механизма учета экосистемной услуги по депонированию углерода в региональном масштабе должно базироваться на учете существующей структуры землепользования. Предложенный авторами алгоритм позволяет проводить оценку стоимости данной регулирующей экосистемной услуги на территории любого региона;

2) планирование трансформации структуры землепользования в связи с высокой ценностью данных жизнеобеспечивающих функций следует проводить с учетом стоимости связывания углерода экосистемами, а непроведение такого учета может привести к значительным потерям как для экономики региона, так и для качества предоставления жизнеобеспечивающих функций.

Литература

1. Замолодчиков Д. Г., Грабовский В. И., Коровин Г. Н. Управление бюджетом углерода лесов Дальнего Востока России: прогнозный анализ по модели СВМ CFS // Лесная таксация и лесоустройство. 2009. № 1 (41). С. 98–103.
2. Неверов А. В., Воропаева О. А. Стоимостная оценка экосистемных услуг и биологического разнообразия // Труды БГТУ, 2013. № 7. С. 95–100.
3. Волкова Е. А. Экономическая оценка экосистемных услуг и перспективы развития рекреационной деятельности в ландшафтном природном парке «Зилим» // Инновационный потенциал естественных наук (сборник трудов конференции). Пермь, 2006. С. 134–139.
4. Ежеквартальный бюллетень ICAP – Новости об основных тенденциях торговли квотами на выбросы парниковых газов [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- <https://icapcarbonaction.com/ru/newsletter-archive/mailling/view/listid-/mailingid-96/listtype-1>
5. California Cap-and-Trade Program, Ontario Cap-and-Trade Program, and Québec Cap-and-Trade System February 2018 Joint Auction #14 Summary Results Report [Электронный ресурс]. URL: https://www.arb.ca.gov/cc/capandtrade/auction/feb-2018/summary_results_report.pdf
 6. International Carbon Action Partnership (ICAP) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://icapcarbonaction.com/ru/newsletter-archive/mailling/view/listid-/mailingid-96/listtype-1>
 7. European Emission Allowances Auction (EUA) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eex.com/en/market-data/environmental-markets/auction-market/european-emission-allowances-auction#!/2018/04/19>
 8. Global KRX [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://global.krx.co.kr/contents/GLB/05/0506/0506030101/GLB0506030101.jsp>
 9. CommTrade Carbon [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commtrade.co.nz/>
 10. RCGI Inc. Market monitor report for auction 39 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rggi.org/sites/default/files/Uploads/Auction-Materials/39/Auction_39_Market_Monitor_Report.pdf
 11. Emission trading registry [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.emissionsregistry.admin.ch/crweb/public/auction/list.do?org.apache.struts.taglib.html.TOKEN=5afb14644c67317d4a7fb28bb3e1d3aa>
 12. Экосистемные услуги наземных экосистем России: первые шаги. Status Quo Report. Москва: Центр охраны дикой природы, 2013. 45 с.
 13. Dolman A. J., Shvidenko A., Schepaschenko D., Ciais P., Tchebakova N., Chen T., van der Molen M. K., Belelli Marchesini L., Maximov T. C., Maksyutov S., Schulze E. D. An estimate of the terrestrial carbon budget of Russia using inventory-based, eddy covariance and inversion method // Biogeosciences. 2012. V. 9. P. 5323–5340.
 14. Kurganova I. N., Lopes de Gerenyu V. O., Six J., Kuzyakov Y. Carbon cost of collective farming collapse in Russia // Global Change Biology. 2014. V. 20. P. 938–947.

Nazarenko A. E.¹
Krasnoyarova B. A.²

Cost evaluation of ecosystem services for carbon sequestration by Altai krai ecosystems as a component of transition to sustainable development

Institute for Water and Environmental Problems SB RAS,
Russian Federation, Barnaul,
e-mail: ¹ harret1992@mail.ru; ² bella@iwep.ru

Abstract. *The paper presents an algorithm for the evaluation of ecosystem services for carbon sequestration. An estimation of carbon sequestration by ecosystems of Altai Krai was performed based on the proposed algorithm. The main indicators for calculation of the carbon sequestration cost are the cost of emission of a carbon ton fixed at major markets, and the ability of various ecosystems to atmospheric carbon*

absorption. The proposed algorithm is universal and quite simple for its application in regional estimates.

At carbon markets, the cost of carbon emission varies significantly due to different prices fixed by domestic markets and solvency of industrial enterprises. It should be noted that such an approach to pricing is ambiguous, as ecosystem services for carbon sequestration are provided globally. In contrast to the establishment of carbon trading exchanges aimed at emissions reduction, low-prices carbon quotas established by a country can increase its emission volumes.

To estimate the cost of carbon sequestration by ecosystems, we used the average emission price fixed by the exchange trade in 2018 (USD 8.56) because of the absence of such a mechanism in Russia. The contribution of different types of ecosystems to atmospheric carbon absorption was calculated due to the data obtained by the scientific team from IIASA.

Forests are major carbon absorbers because of their huge area and current state. Modern forests of Russia largely consists of secondary forests (which are at different recovery stages) that makes them active in atmospheric carbon sequestration.

Per unit area, the abandoned arable lands are the most active carbon absorbers. In 1990s, a large-scale abandonment of lands occurred in the non-chernozem zone of European Russia. Currently, the recovering ecosystems absorb 46.1 megatons of carbon per year.

The total cost of carbon sequestration by Altai Krai ecosystems made up 2782.7 million rubles. This figure is off-the-books in market assessments that is evidence of a great underestimation of the ecosystem significance of the region natural resources.

The highest cost of carbon sequestration by the ecosystems was, naturally, recorded in the areas with the richest forest cover, i.e. Zarinsky, Zalesovsky, Talmensky, Troitsky, Soltonsky and Eltsovsky regions. The contribution of forest ecosystems to the cost formation amounted to 80-90%; for abandoned arable lands it made up 6-14%.

The research suggests that forest ecosystems and abandoned arable lands contribute most to carbon sequestration. Therefore, the introduction of a market mechanism for accounting the ecosystem service for carbon sequestration at the regional scale should be based on the existing land use structure. The proposed algorithm can be applied to the ecosystem service cost in any region. Because of costly ecosystem services, carbon sequestration should be taken into consideration when planning the transformation of the land use structure, otherwise it can lead to significant losses in the regional economy and deterioration of the environment quality.

References

1. Zamolodchikov D. G., Grabovskij V. I., Korovin G. N. Upravlenie byudzhетom ugleroda lesov Dal'nego Vostoka Rossii: prognoznyj analiz po modeli CBM CFS // Lesnaya taksaciya i lesoustrojstvo. 2009. № 1 (41). P. 98–103 (in Russian).
2. Neverov A. V., Voropaeva O. A. Stoimostnaya ocenka ehkosistemnyh uslug i biologicheskogo raznoobraziya // Trudy BGTU, 2013. № 7. P. 95-100 (in Russian).
3. Volkova E. A. Ekonomicheskaya ocenka ehkosistemnyh uslug i perspektivy razvitiya rekreacionnoj deyatel'nosti v landshaftnom prirodnom parke «Zilim» // Innovacionnyj potencial estestvennyh nauk (sbornik trudov konferencii). Perm', 2006. SP 134-139 (in Russian).

4. Ezhekvartal'nyj byulleten' ICAP – Novosti ob osnovnyh tendenciayah trgovli kvotami na vybrosy parnikovyh gazov [Elektronnyj resurs]. URL: <https://icapcarbonaction.com/ru/newsletter-archive/mailling/view/listid-/mailingid-96/listtype-1> (in Russian).
5. California Cap-and-Trade Program, Ontario Cap-and-Trade Program, and Québec Cap-and-Trade System February 2018 Joint Auction #14 Summary Results Report [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.arb.ca.gov/cc/capandtrade/auction/feb-2018/summary_results_report.pdf (in English).
6. International Carbon Action Partnership (ICAP) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://icapcarbonaction.com/ru/newsletter-archive/mailling/view/listid-/mailingid-96/listtype-1> (in English).
7. European Emission Allowances Auction (EUA) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.eex.com/en/market-data/environmental-markets/auction-market/european-emission-allowances-auction#!/2018/04/19> (in English).
8. Global KRX. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://global.krx.co.kr/contents/GLB/05/0506/0506030101/GLB0506030101.jsp> (in English).
9. CommTrade Carbon [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.commtrade.co.nz/> (in English).
10. RCGI Inc. Market monitor report for auction 39 [Elektronnyj resurs] URL: https://www.rggi.org/sites/default/files/Uploads/Auction-Materials/39/Auction_39_Market_Monitor_Report.pdf (in English).
11. Emission trading registry [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.emissionsregistry.admin.ch/crweb/public/auction/list.do?org.apache.struts.taglib.html.TOKEN=5afb14644c67317d4a7fb28bb3e1d3aa> (in English).
12. Ekosistemnye uslugi nazemnyh ehkosistem Rossii: pervye shagi. Status Quo Report. Moskva: Centr ohrany dikoj prirody, 2013. 45 P. (in Russian).
13. Dolman A. J., Shvidenko A., Schepaschenko D., Ciais P., Tchepakova N., Chen T., van der Molen M. K., Beletti Marchesini L., Maximov T. C., Maksyutov S., Schulze E. D. An estimate of the terrestrial carbon budget of Russia using inventory-based, eddy covariance and inversion method // Biogeosciences. 2012. V. 9. P. 5323–5340 (in English).
14. Kurganova I. N., Lopes de Gerenyu V. O., Six J., Kuzyakov Y. Carbon cost of collective farming collapse in Russia // Global Change Biology. 2014. V. 20. P. 938–947 (in English).

Поступила в редакцию 02.07.2018 г.

УДК 913 (551.4.3)

Новиков А. А.¹
Игнатов Е. И.²
Исаев В. С.³
Горшков Е. И.⁴
Каширина Е. С.⁵

Оценка геоэкологических рисков урбанизированных прибрежных территорий

¹Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в Севастополе,
Российская Федерация, г. Севастополь
e-mail: ¹a_novik@bk.ru; ⁵e_katerina.05@mail.ru

²Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва
e-mail: ²ign38@mail.ru; ³tpomed@rambler.ru

³ООО «Современные геотехнологии», Российская
Федерация, г. Москва
e-mail: ⁴e.i.gorshkov@yandex.ru

Аннотация. В статье приведены рекомендуемые показатели оценки геоэкологических рисков урбанизированных прибрежных территорий на примере административной территории города Севастополя. Определено, что особенности рельефа являются ведущим критерием геоэкологических рисков. Для территории Севастопольского региона выделены участки потенциального геоэкологического риска.

Ключевые слова: геоэкология, природный риск, оценка, ГИС-технологии, Севастополь, Крым.

Введение

Отличительной особенностью географического положения города Севастополя является его выход к морю и наличие протяженной (более 150 км) береговой линии. Берега – изрезанные, с многочисленными бухтами, что создает благоприятные условия для строительства, расселения и создания инфраструктуры. Как результат – большая часть населения и инфраструктуры города тяготеют к берегу, что создает повышенную антропогенную нагрузку в узкой прибрежной полосе и вызывает геоэкологические риски.

Особую угрозу и трудности освоения территории и социально-экономического развития Севастополя представляет сложность геологического строения региона. Опасные геолого-геоморфологические процессы и расширяющийся антропогенный пресс усугубляют в значительной степени геоэкологическую обстановку города и Севастопольского региона в целом [1]. Мощные выходы на дневную поверхность закарстованных известняков и изобилие скрытой разломно-тектонической трещиноватости создают дополнительные трудности для избирательного расширения градостроительства и обеспечения устойчивого безопасного развития севастопольского социума.

В этих условиях одной из главных задач территориального развития города становится оценка геоэкологического риска, которая является специальным видом проектно-изыскательской деятельности, направленной на обеспечение безопасности населения, объектов хозяйства и окружающей природной среды.

Материалы и методы

Для определения критериев геоэкологических рисков урбанизированных прибрежных территорий рассмотрен характерный участок в административных границах города Севастополя.

С помощью морфометрического анализа были рассчитаны основные количественные (уклоны, экспозиция, кривизна, индекс расчлененности и др.) и качественные (генетические формы) характеристики рельефа. Сопоставление этих параметров с инженерно-геологической картой г. Севастополя позволило выделить районы развития основных опасных геолого-геоморфологических процессов.

Современные ГИС-технологии позволяют провести комплексный морфометрический анализ, используя цифровые модели рельефа (ЦМР). В качестве топографической основы была выбрана глобальная цифровая модель рельефа ASTER GTOPO M2 с разрешением 30 м/пикс., обрезанная по административной границе г. Севастополя. С помощью ГИС SAGA и QGIS были проанализированы следующие параметры рельефа: углы наклона и экспозиции склонов, густота горизонтального расчленения рельефа, глубина эрозионного расчленения, индекс конвергенции рельефа, топографический индекс влажности, кривизна поверхности, LS-фактор [2], коэффициент денудации/аккумуляции, выделены элементы эрозионной сети и области замкнутых понижений. Результаты расчетов представлены в виде отдельных растровых карт. Впоследствии все расчетные характеристики были перенесены на векторный слой, представляющий собой регулярную сетку с размером ячеек около 4 км².

Дальнейшее выделение зон опасных геолого-геоморфологических процессов являлось результатом выборки ячеек сетки по атрибутивным данным из набора слоев инженерно-геологической карты и карты морфометрических характеристик рельефа. Подбор характеристик, необходимых для комбинации, осуществлялся на основе ранее разработанной таблицы пороговых значений развития тех или иных опасных процессов.

Окончательное районирование территории основано на сопоставлении зон опасных геолого-геоморфологических процессов с картой форм рельефа, полученной в результате автоматической классификации той же самой ЦМР. Данная классификация основана на расчете топографического индекса превышения (Topographic Position Index, TPI) [3; 4], который показывает, на сколько высота искомой ячейки ЦМР больше (меньше) по сравнению со средней высотой соседних ячеек. Сравнение результатов обработки ЦМР сразу для двух масштабных уровней (радиусов окрестности) дает возможность получить на одной карте сразу несколько размерностей рельефа, генетически связанных между собой. Специфика данного района исследования заключается в том, что на относительно небольшой территории встречаются как горные, так и равнинные области с развитой овражно-балочной сетью, отличающиеся друг от друга масштабами вертикального расчленения. Классификация рельефа проводилась в среде ГИС SAGA (модуль Landform Classification) с последующей статистической обработкой в QGIS.

Результаты и обсуждение

Особенности геологического строения определяют специфику протекания природных геолого-геоморфологических процессов. Территория города

Севастополя располагается в пределах двух крупных структурно-формационных зон – юго-западного синклиория и северо-западного крыла мегантиклинория Горного Крыма, разделенных Фиолентским разломом (взбросом) глубокого заложения, представляющего собой краевую часть Крымского глубинного разлома. Ширина зоны дробления Крымского глубинного разлома, имеющего северо-восточное простирание, достигает 10 км. Фрагмент сложно геологически построенного юго-западного синклиория представлен Балаклавским блоком и примыкающей к нему с севера наложенной Карагачской депрессией, приуроченной к зоне Бечку-Карагачского разлома. Балаклавский блок, представляющий собой западную часть Балаклавской грабен-синклинали, крылья которой разбиты серией субвертикальных разломов, с амплитудой вертикальных подвижек порядка первых десятков метров.

Северо-западное крыло мегантиклинория в пределах территории представлено ГераклеЙско-Мекензиевской моноклиной, подразделяющейся на ГераклеЙский вулканогенно-тектонический блок и Мекензиевскую моноклину (моноклину Мекензиевых гор), представляющую собой часть южного борта Альминской впадины. Отдельно обособливается сложный тектонический узел в Инкерманской долине, образованный пересечением молодых разрывных нарушений широтного, северо-западного и северо-восточного простирания.

Тектоническая граница между ГераклеЙским вулканогенно-тектоническим блоком и Мекензиевской моноклиной проводится по грабену Северной бухты. Грабен Северной бухты ограничен субширотными сбросами в виде серий разломов с амплитудой 10–15 м, формирующих зоны тектонического дробления. Сброс, ограничивающий грабен Северной бухты с севера, прослеживается на водоразделе между балками Мартыновской и Цыганской, где зона разлома вскрыта карьером в виде брекчии известняков, затертая в зоне дробления среди четвертичных суглинков, указывая на современную тектоническую активность по разлому.

Мекензиевская моноклина представляет собой геологически просто построенную платформенную структуру, в строении которой, в частности, принимают участие карстующиеся известняки и мергели, а также просадочные пылеватые суглинки. Отложения залегают полого с падением в северо-западном направлении.

ГераклеЙский вулканогенно-тектонический блок формирует ГераклеЙское плато. В строении блока принимают участие породы вулканогенной (спилит-кератофировой) среднеюрской формации, перекрытые чехлом терригенно-карбонатных отложений миоцена. Ведущая роль в ГераклеЙском блоке играют разрывные нарушения, сбросового и сбросо-сдвигового типа, северо-западного и северо-восточного простирания (Херсонесская система разломов, Западный разлом, Севастопольский разлом, Фиолентский разлом и др.), хорошо выделяющиеся геофизическими методами, а в скважинах представленные зонами тектонических брекчий мощностью 5–10 м.

Среди перечисленных тектонических нарушений следует отметить Севастопольский разлом (левый взбросо-сдвиг с крутым юго-восточным падением), протягивающийся от района маяка к северо-востоку через слияние Монастырской и Юхариной балок, деформирует балку Сарандинаки (что указывает на современную активность) и уходит, разветвляясь, в сторону Северной бухты. Фиолентский разлом (взброс) проходит параллельно Севастопольскому в 2 км юго-восточнее, прослежен от берега моря к северо-востоку через слияние балок

Монастырской и Солты, через Французское кладбище и далее в район высоты 199,9 м. Амплитуда смещения по разлому в покровных отложениях достигает 20–30 м. Дислоцированность четвертичных отложений указывает на современную тектоническую активность.

Геологическими методами, бурением, геофизическими работами также прослежены Карантинный разлом (от пос. Золотая балка на северо-восток в сторону Стрелецкой бухты), Флотский разлом (от окрестностей с. Флотское до бухты Круглая), Монастырский разлом (всбросо-сдвиг с амплитудой до 20 м, прослеживаемый от Монастырской балки до Камышевой бухты) [5; 6; 7].

Особенности развития современных опасных геолого-геоморфологических процессов влияют на масштаб и интенсивность геоэкологических рисков. Инженерно-геологические условия территории города Севастополя благоприятны для развития следующих опасных природных процессов:

- оползневых и других склоновых (обвальных, осыпных) процессов;
- карстовых и карстово-суффозионных процессов;
- абразионных процессов в прибрежной зоне.

Ввиду сложного тектонического строения территории весь город Севастополь отнесен к сейсмоопасной зоне. Основную сейсмическую опасность представляют сильные движения грунта от землетрясений, генерируемых двумя крупными геологическими структурами: Южнобережным и Одесско-Синопским глубинными разломами. В Северной и Южной береговой части территории распространены оползневые, оползнево-обвальные и суффозионные процессы, фиксируется активная береговая абразия.

По данным Кадастра оползней Крыма на рассматриваемой территории располагается 20 оползневых участков. По данным КП «Южэкогеоцентр» на территории г. Севастополя располагается 110 обвалоопасных участка, из которых 11 участков находятся в активном состоянии (в прибрежной зоне – № 126 «Балаклавский», № 911 «Качинский 1», № 918 «Большой Любимовский», № 919 «Качинский», с. Кача, № 921 «Учкуевский», № 941 «Коса Северная 2», № 948 «Коса Северная 3», № 949 «Коса Северная 4», № 1071 «Подольцевский», № 1666 «Фиолент Заповедник 2», вне прибрежной зоны – № 1602 «26-и км автодороге Севастополь-Ялта»). По другим опубликованным данным количество оползневых участков на территории г. Севастополя составляет порядка 120 [1]. На основе морфометрического анализа рельефа и особенностей подстилающих пород нами выделены районы риска развития оползней (рис. 1).

На картосхеме видно, что овражно-балочный рельеф Гераклеийского полуострова способствует развитию оползней под городской застройкой. Высокий риск развития оползней отмечен также для горных и прибрежных районов.

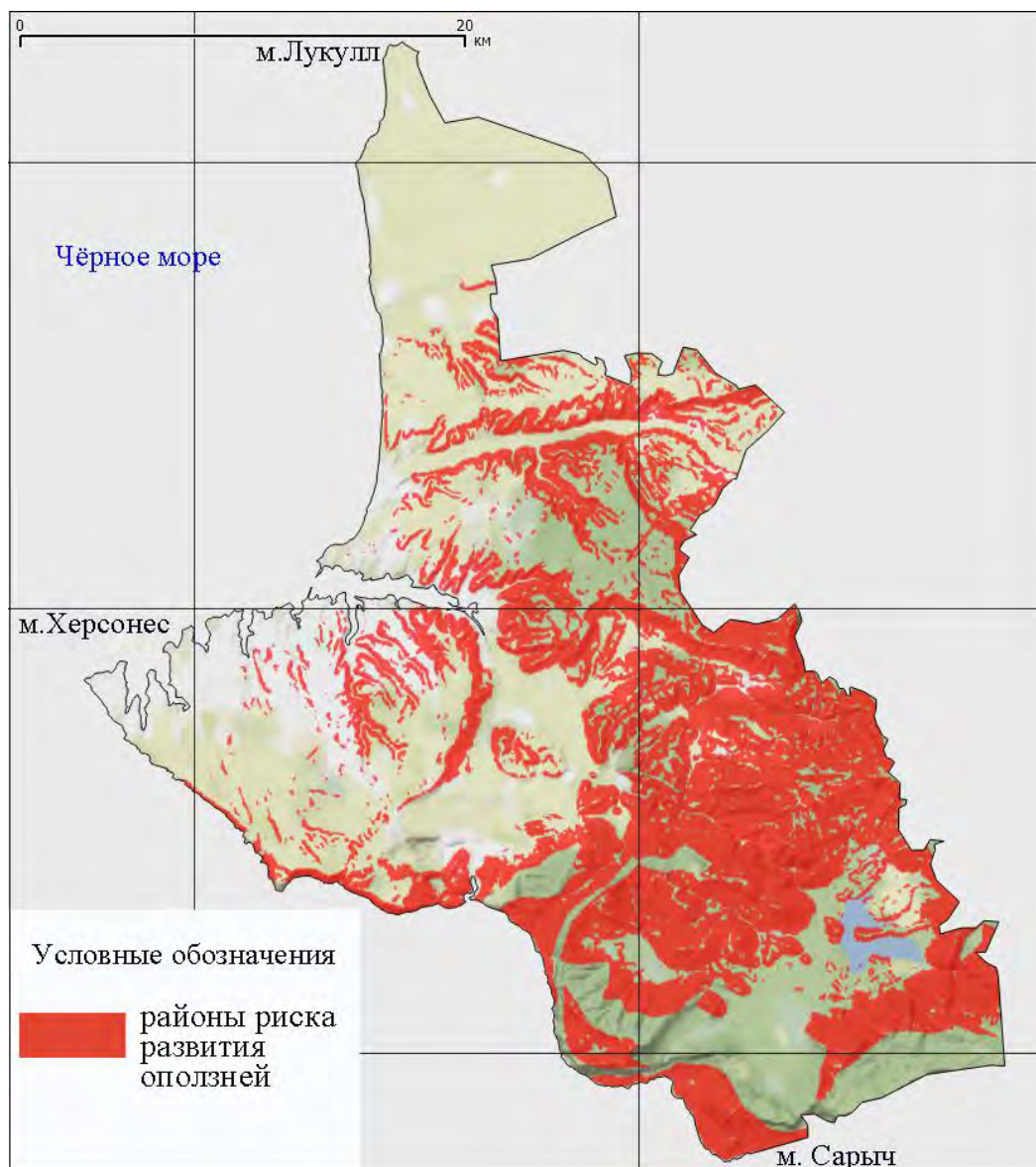

Рис. 1. Районы риска развития оползней в административных границах г. Севастополя. Составлено авторами

Несмотря на то, что на рассматриваемой территории ранее был выделен Севастопольский карстовый район, для которого характерны карстовые формы, представленные гротами, небольшими наклонными и субгоризонтальными пещерами карстового и карстово-гравитационного генезиса, в настоящее время сведения о пораженности территории города Севастополя карстовыми и карстово-суффозионными процессами носят отрывочный характер. Необходимо отметить, что в юго-восточной части в районе урочища Карадагский лес, характеризующейся расчлененным рельефом, ярко выражены карстовые формы рельефа с воронками и провалами. В ряде случаев отмечены проявления карстовых и карстово-суффозионных процессов среди жилой застройки города.

Анализ распространения карстующихся горных пород позволил локализовать районы риска развития карста и суффозии в Севастополе (рис. 2).

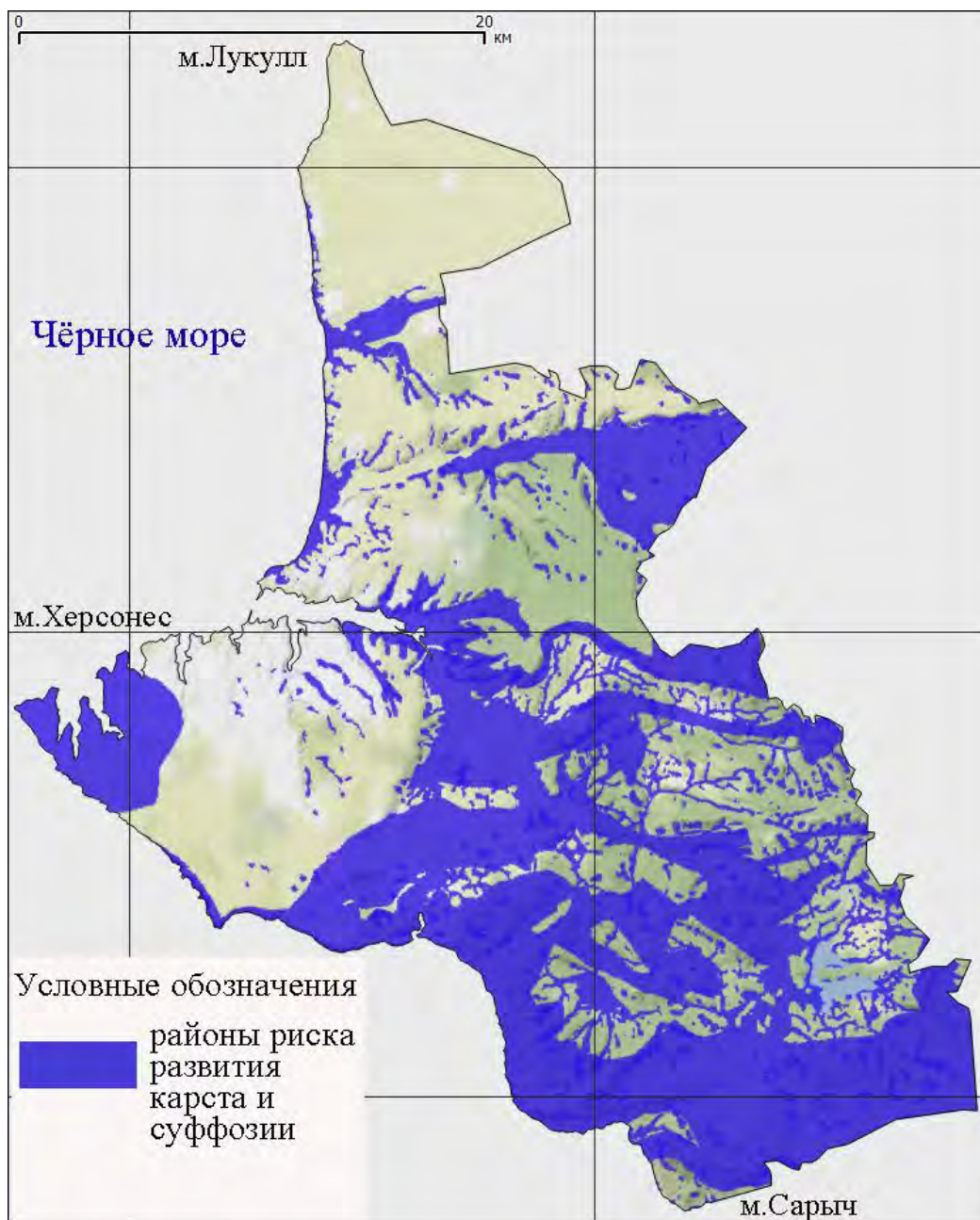

Рис. 2. Районы риска развития карста и суффозии в административных границах Севастополя. Составлено авторами

Карстово-суффозионные процессы широко распространены на территории города. Особую опасность представляет карст и суффозия в прибрежной полосе Северной стороны города, в районе бухт Казачья и Камышовая.

В настоящее время активное абразионное разрушение береговой зоны происходит севернее Севастопольской бухты, где скорость развития абразии составляет в среднем 1,4 м/год, а для отдельных участков – до 5 м/год (пляж Орловка, участки на пляже Учкучевка). Высокие скорости отступления береговой линии связаны, в том числе, с активным разрушением берега оползневыми процессами (амплитуда резкого отступления бровки оползневого цирка на Большом

Любимовском оползне (в южной части аэропорта Бельбек) во время активизации оползня в начале 1990-х годов, составила около 100 м). В то же время для отдельных участков (в зонах устьев рек) отмечалось рост пляжной зоны со скоростью до 2 м/год [1].

Сопряженный анализ распространения опасных процессов позволил выделить районы высокого геоэкологического риска (рис. 3).

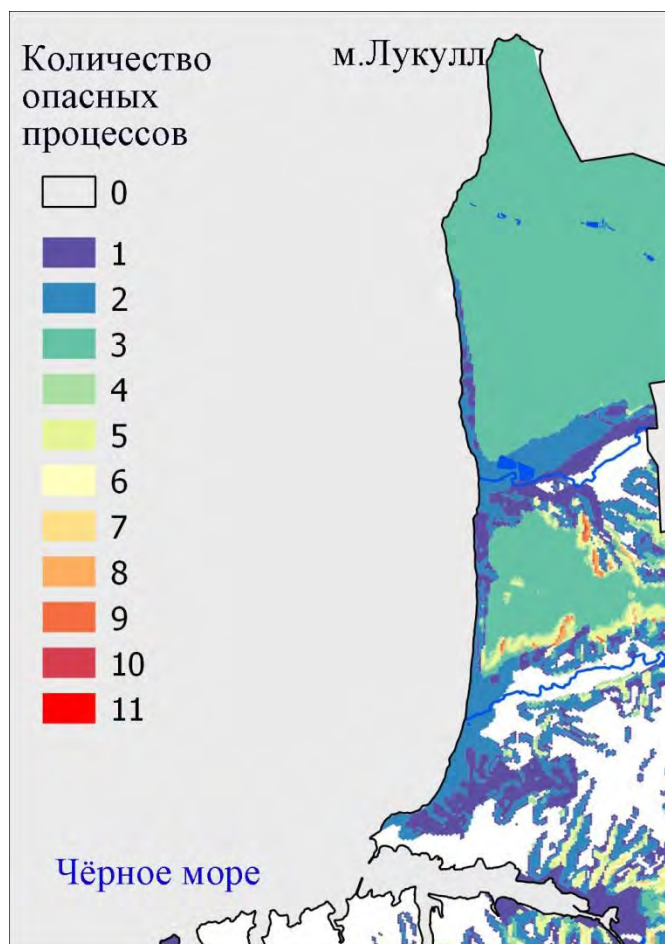

Рис. 3. Оценка геоэкологических рисков территории Севастополя на основе количественных показателей развития опасных природных процессов (фрагмент).

Составлено авторами

Максимальная концентрация участков развития опасных и неблагоприятных геологических процессов и явлений отмечается в прибрежной зоне в южной части города, где сосредоточены оползни, обвалы, сели, абразия, карст. Дополнительную угрозу представляет антропогенная деятельность, вызывающая активизацию природных процессов.

Особенности рельефа Севастопольского региона способствуют широкому распространению опасных природных процессов. Анализ распределения форм рельефа г. Севастополя показал, что 48 % территории приходится на субгоризонтальные поверхности равнин и возвышенностей, около 25 % занимают пологие склоны и днища крупных речных долин и межгорных котловин, на

элементы овражно-балочной сети (овраги, каньоны, неглубокие балки) приходится 13 % территории города, 14 % занято главными водоразделами и вершинами отдельных хребтов. Одновременно рельеф накладывает ограничения на развитие городской среды.

Выводы

Современные методы автоматической классификации рельефа позволяют получать его количественные и качественные характеристики любой сложности и размерности. Представленный алгоритм может быть использован для изучения рельефа в масштабе крупных городов. Вместе с тем алгоритм недостаточно четко идентифицирует переходные формы (например, подножия склонов) и сильно чувствителен к качеству исходной цифровой модели рельефа.

На территории Севастополя локализуются различные опасные процессы. Для городской среды ведущее значение имеют обвально-оползневые, карстовые и абразионные процессы. Карстовые и карстово-суффозионные процессы развиты в ареале городской застройки на Гераклеийском полуострове, Байдарской долине и на мысе Фиолент. Оползневые процессы представлены на склонах балок и прибрежных склонах, где они накладываются на процессы абразии берегов.

Заблаговременное осуществление инженерно-технических и других мероприятий будет направлено на уменьшение негативных последствий воздействия опасных геоморфологических и инженерно-геологических процессов и предупреждение природных чрезвычайных ситуаций, обусловленных этими процессами, в Севастопольском регионе.

Работа выполнена при поддержке РРФИ 18-45-920045 p_a

Литература

1. Игнатов Е. И., Новиков А. А., Каширина Е. С., Калиниченко А. В. Природные опасности и показатели риска в Крымском федеральном округе // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2016, №. 2. С. 3–7.
2. Hickey R., 2000, Slope Angle and Slope Length Solutions for GIS. Cartography, V. 29. No. 1. pp. 1–8.
3. Weiss A. D. Topographic Position and Landforms Analysis. Poster Presentation, ESRI Users Conference, San Diego, С.А. 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.jennessent.com/downloads/tpiposter-tnc_18x22.pdf.
4. Черниковский Д. М. Автоматическая классификация поверхности рельефа для изучения количественных и качественных характеристик лесов. Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2017. Вып. 219. С. 74–95.
5. Славин В. И. Современные геологические процессы в юго-западном Крыму. Учебное пособие по геологической практике. Издание второе. - М.: Издательство Московского университета. 1975. 196 с.
6. Муратов М.В. Неогеновая система Крыма. Континентальные отложения. В кн.: Геол. СССР. Т.8. М. 1969. С. 264–271.
7. Никитин М. Ю., Барабошкина Т. А., Барабошкин Е. Ю., Кузнецова А. В. Природно-ресурсный потенциал и транспортная сеть Горного Крыма (от античности до XXI века) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. 2017. Т. 92. № 6.

Novikov A. A. ¹
Ignatov E. I. ²
Isaev V. S. ³
Gorshkov E. I. ⁴
Kashirina E. S. ⁵

The assessment of geo-ecological risks of urban coastal areas.

¹ Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, Russian Federation, Sevastopol
e-mail: ¹a_novik@bk.ru; ⁵e_katerina.05@mail.ru

² Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: ²ign38@mail.ru; ³tpomed@rambler.ru

³ LLC «Modern geotechnologies», Russian Federation, Moscow
e-mail: ⁴e.i.gorshkov@yandex.ru

Abstract. *In the paper the recommended indicators for assessing the geoeological risks of urban coastal areas are given. The administrative territory of the city of Sevastopol was investigated. It is determined that the features of the relief are the leading criterion of geoeological risks. For the territory of the Sevastopol region, areas of potential geoeological risk have been identified.*

Key words: *geoeology, natural risk, assessment, GIS-technology, Sevastopol, Crimea*

References

1. Ignatov E. I., Novikov A. A., Kashirina E. S., Kalinichenko A. V. Prirodnye opasnosti i pokazateli riska v Krymskom federalnom okruge // Ispolzovanie i ohrana prirodnyh resursov v Rossii. 2016. №2. S. 3-7 (in Russian).
2. Hickey R., 2000, Slope Angle and Slope Length Solutions for GIS. Cartography , v. 29, no. 1, pp. 1 – 8 (in English).
3. Weiss A. D. Topographic Position and Landforms Analysis. Poster Presentation, ESRI Users Conference, San Diego, C. A. 2001 [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa URL: <http://www.jennessent.com>=(in English)
4. Chernihovskij D. M. Avtomaticheskaya klassifikaciya poverhnosti relefa dlya izucheniya kolichestvennyh i kachestvennyh harakteristik lesov // Izvestiya Sankt-Peterburgskoj lesotekhnicheskoy akademii. 2017. Vyp. 219. S. 74-95 (in Russian).
5. Slavin V. I. Sovremennye geologicheskie processy v yugo-zapadnom Krymu Uchebnoe posobie po geologicheskoy praktike Izdanie vtoroje. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 1975. 196 s. (in Russian).
6. Muratov M. V. Neogenovaya sistema Kryma Kontinentalnye otlozheniya V kn. Geol SSSR T. 8. M.: 1969. S. 264-271 (in Russian).
7. Nikitin M. Yu., Baraboshkina T. A., Baraboshkin E. Yu., Kuznecova A. V. Prirodno-resursnyj potencial i transportnaya set Gornogo Kryma ot antichnosti do XXI veka // Byulleten Moskovskogo obshchestva ispytatelej prirody Otdel geologicheskij. 2017. T. 92. 6. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.07.2018 г.

УДК 911.6 (571.63)

Харитонов А. М.

***Проблемы оценки современной
динамики лесоресурсного потенциала
регионов России (на примере
Приморского края)***

ФГБУН «Тихоокеанский институт географии ДВО
РАН», Российская Федерация, г. Владивосток
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Аннотация. Приморский край в составе Дальнего Востока выделяется сравнительно развитой лесной промышленностью. Его своеобразные леса позволяют проводить массовые заготовки ценных видов пищевого и лекарственного сырья. К сожалению, экологическая ситуация в крае обостряется по мере истощения доступных видов лесных ресурсов, что затрудняет оценку его лесоресурсного потенциала.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморский край, лесоресурсный потенциал, лесные пожары, побочное пользование лесом, кедровый орех, мед, лесозаготовки.

Введение

Проблемы лесопользования Дальнего Востока всегда находились в центре внимания российских ученых. Имеется большое количество работ, посвященных оценке древесных и недревесных ресурсов леса, решению проблем повышения эффективности лесного комплекса региона, разработке моделей рационального лесопользования [1–6 и др.]. Всеми авторами отмечалась необходимость комплексного подхода к решению этих проблем с учетом региональных особенностей лесохозяйственной деятельности, в том числе на территории Дальнего Востока России.

В отношении лесопользования Приморский край представляет собой весьма специфический регион Дальнего Востока. В нем из-за физико-географического положения (самый южный регион Дальнего Востока), а также палеогеографических особенностей (территория региона не была затронута последними оледенениями) достаточно низка доля лиственницы в составе лесов, тогда как в целом по региону лиственничные леса преобладают. Достаточно своеобразна и структура заготовок дикорастущих плодов и ягод в крае, когда на калину и лимонник приходится большая часть сборов, тогда как по Дальнему Востоку в целом преобладают в заготовках голубика и брусника.

Экологические проблемы лесопользования Приморского края в последнее время усугубляются наличием немалой доли «теневого» лесозаготовок. Между тем Приморье всегда отличалось от других территорий Дальнего Востока повышенным фактором воздействия на леса именно рубок, а не лесных пожаров, что еще более обостряет возникшую проблему.

Материалы и методы

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) в 2016 г. занимал 4 место в Российской Федерации по производству древесины необработанной (9 % в Российской Федерации). Приморский край на протяжении ряда лет занимает второе место среди регионов Дальневосточного федерального округа после Хабаровского края в таких заготовках. В 2016 г. производство древесины необработанной в ДВФО составило 12,2 млн плотных м³, более половины этого объема приходится на Хабаровский край, третья часть – на Приморский край [7].

В экономике Приморья лесная промышленность занимает заметное место – на ее долю в 1999 г. приходилось 6,1 % (4 место среди отраслей промышленности), хотя за последние десятилетия эта доля и снизилась, составляя от 1,5 % в 2011 г. до 2 % в 2015 г., но она все еще имеет существенное значение для экспортно-ориентированных производств, а также поддержания экономики сельских районов края.

Доля и место лесного хозяйства и побочного пользования лесом в народном хозяйстве края также резко снизились, тогда как в начале 1980-х годов на Приморский край приходилось 47 % продукции дикорастущих Дальнего Востока (без Якутии), большая часть заготовок кедровых орехов, лекарственного и т. п. сырья. По этой причине в статье мы уделим недревесным ресурсам Приморского края несколько меньше места, чем они того заслуживают.

Впрочем, такое резкое снижение доли лесопромышленного комплекса является результатом всего лишь переоценки ценностей – считать долю промышленности статистики стали по добавленной стоимости, а в лесной промышленности она низка за счет высокой доли сырья (до трех четвертей) в составе продукции.

Кроме того, на деле доля лесного комплекса в крае может быть в 1,5–2 раза выше с учетом масштабов «теневых» заготовок. Да и рост доли лесного комплекса в последние годы указывает на имеющиеся перспективы в его развитии за счет возрастания хотя бы первичной переработки древесины. Ведь даже доля древесины в краевом объеме внешнеторгового оборота составила в 2016 г. 7,5 % (в 2015 г. – 6 %).

Важность исследований проблем лесного комплекса Приморского края в качестве одного из приоритетных направлений развития региональной экономики отмечена и краевой администрацией. В частности, был составлен лесной план Приморского края на 2009–2018 гг. [8], материалы которого выставлены для всеобщего пользования в Интернете на сайте администрации края.

В 1993 г. общая площадь земель Гослесфонда (ГЛФ) составляла 13296,6 тыс. га с общим запасом древесины в 1921 млн м³. За прошедшие четверть века она почти не изменилась (см. табл. 1), тогда как запас древесины сократился почти на 2 %. Текущий учет площади и запаса лесов идет с некоторым запозданием, т. к. лесоустройство на территории современных лесничеств проводилось в разные годы и порой более 20 лет назад.

Для Приморья срок запаздывания данных еще в 1988 г. составлял от 10 до 11 лет. Его несложно подсчитать и для иных регионов с помощью средневзвешенных показателей, зная площади, пройденные лесоустройством, и год его проведения, которые обычно имеются в материалах местных лесных департаментов.

Из-за перевода финансирования лесоустройства на местные балансы оно фактически отсутствовало в течение 5 лет. Так что сокращение запаса древесины по краю может быть более значительно, чем показывают статистические отчеты и материалы Департамента лесного хозяйства Приморского края (см. табл. 1–3).

Таблица 1.

**Распределение лесов Приморского края по фондодержателям
(на 1.01.2017)**

Пользователь	Общая площадь земель ГЛФ, тыс. га	В том числе покрытая лесом, тыс. га	Запас леса в млн м ³	
			общий	в т. ч. хвойных
Земли лесного фонда	11952,9	11468,7	1735,7	1135,6
Земли обороны и безопасности	240,7	198,8	16,4	1,1
Земли населенных пунктов, на которых расположены леса	32,1	28,4	2,9	0
Земли особо охраняемых природных территорий	766,2	750,9	112,1	45,3
Земли иных категорий	306,8	274,1	19,4	2,3
Итого по краю*	13298,7	12720,9	1886,5	1184,3

Составлено по данным Департамента лесного хозяйства Приморского края

Впрочем, материалы по другим ведомственным лесам устарели порой еще больше. Для сельских лесов сейчас все еще возможно использование материалов табл. 4, хотя даже тогда часть сельских лесов не была устроена лет до 20 и более.

Таблица 2.

**Динамика породного состава лесов Гослесфонда
по Приморскому краю**

Порода	Площади, тыс. га			Запас, млн м ³		
	на 1.01 1988	на 1.01 1993	на 1.01 2017	на 1.01 1988	на 1.01 1993	на 1.01 2017
Сосна	0,4	4,2	3,8	0,2	0,3	0,3
Ель	2817	2708,5	2538,5	515	496,2	453,7
Пихта	295,4	351,0	422,6,0	44,6	54,8	66,1
Лиственница	1136,7	1206,0	1221,6	176,8	205,0	205,2
Кедр	2243,5	2187,3	2128,6	503,4	465,0	410,3
Итого хвойные	5497	6457,0	6315,1	1240	1220,3	1135,6
Дуб высокоствольный	1893,8	1940,2	1938,7	177,7	199,7	212,1

Ясень	308,6	305,6	321,3	39,8	39,1	41,5
Берёза каменная	553,8	604,1	690,4	80,8	87,2	98,7
Вяз и ильмовые	112,9	110,4	127,6	15,8	14,6	16,6
Всего твёрдо- лиственные	2931,1	2972,7	3273,0	329,8	341,7	388,1
Берёза	989,7	1063,8	1088,1	91	106,8	107,8
Осина	183,8	181,9	238,9	21,4	21,7	27,3
Липа	390,4	392,0	360,8	59,6	60,9	57,0
Тополь	62,7	48,2	42,9	10,5	8,0	6,7
Всего мягколиственных	1681,5	1749,6	1829,6	186,1	203,8	208,5
Кедровый стланик	38,2	45,5	45,8	1,6	2,7	2,7
Всего по краю	11156,9	11231,5	11468,7	1749,9	1769,0	1735,7

Составлено по данным Департамента лесного хозяйства Приморского края

Лесоресурсный потенциал края в большей степени определяется сегодня величиной расчетной лесосеки – возможным количеством древесины, которое можно заготавливать без видимого ущерба для самого леса.

Таблица 3.

Запасы спелых и перестойных насаждений в Приморском крае

Группы пород	На 1.01 1988		На 1.01 1993		На 1.01 2017	
	млн м ³	%	млн м ³	%	млн м ³	%
Ель и пихта	426	42,6	410	48,9	359	41,2
Кедр	206	20,6	30	3,6	53	6,2
Лиственница	97	9,7	107	12,8	104	12,2
Итого хвойные	729	72,9	547	65,2	539	63,0
Берёза каменная	68	6,8	73	8,7	84	9,8
Дуб	73	7,3	76	9,1	81	9,5
Ясень	26	2,6	25	3,0	25	2,9
Ильм	14	1,4	12	1,4	13	1,5
Всего твёрдо- лиственные	180	18,0	187	22,3	203	23,7
Липа	45	4,5	46	5,5	44	5,1
Берёза	28	2,8	39	4,6	45	5,2
Всего мягко- лиственные	90	9,0	104	12,4	113	13,2
Итого по краю	1000	100	839	100	855	100

По данным Департамента лесного хозяйства Приморского края

Объем заготовок древесины по краю характеризует табл. 5. Следует учесть, что сильные перепады в лесозаготовках, которые она отражает, сглаживаются большими объемами «теневых» заготовок на самом деле. В 2016 г. производство древесины необработанной в крае составило 4,3 млн плотных м³.

Таблица 4.

**Распределение покрытых лесом площадей по сельским лесам
Приморского края (на 1.01 1988)**

Порода	Площади		Запас	
	Тыс. га	%	Млн м ³	%
Сосна	0,6	0,1	0,02	0,06
Ель, пихта	2,5	0,5	0,48	1,4
Кедр	1,4	0,3	0,13	0,4
Итого хвойные	4,5	0,9	0,63	1,8
Дуб	228,3	44,6	14,47	41,4
Твердолиственные, всего	341,0	66,6	22,27	63,7
Береза	33,8	6,6	2,18	6,2
Осина	64,0	12,5	4,14	11,8
Мягколиственные, всего	166,7	32,5	12,07	34,5
Край, всего	512,2	100	34,97	100

Составлено по данным бывшего управления «Приморсксельхозлес»

Таблица 5.

**Динамика производственных показателей по лесопромышленному
комплексу Приморского края за 2000-2009 годы, (тыс. м³)**

Показатели	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Вывозка древесины,	2268,6	2856,8	3807,5	4041,3	4481,2	4738,9	3822,2	3210,2
в т. ч. лесоматериалы круглые	1670,9	2217,2	2881,6	3040,2	3610,8	3891,1	3191,9	2747,7
из них хвойных пород	1407,2	1704,3	1993,5	2115,3	2288,0	2435,5	2214,9	2064,3
Производство деловой древесины	1925,3	2418,9	3183,0	3446,3	3712,6	3957,9	3257,6	2850,4
из нее хвойных пород	1582,6	1811,4	2176,9	2266,0	2315,5	2378,5	2180,3	1989,1

Составлено по данным [8]

Табл. 6 показывает территории с наиболее значимыми объемами заготовок древесины для края, отражая наши расчеты по величине лесозаготовок по всем видам пользования. Эти расчеты показали, что величина расчётной лесосеки по Приморскому краю в период 1970–1990 гг. была, по-видимому, сильно завышена для современных методов хозяйствования [9].

Таблица 6.

Объем лесозаготовок в Приморском крае за 1970–1988 гг. по лесхозам по состоянию на 1.01.1988 (% от запаса древесины в лесхозе)*

Объем вырубki	Лесхозы
5–10 %	Рощинский + Мельничный, Кировский, Лазовский, Арсеньевский
10–15 %	Измайлихинский, Дальнегорский, Малиновский, Сергеевский, Ивановский
15–30 %	Чугуевский, Кокшаровский, Шумненский, Анучинский, Пожарский

*В таблицу не вошли территории с объемом вырубki менее 5 %.

Рассчитано авторами по данным Департамента лесного хозяйства Приморского края.

Ведь при принятом приросте запасов древесины в 0,8–1 % в год в целом в крае и по отдельным лесхозам (объединены в 11 лесничеств) не должно было фиксироваться снижение запасов древесины, хотя бы в итоге. Косвенным подтверждением данного утверждения служит значительное снижение расчётной лесосеки в начале 1990-х годов, когда к 1994 г. она планировалась уже в 10 млн м³ при 14,5 млн в прошлом. При этом на доступные леса приходилось только 7 млн м³ (1994 г.), что примерно соответствует величине изымаемой из лесов края древесины в период 1970–1988 гг. по всем видам рубок. В 7,4 млн м³ оценивалась и расчётная лесосека на 1.01.2017 (в т. ч. по хвойному хозяйству – 4,5 млн м³).

Исходя из этого, можно утверждать, что некоторое увеличение запаса древесины по учёту лесного фонда на 1.01 1993, по сравнению с учётом 1988 г. в целом по краю, довольно проблематично. Это тем более заметно, если отметить проведение в начале 1990-х годов лесоустройства в наиболее крупных северных лесхозах края методом аэрофотосъёмки (более дешёвой в условиях рыночного хозяйства, но значительно менее точной по сравнению с наземными методами).

Проблематичными выглядят и показатели запаса древесины для кедровников. Они могут быть также связаны с постоянным переводом одних категорий лесов в другие по породному составу. На самом деле сокращение и ухудшение качественного состава древостоев, когда ранее кедровниками считались леса с преобладанием запасов кедра в их составе, а сегодня кедровыми лесами считают уже те леса, которые лет 60 назад считали лесами с примесью кедра, давно уже вошло в статистическую практику лесного хозяйства.

Наши расчеты показали, что наиболее объективной для Приморского края может быть модель лесопользования, где оборот рубки составляет не 100–120 лет, как принято в лесоводческой науке. Но вполне применима и модель в 320 лет, т. е. действительный «лесопромышленный» прирост древесины в крае составляет примерно 0,3 % в год от общего запаса древесины.

Сильно влияют на лесоресурсный потенциал Приморья лесные пожары. В среднем за год в Приморском крае за период 1955–1989 гг. выгорало около 10 тыс. га лесных площадей (по данным Приморской базы авиоохраны лесов). Однако данные Управления лесами показывали, что фактически пожары охватывали примерно на 20 % больше. Таким образом, можно принять в расчет, что в крае ежегодно становятся жертвами пожаров около 0,1 % площадей ГЛФ (в экстремально засушливом 1982 г. – 0,5 %, в 1987 г. – 0,3 %, в 1998 г. – 0,5 %, в

2009 г. – 0,7 %). Рубками же за год затрагивается 1 % лесопокрытых площадей, в т. ч. 0,6 % – по линии главного пользования. Следующий же пик пожаров следует ожидать в районе 2020 г.

Получается, что в крае «человек с топором» действует на леса более разрушительно, чем по Дальнему Востоку в целом. Между тем в целом по Дальнему Востоку преобладающая роль лесных пожаров в разрушении лесов несомненна [см., например, 10]. Так, только по Хабаровскому краю в среднем за год выгорает около 0,5 % лесных площадей, что для Приморского края характерно не чаще, чем 1 раз в 10–15 лет [11].

Наиболее интенсивные рубки в дорыночный период были сосредоточены вдоль сети автодорог в центре и на северо-западе края, тогда как на его западе вдоль железной дороги леса в значительной степени были вырублены еще в дореволюционный период (рис. 1). На картосхеме показаны границы отдельных лесных массивов и лесных хозяйств Приморского края.

Все это позволяло нам тогда в 1990-х гг. предположить, что уже к 2005 г. в Приморском крае снова не будет отмечено увеличение запасов древесины в целом, т. е. они останутся на уровне 1988 г. Наш прогноз предсказал некоторое сокращение запасов в центральных районах края (до 5 %) и их рост на юго-западе и северо-востоке Приморья.

Данный прогноз соответствовал дальнейшему качественному ухудшению состава лесных насаждений. Доля хвойных пород в целом по краю могла сократиться на 1–2% по площади и 3–5% по запасу. Исключение мог составить только кедр, рубки которого по линии главного пользования были запрещены полностью.

Любопытно, что востребованной в условиях рынка оказалась древесина дуба и даже липы, отмена запрета на рубки которой напрямую затронула интересы приморского пчеловодства. Да и продолжающиеся, несмотря на все запреты, рубки кедра подрывают базу кедрового промысла в крае. Ведь если в 1980-е гг. возможные сборы кедровых орехов в крае оценивались специалистами примерно в 11,2 тыс. т ежегодно, то уже к 2010 г. Лесной план оценивал их только в 6,7 тыс. т [12].

Кроме того, возможные ежегодные заготовки грибов в крае оценивались разными специалистами в размере 6–20 тыс. т, ягод – 5–12 тыс. т, меда с имеющихся липняков возможно было получать до 90 тыс. т. Сильно завышены (в 10 раз) были оценки заготовок папоротника – по нашему мнению, их предел 4,5 тыс. т в год. На 1 тыс. т в год превышали заготовки в отдельные годы для березового сока.

О разнообразии дальневосточных лекарственных растений можно судить по данным А. И. Шретера [13 и др.]. Достигнутый уровень заготовок лекарственного сырья в крае достигал в дорыночный период только в промышленных масштабах почти 1,5 тыс. т. Любопытно, что некоторые до сих пор собираемые уже много лет аптеками края виды местных лекарственных растений формально даже не входят в государственный фармацевтический реестр.

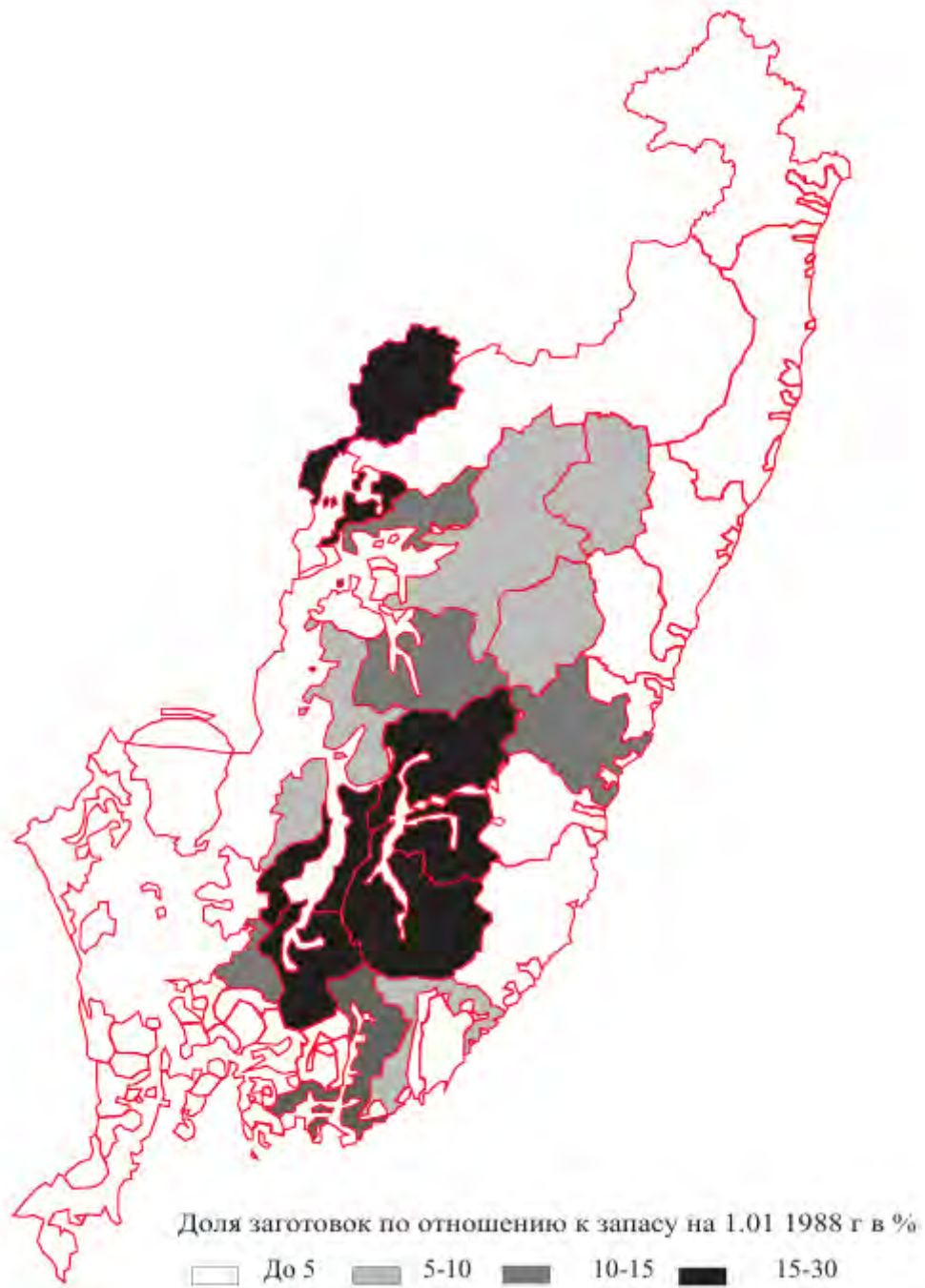

Рис. 1. Интенсивность лесозаготовок в Приморском крае в 1970–1988 гг. Составлено авторами

Довольно высоким был в дорыночные годы и объем заготовок в охотничье-промысловом хозяйстве Приморского края, когда приморские промхозы считались одними из лучших в стране. В настоящий момент из них уцелели только единичные хозяйства, да и объем проводимых ими заготовок дикорастущих в целом сократился в несколько раз.

Сносно ведется только ежегодный учет заготовок меда, который обычно относят к сельскому хозяйству. Однако в Приморском крае большая часть заготовок приходится на липовый мед, который производится в лесных угодьях, и это производство правильнее считать в рамках лесного хозяйства.

Прекращение статистического учета подобного рода заготовок из-за невысоких объемов уже не позволяет достаточно точно отслеживать динамику сборов дикорастущих, а тем более пытаться предсказать объемы заготовок на последующие годы. Востребованными рынком остаются только кедровый орех, мед, папоротник и отдельные виды лекарственного сырья, которым нет аналогов за пределами региона (элеутерококк, женьшень дикорастущий). А ведь это возобновляемые виды ресурсов и их постоянная эксплуатация могла бы приносить порой больше дохода, чем проводимые во все более ухудшающихся по породному составу лесах рубки.

Достаточно благоприятны рекреационные ресурсы Приморского края, особенно его южного побережья. Туристические ресурсы, по-видимому, способны обеспечить потенциальную ёмкость посещений до 20 млн чел. в год. Однако широкое распространение в крае специфических лесных заболеваний (клещевой энцефалит и др.) препятствуют посещению лесов в летнее время.

Результаты и обсуждение

Нами было рассчитано, что при сохранении современных технологий и качества проведения рубок при размерах лесозаготовок на уровне 1988 г. леса Приморского края могут исчезнуть через 450–500 лет полностью, причём хвойные тайги – примерно втрое быстрее, а вместе с ними исчезнут, конечно, и все недревесные ресурсы.

К сожалению, ситуация с заготовкой древесины в Приморье в целом сравнима с ситуацией конца 1980-х – начала 1990-х годов. Ведь даже баланс потребления древесины (табл. 7) за это время мало изменился. А ведь в крае уже построено несколько заводов на северо-востоке, ориентированных на экспорт уже не чистой древесины, но продуктов ее первичной переработки с ориентацией на вкусы зарубежного покупателя (см. табл. 8).

Таблица 7.

Баланс потребления древесины в Приморском крае

Наименование	Единицы измерения	Потребление		Удовлетворение за счет	
		объема	%	местных ресурсов	ввоза
Лес на корню	тыс. м ³	4400	88,0	4400	0
Деловая древесина	тыс. м ³	660	73,3	600	0
Мебель	млн руб.	753	100	273	480
Древесные плиты	тыс. м ³	89	100	0	89
Пиломатериалы	тыс. м ³	350	100	340	10
Бумажная, картон	тыс. тонн	72	100	20	52

Наименование	Единицы измерения	Потребление		Удовлетворение за счет	
		объема	%	местных ресурсов	ввоза
Элементы домостроения	тыс. м ³	100	100	90	10
Дрова для отопления	тыс. м ³	860	96,6	860	0
Прочие	тыс. тонн	100	100	50	50

Составлено по данным [8]

Таблица 8.

**Экспорт древесины по Приморскому краю
лесоматериалы необработанные**

	2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	тыс. м ³	млн долл.	тыс. м ³	млн долл.	тыс. м ³	млн долл.	тыс. м ³	млн долл.
Всего	1196.0	128.8	1307.8	152.6	1293.3	175.4	1267.3	142.9
из них:								
Китай	1174.4	121.4	1285.2	146.2	1276.6	168.6	1258.3	139.8
Республика Корея	8.4	1.1	7.8	1.2	1.3	0.5	0.7	0.3
Япония	13.0	6.3	14.8	5.2	15.4	6.3	8.3	2.8

лесоматериалы обработанные

	2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	тыс. тонн	млн долл.	тыс. тонн	млн долл.	тыс. тонн	млн долл.	тыс. тонн	млн долл.
Всего	492.3	124.1	478.6	129.8	451.1	116.6	552.9	136.9
из них:								
Вьетнам	1.1	0.3	2.0	0.6	0.8	0.4	0.6	0.4
Китай	446.7	101.4	423.8	101.7	412.4	97.1	508.7	118.0
Республика Корея	34.7	13.7	46.2	22.2	32.9	15.1	38.7	15.0
Япония	9.7	8.6	6.6	5.2	3.9	3.9	4.5	3.5

Составлено по данным [14, с.22]

Дело даже не в «теневых» рубках, объем которых по подсчетам специалистов WWF в крае может достигать 50 % от официальных, но и в росте почти вдвое объемов рубок ухода, которые метко были названы острьяками «рубками дохода» еще в дорыночные времена. Именно они позволяют безнаказанно обходить запреты на рубки ценных пород, т. к. их породный состав официальной статистикой не рассматривается. В лучшем для экологии случае леса в крае в будущем все же сохранятся, но это будут вторичные леса, которые будут весьма мало похожи на современные таежные.

Пока же можно предсказать, что к 2025 г. запас хвойной древесины в Приморском крае может сократиться еще минимум на 2–3% по сравнению с

данными учета 2017 г. Произойдет также дальнейший сдвиг основной массы лесозаготовок на северо-восток края, где следует ожидать наибольшие нарушения в функционировании лесных экосистем.

Сохранение же площадей хвойных лесов по отчетам свидетельствует скорее о том, что их подсчет уже начинает проводиться лесоустроителями, подобно прежним учетам кедровников. Ведь данные наших таблиц показывают уже достаточно заметное замещение в крае хвойных лесов лиственными породами.

Очень серьезная ситуация сложилась и в связи с отменой ограничений на рубки липы в крае, которая сильно задевает интересы местных пчеловодов [15]. А ведь объемы заготовок меда в крае – все еще одни из самых высоких в стране (табл. 9).

Таблица 9.

Производство меда на Дальнем Востоке России, тонн

Годы	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	51535	60010	64898	68446
Дальневосточный федеральный округ, всего	3721	6288	4749	5235
Из них				
Приморский край	2590	4690	3734	3861
Хабаровский край	313	632	320	529
Амурская область	544	707	420	660
Еврейская автономная область	260	249	266	177

Составлено по данным [16]

Выводы

Таким образом, Приморский край представляет собой в лесном хозяйстве Дальнего Востока настолько своеобразную территорию, что подход к нему с общероссийских и общедальневосточных позиций чреват дополнительными неблагоприятными последствиями для его экологии. Ведь южное положение края способствует своеобразной структуре его лесов.

Наши исследования показывают, что сравнительная доступность для разработки лесных ресурсов Приморья и поставок их на экспорт через морские порты сослужила краю плохую службу на современном этапе развития «дикого капитализма».

В результате бессистемных рубок происходит замещение кедровых лесов широколиственными породами. А эти леса не в состоянии справиться с избыточными осадками местных муссонов, что повышает уровень паводковой опасности Приморье. Видовое разнообразие животных и растений в замещающих вторичных лесах снижается порой на 20–25 %. Вырубка дуба снижает запас желудей – естественной кормовой базы кабанов – и влияет тем самым на численность амурских тигров, которые на них охотятся.

Приморью может добавить проблем и бесплатная раздача дальневосточных гектаров. Это особенно может коснуться выходцев из других регионов. Не секрет, что в крае уже давно идет достаточно жесткая борьба за лучшие участки лесных угодий.

В целом же современная ситуация в лесном хозяйстве страны, Дальневосточном регионе и Приморском крае напоминает времена волонтаризма 1950–1960-х годов. Осложняет ситуацию в лесном хозяйстве попытка перевести лесоустроительные работы на местное финансирование, отменить запреты на заготовки липы, вывести из Красной книги ряд местных видов животных. Осталось только дожидаться очередной попытки ликвидации части заповедных территорий в «интересах экономики», чтобы ситуация полувековой давности полностью повторилась в новых условиях хозяйствования.

Литература

1. Проблемы развития лесного комплекса Дальнего Востока. Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 192 с.
2. Сухомиров Г. И. Что может дать наша тайга. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. 224 с.
3. Якунин А. Г., Шлыков В. М., Грачёв В. Н. Лесная индустрия Дальнего Востока. М.: Лесн. пром-сть, 1987. 57 с.
4. Харитонов А. М. Влияние рыночных факторов на устойчивость развития лесосырьевого комплекса Приморского края // Устойчивое развитие дальневосточных регионов: эколого-географические аспекты. Владивосток: Дальнаука, 1999. С.202–211.
5. Карта лесов Приморья / Сост. Б. С. Петропавловский. Владивосток: Приморское аэрогеодезическое предприятие, 2001.
6. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточная Азия: потенциал интеграции и устойчивого развития. Под. ред. А. С. Шейнгауза. Владивосток - Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
7. Лесопромышленный комплекс Приморья: Сборник с аналитической запиской. Приморскстат, 2017. 36 с.
8. Лесной план Приморского края на 2009–2018 гг. Кн. I. Владивосток-Хабаровск, 2012. 307 с.
9. Харитонов А. М. Некоторые экологические последствия влияния современной структуры лесопользования на состояние лесных экосистем в Приморском крае // VII Арсеньевские чтения. Усурийск, 1993. С. 160–165.
10. Шейнгауз А. С. Избранные труды. Хабаровск: ДВО РАН, 2008. 656 с.
11. Харитонов А. М. Проблема лесных пожаров в лесопользовании Дальнего Востока // Проблемы природопользования в районах со сложной экологической ситуацией. Тюмень: Изд-во Тюменского госун-та, 2003. С. 69–71.
12. Харитонов А. М. Орехопромысловое хозяйство Приморского края в условиях рыночных отношений // Геосистемы в Северо-Восточной Азии. Типы, современное состояние и перспективы развития. Владивосток: Дальнаука, 2018. С. 531–536.
13. Шретер А. И. Целебные растения Дальнего Востока. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1992. 160 с.
14. Внешнеэкономические связи Приморского края. 2015: Статистический сборник. Приморскстат, 2016. 29с.
15. Чипизубова М. Н.. Липа в лесах Приморского края: проблема сохранения // Комаровские чтения. Вып. LXIV. Владивосток, 2016. С. 101–118.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Kharitonov A. M.

Problems of estimation of modern dynamics of forest resource potential of Russian regions (on the example of Primorsky Krai)

Pacific Geographical Institute of FEB RAS, Russian Federation, Vladivostok
e-mail: *mavr@tig.dvo.ru*

Abstract. *Primorsky Krai as a part of the Far East is allocated by rather developed forest industry. Its peculiar forests allow for mass harvesting of valuable types of food and medicinal raw materials. Unfortunately, the environmental situation in the region is exacerbated by the exhaustion of available types of forest resources, which makes it difficult to assess its forest potential.*

Keywords: *Far East, Primorsky Krai, forest resource potential, forest fires, side use of forest, pine nuts, honey, logging*

References

1. Problemy razvitiya lesnogo kompleksa Dal'nego Vostoka. Habarovsk: Kn. izd-vo, 1984. 192 s. (in Russian).
2. Suhomirov G. I. Chto mozhet dat' nasha tajga. Habarovsk: Kn. izd-vo, 1986. 224 s. (in Russian).
3. Yakunin A. G., Shlykov V. M., Grachyov V. N. Lesnaya industriya Dal'nego Vostoka. M.: Lesn. prom-st', 1987. 57 s. (in Russian).
4. Haritonov A. M. Vliyanie rynochnyh faktorov na ustojchivost' razvitiya lesosyr'evogo kompleksa Primorskogo kraja // Ustojchivoe razvitie dal'nevostochnyh regionov: ehkologo-geograficheskie aspekty. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. S.202-211. (in Russian).
5. Karta lesov Primor'ya / Sost. B.S. Petropavlovskij. Vladivostok: Primorskoe aehrogeodezicheskoe predpriyatie, 2001. (in Russian).
6. Prirodopol'zovanie Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnaya Aziya: potencial integracii i ustojchivogo razvitiya. Pod. red. A.S. SHEjngauza. Vladivostok - Habarovsk: DVO RAN, 2005. 528 s. (in Russian).
7. Lesopromyshlennyj kompleks Primor'ya: Sbornik s analiticheskoy zapiskoj. Primorskstat, 2017. 36 s. (in Russian).
8. Lesnoj plan Primorskogo kraja na 2009-2018 gg. Kn. I. Vladivostok-Habarovsk, 2012. 307 s. (in Russian).
9. Haritonov A. M. Nekotorye ehkologicheskie posledstviya vliyaniya sovremennoj struktury lesopol'zovaniya na sostoyanie lesnyh ehkosistem v Primorskom krae // VII Arsen'evskie chteniya. Ussurijsk, 1993. S. 160-165. (in Russian).
10. Shejngauz A. S. Izbrannye trudy. Habarovsk: DVO RAN, 2008. 656 s. (in Russian).
11. Haritonov A. M. Problema lesnyh pozharov v lesopol'zovanii Dal'nego Vostoka // Problemy prirodopol'zovaniya v rajonah so slozhnoj ehkologicheskoy situaciej. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gosun-ta, 2003. S.69-71. (in Russian).
12. Haritonov A. M. Orekhopromyslovoe hozyajstvo Primorskogo kraja v usloviyah rynochnyh otnoshenij // Geosistemy v Severo-Vostochnoj Azii. Tipy, sovremennoe

- sostoyanie i perspektivy razvitiya. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. S.531-536. (in Russian).
13. Shreter A. I. Celebnye rasteniya Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1992. 160 s. (in Russian).
 14. Vneshneehkonomicheskie svyazi Primorskogo kraja. 2015: Statisticheskij sbornik. Primorskstat, 2016. 29s. (in Russian).
 15. Chipizubova M. N.. Lipa v lesah Primorskogo kraja: problema sohraneniya // Komarovskie chteniya. Vyp. LXIV. Vladivostok, 2016. S. 101-118. (in Russian).
 16. Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2014: Stat. sb. / Rosstat. M., 2014. 900 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 15. 07. 2018 г.

Социально-экономическое развитие российских и зарубежных регионов

УДК 211. 373

Аксёнова М. Ю.¹

Мифтякова Э. Ф.²

Историко-географический анализ социально-культурного пространства (на примере Среднего Поволжья)

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова»,
Российская Федерация, г. Ульяновск
e-mail: ¹82axmarina@mail.ru; ²elmira03.92@yandex.ru

Аннотация. Историко-географический анализ рассматривается различными авторами как более приемлемый при изучении процессов трансформации социально-культурного пространства в контексте эволюции сложных систем в границах сельских территорий. В статье представлены результаты исследования территориальной структуры социально-культурного пространства и изучены пространственно-временные закономерности его развития на примере Карсунского муниципального образования Ульяновской области.

Ключевые слова: социально-культурное пространство, сакральный локус, сельский социум.

Введение

Социально-культурное пространство сегодня становится предметом детального анализа в социально-географических исследованиях. Социально-культурное пространство нередко предмет изучения различных областей знаний. В культурной географии понятие социально-культурное пространство изучается более структурно и функционально. Социально-культурное пространство является пространственно-временной формой проявления регионального социума как устойчивой совокупности взаимодействующих между собой локальных территориальных общностей людей.

Актуальность данного исследования подтверждается тем, что социально-культурное пространство показывает эволюцию человеческого общества, существенно скорректированную под воздействием факторов природной среды, а также социально-экономических, культурных и иных процессов. В этой связи априори развиваются такие отношения, которые бы формировали симбиоз терминов «развитие», «территория», «устойчивость». И это естественно, ибо всё

это, несомненно, помогает раскрыть содержание культурного наследия любого народа как нескончаемого ресурса, способного активизировать стратегию устойчивого развития [1].

Необходимо отметить, что в последние годы в обществе произошли радикальные изменения касательно понимания процесса устойчивого развития. В связи с этим также произошла трансформация в подходах к изучению историко-культурного наследия. Все это объективно обосновало необходимость перехода от понятий «исторические памятники» к понятиям «объекты наследия», «исторический культурный ресурс», «социокультурный код» [2].

Таким образом, анализ исторических и территориальных особенностей социально-культурного пространства имеет теоретико-методологическое и практическое значение.

Целью данной статьи является историко-географический анализ пространственной структуры и социометрических характеристик социально-культурного пространства, а также изучение пространственно-временных закономерностей его развития на примере Карсунского муниципального образования Ульяновской области как одного из староосвоенных районов Среднего Поволжья.

Материалы и методы

Существующие научно-географические подходы исследования культурного ландшафта в России имеют много общего. Это доказывают работы многих авторов, которые изучали культурный ландшафт и/или применяли его для решения разных научных и практических задач: В. Н. Воловик [3], Б. Ц. Гомбоев [4], М. Е. Кулешова [5], А. Г. Исаченко [6], Ю. А. Веденин [7], В. Н. Калуцков [1], Ф. Н. Мильков [8], В. А. Николаев [9] и др.

Социально-культурное пространство – это природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных устойчивых сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности [10].

В зависимости от характера социально-культурной и хозяйственной деятельности, а также типа культуры формируются различные географические культурные пространства, основным элементом которых являются сакральные локусы. К сакральным локусам принято относить все территориальные комплексы, имеющие культурное значение, связанное с религиозной сферой. Культурное достоинство данных комплексов определяется наличием священного смысла и / или культового назначения.

М. Е. Кулешова [5] рассматривает сакральный ландшафт как часть культурного ландшафта, более крупного социально-культурного образования, жизненной среды достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей. А. П. Забияко отмечает, что суть сакрализации заключается в отделении святого от обыденного, то есть выведении объекта за пределы повседневного опыта [11].

Сакральный ландшафт социально-культурного пространства – это сложно структурированное системное образование. В социологии духовной жизни, культурологии, ландшафтоведении сакральный ландшафт – это часть социально-

культурного пространства, охваченного человеческим жизненным опытом (как упорядочивающим и организующим, так и хозяйственно-практическим, так и духовным). Согласно документам ЮНЕСКО, сакральные ландшафты как структурные единицы социально-культурного пространства могут быть разделены на две группы: палеокультурные и исторические [10]. Существует несколько типологических подходов к изучению сакральных локусов. Так, В. Н. Калуцков разделяет сакральные локусы на два типа – святые места и «несвятые» места [1]. Автор определяет святое место как место, по отношению к которому верующие испытывают «священный трепет». Этот «священный трепет» детерминирован определенной религиозной культурой. Безусловно, каждая религиозная традиционная культура имеет собственную систему святых мест, обладающую «сильным положительным образом». Раскрытие базовых свойств социально-культурного пространства представляется возможным в контексте определения пространственно-временных координат, позволявших установить не только местоположение объектов (*топос*), но и выявить причинно-следственные связи между ними (*локус*) [2].

Наиболее сложная система святых мест может включать культурные (монастырь, церковь, часовня, крест) и природные места (озеро, ручей, роща, дерево, камень). В противоположность святому месту «несвятое» место обладает сильным отрицательным образом. Иначе «святыми» называют *топофильные* локусы (в сравнении с *топофобными* – опасными, «проклятым» местами). Е. А. Окладникова утверждает, что сакральные места являются тождественными сакральным ландшафтам и охватывают целостный географический топос – гору, рощу, остров, озеро и т. д. Кроме того, сакральные локусы являются ключевыми местами семантического поля культурного ландшафта и представляют собой центры религиозной активности, тем самым определяя морфологические черты ландшафта в целом [10].

В классификации сакральных ландшафтов по их функциональному назначению, представленной Е. А. Окладниковой, видно, что разнообразие элементов социально-культурного пространства – это разнообразные святые и священные места, святилища, некрополи и иные места захоронений, места отправления религиозных обрядов и т. д. Также сакральные локусы могут служить семантическими центрами социокультурного ландшафта. В отличие от социально-культурного пространства сакральный локус не претендует быть территориальным комплексом, это может быть *точечный* объект – камень, дерево, родник и пр., обременённые сакральными функциями, *линейный* (овраг, балка, ручей) или *площадной* (урочище).

Таким образом, сакральные локусы социально-культурных пространств представляют собой условно-непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития региона. Кроме того, сакральные локусы являются «национальными образами мира» различных народов, основное предназначение которых – передача общественно значимых культурных традиций из прошлого в будущее.

Термин «сакральная география» нередко понимается как область научно-гуманитарного и философского дискурса. Он определяется как раздел или предметная область гуманитарной географии [12], в другой формулировке – как «связанный с изучением особых культурных пространств различного религиозного наполнения» раздел культурной географии. Это направление в географии, согласно

М. С. Уварову, возникает лишь в 1930-е годы как отдельный раздел в рамках социально-экономической географии [13].

Предложенная В. Н. Калуцковым и его коллегами исследовательская модель этнокультурного ландшафта представляет собой сложную многокомпонентную систему, которая включает духовную культуру, локальное сообщество людей, хозяйственные занятия, поселенческую структуру, языковые особенности, топонимию и природный ландшафт [1]. Предпринятое Н. М. Терехихиным исследование этнокультурных ландшафтов [12] эволюционировало с 2006 г. в масштабную научно-исследовательскую программу «Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России». Программа предполагает философско-культурологическое и конкретно-историческое осмысление этнических традиций и религиозно-мифологических механизмов освоения (доместикации) пространства, укорененных в культуре народов Севера России [14].

Исследование сакральных пространств в географии следует осуществлять путём изучения исторических особенностей общественного развития, с учётом общенациональных, национально-региональных, этнических особенностей и т. п. Региональную и локальную специфику сакральных пространств целесообразно изучать с помощью определения ареалов моно- и поликонфессиональности [15].

Единой общепризнанной концепции социально-культурного пространства не существует, что связано с многогранностью и многоаспектностью рассматриваемой темы, с существованием разных взглядов и подходов к разработке этой проблемы. Анализ социально-культурных пространств предполагает использование методов и приемов, применяемых в прикладном ландшафтоведении. В контексте тематики исследования ландшафт как природно-хозяйственная территориальная система включает в себя множество сакральных элементов, однотипных по внутреннему содержанию, но разнородных по внешнему проявлению.

Особое внимание следует уделить разработке методики исследования. При исследовании как религиозной сферы, так и сакральных пространств применяются общенаучные методы. Среди них традиционные (синтез, анализ, сравнение, методы индукции, дедукции, наблюдения, абстрагирования, обобщения) и современные (системный анализ и синтез). Из общенаучных наиболее универсальным является системный подход, поскольку общественно-географические исследования религиозной сферы по своей сути являются комплексными [16]. Комплексное религиозно-географическое исследование социально-культурных пространств может осуществляться в трёх основных аспектах – функциональном, историко-генетическом и территориальном. Следует отметить, что традиционными в исследованиях социально-культурных пространств являются общенаучные подходы: исторический, системный, синергетический, а также географический.

В рамках гуманитарной географии факторный анализ наиболее приемлем по отношению к сложным системам, которыми, несомненно, являются удаленные в пространстве и во времени сакральные пространства. Системный метод в исследовании территориальных сообществ позволяет провести их классификацию на структурно-функциональном уровне. Результат подобного исследования – это выстраивание общей архитектуры социально-культурного пространства,

установление форм его организации и типов структурной композиции в многомерном пространстве регионального социума.

В качестве репрезентирующих показателей на аналитическом этапе исследования выступают значения территориальной доступности элементов геосоциума, социальной плотности и радиус их обслуживания, индекс локализации культовых сооружений и пр. Значительным подспорьем в исследовании культовых объектов и сакральных мест выступают сведения топонимического и этимологического характера. В последующем расчетные показатели служат основой для построения модели социально-культурного пространства, отражающей пространственные свойства исследуемых нами сакральных локусов.

Таким образом, основными этапами исследования социально-культурных пространств является теоретический, оценочный, аналитический и конструктивный. Для каждого из этих этапов характерен свой конкретный набор методов.

Результаты и обсуждение

Карсунский район – это староосвоенная территория Ульяновской области, включающая в себя 45 населенных пунктов, в т. ч. два поселка городского типа – Карсун и Языково. Большинство населенных пунктов возникло в середине XVII в. при строительстве Карсунской засечной черты (с этим связаны топонимы рассматриваемых локусов) [17]. Поселок Карсун располагается на берегу реки Барыш на расстоянии 100 километров от города Ульяновска. Поселению около 400 лет, годом его основания исследователи считают 1647 г. [18]. Процесс формирования социально-культурного пространства Карсунского района является своего рода одним из эталонов или даже модельным полигоном развития данного ландшафта в Среднем Поволжье.

На территории Карсунского района Ульяновской области можно выделить святые источники (рис. 1), которые являются «фундаментом», а именно своеобразной платформой формирования социально-культурного пространства. Святые источники, почитаемые местным населением, бывают двух типов: родники, на которых было явление лика святых, и родники, освященные православными священнослужителями.

Слово «родник» в буквальном смысле означает «то, что родит», а родник рождает родник, соответственно воду. В толковом словаре В. И. Даля находим: «Родник – водный источник, текущий из глубины земли». В словаре русских синонимов у слова родник ряд родственных понятий – ручеёк, родничок, криница, ключ, источник, ручей.

Особо почитаемым в Карсунском районе Ульяновской области является родник **святого угодника Николая Чудотворца**, который находится на окраине селе Усть-Урень. Максим Муравьев, коренного жителя Усть-Урени, основатель часовни и человек, который внёс основной вклад в благоустройство родника, говорит: «Издавна люди верили в силу святой воды, поэтому все родники считались местом особо почитаемым. К ним часто приходили с тяжелым грузом на душе. Помолившись у родника, попросив помощи у Бога, Богородицы, святых заступников, попросив прощения и испив святой водички, они уходили с облегчением, с радостью, надеждой».

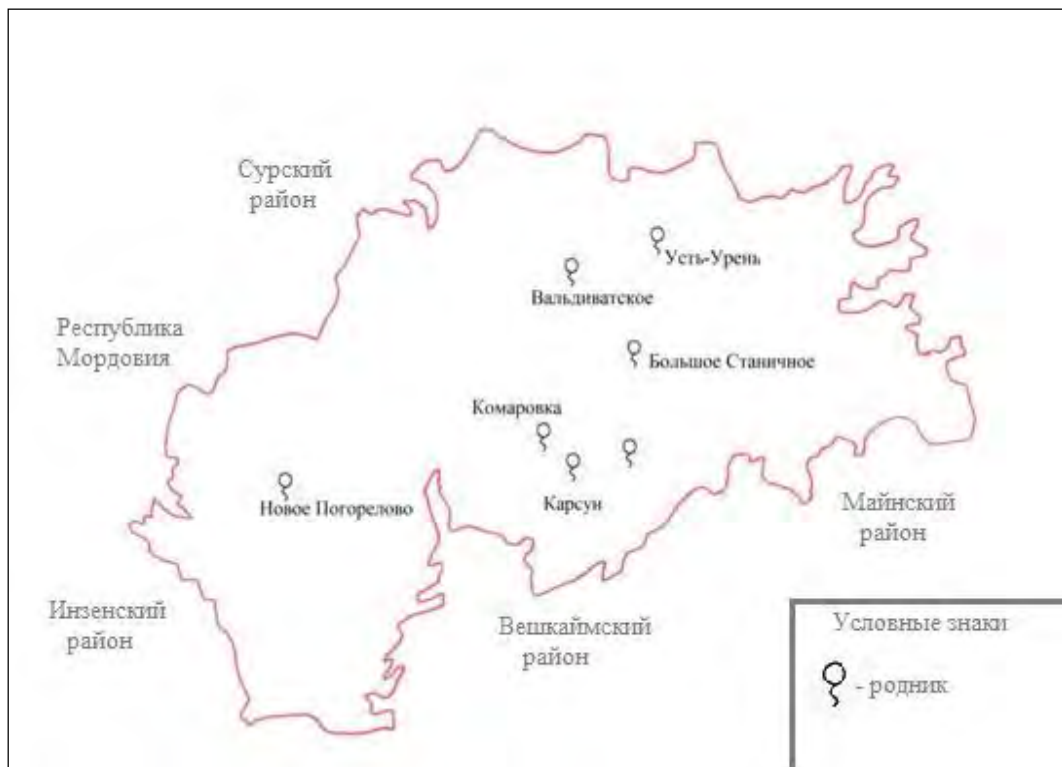

Рис. 1. Размещение святых источников по территории Карсунского района Ульяновской области

Составлено авторами по материалам полевых исследований

Жители села рассказывали, что в период между двумя мировыми войнами было явление лика с изображением святого Николая Чудотворца. С тех пор родник стал почитаем и по настоящее время приходят к нему все нуждающиеся в помощи и заступничестве святого или просто набрать чистой и святой воды.

До 2014 г. родничок благоустраивали учащиеся Усть-Уренской СОШ Карсунского района Ульяновской области. В 2014 г. установили часовню с купелью, освятили в честь святого Николая Чудотворца. И с этого момента началась новая жизнь. И вновь родник встречает нуждающихся людей, которые идут за помощью и утешением и получают по вере их» [19].

Недалеко от села Большое Станичное находится святое место, к которому очень часто приходят с молитвой и чистыми помыслами верующие люди – это **родник святителя Николая, или Никольский колодец**. Вода в нем без цвета и запаха, с легким привкусом серебра, её температура 4–5°C, хранится долгое время и не теряет своих вкусовых качеств.

По народным преданиям, в начале XX века в Большом Станичном объявился монах. Был он очень болен. Местная знахарка сказала ему, что вода из ручья помогает от всех болезней. Монах нашел ручей, наклонился, чтобы напиться, и увидел в нем образ святителя Николая Чудотворца. Вода действительно его исцелила. Рядом с этим источником была построена часовня. Монах вырыл здесь колодец. Люди не верили, что вода святая, а когда на праздник Николы Вешнего пошли туда, то увидели в воде икону святого Николая. Икону достали из воды и поместили в местную церковь. Часовню возле Никольского колодца старожилы, бывшие в то время совсем маленькими, запомнили такой: большой дом с двумя

дверями. В одну – входили, чтобы помолиться. На стенах было множество икон. Из другой – выходили, где по крутой лестнице можно было спуститься к воде.

К источнику началось паломничество. Люди шли издалека. Всем, кто приходил сюда с чистым сердцем, с благими помыслами и молитвой, вода помогала в душевной и физической немощи. Но спустя некоторое время местный барин продал икону в монастырь п. Сурское, чтобы паломники не топтали его землю. Часовню разобрали также по приказу барина и перевезли сруб в село, используя его на строительство амбара. Местные жители старались всеми силами вернуть чудесно обретенный лик в Станичное. Икону возвращали, но после революции вновь увезли в Сурское.

Местные краеведы Карсунского района говорят, что ещё в начале XVIII века в селе Новое Погорелово в роднике было явление **иконы Божьей Матери, именуемой Тихвинской**. Икону обнаружили в трясине возле горы за селом. С большим трудом, утопая в грязи, икону достали, помыли и унесли на гору, на сухое место, чтобы удобнее было к ней подойти и помолиться. Сделали так с вечера, а утром вновь оказалась икона в трясине. Снова ее достали, опять унесли на гору, но повторилось то же самое. Икона «возвращалась» на прежнее место. Вскоре на месте явления Тихвинской иконы Богородицы пробился родник с прозрачной исцеляющей водой. Трясина подсохла, и проторили верующие новопогореловцы дорожку к роднику. И икона, и вода в роднике обладали чудодейственной силой исцелять от серьезных недугов.

Перед иконой Тихвинской Божьей Матери обычно молились об избавлении от нашествия врагов, прозрении слепых, исцелении детей. В советское время ходили тайно за исцелением и помощью. Новопогореловцы помнят немало примеров исцеления от серьёзных болезней, даже тех, где медицина была бессильна.

Удивительная история связана с **родником «Владимирской иконы Божией Матери»**, находящейся в Карсунском районе на окраине села Вальдиватское. Первоначально родник состоял из нескольких небольших родничков и располагался в неглубоком овраге. Впадал в речку Вальдиватку. В начале 80-х годов на реке была построена плотина. Из-за поднятия грунтовых вод и запруды Вальдиватки родник практически исчез – ушёл под воду. На роднике построили каменную часовню и поместили туда список с иконы. Молиться Пресвятой Владычице приходили не только жители села Вальдиватское, но и из соседних сел. На «Владимирскую» начинали служить всенощную всегда с вечера, а под утро крестным ходом приносили каменную икону к роднику и служили молебен. С того времени крестные ходы совершались каждый год в день явления иконы и продолжались вплоть до недавнего времени. В настоящее время на месте родника осталось старое русло с очень влажной почвой. Овраг зарос так, что пробраться через высокую растительность довольно трудно. Сейчас на берегу ручья местные жители поставили деревянную часовню и обустроили место для забора воды.

Ещё один **родник в честь Николая Угодника** расположен у села Комаровка в Карсунском районе. Находится он в небольшой, слегка заболоченной балке в смешанном лесу. Родник окружают большие ивы. Когда-то на источнике был сооружен большой сруб, но сейчас он стал очень ветхим и требует замены. Глубина колодца около 50–60 см. Родник назван в честь Николая Угодника не потому, что в нем явилась его икона, а совсем по другой причине.

Святой источник Богдана Хитрово выбивает на северо-восточной окраине поселка Карсун, в 350 м от реки Карсунка. Во второй половине XVII в. началось активное переселение русских людей на территорию Среднего Поволжья. С целью защиты новых поселений и ослабления Казанского ханства были направлены служивые люди для строительства крепостей и засечных черт. Богданом Матвеевичем Хитрово, организовавшим строительство Карсунско-Симбирской засечной черты, был найден этот родник, когда тот выбирал место для строительства крепости.

16 октября 2013 года в поселке Карсун произошло освящение **родника во имя Божией Матери иконы её Карсунской**. Освятил источник настоятель Карсунского храма Пресвятой Богородицы иконы «Всех скорбящих Радость» отец Геннадий. На освящении присутствовали казаки, представители администрации поселка, студенты и учителя техникума, кадеты и офицеры, местные жители.

В настоящее время в социально-культурном пространстве Карсунского района святые источники оказывают существенное влияние на формирование религиозных представлений среди местного населения и паломников из других регионов.

В развитии социально-культурного пространства изучаемой территории характерна цикличность. Это общая закономерность просматривается во многих урбанизированных регионах России (различаются лишь сроки и продолжительность стадий). Несомненно, социально-культурное пространство Карсунского района за длительное время своей истории прошло значительный путь своего становления и развития. В целом период существования сакральных локусов социально-культурного пространства можно разбить на *пять стадий*.

Первая стадия – зарождение. Связана с процессами строительства первых культовых объектов. Она длилась: 1640-е гг. – 1670-е гг. Определяющим событием этой стадии является основание в 1647 г. поселка Карсун (основан по Указу царя Алексея Михайловича как город-крепость на Карсунско-Симбирской засечной черте). Первая церковь была построена в 1647 г. в поселке Карсун – это церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Следующий религиозный объект был сооружён в 1673 г. в селе Потьма – церковь во имя Дмитрия Солунского. Заключительным объектом данной стадии стала церковь Илии Пророка в селе Теньковка. Точных сведений об этом не имеется, но из документов 1688 г. видно, что тогда уже в Теньковке имелась Троицкая церковь. Становление перечисленных первичных сакральных локусов совпало с вектором колонизации Симбирского края «служивыми людьми».

Вторая стадия – рост. Связана с активной миссионерской деятельностью среди местного населения – «иноверцев» (мордвы, татар, чувашей). Она длилась: с 1700-х гг. по 1770-е гг. В это время освоение территории района происходило служилыми и ратными людьми, которые основали село Прислониха. Если ранее сакральные локусы образовывались силами простого народа, то в 1722 г. помещик А. С. Белавкин построил посреди села, у пересечения реки Урень с Московским почтовым трактом, новую церковь. Позднее в 1771 г. в селе Котьяково прихожанами была построена Церковь Михаила Архангела.

С начала XIX в. и до революции 1917 г. длилась **стадия стабильного развития**. В это время было построено рекордное число религиозных объектов. На ранних стадиях сооружались церкви, а в конце XIX в. стали строиться храмы.

Первыми в начале XIX в. (в 1810 г.) построили храм помещики Языковы, состоящий из трех престолов: главный – в честь Владимирской иконы Божьей Матери, в приделах: в одном во имя святителя и чудотворца Николая и в другом во имя преподобного Сергия Радонежского [20].

Следующий сакральный локус так же, как и предыдущий, был сооружён на средства помещицы М. Я. Кротковой в 1814 г. Каменное здание церкви Донской иконы Божией Матери имело три престола: главный в честь Донской иконы Божией Матери, правый – во имя Архистратига Божия Михаила и левый – во имя Всех Святых [19].

В 1825 г. в селе Сосновка завершилось строительство храма помещиком Н. И. Бахметьевым. Престолов в нем было три: главный – во имя Архистратига Божия Михаила, правый – во имя Святителя и Чудотворца Николая и левый – во имя святых мучеников Адриана и Натальи.

В 1877 г. прихожанами села Урено-Карлинская слобода, сельца Вознесенское (Горовка при реке Урень) и деревни Холмогорская слобода при реке Белый Урень был построен каменный храм с тремя престолами. В селе Таволжанка в 1892 г. был воздвигнут храм с двумя престолами: главный – во имя преподобного Сергия Радонежского Чудотворца. Таким образом, основную роль в сакрализации социально-культурного пространства сыграли дворяне-помещики, заложившие новый тип усадебной архитектуры. Это время можно считать расцветом сакральной составляющей социально-культурного пространства.

Революция 1917 г. привела к закрытию православных храмов и наступлению **стадии упадка**. Это особо коснулось территории Симбирского края. В период с 1917 г. до 1937 г. практически все православные храмы были закрыты или переоборудованы под хозяйственные и бытовые нужды. Например, церковь в селе Потьма в 1930 г. переоборудован в склад зерна (впоследствии – клуб), храм в селе Таволжанка закрыт в 1934 г., церковь в Прислонихе закрыли под склад в 1936 г., храм в селе Урено-Карлинское закрыт в колхозный склад в 1937 г., а в 1957 г. переориентирован на клуб и т. д. Из кирпича храма села Сосновка был построен районный дом культуры. Таким образом, до 1940-х годов для Карсунского района Ульяновской области происходило физическое уничтожение сакральных локусов.

Перелом этой тенденции произошел в 1980-е гг. Время опустения (закрытия) православных религиозных объектов сменилось их возрождением и восстановлением. Наступила новая стадия обновления, которая позднее перешла в начальную стадию нового цикла – **стадию роста (депрессивной стабилизации)**. Первое восстановление сакральных локусов началось с утверждения в 1987 г. плана возрождения усадьбы Аркадия Пластова в селе Прислониха. На месте разрушенного храма в селе Таволжанка в 1989 г. был возрожден новый каменный храм. Если в большинстве субъектов России знаковым в возрождении сакральных локусов были 1990-е гг., то для Ульяновской области духовное возрождение началось в 2000-е годы с приходом к власти губернатора Ульяновской области С. И. Морозова. К примеру, в 2006 г. в селе Сосновка силами спонсорской помощи семьи Сапрыкиных на месте старой церкви построена церковь Василия Великого. В 2009 г. в рп Языково открыт новый храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших», в 2016 году началось восстановление церкви в Урено-Карлинском.

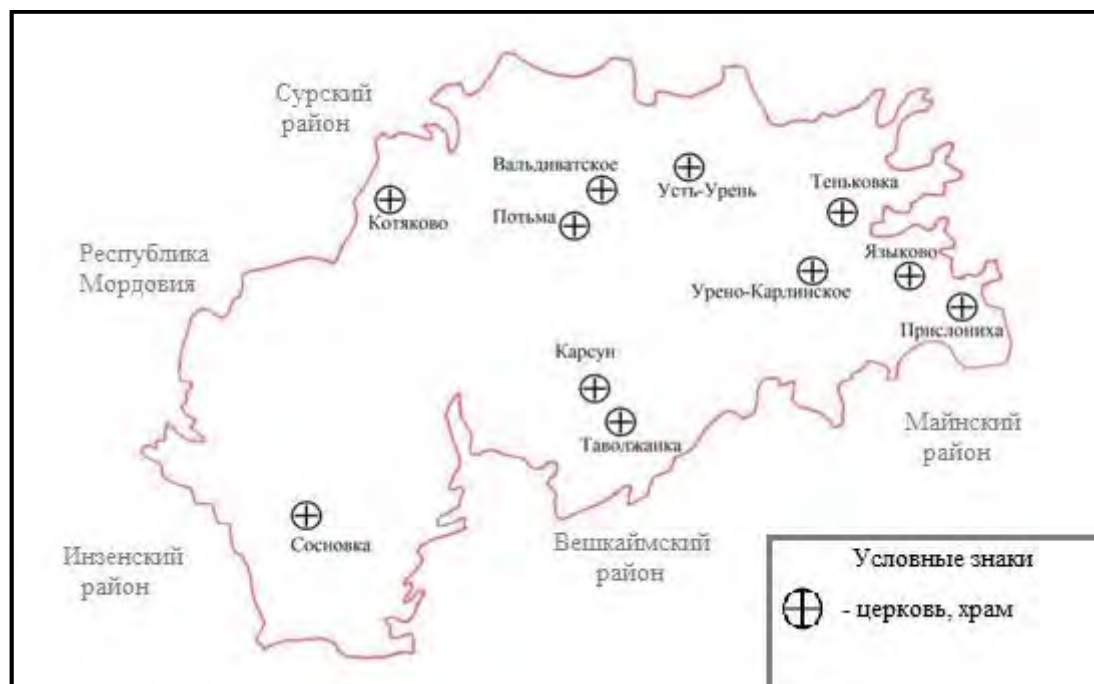

Рис. 2. Размещение храмов и церквей по территории Карсунского района Ульяновской области)

Составлено авторами по материалам СМИ Ульяновской области

Выводы

Таким образом, за многовековую историю география сакральных локусов социально-культурного пространства Карсунского района Ульяновской области прошла полный цикл развития: рост, стабилизация, упадок, обновление с последующим ростом и начало стадии стагнации. Следовательно, вопреки устоявшемуся мнению о принадлежности региона к «красному поясу» в Ульяновском Поволжье сложилось социально-культурное пространство новой формации.

Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Локусы социально-культурных ландшафтов в территориальных социально-экономических системах (на примере Среднего Поволжья)» (задание №31.8018.2017/БЧ)

Литература

1. Калуцков В. Н. Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы. М., 2016. 138 с.
2. Федоров В. Н., Аксенова М. Ю., Идиатуллин А. К. Локусы социокультурных ландшафтов в полиэтничном регионе (на примере Среднего Поволжья) // VII Всероссийская научно-практическая конференция «Трешниковские чтения». Современная географическая картина мира и технологии географического образования. Ульяновск, УлГПУ, 2017. С. 42–43.
3. Воловик В. Н. Категории сакрального ландшафта. // Научный журнал «Географический вестник» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/438_Volovyk.pdf.

4. Гомбоев Б. Ц. Культурные места Баргузинской долины. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс Вост.-Сиб. академии культуры и искусств, 2006. 287 с.
5. Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. 105 с.
6. Исаченко А. Г. Теория и методология географической науки. М.: Академия, 2004. 400 с.
7. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
8. Мильков Ф. Н. Рукотворные ландшафты. М.: Мысль, 1978. 86 с.
9. Ландшафтоведение: Эстетика и дизайн: Учеб. пособие / В. А. Николаев. М.: Аспект Пресс, 2005. 176 с.
10. Окладникова Е. А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования: Монография. Берлин: Директ-Медиа, 2014. 230 с.
11. Забияко А. П. Сакрализация // Энциклопедия религий. Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, 2008. С. 1106–1110.
12. Терехин Н. М. География и сакральная география как проектно-ориентированные направления исследования в области этнокультурологии народов Северной Евразии // Вестник Северного Арктического федерального университета. 2012. №1. С. 80-87.
13. Уваров М. С. Культурная география в культурологической перспективе // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4. С. 6-8.
14. Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная монография / Науч. ред., авт. введ. и закл. Н.И. Шутова; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2009. 244 с.
15. Атаман Л. В. Исследование сакрального пространства региона: методология и принципы // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 107–117.
16. Шевчук Л. Т. Социальная география: учебное пособие. М.: Знание, 2007. 349 с.
17. Федоров В. Н. Топонимы как средство историко-лингвистического отражения поликультурной картины мира (на примере Симбирско-Ульяновского Поволжья) // Материалы междунар. научно-практ. конф. «Ползуновские чтения», посвященной 75-летию АлтГТУ им. И.И. Ползунова. Барнаул, 2017. С. 189–191.
18. Семенов А. В., Благовещенская Н. В., Ипатова О. И. Святых ключей чистейшая слеза. Ульяновск: Артишок, 2009. 45 с.
19. Родник святого угодника Николая Чудотворца, 2016. URL: <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=19458>
20. Баженов Н. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. Симбирск: Типолитография А.А. Токарева, 1903. 98 с.

Aksenova M. Yu.¹
Miftyakova E. F.²

Historical and geographical analysis of social and cultural space (on the example of Simbirsk-Ulyanovsk Volga region)

Ulyanovsk state pedagogical university
Russian Federation, Ulyanovsk
e-mail:¹82axmarina@mail.ru; ²elmira03.92@yandex.ru

Abstract. *Historical and geographical analysis is considered by various authors as more acceptable in the study of the processes of transformation of socio-cultural space in the context of the evolution of complex systems within the boundaries of rural areas. The article presents the results of the study of the territorial structure of social and cultural space and studied the spatial and temporal patterns of its development on the example of the Karsun municipal formation of the Ulyanovsk region.*

Key words: *social and cultural space, sacred locus, rural society.*

References

1. Kalutskov V. N. Cultural geography of Russia. Part 1. Theoretical and special sections. M., 2016. 138 p. (in Russian).
2. Fedorov V. N., Aksenov M. Y., A. K. Idiatullov Loci of social and cultural landscapes in the multiethnic region (on the example of the Middle Volga region) // VII all-Russian scientific-practical conference "Tresniowski reading." Modern geographical picture of the world and technology of geographical education. Ulyanovsk, Ulgu, 2017. P. 42-43 (in Russian).
3. Volovik V. N. Categories of sacred landscape. // Scientific journal "geographical Bulletin" [Electronic resource]. URL: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/438_Volovyk.pdf (in Russian).
4. Gomboev B. TS. Cult places of the Barguzin valley. Ulan-Ude: Ed.- polygon. complex East.-Nib. Academy of culture and arts, 2006. 287 p. (in Russian).
5. Kuleshova M. E. Management of cultural landscapes and other objects of historical and cultural heritage in national parks. M.: publishing House of the center of wildlife protection, 2002. 105 p. (in Russian).
6. Isachenko A. G. Theory and methodology of geographical science. Moscow: Academy, 2004. 400 p. (in Russian).
7. Cultural landscape as heritage site / edited by Yu Vedenina, M. E. Kuleshova. M.: Institute of heritage; St. Petersburg.: Dmitry Bulanin, 2004. 620 p. (in Russian).
8. Milkov F. Man-made landscapes. Moscow: Mysl', 1978. 86 p. (in Russian).
9. Landscape science: Aesthetics and design: Studies. a manual / V. A. Nikolaev. M.: Aspect Press, 2005. 176 p. (in Russian).
10. Okladnikova E. A. Sacred landscape: theory and empirical research Monograph. Berlin: Direct Media, 2014. 230 p. (in Russian).
11. Zabayako A. p. Sacralisation // encyclopedia of religions. Under the ed. A. p. zabayako, A. N. Krasnikova, E. S. Elbakyan. M.: Academic project, 2008. P. 1106-1110 (in Russian).
12. Therebyin N. M. Geosafe and sacred geography as a design-oriented areas of research in the field of etnokulturologiya peoples of Northern Eurasia // Vestnik of Northern Arctic Federal University. 2012. No. 1. P. 80-87 (in Russian).

13. Uvarov M. S. Cultural geography in cultural perspective // international journal of research culture. 2011. No. 4. P. 6-8 (in Russian).
14. Shutova N. And. Kapitonov V. I., Kirillova, L. E., Ostanina T. I. Historical and cultural landscape of the Kama-Vyatka region: Collective monograph / Scientific. ed., ed. enter. and Zack. N. And. Shutov; UIIAL Uro ran. Izhevsk, 2009. 244 p. (in Russian).
15. Ataman L. V. study of the sacred space of the region: methodology and principles // Pskov regional journal. 2015. No. 23. P. 107-117 (in Russian).
16. Shevchuk L. T. Social geography: textbook. M.: Knowledge, 2007. 349 p. (in Russian).
17. Fyodorov V. N. Place names as a means of historical and linguistic reflection of the multicultural picture of the world (in Simbirsk - Ulyanovsk Volga region) // Materials of Intern. scientific practice. Conf. "Polzunovskii readings" dedicated to the 75th anniversary of the Altai state technical University. I. I. Polzunova. Barnaul, 2017. P. 189-191 (in Russian).
18. Semenov A. V., Annunciation N. In. Ipatova O. I. of sacred springs of the purest tear. Ulyanovsk: Artishok, 2009. 45 p. (in Russian).
19. The spring of St. Nicholas the Wonderworker, 2016. URL: <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=19458> (in Russian).
20. Bazhenov N. Statistical description of cathedrals, monasteries, parish and house churches of the Simbirsk diocese according to 1900. Simbirsk: Lithographic Printing House Of A. A. Tokarev, 1903. 98 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2018 г.

УДК 314.482

Бекшаев И. А.
Дьячкова Т. В.

***Смертность детского населения и ее
причины в начале XX века (на примере
села Орехово Покровского уезда
Владимирской губернии)***

Государственный гуманитарно-технологический
университет, Российская Федерация, Московская область,
г. Орехово-Зуево
e-mail: bekshaev_ilya@mail.ru

Аннотация. В статье проведено изучение показателей смертности среди детского населения и их причин в начале XX века в селе Орехово Покровского уезда Владимирской губернии. Исследован уровень жизни и заболеваемости детского населения. Выявлены причины детской смертности. Статья может быть использована как справочный и статистический материал для специалистов в области краеведения.

Ключевые слова: детская смертность, село Орехово, Владимирская губерния, XX век, причины детской смертности, краеведение.

Введение

Смертность детского населения остаётся острой социальной проблемой каждого государства. Известный советский поэт и публицист С. В. Михалков дал краткую характеристику значимости детей в любом обществе: «Сегодня дети – завтра народ». Этим автор подчеркнул значимость и ключевую роль детского населения, необходимость сохранения его здоровья наряду с воспитанием.

Продолжительность жизни и уровень смертности (детской и младенческой) как ничто иное отражают экономическое состояние государства. Политические и социальные изменения на определенных этапах всегда обуславливают сложную демографическую ситуацию в стране.

Смертность является важнейшим демографическим компонентом и наряду с рождаемостью представляет основной фактор воспроизводства населения. До начала XX века смертность существенным образом сказывалась на численности населения России[5].

Изучение естественного движения населения на основе анализа данных церковного учета позволяет выявить такие показатели, как сезонность смертности, её причинность и возрастной аспект. Для характеристики показателей смертности детского населения (от рождения и до 15 лет) были изучены метрические книги села Орехово Покровского уезда Владимирской губернии. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1910 по 1916 годы.

Для анализа показателей смертности была составлена таблица, в которой уровень смертности отражен по пятилетним возрастным интервалам. В результате были получены данные, характеризующие число умерших за каждый год в соответствующем возрасте.

Цель исследования: изучить показатели смертности среди детского населения и их причины в начале XX века в селе Орехово Покровского уезда Владимирской губернии.

Для реализации поставленной цели нами были решены следующие задачи:

1. провести сбор первичной информации о структуре показателей смертности детского населения села Орехово в начале XX века;
2. определить убыль детского населения села Орехово в начале XX века;
3. проанализировать возраст и половой состав детей села Орехово в начале XX века;
4. выделить причины, которые повлияли на детскую смертность в селе Орехово в начале XX века.

Материалы и методы

В работе были использованы материалы архива города Орехово-Зуево, изучены метрические книги этого поселения с 1910 по 1916 годы, публикации в газетах «Ореховские вести», «Фабричный станок», работы санитарных врачей Московской и Владимирской губерний. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1910 по 1916 годы.

Использовался общенаучный методический аппарат: анализ научно-исторической литературы по региону исследования; собирались и математически обрабатывались статистические показатели детской смертности, материалы группировались и классифицировались.

Результаты и обсуждение

Анализ метрических книг с. Орехово показал, что за рассматриваемое время в этом поселении было зарегистрировано большое количество детской и подростковой смертности в возрасте от рождения до 15 лет (табл. 1). Доля детской смертности в с. Орехово составляла 79,6 % общей смертности этого поселения в 1910 году. Через два года этот показатель составил – 78,7 %, в 1914 году – 76,8 %, а в 1916 году – 70,1 %.

Таблица 1.

Показатели общей и детской смертности в с. Орехово Покровского уезда Владимирской губернии (чел.) (1910–1916 гг.)

Виды смертности	Село Орехово			
	1910	1912	1914	1916
детская	1544	1550	1398	979
общая	1939	1969	1818	1396

Составлено по метрическим книгам с. Орехово

Наибольшие показатели имела младенческая смертность – у детей в возрасте до года (табл. 2), что составило от детской смертности в 1910 году – 70,8 %; в 1912 году – 71,1 %, 1914 году – 74,8 %, 1916 году – 72,7 %.

Таблица 2.

**Показатели детской и младенческой смертности в с. Орехово
Покровского уезда Владимирской губернии (чел.)
(1910–1916 гг.)**

Причина смертности	Село Орехово			
	1910	1912	1914	1916
детская	1544	1550	1398	979
младенческая	1094	1103	1047	712

Составлено по метрическим книгам с. Орехово

Общая ситуация с детской смертностью в селе Орехово практически мало отличалась от всероссийской. Историк Б. Н. Миронов в работе «О детской смертности в России в конце XIX века» пишет: «Младенческая смертность до середины XIX века превышала 300 на тысячу, к концу XIX века понизилась до 260, к 1911 г. – до 237 на тысячу, а до 5 лет даже в 1897 г. доживало всего 57 % новорожденных. Это была какая-то адская машина: дети рождались, чтобы умереть, и чем больше рождалось детей, тем больше умирало, а чем больше умирало, тем больше рождалось. Высокая рождаемость провоцировала высокую смертность, и наоборот» [9].

В возрасте от 1 года до 5 лет происходило значительное снижение смертности по сравнению с предыдущей возрастной категорией. Количество умерших в 1910 и в 1912 годах сокращается в 2,7 раза, в 1914 – в 3,3 раза, в 1916 году в 3,1 раз (рис. 1).

По мере взросления, в возрасте 5–10 лет, уровень смертности становился наиболее низким по сравнению с другими возрастными группами (37 человек в 1910 году, 27 человек в 1912 году, 33 человека – в 1914 году и 1916 году).

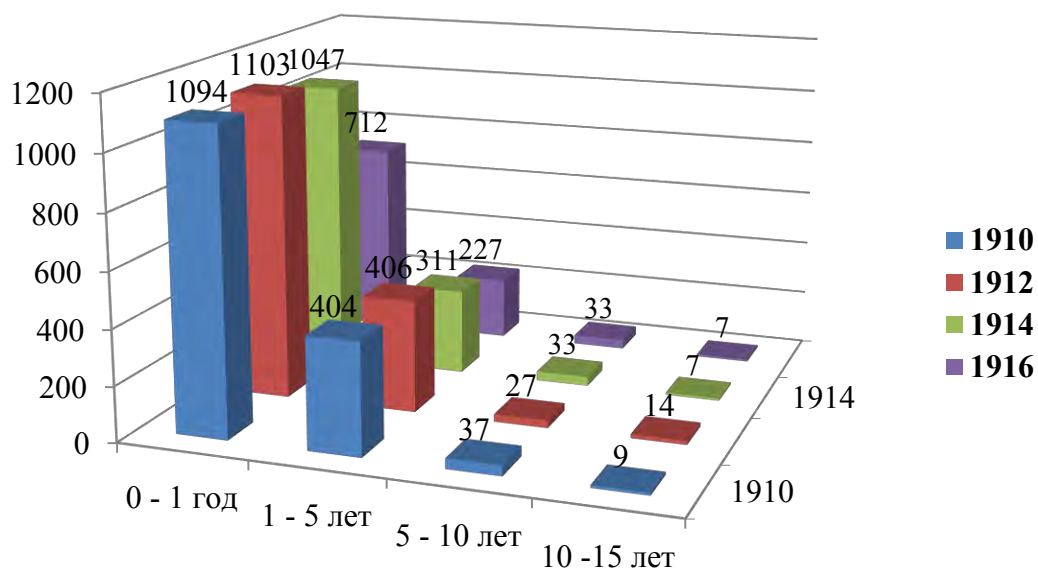

Рис. 1. Смертность детского населения в селе Орехово Покровского уезда Владимирской губернии (1910–1916 гг.)

Рассчитано авторами по материалам метрических книг с. Орехово

Анализ половозрастной структуры детской смертности в возрасте от рождения до года показал, что в исследуемый период уровень смертности среди мальчиков был выше, чем у девочек (590 человек мужского пола и 504 человека женского пола в 1910 году, 599 и 504 – в 1912 году, 566 и 481 в 1914 году, 360 и 352 в 1916 году). Перевес в смертности мужского пола над женским в этой возрастной категории в значительной степени связан с гендерной предрасположенностью, обусловленной мужским генотипом.

В возрасте от 1 года до 5 лет смертность фиксировалась в 213 случаев среди мальчиков и 191 случае среди девочек в 1910 году, 211 и 195 – в 1912 году, 160 и 151 – в 1914 году. В 1916 году смертность была выше среди девочек – 117 случаев против 110 случаев смертности мужского пола (рис. 2).

В возрасте от 5 до 10 лет смертность среди девочек увеличивалась в 1910 году и в 1916 году (18 человек мужского пола, 19 человек женского пола) и 1912 году (12 человек мужского пола, 15 человек женского пола), в 1914 (14 человек мужского пола, 18 человек женского пола).

В подростковом возрасте от 10 до 15 лет зафиксированы незначительные отличия в уровне смертности между мальчиками и девочками.

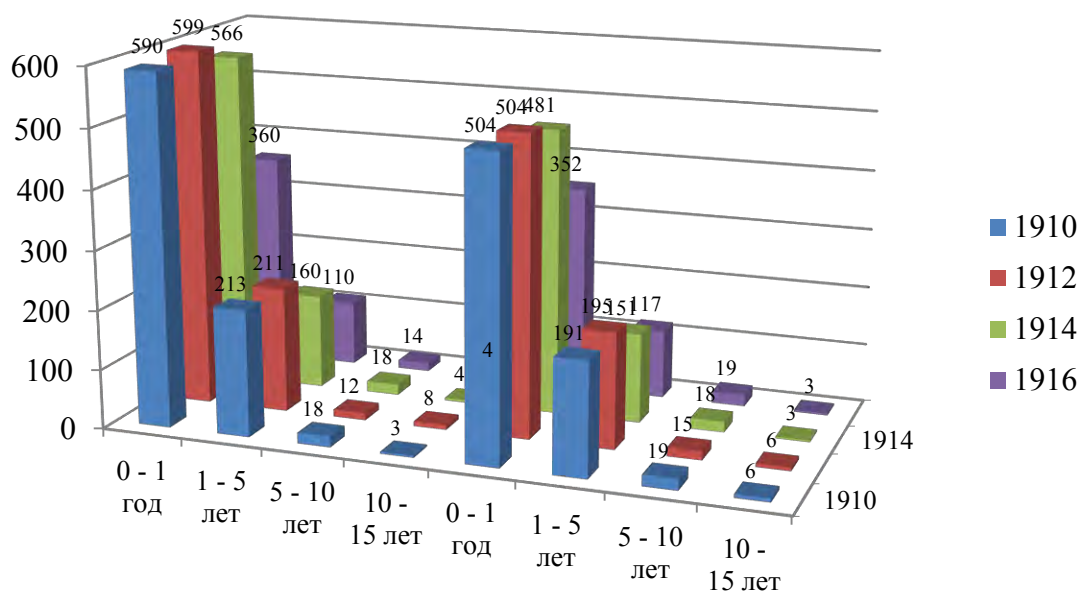

Рис. 2. Смертность мальчиков (слева) и девочек (справа) в селе Орехово Покровского уезда Владимирской губернии (1910–1916 гг.)
Рассчитано авторами по метрическим книгам с. Орехово

«В отношении же условий общественной жизни возрастной состав умерших тем считается благоприятным, чем большее число лиц в нём падает на старшие возрасты и чем меньшее – на детские, так как это может свидетельствовать о более продолжительной жизни населения, о лучшей его санитарной обстановке», – так пишет историк Е. А. Осипов в своём «Очерке статистики народонаселения Московского уезда» [13].

Следовательно, принимая во внимание вышеприведенные статистические данные, можно сделать вывод о неблагоприятных жизненных и санитарных условиях села Орехово, особенно для детей от рождения до 1 года и от 1 года до 5 лет.

Структура детской смертности в селе Орехово начала XX века зависела не только от возраста и пола, но и от сезонного фактора. Максимальное количество умерших приходилось на летний период – 57 %: в июне – 13 %, в июле – 20 %, а пик детской смертности выпадал на август – 24 %.

В декабре, январе и феврале был зарегистрирован 21 % от общего числа умерших. Весной отмечено 12 %. Низкий уровень смертности сохранялся в осенние месяцы – 10 %.

В структуре причин детской смертности в селе Орехово можно выделить несколько групп. Среди причин смерти младенцев в возрасте до 1 года лидировали болезни новорожденных, значения которых на протяжении 1910–1914 гг. были высокими, а в 1916 году данный показатель снизился.

Среди причин заболеваемости младенцев наиболее часто встречался диагноз «слабость новорожденных»: в 1910 году – 419 случаев, 1912 году – 363 случая, 1914 году – 404 случая, 1916 году – 220 случаев (табл. 3). Диагноз ставился, если смерть младенца наступила в возрасте от рождения до 3 месяцев. Считалось, что если ребенок умер через несколько часов, дней или недель после рождения, то он родился «слабым». В таком случае в метрических книгах писалось, что ребенок умер «от слабого рождения», «от слабости».

А. И. Скибневский отмечает: «Если жизненные условия в районе крупных фабрик были весьма неблагоприятны для взрослых его членов, то для детей они представлялись ещё более губительными. Самый ранний младенческий возраст в семьях, где матери работают на фабриках, почти постоянно лишается должного со стороны матери ухода и естественного вскармливания, подвергаясь, за отсутствием материнского и коровьего молока, наихудшему питанию чрез соски с жёванным хлебом и другими суррогатами» [23].

Таблица 3.

**Причины младенческой смертности в селе Орехово
Покровского уезда Владимирской губернии, (чел.)**

Причина смертности	Село Орехово			
	1910 г.	1912 г.	1914 г.	1916 г.
Слабости рождения	419	363	404	220
Младенческая смертность во время родов	13	13	26	2
Водянка новорожденных	14	7	12	9
Недоносок	11	5	6	3
Родимец	2	1	1	-
Заспанный, удушенный, соскользнул	5	-	-	-
От трудного прорезывания зубов	-	-	1	-

Составлено по метрическим книгам с. Орехово

Количество детей умерших от водянки в селе Орехово составило в 1910 году – 14 человек, в 1912 году – 7 человек, в 1914 году – 12 человек и в 1916 году – 9 человек.

В селе Орехово также выделяли отдельные категории младенцев, у которых смерть происходила непосредственно при родах (13, 13, 26, 2 случаев в 1910, 1912, 1914, 1916 годах соответственно) или ребенок появлялся на свет прежде времени – «недоносок» (11, 5, 6, 3 случаев в 1910, 1912, 1914, 1916 годах соответственно).

Встречались единичные случаи родимца (у младенцев, беременных и рожениц: припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания).

В 1910 году в графе причины смерти младенцев можно встретить запись «заспанный, удушенный, соскользнул». В 1910 году в результате данных причин погибло 5 младенцев.

Классической трактовкой внезапной гибели младенца служил термин «заспать ребенка». Сон грудных детей в постели с родителями был широко распространен среди народа. Поэтому, когда ребенок внезапно умирал ночью, предполагали, что мать закрыла его своим телом («заспала»), и ребенок задохнулся. В начале XX века практика укладывания детей в постель с родителями стала редкой, однако число случаев внезапной смерти существенно не уменьшалось.

Понятие «удушенный» связывали с синдромом внезапной младенческой смерти, когда происходило механическое удушение рвотными массами или подушкой, при инфекциях верхних дыхательных путей, резкой остановке дыхания, задержке дыхания во сне, связывающейся с незрелостью регуляции дыхательной функции со стороны центральной нервной системы и т. д.

Под термином «соскользнул» в начале XX века подразумевался инцидент, связанный с выпадением ребенка из рук по невнимательности и неосторожности, а также из-за его особой подвижности, «ребенок сильно ударился о пол и убился». [2].

Также ребенок мог выскользнуть в процессе родов из-за отсутствия какой-либо помощи, если женщина рожала одна.

В метрических книгах села Орехово за 1914 год встретилась запись о смерти младенца «от трудного прорезывания зубов». Стоит отметить, что сам процесс прорезывания зубов не является фактором, приводящим к смерти. Во второй половине первого года жизни, когда появляются первые резцы, у ребенка происходит становление иммунной системы. У часто болеющих и ослабленных детей, какими и являлись фабричные младенцы, этот процесс мог сопровождаться резким нарушением иммунитета. На этом фоне могли возникать другие болезни в виде кишечных инфекций и воспалительных заболеваний (полости рта, и других органов). Вот эти «другие болезни» и могли быть причиной смерти.

Особую опасность для детей представляли кишечные инфекции, которые в метрических книгах записывали как понос. Кишечные инфекции в то время были частыми, в то время как лечение недуга происходило сложно. Смертность от заболеваний данной группы была громадной. Встречаются записи, что «от поноса» в течение одной-двух недель умирало сразу несколько детей в семье. Наибольшее число младенцев, примерно каждый четвертый, умирало в летние месяцы. Причиной тому служили кишечные инфекции, характерные для этого времени года.

В словаре Брокгауза и Ефрона встречаются подобные заметки: «Особенно серьезное значение представляют детские поносы, от которых у нас, в России, ежегодно гибнет масса детей. Особенно она поражает детей, вскармливаемых искусственно, хотя не щадит и грудных детей, получающих грудь матери или кормилицы» [25].

На причину возникновения кишечных эпидемий указывал И. А. Скибневский: «Заболевания желудочно-кишечного канала, принимающие эпидемическое течение, вероятнее всего, под влиянием неблагоприятных атмосферических условий, более или менее усиленно содействующих проявлению гнилостно-бактерийных процессов в почве, в изобилии пропитанной органическими веществами, легко и быстро превращающихся при содействии заразных начал обычные детские диспепсии в тяжёлые повальные энтериты и гастроэнтериты, почему летний максимум смертности докторами Осиповым и Песковым и назван “эпидемическим”» [23].

Количество детей умерших от поноса в селе Орехово составило в 1910 году – 432 человека, в 1912 году – 470 человек, в 1914 году – 446 человек и в 1916 году – 209 человек.

В метрических книгах села Орехово отдельно выделяли кровавый понос. Подобным образом в начале XX века называли дизентерию. Смертность от данного заболевания составила 5, 3, 4, 4 случая в 1910, 1912, 1914, 1916 годах соответственно (табл. 6).

В метрических книгах причиной гибели как новорождённых, так и взрослого населения значился термин – «колотья».

Смертность новорожденных от «колотья» встречалась до 1 года, позже подобная причина отмечалась крайне редко. Одно из предположений – младенцы умирали от коликов, которые сопутствуют периоду, когда у них начинается отладка работы желудочно-кишечного тракта.

По словам историка Татьяны Бессоновой, колотья – это резкая колющая боль. Она может быть проявлением многих болезней, например, дизентерии. Помимо этого, так может проявляться практически любое заболевание желудочно-кишечного тракта. Как заметила Т. Бессонова, причину смерти в метриках записывали священники, как правило, по внешним признакам или со слов родственников. Поэтому очень часто в церковных книгах встречаются порой и весьма необычные, на современный взгляд, причины смерти, как «колотья» [2].

На третьем месте в структуре причин детской смертности стоят инфекционные заболевания. Детские болезни, не слишком опасные сегодня, тогда нередко приводили к смерти ребёнка. Главные причины появления из года в год острозаразных форм заболеваний врачи видели в неудовлетворительном санитарном состоянии всего жизненного уклада фабричного населения: в плохо поставленном водоснабжении, когда значительная часть населения пользовалась водой из водоемов или мелких грунтовых колодцев; в недостаточном благосостоянии населения, не обеспечивающем сопротивляемость организма в борьбе с болезнями; в недостаточности медицинской помощи и ее удаленности от многих населенных мест; в низком общем культурном уровне населения. Смутно представляя себе пути передачи инфекции, врачи и родители не умели изолировать больного, дети заражались один от другого. Таким образом, болезни в нисходящем порядке по числу болевших: корь, коклюш, скарлатина, дифтерит, оспа.

Среди инфекционных заболеваний смертность от кори являлась самой распространенной. Докладчик на третьем съезде земских врачей Владимирской губернии говорил, что смертность от кори следует считать лучшим показателем скученности жизни. «В губерниях на фабриках, где обыкновенно имеются хозяйские квартиры для рабочих, смертность фабричных детей от кори оказалась значительно большей, нежели детей сельских поселений» [19].

За исследуемый период количество умерших от кори только увеличивалось, так, в селе Орехово в 1910 году регистрируется 241 случай смертности от кори, в 1912 году – 248, 1914 году – 253, 1916 году – 165 случаев.

В исследуемый период количество умерших детей от коклюша в селе Орехово снижается: наибольшее количество смертей отмечается в 1912 году (101), а в 1914 и 1916 гг. наблюдается уменьшение – 32 и 31 случай соответственно.

Смертность от скарлатины снижается на протяжении всего исследуемого периода с 73 случаев в 1910 году до 21 смерти в 1916 году.

Смертность от дифтерита снижается на протяжении всего исследуемого периода с 21 случая в 1910 году до 10 случаев в 1916 году.

За исследуемый период количество умерших от оспы значительно снизилось только в 1912 году (2 случая), в 1914 и 1916 гг. году смертность от инфекции возрастает и составляет 6 и 13 случаев соответственно. В исследовании по истории Никольской мануфактуры, проведенном И. В. Поткиной, приводятся сведения об активной деятельности врачей фабричной больницы, направленной на борьбу с эпидемиями и профилактикой оспы. Массовые прививки от оспы детей и части взрослых рабочих проводились на этой фабрике уже в начале 1880-х гг. [18].

В исследуемый период количество умерших детей от тифа в селе Орехово снижается: в 1910 году отмечается 10 случаев смерти, 1912 и 1914 году – по 8 случаев, 1916 году – 2 случая.

Отмечаются единичные случаи свинки в обоих селах.

На четвертом месте в структуре причин детской смертности в селе Орехово стояла смерть от болезни органов дыхания (табл. 4).

Таблица 4.

**Структура смертности от болезней органов дыхания в селе Орехово
Покровского уезда Владимирской губернии**

<i>Болезни органов дыхания:</i>	1910 г.	1912 г.	1914 г.	1916 г.
Всего	121	132	109	127
Воспаление легких	98	95	89	98
Кашель	18	33	15	23
Бронхит	5	4	5	6

Составлено по метрическим книгам с. Орехово

В общем, количество детей умерших от болезней органов дыхания было высоким: в 1910 году – 121 человек, в 1912 году – 132 человека, в 1914 году – 109 человек, в 1916 году – 127 человек (табл. 4).

К прочим детским болезням земские врачи относили золотуху и английскую болезнь. С. А. Новосельский отмечал: «При многократных в течение многих лет обходах разнообразных казарменных помещений мне чрезвычайно редко приходилось встречать вполне здоровых, хорошо упитанных, с цветущим видом детей. В громадном большинстве случаев – это бледные лица и худые крошечные тельца, с явными следами рахитизма и золотухи, вызывающие жалость и невольно заставляющие задумываться над дальнейшей судьбою этих малюток, будущих рабочих, отцов и матерей семейства» [12].

Смертность от золотухи в 1910 году составила 4 человека, в 1912 году – 6 человек, в 1914 году и в 1916 году – по 7 человек.

Смертность от рахита в 1910 году составила 7 человек, в 1912 году – 13 человек, в 1914 году и в 1916 году – по 5 человек. Довольно длительное время это заболевание называлось английской (туманной) болезнью, потому что, как правило, это заболевание наблюдалось у детей рабочих, которые жили вблизи с фабриками и заводами, почти не получали солнечного света из-за постоянного тумана и смога, характерного для этих районов. Хотя в те времена происхождение рахита еще не определили. Было отмечено, что его возникновение обуславливает дефицит солнечных лучей.

Смертность от воспаления мозговых оболочек в детском возрасте была связана с менингитом. Смертность от менингита в 1910 году составила 33 человека, в 1912 году – 8 человек, в 1914 году – 8 человек, в 1916 году – 12 человек.

Среди прочего распространенными причинами смерти были следующие болезни: болезни и пороки сердца, простуда, болезни почек и печени, желтухи, «неизвестно от чего» (табл. 5).

«Неизвестно от чего» – можно предположить, что внешне ребенок выглядел бодрым, ни на что не жаловался и неожиданно для всех умер.

Таблица 5.
Структура смертности от других болезней в селе Орехово Покровского уезда Владимирской губернии

Болезни органов дыхания:	Село Орехово				Село Зуево	
	1910 г.	1912 г.	1914 г.	1916 г.	1910 г.	1912 г.
Болезни сердца	13	25	14	15	7	8
Простуда	10	16	10	11	5	7
Болезни почек	12	16	6	6	5	6
Болезни печени	9	18	6	5	4	3
Желтуха	1	1	1	1	1	1
Неизвестно	5	5	1	-	1	1

Составлено по метрическим книгам с. Орехово

Выводы

1. Для села Орехово из всего числа умерших наибольшее процентное отношение приходится на детский возраст до 15 лет. За исследованный период детская смертность снижалась с 79,6 % в 1910 году до 70,1 % в 1916 году.

2. В структуре детской смертности лидировали показатели младенческой смертности, что представляется весьма неблагоприятным, так как указывает на малую продолжительность жизни населения и на частую его смену. Процентное отношение смертности с 5 лет до 10 лет и с 10 лет до 15 лет представляется практически равным по всем исследуемым годам.

3. По временам года наиболее повышенная смертность в 57 % отмечена летом. В частности, в возрасте от рождения до 1 года и от 1 года до 5 лет летний максимум смертности сохраняет своё преобладание за все годы обследования.

4. Большинство новорожденных умерли от врожденной «слабости», которая всецело зависит от состояния здоровья его родителей и особенно от тех условий, в которых находится мать во время беременности. Огромное количество детей до 1 года гибло летом от желудочно-кишечных заболеваний. В старших возрастах дети умирали от заразных (инфекционных) и общих заболеваний.

5. Уровень смертности среди мальчиков был выше в разные периоды исследуемого временного среза.

Литература

1. Вигдорчик Н. Вымирание детей // Вестник знания. 1907. № 3.
2. Грум К. Друг матерей, или подробное руководство, как предупреждать, распознавать и лечить детские болезни средствами гигиеническими, диетическими и лекарствами простыми, домашними, или такими, которые можно выписывать из аптеки без рецептов врача и покупать в аптеке. СПб., 1858.
3. Гвоздев С. Записки фабричного инспектора. М.; Л., 1925.
4. Гундобин Н. Детская смертность в России и меры борьбы с ней. – СПб.: издание «Литературно-медицинского журнала» д-ра Окса. 1906.
5. Демография. Учеб. пособие / под ред. проф. В. Г. Глушковой. М.: Кнорус, 2004. 304 с.
6. Любимский С. В. Санитарное исследование Владимирского и Ковровского уездов. С. 218–220.
7. Маркузон Ф. Д. Санитарная статистика в городах предреволюционной России. //Очерки по истории статистики СССР. М.: Госстатиздат. 1955. С. 121–162.
8. Майо-Смит Ричмонд. Статистика и социология. Пер с англ. М. Энгельгардта, ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуского Москва: С. Скимунт, 1900. – 407 с.
9. Миронов Б. Н. «О детской смертности в России в конце XIX века»: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1.
10. Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России// Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг., 1916. С. 66–67.
11. Песков П. А. Фабричный быт Владимирской губернии: Отчет за 1882–83 гг. фабричного инспектора Владимирского округа П. А. Пескова. СПб., 1884
12. Полищук Н. С. Влияние жилищных условий на образ жизни текстильщиков ЦПР (на примере фабричных казарм конца XIX – начала XX вв.) // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие ЦПР России в конце XIX – начале XX вв. М., 1995.
13. Скибневский А. И. Очерк движения населения Богородского уезда Московской губернии а десятилетие с 1885 год по 1894 год.
14. Смирнов А. В. Несколько данных для характеристики заболеваемости фабричного населения//Труды губернского съезда врачей Владимирского земства. Владимир, 1890, с.292.
15. Старый владимирец. 1910. №56.
16. Фабричный станок. 1908. № 6.
17. Фабричный станок 1910. № 2
18. Фабричный станок. 1910. № 4.
19. Эрисман Ф. Ф. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии./Сборник стат. сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. IV. Ч. 2. С. 499; Кирьянов Ю. И. Указ.соч. С.140.

Bekshaev I. A.
Diachkova T. V.

Mortality of the child population and its causes in the early twentieth century (on the example of the village Orekhovo Pokrovsky county of the Vladimir province)

State humanitarian university of technology, Russian Federation, Orekhovo-Zuyevo,
e-mail: bekshaev_ilya@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of mortality rates among the children's population and their causes at the beginning of the 20th century in the village of Orekhovo in the Pokrovsky district of the Vladimir province. For the first time, an in-depth study of the processes of infant mortality in the early 20th century in the village of Orekhovo (Central Russia). The living standards and morbidity of the child population have been studied. The causes of infant mortality are revealed. The article can be used as a reference and statistical material. The article is of special interest for specialists in local history.*

Key words: *child mortality, Orekhovo village, Vladimir province, XX century, the causes of child mortality, local history.*

References

1. Vigdorichik N. Vymiranie detej // Vestnik znaniya. 1907. № 3 (in Russian).
2. Grum K. Drug materej, ili podrobnoe rukovodstvo, kak preduprezhdat', raspoznavat' i lechit' detskie bolezni sredstvami gigienicheskimi, dieticheskimi i lekarstvami prostymi, domashnimi, ili takimi, kotorye možno vypisyvat' iz apteki bez retseptov vracha i pokupat' v apteke. – SPb., 1858 (in Russian).
3. Gvozdev S. Zapiski fabričnogo inspektora. M.;L., 1925 (in Russian).
4. Gundobin N. Detskaya smertnost' v Rossii i mery bor'by s nej. – SPb.: izdanie «Literaturno-meditsinskogo zhurnala» d-ra Oksa. 1906 (in Russian).
5. Demografiya. Ucheb. posobie / Pod red. prof. V.G. Glushkovej. M.: Knorus, 2004. 304 s. (in Russian).
6. Lyubimskij S. V. Sanitarnoe issledovanie Vladimirskogo i Kovrovskogo uezdov. S.218-220 (in Russian).
7. Markuzon F. D. Sanitarnaya statistika v gorodakh predrevolyucionnoj Rossii. //Očerki po istorii statistiki SSSR. M.: Gosstatizdat. 1955. S. 121-162 (in Russian).
8. Majo-Smit Richmond. Statistika i sotsiologiya. Per s angl. M.EHngel'gardta, red.G.Fal'borka i V. CHarnoluskogo Moskva: S.Skirmunt,1900-407 s.21 (in Russian).
9. Mironov B.N. «O detskoj smertnosti v Rossii v kontse XIX veka»: V 2 t. – SPb., 2000. T. 1. (in Russian).
10. Novosel'skij S. A. Obzor glavnejshikh dannyx po demografii i sanitarnoj statistike Rossii// Kalendar' dlya vrachej vsekh vedomstv na 1916 g. Pg., 1916. S.66-67 (in Russian).
11. Peskov P. A. Fabričnyj byt Vladimirskoj gubernii: Otchet za 1882-83 gg. fabričnogo inspektora Vladimirskogo okruga P.A. Peskova. SPb., 1884 (in Russian).
12. Polishhuk N. S. Vliyanie zhilishhnykh uslovij na obraz zhizni tekstil'shnikov TSPR (na primere fabričnykh kazarm kontsa XIX - nachala XX vv.)// Morozovskaya

- stachka 1885 g. i rabochie TSPR Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. M., 1995 (in Russian).
13. Skibnevskij A. I. Oчерk dvizheniya naseleniya Bogorodskogo uezda Moskovskoj gubernii za desyatiletie s 1885 god po 1894 god (in Russian).
 14. Smirnov A. V. Neskol'ko dannyx dlya kharakteristiki zaboлеваemosti fabrichnogo naseleniya//Trudy gubernskogo s"ezda vrachej Vladimirskogo zemstva. Vladimir, 1890, s.292 (in Russian).
 15. Staryj vladimirets. 1910. №56 (in Russian).
 16. Fabrichnyj stanok. 1908. № 6 (in Russian).
 17. Fabrichnyj stanok 1910. № 2 (in Russian).
 18. Fabrichnyj stanok. 1910. № (in Russian).4
 19. Ehrisman F. F. Pishhevoe dovol'stvie rabochikh na fabrikakh Moskovskoj gubernii./Sbornik stat. svedenij po Moskovskoj gubernii. Otdel sanitarnoj statistiki. T.IV. CH.2. S.499.; Kir'yanov YU. I. Ukaz.soch. S.140 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.03.2018 г.

УДК 913+502.4+338.48
Гольдин Е. Б.

Архипелаг Мадейра: охрана природы и туризм

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Академия биоресурсов и природопользования (структурное подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: evgeny_goldin@mail.ru

***Аннотация.** Проанализированы особенности формирования и современное состояние рекреационно-туристического комплекса Мадейры. Подчеркивается, что основная роль в экономике архипелага, привлечении туристов и устойчивом территориальном развитии принадлежит экологическому благополучию и охране окружающей среды. Дана характеристика факторов, которые оказывают влияние на существующее положение, включая природно-экологические и социально-экономические, показаны перспективы и проблемы этих направлений.*

***Ключевые слова:** Мадейра, рекреационно-туристический комплекс, охрана природы, биологическое разнообразие, островные территории, природно-культурное наследие, традиции.*

Введение

На протяжении последних лет Мадейра в пятый раз завоевывает первую позицию среди ведущих туристических направлений в Европе (2013–2014, 2016–2018 гг.). Принятые на международном уровне решения определяются устойчивостью и длительностью традиций в сфере туризма, уровнем профессионализма в этой отрасли экономики, высокоразвитой инфраструктурой архипелага, возможностями организации полноценного отдыха и сервиса, включая комфортабельное размещение прибывающих гостей, но в первую очередь – обеспечением экологической безопасности.

Именно последнее обстоятельство, на наш взгляд, находится в основе привлекательности Мадейры для большого числа туристов из разных стран. Об этом свидетельствуют восторженные отзывы большинства людей, посетивших острова архипелага в различные времена [1–8]. Их мнение сформировано, прежде всего, под влиянием островных ландшафтов, растительности, в которой тропические и средиземноморские элементы сочетаются с интродуцентами. Животный мир архипелага и его акватории характеризуется уникальным биологическим разнообразием. Причина сохранения этого богатого наследия, несмотря на почти 600-летнее присутствие переселенцев из Европы, внесших в свое время существенный вклад в уничтожение аборигенной биоты, находится в высоком уровне охраны окружающей среды (на большей части Мадейры действует заповедный режим) и понимании необходимости разумного природопользования. Особое отношение к окружающей среде местного населения (поддержание чистоты и порядка, отсутствие преступности и вандализма, в т. ч. подросткового) [8] обеспечивает выполнение природоохранных программ.

Существует прямая зависимость между охраной окружающей среды, экологической безопасностью и культурными традициями населения, формированием современного рекреационно-туристического комплекса и

устойчивым развитием территории. Оптимальное сочетание этих компонентов, в первую очередь при условии сохранения природного, исторического и культурного наследия, способно обеспечить решение многих проблем островных и/или изолированных регионов, к которым относится и Крым. Значительно превосходя Мадейру по территории, историко-культурным традициям и перспективам заповедного дела, полуостров вполне может создать современную рекреационно-туристическую модель, привлекательную для всего мира.

Цель представленной публикации состоит в анализе ряда факторов, сформировавших сегодняшний облик архипелага Мадейра, и возможности использования их позитивного опыта в Крыму.

Материалы и методы

Изучен и проанализирован обширный материал (около 700 источников), включая ежегодные статистические отчеты по экономике Мадейры (Anuário Estatístico da Região Autónoma da Madeira), подготовленные Direção Regional de Estatística da Madeira за 1998–2018 гг., отчеты о состоянии туризма (Estatísticas do Turismo) за 2005–2018 гг., данные мировой литературы по биоразнообразию и охране природы Макаронезии, а также собственные наблюдения (2003, 2016 гг.).

Результаты и обсуждение

Общая характеристика архипелага

Мадейра (Madeira – *порт.* лес, дерево, древесина) – автономный регион Португалии (Região Autónoma da Madeira – PT30), расположен почти в 1000 км к юго-западу от Португалии и в 630 км западнее побережья Африки, с точки зрения географического и экологического районирования относится к Макаронезии (Macaronesia) наряду с другими островами – Азорскими, Канарскими и Кабо-Верде.

Название архипелага и главного острова связано с реликтовыми дождевыми лесами Монтеверде (Monteverde), ранее покрывавшими весь остров, но теперь сохранившиеся только в его южной части. Первые переселенцы для расчистки земель под сельскохозяйственные угодья уничтожали уникальные ландшафты, не останавливаясь перед варварскими поджогами лесов [9], террасировали горные склоны и прокладывали сеть оросительных каналов (левад) для равномерного распределения поливной воды. Также на протяжении длительного времени практиковался вывоз древесины в материковую Португалию. Однако в дальнейшем, по причине концентрации основной массы населения на юге острова, в долинах северных склонов сохранились реликтовые леса Лаурисилва (Laurissilva), с 1999 г. отнесенные к Всемирному наследию ЮНЕСКО. Архипелаг состоит из двух населенных островов: Мадейра (Madeira) (758,5 км²) и Порту-Санту (Porto Santo) (42,5 км²), общей площадью 801,51 км², и двух отдалённых групп мелких ненаселённых островов – Ильяш-Дезерташ (Ilhas Desertas) (14,2 км²) и Селваженш (Selvagens) (3,6 км²) – местообитаний морских птиц, объявленных природными заповедниками, и еще 16 необитаемых островков.

Мадейра вытянута в широтном направлении, 57 км в длину и 22 км в ширину, с общей длиной побережья 140–150 км. Это выраженная горная система: с запада на восток простирается центральная горная цепь, высшая точка которой – Pico Ruivo (1862 м), на втором месте – Pico do Areeiro (1818 м). На южном побережье

расположен утес Кабу-Жиран (Cabo Girão), самая высокая смотровая площадка в Европе (580 м) со стеклянным полом, собирающая до 1800 посетителей в день. На склонах гор в глубоких долинах (barrancos) [4] сформировались микроклиматические урочища с экзотической растительностью, что особенно привлекает туристов. С Мадейрой резко контрастирует остров Порту-Санту с уплощенным рельефом, мягким климатом (средний температурный максимум – +22°C, минимум – +16°C).

С 2010 г. прослеживается неуклонная тенденция к снижению численности населения региона: от 267785 человек (2011 г.) до 256424 (2015 г.) и 253624 (2017 г.), что связано с европейским долговым кризисом [11]. Большинство населения проживает на острове Мадейра, где плотность населения также понизилась за последние годы с 337 до 319,9 человек/км² (2015 г.). При этом Фуншал, столица автономии, население которого к 2017 г. сократилось со 130000 до 112000 человек, при плотности 1386 жителей/км², продолжает доминировать среди других населенных пунктов (45,0 %), кроме него выделяется только Сâmara de Lobos (35000 человек). Характерно, что 75,0 % всего населения сосредоточено лишь на 35,0 % территории острова, преимущественно на южном побережье; это основная зона экономической активности и там находится большинство отелей. На Порту-Санту проживает около 4500 человек, а плотность населения составляет 112 человек/ км²; сегодня этот остров представляет собой одну из наиболее перспективных зон развития туризма в мировом масштабе.

Биологическое разнообразие и охраняемые природные территории

Для Мадейры как части Макаронезии даже при обедненном составе биоты после длительного интенсивного антропогенного воздействия характерен очень высокий уровень биоразнообразия (по сравнению с другими европейскими регионами) с присутствием ряда эндемичных и реликтовых видов, сохранившихся с третичного периода. Островные условия видообразования способствовали формированию различных подвидов, размеров и форм растений и животных [1]. С этих позиций среди наземных и пресноводных организмов внимание специалистов (в работе над проектами по инвентаризации биоты Макаронезии участвовало около 90 таксономистов) [14] привлекают грибы, лишайники, мохообразные, плоские, круглые и кольчатые черви, членистоногие и позвоночные. В общей сложности наземные таксоны насчитывают 7452 вида и 421 подвид; доминируют членистоногие (51,0 %) и растения (вместе с грибами) (42,0 %). На долю эндемиков приходится 1286 видов и 182 подвида (19,0 % всей островной биоты), 84,0 % из них – животные: членистоногие (979 видов) и моллюски (291 вид; 70,0 % моллюсков Мадейры – эндемики).

Для сохранения уникального природного наследия необходимо формирование организованной научно-правовой структуры. С этой целью с октября 1982 г. около 67,0 % территории архипелага объявлены Региональным Правительством Мадейры заповедными с различным уровнем охраны. В их состав входят лес Лаурисилва, природные морские заповедники Гаражау (Garajau), Роша ду Нави (Rocha do Navio) и Порту-Санту (Porto Santo), Природный Парк Мадейры (Madeira Natural Park), природные морские заповедники на островах Ильяш-Дезерташ (Ilhas Desertas) и Селваженш (Selvagens). Происходит постоянное расширение охраняемых территорий путем формирования экологических парков, примыкающих к заповедникам.

Особенности экономического положения Мадейры и туризм

Благополучие и устойчивое развитие Мадейры зависит от ряда компонентов. Архипелаг – автономный регион Португалии с июля 1976 г., страны, которая входит в Евросоюз и в Организацию экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD), пользуясь всеми преимуществами этих структур. Экономика Мадейры базируется на международных связях и ориентированной на них сфере обслуживания. Основные источники доходов – туризм и деятельность International Business Centre of Madeira (Madeira Free Zone), который был организован в 1980-х гг. и представляет собой инструмент развития автономии; в его задачи входят модернизация, оптимизация и обеспечение поставок товаров и услуг, создание благоприятного климата для привлечения финансирования и ведения бизнеса.

Другие ключевые отрасли хозяйства тесно связаны с рекреационно-туристическим комплексом. Вклад сельскохозяйственного сектора значительно меньше, его основная продукция – бананы (а также манго и папайя), производимые для местных рынков и материковой Португалии, и вина Мадейры, известные во всем мире. Промышленность представлена кустарными производствами, художественной вышивкой, производством ковровых и плетеных изделий, гобеленов, которые ориентированы на туристов или экспорт. Положение в пищевой промышленности (мукомольные предприятия и пекарни, молочная продукция, кондитерские и табачные изделия, производство пива и виноделие) и гражданском строительстве в основном определяется потребностями рекреации и внутреннего рынка. Рыболовство обеспечивает только 0,64 % занятости и 0,71 % ВВП и имеет ограниченное значение (Câmara de Lobos и Caniçal) [12].

Развитие Мадейры рассматривается с точки зрения формирования будущего потенциала на основе стимулирования инвестиций при совершенствовании системы расширения сети отелей (в 2015 г. их было 225, из них около 100 четырех- и пятизвездочных, это самая высокая концентрация в Португалии) и поставок продуктов питания. На протяжении последних лет региональная экономика утвердилась на международном уровне как конкурентоспособная. Реальное стабильное улучшение положения, благодаря финансовой поддержке Евросоюза, обозначает позитивные тенденции, динамичный экономический рост. Мадейра относится к одному из семи «удаленных» регионов Европы, помощь которым из европейских фондов, включая Европейский сельскохозяйственный фонд для развития аграрных районов European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD) и Европейский фонд рыболовства European Fisheries Fund (EEF), составила 7,7 млрд € (2000–2006 гг.) и 7,8 млрд € (2007–2013 гг.). Кроме преодоления экономических и энергетических (создание многоцелевой электростанции в долине Socorridos на Мадейре) кризисных явлений, решения продовольственных задач (в т. ч. производства вин и кондитерских изделий Мадейры), проблем, связанных с климатическими явлениями, развития транспортной сети, предусмотрены развитие океанографии, высокопродуктивного сельского хозяйства, утилизация отходов и сохранение биоразнообразия. Но охрана природы рассматривается как важнейшая задача привлечения туристов на Мадейру.

Политическая стабильность и связи с Евросоюзом позволяют преодолеть экономическую отсталость. Стоимость жизни сравнительно ниже, чем других в частях Европы, это касается цен на большинство товаров, объекты недвижимости,

аренду, продукты питания и напитки, а также на участие в развлекательных мероприятиях. В конечном итоге расходы туристов из Западной Европы на Мадейре вдвое ниже, чем дома.

Новая ситуация позволила изменить многолетние эмиграционные процессы, связанные с поиском работы, и ежегодно снижать безработицу – 9,3 % в третьем квартале 2017 г., по данным Labour Force Survey (<https://estatistica.madeira.gov.pt/>), прежде всего в возрастной группе от 25 до 44 лет. По сравнению с 1990-ми гг. занятость возросла на 5,0 % за счет сектора услуг, уровень женского трудоустройства достиг 41,8 % (2004 г.), но остается ниже среднеевропейского (в Евросоюзе 60,0 %). Благодаря инвестициям, возрос уровень базового среднего и высшего образования и, соответственно, упало число неквалифицированных рабочих: по крайней мере, трое из четверых безработных не имеют среднего образования. Сфера обслуживания вносит максимальный вклад в формирование региональной валовой добавленной стоимости. В 1988 г. ВВП на душу населения составлял 39,9 % от среднеевропейского, через десять лет – 57,5 %, а в 2009 г. – 85,0 %, что выше, чем в большей части Португалии. Только рекреационно-туристический комплекс обеспечивает 28,0 % регионального ВВП и оказывает поддержку для развития торговли, транспорта, формирования недвижимости и местного рынка: остров Porto Santo, благодаря климату, пляжам, туризму и условиям отдыха, демонстрирует значительный рост потенциальных возможностей размещения прибывающих [10].

Действующие проекты – формирование дорожной сети и усовершенствование инфраструктуры – связаны с обслуживанием туристов. Например, Via Rapida (VR1) – первая автострада на Мадейре от Ribeira Brava до Porto do Caniçal протяженностью 44 км (27 развязок и 30 тоннелей), завершенная в 2005 г., обеспечила быстрое сообщение между Фуншалом и Международным аэропортом Мадейры (также известна как Cota 200). С апреля 2017 г. эта дорога продлена на 3,7 км до Câmara de Lobos как VR2 (4 развязки и 3 тоннеля); ее строительство профинансировано Европейским региональным фондом развития (European Regional Development Fund, ERDF).

В дальнейшем скоростные трассы были проложены от Фуншала до Сантаны и Ribeira Brava, а далее до Ponta do Pargo на юго-западе острова (2006 г.), но программа по обеспечению связи аэропорта со всеми частями острова этим не ограничивается. Благодаря проводимым мероприятиям, села становятся привлекательнее для туристов (обновление и реставрационные работы в Porto Moniz, включая эспланады, дороги и развязки, цветочные декорации, 2004 г.).

С помощью тоннелей обновлена северная прибрежная дорога от Sao Vicente до Porto Moniz; но при этом старая дорога остается доступной и рекомендуемой для туристов. Цены на жилье и питание в Porto Moniz заметно ниже, чем в Фуншале, это может привлечь туристов, несмотря на относительно худшие климатические условия.

Для привлечения туристов созданы искусственные песчаные пляжи Ribeira Brava и Calheta, заполненные песком из Сахары, т. к. природных на острове практически нет, кроме пляжей острова Porto Santo (9 км) и небольших участков в Prainha (бухта близ Sao Lourenco).

Быстро растут цены на недвижимость: 170000–200000 € за домовладение, что не очень дорого по западноевропейским стандартам. В последние годы из-за европейского долгового кризиса, который сильнее всего отразился на экономике

периферийных стран, включая Португалию (2008–2013 г.) [11], происходило варьирование экономических показателей. В 2010 г. ВВП Мадейры составил 5224 млрд € при доходе 21100 €/на душу населения, в 2013 г. соответственно 4041 и 15400, а после 2015 г. отмечается стабильный рост этих данных. По крайней мере, к 2015 г. доход уже составил 16148 €/на душу населения, а к 2016 г. – 17000 € при среднемесячном доходе жителя Мадейры 600 €.

Некоторые характерные черты туризма Мадейры

Экологическая безопасность. Занимая ведущие позиции среди наиболее предпочтительных туристических направлений, в 2018 г. Мадейра стала обладателем 14 голубых флагов, которые присваиваются Фондом экологического просвещения (Foundation for Environmental Education, FEE) за качество воды, безопасность, экологическое просвещение и информацию. Голубой флаг предназначен для оценки пляжей, состояния морской среды и водного туризма, соответствующих высоким стандартам состояния окружающей среды. Флаги были распределены между девятью муниципалитетами Мадейры и Порто-Санто.

Туристические направления. Охватывают практически весь архипелаг (в общей сложности тысячи км), за исключением зон, требующих оформления особого разрешения.

Существующие маршруты имеют различные уровни сложности, некоторые из них нуждаются в специальной подготовке туриста, оборудовании и снаряжении. Однако каждый может подобрать для себя соответствующий вариант, принимая во внимание свои возможности как физические, так и материальные.

Анализ пешеходных и автобусных экскурсий и походов достаточно интересен и нуждается в отдельной публикации. Здесь мы ограничимся перечнем наиболее популярных из них. В первую очередь, это Лаурисилва, путешествия по левадам с различной степенью сложности и долина Монахинь.

Не менее интересны экскурсия на Cabo Gira со стеклянной площадкой, включающая виды на горы и долины и знакомство с геологическими формациями, в восточную часть острова с подъемом на Pico do Arieiro и прогулками по левадам.

Великолепные ботанические сады и парки – визитная карточка острова – также привлекают практически всех гостей острова не только с познавательной точки зрения, но и как произведения искусства.

Морские экскурсии включают выходы в море на яхтах, наблюдения за китообразными с катамарана (пять раз в сутки) – Dolphin-Whale Watching, круизы вокруг Мадейры и на Порто-Санто.

Для туристов существуют многочисленные культурные программы, связанные с посещениями музеев, исторических достопримечательностей, участием в концертах, народных фестивалях и праздниках.

Спортсменов привлекают подводное плавание, рыбная ловля (там, где это разрешено), игра в гольф (всемирной известностью пользуются два поля).

Посещаемость Мадейры туристами из разных стран. Формирование туристической индустрии острова началось еще в XIX веке [9]. Но создание современного рекреационно-туристического комплекса стало возможным только после открытия международного аэропорта в Санта-Круш (Santa Cruz) в 1964 г. Сегодня 73 авиалинии связывают аэропорт Мадейры с европейскими странами, а в летнее время еще и 59 дополнительных чартерных рейсов.

Большинство туристов, проводящих время на Мадейре, – жители стран Европы, причем основная масса прибывает из Португалии, Германии,

Великобритании и Франции. Как правило, ежегодно остров посещает около миллиона гостей (табл. 1).

Таблица 1.
Число туристов из некоторых европейских стран, посетивших Мадейру (2005–2018 гг.)

А. 2005–2009 гг.

Страны	Годы				
	2005	2006	2007	2008	2009
Португалия	250146	261773	264068	243426	283080
Германия	183437	203049	214750	200306	182497
Великобритания	236202	213844	224983	283142	192232
Франция	52693	63568	71008	90478	88764
Россия	3007	4065	5179	7925	7329
Всего	1011080	1062842	1128586	1176437	1058410

Б. 2010–2014 гг.

Страны	Годы				
	2010	2011	2012	2013	2014
Португалия	280146	235978	188554	197676	217665
Германия	166793	174716	191147	204253	219501
Великобритания	179931	205303	172753	205351	222221
Франция	71368	102317	118320	131857	134834
Россия	9942	15480	17433	21549	15947
Всего	976359	1036864	994767	1082750	1140250

В. 2015–2018 гг.

Страны	Годы			
	2015	2016	2017	2018*
Португалия	2242361	263492	2714433	59072
Германия	241471	273031	294564	76207
Великобритания	260 631	305275	309569	65873
Франция	133942	132340	132313	25206
Россия	9271	8297	9712	2334
Всего	1216741	1365209	1435551	328423

* с января по март включительно

Составлено по: [15]

Число российских туристов стабильно находится в пределах 10–20 тыс., но их посещение архипелага носит постоянный характер.

Из других европейских стран направление пользуется популярностью в Нидерландах, Испании, Бельгии, Финляндии, а за пределами Европы – в Бразилии, США, Израиле и ЮАР, но прибывающих оттуда на остров значительно меньше. Ежегодно регистрируются два пика посещаемости архипелага, которые приходятся на апрель и август. Средний период пребывания туриста на архипелаге – 5,2–5,6 суток, однако этот показатель варьирует в зависимости от страны прибытия, цели путешествия, материальных возможностей, уровня жизни в различных местах,

стоимости перелета и тура и, вероятно, от традиционной специфики отдыха. Время, проведенное на архипелаге туристами в 2005–2017 гг. из Португалии, – 3,0–3,3 суток; из Германии – 6,6–7,2; из Великобритании – 6,2–6,7; из Франции – 4,2–5,3, а из России – 6,3–8,7 (2005–2014 гг.) и 4,11–4,15 (2016–2017 гг.) суток.

Суточная стоимость проживания в отелях меняется в зависимости от сезона – от 18–25 в январе до 42–46 € в августе.

Постоянно растет популярность круизов: в 2007 г. – 325597 пассажиров; в 2008 г. – 394960; в 2009 г. – 426433; в 2010 г. – 485474; в 2011 г. – 526957; в 2012 г. – 581661; в 2013 г. – 472362; в 2014 г. – 473410; в 2015 г. – 574774; а в 2016 г. – 517425 пассажиров [12; 15]. На протяжении года интенсивность круизных перевозок неоднократно меняется: максимумы наблюдаются в апреле (41015–75346 пассажиров), в октябре (42399–71724), в ноябре (52548–83305) и в декабре (58435–81815 пассажиров) [12; 15]. Соотношение между участниками круизных мероприятий из разных стран также неоднородно (табл. 2).

Таблица 2.

Участие туристов из разных стран в круизах

Страны	Годы				
	2012	2013	2014	2015	2016
Португалия	2246	3069	3463	1219	612
Германия	159071	149062	180855	187007	178058
Великобритания	233058	176481	160714	211525	207327
Франция	17735	12294	13713	16799	13407
Россия	2910	2999	2834	3073	2442
Всего	581048	471565	472534	574774	517425

Составлено по: [15]

Большинство прибывающих туристов останавливается в отелях Фуншала, предпочитая традиционное времяпрепровождение. Однако в последние годы свою нишу завоевывают зеленый и сельский туризм (*rural tourism*). Тысячи гостей отдают предпочтение не только экскурсиям по труднодоступным районам, но и хотели бы там находиться, почувствовать вкус необычной жизни, испытать незнакомые ощущения и т. д. Их пока немного по сравнению с приверженцами массового туризма, но приведенные материалы демонстрируют определенную тенденцию (табл. 3).

Выводы

На протяжении последних лет Мадейра стала одним из приоритетных направлений в европейском туризме (около 1 млн человек в год).

Важнейшим фактором успешного развития рекреационно-туристического комплекса архипелага служат экологическая безопасность и эффективная охрана окружающей среды, международные связи и совершенствование инфраструктуры.

Сохранение природно-культурного и традиционно-исторического наследия представляет собой основу устойчивого развития региона.

Заинтересованность местного населения в охране окружающей среды и разумном природопользовании гарантирует успешное развитие заповедного дела, несмотря на интенсивное антропогенное воздействие на экосистемы в прошлом.

Формирование системы заповедных объектов с различным уровнем охраны, охватывающей значительную часть территории, способствует привлечению туристов.

Таблица 3.

Агротуризм и пребывание в труднодоступных районах архипелага Мадейра (чел.)

А. 2005–2010 гг.

Страны	Годы					
	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Португалия	4010	5000	6753	4494	4920	4913
Германия	20308	18759	20040	18910	18010	13865
Великобритания	4127	2785	2401	3216	1805	1236
Франция	2422	2984	2179	2423	3547	2662
Россия	Нет данных					
Всего	48062	47903	49623	47983	42974	36810

Б 2011–2016

Страны	Годы					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Португалия	3913	1470	1907	1728	1877	1960
Германия	15869	3671	4506	5652	6366	8190
Великобритания	1984	509	461	656	926	1167
Франция	4394	2090	2467	3009	3549	4552
Россия	Нет данных					
Всего	43719	12119	13770	15745	18091	22436

Составлено по: [15]

Литература

1. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Комментарии А. В. Яблокова и Б. М. Медникова. М.: Просвещение, 1987. 383 с.
2. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». М.: Советская Россия, 1976. 608 с.
3. Станюкович К. М. Вокруг света на «Коршуне». Государственное издательство географической литературы. М., 1953. 390 с.
4. Sziemer P. Madeira's Natural History in a Nutshell. Francisco Ribeiro & Filhos, LDA. Funchal. 2010. 288 p.
5. Montonen A. Madeira in a Nutshell: Sights in Madeira and Porto Santo. Eura Prini Oy. Eura, Finland. 2015. 285 p.
6. Leitão C. Madeira: The Book. Funchal Publications, 2007. 240 p.
7. Lipps S. Madeira: A Botanical Melting Pot!. Oliver Breda Verlag, Duisburg, 2012. 206 p.
8. Остальский А. В. Иностранец на Мадейре. СПб: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. 351 с. Серия «Клуб путешественников».
9. Реклю Э. Земля и люди: Всеобщая география. Книга седьмая. Т. 12. С.-Петербург, 1898. Глава I. Атлантический архипелаг. Мадейра. С. 61–80.
10. Kramer E. Economic, Social and Territorial Situation of Madeira (Portugal): Regional Development. Policy Department Structural and Cohesion Policies European Parliament B-1047. Brussels, 2009. 42 p.

11. Кризис в зоне евро: причины и последствия для евроатлантического региона: Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI), июль 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 34 с
12. Anuário Estatístico da Região Autónoma da Madeira-2017. Funchal, 2017. 478 p.
13. Capelo J., Sequeira M., Jardim R., Mesquita S., Costa J. C. The vegetation of Madeira Island (Portugal). A brief overview and excursion guide // Quercetea. 2005. 7. P. 95–122, ALFA, Lisboa. Portugal
14. Borges P., Abreu C., Aguiar A. et al. (eds.). A list of the terrestrial fungi, flora and fauna of Madeira and Selvagens archipelagos. 2008. 440 p.
15. Estatísticas do Turismo da Região Autónoma da Madeira, Resultados Provisórios / Direção Regional de Estatística da Madeira. Funchal: D.R.E.M., 2003-2017. Anual Estatísticas do Turismo da Região Autónoma da Madeira. 175 p.

Gol'din E. B.

Madeira Archipelago: Nature conservation and tourism

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Academy of bioresources and nature management, Russian Federation, Simferopol
e-mail: evgeny_goldin@mail.ru

Abstract. Formation and today state of recreational and touristic complex of /Madeira were analysed. The main role in archipelago economy, tourist attraction, and steady local development belong to the ecological well-being and nature conservation. Factors of influence were estimated, including natural and ecological as well as social and economical ones. Their perspectives and problems were elucidated.

Key words: Madeira, recreational and touristic complex, nature conservation, biodiversity, insular areas, natural and cultural heritage, traditions.

References

1. Darwin C. On the Origin of Species by Means of Natural Selection. London. John Murray, Albemarle Street, 1859. 502 p. (in Russian).
2. Goncharov I. A. Fregat "Pallada" [Frigate "Pallada"]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1976. 608 p. (in Russian).
3. Stanykovich K. M. Vokrug sveta na «Korshune» [Around the World on "Korshun"]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo geograficheskoi literatury. M., 1953. 390 p. (in Russian).
4. Sziemer P. Madeira's Natural History in a Nutshell. Francisco Ribeiro & Filhos, LDA. Funchal. 2010. 288 p. (in English).
5. Montonen A. Madeira in a Nutshell: Sights in Madeira and Porto Santo. Eura Prini Oy. Eura, Finland. 2015. 285 p. (in English).
6. Leitão C. Madeira: The Book. Funchal Publications, 2007. 240 p. (in English).
7. Lipps S. Madeira: A Botanical Melting Pot!. Oliver Breda Verlag, Duisburg, 2012. 206 p. (in English).
8. Ostal'sky A. V. Inostranets na Madeire. [Foreigner on Madeira]. SPb: «Amphora», 2015. 351 p. (in Russian).

9. Reclus É. Zemlya i lyudi. Vseobshchaya Geografija. (Earth and People. General geography. 7, 12. Chapter I. Atlantic Archipelago. Madera). 1. S.-Pb, 1898. P. 61-80. (in Russian).
10. Kramer E. Economic, Social and Territorial Situation of Madeira (Portugal): Regional Development. Policy Department Structural and Cohesion Policies European Parliament B-1047. Brussels, 2009. 42 p. (in English).
11. Crisis v eurozone [Crisis in Euro Zone] (EASI), July 2010. M.: IMEMO RAN, 2010. 34 p. (in Russian).
12. Anuário Estatístico da Região Autónoma da Madeira-2017. Funchal, 2017. 478 p. (in Portugal).
13. Capelo J., Sequeira M., Jardim R., Mesquita S., Costa J. C. The vegetation of Madeira Island (Portugal). A brief overview and excursion guide // Quercetea. 2005. 7. P. 95–122, ALFA, Lisboa. Portugal (in English).
14. Borges P., Abreu C., Aguiar A. et al. (eds.). A list of the terrestrial fungi, flora and fauna of Madeira and Selvagens archipelagos. 2008. 440 p. (in English).
15. Estatísticas do Turismo da Região Autónoma da Madeira, Resultados Provisórios / Direção Regional de Estatística da Madeira. Funchal: D.R.E.M., 2003-2017. Anual Estatísticas do Turismo da Região Autónoma da Madeira. 175 p. (in Portugal).

Поступила в редакцию 18.06.2018 г.

УДК 911.3: 338.48:551.422

Гуров С. А.¹

Молчанова Е. А.²

Географические тенденции развития туризма в экзотических островных дестинациях

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: ¹gurrov@mail.ru; ²catherine97m@mail.ru

Аннотация. Конкретизировано понятие «экзотический остров». Выявлены преимущества развития туризма в экзотических островных дестинациях. Определены факторы, влияющие на зависимость экономики экзотических островов от развития туризма. Типизированы экзотические островные дестинации по динамике развития туризма и объему туристского потока. Исследованы особенности развития туризма на экзотическом острове на национальном уровне на примере острова Шри-Ланки.

Ключевые слова: экзотика, острова, экзотический остров, дестинация, туристский поток.

Введение

Экзотические острова обладают уникальными природными ресурсами, возможностями организации специфических видов рекреационной деятельности, привлечения большого количества туристов. На островах должны быть созданы условия для организации не только купально-пляжного туризма, но и для разнообразного активного отдыха.

Острова обладают рядом природных особенностей, которые играют положительную роль в привлечении внимания рекреантов. Большинство островов выделяются высокой степенью пейзажной насыщенности, уникальными ландшафтами, эндемичной растительностью, что обусловлено их изолированностью. Также очень важны физико-географическое положение и размеры острова, которыми определяется климат территории, один из важных критериев туристской оценки местности. Вопросам рекреационно-географического изучения островов уделено недостаточно внимания в научной литературе, чем и обусловлена актуальность данной публикации.

Цель статьи – проанализировать тенденции развития туризма в экзотических островных дестинациях.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: литературно-аналитический, географический, сравнительный, классификации и типизации, статистический. Информационную базу исследования составили: материалы Всемирной туристской организации (ЮНВТО); данные Управления по развитию туризма острова Шри-Ланка; Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне, а также публикации в отечественных и зарубежных журналах научного и прикладного характера.

Алгоритм исследования включил следующие этапы:

1. конкретизация понятия «экзотический остров» для определения границ объекта исследования;
2. выявление преимуществ развития туризма в экзотических островных дестинациях;
3. определение факторов, влияющих на зависимость экономики экзотических островов от развития туризма;
4. типизация экзотических островных дестинаций по динамике развития туризма и объему туристского потока;
5. изучение развития туризма на экзотическом острове на национальном уровне (на примере острова Шри-Ланка, где развитие туризма наиболее динамично).

Результаты и обсуждение

Понятие экзотического острова как объекта туристского бизнеса

Туризм на океанических островах начал развиваться в начале XX века, хотя в это время их посещаемость носила индивидуальный характер. Более массово рекреационная деятельность на островах стала развиваться после Второй мировой войны, несмотря на то, что по началу ООН этого не одобряла, поскольку большинство островов были не пригодны для посещения. В 1970-е годы курорты и туры на острова стали пользоваться большой популярностью. Значительным спросом пользовались экзотические туры на острова Тихого океана и Юго-Восточной Азии [1]. В настоящее время отдых на экзотических островах отличается разнообразием выбора средств размещения, освоением нишевых видов туризма, широким спектром услуг.

Острова могут кардинально различаться по предлагаемым развлечениям, организационным возможностям и природным особенностям. При всем разнообразии ресурсов и специфических особенностях экзотические острова являются неотъемлемой частью организации туристического бизнеса.

Чтобы сформулировать понятие «экзотический остров», следует разобраться с такими понятиями, как «остров» и «экзотика». Авторы научных публикаций и энциклопедий определяют данные понятие следующим образом (табл. 1; табл. 2).

Таблица 1.

Понимание термина «остров»

Источник	Определение
Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне, 1961 г.	Естественно образованное пространство суши, окруженное водой и расположенное над уровнем наибольшего прилива
Современная энциклопедия, 2000 г.	Участок суши, окруженный со всех сторон водами океанов, морей, озер, рек. От материков отличаются относительно небольшими размерами

Составлено по [2; 3]

Таблица 2.

Понимание термина «экзотика»

Источник	Определение
Большой современный толковый словарь русского языка, 1998 г.	То, что характерно для природы, быта, культуры отдаленных, малоизвестных стран и что кажется необычным, причудливым для тех, кто это воспринимает
Современный словарь иностранных слов. Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология, 2001 г.	Причудливые, необычайные особенности (природы, обычаев, искусства и т. п.) отдалённых или малоизвестных стран

Составлено по [4; 5]

Проанализировав термины «остров» и «экзотика», мы можем сделать вывод, что под экзотическим островом следует понимать участок суши, окруженный со всех сторон водой, который имеет определенные ресурсы, являющиеся необычными для жителей других регионов.

Для использования экзотических островов в туристских целях необходимо учитывать следующие преимущества:

- богатый природно-рекреационный потенциал;
- развитие как основных видов туризма, так и экзотических;
- благоприятная экологическая обстановка.

В туристском продукте, реализуемом на экзотических островах, должно все идти в одном комплексе: от природных условий до обслуживания в отелях. Исходя из предлагаемых услуг на островах, составлена таблица, отражающая типизацию экзотических островов по уровню развития туризма (табл. 3).

Таблица 3.

Типизация экзотических островов по уровню развития туризма

Уровень развития	Условия	Примеры
Высокий	Высокий уровень предоставления средств размещения, хорошо освоенные туристские ресурсы территории, высокий показатель ежегодных туристских прибытий	Сейшельские острова, Бора-Бора, Мальдивы, Гавайи, Таити, Барбадос
Средний	Богатое природное и историческое наследие, не в полной мере освоены и приняты во внимание имеющиеся ресурсы территории	Шри-Ланка, Фиджи, Ко-Липе, Лангкави, Бонайре, Кайо-Гильермо, Кайо-Ларго
Низкий	Слабо развитая сфера туризма, в особенности проблемы с инфраструктурой	Ломбок, Нукупуле, Кэролайн, Кайо-Коко

Составлено автором

Общемировые тенденции развития туризма на экзотических островах

Островной туризм в настоящее время является важной составляющей мировой экономики, которая удовлетворяет потребности его участников с помощью природных и антропогенных ресурсов в пределах островных дестинаций, продвигает создание средств размещения и других элементов социальной инфраструктуры. На островах интегрируются живописные места и городская инфраструктура, происходит ее функциональная модернизация. Наряду с такими традиционными видами туризма, пользующимися популярностью на экзотических островах, как купально-пляжный, экскурсионно-познавательный, этнографический и зеленый туризм, в последнее время все активнее распространяется событийный туризм, в частности музыкальный туризм [6]. Особый интерес у туристов в последнее время стали вызывать фестивали традиционных песен и танцев океанийцев.

Доля расходов на поездки и занятость в туризме в масштабах всей экономики, расходы на внутренний туризм, расходы на бизнес-поездки, на капитальные инвестиции в туризм варьируют в пределах экзотических островов весьма существенно. Процент вклада туризма в ВВП островных территорий зависит от двух главных факторов:

1. уровень развития туризма на острове (объем туристского потока, состояние туристской индустрии, качество обслуживания и др.) – прямо пропорциональная зависимость;

2. наличие других видов хозяйственной деятельности (промышленность, сельское хозяйство и др.) – обратно пропорциональная зависимость. Так, например, на популярном у туристов острове Шри-Ланка, где очень развито производство чая и каучука, удельный вес туризма в ВВП всего 11,4 % [7].

Однако наибольшая часть экзотических островных дестинаций не отличается разнообразием видов хозяйственной деятельности и очень сильно зависят от туризма (табл. 4).

Таблица 4.

Островные государства, лидирующие по удельному весу туристской отрасли в ВВП

Остров	% вклада туризма в общий ВВП на 2016 год
Мальдивы	79,4
Антигуа и Барбуда	60,4
Сейшельские острова	58,1
Багамские острова	44,8
Фиджи	40,4
Барбадос	39,9
Доминика	34,7

Составлено по данным ЮНВТО [7]

На основе статистических данных Всемирной туристской организации (ЮНВТО) можно проследить тенденции, уровень и скорость развития островного туризма, который быстрыми темпами начал развиваться с начала XXI века. Создание и направленность международных туристских потоков на экзотические острова являются результатом их социально-экономического развития,

рекреационно-ресурсного потенциала и особенностей транспортно-географического положения относительно основных стран и районов туристского спроса. Последний фактор наиболее важен. Им, в частности, объясняется, почему на остров Шри-Ланка в последнее время приезжает в 10 раз больше туристов, чем на Сейшельские острова (рис. 1).

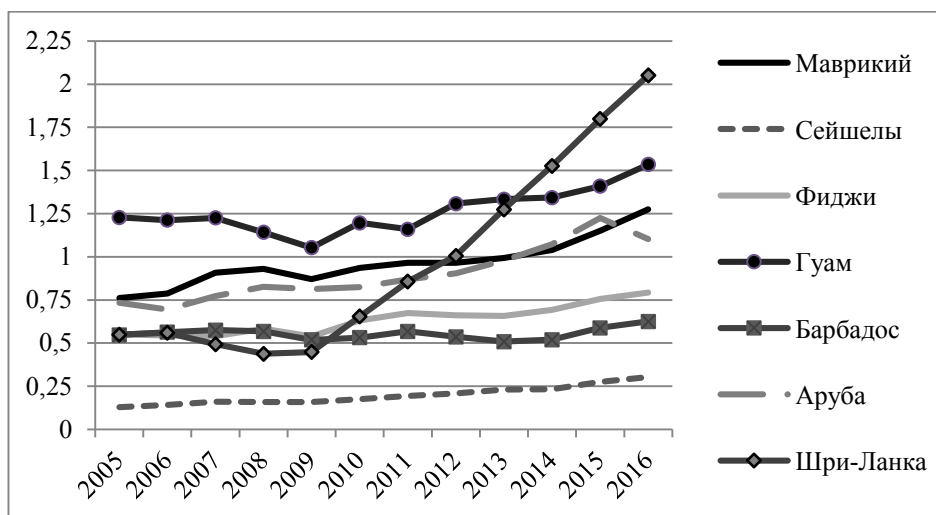

Рис. 1. Динамика туристских потоков на отдельные экзотические острова, млн чел. Составлено по данным ЮНВТО [7]

Исходя из представленных данных, можно условно разделить экзотические острова по динамике развития туризма и объему туристского потока на пять групп:

1. экзотические острова со стабильно низким показателем туристских прибытий – их ежегодно посещает менее 0,5 млн рекреантов (Сейшельские острова, еще меньше туристов приезжает на Коморские, Соломоновы, Маршалловы острова);

2. экзотические острова со стабильным средним для островных дестинаций показателем туристских прибытий – их ежегодно посещает 0,5–1 млн рекреантов (Барбадос, Фиджи);

3. экзотические острова со стабильным высоким для островных дестинаций показателем туристских прибытий – их ежегодно посещает более 1 млн рекреантов (Гуам);

4. экзотические острова с умеренно динамичным развитием туризма – туристский поток на эти острова в XXI веке увеличился в 1,5–2 раза и в настоящее время превышает 1 млн рекреантов (Маврикий, Аруба);

5. экзотические острова с очень динамичным развитием туризма – туристский поток на эти острова в XXI веке вырос более чем в 2 раза, еще в начале века он был очень низким, а в настоящее время высокий. Ярким примером является Шри-Ланка, увеличившая туристский поток за 10 лет в 4 раза. Это беспрецедентный случай, требующий особого изучения.

Развитие туризма в экзотической островной дестинации на примере о.Шри-Ланка

Остров Шри-Ланка располагается в Южной Азии. Климат Шри-Ланки в основном жаркий и влажный, однако, в горных районах – прохладный. На побережьях острова наблюдаются отличия в погодных условиях (табл. 5).

Таблица 5.

Сезоны отдыха на побережьях острова Шри-Ланка по месяцам

Месяцы	Юго-Запад	Северо-Восток
Январь		
Февраль		
Март		
Апрель		
Май		
Июнь		
Июль		
Август		
Сентябрь		
Октябрь		
Ноябрь		
Декабрь		

Высокий сезон	Межсезонье	Низкий сезон
---------------	------------	--------------

Составлено по данным Управления по развитию туризма о. Шри-Ланка [8]

Шри-Ланка считается страной абсолютной экзотики. Это древнейшая страна, которая имеет богатую историю и глубокие традиции. Она является мировым центром буддизма с великолепными памятниками мировой религии.

Шри-Ланка располагает широкой сетью отелей: от роскошных пятизвездочных с широким диапазоном услуг до комнат в частном доме. Выделяя средства размещения различной категории, можно сказать, что более распространены отели 1* и 3*. А среди курортов большим количеством средств размещения обладают Галле, Коломбо и Канди [8] (табл. 6).

Шри-Ланка обладает множеством пляжей и курортов. Наибольшее число курортов Шри-Ланки расположены на западе и юге острова благодаря особенностям отличия погодных условий. Курорты северо-восточного побережья на данный момент только набирают свою популярность, однако следует обратить внимание, что там практически нет инфраструктуры и отелей высокого класса, курорты расположены довольно далеко от аэропорта. Самыми посещаемыми курортами являются Бентота, Хиккадува, Галле, Негомбо [8].

Ежегодно турпоток на Шри-Ланку существенно увеличивается (рис. 1) и в 2017 году составил 2,3 млн рекреантов. Курорты острова привлекают туристов широкими пляжами, отелями, разнообразием услуг и ориентированы на любой сегмент потребителей. Остров Шри-Ланка стал примером очень успешного развития туристской деятельности в экзотическом островном государстве. Беспрецедентное увеличение посещаемости за 10 лет более чем в 4 раза, безусловно, не останется без внимания у туристских администраций подобных дестинаций, которые также будут осуществлять попытки интенсификации рекреационной деятельности. В итоге это может существенно сказаться на структуре международного островного туризма.

Таблица 6.

**География средств размещения различной категории
на о. Шри-Ланка**

Курорт	Виллы	Отел и 5*	Отел и 4*	Отел и 3*	Отел и 2*	Отел и 1*	Хостелы	Апартаменты	Итого
Галле	61	8	44	44	39	86	15	20	317
Тангалле	14	15	9	7	14	25	5	10	99
Бентота	32	14	22	27	12	44	11	11	173
Коломбо	21	18	37	51	12	42	9	55	245
Негомбо	8	6	9	41	22	73	7	8	174
Нувар-Элия	8	7	12	13	13	6	19	9	86
Канди	26	6	20	36	26	148	21	12	295
Итого	170	74	153	219	138	424	87	125	

Составлено по данным Управления по развитию туризма о.Шри-Ланка [8]

Выводы

Островной туризм набирает большую популярность и особенно активно развивается последние 10 лет. Наблюдается тенденция устойчивого роста всех показателей мировой сферы островного туризма. Такой вывод подтверждается ежегодными положительными прогнозами экспертов Всемирной туристской организации.

Количество прибывающих туристов на экзотические острова не находится в прямой зависимости от туристского потенциала принимающих территорий. Обладая неизменным количеством туристских ресурсов и туристской инфраструктуры, острова ежегодно изменяют как темпы роста туристских прибытий и доходов, так и направления этого роста от положительного до отрицательного.

Для увеличения потока международных туристов на экзотические острова следует улучшить восприятие посетителей, необходимо, чтобы обслуживание соответствовало мировому классу и находилось в устойчивом состоянии, при этом сохранив естественный образ островов, которым присущи природные, культурные, исторические и социальные особенности сложившейся местности.

Литература

1. Александрова А. Ю. Международный туризм: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2014. 470 с.
2. Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900368>
3. Остров / Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-206-4.htm#zag-7937>

4. Экзотика / Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/tolk/131188.html>
5. Баш Л. М., Боброва А. В., Вячеслова Г. Л., Кимягарова Р. С., Сендровиц Е. М. Современный словарь иностранных слов. Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. М., 2001. 895 с.
6. Гуров С. А., Евдокимов В. В. Событийный туризм: бизнес-модель джазового фестиваля. // Бизнес и дизайн ревю. М., 2017. Т.1, №4 (8). С. 2–14.
7. UNWTO Tourism Highlights, World Tourism Organization. Издание 2017. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://media.unwto.org/ru>.
8. Официальный сайт Управления по развитию туризма на острове Шри-Ланка – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sltda.lk/>.

Gurov S. A. ¹
Molchanova E. A. ²

Geographical trends in the development of tourism in exotic island destinations

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Russian Federation, Simferopol,
e-mail: ¹gurov@mail.ru; ²catherine97m@mail.ru

Abstract: *The concept of «exotic island» is concretized. The advantages of tourism development in exotic island destinations are revealed. The factors influencing the dependence of the economy of the exotic Islands on the development of tourism are determined. Exotic island destinations are typified by the dynamics of tourism development and the volume of tourist flow. The features of tourism development on the exotic island at the national level on the example of Sri Lanka are investigated.*

Keywords: *exotic, Islands, exotic island, destination, tourist flow.*

References

1. Aleksandrova A.Yu. Mezhdunarodnyy turizm: Uchebnyk. M.: Aspekt Press. 2014. 470 p. (in Russian).
2. Konventsiya o territorialnom more i prilezhashchey zone [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900368> (in Russian).
3. Ostrov / Sovremennaya entsiklopediya [Electronic resource]. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-206-4.htm#zag-7937> (in Russian).
4. Ekzotika / Bolshoy sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka [Electronic resource]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/131188.html> (in Russian).
5. Bash L.M. Bobrova A.V. Vyacheslova G.L. Kimyagarova R.S. Sendrovits E.M. Sovremennyy slovar inostrannykh slov. Tolkovaniye. slovoupotrebleniye. slovoobrazovaniye. etimologiya. M. 2001. 895 p. (in Russian).
6. Gurov S.A., Evdokimov V.V. Sobytiynnyy turizm: biznes-model dzhazovogo festivalya. // Biznes i dizayn revyu. M. 2017. T.1. №4 (8). P. 2-14. (in Russian).
7. UNWTO Tourism Highlights. World Tourism Organization. Izdaniye 2017. [Electronic resource]. URL: <http://media.unwto.org/ru>. (in Russian).
8. Ofitsialnyy sayt Upravleniya po razvitiyu turizma na ostrove Shri-Lanka. [Electronic resource]. URL: <http://www.sltda.lk/>. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.06.2018 г.

УДК 504.03

Жгулёва О. А.

Крамчанинова А. Г.

**Структурирование и анализ
геокультурного пространства
территории национальных республик
Среднего Поволжья**

ФБГОУ ВО «Поволжский государственный
технологический университет», Российская
Федерация, г. Йошкар-Ола
e-mail: *shuma_7@mail.ru*

Аннотация. С целью наглядного представления и оценки структурной связанности элементов природно-культурного каркаса национальных республик Среднего Поволжья была использована модель в виде взвешенного геометрического графа, что позволило оценить фактор кластеризации исследуемой территории и вывить потенциальные «точки роста».

Ключевые слова: природно-культурный каркас, Среднее Поволжье, межрегиональные связи, природное и культурное наследие, графовая модель, кластеризация.

Введение

Осмысление культуры многонациональной страны представляется возможным путем изучения локальных (региональных) культурно-географических феноменов. В рамках данного исследования были изучены территории национальных республик Среднего Поволжья: Чувашии, Марий Эл и Республики Татарстан.

Цель представленной работы – структурирование и дифференциация геокультурного пространства территории национальных республик Среднего Поволжья. Прикладными задачами для достижения поставленной цели послужили создание принципиальной схемы природно-культурного каркаса (ПКК) региона, визуализация и анализ его структуры посредством графовой модели.

Тот факт, что развитие культуры обусловлено географическим пространством, конкретным для каждого региона, применительно к территории Среднего Поволжья был наиболее полно описан А. Ю. Титовой [1]. По мнению автора, именно *геопространство* выступает как первопричина и одновременно как постоянно действующее условие формирования культурных процессов территории. При этом важнейшим фактором, определяющим своеобразие культуры территории, представляется разнообразие этнокультур.

По мнению Е. И. Зеленева, субстанцией, предшествующей образу геокультурного пространства, является *геокультурное поле*. При этом геокультурный потенциал территории «питается» духовной энергией населения и географическими свойствами освоенного ими пространства [2].

Одним из наиболее сложно характеризуемых, но при этом значимых социальных факторов, влияющих на развитие территории, является нематериальное культурное наследие.

В настоящее время эффективным способом повышения экономической привлекательности регионов является развитие системы въездного и внутреннего

туризма. Ключевым направлением его интенсификации можно считать создание *туристских кластеров* (ТРК) как группы географически сконцентрированных предприятий, прежде всего, типичных для туристской сферы, объединенных прямыми и обратными связями, общей культурной и социальной средой [3]. Республика Татарстан, обладая колоссальным туристским потенциалом, продемонстрировала успешное создание туристского кластера. В результате проведения «Универсиады–2013» в Казани туристский кластер республики получил современную транспортную, гостиничную, спортивную инфраструктуру [4]. На примере городов Татарстана показано, как на основе сочетания нематериального культурного наследия и природных факторов можно сформировать привлекательный туристский маршрут [5].

Кроме того, в 2016 г. в Татарстане был представлен инвестиционный проект «Пять ветров», предполагающий создание еще 4 туристских кластеров на р. Волге и р. Каме. Формирование и развитие современных туристских кластеров на территории республики Марий Эл предполагает реализацию проекта «Царь-град» в прибрежной части столицы республики. К настоящему времени значительное число непосредственно туристических объектов и инфраструктуры кластера создано. Аналогичный проект под названием «Этническая Чувашия» реализуется в г. Чебоксары.

Материалы и методы

Известно, что для исследования систем оправдано применение концепции «каркаса». Это позволяет на первоначальном этапе в значительной степени структурировать имеющиеся данные о системе, а в последующем выявить тенденции в ее развитии и возможные трансформации.

В настоящее время теоретические и методологические основы концепции *природно-культурного каркаса* довольно четко сформулированы [6]. Основной набор его структурных элементов определен. Это *узловые элементы* – участки территории с максимально выраженной спецификой региона исследования, обладающие наибольшим информационным потенциалом, первично сформированные или созданные в местах сближения (пересечения) *линейных структур каркаса*, которые, в свою очередь, могут выполнять связующие, барьерно-распределительные, контактные и буферные функции.

Системно-структурный подход в изучении геокультурного пространства подразумевает первичное разбиение единой социосистемы региона исследования на природную и культурную подсистемы с последующим выявлением их отдельных компонентов.

В отличие от других видов сетей и сложных систем, *графовые модели* часто используются для математического представления экологических сетей и обеспечивают теоретическую основу для понимания и прогнозирования свойств сети [7]. Граф традиционно состоит из набора *узлов* и набора *ребер*, которые могут быть взвешены, т. е. определены с числовым атрибутом, связанным с ними, чтобы представить *силу связи* или стоимость ее обхода. *Структурная* связность чаще всего анализируется с помощью инструментов географической информационной системы (ГИС). Более успешным подходом к построению графовых моделей считается представление *функциональной* связности, т. е. фактически существующих или потенциальных вещественно-информационных потоков.

В ходе работ над геоинформационным представлением объектов природно-культурного каркаса исследуемой территории были определены набор и состав тематических слоев карты-схемы в ГИС и получена цифровая модель рельефа (ЦМР) по данным радарной интерферометрической съемки земной поверхности радиолокационным комплексом, представленной в виде 96-ти 16-битных растровых файлов (модель SRTM); внешняя ЦМР отдельных участков территории дополнена данными с картографических материалов.

С учетом специфики предмета и масштаба представления информации множественные памятники археологии были представлены площадными объектами – областями наибольшей их концентрации. Кроме того, отдельные ООПТ и перспективные охраняемые территории (ПОТ) были включены в состав более крупных ядер (в отличие от схем территориального планирования регионов, когда каждое ООПТ рассматривается как самостоятельное ядро). С целью упрощения задачи отображения и корректировки основные узловые и линейные элементы ПКК были прорисованы с помощью редактора API Яндекс.Карты (рис. 1).

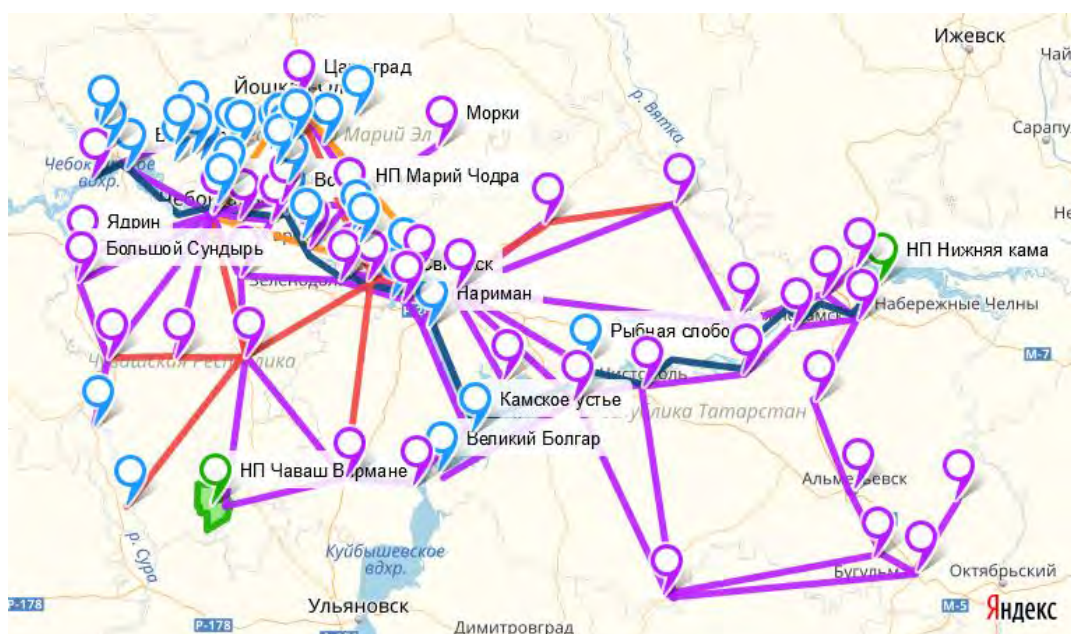

Рис. 1. Вид интерактивной схемы природно-культурного каркаса Среднего Поволжья в редакторе API Яндекс.Карты. Составлено авторами

Полученные данные были конвертированы в форматы .KML и .XLSX для обработки в ГИС Карта 2011 и MS Excel (рис. 2).

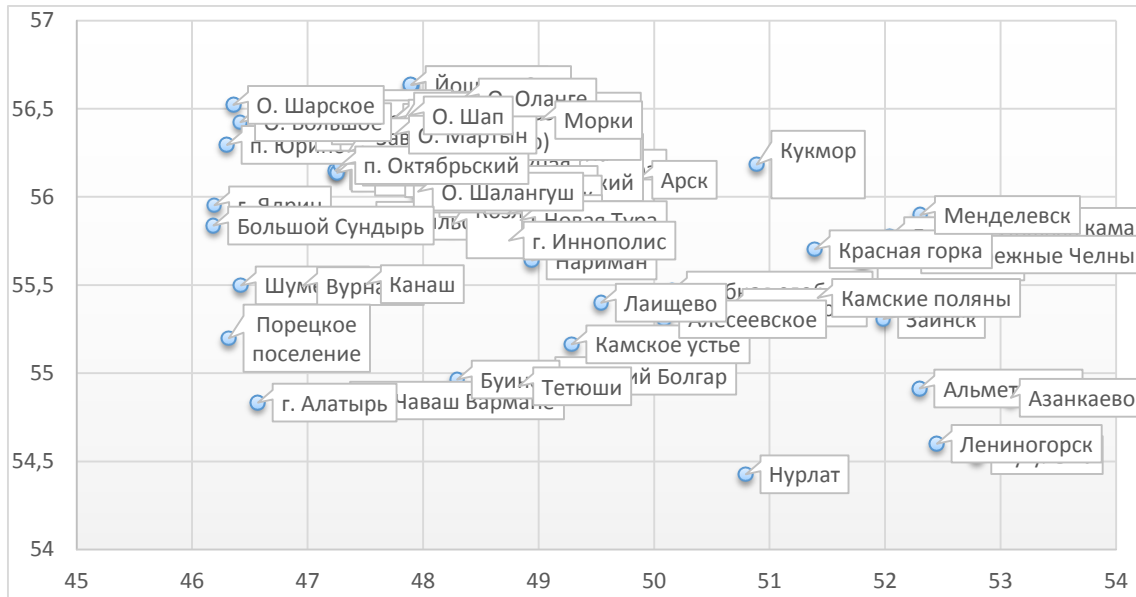

Рис. 2. Вид диаграммы MS Excel, полученной по данным координат основных узловых элементов ПКК Среднего Поволжья. Составлено авторами

С целью наглядного представления и оценки структурной связанности элементов природно-культурного каркаса Среднего Поволжья была использована модель в виде связанного геометрического графа, что позволило оценить фактор кластеризации исследуемой территории и выявить потенциальные «точки роста». Модель была выполнена при помощи браузерного сервиса пространственной визуализации графов Граф Online (рис. 3).

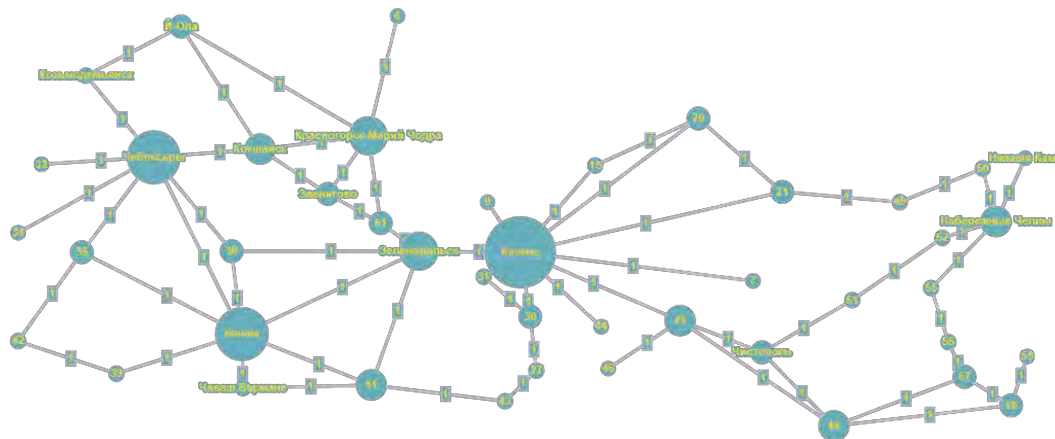

Рис. 3. Графовая модель ПКК Среднего Поволжья с учетом степени вершин. Составлено авторами

Изначально был определён «вес» как степень для каждой вершины графа. Максимальная степень вершины выявлена для узла г. Казани, высокие показатели наблюдаются в узлах г. Чебоксары, г. Канаш и г. Зеленодольска, что обусловлено особенностями транспортной сети региона, в первую очередь – наличием железнодорожной линии. Несколько меньшая степень выявлена у большинства центров муниципальных районов, проектируемых (и существующих) туристско-

рекреационных кластеров (ТРК) и национальных парков. При этом г. Йошкар-Ола, являющийся столицей Республики Марий Эл, имеет показатель еще более низкий. Наименьшие показатели выявлены на периферии регионов.

Затем были рассчитаны диаметр и радиус графа, а также кратчайший путь между наиболее удаленными периферийными узлами (г. Козьмодемьянск и Национальный парк Нижняя Кама) (рис. 4).

Расстояние между периферийными вершинами составило 9: Козьмодемьянск – Чебоксары – Канаш-Зеленодольск – Казань – Кукмор – Нижнекамск – Елабуга – Набережные Челны – НП Нижняя Кама. Радиус граф: 5 (Казань – Кукмор – Нижнекамск – Елабуга – Набережные Челны – НП Нижняя Кама). Диаметр графа: 9 (Йошкар-Ола – Красногорск-Марий Чодра – Помары – Зеленодольск – Казань – Кукмор – Нижнекамск – Елабуга – Набережные Челны – НП Нижняя Кама).

Далее на граф были добавлены объекты в соответствии с проектом строительства высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань, что повлияло на рост показателей связанности и степеней вершин графа: г. Чебоксары, г. Канаш, г. Звенигово и п. Помары (рис. 5).

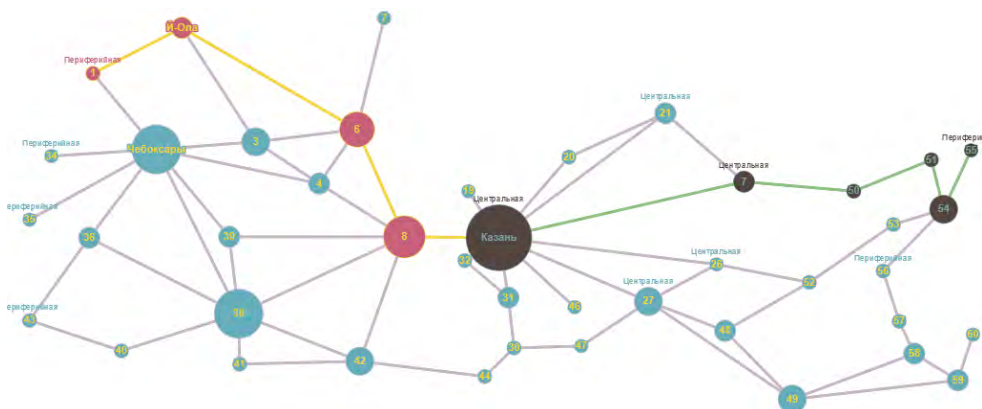

Рис. 4. Расчет диаметра и радиуса графовой модели ПКК Среднего Поволжья. Составлено авторами

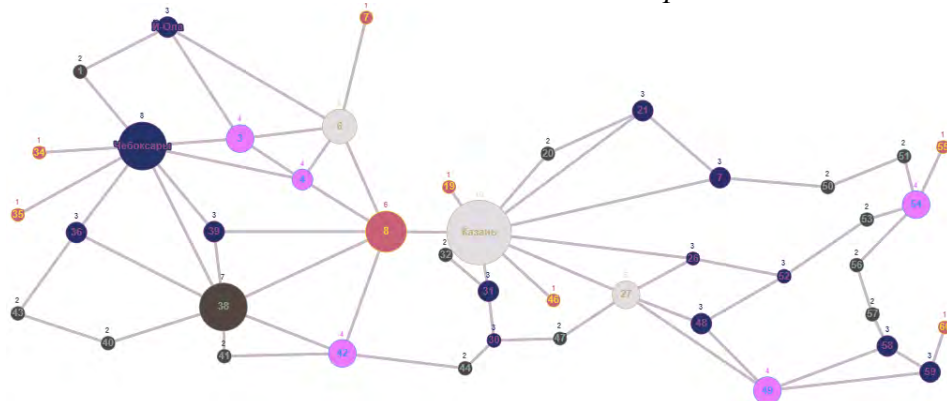

Рис. 5. Графовая модель ПКК Среднего Поволжья с учетом проектируемых ВСМ Москва-Казань и ТРК на р. Кама. Составлено авторами

Результаты и обсуждение

В геокультурном пространстве территории национальных республик Среднего Поволжья (Татарстана, Чувашии и Марий Эл) экономической и

социально-культурной доминантой, безусловно, является г. Казань. Далее ранжирование узловых структур культурного каркаса представляется возможным осуществить по различным критериям значимости населенных пунктов. В первую очередь такими критериям выступают: административная функция (столица региона – центра муниципального района – муниципальное образование), историко-культурная ценность (исторические населенные пункты), численность населения, статус особой экономической зоны.

Крупными узлами природно-культурного каркаса Среднего Поволжья также являются национальные парки: Марий Чодра (Марий Эл), Нижняя Кама (Татарстан), Чаваш Вармане (Чувашия), имеющие одновременно особую природную, экологическую и историко-культурную ценность.

Простые линейные связующие оси культурного каркаса Среднего Поволжья представлены сетью автомобильных и железных дорог. Главной транспортной артерией считается участок автомобильной дороги Федерального значения М-7 «Волга» от Москвы до Уфы с подъездными путями до г. Чебоксары, который фактически напрямую связывает столицы Чувашии и Татарстана. При этом административный центр республики Марий Эл – г. Йошкар-Ола – удален от магистрали, а связь со столицами соседних регионов обеспечивают участок автомобильной дороги А295 Йошкар-Ола – Казань и участок федеральной автомобильной дороги Р-176 «Вятка» Чебоксары – Йошкар-Ола – Киров – Сыктывкар, а также соединяющий их участок дороги Р165 между населенными пунктами Кожласола и Сидельниково, за счет которого фактически параллельно дублируется участок магистрали М-7 по противоположной стороне р. Волги.

Железнодорожные линии республик Среднего Поволжья представлены участком Горьковской железной дороги, которые относятся к Казанскому региону обслуживания. Узловыми элементами данной магистрали на территории республики Татарстан наряду с Казанью выступают 2 крупных сортировочных пункта в г. Агрыз и п. Юдино, а также станция Зеленый Дол в г. Зеленодольске. Здесь основная линия железной дороги уходит на юг в сторону Москвы по мосту через р. Волгу. Кроме того, от станции на север уходит линия в Йошкар-Олу и Яранск (из 196-километровой линии около 150 километров проходят по территории Марий Эл), на запад – тупиковая 14-километровая ветка до г. Волжск. Пассажирские поезда на территории Марий Эл в настоящее время представлены единственным регулярным ежедневным рейсом Йошкар-Ола – Москва (через станцию Зеленый Дол), при этом интенсивность грузоперевозок значительно выше. Главным транспортно-индустриальным центром Чувашии является г. Канаш, который наряду с г. Зеленодольском Распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р включен в перечень моногородов.

В настоящее время главным проектом по превращению моногородов в точки роста является перспективное строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань. Отрицательным последствием реализации данного проекта может стать утрата традиционного рекреационного ландшафта деревни Шалангуш, севернее г. Звенигово. Даже без учета ВСМ Москва – Казань наблюдается «избыточность» связи (максимальное значение центральности по посредничеству) на ребре г. Зеленодольск – г. Казань. Это означает, что фактически имеют место 2 отдельных подграфа, соединённых данным ребром, что полностью соответствует реальной картине сложившихся социокультурных взаимодействий в

регионе исследования. Кроме того, отдельную часть в виде несвязанного (в геометрическом представлении) подграфа составляют *ландшафты дикой природы*.

Выводы

Впервые для наглядного представления и оценки структурной связанности элементов природно-культурного каркаса Среднего Поволжья была использована модель в виде взвешенного геометрического графа, что позволило математически оценить степень кластеризации исследуемой территории и выявить потенциальные «точки роста».

Главным природным барьерным элементом каркаса Среднего Поволжья является р. Волга, которая при этом выполняет роль ключевой линейной территории региона. Из трех исследуемых республик в Марий Эл в настоящее время в наибольшей степени фиксируется обособленность региона, обусловленная удаленностью г. Йошкар-Олы от главных транспортных магистралей и, в первую очередь, от р. Волги. Выявлено, что для развития межрегионального взаимодействия главным образом требуется увеличение транспортной связанности территории, что позволит интегрировать ресурсы смежных регионов. Реализация проекта строительства высокоскоростной магистрали усилит существующие межрегиональные связи и, вероятно, приведет к появлению новых точек роста на периферии республики Марий Эл. Туристский кластер «Царь-град» в значительной степени компенсирует проблему обособленности Йошкар-Олы. При этом более успешной реализацией проекта способствовало бы включение в туристическую сферу компонента финно-угорской нематериальной культуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-35-00514 мол_а «Исследование геокультурного пространства территории национальных республик Среднего Поволжья».

Литература

1. Тихонова А. Ю. Уникальность культуры Среднего Поволжья в культурологическом измерении // Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 412 с.
2. Зеленев Е. И. Геокультурное пространство и геокультурные поля: теория вопроса // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. 2009. № 1 С. 19–28.
3. Даниленко Н. Н. К вопросу о содержании понятия «Туристский кластер» / Н. Н. Даниленко, Н. В. Рубцова // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 33 С. 45–53.
4. Розанова Л. Н. Современный туристский кластер Республики Татарстан / Л. Н. Розанова, Л. Р. Мухаметова // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 1 С.67–74.
5. Хуснутдинова С. Р. Нематериальное наследие как социальный фактор развития урбанизированных территорий в условиях сервисной экономики / С. Р. Хуснутдинова, М. В. Сафонова // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 3 С. 18–25.
6. Кулешова М. Е. Наследие и природно-культурный каркас территорий // Известия Самарского научного центра РАН, 2007. № 1. [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-i-prirodno-kulturnyy-karkas-territoriy> (дата обращения: 03.05.2018).

7. Fenu G. Functional models and extending strategies for ecological networks / Gianni Fenu, Pier Luigi Pau, Danilo Dessì // Applied Network Science (2017) 2:10. DOI 10.1007/s41109-017-0032-5

Zhgulyeva O. A.
Kramchaninova A. G.

The geocultural space of the national republics of the Middle Volga region is structured and analyzed

Volga State University of Technology,
Russian Federation, Yoshkar-Ola
e-mail: shuma_7@mail.ru

Abstract. For the purpose of visual representation and assessment of the structural connectivity of the elements of the natural and cultural framework of the national republics of the Middle Volga region, a model was used in the form of a weighted geometric graph, which allowed to assess the factor of clustering of the investigated territory and to elicit potential "growth points".

Key words: natural and cultural framework, the Middle Volga region, interregional communication, the natural and cultural heritage, graph model, clustering

References

1. Tikhonova A. YU. Unikal'nost' kul'tury Srednego Povolzh'ya v kul'turologicheskom izmerenii//Saarbryukken: Palmarium Academic Publishing, 412 s. (in Russian).
2. Zelenev Ye. I. Geokul'turnoye prostranstvo i geokul'turnyye polya: teoriya voprosa // Vestnik SPbGU. Seriya 13. Vostokovedeniye. 2009. №1 S.19-28 (in Russian).
3. Danilenko N. N. K voprosu o soderzhanii ponyatiya «Turistskiy klaster»/ N.N. Danilenko, N.V. Rubtsova // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2013. №33 S.45-53 (in Russian).
4. Rozanova L. N Sovremennyy turistskiy klaster Respubliki Tatarstan / L.N. Rozanova, L.R. Mukhametova // Sovremennyye problemy servisa i turizma. 2016. №1 S.67-74 (in Russian).
5. Khusnutdinova S. R. Nematerial'noye naslediye kak sotsial'nyy faktor razvitiya urbanizirovannykh territoriy v usloviyakh servisnoy ekonomiki / S.R. Khusnutdinova, M.V. Safonova // Sovremennyye problemy servisa i turizma. 2016. №3 S.18-25 (in Russian).
6. Kuleshova M. Ye. Naslediye i prirodno-kul'turnyy karkas territoriy // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2007. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-i-prirodno-kulturnyy-karkas-territoriy> (data obrashcheniya: 03.05.2018) (in Russian).
7. Fenu G. Functional models and extending strategies for ecological networks/Gianni Fenu, Pier Luigi Pau, Danilo Dessì // Applied Network Science (2017) 2:10 DOI 10.1007/s41109-017-0032-5 (in English).

Поступила в редакцию 10.07.2018 г.

УДК 911.37
Ипполитова Н. А.

Численность населения как один из индикаторов социально-экономического развития городов (на примере Сибирских регионов)

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
ФГБОУ ВО «Педагогический институт Иркутского государственного университета», Российская Федерация, г. Иркутск
e-mail: nina-ip@list.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка проведения географического анализа динамики численности населения городов Сибирских регионов как одного из основных индикаторов их социально-экономического развития. Для исследования был взят временной период с 1959 по 2015 гг., т. е. чуть более полувека. В качестве исследуемых территорий выбраны города двух Сибирских регионов – Красноярского края и Иркутской области, имеющие значительные сходства в историческом развитии и современной структуре хозяйства. В ходе исследования все города рассматриваемых Сибирских регионов были дифференцированы по людности, а также выявлены четыре основные группы городов с разными показателями изменения численности населения. Первая группа, где отмечается увеличение численности населения; вторая, в которую вошли города, имеющие стабильную или незначительно уменьшающуюся численность населения; самой большой группой стала третья, где отмечается значительное сокращение численности населения, и последняя, четвертая группа, в которую вошли города, катастрофически быстро теряющие население.

Ключевые слова: динамика численности населения, уровень социально-экономического развития, промышленная специализация, агломерация, город.

Введение

Для устойчивого развития России, как ни для какой другой страны мира, особое значение имеет демографический фактор. Демографические проблемы наиболее остро проявляются в регионах Сибири и Дальнего Востока. После 1991 г. одновременно с началом нелиберальных реформ начался отток населения из регионов Сибири, что прежде никогда не наблюдалось (с 1861 по 1917 гг. население сибирских регионов увеличилось в 2,5 раза; примерно в такой же степени оно увеличилось и в советский период, несмотря на большие потери в военное время). Весьма неблагоприятно выглядит тот факт, что, если в России в период с 1993 по 2008 гг. население сократилось на 4,4 %, то в Сибирском федеральном округе (СФО) – на 7,4 %, а на Дальнем Востоке – на 17,4 %.

Одно из важнейших мест в решении демографических проблем Сибирских регионов занимает изучение городов, так как именно города создают опорную систему расселения населения. Функциональная структура городов, их ЭГП, место в территориальном разделении труда формируется в ходе эволюции урбанизации и развития различных видов деятельности. Именно увеличение разнообразия и устойчивости связей, их «мощности», территориальной протяженности способствует разворачиванию крупного города в агломерацию, формированию

обширных урбанизированных районов и зон. Однако рост города и усиление его функций невозможно без постепенного увеличения численности населения.

География помогает познать город как своеобразный «демографический котел», в котором происходят очень сложные социальные и демографические процессы. Город как среда оказывает существенное влияние на демографическое поведение людей. В зависимости от уровня социально-экономического развития в нем могут создаваться благоприятные или неблагоприятные условия для проживания. При изучении города необходимо его рассматривать вместе с окружением, так как изменения в городе вызывают ответную реакцию и в близлежащих территориях.

О значении городов в территориальной организации общества очень точно сказал Н. Н. Баранский: «Город плюс дорожная сеть – это каркас, это остов, на котором все остальное держится, остов, который формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию... Города – это как бы командный состав страны, организующий её во всех отношениях – и в хозяйственном, и в политико-административном, и в культурном» [1, с. 207].

Изучением городов занимался Г. М. Лаппо. По его мнению, город создается совместными действиями многих сил. Это результат развития торговли, промышленности, культуры, следствие нужд обороны и намерений политики; он возникает в связи с освоением новых районов и углублением международного разделения труда. Города – формы расселения и территориальной организации хозяйства, которая обладает многими достоинствами, необходимыми для общественного развития [11].

Известный российский урбанист Е. Н. Перцик в своей книге «Города мира» приводит широкий спектр мнений зарубежных исследователей по проблеме определения и изучения города [13].

К исследованиям, посвященным данной проблеме, можно отнести работы В. В. Воробьева и Н. В. Воробьева, построенные на изучении городов южной части Восточной Сибири и более детально рассмотренные при изучении проблем социально-экономического развития городов Иркутской области в связи с размещением производства [2; 3]. Изучением вопроса размещения городов занимались А. Лёш, Г. Хотеллинг, А. Вебер и др.

В настоящее время изучение динамики численности населения городов Сибири является актуальным, так как характеризует их динамику, что имеет важное значение для развития территории Сибири, имеющей огромный природный, минерально-ресурсный потенциал, необходимый для промышленного развития всей страны, но при этом относительно низкую плотность населения.

Материалы и методы

В статье используются статистический и сравнительно-географический методы. Основой исследования послужила статистическая база данных в разрезе сибирских городов.

Результаты и обсуждение

Политика индустриального развития Восточной Сибири во второй половине XX века оказала большое влияние на рост городов. Так, число городов в Красноярском крае и Иркутской области за период 1950–1970 гг. увеличилось с 22

до 38 (в 1,7 раза), а численность городского населения с 1880,6 до 3309 тыс. человек (в 1,8 раза), согласно переписям населения 1959 и 1979 гг. отмечается высокая концентрация населения в административных центрах. Так, в Красноярске в 1959 г. проживало 59 % городского населения, в 1979 – 74 %, а в Иркутске соответственно 63,4 и 65,7 %. Разница в процентах в пользу Красноярского края может быть объяснена разными формами агломерирования, обусловленными размещением производства. В Иркутской области крупные предприятия рассредоточены по территории и располагаются в нескольких городах (Ангарск, Шелехов, Братск), что способствует развитию полицентрической агломерации. В Красноярском крае, наоборот, наблюдается значительная концентрация промышленности в самом городе, соответственно, идет процесс формирования моноцентрической агломерации. Хотя исторически, примерно до середины 40-х годов прошлого столетия, Красноярский край уступал по численности населения Иркутской области (табл. 1), она была лидером по общему числу городских жителей, а также количеству городов (табл. 2). В 2015 г. Красноярский край занял лидирующие позиции по всем показателям.

Таблица 1.

Динамика численности населения городов
Иркутска и Красноярска (тыс. чел.)

Город	1730	1850	1900	1910	1940	1950	1960	1970	1980	1989	2000	2010	2015
Иркутск	6,5	23,8	52,4	127	243,4	262	372,9	450,9	558,6	626,2	589,7	580,7	620,1

Город	1823	1863	1897	1917	1939	1959	1970	1979	1996	2000	2010	2015
Красноярск	4	10	26,7	70,3	190	412	648	796	870	875,3	973,8	1052,2

Составлено автором по: [2; 3; 16]

Несмотря на различия в периодах роста численности, источники формирования населения рассматриваемых регионов очень схожи. Во-первых, следует отметить сравнительно высокий естественный прирост населения, который определялся высокой долей молодых возрастов (23–30 лет) среди людей, приехавших на стройки Восточной Сибири. Рождаемость в Красноярском крае и Иркутской области на тот период времени была выше общесоюзных и общероссийских показателей. Однако этот этап закончился в начале 1960-х годов, так как в силу вступило влияние урбанизации, а также низкий уровень благоустройства и неразвитость социальной инфраструктуры.

В результате к середине 1970-х гг. в обоих регионах стал формироваться суженный тип воспроизводства населения, но это не означало сокращение численности населения, так как её пополнение происходило за счет механического прироста, который на этапе интенсивного строительства составлял половину от общего прироста [10]. Кроме приезжающих рабочих и инженеров, которые не всегда были готовы остаться на постоянное место жительства в Сибири, важным поставщиком населения была сельская местность [4]. Одним из факторов,

привлекающих население из сельской местности в город, было получение высшего образования. Этот процесс активизировался в конце 1950-х – начале 1970-х гг., когда стало увеличиваться количество вузов (в Красноярске открылись Политехнический институт, Институт цветных металлов и т. д.).

Таблица 2.

Концентрация населения в городах (с численностью более 100 тыс. чел.)

Субъект РФ	Год	Кол-во городов	Кол-во больших городов	Численность городского населения (тыс. чел)	Доля населения больших городов, %
Иркутская область	1959	15	3	982,8	63,4
	1979	20	4	1685,7	65,7
	2015	21	3	1906,0	56,8
Красноярский край (без учета ЗАТО)	1959	16	2	897,8	59,0
	1979	18	4	1623,3	74
	2015	19	3	2193,7	61,8

Составлено автором по: [2; 3; 16]

В период активного индустриального развития на территории обоих регионов отмечается увеличение численности населения, появление новых городов и рост имеющихся, что свидетельствует об относительно благополучном социально-экономическом развитии городских поселений и регионов в целом. Именно в этот период времени был заложен современный каркас расселения населения.

В различные периоды времени динамика численности населения выступает как один из важнейших индикаторов социально-экономических изменений. Как уже отмечалось, период индустриализации оказал положительное влияние на развитие городов Сибири, однако к концу XX века наметилась другая тенденция. Некоторые города продолжили расширение своих экономических и административных ресурсов, продолжая расти, а другие вошли в фазу застоя.

Наиболее заметные изменения в численности городского населения рассматриваемых регионов отмечаются с 1989 по 2000 гг., т. е. в период активных социально-экономических преобразований. В последующем уменьшение численности населения в городах не носило такой катастрофический характер. За 1989–2015 гг. численность населения в большинстве городов Иркутской области и Красноярского края сократилась. Из 20 городов Иркутской области в 19 отмечается сокращение численности населения за последние 15 лет. Исключением является административный центр Иркутск, где за последнее двадцатилетие население увеличилось на 5 %. Максимальной численности города области достигли в 1989–2000 гг., после чего практически во всех городах отмечается уменьшение числа жителей (табл. 3).

Города, в которых за период с 1995 по 2015 гг. отмечаются максимальные показатели уменьшения численности населения – Ангарск (на 39,5 %), Свирск (на 34 %), Алзамай (на 32 %), Усолье-Сибирское (25 %) и Усть-Илимск (на 25 %), Железногорск-Илимский и Бодайбо (на 28%), Черемхово и Киренск (на 29 %). В городах сконцентрирована большая часть населения Иркутской области (79 %) и основные промышленные производства. Уменьшение численности населения в

большинстве городов области напрямую связано с сокращением или полным прекращением работы основных промышленных предприятий.

Таблица 3.
Динамика численности населения в городах Иркутской области (1979–2015 гг.) (тыс. чел.)

№	Город	1979	1989	1995	2000	2005	2010	2013	2015	тренд
1	Иркутск	550,0	626	585	594	583	587	606,1	620,1	↑
2	Ангарск	240,4	266	267	265	248	234	231,3	227,5	↓
3	Братск	214,0	256	257	278	257	246	241,0	236,0	↓
4	Усолье-Сибирское	103,0	106	106	104	88,1	85,6	81,3	79,3	↓
5	Усть-Илимск	69,0	109	110	105	99,8	96,3	84,3	83,0	↓
6	Железногорск-Илимский	29,3	32,3	33,7	32,3	27,8	26,0	24,9	24,2	↓
7	Бодайбо	14,7	21,3	19,3	17,7	16	15,5	14,4	13,8	↓
8	Зима	38,6	41,2	37,7	363	34,4	34,1	31,9	31,4	↓
9	Нижнеудинск	40,9	43,8	44,2	42,5	38,8	36,7	35,5	34,2	↓
10	Саянск	-	40,5	48	46,5	43,7	43,9	39,4	38,8	↓
11	Тайшет	38,2	42,6	43	42,3	37,7	36,3	34,3	33,6	↓
12	Тулун	52,0	53,2	53,7	52,7	50,1	46,8	42,9	42,0	↓
13	Усть-Кут	66,2	61,4	59,6	57,1	47,6	44,5	44,3	42,9	↓
14	Черемхово	77,0	73,6	71,9	69,1	57	52,7	51,5	51,3	↓
15	Шелехов	41,3	48,2	51,8	54,5	48,1	49,1	47,9	47,1	↓
16	Алзатай	9,3	9,0	9,0	8,7	7,3	6,7	6,4	6,1	↓
17	Байкальск	15,8	16,4	17,3	17,1	15,6	14,4	13,3	12,9	↓
18	Вихоревка	20,4	23,8	24,7	24,6	24,8	24,4	21,9	21,5	↓
19	Киренск	15,1	16,1	16,2	15,1	13,1	12,6	12,0	11,5	↓
20	Свирск	19,2	19,2	19,8	18,6	15,0	13,6	13,1	13,1	=
21	Слюдянка	19,8	19,8	20,7	21,0	18,9	18,5	18,6	18,4	↓

Составлено автором по: [6; 7; 8; 9; 14;15]

Сокращение мест приложения труда приводит к оттоку населения, как правило, это экономически молодая, активная часть населения, имеющая высшее или среднее специальное образование.

В последние годы Иркутская область имеет отрицательный показатель миграции в обмене с другими регионами страны. Основной отток населения происходит в европейскую часть России, как правило, в города Москву и Санкт-Петербург или ближайшие к Иркутской области регионы – Красноярский край, Новосибирскую и Омскую области. Значительная часть северных территорий Иркутской области тяготеет к Красноярску и Красноярскому краю. Сказываются миграционные предпочтения населения в получении высшего образования и других услуг.

В Красноярском крае демографическая ситуация лучше в трех городах – Красноярск, Норильск, Сосновоборск. В этих населённых пунктах увеличение численности населения за 20 лет составило 206,9 тыс. человек. В одном городском поселении – Кодинске – отмечается стабильность численности населения, в других

– численность населения уменьшается (табл. 4). За период с 1995 по 2015 гг. в крае можно выделить всего 4 города, в которых катастрофически быстро шло сокращение населения: Заозерный (на 30 % уменьшилась численность населения), Дудинка (на 34 %), Артёмовск (на 68 %) и Игарка (на 65 %), что составило 1,3 % от городского населения края.

Таблица 4.

Динамика численности населения в городах Красноярского края (1979–2015 гг., без городов ЗАТО) (тыс. чел.)

№	Город	1979	1989	1995	2000	2005	2010	2013	2015	тренд
1	Красноярск	795,1	913	869	876	917	974	1016,4	1052,2	↑
2	Ачинск	116,6	122	123	122	115	109	108,8	106,0	↓
3	Канск	110,6	110	109	107	102	102	92,5	91,6	↓
4	Норильск	180,0	175	159	141	132	175	178,5	176,2	↑
5	Боготол	27,8	27,8	26,5	25,5	22,7	21,4	20,8	20,5	↓
6	Бородино	11,3	18,4	19,3	20	19	18,6	16,7	16,3	↓
7	Дивногорск	29,9	29,9	34	29,2	30,1	35,2	32,6	29,1	↑
8	Енисейск	20,8	22,9	22,1	21,3	19,4	18,9	18,5	18,3	↓
9	Заозерный	15,0	15,7	15,1	13,9	11,9	10,5	10,3	10,5	↓
10	Минусинск	56,4	72,9	73,8	71,8	68,7	71,2	72,0	68,2	↓
11	Назарово	53,8	64,3	64,7	63,2	54,7	52,8	51,7	51,0	↓
12	Сосновоборск	12,6	29,7	30,3	30,5	30,7	30,6	34,4	37,0	↑
13	Шарыпово	9,4	39,8	42,7	43,3	39,4	38,8	47,5	37,2	↓
14	Лесосибирск	56,4	68,3	69,5	68,5	64,9	64	65,5	59,9	↓
15	Артёмовск	6,9	4,5	4,3	3,6	2,6	2,1	1,9	1,8	↓
16	Дудинка	25	32,3	33,7	26,8	25,2	22,1	22,3	22,2	↓
17	Игарка	16,0	18,8	14,9	-	8,0	6,1	5,6	5,1	↓
18	Иланский	19,7	18,4	17,8	17,2	16,5	16,1	15,7	15,3	↓
19	Кодинск	3,5	14,0	16,0	14,6	15,1	14,8	15,8	16,0	=

Составлено автором на основании [6; 7; 8; 9; 14; 16]

Несмотря на то, что города рассматриваемых регионов разные по времени образования, этапам исторического развития, организационно-хозяйственным функциям, им присущ ряд общих черт. Большинство городов иркутского и красноярского регионов располагаются вдоль железнодорожной магистрали, т. е. их объединяет система расселения; выгодное транспортное положение; малая заселенность северных частей исследуемых регионов; схожесть специализации некоторых промышленных предприятий и, соответственно, социально-экономических проблем. Также регионы имеют максимальное количество промышленных объектов, входящих в состав вертикально интегрированных структур (ВИС) [5; 12].

Все города рассматриваемых сибирских регионов можно дифференцировать по людности [12, с. 11] и выделить группы, в которых отмечается максимальный показатель снижения численности населения (табл. 5).

Таким образом, максимальное сокращение численности населения в городах Красноярского края отмечается среди городов с численностью населения менее 50 тыс. чел., это те города, которые находятся в сложных климатических условиях (Дудинка, Игарка) или специализируются на добыче полезных ископаемых (Артёмовск – золотодобыча, Заозерный – добыча слюды и железной руды). Эти поселения часто привлекают работников вахтовым способом. Основная группа городов Красноярского края в течение рассматриваемого периода также

испытывала отток населения, но функционирующие промышленные объекты, особенно входящие в ВИС, позволяли сохранять в них большую часть жителей.

Таблица 5.

Дифференциация городов Красноярского края и Иркутской области по людности (2015 г.)

Группы людности городов, (тыс. чел)	Красноярский край	Кол-во городов	Иркутская область	Кол-во городов
Города-миллионеры (свыше 1000)	Красноярск	1		0
Крупные города (500–1000)		0	Иркутск	1
Большие города (100–500)	Ачинск Норильск	2	Ангарск Братск	2
Средние города (50–100)	Канск Назарово Лесосибирск	3	Усолье-Сибирское Усть-Илимск Черемхово	3
Полусредние города (20–50)	Боготол Дивногорск Минусинск Назарово Сосновоборск Шарыпово Лесосибирск Дудинка	8	Железногорск-Илимский Зима Нижнеудинск Саянск Тулун Усть-Кут Черемхово Шелехов Вихоревка	10
Малые города (10–20)	Бородино Енисейск Заозерный Иланский Кодинск	5	Бодайбо Киренск Свирск Слюдянка Байкальск	4
Микроргорода (до 10)	Артемовск Игарка	2	Алзамай	1

Алзамай – города, в которых отмечается катастрофически быстрое снижение численности населения (от 25 % и более)

Составлено автором

В городах Иркутской области можно выделить две группы городов, в которых отмечается высокий показатель снижения людности населения: это северные города (Бодайбо, Киренск) и города узкой специализации (Байкальск – целлюлозно-бумажная промышленность, Железногорск-Илимский – добыча железной руды, Усолье-Сибирское – химическая промышленность, Черемхово – добыча угля и др.).

Отдельное место среди городов рассматриваемых регионов занимают **Красноярск и Иркутск**. Они являются крупными административными,

промышленными, культурными и научными центрами Восточной Сибири, расположены на крупных реках, их выгодное географическое положение определило экономическое развитие, а близость к природным ресурсам и основным транспортным магистралям только усилила этот процесс. Оба города имеют развитую инфраструктуру. Схожесть исторического развития во многом определила и схожесть демографических процессов, но в последние десятилетия Иркутск постепенно утратил свою мощь как в экономическом, так и в социально-демографическом плане. Что наиболее заметно проявилось после создания в Красноярске Сибирского федерального университета, хотя развитие науки и образования в городе не выше, чем в Иркутске, который всегда считался крупнейшим научным центром Сибири (следуя за Новосибирском).

Очень важное значение имела реализации программы по созданию Красноярской агломерации с численностью населения более 1,2 млн чел. Что касается Иркутска, то начиная с 1990 г. можно выделить периоды, когда численность населения в городе сокращалась (1990–1995 гг., 2000–2008 гг.), а начиная с 2009 г. отмечается стабильное увеличение людности. В настоящее время это, прежде всего, культурный и научный центр Сибири, который постепенно утрачивает свои промышленные функции. Именно отсутствие крупных промышленных предприятий сдерживает увеличение численности населения в Иркутске. Еще одной важной проблемой сдерживания развития города Иркутска как образовательного и научного центра является реформирование высших учебных заведений и академических институтов, так как этот процесс вызывает отток потенциальных студентов и молодых ученых в другие города. Все это ведет к сдерживанию развития областного центра, в отличие от Красноярска, который получает государственные дотации на развитие всех сфер деятельности новой агломерации.

В последние два десятилетия в Сибири отмечается явление перехода городов из более многолюдной в менее людные группы. Так, группу больших городов (100 тыс. жителей) покинули 6 сибирских городов, 4 из которых находятся в Красноярском крае (Канск) и Иркутской области (Черемхово, Усолье-Сибирское и Усть-Илимск) [12, с. 11].

В результате проведенного исследования было выделено четыре группы городов по изменению численности населения (табл. 6).

Максимальное количество городов, где отмечается положительная динамика увеличения людности, характерно для Красноярского края (4), в Иркутской области это только административный центр г. Иркутск. Увеличение численности населения в Сосновоборске обусловлено близостью к административному центру (14 км до Красноярска) и вхождением в Красноярскую агломерацию. Рост населения в Норильске – с работой одного из крупнейших в мире горнодобывающего и одновременно металлопроизводящего комбината, аналогов которому в мире больше нет. Стабильная численность населения г. Кодинска связана со строительством и эксплуатацией Богучанской ГЭС, а также функционированием Приангарского лесопромышленного комплекса. В группу городов, для которой характерна стабильная или незначительно уменьшающаяся численность населения, вошли поселения, в которых отмечается стабильность в работе предприятий: Братск и Шелехов – производство алюминия, Минусинск – развитие различных отраслей промышленности (легкой, пищевой, деревообрабатывающей, а также строительства и транспорта). Самую

многочисленную группу образовали города со значительным сокращением численности населения. В этих городах большая часть специализированных производств выпала из территориального разделения труда и не смогла вписаться в современные рыночные условия. Кризис 2008–2009 гг. лишь обострил проблемы этих городов. Группа городов с катастрофическим снижением численности населения включает города, расположенные в неблагоприятных климатических условиях (т. н. «северные города»). Для них характерно снижение существующей градообразующей базы (Дудинка, Игарка), а также моноспециализация промышленности (Усолье-Сибирское, Усть-Илимск, Артемовск, Байкальск и т. д.). Рассматривая динамику численности населения городов двух регионов (Красноярский край и Иркутская область) прослеживаем изменения их социально-экономического положения. В этом отношении индикатором смены тренда социально-экономического развития поселений является изменение численности их населения. Наиболее ярким примером в этом отношении стал Красноярск, для которого в последние годы характерен значительный рост численности населения, что позволило ему получить статус города-миллионера (2012 г.).

Таблица 6.

Группировка городов Иркутской области и Красноярского края по изменению численности населения

Красноярский край	Иркутская область
<i>Группа городов, где отмечается увеличение численности населения</i>	
Красноярск, Норильск, Сосновоборск	Иркутск
<i>Группа городов, имеющих стабильную или незначительно уменьшающуюся численность населения (0 % до 10 %)</i>	
Кодинск, Минусинск	Братск, Шелехов
<i>Группа городов, где отмечается значительное сокращение численности населения (от 11 % до 24 %)</i>	
Ачинск, Канск, Боготол, Бородино, Дивногорск, Енисейск, Назарово, Шарыпово, Лесосибирск, Иланский	Слюдянка, Вихоревка, Усть-Кут, Тулун, Саянск, Нижнеудинск, Зима, Ангарск
<i>Группа городов, в которых отмечается катастрофически быстрое снижение численности населения (от 25% и более)</i>	
Заозерный, Артемовск, Дудинка, Игарка	Усолье-Сибирское, Усть-Илимск, Свирск, Железногорск-Илимский, Бодайбо, Черемхово, Алзатай, Байкальск, Киренск,

Составлено автором

В Иркутске отмечалась противоположная ситуация: начиная с 1989 г. и до 2013 г. численность населения здесь снижалась. К сожалению, планы по созданию «Большого Иркутска» (2007 г.) не увенчались успехом и город, в отличие от своего соседа, не получил новых инвестиций для развития. Несмотря на отсутствие поддержки проекта по созданию Иркутской агломерации, с 2013 г. в Иркутске

стало отмечаться увеличение численности населения города. В настоящее время разрабатываются программы по созданию на базе Иркутского авиазавода крупного машиностроительного комплекса, что может стать толчком к развитию промышленности и соответственно всего города. Динамично развивается сфера услуг. Тенденция увеличения людности административных центров объясняется наличием высокооплачиваемых видов деятельности.

Выводы

Проведенный выборочный анализ изменений численности населения городов Иркутской области и Красноярского края показал, что эта характеристика населённости городов может стать индикатором изменения их социально-экономических условий развития, так как именно население очень быстро реагирует на изменения, происходящие в социально-экономической сфере.

Литература

1. Баранский Н. Н. Об экономико-географическом изучении городов// Становление советско экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 207.
2. Воробьев В. В. Города южной части Сибири: (Историко-географические). Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. 147 с.
3. Воробьев Н. В., Ерш В. А., Фильшин Г. И., Якобсон А. Я. Проблемы социально-экономического развития городов в связи с размещением производства (на примере Иркутской области) // Известия СО АН СССР. 1987. № 7. Вып. 1. С. 29–37.
4. Гонина Н. В. Урбанизация в Восточной Сибири во второй половине XX в. – «псевдо явление» или объективный процесс? // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2009. Иркутск, 2009. С. 356–359.
5. Григорьева М. А., Ипполитова Н. А. Крупный бизнес в социально-экономическом развитии городов Байкальского региона. География и природные ресурсы. № 2, 2011 г. С. 123–129.
6. Демографический ежегодник России. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2005. 595 с.
7. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 557 с.
8. Демографический ежегодник России. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 535 с.
9. Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат М. 2013. 567 с.
10. Ипполитова Н. А., Коваленко и др. География Иркутской области: уч. пособие. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2013. 233 с.
11. Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. Москва: изд-во Новый хронограф. 2012. С. 504
12. Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири // Л. А. Безруков и др.; отв. Ред.: Л. М. Корытный, Н. В. Воробьев; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т географии им. В. Б. Сочавы. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2011. 231 с.
13. Перцик Е. Н. Города мира. География мировой урбанистики. Москва: Изд-во Международные отношения. 1999. С. 384.
14. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 662 с.

15. Статистический ежегодник Иркутская область в цифрах Стат.сб. / Иркутскстат Иркутск, 2015. 101 с.
16. Федеральная служба государственной статистики - Центральная база статистических данных. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru> .

Ippolitova N. A.

Number of populations as one of indicators of social and economic development of cities (on the example of the Siberian regions)

Sochava Institute of Geography SB RAS, Pedagogical Institute of ISU, Russian Federation, Irkutsk
e-mail: nina-ip@list.ru

Abstract. *An attempt is made to conduct a geographical analysis of the dynamics of the population of cities in the Siberian regions as one of the main indicators of their socio-economic development. It is the change in the urban population that can serve as one of the indicators for changing the socio-economic development of the territory, in our case of the city. For the study, a time period was taken from 1959 to 2015, i.e. just over half a century.*

As the studied territories cities of two Siberian regions - the Krasnoyarsk Territory and the Irkutsk region, which have significant similarities, both in historical development and in the modern economic structure, are taken. Despite the fact that the cities of the regions in question are different in time of origin, stages of historical development, organizational and economic functions, they have a number of common features: the majority are located along the railway line, i.e. they are characterized by a unified system of settlement, most cities have an advantageous economic and geographical position, for the territory of the regions in question is characterized by uneven population distribution (the main concentration of the population is noted in the southern regions), the similarity of socio-economic problems, which is explained by similar industrial specialization.

In the course of the study, all the cities of the Siberian regions under consideration were differentiated according to the population, and four main groups of cities with different rates of population change were identified. The first group, where there is an increase in the population; the second included cities with a stable or slightly decreasing population; The largest group was the third, where there was a significant reduction in the population and the last fourth group, which included cities that were rapidly losing their populations.

The selected sample analysis shows that the population indicator can be one of the indicators of the socio-economic conditions of the city, because it is the population that reacts very quickly to changes in the socioeconomic sphere and prefer to live in a city where their work will be in demand, which will be duly paid.

Key words. *Population dynamics, level of social and economic development, industrial specialization, agglomeration, population dynamics, city.*

References

1. Baranskij N. N. Ob ehkonomiko-geograficheskom izuchenii gorodov// Stanovlenie sovetsko ehkonomicheskoy geografii. M.: Mysl', 1980. S.207 (in Russian).
2. Vorob'ev V. V. Goroda yuzhnoj chasti Sibiri: (Istoriko-geograficheskie). Irkutsk: Irkut. Kn. izd-vo, 1959. 147 s. (in Russian).
3. Vorob'ev N. V., Ersh V. A., Fil'shin G. I., YAKobson A. YA. Problemy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya gorodov v svyazi s razmeshcheniem proizvodstva (na primere Irkutskoj oblasti) // Izvestiya SO AN SSSR. 1987. № 7. Vyp. 1. S.29-37 (in Russian).
4. Gonina N. V. Urbanizaciya v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XX v. – "psevdojavlenie" ili ob"ektivnyj process? //Irkutskij istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik. 2009. Irkutsk, 2009. С.356-359 (in Russian).
5. Grigor'eva M. A., Ippolitova N. A. Krupnyj biznes v social'no-ehkonomicheskome razvitii gorodov Bajkal'skogo regiona. Geografiya i prirodnye resursy. №2, 2011 g. - S. 123-129 (in Russian).
6. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2005: Stat. sb. / Rosstat. M., 2005. 595 s. (in Russian).
7. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2010: Stat. sb. / Rosstat. M., 2010. 557 s. (in Russian).
8. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2012: Stat. sb. / Rosstat. M., 2012. 535 s. (in Russian).
9. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2013: Stat. sb. / Rosstat. M., 2013. 567 s. (in Russian).
10. Ippolitova N. A., Kovalenko S. N. i dr. Geografiya Irkutskoj oblasti: uch. posobie. Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2013. - 233 s. (in Russian).
11. Lappo G. M. Goroda Rossii. Vzgljad geografa. Moskva: izd-vo Novyj hronograf. 2012. S.504 (in Russian).
12. Ocenka sovremennyh faktorov razvitiya gorodov i urbanizacionnyh izmenenij v Sibiri // L. A. Bezrukov i dr.; otv. Red.: L. M. Korytnyj, N. V. Vorob'ev; Ros. Akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t geografii im. V. B. Sochavy. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2011. 231 s. (in Russian).
13. Percik E. N. Goroda mira. Geografiya mirovoj urbanistiki. Moskva: Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniya. 1999. S. 384 (in Russian).
14. Regiony Rossii. Osnovnye karakteristiki sub"ektov Rossijskoj Federacii. 2012: Stat. sb. / Rosstat. M., 2012. 662 s. (in Russian).
15. Statisticheskij ezhegodnik Irkutskaya oblast' v cifrah Stat.sb. / Irkutskstat – Irkutsk, 2015. 101 s. (in Russian).
16. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki - Central'naya baza statisticheskikh dannyh. [Electronic resource] URL: <http://www.gks.ru> . (in Russian).

Поступила в редакцию 22.05.2018 г.

УДК 338.465.4
Кадырова Л. Р.¹
Панасюк М. В.²

Оценка влияния уровня медицинского обслуживания на качество жизни населения региона (на примере Республики Татарстан)

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, г. Казань
e-mail: ¹leilia.kadyrova@gmail.com, ²mp3719@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние системы здравоохранения на качество жизни населения в регионе на примере регионов Поволжского федерального округа (ПФО). В работе проанализированы основные показатели состояния здоровья населения, приведен авторский подход к выбору показателей оценки результирующего эффекта деятельности системы здравоохранения и меры его влияния на качество жизни населения в регионах. Приведены результаты разработанной методики оценки влияния уровня медицинского обслуживания на качество жизни населения в регионах ПФО.

Ключевые слова: качество жизни, здравоохранение, региональная экономика, региональная социально-экономическая система, оценка влияния здравоохранения, Приволжский федеральный округ, региональное здравоохранение, регион.

Введение

В современных условиях развития экономики качество жизни является одной из ключевых оценок условий жизнедеятельности населения любого государства. Данная категория имеет важное значение в оценке уровня конкурентоспособности страны на мировом уровне [1]. Качество жизни населения можно представить как интегральную социально-экономическую категорию, представляющую собой результат агрегированного воздействия объективных факторов, отражающих состояние и степень развития социальной, экономической и экологической сфер. Таким образом, качество жизни населения представляется системой, включающей комплекс социально-демографических индикаторов, показателей социальной напряженности, уровня материального благосостояния и степени потребления товаров и услуг, состояния окружающей среды [2; 3].

Уровень качества жизни является не только результатом, но и необходимой предпосылкой и целью экономического роста, что предопределяет задачу повышения качества жизни населения в категорию приоритетных. Таким образом, оценка качества жизни и его повышения для государства и региона становятся приоритетными задачами, а разработка методик для оценки качества жизни и тех факторов, которые оказывают на него влияние, переходят в разряд наиболее актуальных научно-исследовательских задач.

На наш взгляд, одним из наиболее важных индикаторов качества жизни населения было и остается состояние его здоровья и, как следствие, система здравоохранения в целом.

Целью настоящего исследования является разработка авторского подхода к оценке влияния уровня медицинского обслуживания в регионе на качество жизни его населения.

Материалы и методы

На протяжении многих десятилетий советская государственная модель здравоохранения служила примером для многих развитых стран. К 70-м годам прошлого века черты, присущие государственной модели здравоохранения, утверждаются в странах Северной Европы (Ирландия, Норвегия, Швеция). А в настоящее время государственная система здравоохранения существует в целом ряде как промышленно развитых, так и развивающихся стран (Италия, Греция, Дания, Алжир, Ангола, Эфиопия и т. д.).

Тем не менее уже к концу прошлого века с ростом требований, предъявляемых к системе здравоохранения, с развитием новых дорогостоящих медицинских технологий, отечественная модель здравоохранения стала серьезно уступать американской модели и моделями стран Европы по многим показателям, таким как смертность (в 1,75 раза выше, чем в США), продолжительность жизни (в 1,2 раза ниже, чем во Франции, Германии, Греции) [4]. За последние 10 лет в России наблюдается стабильное улучшение ситуации по показателю коэффициента смертности в трудоспособном возрасте на 100 тыс. чел., однако Россию все еще нелестно называют «чемпионом по смертности в трудоспособном возрасте». Этот показатель в России все еще достаточно высок и по состоянию на 2017 год составляет 473,4 на 100 тысяч человек (рис. 1), тогда как в странах Европы этот коэффициент почти в 2 раза ниже и составляет 259,3 на 100 тысяч человек.

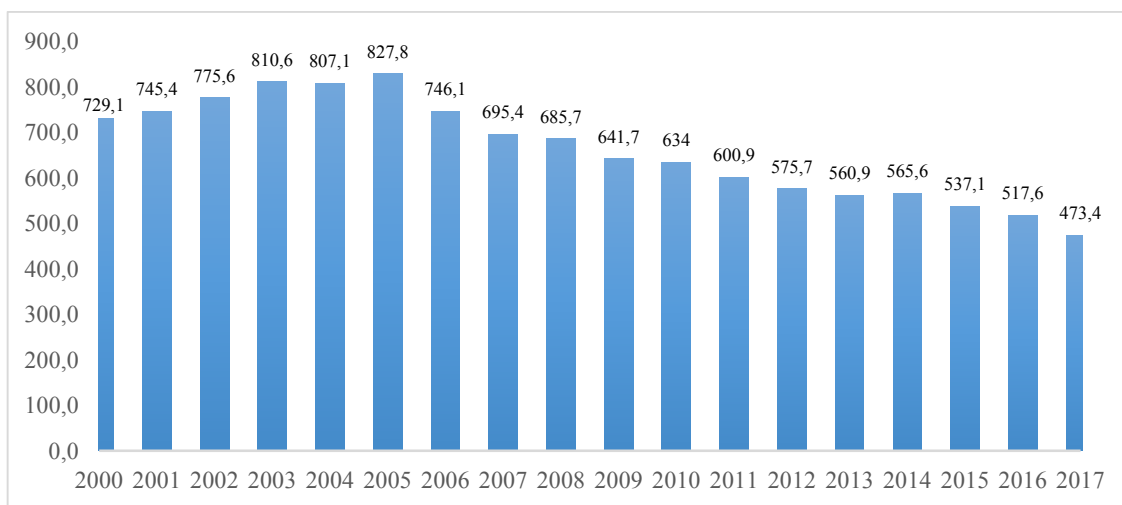

Рис. 1. Коэффициенты смертности населения России в трудоспособном возрасте, (на 100 тыс. чел.). Составил автор по: [5]

Несомненно, здравоохранение и система медицинского обслуживания оказывают непосредственное влияние на социально-экономическую систему в регионе, так как здоровье населения – это самый важный индикатор благополучного общества.

Становление рыночных отношений в отечественной системе здравоохранения, формирование рынка медицинских услуг, интенсивно развивающийся процесс коммерциализации отрасли стали одними из основных факторов, которые повлекли за собой ухудшение медико-демографических показателей. Среди них – сокращение численности и средней ожидаемой продолжительности жизни населения (по оценке ВОЗ, в 2017 г. по показателю

продолжительности жизни мужчин (67,5 года), женщин (77,6) Россия находилась на 109-м месте в списке из 183 стран [6]; высокий уровень смертности населения трудоспособного возраста [7]; распространение социально опасных заболеваний, формирующих угрозу деградации личности; высокий уровень младенческой и материнской смертности и др.

Однако по уровню финансирования национального здравоохранения Российская Федерация, по мнению Всемирной организации здравоохранения, относится к группе стран с неприоритетным типом здравоохранения в отличие от других развитых стран [8]. Специфика рынка медицинских услуг такова, что определяющим фактором приобретения той или иной услуги будет уже не цена, а именно качество оказываемой услуги [9; 10]. Качественной медицинской помощью является та помощь, которая обеспечивает лучшие результаты на базе современного уровня знаний и технологий при минимально необходимых тратах на эту помощь [11, с. 3].

Пациенты, потребители медицинских услуг, будут стремиться выбирать наилучшую клинику как в своем регионе, так и за её рубежом. Действительно, на сегодняшний день набирает популярность такая практика предоставления медицинских услуг, как медицинский туризм. По данным ВОЗ россияне все больше предпочитают зарубежные медицинские учреждения [6]. По данным конференции «Медицина – 2012» в 2011 году за пределы РФ выехало более 70 тысяч человек, оплатив медицинские услуги на сумму около миллиарда долларов [12]. Это приводит к оттоку финансовых средств из российской экономики.

Между тем уровень медицинского обслуживания и, следовательно, качество здоровья населения во многом характеризуют степень развития её социально-экономического потенциала. Выступая в качестве интегральной характеристики развития здравоохранения, уровень медицинского обслуживания и качество здоровья населения выражают меру социальной ответственности государства перед своими гражданами.

Рассматривая конкретный регион, стоит отметить, что региональная модель здравоохранения базируется как на экономике данного региона, так и на необходимости формирования социально-экономической инфраструктуры, частью которой и является здравоохранение [13, с. 32].

Кроме экономических, на эффективность деятельности системы здравоохранения рассматриваемого региона влияют следующие факторы:

- окружающая среда, что выражается влиянием качества питьевой воды, состояния почв, продуктов питания, качества атмосферного воздуха, зависящего от интенсивности его загрязнения выбросами вредных веществ от стационарных источников и автомобильного транспорта. Загрязняющие вещества, поступающие в атмосферу, влияют, в первую очередь, на органы дыхания, проникают в кожу и во внутренние органы, то есть способны воздействовать на весь организм человека и одновременно на большое количество населения в круглосуточном режиме [14, с. 24];

- социально-экономические условия, что выражается как в общем экономическом состоянии региона, в уровне личного благосостояния населения республики, их образовании, образе жизни, на который воздействуют стрессы, отношение к курению, алкоголю, питанию, физической активности, режиму работы и отдыха [14, с. 23].

Приведенные факторы влияют на условия проживания населения региона, причем степень влияния их неравномерна в разных административных территориях республики, что требует эффективной системы здравоохранения с учетом данных различий [14, с.94].

В связи с этим представляет интерес исследование территориального распределения факторов среды обитания и показателей здоровья населения и определение их влияния на общий уровень состояния республики.

Многомерный характер человеческой жизни и уникальность каждого человека делают категорию «качество жизни» чрезвычайно сложной. В то же время устройство социально-экономической системы накладывает определенные ограничения на оценку данной категории, в том числе на возможность оценить, как на нее оказывают влияния те или иные факторы окружающей среды.

Качество жизни как самостоятельная категория впервые упоминается в медицинской науке в 70-х годах прошлого столетия под влиянием меняющейся парадигмы здоровья и здравоохранения [15]. Несмотря на то, что в XX веке были получены необычайные результаты в области медицины, система здравоохранения оказалась в кризисе. Это объясняется не только экономическими причинами, но и изменением характера болезни от острой до хронической, причины которой все чаще связаны с образом жизни человека. Новые методы лечения, впечатляющие успехи в медицине и огромные затраты на лечение, по-видимому, напрямую не отразились на положительных эффектах, заметных пациентам.

Соответственно, внимание исследователей, медиков, социологов и экономистов к качеству жизни и влиянию на него системы медицинского обслуживания связано, в частности, с рассмотрением медицинских и немедицинских последствий врачебных манипуляций, с осознанием населением важности своего здоровья и с постепенно меняющимся восприятием своего образа жизни, отказом от вредных привычек и пропагандой здорового образа жизни.

Попытки оценить влияние медицинского обслуживания на качество жизни населения привели к тому, что Г. Шиппер в 1996 г. сформулировал концепцию «качества жизни, связанного со здоровьем» (HRQOL), которая определяет качество жизни как функциональный эффект болезни и ее лечение, воспринимаемое пациентом [16]. HRQOL – это многомерная концепция, охватывающая физические, эмоциональные и социальные компоненты, связанные с болезнью и ее лечением. По мнению экспертов ВОЗ, понятие качества жизни должно включать в себя индивидуальный способ восприятия материальных и нематериальных ресурсов, степени удовлетворенности ими [10; 17]. Качество жизни определяется как восприятие человеком своего положения в жизни в контексте ценностных и культурных систем, в которых они живут, и в отношении ожиданий, стандартов и интересов. В приведенном выше определении рассматривается качество жизни с точки зрения индивидуума.

Ранее исследования качества жизни фокусировались на объективном аспекте, стремясь игнорировать субъективное. Первая включает, помимо прочего, состояние здоровья и социально-экономический статус человека (занятие, семейный доход, свободное время); последний подчеркивает уровень удовлетворенности жизнью, удовлетворение потребностей и участие в социальных структурах.

Оценка уровня влияния медицинского обслуживания на качество жизни должна учитывать широкий спектр факторов, которые не ограничиваются лишь

показателями здоровья населения [18]. Примечательно, что сама концепция качества несет положительные коннотации, равно как и понятие здоровья. С одной стороны, здоровье имеет абсолютную ценность, но оно также имеет инструментальную ценность, то есть позволяет человеку достичь своих целей, а самое главное – улучшить качество жизни. С другой стороны, здоровье – это одна из составляющих многогранной категории «качество жизни», которое можно раскрыть только если учитывать весь спектр социально-экономических параметров жизнедеятельности человека.

Исследователи, изучающие качество жизни, рассматривали объективные факторы в основном, экономисты и статистики определяли качество жизни с точки зрения материального благосостояния, измеряемого количеством товаров и услуг, которые мог себе позволить человек. Социологи и политики рассматривали качество жизни как способ и степень удовлетворения потребностей человека. Поскольку люди по-разному реагируют на изменения в своей среде (практически нет объективных детерминант качества жизни), было принято, что рассмотрение субъективных восприятий должно составлять основу для оценки качества жизни.

На наш взгляд, в полной мере оценить влияние уровня медицинского обслуживания на качество жизни населения в регионе позволит разработанная нами методика. Для оценки уровня влияния медицинского обслуживания на качество жизни населения в регионе используется система, основанная на интегральной оценке социально-экономической, экологической сфер и уровня медицинского обслуживания региона. Таким образом, можно выявить три подсистемы индикаторов.

Первая группа «Медико-экономические параметры» включает 11 показателей:

- количество больничных коек на 1000 человек населения;
- численность населения на 1 больничную койку;
- мощность амбулаторно-поликлинических отделений, количество посещений в смену;
- число врачей всех специальностей;
- количество среднего медицинского персонала;
- заболеваемость на 1000 человек населения по всем классам заболеваний;
- количество инструментальных исследований, проведенных на аппаратах МРТ, КТ, УЗИ, рентген.

Вторая группа «Экономические параметры» включает 3 показателя:

- уровень расходов региона на здравоохранение;
- доходы населения;
- ВРП.

Третья группа «Демографические параметры» включает 6 показателей:

- ожидаемая продолжительность жизни;
- рождаемость;
- смертность в трудоспособном возрасте;
- смертность населения;
- младенческая смертность;
- численность населения.

Для обработки данных по регионам ПФО было проведено нормирование для приведения к интервалу [0; 1] массива данных, на множестве действительных

значений исходных данных с построением частного индекса фактора. Нормирование основано на линейном функциональном преобразовании данных. Выбор способа нормирования связан с тем, что значения переменных плотно и равномерно заполняют интервал, определенный эмпирическим размахом данных.

$$\tilde{x}_{i,j} = \frac{x_{i,j} - x_{minj}}{x_{maxj} - x_{minj}} \quad (1),$$

где $\tilde{x}_{i,j}$ – нормализованное значение j-го фактора для i-го региона;

$x_{i,j}$ – j-ая координата i-го вектора;

$x_{min,j}$ и $x_{max,j}$ – соответственно минимальное и максимальное значения j-го фактора по рассматриваемой выборке данных.

На основе полученных нормализованных значений определялся интегральный показатель региона по группам исходных значений факторов с использованием формулы суммы нормированных значений (весов) единичных групповых показателей социального инновационного потенциала региона:

$$IP = \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^n w_k \tilde{x}_{i,k} \quad (2),$$

где IP – матрица интегральных показателей;

$\tilde{x}_{i,k}$ – нормализованное значение k-го фактора для i-го региона;

w_k – показатель значимости (веса) k-ой группы фактора.

Результаты и обсуждение

Нами представлена динамика интегрального показателя оценки уровня медицинского обслуживания на качество жизни населения в регионах Приволжского федерального округа (табл. 1).

Разработанная методика показывает оценку вклада здравоохранения в качество жизни населения регионов. Иными словами, чем выше коэффициент, тем уровень медицинского обслуживания, качество жизни населения и в целом их влияние на социально-экономическую среду в регионе выше.

Полученная методика позволяет сделать вывод о том, что уровень медицинского обслуживания, качества жизни выше в Республике Татарстан, Нижегородской и Самарской областях.

С нашей точки зрения, на сегодняшний день особенно актуальной задачей является оценка результативности и эффективности системы медицинского обслуживания. Одним из основных ее результатов является повышение не только показателей здоровья населения, но и их качества жизни.

Таблица 1.
Динамика интегрального показателя оценки уровня медицинского обслуживания на качество жизни населения в регионах ПФО в 2011–2015 гг.

	ПФО	Респ. Башкортостан	Респ. Марий Эл	Респ. Мордовия	Респ. Татарстан	Удмуртская Респ.	Чувашская Респ.	Пермский край	Кировская область	Нижегородская обл.	Оренбургская обл.	Пензенская область	Самарская область	Саратовская обл.	Ульяновская обл.
2011	4,10	5,18	3,29	4,35	6,85	3,64	3,63	4,27	3,16	5,61	3,62	3,80	5,51	4,86	4,31
2012	4,11	5,44	3,55	4,61	7,11	3,90	3,89	4,54	3,43	5,87	3,89	4,07	5,77	5,13	4,57
2013	4,13	5,47	3,58	4,64	7,14	3,93	3,92	4,56	3,45	5,90	3,91	4,09	5,80	5,15	4,60
2014	4,12	5,45	3,56	4,62	7,12	3,91	3,90	4,55	3,44	5,88	3,90	4,08	5,78	5,14	4,58
2015	4,11	5,42	3,53	4,59	7,09	3,88	3,87	4,52	3,41	5,85	3,87	4,05	5,75	5,11	4,55

Рассчитано авторами

Выводы

Таким образом, для российского здравоохранения в целом и для регионального в частности в настоящее время особенно актуальной является проблема повышения эффективности организации медицинской помощи населению. В этой связи необходимо найти решения таких задач, как ресурсное обеспечение отрасли и рациональное использование имеющихся ресурсов, развитие альтернативных источников финансирования, создание условий для внедрения современных высокотехнологичных медицинских технологий и т. д. В то же время необходимо развивать методики оценки результативности деятельности компонентов сложной системы здравоохранения.

Необходимость решения этих сложных задач, в свою очередь, требует новых форм, методов и моделей управления всеми звеньями системы здравоохранения и протекающими в ней экономическими процессами, включая создание моделей управления на основе комплексного системного подхода на уровне лечебно-профилактического учреждения, отрасли, территории.

Разработанная авторами методика оценки влияния уровня медицинского обслуживания на качество жизни населения в регионе позволяет оценить результативность деятельности системы здравоохранения по отношению к категории «качество жизни населения» в регионах в зависимости от степени развитости социально-экономических условий среды, уровня расходов на здравоохранение в регионе, выявлять слабые и сильные стороны и потенциально возможные угрозы региональным социально-экономическим системам, а также может служить ядром для прогнозирования регионального развития медицинского обслуживания.

Литература

1. Гужавина Т. А. Качество жизни в оценках населения региона // Проблемы развития территории. 2016. № 2. С. 98–111.
2. Шейман И. М. Экономика здравоохранения: учеб. пособие / под науч. ред. М. Г. Колосницыной, И. М. Шеймана, С. В. Шишкина; Гос. ун-т -Высшая школа экономики. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 479 с.
3. Официальный сайт медицинского портала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2015/08/04/601mortality/>
4. Стенограмма расширенного заседания Комитета Государственной Думы по охране здоровья, 2009. 39 с.
5. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М. 2015. 263 с.
6. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
7. Вангородская С. А. Тенденции смертности населения трудоспособного возраста в белгородской области в 2000–2013 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24505>.
8. Колетова Т. О., Фоменко В. В., Сурнина Н. М. Макроэкономические аспекты результативности системы здравоохранения РФ на современном этапе // Конкурентоспособность территорий и предприятий меняющейся России: материалы X Всерос. форума молодых ученых. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. Ч. 2. С. 145.
9. Материалы конференции «Медицина – 2012» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zdrav.medkhv.ru/sites/files/zdrav/docs/2012/ef473074a05852f94885.pdf>.
10. Официальный сайт Всемирной Организации Здравоохранения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.who.int/countries/rus/ru/>.
11. Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/2016090201>.
12. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2016: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2016. 671 с.
13. Вялков А. И. Основы региональной политики в здравоохранении. М., 2001. 336 с.
14. Трагекас Э., Лессоф С. Системы здравоохранения: время перемен. Россия [Электронный ресурс] / Трагекас Э., Лессоф С. Европейская обсерватория по системам здравоохранения. Режим доступа: http://medspravochnik.ru/view_page.php?page=17&ID=34.
15. Шеридан Ц. Л., Рэдмахер С. А. Психология здоровья: Институт Психологии здоровья Польского Психологического Общества, Варшава, 1998. 431 с.
16. Шиппер Г., Клинич Дж., Олвени К. Л. Исследования качества жизни: определения и концептуальные вопросы, Качество жизни и фармакоэкономика в клинических испытаниях // США, Филадельфия. 2006. С. 11–23.
17. WHOQOL: Протокол исследования. Отдел психического здоровья: Женева, 1993. С. 361–374.

18. Русалева Л. Ю. Маркетинговые исследования рынка медицинских услуг // Вопросы экономики и управления для руководителей здравоохранения. 2005. № 7. С. 61–63.

*Kadyrova L. R.*¹
*Panasuyk M. V.*²

Evaluation of the effect of the medical care level on quality of life of the population of the region (on the example of the Republic of Tatarstan)

Kazan (Volga region) Federal University
Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan
e-mail: ¹leilia.kadyrova@gmail.com; ²mp3719@yandex.ru

Abstract. *The impact of the health care system on the quality of life of the region population on the example of the Privolzhsky Federal District (PFD) is analyzed in the article. The author analyzes the main indicators of the healthcare, gives the author's approach to the choice of indicators for assessing the effect of the healthcare system and measures of its impact on the quality of life of the population in the regions. The results of the developed methodology for assessing the impact of the level of medical care on the quality of life of the population in the PFD regions are presented.*

Key words: *quality of life, healthcare, regional economics, regional socio-economic system, healthcare impact assessment, Privolzhsky Federal District, regional healthcare, region*

References

1. Guzhavina T. A. Kachestvo zhizni v ocenках naseleniya regiona // Problemy razvitiya territorii. 2016. № 2. С. 98-111 (in Russian).
2. SHEjman I. M. Ekonomika zdavoohraneniya: ucheb. posobie / pod nauch. red. M. G. Kolosnicynoj, I. M. SHEjmana, S. V. SHishkina; Gos. un-t. Vysshaya shkola ekonomiki. M.: Izd. dom GU VSHE, 2008. 479 s. (in Russian).
3. Oficial'nyj sajt medicinskogo portala [Elektronnyj resurs]. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2015/08/04/601mortality/> (in Russian).
4. Stenogramma rasshirenogo zasedaniya Komiteta Gosudarstvennoj Dumy po ohrane zdorov'ya, 2009. 39 s. (in Russian).
5. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2015: Stat. sb./ Rosstat. Moskva. 2015. 263 s. (in Russian).
6. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru>. (in Russian).
7. Vangorodskaya S. A. Tendencii smertnosti naseleniya trudosposobnogo vozrasta v belgorodskoj oblasti v 2000-2013 g.g. // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2016. № 3 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24505> (in Russian).
8. Koletova T. O., Fomenko V. V., Surnina N. M. Makroekonomicheskie aspekty rezul'tativnosti sistemy zdavoohraneniya RF na sovremennom etape // Konkurentosposobnost' territorij i predpriyatij menyayushchejsya Rossii: materialy X Vseros. foruma molodyh uchenyh. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, 2014. CH. 2. S. 145 (in Russian).

9. Materialy konferencii «Medicina - 2012» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://zdrav.medkhv.ru/sites/files/zdrav/docs/2012/ef473074a05852f94885.pdf> (in Russian).
10. Oficial'nyj sajt Vsemirnoj Organizacii Zdravoohraneniya [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.who.int/countries/rus/ru/> (in Russian).
11. Monitoring ob itogah social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii v 2015 godu [Elektronnyj resurs]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/2016090201> (in Russian).
12. Regiony Rossii. Osnovnye harakteristiki sub"ektov Rossijskoj Federacii. 2016: Stat. sb. / Rosstat. M., 2016. 671 s. (in Russian).
13. Vyalkov, A. I., Osnovy regional'noj politiki v zdravoohranenii. M, 2001. 336 s. (in Russian).
14. Tragekas E., Lessof S. Sistemy zdravoohraneniya: vremya peremen. Rossiya [Elektronnyj resurs] / Tragekas E., Lessof S. – Evropejskaya observatoriya po sistemam zdravoohraneniya. [Elektronnyj resurs]. URL: http://medspravochnik.ru/view_page.php?page=17&ID=34 (in Russian).
15. Sheridan C. L., Redmaher S. A. Psihologiya zdorov'ya: Institut Psihologii zdorov'ya Pol'skogo Psihologicheskogo Obshchestva, Varshava, 1998 g. (in Russian).
16. Shipper G., Klinch Dzh., Olveni K. L. Issledovaniya kachestva zhizni: opredeleniya i konceptual'nye voprosy, Kachestvo zhizni i farmakoeconomika v klinicheskikh ispytaniyah // SSHA, Filadel'fiya. 2006. S.11-23 (in Russian).
17. WHOQOL: Protokol issledovaniya. Otdel psihicheskogo zdorov'ya: ZHeneva, 1993. S. 361-374 (in Russian).
18. Rusaleva, L. YU. Marketingovye issledovaniya rynka medicinskih uslug // Voprosy ekonomiki i upravleniya dlya rukovoditelej zdravoohraneniya. 2005. №7. S. 61-63 (in Russian).

Поступила в редакцию 11.06.2018 г.

УДК 913: 314.15:37

Кондакова Т. Ю.¹

Старикова А. В.²

Учебная миграция в вузы Ярославской области и Баварии (сравнительный анализ)

¹ ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»,
Российская Федерация, г. Ярославль

² ФГБУН «Институт географии РАН», Российская Федерация, г. Москва

e-mail: ¹tanijakond7@mail.ru; ²a.v.starikova@igras.ru

Аннотация. Дано описание системы высшего образования Ярославской области. Определены территориальная структура внутрироссийских учебных миграций и регионы-поставщики студентов в местные вузы. Проанализированы пространственно-временные особенности внутри- и межрегиональной учебной миграции студентов в сравнении с теми же показателями для Баварии.

Ключевые слова: учебная миграция, маятниковая миграция, высшие учебные заведения, Ярославская область, Бавария.

Введение

Общая картина пространственной мобильности населения формируется под влиянием совокупности миграционных процессов, к которым относятся все территориальные перемещения населения, включая возвратные. Обзор работ показал, что в отечественной и зарубежной научной литературе наибольшее внимание уделяется трудовой и туристической мобильности. Учебные миграции значительно реже становятся основным предметом исследований, хотя об усилении их роли и об актуальности их изучения пишут многие авторы [4; 6; 11].

Чаще миграциям с целью получения образования посвящены работы социологов, демографов, экономистов, при этом центральное место отводится учебным миграциям студентов вузов. Исследователи обращают внимание на такие вопросы, как демографические ресурсы учебной миграции [12; 16], миграционные планы абитуриентов и выпускников вузов [2], академическая мобильность [10].

Педагогический, философский, экономический, социологический научные подходы, преобладая в исследованиях проблем образования [5], влияют и на сферу изучения учебной миграции. Однако именно здесь первоочередное значение имеет учёт географических аспектов (пространственно-временных особенностей, территориальной структуры и масштабов миграций), позволяющий определить место учебной миграции в общей картине мобильности и её значение для социально-экономического развития регионов. Необходимость географического подхода к анализу такой миграции отмечал А. П. Катровский, подчёркивая потенциал географического синтеза как высшей ступени обобщения проблем территориальной организации образования [6].

Процесс учебной миграции активно изучается отечественными авторами в контексте международной миграции, особое внимание уделяется перспективам российских вузов при обучении иностранцев и их адаптации к новой среде [3; 14]. Внутренняя образовательная миграция рассматривается на примерах отдельных

вузов и реже анализируется на уровне регионов [1; 2; 4; 15; 16]. Отдельно выделяется пласт работ, посвящённых учебной миграции в свете миграции молодёжи [7]. Среди зарубежных публикаций важен труд П. Мойсбургера о проблемах географии образования, в т. ч. учебной мобильности [18].

Процесс регионализации высшего образования, усиление роли вузов как «локомотивов» развития территорий и их влияния на местные рынки труда [6] повышают актуальность исследований учебной мобильности на внутри- и межрегиональном уровнях.

Целью статьи стало выявление миграционных связей вузов на примере Ярославской области.

В отличие от других отечественных работ, в нашей работе происходящие процессы рассматриваются в сравнении с процессами за рубежом (на примере немецкой земли Бавария). В центр внимания помещены особенности внутри- и межрегиональной учебной миграции, которые чаще всего остаются за рамками интересов отечественных исследователей.

Материалы и методы

По российским статистическим источникам внутри- и межрегиональные миграционные связи (в т. ч. маятниковые) напрямую не прослеживаются, а их использование возможно лишь с ограничениями, что подробно рассматривают некоторые российские исследователи [7]. Отдельные вузы в своих статистических сборниках дают информацию об иногородних студентах, но для подробного анализа её недостаточно. В таких условиях основным источником данных становятся опросы студентов и экспертные интервью с представителями учебных заведений, позволяющие выявить особенности учебной миграции на региональном уровне, структуру её потоков, а также проследить миграционное поведение студентов.

Территорией исследования выбрана Ярославская область как один из наиболее промышленно развитых регионов центральной России, где функционируют крупные и создаются новые, в т. ч. высокотехнологичные производства, формирующие спрос на высококвалифицированных работников. Такие кадры готовят многочисленные местные организации высшего образования, привлекающие как местных, так и иногородних студентов.

В 2018 г. в рамках исследования был проведён пилотный опрос студентов (190 человек) трёх государственных вузов: Ярославского университета им. П. Г. Демидова, Ярославского педагогического университета им. К. Д. Ушинского и Ярославского медицинского университета. Такой набор вузов связан с особой ролью классических, медицинских и педагогических учебных заведений для регионального развития [6]. Опрос проводился в форме анкетирования, респонденты отвечали на вопросы трёх блоков: об их социальном и материальном положении, жизни в городе и планах на будущее. В это же время были проведены интервью с работниками вузов и проанализированы данные о постоянном месте жительства студентов-заочников (1509 человека) Ярославского филиала московской Академии труда и социальных отношений, предоставленные руководством вуза.

Для сравнения процессов учебной миграции, происходящих в нашей стране, с такими же процессами за рубежом выбрана Бавария как регион с развитой

мобильностью населения, в т. ч. учебной. Данные об учебной маятниковой миграции получены из материалов регулярно публикуемой микропереписи населения [17]. В Баварии региональность – главная черта миграционных связей вузов [13], что во многом соответствует современным тенденциям развития территориальной организации российской высшей школы [6].

Результаты и обсуждение

Характеристика системы высшего образования Ярославской области

Ярославская область – сравнительно небольшой субъект РФ, тем не менее среди регионов Центрального федерального округа по числу образовательных организаций высшего образования (24 зарегистрированных вуза на начало 2017–2018 учебного года) она занимает 4-е место (после Москвы, Московской и Воронежской областей), а по количеству филиалов – 7-е (после Московской, Смоленской, Калужской, Брянской, Владимирской и Воронежской областей). Два филиала осуществляют деятельность только по программам среднего профессионального образования, а ещё два – дополнительного (нами они не рассматривались), остальные имеют лицензию на реализацию программ высшего образования (табл. 1). Таким образом, неслучайно, что среди жителей Ярославской области уровень образования – очень высокий, а численность жителей, имеющих высшее образование, за последние годы значительно выросла (табл. 2), что характеризует качество местных трудовых ресурсов.

Учебные заведения, реализующие программы высшего образования, расположены в 4-х муниципальных образованиях: в городах Ярославле (здесь обучается 90,5 % студентов области), Рыбинске (9,1 %), Тутаеве (0,2 %), Переславле-Залесском (0,2 %). На начало 2017–2018 учебного года численность студентов в них составила 31,3 тыс. человек, сократившись на 7,5 %, что объясняется, в основном, реорганизацией вузов. По общей численности студентов в регионе неизменно лидируют Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского и Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

Подавляющее большинство студентов – это россияне (97,2 %, доля иностранцев всего 2,8 %). Такое распределение подчёркивает необходимость внимания к внутрироссийским миграционным процессам. Малочисленные иностранные студенты представляют 26 стран дальнего и 15 стран ближнего зарубежья с наибольшим представительством выходцев из Таджикистана (44,5 %) и Туркменистана (10,9 %). Больше всего иностранцев привлекают Рыбинский авиационный технический университет им. П. А. Соловьева и Ярославская сельскохозяйственная академия, а география мигрантов наиболее широка в Ярославском медицинском университете – здесь обучаются студенты из 25 стран.

Учебная и трудовая мобильность на территории области играет большую роль в миграционных процессах. Все малые города (особенно районного подчинения) страдают от постоянного оттока населения, а ежегодное сокращение их людности составляет в среднем 1 % [9]. Для них, а также для всех сельских поселений, характерно и снижение численности трудовых ресурсов из-за отъезда граждан на работу в крупные города (Москва, Ярославль, Рыбинск) и районные центры. Значительны и потоки маятниковых мигрантов, направленные, в основном, в районные и областной центры (как правило, в пределах удаленности до 20 км). С систематическими трудовыми миграциями связано около 5–10 %

жителей каждого поселения области [9]. При этом трудовая миграция часто следует за учебной, т. к. часть студентов решает остаться в крупном городе, где заработная плата выше, а рынок труда насыщен предложениями.

Таблица 1.
Образовательные организации высшего образования
Ярославской области

Год	Государственные образовательные организации высшего образования						
	самостоя- тельные	филиалы	В них студентов, чел.	В т. ч. по формам			Число студентов, чел. на 1000 жителей
				очная	очно- заочная	заочная	
2014	7	10	31634	18208	732	12694	249
2015	7	7	29935	17194	623	12118	235
2016	7	5	28655	17573	550	10532	225
Год	Негосударственные образовательные организации высшего образования						
	самостоя- тельные	филиалы	В них студентов, чел.	В т. ч. по формам			Число студентов, чел. на 1000 жителей
				очная	очно- заочная	заочная	
2014	2	8	7976	1073	85	6818	63
2015	2	7	7252	1003	72	6177	57
2016	2	5	5152	904	58	4190	71

Составили авторы по данным Министерства образования и науки РФ на начало года

Территориальная структура учебных миграций в вузы области анализировалась на примере Ярославского филиала Академии труда и социальных отношений. Этот вуз реализует, в основном, три «популярные» у абитуриентов образовательные программы: экономика, менеджмент и юриспруденция. По данным о контингенте студентов определены города Ярославской области и регионы России – основные поставщики учебных мигрантов.

Таблица 2.
Уровень образования населения
Ярославской области

Уровень образования	1989 г.	2010 г.
высшее	9,6%	21,8%
неполное высшее	1,4%	4,0%
среднее специальное	18,6%	33,6%
начальное профессиональное	15,6%	7,3%
среднее общее	15,0%	16,0%
основное общее	18,2%	11,4%
начальное	14,3%	5,8%

Составили авторы по данным Всероссийской переписи населения

Территориальная структура миграций в вузы Ярославской области

Из общего числа обучающихся доля жителей Ярославской области очень высока (87,6 %). Значительная часть проживает в Ярославле (56,4 % всех студентов, проживающих в области), велика доля жителей Рыбинска (7 %), Ростова (4,5 %), Тутаева, Переславля-Залесского и Углича. Выходцы из сельской местности составляют свыше 21 %. Из числа «неярославских» студентов (12,4 %) выделяются жители северных регионов Европейской России, прежде всего Архангельской области (4,4 %). Связи с ярославскими вузами для них традиционны. Большинство учащихся – из Архангельска, Вельска и Вельского района, велика доля студентов из Плесецка, Северодвинска, Няндомы. Значимую часть мигрантов поставляют Вологодская область (Вологда и Череповец – 1,2 %) и Республика Коми (Воркута, Печора и Ухта – 0,8 %). Также в Ярославль едут жители Костромской области (Кострома, Буй и Нерехта – 1,5 %), граничащей с Ярославской. Доля остальных российских субъектов (Ивановской, Мурманской, Саратовской, Смоленской, Псковской, Тульской, Пензенской, Владимирской, Воронежской, Тамбовской, Московской и Ленинградской областей, Москвы, Татарстана, Марий Эл, Чечни, Ингушетии и др.) составляет 4,5 %, а каждый регион предоставляет от 1 до 6 студентов. Регионы и города, которые являются основными донорами учебных мигрантов, также поставляют в Ярославскую область и трудовых, причем примерно в том же соотношении [8], что говорит о необходимости и перспективности исследований учебной миграции.

Отметим, что анализ результатов анкетирования студентов в других ярославских вузах и экспертные интервью также говорят о роли Ярославля как образовательного центра, притягивающего иногородних студентов с территорий Европейского Севера (из Вологодской и Архангельской областей, Республики Коми), а также из Костромской области. Структура учебных связей во многом обусловлена положением Ярославля на Северной железной дороге, направления которой соответствуют основным регионам-поставщикам студентов.

Пространственно-временные особенности учебной миграции

Обучаясь в Ярославле, иногородние студенты в течение года совершают поездки в родные места (рис. 1): свыше 75 % из них ездят домой с определённой ритмичностью, остальные респонденты отмечают, что бывают дома от случая к случаю (1–2 раза в месяц, раз в полгода, летом и т. п.).

Высокая регулярность поездок свойственна студентам из Ярославской области. Они перемещаются между местами жительства и учёбы 1–2 раза в неделю и чаще, а также проводят дома выходные (так поступает свыше половины внутрирегиональных мигрантов). У студентов из других регионов возможность навестить родных есть, главным образом, на выходные (на такой вариант указали респонденты из Ивановской, Владимирской, Костромской, Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми) или каникулы. Доля студентов, выезжающих домой на выходные, сокращается с ростом удалённости их населённого пункта от Ярославля (своё значение, конечно, имеет и удобство транспортного сообщения, наличие прямых маршрутов, количество пересадок), а доля уезжающих на каникулы – растёт.

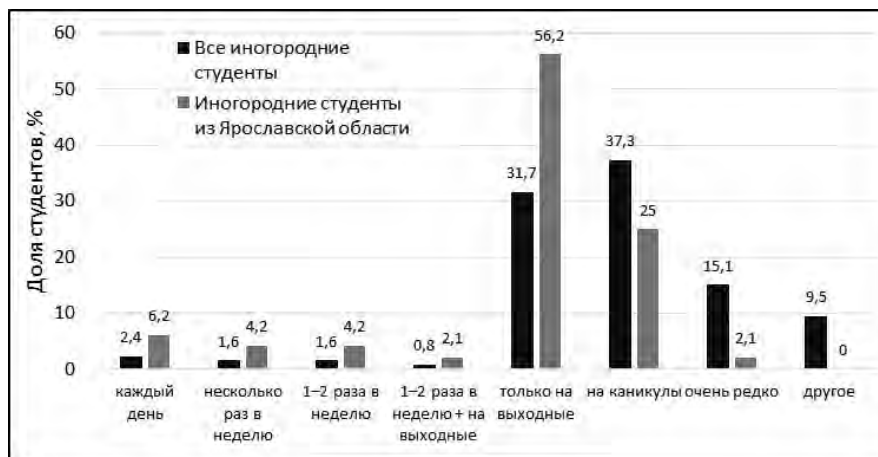

Рис. 1. Периодичность возвращения студентов в места постоянного проживания (по данным за 2018 г.). Составлено авторами

В учебной миграции важную роль играет время, которое зависит как от расстояний, так и от выбора вида транспорта. Почти половина респондентов использует железнодорожный транспорт (в основной массе студенты, живущие за пределами области), свыше четверти – междугородные автобусы (ими пользуются жители области и приграничных регионов), ещё четверть добирается до дома на личных или попутных автомобилях. На мобильность студентов во многом влияют их финансовые возможности, т. к. траты на дорогу часто существенны для семейного бюджета, поэтому мигранты реже навещают родные места или ищут дешёвый вариант поездок (пользуются сервисами поиска попутчиков, выбирают длительную поездку на поезде вместо перелёта на самолёте и др.).

Доступная статистика не позволяет проследить пространственно-временные особенности межрегиональной миграции в Баварии. Учитывая высокий уровень транспортной доступности её территорий, можно предположить, что немецкие студенты на путь до вуза времени тратят меньше и им выгоднее ездить каждый день, не переезжая (так, многие муниципалитеты вводят налог, который платят те, кто арендует здесь жильё, что для студентов влечёт дополнительные издержки).

Ежедневная учебная миграция студентов вузов имеет свои пространственно-временные характеристики. И в России, и в Баварии вузы, как правило, находятся в больших городах, а число участников ежедневных поездок падает при увеличении расстояния до мест обучения. Тем не менее на анализируемых территориях чётко прослеживается разница в распределении долей участников миграции в зависимости от расстояния (рис. 2). Существенны и отличия в средних значениях дистанций такой миграции: в Ярославской области они почти в два раза короче, чем на немецкой федеральной земле (11,8 км и 22,3 км соответственно; расстояния рассчитаны как средневзвешенная величина по данным рис. 2).

Для Ярославской области отмечена прямая зависимость доли студентов-компьютеров от расстояния: чем больше расстояние до вуза, тем меньше преодолевающих его. Так, большинство опрошенных студентов живёт в непосредственной близости от своего университета, свыше чем у 67 % из них путь в одну сторону не превышает 10 км (а во многих случаях он ещё меньше, при этом временные затраты также невелики – менее получаса). Вторую группу формируют те студенты (чуть более 1/4 респондентов), которым приходится преодолевать

расстояние от 10 до 25 км, доля остальных составляет чуть более 6 %. Такое распределение обусловлено тем, что основная масса опрошенных имеет возможность жить рядом с вузом в общежитиях (1/3 студентов, для которых дальность маятниковой миграции менее 10 км) или снимать квартиры неподалёку (1/4).

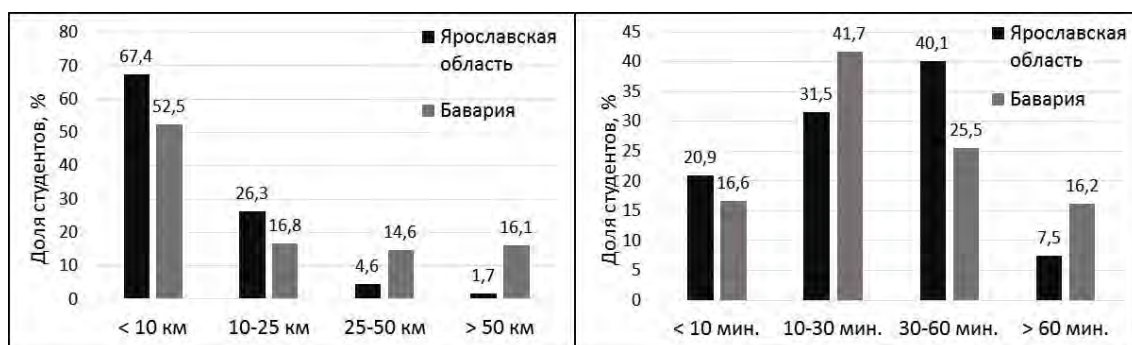

Рис. 2. Дальность поездок (слева) и затраты времени (справа) при ежедневной учебной миграции студентов вузов Ярославской области (по данным за 2018 г.) и Баварии (по данным за 2016 г.). Составлено авторами

В Баварии доля проживающих рядом с вузами также высока, но здесь в разы выше доля тех, кто живёт на значительном удалении (свыше 25 км). Кроме того, доли немецких комьютеров, преодолевающих дистанции свыше 10 км, с увеличением расстояний падают незначительно (а тех, кто проезжает свыше 50 км, становится даже больше). Эти показатели отражают различия в уровне пространственной мобильности, что связано с несколькими факторами. С одной стороны, в Баварии значительно выше транспортная доступность вузов, а местные власти выделяют материальную помощь тем, кто готов совершать дальние поездки к местам обучения. С другой стороны, студентам сложнее устроиться в общежитии (на места в студенческих городках есть очередь). В российских условиях существует сложившаяся практика обеспечения нуждающихся студентов общежитием, а добираться до вуза общественным транспортом из удалённых мест и компенсировать финансовые издержки за счёт стипендии и подработок – значительно сложнее.

Что касается затрат времени, то для российских и немецких студентов среднее время в пути до места учёбы практически совпадает (31,6 и 33,8 минут; получено по данным рис. 2 как средневзвешенная величина). Тем не менее среди студентов ярославских вузов особенно велика (и существенно больше, чем в Баварии) доля тех, кто на дорогу тратит от 30 до 60 минут (это время затрачивается ими на перемещение внутри города, а не на междугородние поездки). В Баварии же схожая доля студентов тратит на путь всего от 10 до 30 минут (как на внутригородские поездки, так и на перемещение из пригородов), а тех, кто готов провести в пути свыше часа, значительно больше, в первую очередь, благодаря развитой транспортной инфраструктуре.

Ярославские студенты пользуются городским общественным транспортом (автобусными и троллейбусными маршрутами, в редких случаях – такси): ему отдаёт предпочтение свыше 57 %. Такая доля связана с тем, что основная часть респондентов, включая иногородних, в период обучения живёт на территории Ярославля, а не приезжает ежедневно. Пригородным транспортом (2,7 %) чаще

пользуются уезжающие на каникулы и выходные. Личные автомобили, требующие финансовых затрат, используют всего 13,3 % студентов (почти в 2 раза меньше, чем в Баварии). Почти четверть маршрута до вуза или его значимую часть они проходят пешком. У баварских студентов нет выраженных приоритетов. Городской общественный транспорт не столь популярен (его выбирают чуть более 30 %), хотя есть возможность пользоваться специально организованными маршрутами. Закономерно велика (при более высоком уровне жизни) доля студентов, использующих личные автомобили и пригородный транспорт (из-за большего значения средней дистанции миграции). В разы выше в Баварии и доля комьютеров-велосипедистов (17,1 % против 3,1 %). Это связано не только с немецкой экономностью, стремлением к здоровому образу жизни и сохранению экологии, но и с мягкими природными условия (ездить можно в течение всего года, включая зиму), а также с широким распространением инфраструктуры для велосипедистов, чего в нашей стране недостаточно.

Выводы

Социально-демографическая ситуация в Ярославской области, вписываясь в демографические проблемы подобных территорий России, связана с естественной убылью населения и миграционным оттоком (в т. ч. с учебными миграциями) трудоспособных жителей из малых городов и сельской местности в районные и областной центры и другие крупные населенные пункты.

Территориальная структура учебных миграций такова, что около половины студентов – это жители Ярославля, доля выходцев из крупных городов области также велика, 1/5 приезжает из сельской местности. Основные поставщики учебных мигрантов – северные регионы Европейской России (Архангельская и Вологодская области, Республика Коми), а также Костромская область.

Для студенческой учебной миграции свойственна разная ритмичность. Высокая регулярность поездок (чаще 1–2 раза в неделю) отличает жителей области. С ростом удалённости места жительства и в зависимости от удобства транспортного сообщения с Ярославлем доля студентов, выезжающих домой на выходные, сокращается, а на каникулы – растёт.

Средняя дистанция ежедневной учебной миграции в Ярославской области вдвое короче показателя для Баварии при близких значениях среднего времени на путь, т. к. основная масса ярославских студентов живёт рядом с вузами в общежитии (и не добирается сюда из удалённых мест при низкой транспортной доступности), а среди баварских – в разы выше доля комьютеров на длинные маршруты (благодаря развитой инфраструктуре, господности совершающим дальние поездки и высокой стоимости аренды жилья близ вуза).

У ярославских студентов самыми востребованными являются железнодорожный транспорт (у живущих за пределами области), автобусы (у студентов из области и приграничных регионов) и автомобили, а для ежедневных поездок – городской общественный транспорт; у баварских – нет приоритетов, но среди них значительно больше автолюбителей, пассажиров пригородного транспорта и велосипедистов.

Разделы «Введение», «Материалы и методы», «Пространственно-временные особенности учебной миграции» написаны А. В. Стариковой при поддержке РФФ, проект №14-18-00083, выполненный в Институте географии РАН, «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

Литература

1. Бондырева И. Б. Проблемы и перспективы развития высшего технического образования в регионе // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия «Экономика». 2017. Вып. 1(31). С. 27–31.
2. Варшавская Е. Я., Чуудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
3. Дементьева С. В., Гиниятова Е. В. Учебная миграция в Томский политехнический университет: механизмы и практики эффективной адаптации // Известия Томского политех. ун-та. Экономика. Философия, социология и культурология. История. 2012. Т. 321, № 6. С. 187–190.
4. Деревягина М. В. Учебная миграция как фактор устойчивого развития Воронежской области // Вестник тамбовского ун-та. 2013. Том 18, вып. 4. С. 1390–1394.
5. Зборовский Г. Е. Образование: научные подходы к исследованию // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 21–29.
6. Катровский А. П. Территориальная организация высшей школы России: Монография. Смоленск: Ойкумена, 2003. 200 с.
7. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203.
8. Кондакова Т. Ю. Особенности современного социально-экономического развития сельских территорий Ярославской области // География и экология в школе XXI века. 2017. № 1. С. 19–29.
9. Кондакова Т. Ю. Проблемы социально-экономического развития малых городов (на примере Ярославской области) // Сборник докладов и тезисов участников десятой международной научно-практической конференции от 20 февраля 2016 г. «О влиянии государства на развитие демографических процессов». Ярославль: ЯФ ОУП ВО «АТиСО», 2016.
10. Костина Е. А. Академическая мобильность студентов высшей школы России: кросс-культурный подход // Философия образования. 2014. № 6(57). С. 64–76.
11. Николенко А. Н. Теоретические подходы к изучению учебной миграции // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия. 2009. № 1(9). С. 229–234.
12. Письменная Е. Е. Учебная миграция в Россию: роль в социально-экономическом и демографическом развитии // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 1. С. 76–78.
13. Старикова А. В. Учебная миграция в Баварии: особенности и роль в формировании миграционной картины региона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. География. Геология. 2017. Том 3, № 2. С. 173–185.
14. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / под ред. К. А. Гаврилова, Е. Б. Яценко. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012. 210 с.
15. Чихичин В. В. Учебная миграция на Северном Кавказе: причины, география и возможные проблемы // Наука, инновации, технологии. 2014. № 2. С. 161–178.

16. Эмбрехт Р. В. Роль образовательной миграции в демографическом развитии Томской области (2000-2009 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 348. С. 76–79.
17. Erwerbstätige sowie Schüler und Studierende nach Pendlereigenschaften in Bayern 2016. Statistische Berichte. Ergebnisse der 1%-Mikrozensushebung 2012. Bayerisches Landesamt für Statistik, Fürth, 2017.
18. Meusburger P. Bildungsgeographie: Wissen und Ausbildung in der räumlichen Dimension. Heidelberg Spektrum Akademischer Verlag. 1998. 569 p.

Kondakova T. Y.¹
Starikova A. V.²

Educational migration to the higher educational institutions of Yaroslavl Oblast and Bavaria (comparative analysis)

¹ Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russian Federation, Yaroslavl;

² Institute of geography Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow

e-mail: ¹tanjakond7@mail.ru; ²a.v.starikova@igras.ru

Abstract. Description of the higher education system of the Yaroslavl Oblast is given. Territorial structure of educational migration to the Yaroslavl Oblast (within borders of Russia) and main regions, suppling students to local higher educational institutions are determined. Spatio-temporal features of the intra- and interregional educational migration of students are analyzed compared to the same indicators for Bavaria.

Keywords: educational migration, commuting, higher educational institutions, Yaroslavl Oblast, Bavaria.

References

1. Bondyreva I. B. Problemy i perspektivy razvitiya vysshego tehničeskogo obrazovaniya v regione // Vestnik Ivanovskogo gos. un-ta. Seriya «Ekonomika». 2017. Vyp. 1(31). S. 27–31 (in Russian).
2. Varshavskaya E. YA., CHudinovskih O. S. Migracionnye plany vypusnikov regional'nyh vuzov Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. 2014. №3. S. 36–58 (in Russian).
3. Dement'eva S. V., Giniyatova E. V. Uchebnaya migraciya v Tomskij politehnicheskij universitet: mehanizmy i praktiki effektivnoj adaptacii // Izvestiya Tomskogo politeh. un-ta. Ekonomika. Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya. Istorija. 2012. T. 321, №6. S. 187–190 (in Russian).
4. Derevyagina M. V. Uchebnaya migraciya kak faktor ustojchivogo razvitiya Voronezhskoj oblasti // Vestnik tambovskogo un-ta. 2013. Tom 18, vyp. 4. S. 1390–1394 (in Russian).
5. Zborovskij G. E. Obrazovanie: nauchnye podhody k issledovaniyu // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. № 6. S. 21–29 (in Russian).
6. Katrovskij A. P. Territorial'naya organizaciya vysshej shkoly Rossii: Monografiya. Smolensk: Ojkumena, 2003. 200 s. (in Russian).

7. Kashnickij I. S., Mkrtychyan N. V., Leshukov O. V. Mezhhregional'naya migraciya molodezhi v Rossii: kompleksnyj analiz demograficheskoj statistiki // Voprosy obrazovaniya. 2016. №3. S. 169–203 (in Russian).
8. Kondakova T. YU. Osobennosti sovremennogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skih territorij YAroslavskoj oblasti // Geografiya i ekologiya v shkole XXI veka. 2017. №1. S. 19–29 (in Russian).
9. Kondakova T. YU. Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya malyh gorodov (na primere YAroslavskoj oblasti) // Sbornik dokladov i tezisov uchastnikov desyatoj mezhdunarodnoj nauchno–prakticheskoj konferencii ot 20 fevralya 2016 g. «O vliyanii gosudarstva na razvitie demograficheskikh processov». Yaroslavl': YAF OUP VO «ATiSO», 2016 (in Russian).
10. Kostina E. A. Akademicheskaya mobil'nost' studentov vysshej shkoly Rossii: krosskul'turnyj podhod // Filosofiya obrazovaniya. 2014. №6(57). S. 64–76 (in Russian).
11. Nikolenko A. N. Teoreticheskie podhody k izucheniyu uchebnoj migracii // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 7, Filosofiya. 2009. №1(9). S. 229–234 (in Russian).
12. Pis'mennaya E. E. Uchebnaya migraciya v Rossiyu: rol' v social'no-ekonomicheskom i demograficheskom razvitii // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2010. №1. S. 76–78 (in Russian).
13. Starikova A. V. Uchebnaya migraciya v Bavarii: osobennosti i rol' v formirovanii migracionnoj kartiny regiona // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2017. Tom 3, № 2. S. 173–185 (in Russian).
14. Uchebnaya migraciya iz stran SNG i Baltii: potencial i perspektivy dlya Rossii / pod red. K. A. Gavrilova, E. B. Yacenko. M.: Fond «Nasledie Evrazii», 2012. 210 s. (in Russian).
15. Chihichin V. V. Uchebnaya migraciya na Severnom Kavkaze: prichiny, geografiya i vozmozhnye problemy // Nauka, innovacii, tehnologii. 2014. №2. S. 161–178 (in Russian).
16. Embreht R. V. Rol' obrazovatel'noj migracii v demograficheskom razvitii Tomskoj oblasti (2000–2009 gg.) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2011. №348. S. 76–79 (in Russian).
17. Erwerbstätige sowie Schüler und Studierende nach Pendlereigenschaften in Bayern 2016. Statistische Berichte. Ergebnisse der 1%-Mikrozensushebung 2012. Bayerisches Landesamt für Statistik, Fürth, 2017 (in German).
18. Meusburger P. Bildungsgeographie: Wissen und Ausbildung in der räumlichen Dimension. Heidelberg Spektrum Akademischer Verlag. 1998. 569 p. (in German).

Поступила в редакцию 05.07.2018 г.

УДК 913 (469): 81'373.21

Купцов А. Е.¹

Кондакова Т. Ю.²

***Топонимы как отражение
социокультурного облика регионов
Португалии***

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»,
Российская Федерация, г. Ярославль
e-mail: ¹kircov.a@mail.ru, ²tanijakond7@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена ойконимам Португалии, которые, как известно, отражают историческое прошлое, взаимодействие этноса и культур, национальную специфику, а также лингвокультурное наследие португальского народа и в целом помогают формированию социокультурного облика регионов. Этноязыковые и этнокультурные закономерности содержатся в географических названиях страны, что позволяет определить семантические особенности топонимов, а также выявить типологическое разнообразие происхождения географических названий Португалии, в том числе и применительно к регионам страны.*

Ключевые слова: *топонимы, топонимика регионов Португалии, формирование топонимов, топология топонимов.*

Введение

Существует довольно много географических и лингвистических исследований топонимов, но одним из недостаточно изученных вопросов является вопрос об их происхождении в Португалии, в том числе применительно к ее регионам. Следует отметить, что топонимы помогают восстановить отличительные черты исторического прошлого людей, определить границы их поселения, представить прежние распределение языков, географические, культурные и экономические центры, торговые пути и т. д.

Таким образом, изучение происхождения названий населенных мест, как правило, позволяет формировать социокультурный облик территории различных регионов страны, отражая в своих названиях вышеперечисленные особенности. При этом необходимо отметить, что в настоящее время сам термин «социокультурный» достаточно широко используется в различных гуманитарных науках – истории, социологии, культурологии, географии и т. д., синтезируя явления и процессы, связанные с формированием населения, хозяйства и в целом территории, а также отражая особенности их культуры. Географическая терминология позволяет реконструировать культурные слои. Данная реконструкция возможна в случае применения различных методик проведения историко-географического анализа, этимологического анализа, а также социолингвистических аспектов изучения топонимов.

Топонимы различных регионов Португалии были созданы более тысячи лет назад и были связаны с различными сферами человеческой деятельности. Топонимы постепенно эволюционировали, многие были либо унаследованы от других народов, живущих на данной территории, либо заимствованы. В процессе

исторического развития одна из «топонимических волн» сменяла другую, таким образом формируя исторические слои всей топонимической системы Португалии.

Современная карта Португалии отражает весь процесс формирования топонимов страны, несмотря на то, что некоторые языки в настоящее время являются мертвыми. И для того, чтобы определить, как различные языки, исторические события и географические особенности повлияли на топонимическую систему Португалии, на формирование ее региональной системы, необходимо рассмотреть и изучить влияние вышеупомянутых особенностей в определенный период, выяснить, как долго сохранялось то или иное влияние на определенной территории.

Современная топонимия Португалии – это результат многовекового развития названий, которые формировались под влиянием кельтского, латинского, галицко-португальского и португальского языков и представляют собой единую систему названий.

Восстановить относительную хронологию появления топонимов довольно сложно, так как иногда невозможно определить точную дату формирования отдельных имен. Каждая волна иммигрантов и завоевателей приносила свой собственный язык или диалект и формировала новый слой географических названий.

Следует отметить, что топоним отражает социальную и культурную сущность, языковые контакты на территории. Некоторые элементы также могут описывать некоторые географические особенности и культурные преобразования.

Таким образом, многие топонимы Португалии в настоящее время отражают природные и географические особенности ее территории (например, особенности рельефа, водные ресурсы), исторические процессы и экономические (с/х, ремесло), а также этнолингвистические и культурные особенности населения на данной территории. Измененная под влиянием географических, исторических, экономических и экстралингвистических факторов, топонимическая система стремится поддерживать стабильность, которая проявляется в формировании структурных и этимологических типов в каждую историческую эпоху.

Проблематика изучения топонимов находится в последние десятилетия в центре внимания многих ученых, однако при всем разнообразии географических и лингвистических исследований многие вопросы, связанные с данной проблемой, остаются еще не до конца изученными. Одним из насущных и еще недостаточно освещенных вопросов топонимики остается вопрос возникновения географических названий Португалии, а именно португальских городов. Так, названия населенных мест – ойконимы – представляют собой довольно сложный комплекс, относятся к различным историческим периодам и языковым пластам, способным отражать разные тенденции именования.

Известный специалист в области топонимики Э. М. Мурзаев отмечает, что «всякое рождение топонима вызывается историческими условиями, географической средой и осуществляется средствами языка» [6, с. 80]. Действительно, любой топоним отражает социокультурную сущность и языковые контакты в пределах какой-либо территории, а также может содержать элемент (элементы), отражающий физико-географические особенности территории и свойства географического ландшафта. Не приходится доказывать тот факт, что на формирование топонима могут оказывать влияние такие факторы, как состав

населения, а именно этнос, населяющий конкретную территорию, а также происходившие исторические и культурные преобразования.

Ю. А. Карпенко указывает на то, что топонимы следует изучать не только лингвистическими методами, но и географическими, так как, «если лингвистика дает лишь обстоятельный анализ того, как возник топоним, то география зачастую может сообщить нам, почему он возник...» [4, с. 66].

В. А. Жучкевич также отмечает, что топонимика является частью лингвистики, так как лексика относится к составу языка, но и к географии: «Относится к определенной территории, отражая закономерности и понятия географические...» [2, с. 7].

В своих исследованиях Х. Л. Ханмагомедов подчеркивает, что «основной задачей топонимики как географо-историко-лингвистической науки является изучение влияния географической среды и этноязыкового состава населения на возникновение топонимов» [8, с. 33].

А. М. Сударь указывает на то, что для изучения появления топонима на карте необходимо применять краеведческие источники [7, с. 99]. Таким образом, комплексный подход к этимологии географических названий, как справедливо подчеркивает В. А. Жучкевич, позволяет повысить надежность топонимических методов в научных изысканиях.

По мнению ряда исследователей, топонимы являются отражением отдаленных времен, этноса, языка, обычаев, национального самосознания и культуры [1; 3]. И действительно, исторические условия, языковые контакты и экономико-географическое положение какой-либо территории являются основополагающими факторами и причинами для возникновения и формирования топонимической системы.

Целью данной статьи является описание происхождения ойконимов Португалии в диахроническом аспекте и выявление особенностей их участия в формировании социокультурного облика различных территорий регионов.

Материалы и методы

В качестве материалов для исследования были использованы данные справочников названий населенных пунктов Португалии, а также большого числа путеводителей по территории страны на русском (серия международного издательства Dorling Kindersley) и португальском языках.

В отдельных случаях для уточнения названий использовался разнообразный картографический материал: современные космические снимки территории страны, представленные на ресурсе <https://www.google.com>; подробная туристическая карта Эшторила (Португалия). Также источником информации явилась растровая карта Лиссабона, выпущенная в 2007 году в формате jpeg (размер изображения 15580×11630 пикселей), где нанесены дороги города, показано множество туристических достопримечательностей и важных городских объектов: церкви, полицейские участки, медицинские учреждения, музеи, театры, торговые центры, станции метро и другое.

В результате обработки источников получен материал исследования – картотека топонимов, составляющая более 300 единиц – географических названий. В отборе материала также были использованы современные подробные карты,

атласы, материалы газет и журналов, брошюр, интернет-ресурсов на русском и португальском языках.

Основными методами исследования в работе являются: диахронический метод, основанный на изучении лингвокультурологических единиц во времени; историко-генетический и историко-географический методы, направленные на изучение и раскрытие истории возникновения и дальнейшего развития топонимов на конкретной территории; этимологический метод, позволяющий определить языковую принадлежность топонимов; статистический метод, исследующий количественные соотношения формы, этимологии, языковой принадлежности; картографический метод.

Результаты и обсуждение

Для описания особенностей происхождения ойконимов Португалии необходимо выделить основные периоды исторического развития страны, так как исторические факторы непосредственно связаны со взаимодействием народов, их языковых контактов и исторических взаимодействий. Как известно, топонимия Португалии включает названия из разных языков (например из кельтского, латинского, арабского, галисийско-португальского, португальского и др.), и состав ойконимов Португалии подчиняется законам португальского языка.

Топонимия Португалии представлена несколькими пластами, например иберийским, древнекельтским, финикийским, древнеримским, германским, арабским, каждый из которых отражает исторические события, объекты или физико-географические особенности данной территории [10]. Выявление нескольких историко-лингвистических пластов в топонимии Португалии позволило выделить соответствующие им типы, а также определить их территориальное распространение и доминирование в её различных регионах.

Современная Португалия была заселена кельтами (на севере) и лузитанами (на юге) во второй половине I тыс. до н. э., позже все эти народы были ассимилированы римлянами, но их след в топонимической системе Португалии сохранился в современных ойконимах. Так, например, следующие названия городов имеют кельтские корни:

г. Брага (Braga) (Бракары (лат. Bracari) – кельтское племя доримской эпохи, проживающее близ территории современного города); г. Вила-Нова-ди-Гая (Vila Nova de Gaia) (Cale (Gale) – от названия Gallaeci – галлеки (кельтский народ)); г. Говейя (Gouveia) – от Gaudila; г. Кантаньеди (Cantanhede – на кельтском жаргоне означает «большой камень»); г. Лагуш (Lagos) от Лакобрига (Laccobriga); Санта-Комба-Дан (Santa Comba Dão – Santa Comba – название церкви; o rio Dão (река) – Dão сокрац. название от Adon (кельтский диалект Avon (река)); Setúbal (Сетубал – от кельтского топонима Cetobriga (город цветов)).

Необходимо отметить, что географически города с кельтскими и германскими наименованиями расположены в Центральном и Северном регионах Португалии.

Финикийский пласт ойконимов, трансформированный под воздействием других языков, довольно распространен в Португалии, который, как правило, встречается у побережья страны:

г. Лиссабон (Lisboa) – финикийцы, высадившиеся в бухте, восклицали «Alis Ubbo» («прекрасный берег»).

Германские топонимы также распространены на территории Португалии:

г. *Эшпозенди (Esposende)* – от германского названия поселения *Hispanusindus*; *Гимарайни (Guimarães)* – основатель города *Вимара Переш (Vimara Peres)* – первый граф Португалии. *Vimara*, или *Guimara* имеет германское происхождение. Через латынь название эволюционировало до *Guimarães*; *Гондомар (Gondomar)* – название приписывается вестготскому королю *Гундемар (Gundemaro)*, имя которого состоит из двух готических слов «*gunthi*» (борьба) и «*marhs*» (лошадь).

В III в. до н. э. римляне вторглись на территорию Португалии и только к концу I в. до н. э. римлянам удалось сломить сопротивление лузитан, образовав провинцию Лузитанию. Исследование показало, что ойконимы Португалии также имеют латинское происхождение:

г. *Абрантиш (Abrantes)* – *Aurantes* (регион, где много золота); г. *Авейру (Aveiro)* – *Aviarium* (птичий двор; место, где водится много птиц); г. *Бежа (Beja)* – в 711 г. арабы обосновались на данной территории и дали современное название. Происходит от латинского *Rase (Rax Julia)*. Название было передано через арабский язык как *Vaja* – написание через [b], а не через [p], как в латинской оригинальной форме, т. к. в арабском языке существует только один билабиальный согласный [b]; *Валонгу (Valongo)* – *Vallis Longus* с латинского языка переводится как «высокие долины»; *Сагреш (Sagres)* – от латинского *Sacro* – священный мыс, где располагался языческий храм; *Шавиш (Chaves)* – от латинского названия *[Aque] Flavice* – термальные воды); г. *Лороза (Lousosa)* – *laurus* (лавр); г. *Ламегу (Lamego)* – *Lamaecus* (владелец аграрных территорий вокруг замка в III в.); г. *Портиман (Portimão)* – *Portus Magnus* (большой порт); *Регенгуш-ди-Монсараш (Reguengos de Monsaraz)* – *Reguengo* было обозначением королевского налогооблагаемого административного района. *Monsaraz* – «*mons serratus*» (разрезанная гора).

Географически эти города расположены в Лиссабонском, Северном и Центральном регионах.

В начале VIII в. Португалию завоевали арабы и берберы – мавры, которые оказали огромное влияние на историю, культуру и язык. Несомненно, арабский язык оказал огромное влияние на образование новых ойконимов, отражающих физико-географические особенности территории, например, природный ландшафт, озера, реки, источники, объекты местности, имена собственные:

г. *Албуфейра (Albufeira)* – *al-Buḥayra* (море, лагуна); г. *Алверка-ду-Рибатежу (Alverca do Ribatejo)* – *Al-birkâ* (озеро); г. *Алкасер-ду-Сал (Alcácer do Sal)* – *Alqassar* (замок); *Сал* – с португальского (соль). Один из старейших городов Европы, основанный финикийцами до 1000 г. До н.э., добывалась соль, поставлялась соленая рыба. В римские времена назывался *Салация (Salacia)*. После завоевания арабами город стал называться *Каср Абу Данис (Casr Abu Danis)*; г. *Алмада (Almada)* – *Almadana* (шахта); г. *Лоле (Loulé)* – *Al'ulia* (относится к высоте, к возвышению, холму); г. *Мора (Moura)* – *Murah* (пастбище); *Одивелаш (Odivelas)* – *Ued Ballas* (красная река); г. *Ольян (Olhão)* – возникший источник; г. *Карташу (Cartaxo)* – *Qar at-Taj* (житель Тежу); *Сакавен (Sacavém)* – *šâqabî* (рядом, сосед); *Тавира (Tavira)* – *at-Tabira* (руина, развалина); *Тарока (Tarouca)* – *Turiq* (дороги); *Фатима (Fátima)* – от имени дочери пророка Мухаммеда.

Также выявлено, что большое количество ойконимов Португалии имеют именно арабские корни, отражают физико-географические особенности местности и расположены в Лиссабонском регионе, а также регионах Алентежу и Алгарве.

В XII–XIV вв. в северо-западной части Иберийского полуострова существовал галисийско-португальский язык – название галисийских и португальских говоров, которые развились из народной латыни. В данный период также лингвистически развивались ойконимы:

г. *Лейрия (Leiria) – laria (борозда, грядка) – с/х угодия.*

В эпоху Великих географических открытий с XV в. португальцы начинают заселять архипелаг Мадейра и Азорские острова, где появляются ойконимы, также отражающие физико-географические и исторические процессы, природные условия или животных, обитаемых на данной территории:

Камара-ди-Лобуш (Câmara de Lobos) – с португальского «волчье логово», за наличие в прибрежных водах так называемого «морского волка» или тюленя-монаха; г. Понта-Делгада (Ponta Delgada) – «тонкий мыс». Город расположен вдоль «тонких» вулканических земель, которые ведут к морю; Рибейра-Гранди (Ribeira Grande) – назван в честь реки Ribeira Grande (большая река); Ангра-ду-Эроизму (Angra do Heroísmo) – «бухта героизма». Первые жилища изначально были построены в двух бухтах. На холме вдали от моря был возведен замок, который имел функцию защиты; Маседу-ди-Кавалейруш (Macedo de Cavaleiros) – Macedo от португальского таçã (яблоко), поскольку регион был отмечен за его плодородные земли и яблоневые сады; Cavaleiros – «рыцари», территория принадлежала рыцарям в 1258 г.; Понти-ди-Сор (Ponte de Sor) – с португальского языка ponte (мост); Sor – название реки. Мост через р. Сор; Риу-тинту (Rio Tinto) – имеет свое название, связанное с рекой Rio Tinto. С португальского языка переводится как «красная река», в память людей пролившим кровь в битве против мавров; Фигейра-да-Фоз (Figueira da Foz) – с португальского языка foz (от лат. «fouces») – устье реки; указывает на местоположение города.

Исследование показало, что в Португалии широко распространены религиозно-культурные топонимы католического содержания, например, элемент *São, Santo, Santa*, что свидетельствует о глубокой религиозности португальского народа. Как правило, название давали в честь покровителей города или же в честь католических праздников: г. *Вила-Реал-ди-Санту-Антониу (Vila Real de Santo António) – с португальского языка переводится как «королевский город Святого Антонио; г. Сан-Педру-ду-Сул (São Pedro do Sul) – в честь покровителя Апостола Петра; г. Сантана (Santana) – в честь названия часовни Santa Ana (Св. Анна); г. Санта-Круз (Santa Cruz) – «святой крест».*

Проанализированный материал свидетельствует о том, что в Португалии также встречаются ойконимы, содержащие в своем названии элемент *judeu* (португ. – «еврей, еврейский»), который отражает этноязыковой состав населения, а именно, субэтническую группу евреев – сефарды. Сравните: г. *Вале-Жудеу (Vale Judeu), Мальяда-ду-Жудеу (Malhada do Judeu).*

При этом стоит отдельно отметить, что территориальное деление Португалии довольно сложное и в настоящий момент находится в стадии формирования. Сейчас территория страны официально поделена на 5 экономико-статистических регионов, внутреннее деление которых представлено экономико-статистическими субрегионами, подразделяющимися в свою очередь на муниципалитеты (308) и общины (фрегезии) (4261). Но также в Португалии применяется прежнее и уже

устаревшее деление страны на округа (18) (существовало до 2003 г.) и провинции (11) (с 1933 по 1976 гг.), которые применяются до сих пор, так как считаются традиционными. Мы показали современное территориальное деление страны на регионы с выявлением особенностей, способствующих созданию социокультурного облика региона (табл. 1).

Таблица 1.

Современное территориальное деление Португалии

Экономико-статистический регион	Округа в составе региона	Экономико-статистические субрегионы	Площадь территории. Численность населения	Крупнейшие города	Особенности, формирующие социо-экономический и культурный облик региона
Северный	Виана-ду-Каштелу, Брага, Вила-Реал, Порту, Браганса, часть округов Авейру, Гуарда, Визеу	Алту-Траз-уш-Монтиш, Аве, Каваду, Дору, Энтри-Дору-и-Вога, Большой Порту, Минью-Лима, Тамега	Территория – 21,2 тыс. км ² . Население – около 4 млн чел.	Порту Брага Браганса Виана-ду-Каштелу Вила-Реал	Наиболее развитые в промышленном отношении города, Институт вин Дору и Порту в г. Порту. Местный фольклор г. Виана-ду-Каштелу относится к числу самых богатых в стране. Граф Вианы-ду-Каштелу и Вила-Реал – португальский дворянский титул. Виноделие (портвейн). Винодельческий регион Алту-Дору. Города – морские порты. Доисторическая наскальная живопись в долине Коа.
Центральный	Коимбра, Каштелу-Бранку, Лейрия, большую часть округов Авейру, Визеу, Гуарда, а также третью часть округа Сантарен	Байшу-Мондегу, Байшу-Вога, Бейра-Интерииор-Норте, Бейра-Интерииор-Сул, Кова-да-Бейра, Дан-Лафойнш, Медиу-Тежу, Уэшти, Пиньял-Интерииор-Норте, Пиньял-Интерииор-Сул, Пиньял-Литорал, Серра-да-Эштрела	Территория – 28,4 тыс. км ² . Население – более 2,3 млн чел.	Коимбра Авейру Гуарда Каштелу-Бранку Визеу Лейрия	Римское поселение Конимбрига – национальный памятник, Коимбрский университет, основанный в 1290 году. Авейру – португальская Венеция. Визеу – собор, построенный в 830 году. Фаду – традиционная музыка лирического и меланхолического

					склада (исп. мужчины)
Лиссабон		Большой Лиссабон, Полуостров Сетубал	Территория – более 2,8 тыс. км ² . Население более 2,8 млн чел. 27% населения страны	Лиссабон Амадора Сетубал Алмада Баррейру	Столица страны, самый крупный морской порт, Лесной парк Монсанту (самый крупный парк в Европе – 10 % всей площади города). Архитектурное наследие различных стилей: замок Св. Георгия (в IX–XIV вв.), романский Лиссабонский собор XII в., готический монастырь кармелитов (1389–1423), барочные дворцы Белен, Мафра и Келуш; дворец Ажуда и дворец Сан-Бенту в стиле классицизма; церкви в стилях мануэлино и барокко; бой быков; желтый трамвай; Музеи: морской, археологический, электричества. Океанариум (самый большой в Европе). Фаду – trad. музыка (исп. муж. и жен.)
Алентежу	Эвора, Бежа, Порталегре, а также южные муниципалитеты Сантарен и Сетубал	Алентежу-Сентрал, Алентежу-Литорал, Алту-Алентежу, Байшу-Алентежу, Лезирия-ду-Тежу	Территория – 31,6 тыс. км ² (34 % S страны). Население – более 760 тыс. чел.	Сантарен Эвора Бежа Порталегре	Эвора – это центр самой большой сельскохозяйственной области: предприятия по обработке зерна, винограда, оливок, пробкового дерева и др., обработка шерсти и производство изделий из неё, а также это город – музей.
Алгарви	Фару	Алгарви	Территория – 4,9 тыс. км ² . Население – более 451 тыс. чел.	Фару Портиман Ольян Лагуш Силвиш Тавира Лоле	Туризм: сеть полей для гольфа (34), курорт со средиземноморским типом климата, живописные морские пляжи, множество

				Лагоа	архитектурных достопримечательностей, религиозный туризм. Производство поваренной соли (сырье - местные солончаки). Морские порты. Ловля рыбы. Виноделие – вино «мушкатель» (moscatel), крепкий алкогольный напиток aguardente de medronho, сделанный из ягод земляничного дерева.
--	--	--	--	-------	--

Составлено авторами

В соответствии с историко-лингвистическими пластами топонимии Португалии, выделенными на их основе типами португальских ойконимов нами проведен анализ частоты их встречаемости и доминирования в экономико-статистических регионах, отличающихся друг от друга определенными историко-культурными и социально-экономическими особенностями (табл. 2). Эти характеристики расширяют социокультурный облик португальских регионов.

Таблица 2.

Ойконимы Португалии и их расположение по регионам

Ойконимы Португалии (их количество)	Особенности этимологии	Регионы расположения (частота встречаемости)	Округа (их количество в округе)
Кельтские и германские корни (более 15)	названия племен; типичные кельтские наименования	СЕВЕРНЫЙ (4) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ (2) АЛГАРВЕ (1)	Брага (2); Порту (2); Гуарда (1); Коимбра (1); Фару (1)
Латинские корни (более 25)	исторические особенности формирования территории; становление государственности	ЦЕНТРАЛЬНЫЙ (6) ЛИССАБОН (4) СЕВЕРНЫЙ (9) АЛГАРВЕ (1)	Визеу, Коимбра, Каштелу-бранку, Авейру, Лиссабон, Фару, Порту, Вила-реал, Брага, Сетубал, Сантарен
Арабские корни (более 20)	физико-географические особенности территории расположения	ЛИССАБОНСКИЙ (5) АЛЕНТЕЖУ (7) АЛГАРВЕ (2) СЕВЕРНЫЙ (1) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ (1)	Браганса (1); Эвора (2); Бежа (1); Сантарен (3); Лейрия (1); Сетубал (2); Фару (3); Лиссабон (4)
Португальские корни (более 35)	физико-географические особенности территории, исторические процессы, занятия населения,	СЕВЕРНЫЙ (16) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ (12) АЛЕНТЕЖУ (2) АЗОРСКИЕ ОСТРОВА (АВТОНОМНЫЙ РЕГИОН) (1)	Авейру (6) Азорские острова (1); Брага (1); Браганса (2); Виана-ду-Каштелу (2); Визеу (1);

	этноязыковой состав населения	МАДЕЙРА (1) ЛИССАБОНСКИЙ (1)	Ви́ла-реал (2); Гуарда (3); Каштелу-бранку (1); Коимбра (1); Лейрия (3); Мадейра (1); Порту (5); Сетубал (1); Эвора (2)
Смешанные (от 5)	римское+арабское финикийское+арабское	ЛИССАБОНСКИЙ (2)	Большой Лиссабон (2)
Фламандские корни	исторические особенности	АЗОРСКИЕ ОСТРОВА (АВТОНОМНЫЙ РЕГИОН) (1)	Азорские острова
Древнегреческие корни	исторические особенности	ЦЕНТРАЛЬНЫЙ	Лейрия

Составлено авторами по [5]

Как показало исследование ойконимов Португалии [10], самое большое их количество имеет португальские корни, отражающие физико-географические особенности территории их происхождения (особенности рельефа, нахождение вблизи водных источников), исторические процессы, занятия населения (сельское хозяйство, ремесло), а также его этноязыковой состав. Города с преобладанием португальских корней расположены в Северном и Центральном регионах страны, а также на Азорских островах и Мадейре.

Выводы

Исторически сложившаяся в различных регионах страны географическая терминология, несомненно, отражает её множественные этнические контакты в условиях языкового смешения. Исследование топонимического облика регионов страны способствует реконструкции историко-культурных пластов, выявлению её лингвокультурных контактов и целостного социокультурного облика.

Топонимия Португалии представлена несколькими пластами: иберийским, древнекельтским, финикийским, древнеримским, германским, арабским, галисийско-португальским, еврейским. Каждый из этих пластов отражает исторические события, объекты или физико-географические особенности этой страны. В Португалии широко распространены религиозно-культурные топонимы католического содержания. Выявление нескольких историко-лингвистических пластов в топонимии Португалии позволило выделить соответствующие им типы, а также определить их территориальное распространение и доминирование в различных регионах страны.

Территориальное распространение разнотипных ойконимов Португалии имеет следующую географическую привязку: города с кельтскими и германскими наименованиями расположены в Центральном и Северном регионах Португалии; латинские наименования городов географически приурочены к Лиссабонскому, Северному и Центральному регионам; большое количество ойконимов Португалии имеют арабские корни, отражают физико-географические особенности местности и расположены в Лиссабонском регионе, а также регионах Алентежу и Алгарве.

Как показал анализ ойконимов Португалии, самое большое их количество имеет португальские корни, отражающие физико-географические особенности территории (особенности рельефа, нахождение вблизи водных источников),

исторические процессы, занятия населения (сельское хозяйство, ремесло), а также этноязыковый состав населения. Города с португальскими корнями расположены в Северном и Центральном регионах, а также на Азорских островах и Мадейре.

Ойконимы Португалии являются национальным богатством португальского народа, сохраняют его культуру, отображают этнический состав, историю заселения региона, особенности его физико-географического положения, ландшафта, флоры и фауны страны.

Литература

1. Доржиева Г. С. Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект): автореф. дис. д-ра. филол. наук. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. 52 с.
2. Жучкевич В. А. Общая топонимика: Учеб. пособие для геогр. фак-тов вузов. Изд.2-е исправл. и доп. Минск: Высшая школа, 1968.
3. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.
4. Карпенко Ю. А. Лингвистика-география-история (Проблема топонимического этимологизирования) // Советское славяноведение. 1970. № 4.
5. Купцов А. Е., Кондакова Т. Ю. Особенности формирования ойконимов на примере Португалии и Казахстана) // «Геосистемный подход к изучению природной среды Республики Казахстан». Материалы международной научно-практической конференции = Materials of the International Scientific and Practical Conference «Geosystemic approach to the study of the natural environment of the Republic of Kazakhstan» = Халыцаралыц гылыми-практикальц конференцияньщ материалдары «Қазақстан Республикасының табиғи ортасын зерттеудең геожүйелш тәсш». Астана, 2018. 311 с.
6. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Издательство «Мысль», 1974. 382 с.
7. Сударь А. М. Социокультурный аспект изучения мемориальных топонимов Аргентины // Вопросы иберо-романистики. 2013. № 13. С. 94–103.
8. Ханмагомедов Х. Л. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения (на материале Дагестана): Автореф. дис... докт. геогр. наук / Х. Л. Ханмагомедов. Баку, 1996. 44 с.
9. Azevedo, Maria Luísa Seabra Marques, Toponímia moçárabe em Portugal, tese de mestrado (iné dita), 2 vols., Coimbra, 1994. 128 p.
10. Kuptsov A., Kondakova T. PECULIARITIES OF FORMATION OF SOME PLACE NAMES OF PORTUGAL // Practical Geography and XXI Century Challenges. International Scientific and Practical Conference : Commission sessions : Cultural Regionalism and Regional Identity, 4-6 June 2018, Moscow. Conference Book. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. 2018. P. 254–261.

Купцов А. Е.¹
Kondakova T. Y.²

Toponyms as a reflection of the socio-cultural image of the regions of Portugal

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russian Federation, Russian Federation, Yaroslavl
e-mail: ¹gurrov@mail.ru; ²catherine97m@mail.ru

Abstract. *This article is devoted to the oikonyms of Portugal, which, as we know, reflect the historical past, the interaction of ethnic and cultural, national specifics, as well as the linguistic and cultural heritage of the portuguese people and generally help to form the socio-cultural image of the regions. Ethno-linguistic and ethno-cultural patterns are contained in the geographical names of the country, which allows to determine the semantic features of place names, as well as to identify the typological diversity of the origin of geographical names of Portugal, including in relation to the regions of the country.*

Key words: *toponymy, place names, the toponymy of the regions of Portugal, formation of place names, typology of place names*

References

1. Dorzhieva G. S. Toponimiya Kvebeka kak otrazhenie frankoyazychnoj kul'tury regiona (etnolingvisticheskiy aspekt): avtoref. dis. d-ra. filol. nauk. M.: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2011. 52 s. (in Russian).
2. Zhuchkevich V. A. Obshchaya toponimika: Ucheb. posobie dlya geogr. fak-tov vuzov. Izd.2-e ispravl. i dop. Minsk: Vysshaya shkola, 1968 (in Russian).
3. Nikonov V. A. Vvedenie v toponimiku / V. A. Nikonov. M.: Izdatel'stvo LKI, 2011. 184 s. (in Russian).
4. Karpenko YU. A. Lingvistika-geografiya-istoriya (Problema toponimicheskogo etimologizirovaniya) // Sovetskoe slavyanovedenie. 1970. №4 (in Russian).
5. Kupcov A. E., Kondakova T. YU. Osobennosti formirovaniya oikonimov na primere Portugalii i Kazahstana) // «Geosistemnyj podhod k izucheniyu prirodnoj sredy Respubliki Kazahstan». Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Materials of the International Scientific and Practical Conference «Geosystemic approach to the study of the natural environment of the Republic of Kazakhstan» = Hal'shcharal'shch gylymi-praktikal'shch konferenciyan'shch materialdary «Kazakstan Respublikasyn'shch tabigi ortasyn zertteudep geozhujelsh tessh». Astana, 2018. 311 s. (in Russian).
6. Murzaev E. M. Ocherki toponimiki. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1974. 382 s. (in Russian).
7. Sudar' A. M. Sociokul'turnyj aspekt izucheniya memorial'nyh toponimov Argentiny // Voprosy ibero-romanistiki. 2013. № 13. S. 94-103 (in Russian).
8. Hanmagomedov H. L. Toponimiya territorii so slozhnoj geograficheskoy sredoj i etnoyazykovym sostavom naseleniya (na materiale Dagestana): Avtoref. dis... dokt. geogr. nauk / H. L. Hanmagomedov. Baku, 1996. 44 s. (in Russian).
9. Azevedo, Maria Luísa Seabra Marques, Toponímia moçárabe em Portugal, tese de mestrado (iné dita), 2 vols., Coimbra, 1994 (in Portugal).
10. Kuptsov A., Kondakova T. PECULIARITIES OF FORMATION OF SOME PLACE NAMES OF PORTUGAL // Practical Geography and XXI Century Challenges. International Scientific and Practical Conference : Commission sessions : Cultural Regionalism and Regional Identity, 4-6 June 2018, Moscow. Conference Book. – Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, - 2018 (in English).

Поступила в редакцию 25.06.2018 г.

УДК 911.3:378 (470)

Лачининский С. С.¹
Морачевская К. А.
Зиновьев А. С.
Сорокин И. С.

Международные университетские объединения в социокультурном взаимодействии стран мира *

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: ¹s.lachininsky@spbu.ru

Аннотация. В статье проанализировано состояние современных межвузовских объединений, принципы их организации и функционирования. Проведена типология университетских объединений по целям создания. Выделены объединения для повышения уровня региональной интеграции в сфере образования; объединения для повышения качества образования в определенной предметной области; объединения для совместного лоббирования интересов перед вызовами современного глобализирующегося мира; объединения для развития образовательной и научной деятельности в определенной предметной области; объединения для создания и продвижения совместных образовательных программ по сетевому принципу; объединения для развития межвузовской мобильности студентов и преподавателей. В заключение оценена роль подобных структур в развитии междууниверситетских отношений.

Ключевые слова: университетские ассоциации, консорциумы, сетевой университет, межвузовские отношения.

Введение

Интернационализация приобретает все большее значение в современном мире: социальные, экономические и политические трансформации общества в последние десятилетия активно приближают мир к глобальной постиндустриальной экономике знания. В отличие от экономической глобализации, гуманитарная интернационализация вузов не является новым явлением в мировой практике, продолжая развиваться быстрыми темпами. Сегодня университеты уже не просто привлекают иностранных обучающихся, а переходят к разработке прагматичных стратегий развития, которые включают в себя рекрутинг высококвалифицированных кадров со всего мира, коллаборацию в научной сфере и построение инновационной инфраструктуры. В этот процесс активно стали включаться и правительства многих стран, принимая соответствующие государственные программы¹¹.

Ежегодное исследование Оксфордского университета «International Trends in Higher Education» отмечает, что интернационализация образования стала

¹¹ Постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 г. №211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров», The National Higher Education Strategic Plan «Vision 2020» (Малайзия), The National Research Universities Project (Тайланд) и др.

средством достижения широкого набора целей, начиная от студенческих стажировок за рубежом для лучшего овладения профессией до развития устойчивых транснациональных научных связей для повышения позиций в международных рейтингах и создания привлекательных брендов городов и регионов. Эти тенденции в дополнение к предметно-специфическим знаниям и навыкам, которое дает высшее образование, расширяют его характер на всех уровнях, включая саморазвитие, новые направления мышления, практико-ориентированную подготовку специалистов [7].

Одним из важнейших направлений интернационализации образования следует считать кооперацию и сотрудничество в рамках международных университетских объединений для развития межвузовских отношений. Актуальность данной сферы подтверждается хотя бы тем, что, по данным ЮНЕСКО, уровень международной мобильности студентов вырос за 25 лет на 300 %¹².

В настоящей статье мы ставим своей целью рассмотреть ключевые международные университетские объединения с участием вузов России, представить их типологию и выделить ключевые функции в развитии социокультурного взаимодействия стран мира.

Материалы и методы

В научной литературе до сих пор уделялось недостаточно внимания исследованию международных университетских объединений в развитии межвузовских отношений (например [1–5]), хотя предпринимались попытки систематизации связей вузов с зарубежными партнерами [6]. В частности, Н. К. Розова [1] выделила три качественных уровня интернационализации международной образовательной кооперации: *фрагментарный* (бессистемных международных образовательных контактов), *организационно упорядоченный* (научно-образовательной кооперации), *системный* (международных стратегических партнерств).

М. Н. Певзнер указывает, что на современном этапе развития интернационализации высшего образования наблюдается переход к высшему уровню – *формированию международных стратегических партнерств*, основными признаками которых являются следующие: наличие совместных стратегических целей, создание международной сети образовательных организаций-партнеров, интеграция ресурсов образовательных организаций-партнеров, взаимное признание партнерами документов о высшем образовании [2].

Роль международного сотрудничества также оценена в работах ряда авторов. Н. К. Розова справедливо отмечает, что международная кооперация вузов «дает партнерам целый ряд преимуществ, к числу которых можно отнести, например, создание дополнительных возможностей для импорта и экспорта научно-образовательных услуг; получение международного признания качества образовательной деятельности; улучшение международного имиджа; создание условий для совместной с партнерами реализации проектов в сфере своих интересов и т. д.» [1].

¹² <http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?queryid=243>

Изучению одной из форм межвузовских отношений – созданию консорциумов – посвящены работы Ю. П. Куликовой. При этом она полагает, что участие российских вузов в консорциумах является их стратегической перспективой развития, а возможно это после реализации задачи увеличения количества российских вузов, входящих в мировые рейтинги университетов [5].

В данной работе системно обобщаются современные межвузовские объединения, оценивается их роль в развитии междуниверситетских отношений как части социокультурного взаимодействия стран мира. Источниками данных были официальные сайты консорциумов, сетей, сетевых университетов, ассоциаций и других форм интеграции учреждений высшего образования, представленных в мире.

Под межвузовскими объединениями понимается неформальная или формальная сетевая площадка (или клуб) университетов, созданный в целях интернационализации образования и гармонизации межвузовских контактов университетов-партнеров.

Анализировались такие показатели и характеристики, как:

1. число участников и географический охват;
2. цели создания;
3. спектр направлений сотрудничества и приоритетный вид деятельности;
4. интенсивность кооперации и основные результаты работы.

Результаты и обсуждение

Базовую типологизацию межвузовских международных объединений можно провести по целям создания. По данному критерию выделяются следующие основные типы.

1) Объединения для повышения уровня *региональной* интеграции в сфере образования (включая внутрирегиональную мобильность, совместные научные и образовательные проекты и пр.). К таковым относятся созданные в разное время Европейская ассоциация университетов, Евразийская ассоциация университетов, Сеть университетов региона Балтийского моря, Сеть университетов Черноморского региона, Ассоциация университетов Азиатско-тихоокеанского региона, Сеть университетов шелкового пути, Coimbra Group и др.

2) Объединения для повышения *качества образования в определенной предметной области*. Примерами таких объединений могут быть Conference International Permanente D'Instituts Universitaires De Traducteurs Et interpretes (CIUTI) (развитие школ письменного и устного перевода), Informatics Europe (область информатики и информационных технологий), Ассоциация профессиональных школ международных отношений (Association of Professional Schools of International Affairs, APSIA), Международная ассоциация юридических школ (International Association of Law Schools), Глобальный альянс в области образования по менеджменту (CEMS, The global alliance in management education) и т. д. Например, последний создан в 1988 году для развития образования в области менеджмента, включая разработку глобального стандарта качества для этого направления. В его состав входят 30 стран мира, а Россию в альянсе представляет СПбГУ.

3) Объединения для *совместного лоббирования интересов перед вызовами* современного глобализирующегося мира. Самую крупную подобную группу

объединяет подписанный в 1988 году документ – Великая Хартия Университетов (*Magna Charta Universitatum*). Она определяет фундаментальные принципы развития высшего образования и университетов мира. К хартии присоединены более 800 вузов из 85 стран мира. Помимо данной организации, в 2002 году, например, была создана международная экспертная группа *Observatory on Academic Ranking and Excellence* с целью повышения осведомленности и понимания круга вопросов, связанных с укреплением позиций в мировых рейтингах университетов. Из российских вузов в состав объединения входят МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ, Казанский федеральный университет и др.

4) Объединения для развития образовательной и научной деятельности в *определенной предметной области*. Предметная область при этом может варьировать от широкой (например, Международная ассоциация «Университет Арктики», занимающаяся развитием всех северных регионов и их инфраструктуры) до достаточно узкой (например, Международный Терагерцовый консорциум, занимающийся изучением свойств и возможностей применения излучений в терагерцовом диапазоне).

5) Объединения для создания и продвижения *совместных образовательных программ по сетевому принципу*. Помимо особой цели, такие объединения имеют еще и уникальную организационно-правовую форму, называемую «сетевой университет». Такая форма управления межвузовскими взаимодействиями подразумевает, в первую очередь, разработку и реализацию совместных образовательных программ. Примерами подобных структур являются Сетевой университет БРИКС, Сетевой университет СНГ и др.

6) Объединения для *развития межвузовской мобильности* студентов и преподавателей. Имеют разные организационно-правовые формы, начиная от программ, одной из самых известных из которых является Эразмус, до сети университетов (например, Европейская сеть университетов непрерывного образования).

В последней группе межвузовских объединений особо следует отметить их развитие в рамках проектного финансирования, действующего в интеграционных образованиях (например Европейский Союз). Подробно данный механизм рассмотрен в работе М. В. Сиговой [3].

Рассмотрим пример международного университетского объединения каждого типа подробнее, остановившись на их роли в межвузовской интеграции.

К первому типу относится *сеть университетов региона Балтийского моря*¹³. Организация была создана в 2000 году и в настоящее время объединяет 30 университетов – участников из России, Беларуси, Эстонии, Финляндии, Латвии, Литвы и Польши. Сеть регулярно проводит (или участвует в проведении) семинаров и конференций по вопросам образования и регионального развития. Одной из ключевых функций, которую выполняет сеть, является поиск партнеров для различных проектов. Каждый сотрудник одного из вузов – членов сети с помощью заполнения электронной формы на сайте организации может найти партнеров для реализации образовательных или научных инициатив. Представлен также сервис по публикации вакансий, имеющихся в вузах-партнерах, однако он активно не используется. Как видим, основной упор делается на единую

¹³ <http://bsrun.org> // Сеть университетов региона Балтийского моря

информационную политику внутри группировки стран, сформированной по региональному принципу.

Примером организации второго типа является *Ассоциация профессиональных школ международных отношений*¹⁴. Объединение было создано в 1989 году и включает около 30 высших учебных заведений Северной Америки, Европы, Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока. Основными целями ассоциации является повышение качества образования в сфере международных отношений, распространение информации, проведение культурно-образовательных мероприятий с участием вузов-членов, проведение тренингов для выпускников таких высших школ, сбор информации о вакансиях в сфере международных отношений и т. д. Кроме этого, ассоциация ежегодно проводит форум, посвященный представлению всех образовательных программ университетов – членов ассоциации. Сайт ассоциации содержит сервис по поиску информации о грантах и стипендиях в сфере международных отношений, базу вакансий, сервисы для работодателей и рекрутеров (по поиску и запросу на поиск кандидатов на работу в сфере международных отношений). Таким образом, основной упор межвузовского объединения делается на построение глобальной сети взаимодействия по линии «студент – вуз – работодатель».

Одной из организаций третьего типа, как упоминалось выше, является международная экспертная группа *Observatory on Academic Ranking and Excellence*¹⁵. Сообщество объединяет порядка 40 структур (не только вузов) и было создано в 2002 году, преобразовавшись в официальную некоммерческую организацию в 2009 году. Целью обсерватории IREG обозначено укрепление общественной осведомленности и понимания университетских рейтингов и их роли в отражении качества высшего образования. Организация проводит мониторинги существующих мировых рейтингов, их трактовку и критическую оценку и выносит рекомендации. Объединение также является организатором конференций. Тематикой последней из таких, проведенной в мае 2016 года, было обсуждение вопроса, является ли существование международных рейтингов инструментом развития или помехой в межвузовских отношениях.

Примером международной ассоциации четвертого типа является *Университет Арктики*¹⁶. Это сеть университетов, колледжей, научно-исследовательских институтов и других организаций, занимающихся вопросами образования и науки о Севере и на Севере. Она существует с 1998 года и включает около 200 организаций-членов. Организация выполняет множество функций, подкрепленных онлайн-сервисами: поиск требуемого оборудования по университетам-партнерам, поиск грантовых конкурсов, поиск публикаций по изучению Арктики и т. д. Для студентов на сайте Университета Арктики представлен каталог образовательных программ по северной тематике. Помимо этого, студенты из вузов – членов сети имеют возможность принять участие в специальном грантовом конкурсе по поддержке мобильности. Таким образом, при сужении спектра сотрудничества до конкретного отраслевого направления эффективность деятельности межвузовского объединения возрастает.

Организацией пятого типа является, например, *сетевой университет БРИКС*. Он был создан в 2014 году, объединив ряд вузов России, Бразилии, Китая,

¹⁴ <http://www.apsia.org> // Ассоциация профессиональных школ международных отношений

¹⁵ <http://ireg-observatory.org> // Observatory on Academic Ranking and Excellence

¹⁶ <http://www.uarctic.org> // Университет Арктики

Индии и ЮАР. Учитывая небольшой срок существования, оценить роль объединения в развитии межвузовских отношений затруднительно, но очевидно ключевое направление работы – разработка многосторонних совместных образовательных программ обучения, а также общих научно-исследовательских проектов в рамках 6 направлений (энергетика, информатика и информационная безопасность, исследования стран БРИКС, экология и изменение климата, водные ресурсы и нейтрализация загрязнений, экономика).

Наконец, примером организации последнего типа является *Эразмус*¹⁷. Эразмус – это программа ЕС по обмену студентами и преподавателями стран ЕС, а также Исландии, Лихтенштейна, Норвегии, Македонии, Турции. В ней участвуют около 4 тыс. учебных заведений, а с момента создания в 1987 году ее участниками стали около 2,5 млн чел. Встраивание в систему с регулярным источником финансирования (в данном случае – средства ЕС), а также пионерный характер проекта сделали эту программу успешной и значимой для развития межвузовских отношений.

Выводы

Таким образом, можно выделить несколько ключевых ролей международных университетских объединений в развитии межвузовских отношений как составляющей социокультурного взаимодействия стран: построение единого информационного пространства (базы вакансий, стипендий, грантов, образовательных программ, программ обмена, приборов и оборудования); синхронизация развития конкретного направления обучения в разных странах мира; создание площадок для коммуникации и обмена опытом; позиционирование и продвижение общих интересов перед работодателями и органами власти. Представленная типологизация междуниверситетских объединений подчеркивает многообразие не только организовано-правовых форм интеграции и сотрудничества, но и различия в выполняемых функциях. Так, объединения, созданные в пределах одного региона, ориентируются, как правило, на построение единого информационного пространства в заданных географических границах. В то же время организации, нацеленные на повышение качества образования в той или иной сфере, концентрируются на построении линии взаимодействия «студент – вуз – работодатель». Сетевые университеты являются примером наиболее высокой степени интеграции, подразумевая единые образовательные программы, но пока еще слабо развитым в России. Рассмотренные случаи позволяют заключить, что при конкретизации направления сотрудничества до отдельной отрасли знания эффективность деятельности межвузовского объединения возрастает.

Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ 18.39.1511.2016.

Литература

1. Розова Н. К. Сравнительный анализ международных практик интернационализации высшего образования // Современные проблемы науки и образования (электронный журнал). 2014. № 6.

¹⁷ http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en // Программа Эразмус

2. Певзнер М. Н. Интернационализация как ведущая тенденция развития современного вуза // Вестник Новгородского государственного университета. 2005. № 31. С. 55–59.
3. Сигова М. В., Банников С. А. Международные консорциумы как форма реализации сотрудничества в сфере науки и образования // Известия СПбГЭУ. 2014. № 6. С. 114–117.
4. Горбашко Е. А. Стратегическое развитие международных образовательных программ в консорциумах европейских университетов // Интеграция образования. 2008. № 4. С. 91–94.
5. Куликова Ю. П. Особенности международного партнерства в сфере высшего образования в условиях глобализации (на примере Евразийского партнерства) // Известия высших учебных заведений. Серия: общественные науки. 2012. № 6 (172). С. 75–78.
6. Burley D., Gnam C., Newman R., et al. Leveraging higher education consortia for institutional advancement // International Journal of Educational Management. 2012. Vol. 26 Iss: 3. P. 274–283.
7. International Trends in Higher Education 2015. University of Oxford International Strategy Office, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ox.ac.uk/sites/files/oxford/International%20Trends%20in%20Higher%20>

Lachininskii S. S.¹
Morachevskaya K. A.
Zinovyev A. S.
Sorokin I. S.

International university associations in the development of sociocultural interactions of the countries

Saint Petersburg State University, Russian Federation,
Saint-Petersburg
e-mail: ¹s.lachininsky@spbu.ru

Abstract. *Internationalization is becoming increasingly important in the modern world: social, economic and political transformations of society in recent decades are actively bringing the world closer to the global post-industrial knowledge economy. Unlike economic globalization, the humanitarian internationalization of higher educational institutions is not a new phenomenon in world practice, continuing to develop at a rapid speed. Today, universities are no longer simply attracting foreign students, but are moving to developing pragmatic development strategies that include recruiting highly qualified personnel from around the world, collaborating in the scientific field, and building an innovative infrastructure. In this process, the governments of many countries actively began to join, taking appropriate state programs.*

This paper deals with the information on current inter-university associations, the principles of their organization and functioning. The typology of university associations according to the purposes of creation was designed. The types included associations to enhance regional integration in the field of education; associations to improve the quality of education in a particular subject area; association for joint lobbying before the challenges of today's globalized world; association for the development of educational and research activities in a particular subject area; association for the establishment and

promotion of joint educational programs on the network principle; association for the development of inter-university mobility of students and teachers.

The presented typology of interuniversity associations emphasizes the diversity of not only the organized and legal forms of integration and cooperation, but also the differences in the functions performed. Thus, associations created within a single region are oriented, as a rule, to building a single information space in specified geographical boundaries. At the same time, organizations aimed at improving the quality of education in this or that sphere are concentrating on building a line of interaction between a student and a university-employer. Network universities are an example of the highest degree of integration, implying unified educational programs, but still underdeveloped in Russia.

Key words: *university associations, consortiums, network university, inter-institutional relations.*

References

1. Rozova N. K. Sravnitel'nyj analiz mezhdunarodnyh praktik internacionalizacii vysshego obrazovaniya // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (ehlektronnyj zhurnal)*. 2014. Vol. 6 (in Russian).
2. Pevzner M. N. Internacionalizaciya kak vedushchaya tendenciya razvitiya sovremennogo vuza // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. Vol. 31. P. 55-59 (in Russian).
3. Sigova M. V., Bannilov S. A. Mezhdunarodnye konsorciumy kak forma realizacii sotrudnichestva v sfere nauki i obrazovaniya // *Izvestiya SPbGEU*. 2014. Vol. 6. P. 114-117 (in Russian).
4. Gorbashko E. A. Strategicheskoe razvitie mezhdunarodnyh obrazovatel'nyh programm v konsorciumah evropejskih universitetov // *Integraciya obrazovaniya*. 2008. Vol. 4. P. 91-94 (in Russian).
5. Kulikova Yu. P. Osobennosti mezhdunarodnogo partnerstva v sfere vysshego obrazovaniya v usloviyah globalizacii (na primere Evrazijskogo partnerstva) // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya: obshchestvennye nauki*. 2012. Vol. 6(172). P. 75-78 (in Russian).
6. Burley D., Gnam C., Newman R., et al. Leveraging higher education consortia for institutional advancement // *International Journal of Educational Management*. 2012. Vol. 26 Iss: 3. P.274-283 (in English).
7. International Trends in Higher Education 2015. University of Oxford International Strategy Office, 2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.ox.ac.uk/sites/files/oxford/International%20Trends%20in%20Higher%20> (in English).

Поступила в редакцию 01.08.2018 г.

УДК 338.48(479.22):33.012.2

Логвина Е. В.

Туристская отрасль как одно из направлений социально-экономического развития Грузии

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие отрасли туризма как социально-экономической составляющей экономики Грузии. Исследованы экономические показатели и политика государства в сфере туризма. Выявлены проблемы и намечены пути их решения.

Ключевые слова: туризм, экономика, социально-экономические факторы, границы сезонности, туристский продукт, туристская отрасль Грузии.

Введение

Туризм как самостоятельная отрасль является важным направлением экономики высокоразвитых стран мира. Туризм стимулирует развитие отраслей народного хозяйства: строительства, транспорта, а также инфраструктуры. При этом он дает возможность развития малому и среднему бизнесу и мелким предпринимателям. Поэтому во многих странах забота о туристской привлекательности является задачей государственного значения.

Развитие туристской отрасли в Грузии – это дополнительный источник дохода в бюджете страны.

Проблемы развития туризма в Грузии рассматривали в своих работах: И. Г. Зорин, М. Б. Биржаков, Н. Р. Шарабидзе и др.

Развитие туризма в Грузии начинается с XIX–XX веков. Но его массовое расширение в хозяйственном комплексе страны активизировалось во второй половине XX века.

В настоящее время туризм в Грузии назван одним из приоритетных направлений экономики. Страна имеет огромный туристский потенциал как для внутреннего, так и для международного туристского рынка. Предлагаются следующие виды туристского обслуживания:

- деловые и конференц-туры (благодаря появлению в стране сети крупных гостиничных брэндов: Radisson, Intercontinental, Holiday Inn);
- лечебный туризм (бальнеологический);
- горнолыжный туризм;
- винный и гастрономический туризм.

Цель работы – проанализировать показатели и тенденции развития основных направлений туризма в Грузии для уточнения конкурентных позиций этой страны на рынке туристических услуг.

Материалы и методы

В работе использована методика статистического анализа факторов развития приоритетной отрасли хозяйства страны, которая находится в стадии трансформации её отраслевых компонентов экономики.

Для реализации этой методики нами привлекались материалы Грузинской национальной администрации туризма.

Грузия вызывает интерес у потенциальных туристов из разных уголков мира. Поддержка государством туризма в Грузии имеет важное значение как для развития этого сектора экономики, так и для создания имиджа страны.

Развитие туризма как отрасли имеет для Грузии не только экономическое, но и социальное значение, а именно: увеличивается доход территорий, создаются новые рабочие места, развивается производственная и социальная инфраструктура в туристских центрах, обеспечивается комплексное развитие сферы услуг, улучшается демографическая ситуация, повышается уровень жизни и занятость местного населения горных территорий.

Среди проблем, снижающих конкурентоспособность национального туристского продукта, можно выделить:

- рост стоимости туристского продукта, вызванный влиянием сезонности (на внутренние и въездные туристические потоки в отдельных туристических центрах и на курортах);

- неконкурентоспособность предлагаемых туристам услуг, прежде всего гостиничных и транспортных;

- недостаточно активное использование рекламы по продвижению национального туристского продукта на иностранных и внутренних рынках;

- отсутствие в стране единых стандартов и показателей статистического учета в сфере туризма;

- недостаточное количество квалифицированных кадров в сфере туристского обслуживания.

Немаловажной проблемой, препятствующей увеличению въездных и внутренних турпотоков, является дефицит средств размещения, отвечающих современным стандартам гостиничного сервиса.

Спрос на поездки в Грузию сохраняется благодаря её туристскому потенциалу:

- страна имеет 12 000 исторических памятников, 150 музеев;
- 102 лечебных морских курорта и 182 курортных местности в горах;
- минеральные и термические воды почти во всех регионах Грузии;
- исторические места, художественные галереи, театры;
- традиция проведения культурных мероприятий, фестивалей и ярмарок;
- имеются архитектурные и археологические памятники;
- национальные и государственные парки, заповедники;
- доступен инклюзивный туризм;
- историко-культурные памятники, имеющие общемировую ценность, составляющие основу культурного туризма;
- историко-архитектурная среда высокой степени сохранности (в основном в исторических городах);
- этнографическая среда и религиозные объекты (монастыри, храмы);

- традиционные народные промыслы и национальная кухня;
- предприятия по производству сувениров;
- спортивные объекты;
- природный потенциал: море, леса, горы;
- активная деловая сфера (выставочный комплекс);
- высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты;
- организационный и кадровый потенциал; присутствие творческой энергии, которая необходима для создания туристической репутации (консолидация всех организаторов туристического обслуживания; обучение на всех уровнях; управление, маркетинг) [1].

Грузия для туристов уникальна своими курортами: Боржоми, Тбилиси, Мцхета, Кутаиси, Батуми, Казбеги, Зугдиди, Ахалцихе, Местия, Гори, Телави, Саирме, Анаклия. В Аджарии преобладают такие виды туризма, как купально-пляжный и горный туризм.

В Грузии развит горнолыжный туризм; так, с ноября по апрель туристов привлекают горнолыжные курорты: Гудаури и Бакуриани.

Результаты обсуждения

Туристский продукт или услуга конкурентоспособны лишь тогда, когда происходит постоянный процесс повышения качества сервиса при предоставлении услуги, оптимизация цены услуги, ресурсов в сфере эксплуатации или потребления туристского продукта. Но конкурентоспособной услуга может быть лишь при условии эффективного управления персоналом, организации разработки и исполнения управленческих решений в рамках системы обеспечения конкурентоспособности, что позволит увеличить возможности выхода на внешний туристский рынок.

Конкурентоспособность туристской отрасли зависит, в частности, от государственной политики в сфере туризма. Аспекты конкурентоспособности туристской индустрии страны на мировом туристском рынке необходимо учитывать при разработке и реализации Стратегий и конкретных мероприятий по повышению конкурентоспособности страны, её интеграции в мировые туристские потоки.

Конкурентные позиции Грузии на мировом туристском рынке, с одной стороны, неблагоприятны из-за недостаточного уровня развития этой сферы, с другой – страна обладает значительным потенциалом и способна занять достойную позицию среди значительных туристических направлений.

Решение проблемы повышения конкурентоспособности грузинского туристского продукта, по нашему мнению, должно предполагать совершенствование структуры туристской индустрии: преимущественное развитие менее известных туристических дестинаций, повышение доли туров, обладающих максимально мультипликационным эффектом; поощрение туристских взаимосвязей со странами – активными торговыми партнерами Грузии и приграничными государствами.

Участие Грузии в глобальной туристской политике, расширение ее международного сотрудничества в туристической сфере является важной тенденцией, т. к. учитывается местная специфика туристского предложения и спроса, современный и планируемый уровень развития туризма в регионах и

отдельных городах.

Грузия расширяет международное сотрудничество, являясь членом различных международных организаций и агентств: ООН – с 1992 года; ЮНВТО – с 1994 года; ЮНЕСКО – с 1992 года.

Десять грузинских городов – побратимы с европейскими и американскими городами: Тбилиси и Лос-Анджелес, Кутаиси и Ньюпорт (Великобритания) и т. д.

В Грузии насчитывается около 150 музеев и 12 000 памятников, 4 из которых включены во Всемирный фонд культурного наследия ЮНЕСКО, более 45 исторических памятников находятся под патронатом ЮНЕСКО и Агентства всемирного наследия.

Общая площадь Грузии составляет 69,7 тысяч квадратных километров, где 330 км занимает субтропическое побережье Черного моря, а 38,6 % – массивы, покрытые лесом.

Важная роль в развитии туризма Грузии принадлежит внутреннему туризму. Наиболее перспективными направлениями туристской отрасли в Грузии могут быть: экологический и агротуризм; культурный туризм; приключенческий туризм; туризм по интересам; курортный туризм; деловой и конгрессный туризм; экстремальный туризм

Продвижением туризма в Грузии занимается Национальная администрация туризма. В 2015 году она приняла участие в 26 международных и внутренних туристических ярмарках, провела маркетинговые кампании на девяти целевых рынках и провела 64 ознакомительные поездки для прессы.

В 2010 году была принята Стратегия регионального развития Грузии до 2017 года, приоритетами которой стали развитие туризма и защита окружающей среды. Закон «О поддержке развития свободных туристских зон в Кобулети и Анаклии» предусматривал приобретение инвесторами участков земли для строительства гостиниц за символическую плату – 1 лари, при условии сохранения профиля в течении 15 лет [2]. На указанный срок инвестор освобождается от налогов на доход и имущество, а государство помогает в развитии инфраструктуры. Данный закон будет содействовать привлечению инвесторов и туристов на Черноморское побережье Грузии. За последние годы государство реализовало ряд важных проектов в Сигнаги, Кварели, Батуми, Анаклии, Кобулети, Мцхете, Гудаури и других городах. Эти проекты также привлекают сюда туристов.

За 2009–2013 годы Грузия заняла одно из самых высоких мест в мире по темпам роста туризма: так, общее количество прибытий туристов в страну увеличилось с 1,5 млн до 5,4 млн человек [3]. Общие доходы от туристской деятельности возросли за этот же период с 475 млн долл. до 1,8 млрд долл. США, превысив среднемировой показатель более чем в 20 раз.

Средняя величина расходов в расчете на одного туриста составляла около 74 долл. США в день, что ниже среднего показателя в мире. Увеличить туристские расходы предлагалось за счет разработки более диверсифицированных высококачественных туристских продуктов, а также повышения качества услуг. Эти изменения позволят стране в будущем стать туристским направлением мирового уровня, стимулирующим рост международного спроса за пределами соседних с Грузией стран.

Согласно статистическим данным, в 2016 году количество международных туристов, побывавших в Грузии, превысило 6,3 млн человек, что на 7,6 % больше, чем в 2015 году.

За 2016 год международные туристы осуществили платежные операции посредством иностранных платежных карт на сумму около 1,8 млн лари (порядка 585 тыс. долл. США), что на 14,1 % больше, чем в аналогичный период 2015 года. В прошлом году стране впервые удалось получить доход от международного туризма в размере 2 млрд долл. США, что на 9 % больше по сравнению с данными за 2015 год [4].

По числу посещений Грузии иностранными туристами лидируют: Азербайджан – 1,523 млн чел.; Армения – 1,496 млн чел., Турция – 1,2 млн чел.; Россия – 1,03 млн чел. (количество международных туристов из Российской Федерации в 2016 году превысило 1 млн чел) [4].

Также хочется отметить положительную динамику и по числу прибывших туристов из стран Евросоюза. Так, в 2016 году лидируют: Латвия – на 24 % больше, чем в 2015 году, Литва – на 16 %, Чехия – на 15 %, Германия – на 11 %.

Наибольший интерес к Грузии в 2016 году проявлен у туристов из Ирана – увеличение произошло в 4,8 раза; Индии – в 2 раза; Омана – на 89 %, Китая – на 46 % по сравнению с 2015 годом.

Хочется отметить, что в 2017 году Грузию посетили 7,6 млн чел. В 2017 году туризм принес экономике страны более 2,75 млрд долларов, что на 27 % больше, чем в 2016 году.

Туризм для Грузии важная составляющая экономики страны.

Международный туризм является быстрорастущей отраслью. В 2016 году туристический сектор составлял около 7,3 % ВВП страны (в 2015 году – 6,6 %).

Расходы иностранных гостей в Грузии оказывают значительное влияние на платёжный баланс – 61,4 % доходов от экспорта услуг приходится на туризм.

Рассмотрим численность иностранных туристов, посетивших Грузию с 2015 по 2017 годы.

Таблица 1.

**Численность иностранных туристов, посетивших Грузию
в 2015–2017 гг. (млн чел.)**

№	Страна	2015	2016	2017	Откл. в % 2017 к 2015гг.
1	Армения	1,47	1,52	1,72	117,00
2	Азербайджан	1,39	1,50	1,69	121,58
3	Турция	1,39	1,25	1,25	89,93
4	Россия	0,93	1,04	1,39	149,46
5	Украина	0,14	0,17	0,19	135,71
6	Израиль	0,059	0,092	0,12	203,39
7	Польша	0,041	0,044	-	-
8	Германия	0,036	0,041	-	-
9	Казахстан	0,036	0,049	0,057	158,33
10	США	0,031	-	-	-

Составлено по [3]

Как видно из таблицы, рекордное увеличение числа посетивших Грузию приходится на такие страны, как Израиль, Казахстан, Россия, Украина, Азербайджан.

С введением визового режима и ужесточением правил въезда в Грузию рядом стран (в т. ч. Ираном) 2014 год оказался наименее успешным – рост числа туристов составил только 2,3 %.

В 2015 году был зафиксирован рост на уровне 7 %, в 2016 году – 7,6 %, а в 2017 году число международных визитеров, посетивших Грузию, увеличилось на 18,7 %.

Стратегию развития туризма разрабатывает и осуществляет Национальная администрация туризма (НАТ). Развитие внешнего и внутреннего туризма, разработка новых туристических продуктов и диверсификация рынка является основной и главной задачей национальной администрации туризма. По данным национальной администрации туризма Грузии за 2016 год доходы от туризма составили 2 млрд долларов, как и за предыдущий 2015 год, а в 2017 году произошел рост – 2,750 млрд долларов.

В 2015 году Правительством Грузии принята «Стратегия развития туризма в Грузии до 2025 года», которая разработана Министерством экономики и устойчивого развития Грузии совместно с Национальной администрацией туризма при финансовой и технической поддержке Всемирного банка.

В подготовке стратегии участвовали представители органов власти, туристского бизнеса и общественность. Проводились консультации с участием национальных и местных властей, администраций особо охраняемых территорий и объектов культурного наследия, инвесторов, туроператоров, владельцев гостиниц и представителей просветительского туризма.

В «Стратегии развития туризма в Грузии до 2025 года» отражено видение развития отрасли на период 2015–2025 гг., а вместе с тем – стратегический план правительственных мероприятий по повышению ценности и значимости туризма в интересах экономики страны и граждан.

План развития отрасли разрабатывался в рамках партнерства правительства и частного сектора для максимального повышения степени удовлетворения спроса туристов, диверсифицирования рынка, достижения определенного уровня рентабельности туристской индустрии, а также возможностей для создания новых рабочих мест.

Стратегия направлена на достижение восьми стратегических целей:

- 1) развитие уважительного отношения, регенерация и сохранение культурного и природного наследия Грузии;
- 2) формирование уникального аутентичного опыта туристов на основе ознакомления с объектами этого природного и культурного наследия;
- 3) повышение конкурентоспособности отрасли за счет предоставления туристам услуг мирового класса;
- 4) привлечение туристов с рынков с более высоким уровнем расходов за счет расширения и повышения эффективности маркетинга и продвижения туристических услуг;
- 5) расширение и развитие в стране возможностей по сбору и анализу данных о туристической деятельности и оценке эффективности индустрии туризма;
- 6) увеличение государственных и частных инвестиций в туристический сектор;
- 7) улучшение состояния деловой среды в целях увеличения объемов иностранных и отечественных инвестиций;
- 8) формирование партнерств между правительством, туристической индустрией, неправительственными организациями и общественностью, необходимых для достижения всех вышеперечисленных целей.

Ожидается, что стратегия будет способствовать увеличению вклада

индустрии туризма в экономическое развитие Грузии. В стратегии предусматривается, что к 2025 году страна должна существенно увеличить поступление доходов от туризма: от 1,8 млрд лари (порядка 670 млн долл. США) до 5,5 млрд лари (2 млрд долл. США).

Несмотря на высокие показатели в туристской деятельности, существуют проблемы, сдерживающие развитие туристской отрасли Грузии.

Рассмотрим проблемы, сдерживающие развитие туризма в Грузии:

1. низкая экономическая эффективность деятельности значительной части существующих объектов туристической отрасли;
2. несоответствие потребностям существующей структуры туристско-рекреационного комплекса спросу и изменившимся потребностям туристов;
3. нерациональное, неэффективное использование рекреационных ресурсов и историко-культурного наследия.

Переходу к устойчивому развитию и разрешению существующих проблем в туристской отрасли могут способствовать предложения:

- предоставление скидок для привлечения туристов в межсезонье;
- разработка экзотических туров, на которые есть спрос туристов;
- предоставление новых видов услуг туристам;
- создание благоприятного инвестиционного климата для реализации проектов по модернизации инфраструктуры туристского бизнеса.

Сегодня для повышения конкурентоспособности в сфере туризма требуется кардинальное изменение в отношении освоения инноваций по предоставлению качественных курортно-рекреационных услуг.

Выводы

Развитие туризма оказывает влияние на социальную, культурную и другие сферы общественной жизни, а также на экономическое развитие страны.

Важное социальное значение развитие туризма находит в отражении улучшения условий жизни (особенно населения горных районов), а также росте информированности и общения граждан.

Для освоения новых рынков и роста туристического потока Грузия принимала участие в различных международных выставках, проводились активные маркетинговые кампании зимних и летних сезонов в Интернете.

Туристский потенциал Грузии обозначен на международном рынке и с целью его популяризации представлен в международных СМИ. В 2017 году Администрация туризма выделила важные проекты в сфере инфраструктуры: изучение и разметка горных пеших тропинок, проведение курсов по повышению квалификации сотрудников туристической индустрии и т. д.

Дмитрий Кумсишвили, Министр экономики и устойчивого развития Грузии, комментируя принятие стратегии, заявил: «Правительство Грузии будет постепенно концентрировать свои усилия на диверсификации туристических рынков, повышении уровня информированности о стране, содействии частному сектору в создании высококачественного нишевого туристического продукта, повышении качества услуг и стимулировании дальнейшего развития внутреннего туристического рынка. При этом движущей силой роста и прогресса в индустрии туризма будет являться развитие инфраструктуры и привлечение новых инвестиций» [4].

Эффективная политика в туристской сфере должна повысить на внутреннем рынке спрос на различные услуги и сервис, что в свою очередь повысит и уровень обслуживания, сделает его конкурентоспособным на мировом рынке туристских услуг.

Литература

1. Карчевская Е. Н. Организация международного туризма: Практическое пособие. Гомель: ГГТУ, 2015. 25 с.
2. Закон Грузии о содействии развития свободных туристских зон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docplayer.ru/26951569-Zakon-gruzii-o-sodeystvii-razvitiyu-svobodnyh-turisticheskikh-zon.html> 05.05.2011
3. Страны, откуда в Грузию в 2015 -2017 годах приехало больше всего туристов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newsgeorgia.ge/desyat-stran-otkuda-v-gruziyu-v-2017-godu-priehalo-bolshe-vsego-turistov>.
4. «Грузия – страна жизни». Стратегия развития туризма в Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2015/12/07/a-tourism-strategy-for-georgia-country-of-life>.

Logvina E. V.

The tourism industry as one of the areas of socio-economic development of Georgia

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Russian Federation, Simferopol
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru

Abstract. *The article deals with the development of the tourism industry as a socio-economic component of the Georgian economy. Economic indicators and policy of the state in the sphere of tourism are considered. Problems are revealed and ways of their decision are outlined.*

Key words. *Tourism, economy, socio-economic factors, seasonality limits, tourism product, tourism industry of Georgia.*

References

1. Karchevskaja E.N. Organizacija mezhdunarodnogo turizma: Prakticheskoe posobie. Gomel': GGTU, 2015. 25 s. (in Russian).
2. Zakon Gruzii o sodejstvii razvitija svobodnyh turistskih zon [Jelektronnyj resurs]/ URL: <https://docplayer.ru/26951569-Zakon-gruzii-o-sodeystvii-razvitiyu-svobodnyh-turisticheskikh-zon.html> 05.05.2011g (in Russian).
3. Strany, otkuda v Gruziju v 2015 -2017 godah priehalo bol'she vsego turistov. [Jelektronnyj resurs] URL: <https://www.newsgeorgia.ge/desyat-stran-otkuda-v-gruziyu-v-2017-godu-priehalo-bolshe-vsego-turistov> (in Russian).
4. «Gruzija – strana zhizni». Ctrategija razvitija turizma v Gruzii. [Jelektronnyj resurs] URL: <https://vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2015/12/07/a-tourism-strategy-for-georgia-country-of-life> (in Russian).

Поступила в редакцию 16.07.2018 г.

УДК 332.135

Мельникова Т. Б.

***Анализ восприимчивости регионов
России к концентрации и наращиванию
региональных финансовых ресурсов***

ФГБУ ВО «Российский университет имени
Г. В. Плеханова», Севастопольский филиал,
Российская Федерация, г. Севастополь
e-mail: tmln82@mail.ru

Аннотация. *Осуществлен сравнительный анализ концентрации финансовых ресурсов в приграничных субъектах Российской Федерации и областях Республики Казахстан. Выявлены закономерности в формировании полюсов концентрации на основе данных о кредитах и депозитах населения, кредитах юридических лиц, а также налоговых поступлений регионов в бюджеты всех уровней. Пять регионов формируют полюс высокой силы концентрации финансовых ресурсов: Тюменская, Астраханская, Волгоградская, Самарская области, а также Омская область в части границ с Северо-Казахстанской областью. Для данных регионов коэффициент детерминации по трем из четырех показателей находится в диапазоне от 0,8 до 1,0.*

Ключевые слова: *концентрация, интеграция, регион, финансовые ресурсы, субъект Российской Федерации, область Республики Казахстан.*

Введение

Ближайшие годы, безусловно, будут проходить под знаком информационно-коммуникационных технологий. Для нашей страны, с ее уникальными территориальными особенностями, цифровая экономика позволяет сократить физические расстояния между регионами, а значит – повысить их интеграцию и устойчивость в рамках единого экономического пространства.

Укрепление межрегиональных связей должно способствовать активизации и концентрации финансовых потоков и накоплений, что является неотъемлемым условием стабильных воспроизводственных процессов в регионах и на национальном уровне.

Таким образом, на первый план выходит необходимость оценки восприимчивости регионов России к концентрации и наращиванию региональных финансовых ресурсов при появлении новых возможностей, технологий и вызовов. Фактически, говоря на языке Вильфредо Парето, в способности регионов формировать ядро многорегиональной системы, извлекая максимум преимуществ из межрегионального взаимодействия.

За последние годы для субъектов Российской Федерации такими возможностями стали интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза, которые, по мнению автора, продолжают быть определяющими и в период до 2035 года.

В данном исследовании мы попытаемся проанализировать способность приграничных субъектов Российской Федерации и Республики Казахстан откликаться на появившиеся возможности и увеличивать свои позиции в едином финансовом пространстве.

Материалы и методы

Концентрация как экономическая категория в нашем исследовании рассматривается в логической увязке с кооперацией и несет в себе функцию накопления, следуя рассуждениям К. Маркса [1, с. 266]. Методологические основы процесса концентрации ресурсов на уровне субъектов Российской Федерации в постсоветский период в большинстве своем формировались исходя из практической необходимости сохранения единого экономического пространства. Здесь стоит вспомнить Е. М. Примакова, который в своей монографии охарактеризовал все трудности процесса концентрации финансовых ресурсов в субъектах России за время его работы в Правительстве Российской Федерации [2, с. 436–443]. Экономическая самостоятельность остается центральным явлением как тогда, так и сейчас, уже в рамках более сбалансированного развития регионов России.

В теоретическом плане концентрация ресурсов в регионе присутствует в исследованиях, посвященных межрегиональному взаимодействию, экономической интеграции, дифференциации уровня социально-экономического развития регионов России. Среди последних исследований можно отметить работы А. И. Татаркина, А. А. Куклина, К. Н. Юсупова и др.

Академик А. И. Татаркин делает акцент на саморазвитии социально-экономических систем как реального и общественно-значимого института пространственного обустройства российского пространства [3, с. 17].

Исследуя степень вовлеченности Республики Башкортостан в межрегиональные и международные процессы авторы работы [4, с. 564], приходят к выводам, что замещение вывоза экспортом приводит, в частности, к дезинтеграции экономического пространства и к утечке финансовых ресурсов за пределы России.

В свою очередь, разрабатывая концепцию благосостояния региона, к основным рискам авторы другого исследования [5, с. 38] относят риски финансовой депрессивности и спада промышленного производства.

Таким образом, теоретические изыскания свидетельствуют о неснижении интереса к изучению потенциала и дисбалансов в концентрации (накоплении) ресурсов в регионах России.

Рассматривая проблему концентрации в привязке к Евразийскому экономическому союзу, можно говорить о том, что своеобразной силой ускорения накоплений в регионе выступают процессы евразийской интеграции. Можно говорить о том, что интеграция происходит не только на общероссийском уровне, но и между отдельными территориями и регионами.

В статистической и макроэкономической методологии, используемой Евразийской экономической комиссией [6], региональный разрез связан в основном с показателями перевозки грузов и миграции населения. Однако, на наш взгляд, для Российской Федерации важными являются исследования, направленные на выявление влияния интеграции на отдельные регионы России. В частности, предлагается проанализировать концентрацию финансовых ресурсов в приграничных с Казахстаном субъектах России.

В нашей работе под участием региона в едином финансовом пространстве страны мы понимаем долю региона в распределении кредитных ресурсов юридических и физических лиц, а также накоплений населения.

Кроме того, с целью оценки общеэкономического эффекта на регион в качестве результирующего показателя мы взяли налоговые поступления в бюджеты всех уровней, основываясь на том факте, что налоги выступают косвенным индикатором накопления финансовых ресурсов в регионе. Во-первых, уплата налога на доходы физических лиц и страховых взносов отражает формирование базы для накоплений и кредитов населения, а поступления налогов от коммерческой деятельности (налог на прибыль, НДС, специальные режимы налогообложения) позволяют учесть не только формирование кредитного капитала, но и других источников финансирования бизнеса в регионе.

Анализ по Российской Федерации построен на основе данных Центрального Банка Российской Федерации и Федеральной налоговой службы Российской Федерации, по Республике Казахстан – Национального банка Казахстана и Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан.

Система показателей включает в себя удельный вес приграничных регионов Российской Федерации и Республики Казахстан в структуре кредитов юридических лиц страны (%), кредитов физических лиц страны (%), депозитов населения страны (%), налоговых поступлений страны (%).

Анализ состоит из трех этапов. На первом этапе анализа нами была определена позиция каждого из приграничных регионов в суммарном объеме соответствующего показателя на национальном уровне. На втором этапе с помощью корреляционно-регрессионного анализа осуществлена оценка схожести тенденций изменения показателей. В рамках данного этапа исследовалась теснота взаимосвязи между каждой парой приграничных регионов. На третьем этапе сформированы полюса концентрации финансовых ресурсов в географическом и профильном масштабе.

Временной отрезок исследуемых показателей составил период с 2009 по 2016 годы и выбран в целях учета политических и экономических факторов, включающих исторические вехи становления Евразийского экономического союза и геополитические изменения 2014 года.

Результаты и обсуждение

На первом этапе анализа нами была определена позиция каждого из приграничных регионов в суммарном объеме соответствующего показателя на национальном уровне.

Суммарная доля приграничных с Казахстаном 12 субъектов Российской Федерации в общем объеме кредитов юридических лиц составляет 8,7 %, кредитов физических лиц – 16,3 %, депозитов населения – 12,6 %, налоговых поступлений – 11,6 % (в табл. 1 представлены данные по кредитам юридических лиц).

Вклад 7 приграничных с Российской Федерацией областей Республики Казахстан на национальном уровне составляет в кредитах юридических лиц – 9,7 %, кредитах физических лиц – 23,6 %, депозитах населения – 19,8 %, налоговых поступлений – 31,9 % (в табл. 2 представлены данные по кредитам юридических лиц).

Таблица 1.

Удельный вес приграничных регионов Российской Федерации в структуре кредитов юридических лиц Российской Федерации, %

№	Субъект Российской Федерации	на 01.01.2010	на 01.01.2014	на 01.01.2017
1	Тюменская область	2,13	2,25	2,15
2	Самарская область	1,93	1,54	1,52
3	Новосибирская область	1,53	1,5	1,02
4	Волгоградская область	0,58	0,51	0,47
5	Саратовская область	0,66	0,7	0,45
6	Алтайский край	0,7	0,59	0,43
7	Оренбургская область	0,53	0,47	0,42
8	Омская область	0,65	0,61	0,40
9	Курганская область	0,17	0,13	0,08
10	Астраханская область	0,13	0,08	0,06
11	Республика Алтай	0,11	0,08	0,05
12	Челябинская область	1,26	1,45	1,61
	Итого	10,4	9,9	8,7

Рассчитано автором

Взаимная торговля и торговые эффекты Таможенного союза вызвали увеличение концентрации кредитов физических лиц в большинстве российских регионов в 2013 году: 9 из 12 приграничных регионов в среднем в два раза увеличили свою долю в общероссийском рынке кредитных ресурсов населения. Схожая ситуация и в динамике налоговых поступлений: 7 приграничных субъектов России стали вносить больший вклад в формирование налоговых доходов России, улучшив свои позиции в среднем в 1,6 раза.

Таблица 2.

Удельный вес приграничных областей Республики Казахстан в структуре кредитов юридических лиц Республики Казахстан, %

№	Область Республики Казахстан	на 01.01.2010	на 01.01.2014	на 01.01.2017
1	Атырауская область	0,77	1,30	1,81
2	Костанайская область	1,35	1,87	1,70
3	Павлодарская область	1,23	1,51	1,69
4	Актюбинская область	1,35	1,56	1,49
5	Восточно-Казахстанская область	1,34	1,60	1,47
6	Западно-Казахстанская область	0,59	0,96	1,09
7	Северо-Казахстанская область	0,39	0,57	0,47
	Итого	7,0	9,4	9,7

Рассчитано автором

Несмотря на определенный спад в 2016 году, за период с 2009 по 2016 по большинству приграничных регионов России отмечается рост позиций в общероссийском масштабе по кредитам населения – в среднем на 60 %. По накоплениям населения и кредитованию юридических лиц наблюдаются нисходящие тенденции.

Со стороны Казахстана наблюдается противоположная тенденция: концентрация финансовых ресурсов наблюдалась в 2013 году в рамках кредитов юридических лиц и депозитов населения. Позиция всех семи областей Республики Казахстан по кредитам юридических лиц в среднем в 1,4 раза выросла в общеказахстанском масштабе. Абсолютное большинство областей (6 из 7) увеличило свою долю в объемах депозитов населения Казахстана в среднем на 10 %.

В Казахстане в период 2013–2016 годов произошло, в основном, снижение позиций регионов в масштабе страны по анализируемым параметрам, однако в 2016 году по сравнению с 2009 годом позиции по кредитам юридических лиц улучшились по всем областям в среднем на 46 %.

На основе первой части анализа можно сделать вывод о том, что в приграничных областях Казахстана выделяются два полюса роста концентрации финансовых ресурсов: Атырауская и Западно-Казахстанская области. На территории первой на протяжении периода 2009–2016 годов наблюдался абсолютный рост по трем параметрам (поступления налогов, кредиты физических лиц и депозиты населения), по второй – по депозитам населения и кредитам юридических лиц.

Территории приграничных районов России более свойственна многополюсная концентрация потоков финансовых ресурсов с акцентом на кредиты населению. Единственным субъектом из 12 исследуемых регионов, который планомерно повышал свою долю в общероссийском масштабе по двум параметрам (поступления налогов и кредиты юридических лиц), является Челябинская область.

Второй этап анализа предусматривал объединение субъектов Российской Федерации в группы с граничащими с ними областями Республики Казахстан.

Задача второго этапа заключалась в определении степени схожести (тесноты взаимосвязи) в тенденциях регионов двух стран по анализируемым параметрам на сопредельных территориях.

В результате корреляционно-регрессионного анализа каждого из показателей в рамках 12 групп регионов в табл. 3 вынесены значения коэффициента детерминации. Исходя из аналитической структуры количественной меры тесноты связи можно сформировать из групп регионов как географические, так и профильные полюсы концентрации финансовых ресурсов.

Профильные полюсы концентрации финансовых ресурсов

1. Заметной силой связи обладают приграничные тенденции в сфере концентрации кредитных ресурсов физических и юридических лиц и налоговых поступлений (среднее значение коэффициента детерминации находится в диапазоне 0,6–0,7). По профилю кредитования физических лиц наиболее заметной (0,7) была взаимосвязь со своими соседями из Казахстана у Курганской, Тюменской, Оренбургской, Волгоградской, Саратовской, Челябинской, Новосибирской и Самарской областей. Концентрация налоговых поступлений имеет менее заметный средний уровень связи (0,6) и сопровождается отсутствием Курганской, Оренбургской и Самарской областей, на замену которых пришла Астраханская область.

2. Умеренная сила связи (среднее значение коэффициента детерминации составляет 0,5) присуща концентрации депозитов населения.

Таблица 3.

Значения коэффициента детерминации по группам регионов и показателей

Субъект России	Область Казахстана	Налоги	Кредиты физ. лиц	Кредиты юр. лиц	Депозиты физ. лиц
Алтайский край	Восточно-Казахстанская область	0,1	0,05	0,2	0,2
	Павлодарская область	0,9	0,4	0,9	0,0004
Республика Алтай	Восточно-Казахстанская область	0,05	0,08	0,2	0,3
Курганская область	Северо-Казахстанская область	0,1	0,9	0,1	0,9
	Костанайская область	0,1	0,9	0,4	0,2
Тюменская область	Северо-Казахстанская область	0,9	0,9	0,9	0,2
Омская область	Северо-Казахстанская область	0,9	0,9	0,07	0,9
	Павлодарская область	0,9	0,7	0,8	0,8
Астраханская область	Атырауская область	0,9	0,3	0,9	0,8
	Западно-Казахстанская область	0,8	0,2	0,9	0,6
Оренбургская область	Актюбинская область	0,4	0,9	0,5	0,02
	Западно-Казахстанская область	0,6	0,9	0,9	0,8
	Костанайская область	0,2	0,9	0,5	0,9
Волгоградская область	Западно-Казахстанская область	0,9	0,9	0,9	0,4
Саратовская область	Западно-Казахстанская область	0,9	0,9	0,3	0,2
Челябинская область	Костанайская область	0,9	0,9	0,4	0,04
Новосибирская область	Павлодарская область	0,9	0,9	0,7	0,3
Самарская область	Западно-Казахстанская область	0,7	0,9	0,9	0,9
Среднее значение показателя		0,6	0,7	0,6	0,5

Составлено автором

Анализируя географическую структуру полюсов концентрации финансовых ресурсов, можем выделить следующие закономерности.

1. Пять регионов формируют полюс высокой силы концентрации финансовых ресурсов: Тюменская, Астраханская, Волгоградская, Самарская области, а также Омская область в части границ с Северо-Казахстанской областью. Для данных регионов коэффициент детерминации по трем из четырех показателей находится в диапазоне от 0,8 до 1,0.

2. Полюс заметной силы концентрации финансовых ресурсов формируют три приграничных региона России: Новосибирская, Омская область в границах Павлодарской области и Оренбургская область в границах Западно-Казахстанской области. Для данных регионов коэффициент детерминации по одному-двум показателям находится в диапазоне от 0,8 до 1,0 и по двум-трем – от 0,6 до 0,8.

3. Для пяти регионов сила концентрации является умеренной, так как коэффициент детерминации находится в диапазоне от 0,8 до 1,0 только по двум показателям. К таким субъектам России можно отнести Алтайский край, Курганскую область, Саратовскую и Челябинскую области, а также Оренбургскую область в границах Костанайской области и Астраханскую область в части границ с Западно-Казахстанской областью.

Выводы

Полученные в результате анализа выводы свидетельствуют о положительных тенденциях в восприятии финансовыми системами регионов открывшихся возможностей (в данном случае Таможенного союза), однако дальнейшее наращивание финансовых ресурсов регионов требует точечного влияния на отдельные его составляющие (кредитная активность физических лиц в части Республики Казахстан, кредитная активность юридических лиц – в части регионов России).

Выбор показателей, на наш взгляд, интересен для дальнейшего исследования последствий интеграционных тенденций и развития двусторонних отношений с другими странами для единого экономического пространства России, так как не несет в себя прямой зависимости от географического расстояния (как экспорт или импорт), но находится под геополитическим влиянием.

Зависимость концентрации кредитной, депозитной и налоговой активности между регионами России и Казахстана во многом обусловлена все возрастающей ролью интернет-технологий и цифровой экономики в отношениях географически близких регионов, что позволяет реализовывать индивидуальные проекты физических лиц, а также проекты юридических лиц, зачастую не требующих капитальных ресурсов.

Литература

1. Маркс К. Капитал. Т.1: М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 565 с.
2. Встречи на перекрестках/Евгений Примаков. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. 607 с.
3. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т.12, Вып.1. С. 9–27.
4. Куклин А. А., Тырсин А. Н., Печеркина М. С., Никулина Н. Л. Риски для благосостояния в регионах: диагностика и управление (на примере УрФО) // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 36–51.

5. Юсупов К. Н., Янгиров А. В., Ахунов Р. Р., Токтамышева Ю. С. Оценка динамики участия региона в межрегиональных и международных обменных процессах на основе изменения соотношения промежуточного и конечного продуктов // Экономика региона. 2017. Т.13, Вып.2. С. 559–569.
6. Перечень статистических показателей официальной статистической информации, предоставляемой Евразийской экономической комиссии, уполномоченными органами государств-членов Евразийского экономического Союза (решение Коллегии ЕАК от 19.12.2016 № 167) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/metadata/Documents/R_167_stat_indicators.pdf#pagemode=bookmarks.

Melnikova T. B.

Analysis of susceptibility of Russian regions to regional financial resources' concentration

Plekhanov Russian University of Economics, Sevastopol branch, Russian Federation, Sevastopol
e-mail: tmln82@mail.ru

Abstract. *A comparative analysis of financial resources' concentration in the border regions of the Russian Federation and of the Republic of Kazakhstan is carried out. The mutual trade and trade effects of the Customs Union caused an increase in individual loans' concentration in most Russian regions in 2013: 9 out of 12 border regions on average doubled their share in the overall Russian credit market. A similar situation is in tax revenues' dynamics: 7 Russian border regions began to make a greater contribution in overall Russian tax revenues, having improved their positions by an average of 1.6 times.*

On the part of Kazakhstan, there is an opposite trend: the concentration of financial resources was observed in 2013 in the framework of loans from legal entities and individual deposits. The position of all seven Kazakhstan border regions on loans of legal entities averaged 1.4 times higher in the country-wide scale. The absolute majority of regions (6 out of 7) increased their share in overall Kazakhstan individual deposits by an average of 10%.

As a result of the correlation-regression analysis of each of the indicators within the 12 groups of regions the values of the determination coefficient are identified. Based on the analytical structure of the quantitative measure of tightness of communication, it is possible to form both geographic and profile concentration poles of financial resources out of groups of regions to be under research. On the profile of lending to individuals, the most visible (0.7) was the relationship of Kurgan, Tyumen, Orenburg, Volgograd, Saratov, Chelyabinsk, Novosibirsk and Samara regions with its neighbors from Kazakhstan.

Five regions form a high-power concentration pole of financial resources: the Tyumen, Astrakhan, Volgograd, Samara regions, and the Omsk Region with respect to the borders with the North Kazakhstan region. For these regions, the determination coefficient for three of the four indicators is in the range from 0.8 to 1.0.

The conclusions obtained as a result of the analysis testify to positive trends in the perception by the financial systems of the regions of the opportunities that have been

opened (in this case, the Customs Union), however, further increase in financial resources of the regions requires a targeted influence on its individual components (individual loans activity in the part of the Republic of Kazakhstan, legal entities - in part of the regions of Russia).

Key words: *concentration, integration, region, financial resources, region of the Russian Federation, region of the Republic of Kazakhstan*

References

1. Marks K. Kapital. T.1: M.: OOO «Izdatelstvo AST», 2001, 565 p. (in Russian).
2. Vstrechi na perekrestkakh/Evgenij Primakov. M.: ZAO Izdatelstvo Centrpoligrafi, 2016, 607 p (in Russian).
3. Tatarin A. I. Regionalnaya napravlenost ekonomicheskoy politiki Rossiyskoy Federacii kak instituta prostranstvennogo obustroystva territorii (Regional Targeting of the Economic Policy of the Russian Federation as an Institution of Regional Spatial Development) // Ekonomika regiona (Economy of Region), 2016, Vol.12, no 1. pp. 9–27 (in Russian).
4. Kuklin A. A., Tyrsin A. N., Pecherkina M. S., Nikulina N. L. Riski dlya blagosostoyaniya v regionakh: diagnostika i upravlenie (na primere UrFO) (Risk Diagnostics and Management for Welfare in Regions (in the Example of the Ural Federal District)) // Prostranstvennaya ekonomika (Spatial Economics), 2018, no 2. pp. 36–51 (in Russian).
5. Yusupov K. N., Yangirov A. V., Ahunov R. R., Toktamysheva Yu. S. Ocenka dinamiki uchastiya regiona v mezhregionalnykh i mezhdunarodnykh obmennykh processakh na osnove izmeneniya sootnosheniya promezhutochnogo i konechnogo produktov (The Assessment of the Dynamics of Region's Participation in Interregional and International Exchange Processes Based on the Change in the Ratio of Intermediate and Final Products)//Ekonomika regiona (Economy of Region), 2017, Vol.13, no 2. pp. 559–569 (in Russian).
6. Perechen statisticheskikh pokazateley oficialnoy statisticheskoy informacii, predostavlyaemoy Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii, upolnomochennymi organami gosudarstv-chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo Soyuza (reshenie Kollegii EAK ot 19.12.2016 №167) [Elektronnyj resurs]. URL:http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/metadata/Documents/R_167_stat_indicators.pdf#pagemode=bookmarks (accessed July 2018) (in Russian).

Поступила в редакцию 11.06.2018 г.

УДК 528.92

Низамова А. Р.¹

Пудовик Е. М.²

Применение геоинформационных систем в геомаркетинге производственных предприятий крупного города

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, г. Казань
e-mail: ¹ nizamovalina07@gmail.com; ² epudovic@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются перспективы применения геоинформационных технологий для решения задач геомаркетингового анализа размещения предприятий сферы общественного питания.

Ключевые слова: геомаркетинг, ГИС-технология, объекты сферы обслуживания, сетевой анализ, ModelBuilder, гравитационная модель Хаффа.

Введение

Одной из важных составляющих городских и сельских территорий являются объекты социальной инфраструктуры, или по-другому объекты сферы обслуживания. Основной целью функционирования объектов социальной инфраструктуры является полное и всестороннее развитие человека путём удовлетворения его бытовых, духовных и культурных потребностей. К ним относят: жилье, объекты социально-культурного назначения, образования, розничную торговлю, общественное питание и другое.

Комфортная городская среда предполагает, что жители могут обзавестись всеми необходимыми услугами в шаговой доступности от своего жилища. Нерациональная территориальная организация объектов социальной инфраструктуры создаёт весьма неблагоприятные условия их функционирования и снижает качество жизни населения. Решение данного вопроса возможно на основе такого направления анализа, как геомаркетинг, который позволяет осуществить локальное позиционирование объекта с помощью геоинформационных технологий и тем самым решить вопрос рентабельного размещения социально значимых объектов, поскольку любая деятельность подобного рода зависит от успешного местоположения.

Целью данного исследования является разработка алгоритма для решения геомаркетинговых задач размещения предприятий сферы обслуживания, основанного на использовании ГИС-технологий.

В практическом плане разработанный алгоритм будет опробован на примере определения наиболее подходящей локации для размещения предприятия сферы общественного питания в одном из городов Республики Татарстан.

Авторами были изучены российский и зарубежный опыт в проведении геомаркетинговых исследований. В результате было выявлено, что в нашей стране теоретико-методических работ в данной области практически не представлено, за исключением монографии В. Я. Цветкова «Геомаркетинг: прикладные задачи и методы» 2002 года, и отсутствует единая методика геомаркетингового исследования по расчёту оптимального расположения торговых точек [1]. Подобные исследования проводятся преимущественно для столичных городов:

Москвы, Санкт-Петербурга, что доказывает относительно слабое развитие геомаркетинговой проблематики в России, в то время как данные исследования за рубежом проводятся с 1990-х годов [1].

Материалы и методы

Как уже было отмечено ранее, единого формата геомаркетинговых систем не существует, как и не существует единых этапов проведения анализа. Этапов, в зависимости от поставленных целей и задач, а также от практических возможностей сбора информации для заказчика, может быть великое множество. Предлагаемая авторами методика включает следующие этапы, каждый из которых может иметь различные содержательные наполнения в зависимости от специфики объекта исследования:

1. общая характеристика исследуемой территории;
2. выбор подходящей территории для исследования с применением доступных сервисов в Интернете;
3. подготовка структуры слоев для проведения исследования;
4. создание автоматизированного алгоритма с помощью инструмента геообработки ModelBuilder;
5. проведение геомаркетингового анализа на исследуемой территории;
6. анализ полученных данных и формулирование основных выводов исследования.

Предложенная авторами методика была опробована на примере г. Набережные Челны. Это – крупный город в Республике Татарстан, расположенный в её северо-восточной части, на левом берегу реки Кама и Нижнекамского водохранилища. За счёт своего речного географического положения город получил название Набережные Челны. Его площадь составляет примерно 171 км², по этому показателю он занимает 30 место среди всех российских городов. Свой статус город получил лишь в 1930 году, поэтому он является молодым и развивающимся. В 2006 году город участвовал в федеральной жилищной программе, итогом которой стало финансирование освоения трех микрорайонов – Земелекесья, Прибрежного и Яшьлек. Когда все эти микрорайоны будут окончательно достроены, в них будут жить более 82 тысяч человек, другими словами – шестая часть населения города. Население по данным Росстата на 1 января 2018 года составило 532472 человека [2].

Принятие решения о выборе территории в первом приближении является сложным процессом, который не может быть реализован на основе использования только имеющегося картографического материала или данных официальной статистики, поскольку на итоговый вывод влияет множество факторов, определяющих в своей совокупности исходную территорию исследования. Помимо традиционных, в современном информационном мире доступны множество интернет-ресурсов, которые дают адекватные данные о пространственном поведении и потребностях населения, что позволяет выбрать подходящий район для проведения исследования.

Проведение исследования по выбору подходящей зоны, проводилось с использованием метода анализа доступных интернет-источников. При выборе района нами были учтены основные три фактора: популярность, точки интереса, население.

Для определения популярности места были использованы открытые бесплатные сервисы Sightsmap и 4sqstat [3; 4].

Sightsmap показывает тепловую карту частотности фотографирования мест во всём мире. На тепловой карте показаны места, которые люди часто фотографируют, исходя из количества фотографий в каждом месте в мире. Карта составлена на количестве фотографий, имеющих географические координаты. С помощью второго сервиса можно посмотреть популярные места, где было больше всего посещений (чекинов). Чем больше окружность изображена на карте, тем большее количество посещений было сделано.

Также учитывалась численность населения по административным районам города, было выяснено, что самыми плотно заселёнными районами являются Центральный и Автозаводский с населением 198000 и 175245 человек соответственно. Исходя из приведённых данных, можно сделать вывод, что самым популярным и заселённым местом является микрорайон Новый город.

Микрорайон Новый город в Набережных Челнах – это самый активно развивающийся район. Здесь находятся основные объекты инфраструктуры, достопримечательности, природные объекты, сосредоточены все развлекательные центры: торгово-развлекательные комплексы, крупные магазины, дорогие бутики, стадионы, театры, музеи, органнй зал и т. д. Поэтому население молодых возрастов стремится к Новому городу в большей степени, нежели к Старому. Также стоит учесть, что именно Новый город является наиболее сформировавшимся в отношении планировочной структуры по сравнению с остальными микрорайонами, которые только находятся в процессе реализации проектов по застройке.

Успех применения аппарата геомаркетинга зависит от наличия, качества и доступности базовых пространственных, демографических и статистических данных. При геомаркетинговом анализе объектом исследования может стать практически любой объект, который имеет пространственную позицию и который может получить от нее какую-либо выгоду. В ГИС приложениях реализовано множество инструментов для проведения подобного анализа, одним из их ярких примеров является модель Хаффа.

В первую очередь для проведения исследования были собраны данные о точках конкурентных столовых, количестве населения постоянного местожительства, базовые пространственные данные и данные об инфраструктуре для анализа пространственного поведения потенциальных посетителей. Большая часть информации была получена с помощью OpenStreetMap (OSM). Данные о количестве людей до точности дома были извлечены с открытого интернет-ресурса «Реформа ЖКХ», они были представлены в ежегодных отчётах для каждого дома [5]. Проживающие на территории люди будут также рассмотрены как потенциально возможные потребители.

Геомаркетинг уникален тем, что он даёт оперативный анализ территории за несколько минут. Поэтому нерациональная трата времени на поиски нужных инструментов и активизация их для выполнения пространственного анализа замедляет весь процесс работы. Однако в программном продукте ArcGIS 10.3.1 имеется специальное приложение ModelBuilder, использование которого позволяет создавать и редактировать разработанные модели, автоматизирующие выполнение инструментов, а также управлять такими моделями. Модели – это рабочие процессы, которые соединены друг с другом в последовательности инструментов

геообработки, подавая выход одного инструмента в другой инструмент в качестве входа. ModelBuilder можно также рассматривать как визуальный язык программирования для построения рабочих потоков.

В начале работы при проектировании и создании модели необходимо создать либо папку, либо БГД, где будет храниться собственный набор инструментов, то есть это не все инструменты ArcToolbox, а только те, которые будут задействованы в нашей модели.

Основные инструменты, которые необходимо добавить в модель, это инструменты модуля ArcGIS Network Analyst, а именно «Создание областей обслуживания» и «Размещение–Распределение» (рис. 1). При создании зон выбираем импеданс минуты и указываем их границы (5, 10, 15 минут). В качестве импеданса можно выбрать любой стоимостный атрибут, который накапливается при определении области обслуживания. В нашем случае выбор атрибута “Minutes” приводит к нахождению областей обслуживания на основе времени. При использовании инструмента «Размещение–Распределение» необходимо задать предельное значение импеданса, то есть максимальное время, которое человек готов потратить на путь, в нашем случае это будет 15 минут. Преобразование импеданса задано как линейное. ArcGIS будет использовать линейное снижение спроса для вычисления вероятности посещения столовой. Это означает, что при предельном значении импеданса в 5 минут и линейной трансформации импеданса вероятность посещения столовой снижается на 1/5, или 20 %. Таким образом, столовая, находящаяся на отдалении в минуту от точки спроса, имеет вероятность посещения в 80 %, а столовая на расстоянии в 4 минуты – только 20 %.

Одним из главных факторов успеха бизнеса и государственного учреждения является местоположение. Например, государственные учреждения, такие как образовательные учреждения, больницы, библиотеки, пожарные части и службы быстрого реагирования, в случае выбора удачного местоположения могут предоставлять высококачественные услуги населению при минимальных затратах. Получить ответы на вопросы, куда следует разместить объект, чтобы свести транспортные затраты к минимуму или ожидать максимальный поток спроса на услуги пункта обслуживания, можно с помощью инструмента «Размещение–Распределение». Он содержит семь различных моделей для решения конкретных задач [6]:

- минимизировать импеданс (Minimize Impedance);
- максимизировать покрытие (Maximize Coverage);
- максимизировать покрытие емкостью (Maximize Capacitated Coverage);
- минимизировать пункты обслуживания (Minimize Facilities);
- максимизировать посещаемость (Maximize Attendance);
- максимизировать долю на рынке (Maximize Market Share);
- достижение доли на целевом рынке (Target Market Share).

«Максимизация доли рынка» при выборе местоположений торговых точек старается охватить как можно больше потребителей с максимальной суммой весовых коэффициентов, учитывая магазины сети и конкурентов. Доля на рынке вычисляется при помощи гравитационной модели Хаффа, которая позволяет делать прогноз относительно привлечения потребителей в определённую торговую точку на основе данных о конкурентах, расстояний до торговых точек, факторов привлекательности и других. Именно эта модель будет использована при анализе.

Пример алгоритма представлен в следующем рисунке (см. рис. 1).

Рис. 1. Алгоритм ModelBuilder

При запуске алгоритма программа автоматически создаёт вокруг пунктов обслуживания области обслуживания с 5-, 10- и 15-минутной пешей доступностью. А инструмент «Размещение–Распределение» рассчитывает оценочное число посетителей для каждой столовой.

Есть два способа запустить модель после того, как она была создана. Первый способ – это непосредственно из окна ModelBuilder, второй – в качестве самостоятельного инструмента (рис. 2).

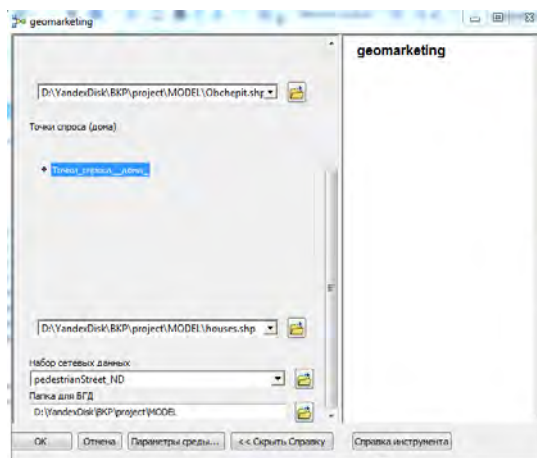

Рис. 2. Окно инструмента модели

Практичнее запускать вторым способом, так как пользователь в окне инструмента указывает лишь параметры, которые участвуют в анализе. После завершения работы нашего алгоритма идёт часть экспертного анализа полученных данных.

Результаты и обсуждение

Столовая – это предприятие общественного питания, общедоступное или обслуживающее определённый контингент потребителей, производящее и реализующее блюда и кулинарные изделия в соответствии с меню, различающимся по дням недели [7]. Такого типа объекты общественного питания, как правило,

размещают в местах интенсивных потоков движения пешеходов, на территории жилых районов, преимущественно вблизи остановок общественного транспорта, с учётом пешеходной доступности и обслуживания, работающих на предприятиях и в учреждениях, расположенных на этих территориях. Столовые могут размещаться в отдельно стоящих зданиях, на первых этажах жилых зданий и зданий иного назначения, а также входить в состав торговых центров, расположенных в жилой зоне [8].

Всего на территории исследования находятся 19 столовых, каждая из которых имеет свою территорию «шаговой доступности», в которой они обслуживают население, входящее в эту зону. Для оценки территории для основания пункта общественного питания следует учесть зоны обслуживания конкурентных предприятий. Для этого и была создана карта шаговой доступности конкурентных заведений общепита (рис. 3).

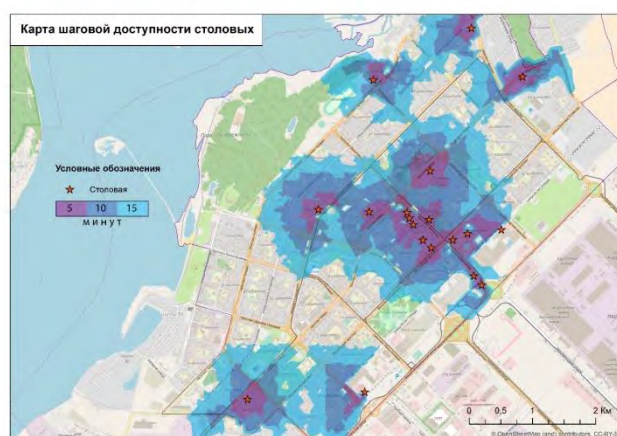

Рис. 3. Карта шаговой доступности столовых.
Составлено авторами

Для оценки охваченной конкурентами территории проводился анализ области обслуживания. На карте видно, какие территории покрываются 5-, 10- и 15-минутной зоной для каждой столовой. Форма области имеет некую сложную фигуру, это связано с дорожной сетью. Для этого использовался метод сетевого анализа, в основе которого лежит граф дорог, то есть дороги, по которым люди перемещаются.

Наборы сетевых данных (Network datasets – NDS) используют для моделирования транспортных сетей. Их создают из исходных объектов, которые могут состоять из простых объектов (линий и точек) и поворотов, а также хранить связность исходных объектов. Любые виды анализа с использованием дополнительного модуля ArcGIS Network Analyst выполняются на основе набора сетевых данных.

По карте шаговой доступности столовых можно оценить, какие территории не охвачены конкурентами, эти территории будут рассмотрены как потенциально возможные зоны для размещения будущей столовой. Такой картографический материал также будет полезен для проведения маркетинговой активности, то есть в пределах области обслуживания объектов возможно разместить рекламу или раздавать листовки, устраивать маркетинговые акции, чтобы привлечь клиентов, проживающих в торговой зоне конкурента.

При размещении новой столовой необходимо найти скопление активно работающих граждан, у которых ограниченное время на приём пищи, именно такой тип населения является основным клиентом столовой. Один из способов получения данной информации – это рассмотреть местоположение таких объектов, как бизнес-центры, банки, учебные заведения, общежития, где очевидно сосредоточены наши потенциальные клиенты и которые могут помочь развитию бизнеса. С учётом скопления объектов, где сосредоточены наши клиенты, была выбрана отмеченная зона, так как в этой зоне содержится 8 банков, 5 школ, 2 бизнес-центра, 2 университета, 2 колледжа, 2 общежития (рис. 4). Такая концентрация объектов поможет развитию бизнеса.

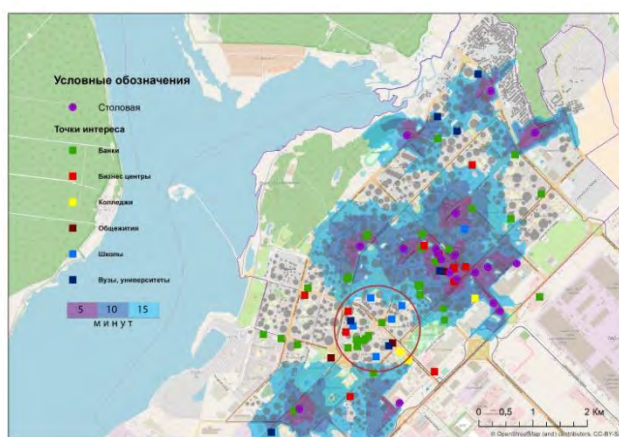

Рис. 4. Потенциальная зона для размещения столовой.
Составлено авторами

На картосхеме (см. рис. 5) мы видим распределение клиентов. Для каждой столовой известно оценочное число клиентов, которые посетят заведение. Также для каждого жилого дома известно, какой процент людей посетят то или иное заведение.

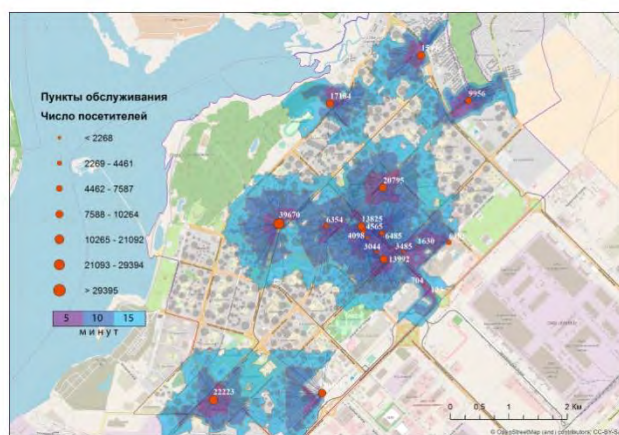

Рис. 5. Оценочное число посетителей объектов общественного питания.
Составлено авторами

Оценив число посетителей для существующих столовых, проанализируем, сколько будет потенциальных посетителей в новом заведении. С помощью инструмента «Размещение–Распределение» было рассчитано потенциальное

количество посетителей нового заведения с площадью 80 м². В результате применения данного инструмента было рассчитано примерное количество человек, которые посетят новое заведение, оно составляет примерно 34 тысячи человек.

Также выбранное место должно быть проходным. Для анализа наиболее загруженных дорожек на территории микрорайона Новый город были использованы данные компании Strava [9]. Эта компания собрала огромный массив информации с фитнес-трекеров по всему миру, поэтому представляет абсолютно уникальную возможность доказательно узнать пешеходные маршруты. По карте Strava было сделан вывод, что наша выбранная зона также является одной из наиболее часто используемых для прогулок и занятий спортом местом.

С учётом оценки территории и выявления основных мест скопления активного населения, интенсивных потоков движения пешеходов, а также с учётом полученных данных о количестве потенциальных клиентов было выявлено, что данная территория является рентабельной для размещения столовой.

Для удобного представления всех полученных данных была использована полнофункциональная облачная географическая информационная система ArcGIS Online. Это было сделано для того, чтобы не было необходимости сохранять отдельный проект и его слои в ArcMap и архивировать все файлы в том случае, если в проекте участвует несколько специалистов. В таком случае может произойти такая ситуация, что проект не открывается в связи с разными версиями программного обеспечения ArcGIS, вследствие этого приходится заново сохранять проект как копию, чтобы специалист с другой версией программы смог получить доступ к проекту. Как видно, это очень замедляет работу, поэтому все полученные данные были оформлены в ArcGIS Online, так как он позволяет открывать общий доступ его пользователям, что значительно упрощает работу в экспортировании данных. Также готовые данные можно представить заказчику на любом программном обеспечении с выходом в Интернет.

Выводы

В рамках рыночной экономики в центре внимания представлен потребитель с его предпочтениями. Неправильная территориальная организация объектов социальной инфраструктуры создаёт крайне неблагоприятные условия и снижает качество жизни населения. Геомаркетинг помогает улучшить локальное позиционирование с помощью инструментов ГИС-технологий, которые в свою очередь помогают в решении рентабельного размещения социально значимых объектов, ведь любая предпринимательская деятельность зависит от успешного местоположения.

В результате исследования были собраны данные о населении до точности дома, был проведён анализ по оценке торговых зон конкурентных столовых и было выявлено наиболее благоприятное место для размещения нового заведения. Была рассчитана вероятность посещения столовых клиентами методом Хаффа. Также для удобного представления всех полученных данных была использована полнофункциональная облачная географическая информационная система ArcGIS Online.

Разработанный алгоритм и собранные данные в ходе исследования о населении особенно актуальны при размещении объектов в шаговой доступности продуктовых магазинов, аптек, магазинов бытовой химии и т. д. Имея данные о

населении можно решать разные практические задачи, они могут быть полезны проектировщикам, предпринимателям и другим специалистам, принимающим решения, связанные с размещением городских объектов.

Литература

10. Цветков В. Я. Геомаркетинг: прикладные задачи и методы / В. Я. Цветков. М.: Финансы и статистика, 2002. 239 с.
11. Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан: Статистический бюллетень / Ред. колл.: Н. В. Гатауллина. Кзн.: Татарстанстат, 2018. – 27 с.
12. Сервис Sightsmap [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sightsmap.com>
13. Сервис 4sqstat [Электронный ресурс]. URL: <http://www.4sqstat.ru>
14. Официальный сайт Реформа ЖКХ [Электронный ресурс]. URL: www.reformagkh.ru
15. Справочник ArcMap [Электронный ресурс]. URL: <http://desktop.arcgis.com>
16. ГОСТ Р 50762-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги общественного питания. Классификация предприятий общественного питания. М.: Стандартиформ, 2008. 15 с.
17. Радченко Л. А. Организация производства на предприятиях общественного питания: учебник / Л. А. Радченко. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 352 с.
18. Сервис Strava [Электронный ресурс]. URL: <https://www.strava.com>

Nizamova A. R.¹
Pudovic E. M.²

Application of geoinformation systems in geomarketing of industrial enterprises of a major city

Kazan (Volga region) Federal University
Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan
e-mail: ¹nizamovalina07@gmail.com; ²epudovic@mail.ru

Abstract. *The presented investigation is focused on geomarketing research on the example of Naberezhnye Chelny, second largest city of the Republic of Tatarstan. Authors set up a method for conducting geomarketing analysis, as to this day there is no typical model of geomarketing systems, as there is no standardized sequence of stage of analysis. This paper demonstrates a method of using geoinformation technologies for such research, where the main goal is to develop a standard automated algorithm for solving various types of problems on the example of the determination of a suitable position for a cafeteria. For research purposes, data on the location of banks, business centers, educational institutions, hostels and other facilities where potential customers are concentrated and which can help business development were collected. Data on the number of residents, basic spatial data and infrastructure data for the analysis of a spatial behavior of potential visitors, data on business rivals were collected too, competitive environment in the field of catering facilities was analyzed and main indicators of availability, attractiveness and probability of visiting on the base of Huff model were calculated. Result of the investigation is development of a standard algorithm for evaluating the most suitable placement of a new catering facility. The algorithm was developed with the help of the ModelBuilder application, when activated, service areas*

were automatically built taking into account the road network 5, 10, 15 minute walking distance. By identifying zones of catchment of business rivals, we were able to assess the coverage of the territory, where to expect the flow of customers, and the number of people in a permanent location, which can also be potential customers. On the basis of special data about the object probability of customers visiting our competitors using the tool "Placement-Distribution" was calculated. For convenient representation of all the data received, the full-featured ArcGIS Online cloud geographic information system was used.

Keywords: *geomarketing, GIS-technology, service objects, network analysis, ModelBuilder, Huff model.*

References

1. Cvetkov V. YA. Geomarketing: prikladnye zadachi i metody / V. YA. Cvetkov. M.: Finansy i statistika, 2002. – 239 s. (in Russian).
2. Chislennost' naseleniya municipal'nyh obrazovanij Respubliki Tatarstan: Statisticheskij byulleten' / Red. koll.: N. V. Gataullina. Kzn.: Tatarstanstat, 2018. 27 s. (in Russian).
3. Servis Sightsmap [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.sightsmap.com> (in Russian).
4. Cervis 4sqstat [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.4sqstat.ru> (in Russian).
5. Oficial'nyj sajt Reforma ZHKKH [Elektronnyj resurs]. URL: www.reformagkh.ru
6. Spravochnik ArcMap [Elektronnyj resurs]. URL: <http://desktop.arcgis.com> (in Russian).
7. GOST R 50762-2007. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Uslugi obshchestvennogo pitaniya. Klassifikaciya predpriyatij obshchestvennogo pitaniya. M.: Standartinform, 2008. 15 s. (in Russian).
8. Radchenko L. A. Organizaciya proizvodstva na predpriyatiyah obshchestvennogo pitaniya: uchebnyk / L. A. Radchenko. Rostov n/D: Feniks, 2006. 352 s. (in Russian).
9. Servis Strava [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.strava.com>

Поступила в редакцию 01.08.2018 г.

УДК 338.48(470-17)
Тотонова Е. Е.

Влияние туризма на социально-экономическое развитие северных территорий Канады

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»,
Российская Федерация, г. Якутск
e-mail: elena.totonova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается формирование и развитие туризма северных территорий Канады как один из факторов социально-экономического развития страны. Выделены три основных этапа развития туризма и экономики, различающихся масштабами и спецификой территориальной организации, связанной с направлением освоения Севера и государственным регулированием. Выявлено, что на начальном этапе туризм находится под воздействием природных факторов, а по мере роста освоенности территории на первый план выходят экономические факторы.

Ключевые слова: туризм, экономика, Север, Канада, развитие, коренные народы.

Введение

Современная туристская индустрия северных территорий является результатом исторических процессов развития этой сферы экономики, что требует учета последствий трансформации территориальной организации туристской индустрии на разных исторических этапах. Исторический опыт в узком смысле представляет не только опыт «освоения» тех или иных регионов в конкретные исторические периоды, но и развитие общества в пределах достаточно крупного и целостного в природном, социально-экономическом и этническом отношении региона [1].

Материалы и методы

При анализе исторического опыта развития туристской индустрии автором использован комплексный подход к изучению исторических событий, начиная со второй половины XX века. При изучении системы факторов, воздействующих на освоение северных территорий, особое место занимает анализ природных факторов, включающий оценку природных условий с точки зрения пригодности для развития туризма. Важная и постоянно растущая роль принадлежит социальным факторам, состав которых со временем меняется. Необходимо учитывать в числе социальных факторов доминирующие социальные уклады, этнокультурные особенности населения, роль государственного регулирования и государственной политики северных территорий, а также особенности экологической политики.

Такой комплексный и хронологический подход к изучению северных территорий является достаточно эффективным для изучения коэволюции туристской индустрии и экономики. Автором были выделены три основных этапа,

различающихся как масштабами, так и спецификой территориальной организации, связанной с направлением освоения Севера и государственного регулирования: начальный этап развития туристского рынка (1960–1970 гг.); переходный период к современному этапу (с начала 1970-х до конца 1990-х гг.); современный этап (с 2000-х гг. по настоящее время). Данная периодизация не связана с периодизацией развития экономики Канады, так как специфические условия развития северных территорий диктуют автономный и существенно отличающийся от южных регионов характер социально-экономического развития [2].

Результаты и обсуждение

Эволюция туристской индустрии северных территорий Канады

Первый этап

Туризм на этом этапе имел по преимуществу неорганизованный характер, количество фирм, предоставляющих туристские продукты, было невелико, а ассортимент их был чрезвычайно узок. Туристский потенциал канадского Севера долгое время был недоступен по причине отсутствия и крайне слабой заселенности, а также низкой инфраструктурной обеспеченности территории. В силу указанных выше причин говорить о «северном туризме» как территориально специализированной подотрасли индустрии туризма не приходилось.

Поэтому в рамках первого этапа туризм не рассматривался как отрасль экономики, не рассматривался он и в качестве самостоятельного объекта государственной политики в системе программных мер канадского правительства по развитию Севера. Тем не менее начавшееся с 1950-х годов интенсивное освоение частными фирмами (особенно американскими) минерально-сырьевых ресурсов северных территорий, сопровождавшееся развитием транспортной и энергетической инфраструктуры, привело к формированию комплекса условий, стимулировавших развитие отдельных видов туристской деятельности (прежде всего охоты и рыбалки) [3].

К концу рассматриваемого периода относится и формирование первого туристского центра – Доусона (Юкон), который в 1966 г. посетили 63 тыс. туристов. И хоть он не оказывал существенного влияния на развитие местной экономики, тем не менее свидетельствовал о принципиальной возможности создания экономических центров, специализировавшихся на туристской деятельности. Наблюдается развитие туризма и на Северо-Западных территориях, где число прибывших туристов составляет 6 тыс. человек.

Второй этап

Рубежом данного этапа является быстрый рост промышленного освоения Дальнего Севера при активной государственной поддержке. При этом особое внимание уделяется разработке единой национальной стратегии развития Севера.

В 1970-е годы туризм был развит только на Юконе, где Доусон привлекал туристов не только своими достопримечательностями времен золотой лихорадки, но и удобным транспортным расположением вдоль Аляскинского шоссе, представляющего собой северное продолжение транспортной сети провинции Британская Колумбия. Появляется первая туристская инфраструктура, выпускаются путеводители, происходит зарождение таких основных видов северного туризма, как спортивная охота и рыбалка, экологический, спортивный, культурный туризм.

Начиная с 1987 г. происходит развитие северного туризма как важной составляющей отрасли экономики северных территорий Канады. Основой развития туризма на Севере являются уникальные природные ресурсы, историко-культурное наследие и этнокультурный потенциал коренных народов [4]. Правительства северных территорий поддерживают развитие туризма в рамках экономического подъема своих территорий (внедрение новых туристских проектов, выделение предпринимателям ссуд по льготным ставкам, скидки по налогам на недвижимое имущество и муниципальные пошлины). С развитием туризма увеличиваются доходы северных кооперативов, связанных с производством продукции народных промыслов. Если в 1960 г. были созданы первые кооперативы по производству продукции народных промыслов в поселке Кейп-Дорсет, то в 1997 г. на Северо-Западных территориях работало свыше 50 кооперативов, доходы которых составляли 144 млн долл. [5].

Постепенно туристская индустрия на Юконе становится второй по доходу отраслью экономики после горнодобывающей промышленности. Так, в 1971 г. число туристов достигло 180 тыс. чел., а к 1980 г. стало уже 340 тыс. В 1973 г. объем туристских доходов Юкона составил 25 млн долл., что вполне сопоставимо со стоимостью продукции горнодобывающей промышленности территории за тот же год (146 млн долл.). В 1968–1980 гг. количество туристов, посещающих Северо-Западные территории Канады, увеличилось в 6 раз (с 6 тыс. до 35 тыс. чел.), объем туристских расходов в 1973 г. составил 6 млн долл. В 1973–1983 гг. объем государственных расходов Северо-Западных территорий по статье «культура и отдых», то есть инвестиции в создание инфраструктуры туристской индустрии, выросли в 5 раз – с 3,6 млн до 18 млн долл. [6].

Наличие богатых природных ресурсов Севера, без освоения которых невозможно дальнейшее развитие экономики страны, требовало совместных действий государства и частного бизнеса, а также огромных инвестиций с обеих сторон. Быстрому освоению Севера помогло большое количество проведенных научных исследований при активном финансировании не только государства, но и частного бизнеса. Для развития северных территорий имеет большое значение государственная политика, результатом которой является вовлечение местного населения в качестве работников, увеличение налогового потенциала местного бюджета, развитие предпринимательства и туризма, институтов.

При отсутствии производственных связей между отдельными предприятиями, ориентированными на вывоз продукции за пределы региона, горнопромышленный тип освоения канадского Севера не сопровождался ни ростом занятости аборигенного населения, ни ростом доходов этой группы населения. В результате высокий уровень безработицы коренного населения, низкие экономические показатели развития вызвали обострение социальных отношений на Севере.

Быстрое промышленное освоение Севера вызвало изменение уклада жизни коренных народов и привело к усилению борьбы за свои права, появлению сильных национальных общественных организаций (политическая мобилизация) [6]. В результате проблемы территориальных и гражданских прав коренного населения выходят на передний план внутриканадской политики совместно с проблемой охраны природной среды.

Рост масштабов туристской деятельности на канадском Севере сопровождался изменениями в территориальной организации как отрасли, так и

экономики в целом. Характерная особенность этого этапа – формирование туристских ареалов на наиболее освоенных территориях, в пределах которых расположены привлекательные природные ландшафты, а также формирование специфической туристской зоны вдоль Аляскинского шоссе. Появившиеся немногочисленные в рассматриваемый период ареалы развития туризма активно влияли на местную экономику не только через создание новых рабочих мест, но и через улучшение качества человеческого потенциала, развитие малого и среднего бизнеса, инфраструктуры.

Третий этап

Данный этап отличается от предшествующих сменой акцентов в стратегии освоения Севера и местом туристской индустрии в этом процессе. Третий этап развития туризма северных территорий характеризуется усилением государственного регулирования, в результате чего в 2009 г. была принята Северная стратегия развития Канады, в которой установлено четкое видение концепции устойчивого развития территорий. При этом в Стратегии основное внимание уделяется постепенной передаче управления землями коренным народам, что способствует развитию самоуправления и социальному развитию территорий. В результате происходит рост активности организаций коренных народов и развитие их самоуправления. Начиная с 1970-х годов, коренные народы превращаются в самостоятельную политическую силу.

Отличительными чертами развития туризма на данном этапе являются использование традиционного природопользования как основы развития туризма на Севере, развитие кооперативов и частно-государственного партнерства. Проводимые при финансировании федерального правительства маркетинговые исследования туристского рынка северных территорий дают свои первые результаты, исходя из стадий развития, существующих ресурсов разрабатываются новые виды туристских продуктов под определенные сегменты рынка.

Насыщение глобального туристского рынка и обострение конкуренции подталкивают к поиску новых направлений развития. Рост спроса на туристские услуги северных территорий приводит к появлению новых направлений и видов туризма. В результате северные территории стали позиционировать себя в качестве места развития уникальных северных видов туризма, таких как охота, рыбалка, знакомство с бытом, культурой северного народа, экстремальный, экологический туризм, полярные круизы и др. Но экономические показатели и перспективы развития северной туристской индустрии зависят от возможности предоставления не только новых видов туристских услуг, но и повышения качества предоставляемых услуг, их постоянного улучшения.

Северные территории Канады различаются географическими условиями и экономическим потенциалом. Каждая территория находится на разных ступенях социального и экономического развития и сталкивается с разными проблемами. Поэтому региональная политика основывается на дифференцированном подходе к управлению социально-экономическим развитием регионов. Выбор же конкретной модели развития и методов управления зависит от природно-климатических, пространственных, ресурсных, политико-экономических, культурных и других факторов. Участие государства в поддержке развития Севера заключается в развитии частно-государственного партнерства при создании, прежде всего, объектов инфраструктуры (энергетика, транспорт, коммуникации).

Анализ исторического опыта развития туристской индустрии северных территорий Канады показывает, что основная роль в освоении и изучении северных территорий принадлежит федеральному правительству Канады, способствовавшему быстрому превращению Севера из дотационного в экономически привлекательный, с развивающейся добывающей промышленностью регион страны. При этом происходит улучшение жизни коренных народов, постепенное интегрирование северных территорий в национальную экономику и социальное развитие населения до уровня стандартов южной части страны.

Современная структура индустрии туризма северных территорий

В 2007–2012 гг. наблюдался рост объема оказанных туристских услуг северных территорий на 11 %. Туризм становится одной из основных отраслей экономики северных территорий после добывающей промышленности. Данные табл. 1 показывают, что вклад индустрии туризма Юкона в 2013 г. составлял 200 млн долл., или 8 % ВРП. Туризм входил в первую тройку наиболее прибыльных отраслей местной экономики, что является показателем стадии зрелого (насыщенного) развития туристского рынка Юкона [7].

Туристские предложения северных территорий сильно отличаются друг от друга, что обусловлено существующими природными, климатическими условиями, а также экономическим потенциалом территорий. Находящийся на зрелой стадии развития туристский рынок Юкона предлагает туристам разнообразные виды отдыха. Более удаленные и развивающиеся рынки Северо-Западных территорий и Нунавута предлагают в основном дорогие специализированные путешествия, ориентированные на определенного покупателя.

Таблица 1.

Доля туризма в ВРП северных территорий Канады (2007–2012 гг.)

Территории	ВРП (млн долл.)			Объем оказанных туристских услуг (млн долл.)			Доля туризма в ВРП (%)		
	2007	2009	2012	2007	2009	2012	2007	2009	2012
Юкон	1776,0	2107,0	2503,0	192,0	164,0	200,0	10,8	7,8	8,0
Северо-Западные территории	4637,0	4020,0	4484,0	113,6	130,3	131,0	2,4	3,2	3,0
Нунавут	1369,0	1548,0	2239,0	26,0	30,0	40,0	1,9	1,9	1,8
Всего по северным территориям	7782,0	7675	9226	331,6	324,3	371,0	4,2	4,2	4,0

Составлено автором по: [8; 9; 10]

На динамику развития зрелого туристского рынка Юкона оказывают влияние происходящие изменения в мировой экономике. В предкризисные годы (2007 г.) доля туризма в ВРП Юкона составляла 11 %, уступая только добывающей промышленности. Но обратной стороной насыщенного юконского туристского рынка является сильная зависимость от изменений на глобальном туристском рынке. Мировой финансовый кризис 2009 г., повышение курса канадского доллара привели к уменьшению потока иностранных туристов, особенно американских,

которым стало невыгодно ездить на отдых в Канаду. По данным за 2009 г. наблюдалось снижение доли туризма до 8 % в ВРП Юкона, но с 2012 г. произошла стабилизация развития туристского рынка (9 % в ВРП). Развитие туристского рынка Юкона демонстрирует влияние происходящих процессов в мировой экономике на локальные рынки, а также быстрое восстановление туристского рынка от последствий мировых кризисов [7].

На Северо-Западных территориях и в Нунавуте наблюдаются совсем другие тенденции развития туристского рынка. Зарождающийся туристский рынок арктического Нунавута показывает стабильные темпы развития на фоне бурного развития добывающей промышленности. Рост инвестиций в развитие горнодобывающей промышленности Северо-Западных территорий в докризисные годы способствовал всплеску развития туризма в 2009 г., но после кризиса наблюдалась стабилизация показателей развития туризма, доля туризма в ВРП снизилась до 3 %.

На удаленных от основных туристских рынков страны Северо-Западных территориях и в Нунавуте зависимость туристской индустрии намного сильнее от состояния местной экономики, чем на континентальном Юконе (8 %). В 2013 г. доля туризма в ВРП этих территорий оценивалась в 1,9 % и 1,8 % соответственно. Развитый туристский рынок Юкона показывает высокую зависимость от тенденций развития мировой экономики.

Индустрия туризма северных территорий является примером внедрения и развития новых коммуникационных технологий, что обеспечивает Канаде доступ к глобальному туристскому рынку. По объему предоставленных информационных и культурных услуг или вторичных отраслей лидируют Юкон (20 %) и Северо-Западные территории (14 %), имеющие более развитые туристские рынки. Экономическому развитию северных территорий помогают выделенные государством инвестиции на развитие информационных услуг, обеспечивающих доступ населения к Интернету. Результатом информационного развития Севера является переход на электронную коммерцию и онлайн-сделки, меняющие структуру туристской индустрии. Трансформация отдельных отраслей экономики с развитием научно-технической революции меняет их доли в туристском бизнесе, что связано с изменениями туристского спроса и появлением новых видов туризма.

Выводы

Коренные народы Канады были вынуждены за короткий исторический срок приспособиться к изменениям глобальной экономики. В этом преобразовании они предпочли традиционный уклад жизни, разрушение которого не может быть компенсировано никакими денежными выплатами. Сложными оказались поиски социально-экономических путей развития коренных народов Канады. Традиционные виды деятельности (охота, рыболовство, добыча морского зверя) не в состоянии удовлетворить стремительно возросшие материальные и культурные потребности коренных народов Канады. В итоге диверсификация хозяйства северных ресурсных периферийных районов страны стала не экономической, а социальной проблемой федеральных властей Канады.

В этих случаях наряду с освоением природных ресурсов особое значение приобретает деятельность канадского государства, которое играет все большую роль в развитии экономики Севера [11]. Растет активность государственных

организаций в решении проблемы охраны природных ресурсов, в решении социально-экономических задач, что осуществляется через Министерство по делам индейцев и развитию Севера и др.

Основными направлениями развития Севера Канады становятся диверсификация и устойчивое развитие экономики за счет развития туризма, наиболее подходящего для традиционного природопользования коренных народов. Развитие туризма зависит от территориальной и ресурсной составляющей северных территорий, способствующей формированию спроса и предложения на предлагаемые туристские услуги. Емкость туристского рынка зависит от степени освоенности, ценовой политики, изменения макроэкономических показателей развития экономики территорий; при развитии туризма появляются новые центры экономической деятельности на Севере.

Литература

1. Демьяненко А. Н. Исследование исторического опыта территориальной организации Советского общества в 20-е годы. Препринт научного доклада. Л., 1991. С. 7.
2. Тотонова Е. Е. Опыт развития туризма северных территорий Канады и возможности его использования в России» // Экономика и управление. 2015. № 9.
3. Тотонова Е. Е. Опыт управления национальных парков Канады и их роль в развитии туризма // Экономика и управление. 2010. № 9.
4. Тотонова Е. Е. Северный туризм и возможности развития северных территорий // Вестник Национальной академии туризма. 2013. № 3.
5. Belhadji B. Profil socio-economique des cooperatives autochtones au Canada. Secretariat aux cooperatives Gouvernement du Canada. Ottawa, 2001.
6. Черкасов А. И. Зарубежный опыт исследования и освоения Севера. М.: ВИНТИ, 1985. С. 59.
7. Тотонова Е. Е. Территориальная дифференциация туристской индустрии Северных территорий Канады // Экономика и предпринимательство. № 4 ч. 1 (69-1) 2016 г. (Vol. 10. Nom/ 4-1). С. 415–420.
8. Официальный сайт правительства Юкона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.yk.ca>.
9. Официальный сайт правительства Нунавута [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.nu.ca>.
10. Официальный сайт правительства Северо-Западных территорий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.nt.ca>.
11. Антонова И. Ф. Канада Ч. 2. Экономические районы. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 102.

Totonova E. E.

The impact of tourism on the socio-economic development of the northern territories of Canada

North-Eastern Federal University, Russian Federation,
Yakutsk
e-mail: elena.totonova@mail.ru

Abstract. *This article discusses the formation and development of tourism in the Northern territories of Canada as one of the factors of socio-economic development. Three main stages of development of tourism and economy differing in scales and on specifics of the territorial organization connected with the direction of development of the North and state regulation are allocated. It is revealed that at the initial stage of development tourism is under the influence of natural factors and with the growth of development of the territory economic factors come to the fore.*

Key words: *tourism, economy, North, Canada, development, indigenous peoples.*

References

1. Dem'yanenko A. N. Issledovanie istoricheskogo opyta territorial'noj organizacii Sovetskogo obshchestva v 20-e gody. Preprint nauchnogo doklada. L., 1991. S. 7 (in Russian).
2. Totonova E. E. Opyt razvitiya turizma severnyh territorij Kanady i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v Rossii» // *Ekonomika i upravlenie*. 2015. № 9 (in Russian).
3. Totonova E. E. Opyt upravleniya nacional'nyh parkov Kanady i ih rol' v razvitiit turizma // *Ekonomika i upravlenie*. 2010. № 9 (in Russian).
4. Totonova E. E. Severnyj turizm i vozmozhnosti razvitiya severnyh territorij // *Vestnik Nacional'noj akademii turizma*. 2013. № 3 (in Russian).
5. Belhadji B. Profil socio-economique des cooperatives autochtones au Canada. Secretariat aux cooperatives Gouvernement du Canada. Ottawa, 2001 (in French).
6. Cherkasov A. I. Zarubezhnyj opyt issledovaniya i osvoeniya Severa. M.: VINITI, 1985. S. 59 (in Russian).
7. Totonova E. E. Territorial'naya differenciaciya turistskoj industrii Severnyh territorij Kanady // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. №4 ch. 1 (69-1) 2016 g. Vol. 10. Nom/4-1. S. 415-420 (in Russian).
8. Oficial'nyj sajt pravitel'stva Yukona [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gov.yk.ca>. (in English).
9. Oficial'nyj sajt pravitel'stva Nunavuta [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gov.nu.ca>. (in English).
10. Oficial'nyj sajt pravitel'stva Severo-Zapadnyh territorij [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gov.nt.ca>. (in English).
11. Antonova I. F. Kanada Ch. 2. Ekonomicheskie rajony. M.: Izd-vo MGU, 1974. S. 102 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.07.2018 г.

УДК 314.1

Уставщикова С. В.

**Северо-Кавказский федеральный округ.
Региональные особенности
демографической ситуации
(2000–2017 гг.)**

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского, Российская Федерация,
г. Саратов
e-mail: sveus1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены современные тенденции демографического и миграционного развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Отмечается взаимосвязь данных процессов. Рассмотрено место СКФО в демографических процессах РФ. Рост численности населения в регионе отмечался в 2000–2010 гг., в наиболее трудный с демографической точки зрения период для России. В настоящее время (2010–2017 гг.) отмечается сокращение динамики роста населения. Это годы улучшения демографической ситуации в целом по РФ. Обозначены многочисленные факторы, оказывающие влияние на ход демографических и миграционных процессов. Подчеркивается значимость этнического состава населения, низкий уровень урбанизации, возрастной состав населения региона. Доля населения Дагестана и Чечни продолжает в СКФО расти. Анализ миграционных потоков в регионе вскрывает их сложность. Подчёркнуто, что регионы – реципиенты для внутренних мигрантов СКФО совпадают с общероссийскими – ЦФО, ЮФО. Регион активно принимает трудовых мигрантов, преимущественно из республик Центральной Азии.

Ключевые слова: регионы СКФО, воспроизводство населения, миграция.

Введение

Цель исследования состоит в изучении региональных особенностей демографического развития субъектов РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО). Рассматривается период 2000–2017 гг. На это время приходится годы с максимальной убылью населения в Российской Федерации (РФ) – 2000 г. и 2005 г. – и период оздоровления демографической ситуации. Подобный тренд был характерен для значительного большинства субъектов РФ, в том числе и для Приволжского федерального округа (ПФО). Региональные особенности демографического развития в ПФО были рассмотрены автором [1]. В СКФО демографическая ситуация существенно отличается и потому требует иного взгляда.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили статистико-демографические и социологические публикации. Исследование проводилась с позиций системности и объективности аналитического подхода.

С 1 января 2006 г. в России реализуется Национальный приоритетный проект «Здоровье», направленный на мероприятия по сокращению смертности [2]. В октябре 2007 г. был принят и стал реализовываться Указ Президента РФ № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» с изменениями и дополнениями от 1 июля 2014 г. [3]. С 2018 г. будет проходить реформирование демографической политики России.

Изменение показателей депопуляции в России – это результат осуществления той политики, которая проводилась в последние годы в области повышения рождаемости и сокращения смертности. Однако показатели улучшения демографической ситуации существенно различаются по регионам России.

Северо-Кавказский федеральный округ – это один из восьми федеральных округов России, в состав которого входит 7 субъектов. Округ занимает 8 место по величине территории (1 % площади страны) и 7 место по численности населения (2017 г.). На 2017 год в округе проживало 6,7 % населения страны или 9,77 млн человек. Средняя плотность населения составляет 57,4 человек на один кв. км. На долю округа приходилось 2,6 % всех городских и 8,3 % сельских поселений России и проживало в них 4,4 % всех горожан и 13,0 % сельских жителей. Доля городского населения в округе – 49,1 %, наибольшая она в Республике Северная Осетия-Алания – 64,2 % [4].

Этнографическая особенность округа заключается в том, что здесь самая низкая в России доля русских – 30,26 %. В составе округа 6 республик и их титульные народы занимают следующие позиции в населении округа: чеченцы – 14,17%; аварцы – 9,18; даргинцы – 5,74; кабардинцы – 5,33; осетины – 5,11; кумыки – 4,95; ингуши – 4,44; лезгины – 4,2; карачаевцы – 2,39; лакцы – 1,77; балкарцы – 1,17%; черкесы – 0,65 % (в Республике Дагестан рассматриваются народы с долей в численности населения более 5 %: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы). Необходимо отметить, что во всех республиках СКФО численность титульного народа (по 2 народа в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии) превышает 50 % населения, а в таких республиках, как Чечня – 95,1 % и Ингушетия – 93,5 % [5]. В субъектах СКФО проживает 2,6 % всего государствообразующего этноса, т. е. русского населения. Доля русских на территории современного СКФО сократилась с 42,4 % в 1989 г. до 30,2 % в 2010 г. В Чечне и Ингушетии доля русских за этот период сократилась примерно на 23 %. В остальных 4 республиках от 5,6 % в Дагестане (где доля русских составляла 9,2 % в 1989 г.) до 10,8 % в Карачаево-Черкесии (где она остается максимальной – 31,6 % в 2010 г.). В Ставропольском крае доля русских составила 80,9 % в 2010 г., сократившись относительно 1989 г. на 3 %.

На демографическую ситуацию в регионе оказывают влияние множество факторов, в том числе: социально-экономическое развитие региона (социоэкономика), этнический состав населения, урбанизированность и другие. Население СКФО на 2000 г. составляло 5,4 % от населения России, в 2017 г. – 6,7 % (с учетом населения воссоединившихся Республики Крым и г. Севастополя), что говорит о значительном росте населения округа (на 2 млн человек, или на 25,6 %).

Все субъекты СКФО имеют разную численность населения, разную долю в населении СКФО (табл. 1) и по-разному участвуют в динамике численности населения округа и страны. В 2000–2010 гг., в наиболее трудный с демографической точки зрения период в России, практически во всех регионах СКФО наблюдался рост численности населения и его сокращение в 2010–2017 гг.

Таблица 1.

**Динамика численности населения по регионам СКФО
в 2000–2017 гг. (на начало года)**

Регионы	Население 2010 г. к 2000 г., в %	Население 2017 г. к 2010 г., в %	Население 2017 г. к 2000 г., в %	Доля региона в населении СКФО 2017 г., в %	Доля городского населения, 2017 г., в %
СКФО	120,3	104,5	125,8	100,0	49,1
Республика Дагестан	133,9	106,0	142,0	30,6	45,1
Республика Ингушетия	116,0	116,7	135,5	5,1	41,8
Кабардино-Балкарская Республика	109,4	100,7	110,2	9,2	52,2
Карачаево-Черкесская Республика	110,0	98,3	108,1	5,0	42,7
Республика Северная Осетия – Алания	106,3	98,7	104,9	7,1	64,2
Чеченская Республика	171,7	113,2	194,4	14,3	34,7
Ставропольский край	104,4	101,0	105,4	28,7	58,4

Рассчитано по: [4; 6; 7]

Именно за этот период почти на 72 % выросло население Чечни и на 34 % – в Дагестане. Рост численности населения в других субъектах был от 16 % в Ингушетии до 4,4 % в Ставропольском крае. Численность населения за последние семь лет в регионе также росла, но уже менее значительно и только в 5 субъектах. Сокращение численности жителей произошло в Карачаево-Черкессии и Республике Северная Осетия-Алания. Население двух субъектов, Республики Дагестан и Ставропольского края, составляют около 60 % жителей СКФО и от изменений, происходящих в этих регионах, в существенной степени зависит место СКФО в численности населения России. Доля населения Чеченской Республики в общей численности жителей СКФО составляет около 14 %. В ближайшем будущем она может вырасти, так как население республики растет самыми быстрыми темпами в округе.

Изменения численности населения в СКФО происходят в результате двух процессов: демографического роста и миграционной подвижности. Анализ демографического роста показывает, что в 2000–2016 гг. в округе произошел рост рождаемости только в 3 республиках и Ставропольском крае (табл. 2). Именно в этих регионах рождаемость была низкой в начале 2000-х. Показатели смертности снизились во всех субъектах СКФО, что отразилось на повышении показателей коэффициента естественного прироста. Только в Чечне естественный прирост стал сокращаться с 2011 г. из-за сокращения рождаемости. Показатель суммарной рождаемости сократился за 2005–2016 гг. только в Чеченской Республике, оставаясь, тем не менее, самым высоким в регионе.

Таблица 2.

Динамика демографических изменений в регионах СКФО

Регионы	Изменение общего коэффициента рождаемости, 2016 г. к 2000 г. (%)	Изменение общего коэффициента смертности, 2016 г. к 2000 г. (%)	Коэффициент естественного прироста, 2000 г./ 2016 г.	Коэффициент суммарной рождаемости, 2005 г. / 2016 г.
РФ	148,3	83,8	-6,7 / -0,01	1,29 / 1,76
Р. Дагестан	98,9	69,3	10,2 / 12,3	1,69 / 1,97
Р. Ингушетия	91,6	73,3	13,3 / 13,0	1,8 / 1,75
Р.Кабардино-Балкария	120,7	74,5	0,5 / 5,4	1,2 / 1,72
Р.Карачаево-Черкессия	110,2	83,3	-0,6 / 2,4	1,39 / 1,52
Р. Северная Осетия – Алания	133,0	81,2	2,2 / 3,7	1,43 / 1,89
Чеченская Р.	85,5*	73,3*	18,4* / 16,6	2,94 / 2,62
Ставропольский край	141,3	84,2	-4,7 / 1,3	1,23 / 1,67

* Данные по Чечне: 2016 г. к 2003 г.

Рассчитано по: [4; 6]

Анализ возрастных коэффициентов рождаемости показывает, что «постарение» рождаемости практически не происходит (за исключением Ставропольского края). В Ингушетии и Чечне показатели рождаемости в возрасте 40–44 лет в 2 раза превышают общероссийские показатели [4]. Рождение детей по возрастным группам более равномерное, чем в среднем по РФ, и распределяется на весь репродуктивный период женщины. В этот же период произошло сокращение младенческой смертности по СКФО в среднем в 2 раза. Смертность населения СКФО от болезней системы кровообращения осталась на первом месте среди причин смертей, а убыль населения от внешних причин отступила со 2 на 3 место.

Изменения рождаемости и смертности определенным образом зависят от возрастной структуры населения (рис. 1). Доля населения «моложе трудоспособного возраста» во всех субъектах СКФО, за исключением Ставропольского края, выше, чем в среднем по России, причем в Чечне почти в 2 раза. Этот показатель снижается с 2000 г. на 1,3 – 6,5 % (Дагестан) во всех субъектах, за исключением Чечни (рост на 1 %). Такой возрастной состав населения еще на долгие годы обеспечит республикам высокую рождаемость и низкую смертность. Ожидаемая продолжительность жизни, по значениям которой СКФО занимает 1 место в РФ, выросла за 16 лет на 5–7 лет (по России на 8 лет в среднем). Выше всего данный показатель в Ингушетии – 80,82 года для всего населения и Дагестане – 77, 23.

Миграционный компонент демографического развития регионов СКФО – это межрегиональная и межгосударственная миграция, влияющая на общую динамику населения (табл. 3). Внутрирегиональная миграция в большинстве субъектов СКФО направлена из села в город. Тем не менее в селах СКФО живет большая доля населения, особенно в Чечне (см. табл. 1). Отметим, что повышенная «привязанность» к сельскому образу жизни в Чечне объясняется тем, что официально молодые люди не снимаются с места регистрации в родном селе и не

регистрируются в городах республик. В результате получается, что тысячи людей живут и работают в городской местности, но формально они остаются жителями сел [8].

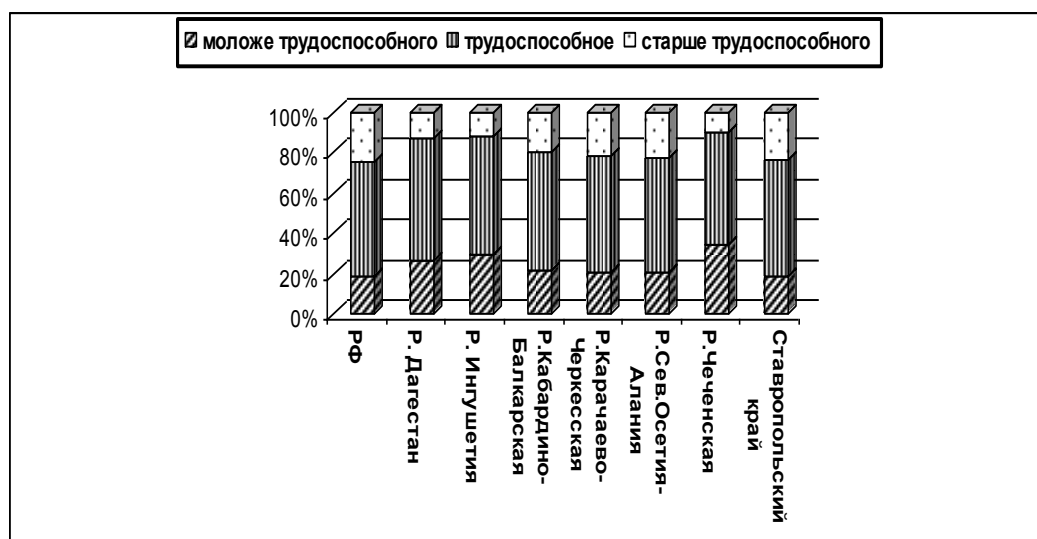

Рис. 1. Возрастной состав населения по РФ и регионам СКФО на 1.01.2017 (в % от общей численности). Составлено по [5]

Период 1992–2000 гг. можно было назвать периодом возвратной миграции титульных этносов Северного Кавказа из республик бывшего СССР. В таких республиках, как Киргизия, Казахстан до настоящего времени существуют достаточно большие чеченские и ингушские диаспоры [9, с. 96]. Этот миграционный потенциал постепенно сокращается. Существует даже реэмиграция.

Со второй половины 2000-х годов начинается постепенная трансформация экономически мотивированных переселений по трудовым и образовательным причинам преимущественно представителей титульных народов СНГ. Международная миграция положительна для всех регионов СКФО. Основными донорами являются республики Азербайджан, Армения, Грузия, Узбекистан, Таджикистан. С 2014 г. страной – донором мигрантов в СКФО стала Украина.

Анализ данных по межрегиональной миграции СКФО показывает:

- все регионы округа являются миграционными донорами (Ингушетия в т. ч. по данным за другие годы);
- значительная часть мигрантов не покидает территорий Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, обосновываясь в Ставропольском и Краснодарском краях, в Ростовской, Астраханской и Волгоградской областях;
- Ставропольский край одновременно является реципиентом для мигрантов округа и донором в обмене с другими регионами России;
- трудовая миграция направлена в более развитые регионы Российской Федерации: Центральный округ (г. Москва и Московская область, Северо-Западный округ (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область), Приволжский округ (Саратовская, Нижегородская и Самарская области). При этом демографическая гетерогенность в принимающих регионах возрастает [18];

Таблица 3.

Миграционные особенности населения в СКФО

Регионы	Межрегиональный миграционный прирост, в 2016 г. (чел.)	Регионы, принимающие мигрантов	Международный миграционный прирост в 2016 г. (чел.)	Страны наибольшего притока мигрантов/оттока местного населения в 2016 г.
Республика Дагестан	-11124	Ставропольский, Краснодарский Красноярский края. Ростовская, Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Нижегородская, Самарская, Тюменская области. Москва и Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская области	216	Азербайджан, Украина / Франция, Израиль, Турция, Сирия, Германия.
Республика Ингушетия	1409	Ставропольский, Краснодарский края, Ростовская, Московская об, г. Санкт-Петербург	94	Грузия, Азербайджан, Таджикистан, Украина/ Бельгия, Франция, Германия, Польша, Казахстан
Кабардино-Балкарская Республика	-2984	Ставропольский край, регионы Южного и Центрального ФО	492	Узбекистан, Таджикистан. Грузия, Азербайджан, Украина
Карачаево-Черкесская Республика	-2554	Москва и Московская, Ростовская области, Ставропольский и Краснодарский края.	71	Украина, Таджикистан, Узбекистан/ Франция, Германия, Турция, США, Италия
Республика Северная Осетия – Алания	-3565	Ставропольский, Краснодарский края, Ростовская, Московская области.	525	Грузия, Армения, Украина, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан
Чеченская Республика	-2795	Ставропольский край, регионы Южного и Центрального ФО	161	Казахстан, Грузия/ Германия, страны Западной Европы
Ставропольский край	-3798	Краснодарский край, Московская область, города Москва и Санкт-Петербург	3061	Украина, Грузия, Азербайджан Таджикистан, Узбекистан/ Германия, Греция

Рассчитано по: [4; 9; 17]

- изо всех республик СКФО продолжается миграционный отток русских. «Именно миграция в ближайшие 2-3 десятилетия сохранится в качестве центрального механизма ускоренного сокращения русского демографического присутствия в республиках региона. При этом существенное значение имеют не только количественные масштабы оттока, но и ухудшение возрастной структуры остающихся русских (основная масса мигрантов – люди в возрасте 20–40 лет)» [19, с. 135].

Сальдо международной миграции во всех субъектах СКФО положительное. Миграционный отток, в основном в страны Западной Европы, перекрывает приток мигрантов из стран Закавказья, Центральной Азии, Сирии. Основой причиной отрицательного миграционного сальдо с регионами России является избыточное количество трудовых ресурсов в СКФО, в связи с чем проблемы на рынке труда обозначились особенно остро. Одной из наиболее актуальных социальных проблем в регионе является высокий уровень безработицы. Например в КБР общий объем официально фиксируемой безработицы в 2016 г. составлял порядка 13,2 % [20], в КЧР – 14,4 % [21].

Большой выталкивающей в другие регионы силой является несоответствие имеющихся вакантных рабочих мест образовательно-квалификационной структуре безработных. Большинство трудовых мигрантов – молодые образованные, высококвалифицированные специалисты в трудоспособном возрасте, не удовлетворенные оплатой труда и стандартами жизни. Многие из них получили высшее образование в других регионах страны, часто им известен рынок труда и оплата труда в этих регионах. Тем не менее в регионах трудоустройства мигранты зачастую занимают те рабочие места в тех же социально «непрестижных» сферах, которые были для них неприемлемы в родных республиках. Здесь, возможно, определяющее значение имеет более высокая оплата труда, а также, несомненно, и психологическая комфортность в занятии «непрестижным» видом деятельности в месте, где тебя «никто не знает» [13]. Однако ситуация меняется, все большее число мигрантов из региона находит работу по специальности.

Труд иностранных мигрантов достаточно востребован в регионе ввиду его ценовой приемлемости. Выходцы из Центральной Азии не создают конкуренцию на местном рынке труда по причине того, что заняты в социально «непрестижных» сферах (строительстве, сельском хозяйстве). Мигранты из Азии живут в СКФО обособлено, что связано с низким уровнем их готовности к интеграции с местным сообществом [13].

Таким образом, миграционные процессы в республиках Северного Кавказа отличаются достаточной интенсивностью. На протяжении длительного времени имеют место устойчивая трудовая и академическая миграции в другие регионы России. В свою очередь, регион достаточно активно принимает трудовых мигрантов, преимущественно из республик Центральной Азии.

Выводы

Республики СКФО еще значительное время останутся регионом положительного естественного прироста населения. Численность населения растет здесь особенно интенсивно в Чечне, Дагестане, Ингушетии.

Рост населения осуществляется в результате превышения естественного прироста над миграционным оттоком. Основными районами – реципиентами для

мигрантов являются ЦФО, ЮФО, города Москва и Санкт-Петербург. Ставропольский край выступает одновременно в роли реципиента для своего округа и донором для других регионов России.

Существует дисбаланс в уровне образования трудовых ресурсов из региона и мест приложения их труда за пределами СКФО. Однако ситуация меняется, все большее число мигрантов из региона находит работу по специальности.

Литература

1. Уставщикова С. В. Региональные особенности демографического развития субъектов ПФО (2000–2016 гг.) // Известия Саратов. ун-та. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 160–164.
2. Национальный проект «Здоровье». Справка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/society/20090512/170852739.html>.
3. Демографическая политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/>
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.
5. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/catalog/doc_1137674209312
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2004. 966 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.
8. Динаев А. М. Анализ демографической ситуации в Чеченской Республике на 1 июля 2016 года // Психология, социология и педагогика. 2016. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2016/08/7076>.
9. Газиева Л. Г. Миграционные процессы в республике Дагестан. /Актуальные проблемы социально-трудовых отношений. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию образования Дагестанского государственного университета. Даггосуниверситет. 2016 Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация» (Махачкала). С. 97–99.
10. Абдуллаев А. А. Специфика миграционных потоков в Республике Дагестан // Молодой ученый. 2015. № 13. С. 571–574. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/93/20656/>.
11. Чапанов А.К. Особенности миграционных процессов в современной Ингушетии / Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016 г. № 1 (46). С. 92–98.
12. Аккиева С. И., Табаксоев И. А., Теммоев И. Ю., Тхамокова И. Х. Современное состояние и тенденции развития миграционных процессов в Кабардино-Балкарии / Успехи современной науки и образования 2017, Том 7, № 2. С. 34–41.
13. Такова А. Н. Миграционные процессы в двухсубъектных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) на

- современном этапе развития / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 176–180. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/
14. Доклад «О миграционной ситуации в Республике Северная Осетия-Алания и основных результатах деятельности Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел по Республике Северная Осетия-Алания за 12 месяцев 2016 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/clck/jsredir?bu=uniq1515740252261115032&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=>
 15. Гуриева Л. К., Каберты Н. Г. Миграция в республике Северная Осетия-Алания: итоги десятилетия / Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Издательство: Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), 2014. С. 63–72
 16. Доклад о состоянии и тенденциях демографической ситуации в Ставропольском крае. Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2017. 72 с.
 17. Гойгов Р. Т. Анализ современного состояния демографической ситуации Ставропольского края / Научные исследования и разработки молодых ученых. № 9-2. 2016. С. 44–49. Из-во: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества» (Новосибирск)
 18. Уставщикова С. В. Изменения в этнической гетерогенности регионов Приволжского федерального округа // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 20–26.
 19. Суций С. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение Т. 4, № 3. 2017. С. 115–140 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://demreview.hse.ru/2017-3/212766683>.
 20. Аналитическая справка по итогам работы Министерства труда, занятости и социальной защиты КБР за 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mintrudkbr.ru/docs/2016-collegia.pdf>.
 21. В службе занятости населения КЧР подвели итоги работы за 2016 г., определили задачи на 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/2751526-v-sluzhbe-zanyatosti-naseleniya-karachaevo-cherkesskojrespubliki-podveli-itogi-raboty-za-2016-god-opredelili-zadachi-na-2017-god.html>.

Ustavshchikova S. V.

North Caucasus Federal district. Regional features of the demographic situation (2000-2017)

Saratov State National Research University named after N. G. Chernyshevskiy, Russian Federation, Saratov
e-mail: sveus1@yandex.ru

Abstract. *The article deals with the current trends of demographic and migration development of the subjects of the North Caucasus Federal district (NCFD). The*

interrelation of these processes is noted. The place of the North Caucasus Federal district in the demographic processes of the Russian Federation. Population growth in the region was observed in 2000-2010, the most difficult period for Russia from the demographic point of view. Currently (2010-2017 g) the reduction of the dynamics of population growth. These are the years of improving the demographic situation in the whole of Russia. Numerous factors influencing the course of demographic and migration processes are indicated. The importance of the ethnic composition of the population, low level of urbanization, age composition of the population of the region is emphasized. The proportion of the population of Dagestan and Chechnya in the North Caucasus Federal district continues to grow. The analysis of migration flows in the region reveals their complexity. Stressed that the regions – recipients of internal migrants to the North Caucasus Federal district coincide with the Russia – Central Federal district, southern Federal district. The region is actively receiving migrant workers, mainly from the Central Asian republics.

Key words: NCFD regions, population reproduction, migration.

References

1. Ustavshchikova S. V. Regional'nye osobennosti demograficheskogo razvitiya sub"ektov PFO (2000-2016 gg.) // Izvestiya Sarat. un-ta. Ser. Nauki o Zemle. 2017. T. 17, vyp. 3. S. 160-164 (in Russian).
2. Nacional'nyj proekt "Zdorov'e". Spravka. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://ria.ru/society/20090512/170852739.html> (in Russian).
3. Demograficheskaya politika [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/191961/> (in Russian).
4. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: Stat. sb. / Rosstat. □ M., 2017. 1402 s. (in Russian).
5. Prilozhenie k Demograficheskomu ezhegodniku Rossii 2017 [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (in Russian).
6. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2004: R32 Stat. sb. / Rosstat. M., 2004. 966 s. (in Russian).
7. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012: R32 Stat. sb. / Rosstat. M., 2012. 990 s. (in Russian).
8. Dinaev A. M. Analiz demograficheskoy situacii v CHEchenskoj Respublike na 1 iyulya 2016 goda // Psihologiya, sociologiya i pedagogika. 2016. № 8. URL: <http://psychology.snauka.ru/2016/08/7076>. (in Russian).
9. Gazieva L. G. Migracionnye processy v respublike Dagestan. /Aktual'nye problemy social'no-trudovyh otnoshenij. Materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 85-letiyu obrazovaniya Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Daggosuniversitet. 2016 Izdatel'stvo: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Aprobaciya" (Mahachkala) s.97 -99 (in Russian).
10. Abdullaev A. A. Specifika migracionnyh potokov v Respublike Dagestan // Molodoj uchenyj. 2015. №13. S. 571-574. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://moluch.ru/archive/93/20656/> (in Russian).

11. Chapanov A. K. Osobennosti migracionnyh processov v sovremennoj Ingushetii./ Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2016 g. № 1 (46) S.92-98 (in Russian).
12. Akkieva S. I., Tabaksoev I. A., Temmoev I. YU., Thamokova I. H. Sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya migracionnyh processov a Kabardino-Balkarii./ Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya 2017. Tom 7. № 2. S.34-41 (in Russian).
13. Takova A. N. Migracionnye processy v dvuhsub"ektnyh respublikah Severnogo Kavkaza (Kabardino-Balkariya i Karachaevo-CHerkesiya) na sovremennom etape razvitiya / Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 12(86): v 5-ti ch. CH. 1. С. 176-180. [Elektronnyy resurs]. URL: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/ (in Russian).
14. Doklad «O migracionnoj situacii v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya i osnovnyh rezul'tatah deyatelnosti Upravleniya po voprosam migracii Ministerstva vnutrennih del po Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya za 12 mesyacev 2016 goda» URL: <https://yandex.ru/clck/jsreidir?bu=uniq1515740252261115032&from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=> (in Russian).
15. Gurieva L. K., Kaberty N. G. Migraciya v respublike Severnaya Osetiya-Alaniya: itogi desyatiletija / Migracionnye processy: problemy adaptacii i integracii migrantov. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2014. S 63-72 Izdatel'stvo: Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet (Stavropol') (in Russian).
16. Doklad o sostoyanii i tendenciyah demograficheskoy situacii v Stavropol'skom krae. – Stavropol': Stavropol'skoe izdatel'stvo «Paragraf», 2017. 72 s. (in Russian).
17. Gojgov R. T. Analiz sovremennogo sostoyaniya demograficheskoy situacii Stavropol'skogo kraja./ Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodyh uchenyh. № 9-2 2016. S 44-49. Iz-vo: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Centr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva» (Novosibirsk) (in Russian).
18. Ustavshchikova S. V. Izmeneniya v etnicheskoy geterogenosti regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Nauki o Zemle. 2017. T. 17, vyp. 1. S. 20–26 (in Russian).
19. Sushchij S. Russkie v respublikah Severnogo Kavkaza – rubezhi geodemograficheskogo otstupleniya (pervaya polovina XXI veka) // Demograficheskoe obozrenie T.4 №3, 2017, s. 115-140 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://demreview.hse.ru/2017-3/212766683> (in Russian).
20. Analiticheskaya spravka po itogam raboty Ministerstva truda, zanyatosti i social'noj zashchity KBR za 2016 g. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://mintrudkbr.ru/docs/2016-collegia.pdf> (in Russian).
21. V sluzhbe zanyatosti naseleniya KCHR podveli itogi raboty za 2016 g., opredelili zadachi na 2017 g. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/2751526-v-sluzhbe-zanyatosti-naseleniya-karachaevo-cherkesskoyrespubliki-podveli-itogi-raboty-za-2016-god-opredelili-zadachi-na-2017-god.html> (in Russian).

Поступила в редакцию 11.08.2018 г.

УДК 528.1:379.85
Хабибуллина А. Р.
Мальганова И. Г.¹

Применение космических и ГИС-технологий в территориальном планировании сельских поселений региона (на примере Республики Татарстан)

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, г. Казань
e-mail: ¹irigrimmm@gmail.com

Аннотация. Выявлена специфика разработки генеральных планов сельских поселений муниципальных районов Республики Татарстан с учетом использования геоинформационных систем (ГИС) и дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). В работе предлагается алгоритм картографического отображения природно-ресурсного потенциала территории сельского поселения на микроуровне в целях расширения спектра задач территориального планирования на основе генерального плана сельского поселения Республики Татарстан. Реализация алгоритма проводится на примере Омарского сельского поселения Мамадышского муниципального района Республики Татарстан.

Ключевые слова: территориальное планирование, регион, геоинформационные технологии, дистанционное зондирование Земли, Республика Татарстан, ArcGIS 10.2.2.

Введение

Ключевой целью территориального планирования является отображение в документах этого вида деятельности предназначения территорий в зависимости от сочетания различных факторов их развития: социальных, экономических, экологических и иных. Совокупность перечисленных факторов обеспечивает устойчивое развитие территории, её инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, учитывает интересы граждан и их объединений [1]. Основной задачей территориального планирования является конкретизация на местности прогнозов, программ и планов развития районных хозяйственных комплексов.

Появление геоинформационных систем и применение их в территориальном планировании дало возможность составлять комплексное решение планировки и развития территории с учетом всех влияющих объектов и факторов.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что на современном этапе развития России территориальному планированию уделяется особое внимание, поскольку происходит активное становление этого вида научной практики во всех регионах страны. В различных сферах деятельности проводится интенсивная разработка документов территориального планирования различного пространственного уровня. Это необходимо для ликвидации достаточно хаотичного характера использования территорий в региональных масштабах [2].

Республика Татарстан является уникальным субъектом, поскольку интенсивное развитие территориального планирования здесь началось одним из первых в России: около пяти лет назад. В настоящее время в республике идет уже вторая волна внесения изменений в генеральные планы, разработанные и

утвержденные порядка 3-5 лет назад.

Целью статьи является разработка алгоритма картографического отображения природно-ресурсного потенциала территории микрорегионального уровня – сельского поселения – для расширения спектра задач территориального планирования на основе генерального плана сельского поселения Республики Татарстан.

Материалы и методы

Для комплексного и современного исследования территорий городских и сельских поселений региона следует широко использовать методы дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ).

Дистанционное зондирование Земли – это получение информации о поверхности нашей планеты и объектах на ней, атмосфере, океане, верхнем слое земной коры бесконтактными методами, при которых регистрирующий прибор удален от объекта исследований на значительное расстояние. Общей физической основой дистанционного зондирования является функциональная зависимость между зарегистрированными параметрами собственного или отраженного излучения объекта и его биогеофизическими характеристиками и пространственным положением [3].

В настоящее время выделяют следующие виды съемки для получения данных дистанционного зондирования: а) космическая съемка; б) аэрофотосъемка (АФС).

Аэрофотосъемка, в отличие от космической, позволяет получать изображение более высокого разрешения (от 1–2 м до 5–7 см). Этот вид съемки используется для получения высоко детальных материалов в процессе решения задач создания картографической базы в целях территориального планирования муниципальных образований, в том числе сельских поселений.

Оба вида съемки находят применение в территориальном планировании при создании или особенно при внесении изменений в генеральный план сельского поселения. При этом каждый из них занимает свою нишу.

Если сравнить два снимка одного масштаба на одну и ту же территорию (рис. 1), полученных с помощью космической и аэрофотосъемки, то можно определить их существенные отличия. На первый взгляд снимки выглядят практически одинаково по качеству, но при более детальном изучении можно заметить существенную разницу в пользу аэрофотосъемки, детализация которой позволяет разглядеть самые мелкие детали территории, чего нельзя сказать о космической съемке.

Так как одной из базовых операций генерального планирования городов и поселений является вычленение функциональных зон и подзон, предусмотренных Градостроительным кодексом РФ, аэрофотокосмические снимки могут сыграть ведущую роль при выделении указанных зон в документах территориального планирования. Важнейшим преимуществом методов ДЗЗ является ценовое различие его результатов по сравнению с традиционными методами исследования территорий. Проведенный В. А. и Р. В. Панариными в статье «Применение космических снимков в муниципальном управлении урбанизированных территорий для задач территориального планирования» сравнительный анализ зонирования территорий традиционным и аэрокосмическим способами показал,

что аэрофотосъемка обходится проектировщикам в 15 раз дешевле, чем традиционные методы [4].

Рис. 1. Сравнение снимков космической и аэрофотосъемки в масштабе 1:500.

Снимок предоставлен ООО «Геоконсалтинг»

Поскольку процесс территориального планирования нередко осуществляется устаревшим методом «вручную», авторами оценивается роль данных ДЗЗ из космоса как принципиально важная и новая информация, позволяющая существенно модернизировать процедуру территориального планирования.

В настоящее время на этапе внесения изменений в документы территориального планирования сельских поселений Татарстана обнаруживаются недоработки картографического содержания и отображения пространственной информации в генеральных планах. Так как состав материалов по обоснованию территориального планирования строго не регламентируется законодательством, авторы предлагают включение в состав генерального плана карты природно-ресурсного потенциала территории.

Таким образом, существует необходимость в разработке и доказательстве эффективности алгоритма картографического отображения природно-ресурсного потенциала территории сельского поселения для нужд корректировки территориального планирования.

Природно-ресурсный потенциал территории – это совокупность природных ресурсов, объектов, средообразующих факторов и условий (включая

климатические, геологические, гидрологические и другие условия), которые могут быть использованы в процессе хозяйственной или иной деятельности [5].

При создании геоинформационного проекта (ГИС-проекта) необходимо определить его цель, для выполнения которой составляются задачи и структура базы данных. С помощью возможностей и функций ГИС создается модель анализа решения поставленных задач и оформления представления результатов, т. е. их визуализации [6].

Объектом исследования данной работы было выбрано Омарское сельское поселение Мамадышского муниципального района Республики Татарстан, на примере которого будет отображена реализация алгоритма автоматизированного анализа природно-ресурсного потенциала территории. Заметим, что искомая территория должна соответствовать определённым требованиям строительных норм и правил [7]:

1. уклон рельефа основной части территории не должен быть больше 3°;
2. источники водоснабжения должны находиться на расстоянии не более 1000 м от населённого пункта;
3. инженерные коммуникации, такие как линии электропередачи (ЛЭП), газопроводы должны находиться от населённого пункта на расстоянии не более 500 м;
4. дороги для автотранспорта должны быть на расстоянии не более 2000 м;
5. существующие крупные промышленные предприятия не должны включаться в границу населенного пункта;
6. территорию застройки необходимо ограничить прибрежными полосами водных объектов, границами гослесфонда, границами ООПТ, санитарно-защитными полосами сибирезвенных скотомогильников. На территории данных объектов строительство запрещено.

Учитывая изложенные выше условия проектирования, для выполнения алгоритма нам понадобятся следующие векторные слои, полученные авторами в ходе выполнения работ по внесению изменений в генеральный план Омарского сельского поселения:

- рельеф (горизонтали);
- гидрография (реки, озера);
- границы гослесфонда(лес);
- границы ООПТ (Сокольский лес);
- границы санитарно-защитных зон;
- граница Омарского сельского поселения;
- границы населенных пунктов Омарского сельского поселения;
- инженерная инфраструктура.

Авторский алгоритм картографической интерпретации территориального планирования природно-ресурсного потенциала сельского населённого пункта состоит из следующих этапов:

- 1) занесение всех слоёв данных по территории для создания базы геоданных с помощью функции ArcCatalog;
- 2) получить уклоны местности с помощью построения цифровой модели рельефа (ЦМР);

- 3) создать растровую поверхность, выбирая исходным векторный слой «Изолинии» с помощью Spatial Analyst\Интерполция\Топо в растр;
- 4) рассчитать карты уклонов местности с помощью Spatial Analyst\Анализ поверхности\Уклон;
- 5) вычислить необходимое расстояние от населённого пункта до источников водоснабжения, инженерных коммуникаций, автодорог с использованием функции Spatial Analyst\Расстояние\Евклидово расстояние;
- 6) создать растр ограничения территории населённого пункта, включив в него следующие векторные слои: прибрежные полосы, санитарно-защитные полосы, границы гослесфонда, границы ООПТ «Сокольский лес», и «Санитарно-защитные зоны» с помощью Spatial Analyst\Конвертировать\Полигон в растр;
- 7) переклассифицировать все полученные растры с помощью Spatial Analyst\Переклассифицировать;
- 8) импортировать все полученные данные в единый пространственный слой с помощью Spatial Analyst\Калькулятор растра.

Результаты и обсуждение

По описанному выше алгоритму была получена итоговая растр-карта «Природно-ресурсный потенциал территории» (рис. 2).

На основе растр-карты проводится территориальный анализ проектируемого региона.

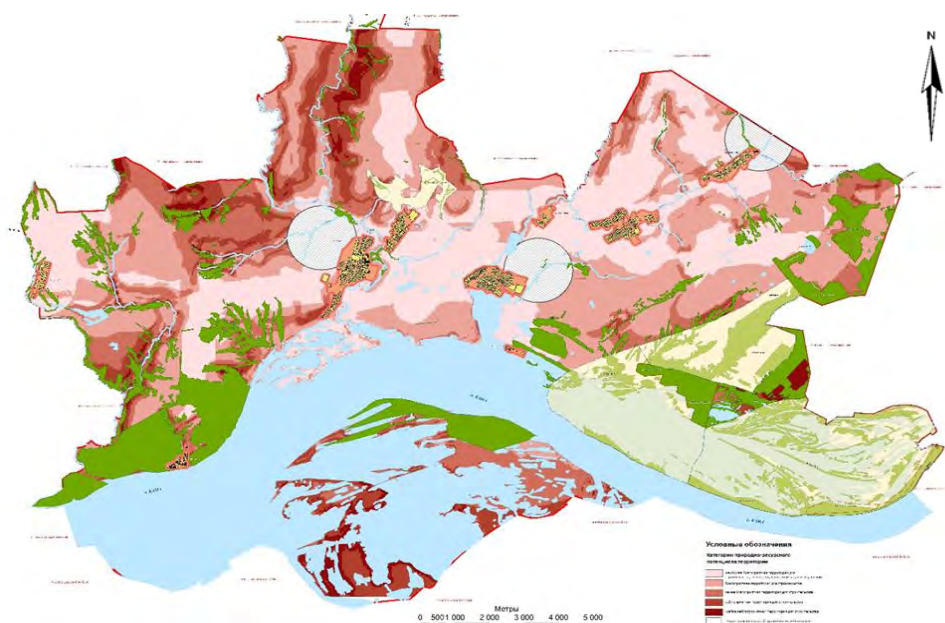

Рис. 2. Растр-карта «Природно-ресурсный потенциал территории Омарского сельского поселения Мамадышского муниципального района Республики Татарстан». Составлено автором

На растр-карте представлена классификация территориальных фрагментов зонирования Омарского сельского поселения. Авторы выделили 6 групп территорий: градиентом от нежно-розового к бордовому показаны участки территории от более благоприятных (соответствующим всем заданным условиям и подходящим для размещения населенного пункта) к менее. Прозрачной закраской отмечены водные объекты с учетом прибрежной полосы, границы гослесфонда, границы санитарно-защитных зон, границы ООПТ Сокольский лес, где строительство невозможно.

Предложенный авторами алгоритм автоматизации анализа территории, реализован в ArcGIS 10.2.2 [8]. Он соответствует нормативным требованиям и учитывает большое количество факторов, влияющих на ресурсный потенциал территории. Для этого с помощью инструмента «ModelBuilder» разработанный алгоритм был преобразован в ГИС-модель. Данная функция позволяет при замене исходных/входных данных автоматически рассчитывать карту природно-ресурсного потенциала, что очень ускоряет процесс её создания.

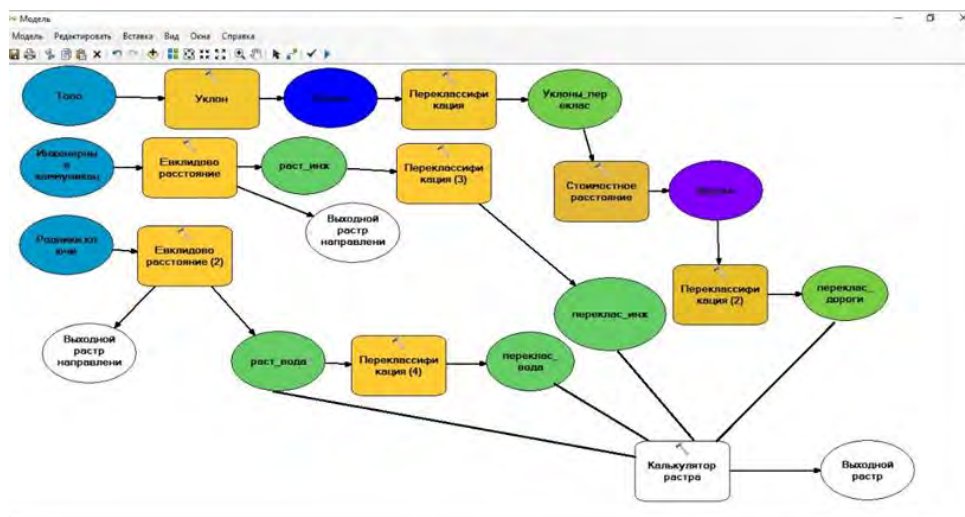

Рис. 3. Алгоритм анализа природно-ресурсного потенциала территории в ModelBuilder. Составлено автором

Убедившись в правильности и соответствии алгоритма нормативным требованиям (рис. 3), применяем его для территориального планирования, отражая существующее состояние территории, которое следует учесть в процессе её пространственной модернизации.

Выводы

1. Для эффективной пространственной модернизации территории следует усовершенствовать систему предварительного согласования между разработчиками и исполнительным органом, уполномоченным в сфере градостроительства. Это означает, что при создании генерального плана территории или внесении изменений в него, необходимо отдавать материалы на предварительное согласование в исполнительные органы, уполномоченные в сфере градостроительства для устранения всех замечаний и поправок на начальном этапе

разработки. Такая схема взаимодействия приведет к минимизации ошибок на стадии согласования и внесет в материалы генерального плана все необходимые данные.

2. Использовать аэрофотосъемку как более быстрый, достоверный и качественный способ получения материала для создания картографической основы документов территориального планирования.

3. Использовать геоинформационную систему ArcGis 2.2 для упрощения и автоматизации процесса создания документов территориального планирования. Модули Spatial Analyst и Model Builder [9], аналогов которых нет в других ГИС-системах, например таких, как MapInfo, позволяют автоматизировать некоторые процессы, что минимизирует ошибки, повышает достоверность картографического материала. Также программный ГИС-продукт ArcGIS обладает рядом других преимуществ, отличающих его от остальных ГИС-систем. Этот ГИС-продукт полностью поддерживает протоколы OGC (некоммерческая организация Консорциум «The Open Geospatial Consortium, Inc», координирующая разработку международных стандартов в области геоинформационных систем). Указанные протоколы важны для повышения открытости и возможностей наращивания и масштабирования системы; у них есть хранилище пространственных данных для возможности многопользовательского редактирования пространственных данных в режиме on-line (ArcSDE играет роль шлюза между промышленной СУБД и приложениями ArcGIS Desktop); интуитивно понятный интерфейс клиентских приложений; возможность расширения функциональных возможностей серверных и клиентских приложений за счет авторских разработок.

4. Использовать предложенный авторами алгоритм как дополнительную карту в серии картографического материала в генеральном плане сельских поселений. Эта карта необходима для застройщиков, инвесторов, некомпетентных во всех тонкостях картографического отображения территориального планирования сельской территории, для легкого и понятного восприятия ими простой задачи – «где можно построиться на изучаемой территории».

Литература

1. Алпацкая Е. Г. Территориальное планирование: основные подходы / Е. Г. Алпацкая // Вестник ЧелГУ. 2013. № 3 (294). С. 5–8.
2. Чистобаев А. И. Пространственное планирование в России: состояние, проблемы, задачи географов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 1 (2). С. 15–24.
3. Игнатова О. А. Роль территориального планирования в социально-экономическом развитии муниципальных образований // География и природные ресурсы, 2011. № 1. С. 143–149.
4. Панарин В. А., Панарин Р. В. Применение космических снимков в муниципальном управлении урбанизированных территорий для задач территориального планирования // Геоматика. 2009. № 3. С. 40–55.
5. Мальчикова Д. С. Планирование территорий и функции сельской местности: общественно-географический анализ // Географический вестник. 2014. № 3 (30). С. 47–53
6. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Применение средств дистанционного зондирования Земли в сельском

- хозяйстве». Санкт-Петербург, 16–17 сентября 2015 г. СПб.: ФГБНУ АФИ, 2015. 196 с.
7. Морозова Я. С., Максимов Н. Э. Применение геоинформационных систем при разработке стратегии развития территории // Актуальные вопросы технических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра, 2015. С. 147–150.
 8. ArcGIS 10.2.2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://support.esri.com/en/download/2093>.
 9. Spatial Analyst и ModelBuilder [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.esri.com/software/arcgis/extensions/spatialanalyst>.

**Khabibullina A. R.
Malganova I. G.¹**

***The use of space and gis-technologies in the territorial planning of region's rural settlements
(on the example of the Republic of Tatarstan)***

Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation, Kazan
e-mail: ¹irigrimmm@gmail.com

Abstract. *The specifics of the development of master plans for rural settlements in the municipal districts of the Republic of Tatarstan have been identified, taking into account the use of GIS and remote sensing. The paper suggests an algorithm for mapping the natural resource potential of a rural settlement on a micro level in order to expand the range of spatial planning tasks on the basis of a master plan for a rural settlement of the Republic of Tatarstan. The implementation of the algorithm is based on the example of the Omar rural settlement of the Mamadysh municipal district of the Republic of Tatarstan.*

Using ArcGis 2.2 to simplify and automate the process of creating spatial planning documents. Modules Spatial Analyst and Model Builder, which are not analogous in other GIS-systems, for example, such as Mapinfo, allow to automate some processes, which minimizes errors, improves the reliability of cartographic material. Also, the ArcGIS software GIS product has a number of other advantages that distinguish it from other GIS systems, such as full support for OGC protocols (the non-profit organization The Open Geospatial Consortium, Inc., which coordinates the development of international standards in the field of GIS) to increase transparency and the possibilities of building and scaling the system; the availability of a spatial data store for the possibility of multi-user editing of spatial data in on-line mode (ArcSDE plays the role of a gateway between an industrial DBMS and ArcGIS Desktop applications); an intuitive interface for client applications; the ability to extend the functionality of server and client applications due to authoring developments.

Key words: *territorial planning, region, geoinformation technologies, remote sensing of the Earth, Republic of Tatarstan, ArcGIS 10.2.2.*

References

1. Alpackaya E. G. Territorial'noe planirovanie: osnovnye podhody / E.G. Alpackaya // Vestnik ChelGU. 2013. № 3 (294). S.5-8 (in Russian).
2. Chistobaev A. I. Prostranstvennoe planirovanie v Rossii: sostoyanie, problemy, zadachi geografov // Social'no-ehkonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov. 2013. № 1 (2). S. 15-24 (in Russian).
3. Ignatova O. A. Rol' territorial'nogo planirovaniya v social'no-ehkonomicheskom razvitii municipal'nyh obrazovanij // Geografiya i prirodnye resursy, 2011. № 1. S. 143-149 (in Russian).
4. Panarin V. A., Panarin R. V. Primenenie kosmicheskikh snimkov v municipal'nom upravlenii urbanizirovannyh territorij dlya zadach territorial'nogo planirovaniya / V. A. Panarin, R. V. Panarin // Geomatika. 2009. № 3. S. 40-55 (in Russian).
5. Mal'chikova D. S. Planirovanie territorij i funkcii sel'skoj mestnosti: obshchestvenno-geograficheskij analiz // Geograficheskij vestnik. 2014. № 3(30). S.47-53 (in Russian).
6. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Primenenie sredstv distancionnogo zondirovaniya Zemli v sel'skom hozyajstve». – Sankt-Peterburg, 16-17 sentyabrya 2015 g. SPb.: FGBNU AFI, 2015. 196 s. (in Russian).
7. Morozova YA. S., Maksimov N. EH. Primenenie geoinformacionnyh sistem pri razrabotke strategii razvitiya territorii // Aktual'nye voprosy tekhnicheskikh nauk: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', aprel' 2015 g.). Perm': Zebra, 2015. S. 147-150 (in Russian).
8. ArcGIS 10.2.2. [Elektronnyj resurs] URL: <https://support.esri.com/en/download/2093> (in Russian).
9. Spatial Analyst i ModelBuilder [EHlektronnyj resurs] URL: <http://www.esri.com/software/arcgis/extensions/spatialanalyst> (in Russian).

Поступила в редакцию 29.06.2018 г.

УДК 911.3

Хамина Н. В.

***Идентификация внутрирегиональной
периферии (на примере регионов
Восточной Сибири)***

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт, Российская Федерация,
г. Иркутск
e-mail: natageo18@yandex.ru

Аннотация. В работе рассмотрены процессы в системе расселения населения Восточной Сибири, сделана попытка идентификации внутрирегиональной периферии на основе демографического подхода. С этой целью на основе статистического материала, разрабатываемого органами государственной статистики в разрезе муниципальных образований в период 1992–2017 гг., и анализа результатов выполнена группировка муниципальных образований по сокращению или увеличению численности населения.

Ключевые слова: центр-периферия, внутрирегиональный уровень, дифференциация, население, транспортная доступность, регион, Восточная Сибирь.

Введение

Восточная Сибирь занимает важное положение в экономике и системе безопасности России. Это достаточно обширная часть пространства, занимающая более 40 % площади территории страны. Имея огромную территорию, огромный природно-ресурсный, промышленный, экспортный и рекреационный потенциал, регионы характеризуются невысоким уровнем жизни населения. Причиной этого являются, прежде всего, диспропорции по таким значимым факторам, как экономико-географическое положение региона, характер его освоенности и степень расселения населения, экологическая безопасность, транспортно-коммуникационные условия территории, пространственная дифференциация экономических и социальных условий и др.

При этом различия между муниципальными образованиями внутри одного региона могут быть большими, чем различия между регионами. Особенно отмечается резкое усиление социально-экономических контрастов на внутрирегиональном уровне по линии «центр-периферия». Основная причина – большой разрыв условий развития между центром и периферией. Это касается как различий между городами и сельской местностью, так и различий между крупными городами и всей остальной территорией.

Изучение центр-периферийных процессов развития территорий имеет давний опыт исследования. В контексте данной проблемы разработаны теории пространственного развития, не утратившие своей актуальности и в современных исследованиях, как, например, теории В. Кристаллера, А. Вебера, Й. Тюнена и др.

Целостные теории, посвященные проблематике социально-экономического развития периферии, появляются в XX в. и оформляются в трудах Ф. Броделя, И. Валлерстайна и др.

Классической становится теория «центр-периферия», разработанная Дж. Фридманом (1966 г.) в книге «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» [1]. Согласно концепции, пространственная поляризация и неравномерность экономического роста ведут к диспропорциям между центром и периферией.

Среди современных отечественных географов, занимающихся центр-периферической проблематикой экономического пространства и изучающих различные аспекты развития периферии, стоит отметить О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиша, Т. Г. Нефедову, Б. Б. Родомана, Н. В. Зубаревич и др.

В статье, вышедшей в 1987 г., Б. Б. Родоман упоминает понятие «интрапериферия», тем самым вводя в науку понятие «внутренней периферии». В настоящее время эту тему подробно разрабатывает В. Л. Каганский. Под «внутренней периферией» Б. Б. Родоман понимает «территории (субареалы), расположенные скорее ближе к его центру, чем к окраинам, но обладающие такими чертами окраин, как относительно плохая транспортная доступность, замедленное развитие, явное отставание по многим социально-экономическим показателям» [2].

Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центр-периферийной концепции пространственного развития детально рассмотрена в исследованиях Н. В. Мкртчяна и Л. Б. Карачуриной. Особенности социально-экономического развития внутрирегионального пространства по оси «центр-периферия» изучены А. Н. Буфетовой, А. А. Ткаченко, Т. М. Важениной, А. Н. Раевской, А. В. Руденко, А. Н. Пилясовым и др.

Положение территории в системе «центр-периферия» в социально-экономическом развитии приобретает все большее значение географии, поэтому представляется необходимым изучение факторов и механизмов, лежащих в основе пространственной дифференциации.

Целью работы является анализ внутрирегиональных центр-периферийных процессов в регионах Восточной Сибири и идентификация внутрирегиональной периферии на основе демографического подхода.

Материалы и методы

В российской научной литературе не сложилось однозначного понимания понятия периферийности региона. Для идентификации периферийных регионов предлагаются различные критерии и методы определения периферийных территорий (географического, демографического или экономического характера), не всегда совместимые друг с другом. Здесь можно противопоставить и выделить три подхода к определению периферийности.

В соответствии с географическим подходом периферийность региона может быть определена как степень его удаленности от региона, произвольно выбранного в качестве «центра». При демографическом подходе периферийность региона определяется низкой плотностью населения. В случае экономического подхода периферийность региона определяется низким уровнем экономического развития.

Реальные исследования, как правило, сочетают элементы различных подходов. Согласно Н. Г. Колесникову, периферийность региона определяется тремя характеристиками: плотность населения, расстояние до крупных экономических центров и разобщенность (наличие препятствий при пересечении границ региона) [3]. «Периферийность тем выше и, соответственно, условия для

развития региона тем хуже, чем меньше концентрация населения в агломерациях (плотность), больше расстояние до крупных экономических центров и выше барьеры на границах региона (разобщенность)» [Там же].

На сегодняшний день теория «центр-периферия» достигла такого уровня развития, что позволяет сформировать методическую базу ее определения и диагностики в рамках заданной системы исследования.

Согласно демографическому подходу, периферийность определялась по такому показателю, как динамика численности населения, поскольку наиболее общим показателем периферийности, на наш взгляд, является сокращение населения муниципальных образований.

Совокупность количественных и качественных показателей для оценки уровня развития территории могут быть применены в рамках экономического подхода. Такие показатели, как оборот розничной торговли, ввод в действие жилых домов, уровень зарегистрированной безработицы, транспортная доступность и др. характеризуют процесс развития регионов, формируют динамику и состояние социально-экономических процессов. Анализ показателей муниципальных образований в их совокупности может позволить качественно оценить внутрорегиональную социально-экономическую дифференциацию.

Основой нашего исследования послужила статистическая база данных в разрезе муниципальных образований Восточно-Сибирского региона.

Результаты и обсуждение

В состав Восточной Сибири входят 7 субъектов РФ: четыре республики (Бурятия, Тыва, Саха (Якутия), Хакасия), два края (Забайкальский и Красноярский) и одна область (Иркутская). Характеристика административно-территориального устройства субъектов, их административных районов и центров представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Характеристика административно-территориального устройства регионов Восточной Сибири

Регион Восточной Сибири	Число административных районов	Плотность населения, чел./км ²	Городские округа	Число районов с данным видом центра		
				город	поселок городского типа (пгт)	сельский населенный пункт
Республика Бурятия	21	2.8	2	3	3	15
Республика Тыва	17	1.87	2	3	1	13
Республика Саха (Якутия)	34	0.31	2	9	12	13
Республика Хакасия	8	8.72	5	-	1	7
Красноярский край	44	1.21	17	13	9	22
Забайкальский край	31	2.51	4	10	7	14
Иркутская область	32	3.11	10	15	8	10
Восточная Сибирь	187	1.28	42	53	41	94

Составлено автором

Территория Восточной Сибири заселена слабо (6,4 % населения России), средняя плотность населения – 1,28 чел./км², доля городского населения составляет 72 %. Наиболее урбанизированы Иркутская область и Красноярский край. Восточная Сибирь обладает внешними (значительную площадь ее территории занимают большие и труднодоступные малонаселенные пространства севера) и внутренними (межмагистральные и удаленные от центров территории внутри сравнительно обжитого пространства) признаками периферийности.

Численность населения Восточной Сибири с 1992 г. по 2017 г. сократилась на 11 %. Особенно быстрыми темпами теряют население удаленные от административного центра муниципальные образования. Некогда абсолютный и относительный рост численности населения сменился устойчивой депопуляцией. Небольшой естественный прирост населения сохранился лишь в национальных территориальных образованиях, однако в Бурятии и Хакасии он уже стал отрицательным. Повсеместно сократилась рождаемость, возросла смертность, происходит старение населения, снижается продолжительность жизни, особенно у мужчин.

Наибольшая плотность населения совпадает с главными транспортными артериями Восточной Сибири, где расположена основная масса городов. К северу от транспортных артерий Восточной Сибири численность населения сокращается, а система расселения отличается мелкоселенностью. Внутривосточные миграции и отток за пределы региона являются основной причиной отрицательной динамики демографического потенциала Восточной Сибири. Такая динамика еще больше усиливает сокращение населения на периферии региона.

Нами проведена группировка районов и городских округов Восточной Сибири по сокращению или увеличению численности их населения (табл. 2).

Такие районы можно отнести к дальней периферии региона, находятся они на их окраине (Катангский и Мамско-Чуйский в Иркутской области; Северо-Байкальский и Муйский в Республике Бурятия; Каларский район в Забайкальском крае; Булунский, Усть-Янский, Нижнеколымский, Верхнеколымский, Оймяконский и Усть-Майский улусы (районы) в Республике Саха).

Основным фактором, способствующим снижению численности населения удаленных территорий Восточной Сибири, является его миграционная убыль. Она характерна для большинства муниципальных образований этого региона в пределах 11–30 % ежегодно.

В городских округах Восточной Сибири отмечается положительная динамика численности населения только в административных центрах, которые концентрируют от 25 до 45 % жителей (рис. 2). Этот процесс повсеместен и сохраняет положительную динамику, становясь основным фактором изменений в системе расселения регионов Восточной Сибири. Таким образом, роль административных центров в региональном развитии повышается.

Удельный вес концентрации населения в городах от всего населения административного района, на территории которого находится город, в большинстве случаев превышает 50 %. Однако на общем фоне снижения численности населения в Восточной Сибири городские округа также демонстрируют отрицательную динамику прироста населения. Таким образом, неравномерность в динамике населения между центром и окружающими его территориями увеличивается.

Таблица 2.

Группировка муниципальных образований Восточной Сибири по сокращению/увеличению численности населения в период 1992–2017 гг. (число районов/округов)

Регион Восточной Сибири	Сокращение/увеличение численности населения МО, %					
	сокращение более 50	сокращение на 31–50	сокращение на 11–30	сокращение на 0–10	рост на 1–20	рост на 21 и выше
Иркутская область, <i>в том числе:</i>	3	9	21	3	5	1
муниципальный район	3	8	13	3	4	1
городской округ	0	1	8	0	1	0
Забайкальский край, <i>в том числе:</i>	1	15	11	5	2	0
муниципальный район	1	14	11	4	1	0
городской округ	0	1	0	1	1	0
Красноярский край, <i>в том числе:</i>	0	19	26	8	6	3
муниципальный район	0	19	19	2	3	1
городской округ	0	0	7	6	2	2
Республика Бурятия, <i>в том числе:</i>	2	2	14	0	3	2
муниципальный район	2	2	13	0	2	2
городской округ	0	0	1	0	1	0
Республика Саха (Якутия), <i>в том числе:</i>	6	7	9	5	5	4
муниципальный район	6	7	9	5	5	2
городской округ	0	0	0	0	0	2
Республика Тыва, <i>в том числе:</i>	0	0	7	7	3	2
муниципальный район	0	0	7	6	3	1
городской округ	0	0	0	1	0	1
Республика Хакасия, <i>в том числе:</i>	0	0	7	4	2	0
муниципальный район	0	0	5	3	0	0
городской округ	0	0	2	1	2	0
Всего	12	52	95	32	26	12

Составлено автором

Интенсивное сокращение населения происходит в муниципальных районах Восточной Сибири, наиболее удаленных от административного центра (рис. 1).

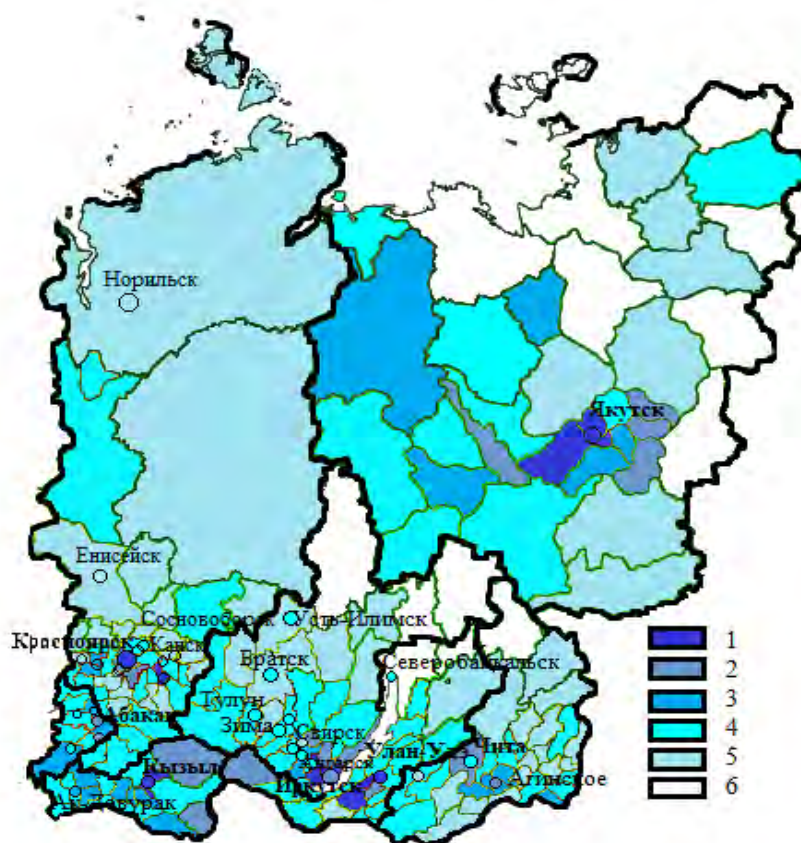

Рис. 1. Сокращение/увеличение численности населения муниципальных образований Восточной Сибири в период 1992–2017 гг. (%).

Составлено автором

- 1 – рост на 21 % и выше, 2 – рост на 1–20 %, 3 – сокращение населения до 10 %, 4 – сокращение населения на 11–30 %, 5 – сокращение населения на 31–50 %, 6 – сокращение населения более 50 %

По мере удаления от центра в периферийные районы уменьшается не только степень их заселенности, но ухудшается и транспортная доступность. С целью характеристики районов по транспортным условиям была выполнена их классификация, где учитывались все действующие железнодорожные пути общего пользования, автодороги федерального и регионального значения, местные автодороги с твердым покрытием, грунтовые дороги.

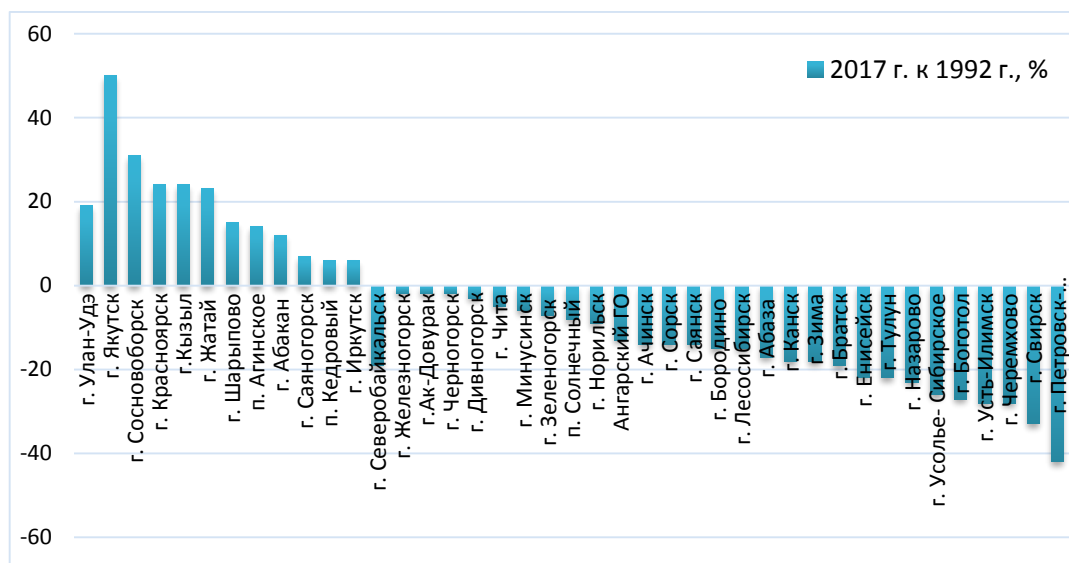

Рис. 2. Изменение численности населения городских округов регионов Восточной Сибири, 1992–2017 гг. (%). Составлено автором

По результатам характеристики была выполнена группировка районов по классу транспортной доступности (табл. 3). Всего было выделено 5 классов транспортных условий (от лучших к худшим).

Практически в каждом регионе (исключение – Хакасия) большинство районов имеют 4 класс транспортной доступности (всего – 78 районов, или 41,4 % территории). Удельный вес дорог с твердым покрытием от их общей протяженности в регионе колеблется от 3 до 100 %. В Республике Хакасия все районы распределились по 1–3 классам доступности. 45 районов имеют 1 класс транспортной доступности, что составляет 24 % и 23 района 2 класс доступности (12 %).

В первую группу не вошли районы Республики Тыва, во 2 группу – районы Якутии и Тывы. В пятую, наихудший класс транспортной доступности, вошли 20 районов, большая часть из которых относятся к Республике Саха. Отсутствуют железная дорога и дороги с твердым покрытием в Катангском районе Иркутской области; Тунгино-Олекминском районе Забайкальского края; Тоджинском, Монгун-Тайгинском и Тере-Хольском кожуунах республики Тыва (здесь более 60 % автодорог общего пользования не имеют твердого покрытия, что затрудняет круглогодичный проезд транспорта). Практически все районы Республики Саха, вошедшие в 5 класс транспортной доступности – районы арктической зоны. Более 85 % территории республики имеет сезонную транспортную доступность. Только 16 % населения проживает в зоне круглогодичного транспортного сообщения, около 25 районов из 34 не имеют надежной транспортной связи с центром республики и близлежащими районами.

Таблица 3.

Группировка муниципальных районов регионов Восточной Сибири по классу транспортной доступности (число районов)

Регион Восточной Сибири	1 класс – наличие железной дороги в сочетании с автодорогой федерального значения	2 класс – железная дорога в сочетании с региональными автодорогами	3 класс – отсутствие ж/д, наличие местных автодорог с твердым покрытием в сочетании с автодорогой федерального значения	4 класс – отсутствие железной дороги и наличие местных автодорог с твердым покрытием	5 класс – отсутствие железной дороги и автодорог с твердым покрытием
Забайкальский край	12	4	1	13	1
Иркутская область	12	5	0	14	1
Красноярский край	10	9	5	18	2
Республика Бурятия	5	3	2	11	-
Республика Тыва	-	-	5	9	3
Республика Хакасия	4	2	2	-	-
Республика Саха (Якутия)	2	-	6	13	13
Итого	45	23	21	78	20

Составлено автором

Выводы

Для регионов Восточной Сибири характерна ярко выраженная динамика системы расселения по линии «центр-периферия». Такая динамика складывается в пользу центра, что снижает потенциал развития районов и городов, удаленных от административного центра региона.

Согласно демографическому подходу, где периферийность определялась по такому показателю, как динамика численности населения, можно выделить периферию региона и отнести к ней районы, для которых характерно сокращение населения более 50 % – всего 12 районов. Кроме того, географически ряд таких районов являются удаленными от административного или крупного экономического центра своего региона. Также для районов характерен показатель «транспортной доступности» 4 и 5 класса. Однако среди выделенных районов периферии есть промышленные районы, поэтому для наиболее полного и точного определения их типа периферийности необходимо исследовать регионы согласно экономическому подходу.

Самую многочисленную и самую неоднородную по внутреннему составу группу составляют муниципальные образования, образующие «ядро периферии». Это освоенные районы, их внутренняя дифференциация зависит от влияния агломерационного эффекта и разной структуры экономики.

Вместе с тем число методов ограничено, они нацелены преимущественно на решение задач глобального уровня для заданных систем городов и стран. Глубокого осознания масштабов и проблем российской внешней и внутренней периферии на федеральном и региональном уровнях не произошло, как нет и осмысленной региональной политики государства в отношении периферийных районов. Внутрирегиональный уровень анализа по-прежнему остаётся малоисследованным.

Литература

1. Friedmann J. Regional development policy. Boston: Mass. Inst. Techn. 1966.
2. Родоман Б. Б. Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях // Российская глубинка – модели и методы изучения. Сборник статей. М., Эслан, 2012 г. С. 41–49.
3. Колесников Н. Г. Приграничность и периферийность как факторы экономического развития региона // Север и рынок. Формирование экономического порядка. 2012. Т. 3. № 31. С. 117.

Khamina N. V.

Identification of intra-regional periphery (on the example of the regions of Eastern Siberia)

Irkutsk State University, Pedagogical Institute, Russian Federation, Irkutsk
e-mail: natageo18@yandex.ru

Abstract. *The paper considers processes in the system of settlement of Eastern Siberia, an attempt is made to identify the intraregional periphery on the basis of a "demographic" approach. For this purpose, based on the statistical material developed by the state statistics bodies in the context of municipalities in the period 1992-2017, and the analysis of the results, was carried a grouping of municipalities to by indicator reduce or increase the population.*

Key words: *center-periphery, intra-regional level, differentiation, populations, transport accessibility, region, East Siberia.*

References

1. Friedmann J. Regional development policy. Boston: Mass. Inst. Techn. 1966 (in English).
2. Rodoman B. B. Rossijskaya vnutrennyaya periferiya: vzglyad v raznyh priblizheniyah, na raznyh urovnyah // Rossijskaya glubinka — modeli i metody izucheniya. Sbornik statej. M., EHslan, 2012 g., s. 41-49 (in Russian).
3. Kolesnikov N. G. Prigranichnost' i periferijnost' kak faktory ehkonomicheskogo razvitiya regiona // Sever i rynok. Formirovanie ehkonomicheskogo poryadka. 2012. T. 3. № 31. S. 117-120 (in Russian).

Поступила в редакцию 25.06.2018 г.

УДК 911.3.63

Чаплыгина О. Г.

Экспорт и импорт российской сельскохозяйственной продукции и продовольствия: современные стороны развития

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Курск
e-mail: ogchaplygina@mail.ru

Аннотация. В современных условиях агропромышленный комплекс России имеет положительные показатели в развитии. Рост объемов производства позволил увеличить экспорт, сократить импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. России удалось восстановить статус страны – экспортёра аграрной продукции. Динамичное развитие свойственно растениеводству, однако отрасли животноводства находятся в сложном положении. Особо выделяется Россия по сбору и вывозу зерна, в том числе пшеницы. Среди территорий по объемам экспорта лидируют Центральный, Северо-Западный, Южный и Дальневосточный федеральные округа. Из числа субъектов по этому показателю выделяются Ростовская область, Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург, а также Приморский край. Крупными потребителями импорта являются высокоурбанизированные территории. Имеют место изменения в географии партнерских связей. Взят курс на развитие контактов с развивающимися государствами регионов мира. В странах СНГ создаются условия для усиления связей в пределах зоны Евразийского экономического союза.

Ориентирование на импортозамещение способствует созданию условий для дальнейшего развития отечественного сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Безусловно, есть резервы роста производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья, повышения конкурентоспособности продукции АПК. Однако достижение этой цели требует решения комплекса задач. Направление может быть реализовано при условии объединенных усилий государства и регионов, крупного, среднего и малого секторов агропромышленного производства.

Последующее улучшение социально-экономического положения в отраслях АПК будет способствовать повышению продовольственной обеспеченности России, формированию устойчивого внутреннего рынка и укреплению позиций страны на мировом агропродовольственном рынке.

Ключевые слова: сельское хозяйство, экспорт, импорт, отрасль, продовольствие, сельскохозяйственное сырье, регион.

Введение

Одним из ведущих звеньев российской экономики является АПК, основа которого – сельское хозяйство. От уровня функционирования и состояния сельскохозяйственного производства в значительной степени зависит развитие и укрепление экономики России, ее регионов. Именно данная отрасль обеспечивает потребности населения в продуктах питания, а промышленности – в сырье; создает основу обеспечения продовольственной безопасности страны и ее территорий [1].

Главной отраслью аграрного сектора является растениеводство, на долю которого приходится 56 % объёма сельхозпроизводства страны, удельный вес животноводства – 44 %. В производстве аграрной продукции доминируют сельскохозяйственные организации – 53 %, на долю хозяйств населения приходится 35 %, фермеров – 12 % [2].

Россия обладает крупнейшим сельскохозяйственным потенциалом: в нашей стране сосредоточено 9 % обрабатываемых земель, 50 % черноземов планеты. Природно-климатическое разнообразие позволяет выращивать широкий спектр продовольственных и технических культур, видов сельскохозяйственных животных и, следовательно, удовлетворять запросы разных групп потребителей. Характерны выгодное географическое положение и логистическая доступность ключевых рынков продовольствия [3]. Эти преимущества, наряду с благоприятными социально-экономическими условиями, способствовали проявлению положительных тенденций в развитии сельского хозяйства, что сказалось на увеличении объемов производства сельскохозяйственной продукции. А это, в свою очередь, позволило осуществлять ее экспорт.

Цель работы – выявить современные тенденции, характерные для развития экспорта и импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья Российской Федерации.

Материалы и методы

В работе использованы статистические данные по развитию сельского хозяйства Российской Федерации за период 2000–2016 гг. Выявлены общие тенденции и территориальные различия в экспорте продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

Результаты и обсуждение

Восстановление Россией утраченных ранее позиций страны-экспортера укрепило ее положение на мировом продовольственном рынке. Сохранение и усиление данной стороны является важной задачей государственного уровня. Это нашло отражение в разработке и последующей реализации приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК», который интегрирован постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2017 г. в Государственную программу развития сельского хозяйства.

Общий объем экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья России достиг в 2016 г. 17 млрд долларов. Имеет место увеличение данного показателя в российском экспорте товаров до 6 %, тогда как в 2000 г. он составлял 1,6 % [4] (рис. 1).

В структуре экспорта российской агропродовольственной продукции в 2016 году 18 % пришлось на рыбу, 41 % – на продукцию сельского хозяйства (в основном зерно), 41 % – на продукцию пищевой промышленности [5].

В настоящее время Российская Федерация стала крупной зернопроизводящей территорией, по поставкам пшеницы занимает первое место среди стран мира. Однако основной экспортный товар российского АПК – зерно – занимает в общей торговле в мире лишь 6 %. Потребителями данной статьи экспорта являются более чем 80 государств мира (Египет, Йемен, Иран, Ливия, Израиль, ЮАР и другие).

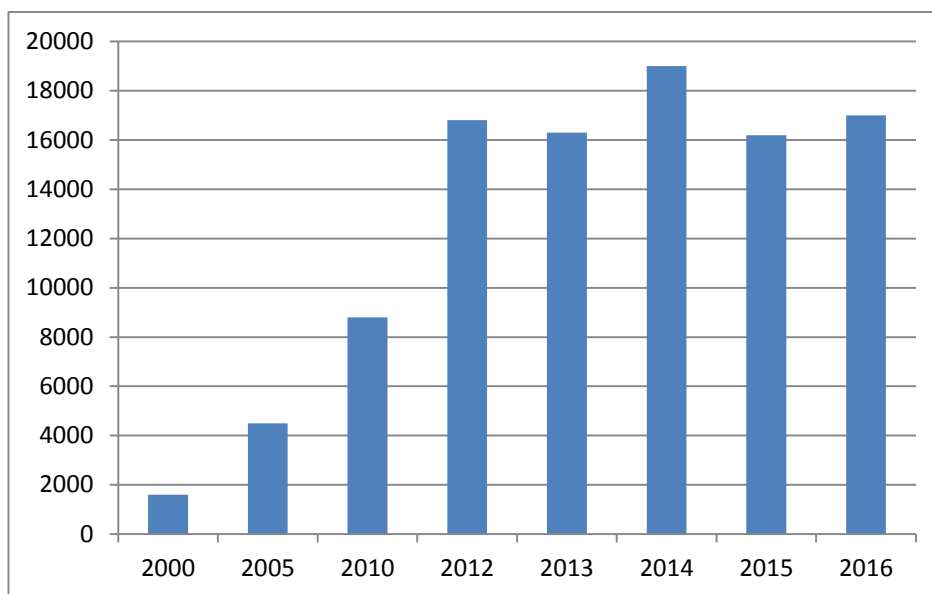

Рис. 1. Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья России, 2000–2016, млн долл. *Составлено автором*

Удельный вес страны по вывозу рыбы и масла растительного составляет менее 3 %, мяса – менее 1 %. В целом доля РФ в мировом экспорте пока остается незначительной (рис. 2). Крупнейшие мировые экспортеры по итогам 2016 г. – США и Евросоюз (более 130 млрд долл.), а также Бразилия и Китай (свыше 60 млрд долл.).

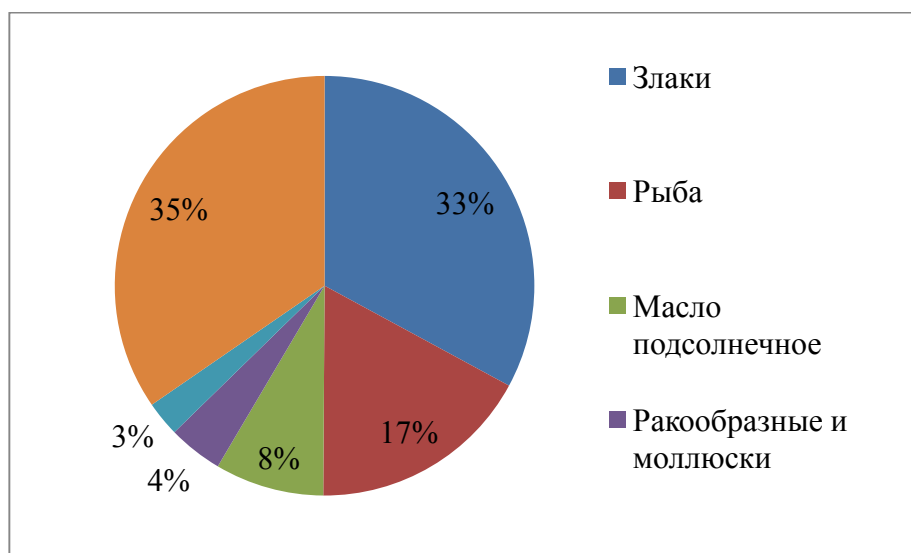

Рис. 2. Структура экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья России (кроме текстильного), 2016. *Составлено автором*

В ближайшие десять лет темпы прироста мировой торговли будут снижаться. Так, наибольший спад ожидается по свинине. Если за период 2000–2015 гг. объем экспорта этого товара в мире увеличился на 41 %, то в 2016–2026 гг. рост торговли свининой не превысит 1 %. Заметно сократятся темпы прироста по пшенице – с 68 % до 10 % и мясу птицы – с 60 % до 14 %.

Российский экспорт сельскохозяйственной продукции в страны дальнего зарубежья в 2016 г. составил 12,9 млрд долл. (в 2000 г. – 884 млн долл.). Доля продовольственных товаров и сырья в структуре вывоза в эту группу стран достигла 5,2 % против 1 % в 2000 г. По стоимостному выражению основными экспортными продуктами являются злаки, рыба, масло подсолнечное.

В составе экспорта в страны СНГ удельный вес продовольственных товаров и сырья из России в 2016 г. составил 11,1 % (в 2000 г. – 5,3 %). По сравнению с 2000 г. стоимостные объемы поставок этих товаров увеличились с 739 до 4197 млн долл. За этот же период наибольший рост физического объема экспорта был характерен для пшеницы, картофеля. Стоит отметить и экспорт мяса птицы, который в 2016 г. составил почти 65 тыс. тонн. При этом снизились поставки муки пшеничной в 3,5 раза, сахара белого в 2 раза, масла сливочного на 30 %, молока и сливок сгущенных на 22 %.

Импорт России увеличился в 3,4 раза в стоимостном выражении – с 7,4 млрд до 25 млрд долларов. В 2010–2013 гг. отмечался рост ввоза, с 2014 г. произошло снижение (рис. 3). Это связано с ростом производства собственного продовольствия, а также со снижением курса российского рубля и соответствующим удорожанием импорта, некоторым сокращением душевого потребления ряда продуктов вследствие снижения доходов населения [5].

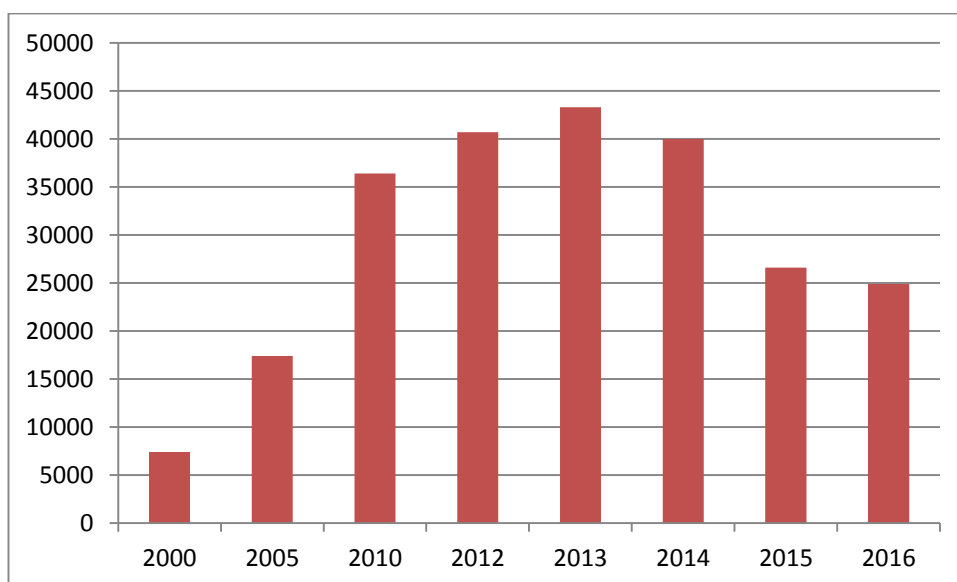

Рис. 3. Импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья России, 2000–2016, млн долл. *Составлено автором*

При этом удельный вес продовольствия и сельскохозяйственного сырья в российском импорте сократился с 21,8 % до 13,7 %. В товарной структуре ввоза основными продуктами являются мясо свежее и мороженое (8,4 %), алкогольные и безалкогольные напитки (7,3 %), цитрусовые плоды (4,7 %), бананы и рыба (около 4 %) (рис. 4).

В физическом объеме среди основных товарных групп наибольший рост показали алкогольные и безалкогольные напитки: пиво солодовое – в 8,5 раз, вина виноградные – в 13 раз, крепкие спиртные напитки – почти в 25 раз, также цитрусовые и бананы – в 3,5 раза и 2,5 раза соответственно.

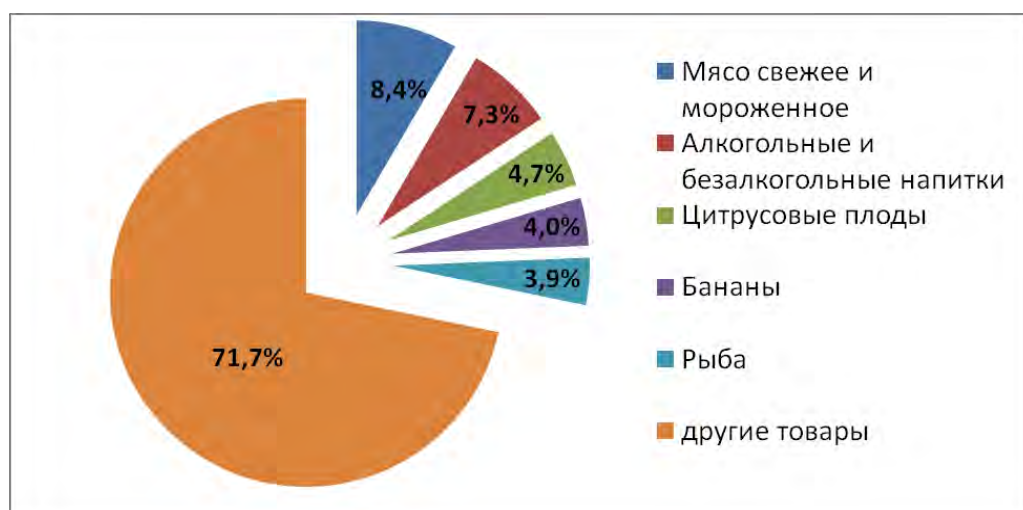

Рис. 4. Структура импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного), 2016. Составлено автором

Некоторые изменения произошли и в географии импорта: доля стран СНГ уменьшилась с 28 % до 18,4 %.

Изменение баланса во внешнеторговом обороте продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в пользу экспорта связано с динамичным развитием сельского хозяйства в России. Если в 2000 г. удельный вес экспорта в обороте составил 18 %, то в 2016 г. – уже 40 %. Такая тенденция отражается и в увеличении доли вывозимой сельскохозяйственной продукции в общем экспорте, что положительно сказывается на диверсификации экспортных доходов страны.

Специализация различных регионов страны на производстве продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности отражается на качестве и объемах внешнеторговых потоков продовольствия, которые формируются под воздействием группы природных и социально-экономических факторов на определенном этапе развития хозяйства территории.

В разрезе федеральных округов (ФО) лидерами по внешнеторговому обороту сельскохозяйственной продукции в России являются Центральный (16 985 млн долл.), Северо-Западный (9 876 млн долл.) и Южный (7 808 млн долл.). На долю этих территорий приходится 82,3 % данного внешнеторгового оборота (рис. 5).

Первое место Центральному федеральному округу обеспечивают в первую очередь экспортные и импортные показатели г. Москвы и Московской области. В сумме внешнеторговый оборот сельскохозяйственной продукции этих субъектов равен 13,4 млрд долл., или практически трети (31,8 %) от всего внешнеторгового оборота РФ. Сальдо внешнеторгового оборота Центрального ФО имеет отрицательное значение (-8 274 млн долл. США), то есть доля импортной продукции в обороте составляет около 75 % (рис. 6, 7, 8).

Сходная ситуация отмечается в Северо-Западном ФО, где лидерами являются г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. Сальдо внешнеторгового оборота имеет те же проявления, что и в Центральном федеральном округе. Необходимо отметить и Калининградскую область, являющуюся одним из важнейших транспортно-торговых узлов России, доля которой во внешнеторговом обороте продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья Северо-Западного округа достигает 28 %.

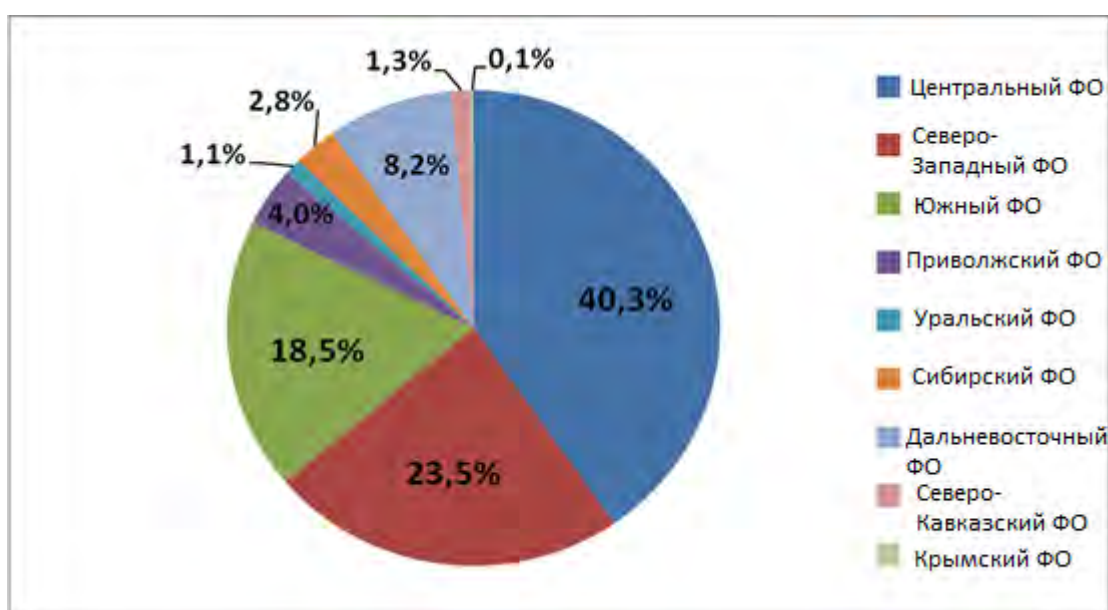

Рис. 5. Удельный вес внешнеторгового оборота продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) федеральных округов России, 2016. Составлено автором

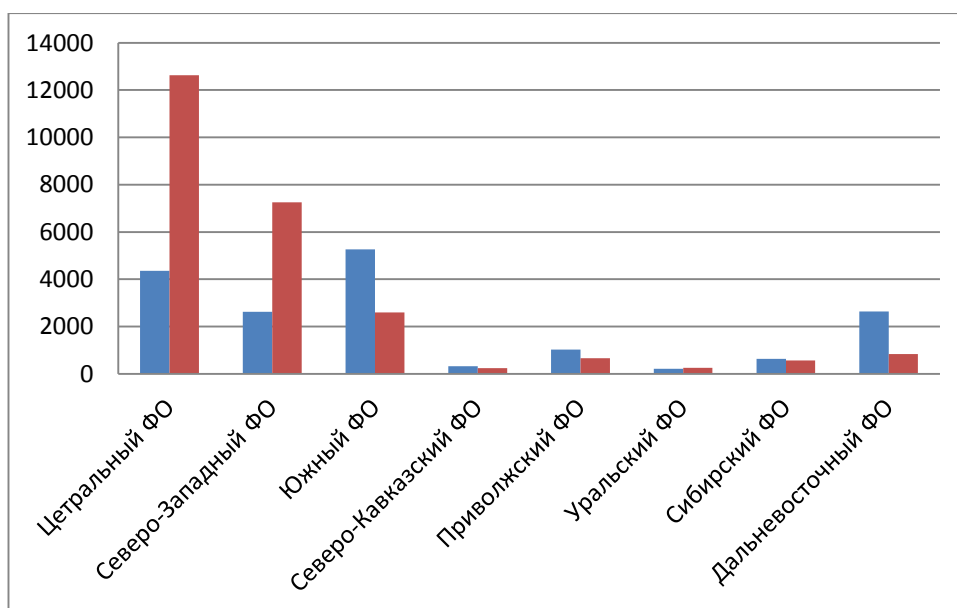

Рис. 6. Экспорт и импорт агропродовольственной продукции федеральных округов Российской Федерации, 2016, млн долл. Составлено автором

Доля Южного федерального округа в общем экспорте РФ продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья достигает 30 %. Товарную основу экспорта преимущественно составляют злаки и масла животного или растительного происхождения. Сальдо торгового баланса Южного ФО в 2016 г. было положительным и составило 2,7 млрд долл. Главными регионами – экспортерами сельскохозяйственной продукции страны и ЮФО являются Ростовская область и Краснодарский край,

которые выделяются высоким уровнем развития АПК, что связано с благоприятными природными, социально-экономическими условиями (в т. ч. развитой торгово-транспортной инфраструктурой).

Рис. 7. Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) субъектов Российской Федерации, 2016, млн долл. *Составлено автором*

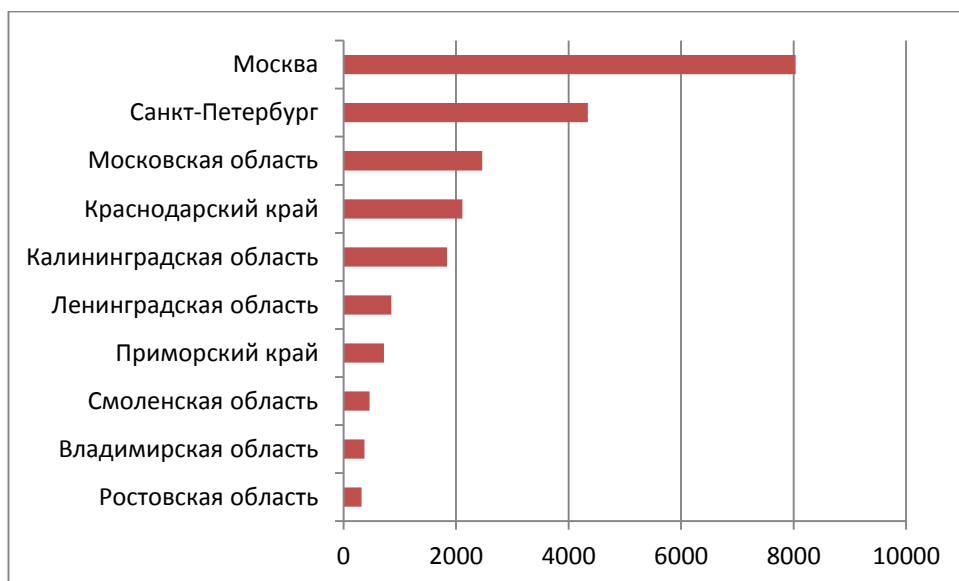

Рис. 8. Импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) субъектов Российской Федерации, 2016, млн долл. *Составлено автором*

Существенный перевес экспорта над импортом во внешнеторговом обороте наблюдается и в Дальневосточном федеральном округе. Вывоз рыбы, ракообразных и моллюсков в страны Азиатско-Тихоокеанского региона позволил этому региону иметь положительное сальдо торгового баланса в 2016 г. в размере 1,8 млрд долл.

Наибольший вклад в объемы внешней торговли вносят Приморский, Камчатский края и Сахалинская область.

Выводы

Таким образом, на фоне улучшения ситуации в АПК России проявили себя положительные тенденции роста экспорта и снижения импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Позиции страны укрепились в вывозе зерна. В связи с выгодными природными, социально-экономическими факторами (в том числе экономико-географическим положением) основная часть внешнеторгового оборота продовольствия и сельскохозяйственного сырья приходится на федеральные округа Европейской части РФ. В восточных районах следует отметить Дальневосточный ФО. При этом наблюдаются существенные региональные различия в экспортно-импортных показателях субъектов страны, что связано с дифференциацией в уровне социально-экономического развития территорий.

Реализация федеральных и региональных программ развития отраслей АПК, инновационное развитие этого сектора экономики будут способствовать повышению конкурентоспособности аграрной продукции на внутреннем и внешнем рынках, формированию эффективной системы продовольственного обеспечения территорий, устойчивому развитию сельской местности [6].

Литература

9. Чаплыгина О. Г. Продовольственная безопасность России: критерии и подходы // Научные основы стратегии развития АПК и сельских территорий в условиях ВТО. Волгоград, 2014. С. 333–335.
10. Российский статистический ежегодник. 2017: Р76: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 686 с.
11. Петраков А. В. Развитие экспортной продукции Российского АПК: проблемы и решения // Экспортный потенциал АПК России: состояние и перспективы. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2017. С. 3–4.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.
13. Булатов Д. С. Как развивается российский экспорт продовольствия // Пищевая промышленность. 2018. № 4. С. 30–32.
14. Чаплыгина О. Г., Чаплыгина Т. А. Продовольственная обеспеченность как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Курской области) // Развитие регионов в XXI веке: материалы II Междунар. науч. конф. Владикавказ, 2017. С. 195–198.

Chaplygina O. G.

Export and import of Russian agricultural products and food: current trends of development

Kursk State University, Russian Federation, Kursk
e-mail: ogchaplygina@mail.ru

Abstract. *In current conditions of agricultural complex of Russia shows positive trends in development. The growth of production has allowed to increase export and to reduce*

import of food products and agricultural raw materials. Russia managed to restore the status of the country-exporter of agricultural products. However, the dynamic development is characteristic of crop production, livestock industries are in a difficult position. Our country is stood out in the collection and export of grain, including wheat. Central, Northwestern, Southern and Far Eastern Federal districts are the leaders among the territories of export. Among the regions there are Rostov region, Moscow, Krasnodar Territory, St. Petersburg, Primorye Territory. Highly urbanized areas are major consumers of import. There are changes in geography of partnerships. The course is determined to develop contacts with developing countries of world regions. CIS creates conditions to strengthen the links within the Customs Union zone.

Orientation to import substitution contributes to the creation of conditions for the further development of domestic agriculture and processing industry. Of course, there are reserves for growth of food production and agricultural raw materials, increasing the competitiveness of agricultural products. However, achieving this goal requires the solution of a range of problems. This can be realized with the joint efforts of the state and regions, large, medium and small sectors of agricultural production.

Key words: *agriculture, export, import, industry, food, agricultural raw materials, a region.*

References

1. Chaplygina O. G. Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii: kriterii i podhody // Nauchnye osnovy strategii razvitiya APK i sel'skih territorij v usloviyah VTO. Volgograd, 2014. S. 333–335 (in Russian).
2. Rossijskij statisticheskiy ezhegodnik. 2017: R76:stat. sb. / Rosstat. M., 2017. 686 s. (in Russian).
3. Petrakov A. V. Razvitie eksportnoj produkcii Rossijskogo APK: problemy i resheniya // Eksportnyj potencial APK Rossii: sostoyanie i perspektivy. M.: VIAPI im. A. A. Nikonova, 2017. S. 3–4 (in Russian).
4. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: R32: stat. sb. / Rosstat. M., 2017. 1402 s. (in Russian).
5. Bulatov D. S. Kak razvivaetsya rossijskij eksport prodovol'stviya // Pishchevaya promyshlennost'. 2018. N 4. S. 30–32 (in Russian).
2. CHaplygina O. G., CHaplygina T.A. Prodovol'stvennaya obespechennost' kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti regiona (na primere Kurskoj oblasti) // Razvitie regionov v HKHI veke: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Vladikavkaz, 2017. S. 195–198 (in Russian).

Поступила в редакцию 22.06.2018 г.

УДК332.145:339.56
Шайхутдинов Ф. М.¹
Мальганова И. Г.

Разработка оптимального прогнозного сценария внешней торговли Республики Татарстан до 2020 года

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, г. Казань
e-mail: ¹fann26_12_96@mail.ru

Аннотация. В работе проанализированы ключевые факторы, отрицательно повлиявшие на внешнеэкономическую деятельность Республики Татарстан в 2014–2016 гг. Выявлена специфика ряда методов прогнозирования внешней торговли региона. На основе математического моделирования составлен оптимальный прогнозный сценарий внешней торговли Республики Татарстан до 2020 года.

Ключевые слова: Республика Татарстан, внешнеэкономическая деятельность, регион, прогнозирование.

Введение

Ежедневно в мире происходят геополитические события, напрямую или косвенно оказывающие влияние на нашу страну. С учетом тенденции глобализации мнение о том, что эти события не влияют на отдельные субъекты страны, будет ошибочным.

Как известно, события, произошедшие в 2013–2015 годах, привели к валютному кризису в Российской Федерации. Ухудшилось состояние экономики, снизилось качество жизни граждан страны. Основным источником дохода России – нефть – подешевела, курс доллара по отношению к рублю достиг максимальных отметок, были введены множество различных санкций со стороны стран Европы и США, страна потеряла важного торгового партнера – Украину.

Республика Татарстан как субъект РФ ощутила все эти негативные последствия. Среди основных причин последовавших событий – сырьевая зависимость республики, примерно 70 % всего экспорта которой приходится на сырую нефть. Обвал курса рубля заметно снизил стоимостные объемы экспорта и импорта Татарстана. Санкции многих западных стран еще больше осложнили ситуацию. В процессе разработки концепции внешнеэкономической деятельности Республики Татарстан от 16 ноября 2009 года явно не рассматривался такой ход событий [1].

Цель данного исследования заключалась в разработке оптимального прогнозного сценария внешнеторгового оборота Республики Татарстан до 2020 года с учетом внешних факторов.

Материалы и методы

Проблема прогнозирования внешней торговли подробно рассмотрена в «Статистическом анализе и методах прогнозирования показателей внешней

торговли России», где авторы выявляют плюсы и минусы основных методов прогнозирования:

- индивидуальные и коллективные экспертные оценки;
- экстраполяция;
- логическое и математическое моделирование [2].

А. Д. Левашенко и А. Н. Соколянская отмечают, что в рамках проекта NAEC (New Approaches to Economic Challenges) в феврале 2014 года был выпущен доклад «Прогнозы ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) во время и после финансового кризиса» (OECD forecasts during and after the financial crisis: a post mortem), где была проведена оценка и анализ ошибок ОЭСР в прогнозировании роста ВВП стран – членов и ключевых партнеров. Данный опыт привел к ряду изменений в процедурах прогнозирования ОЭСР. Ошибки таких больших организаций еще раз доказывают сложность прогнозирования внешнеэкономической деятельности [3].

Наш прогноз составлялся на основе метода «случайного блуждания».

В основу данного метода положен подход, не связанный с использованием жесткой структуры модели и серьезными требованиями к объему априорной информации. Сущность метода заключается в представлении используемого для прогнозирования динамического ряда в качестве определенным образом ориентированного процесса случайного блуждания. При этом значение изменяющегося параметра объекта прогнозирования для каждого момента времени на периоде ретроспекции можно представить в виде:

$$y_i = y_{i-1} + e_{i-1} \quad (i = 1, 2, \dots, N), \quad (1)$$

где y_i – значение динамического ряда (ДР) в i -й момент времени (например, год) периода ретроспекции; в терминах ДР – уровень ряда; y_{i-1} – значение (уровень) ДР в предыдущий момент времени; e_{i-1} – приращение переменной объекта прогнозирования в i -й момент времени по сравнению с предыдущими; N – число значений ДР или его мощность: $|Y| = N$, где $Y = \{y_i\}$ – ДР как статистическая совокупность его уровней, упорядоченных по времени.

Поскольку сам процесс прогнозирования можно представить в виде двух периодов – периода ретроспекции T_r в виде имеющегося ДР и периода упреждения T_u (оперативное – до года, краткосрочное – примерно 1 год, среднесрочное – до 5 лет, долгосрочное – до 10 лет, дальнесрочное – свыше 10 лет), заметим, что чем больше соотношение (T_r / T_u) , тем значение прогноза при прочих равных условиях будет достовернее. При этом важно, чтобы период ретроспекции T_r носил в целом одинаковый причинный (факторный) характер: ведь мы определяем характер случайного приращения «е» как продолжение тех же условий, при которых формировались значения уровней ДР на ретроспективном, предшествующем собственно прогнозированию, периоде T_r . Поэтому в широком смысле данный вид прогноза является экстраполяционным.

А поскольку приращения «е» носят случайный характер, для них можно определить вид закона распределения и его параметры. При этом необходимо учесть характер зависимости последующих приращений от предыдущих. Предполагается, что в период упреждения характер изменений ДР сохраняется.

Тогда, используя характеристики приращений, метод статистических испытаний, можно применить для моделирования приращений в период упреждения прогноза.

Значение единичной реализации прогноза на каждом последующем шаге прогнозирования будет

$$x_j = x_{j-1} + e_j \quad (2),$$

(j = 1, 2, ..., M),

где j – номер шага на периоде упреждения T_y; M – число шагов на периоде упреждения T_y; x_{j-1} – значение переменной объекта прогнозирования на предыдущем шаге; e_j – моделируемое значение приращения на j – м шаге.

Производя данную процедуру до момента упреждения, получим значение точечного прогноза

$$x_{\text{пр}} = yN + \sum_{j=1}^M e_j \quad (3),$$

где x_{пр} – точечный прогноз на M – й период упреждения; yN – конечное значение ДР.

При разыгрывании данной процедуры (3) многократно образуется совокупность случайных значений точечного прогноза. По полученной выборке значений x_{пр} определяется среднее значение прогноза и его дисперсия:

$$x_{\text{пр}} = yN + \frac{1}{k} \sum_{k=1}^k \sum_{j=1}^M e_{jk} \quad (4),$$

$$\sigma_{\text{пр}}^2 = \frac{1}{k-1} \sum_{k=1}^k (x_{\text{пр}k} - x_{\text{пр}})^2 \quad (5),$$

где k – число реализаций точечного прогноза; e_{jk} – разыгрываемое значение приращения на j – м шаге периода упреждения T_y в k – й реализации точечного прогноза; x_{пр k} – значение k – й реализации точечного прогноза, определяемого по зависимости (4).

Таким образом, процедура прогнозирования сводится к многократной имитации приращений на периоде упреждения и к последующему определению статистических характеристик (среднего и дисперсии) реализаций точечного прогноза.

И если соотношение (1) характеризует общую постановку вопроса, то выражения (2) – (5) показывают реализацию рассматриваемого метода для случая репрезентативных выборок. Поэтому при наличии репрезентативной выборки приращений моделирование можно осуществить в соответствии с определенным по этой выборке эмпирическим законом распределения приращений.

Важно и следующее дополнение: для коротких ДР можно применить допущение о нормальности отклонений значений ДР от тренда. При этом допущении плотность распределения приращений также является нормальной.

При наличии на периоде ретроспекции малого объема (короткие ДР) для моделирования приращений целесообразно использовать двумерное нормальное распределение. Отметим также, что двумерная плотность вероятности зависит от

пяти параметров: e^- , e^+ , σ^- , σ^+ , r – случайных значений – математических ожиданий и среднеквадратических отклонений предыдущих и последующих приращений переменной объекта прогнозирования, а также коэффициента корреляции r последующих приращений на предыдущие. При этом очевидно, что одно и то же приращение в зависимости от того, относительно какой точки оно рассматривается, может быть как предыдущим, так и последующим. Однако первое приращение является только предыдущим. В частности, для реализации метода для такого рода ДР необходимо наличие в алгоритме обработки исходной информации датчика случайных чисел как элемента системы статистических испытаний [4].

Итак, при наличии на периоде ретроспекции малого объема (весьма короткого ДР) в конечном итоге необходима реализация специального алгоритма с использованием датчика нормированных нормально распределенных случайных чисел. При принятом допущении о нормальности распределения приращений используется нормализующее преобразование Фишера [4, с. 193–195].

Прогнозирование является важной составляющей научно-исследовательской работы. Составляется оно для более наглядного представления состояния исследуемого объекта в будущем.

Для составления прогноза внешнеторгового оборота Республики Татарстан до 2020 года был использован метод «случайного блуждания». Состояние внешнеэкономической деятельности региона зависит от многих причин. Использование экстраполяционных методов без учета политических, экономических факторов могут привести к значительным отклонениям в прогнозах. Поэтому прогнозирование экспорта, импорта и внешнеторгового оборота РТ до 2020 года предполагает следующие шаги:

- перевести стоимостные объемы экспорта и импорта 2007–2017 годов на курс доллара 2007 года. Так можно увидеть реальный рост/снижение объемов внешней торговли. На основе полученных данных сделать прогноз до 2020 года;
- сделать прогноз курса доллара до 2020 года на основе данных 2007–2017 годов;
- спрогнозировать цены на нефть до 2020 года на основе данных 2007–2017 годов;
- Сделать прогноз доли минеральных продуктов в экспорте региона до 2020 года;
- полученный прогноз импорта и экспорта перевести на спрогнозированный курс доллара;
- на основе прогнозов доли минеральных продуктов и цен на нефть выбрать оптимальный вариант прогноза.

Все статистические данные для вычислений были взяты из статистических ежегодников Республики Татарстан и таможенной статистики РТ за 2017 год [5–11].

Результаты и обсуждение

Рассмотрим полученные экстраполяционные прогнозы средствами авторской программы вероятностного метода «случайного блуждания» в форме МО

(математическое ожидание) \pm с.к.о. (среднее квадратическое отклонение, сигма)¹⁸. При этом с.к.о. было умножено на 2, так как одна σ охватывает только примерно 68 % всех возможных отклонений по кривой распределения Гаусса (нормальный закон распределения), а требуется достоверность не менее чем с 5 %-ой ошибкой. Тогда две сигмы (из закона «трех сигм» охватывают уже 0,954 вероятности в относительных единицах (т. е. 95,4 %) [12, с. 484].

Курс доллара в рублях:

- на 2018 г. – 62,4189 \pm 6,2954;
- на 2019 г. – 65,4283 \pm 7,174;
- на 2020 г. – 62,2445 \pm 9,4012.

Цена за баррель нефти, в долларах США:

- на 2018 г. – 54,87 \pm 17,14;
- на 2019 г. – 52,36 \pm 19,54;
- на 2020 г. – 49,33 \pm 25,6.

Доля минеральных продуктов в экспорте, в %:

- на 2018 г. – 74,27 \pm 1,62;
- на 2019 г. – 73,79 \pm 1,84;
- на 2020 г. – 73,25 \pm 2,4.

Экспорт по курсу доллара 2007 года, в долларах США:

- на 2018 г. – 31467048,00 \pm 2499775;
- на 2019 г. – 32970684,04 \pm 2848666,22;
- на 2020 г. – 34397652,21 \pm 3733090,18.

Импорт по курсу доллара 2007 года, в долларах США:

- на 2018 г. – 9550424,244 \pm 574533,116;
- на 2019 г. – 10227411,461 \pm 654720,16;
- на 2020 г. – 10886777,799 \pm 857990,796.

Полученные прогнозы экспорта и импорта переводим на спрогнозированные курсы доллара. Для оптимального варианта прогноза перевод осуществляется без учета среднего квадратического отклонения для импорта, то есть берется только математическое ожидание. По прогнозам большая доля экспорта к 2020 году будет принадлежать также минеральным ресурсам, к тому же наблюдается рост цен на нефть. Поэтому для экспорта был выбран вариант с высокими показателями прогноза (МО + с.к.о.). Итоговые результаты можно видеть на рисунках 1, 2, 3.

Таким образом, расчеты авторов показали, что наиболее оптимальный прогноз внешнеторгового оборота Республики Татарстан на 2020 год – 20 262 129,01 тысяч долларов США. Из них 15 761 915,71 тыс. долларов – экспорт, 4 500 213,3 – импорт.

¹⁸ Примечание: в расчетах прогнозов использовалась авторская компьютерная модель доц. КФУ А. М. Шихалёва для построения краткосрочных прогнозов именно коротких динамических рядов. – *Авт.*

Рис. 1. Прогнозируемые объемы экспорта Республики Татарстан до 2020 года.
Составлено авторами

Рис. 2. Прогнозируемые объемы импорта Республики Татарстан до 2020 года.
Составлено авторами

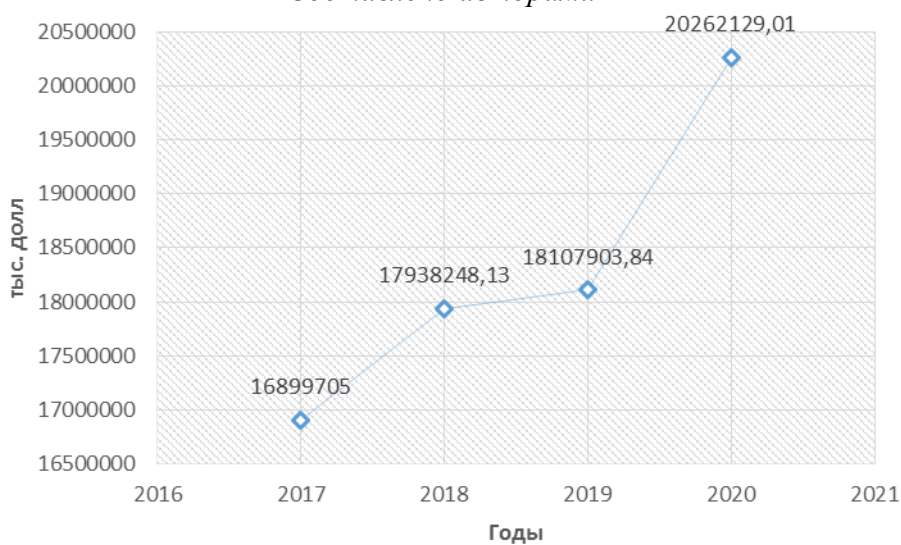

Рис. 3. Прогнозируемые объемы внешнеторгового оборота Республики Татарстан до 2020 года.
Составлено авторами

Выводы

Прогнозировать внешнеэкономическую деятельность региона довольно сложно, так как надо рассматривать всю совокупность факторов. Геополитическая атмосфера в мире изменчива, что сказывается и на состоянии внешнеэкономической деятельности регионов России. Это прослеживается и в самих прогнозах экспорта, импорта, курса доллара и других показателей: каждый прогноз имеет три варианта развития событий, следовательно, два показателя могут комбинироваться девятью способами. Однако при сохранении сегодняшних тенденций полученный в этой работе оптимальный прогноз можно считать наиболее приближенным к действительности.

Методику прогнозирования внешней торговли Республики Татарстан можно еще более усовершенствовать, если:

1. найти натуральные объемы экспорта сырой нефти;
2. спрогнозировать натуральные объемы до требуемого года;
3. перевести на прогнозируемый курс доллара;
4. суммировать полученные прогнозы экспорта нефти и несырьевых продуктов.

Из прогноза, составленного в работе, протекает следующий важный вывод: прогнозировать внешнеэкономическую деятельность следует только с учетом всех факторов: цены на нефть, курс доллара, политическая атмосфера в мире и др. При этом стоит отметить, что прогноз будет более приближенным к реальному, если прогнозировать все факторы по отдельности.

Литература

1. Концепция внешнеэкономической деятельности Республики Татарстан. 2009. 35 с.
2. Глебкова И. Ю., Качанова Н. Н. Статистический анализ и методы прогнозирования показателей внешней торговли России // «Инновации и инвестиции» № 7. 2013. С. 162–164.
3. Левашенко А. Д., Соколянская А.Н. Макроэкономическое прогнозирование ОЭСР для эффективной внешнеэкономической деятельности // Российский внешнеэкономический вестник. 3. 2015. С. 36–45.
4. Мартыщенко, Л. А., Филюстин Л. Е., Голик Е. С., Клавдиев А. А. «Военно-научный исследования и разработка вооружения и военной техники. Часть I». М.: Министерство обороны РФ, 1993. 301 с.
5. «Статистический ежегодник Республики Татарстан 2003». 2004г. С. 316–342.
6. «Статистический ежегодник Республики Татарстан 2006». 2007 г. С. 380–410.
7. «Статистический ежегодник Республики Татарстан 2008». 2009 г. С. 469–491.
8. «Статистический ежегодник Республики Татарстан 2011». 2012 г. С. 457–478.
9. «Статистический ежегодник Республики Татарстан 2014». 2015 г. С. 44–472.
10. «Статистический ежегодник Республики Татарстан 2016». 2017 г. С. 427–454.
11. «Таможенная статистика внешней торговли Республики Татарстан 2017». 2018 г. 304 с.

12. Пискунов Н. С. Дифференциальное и интегральное исчисления для втузов, т. 2: Учебное пособие для вузов. 13-е изд. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1985. 560 с.

Shaykhutdinov F. M.¹
Malganova I. G.

Development of the optimum forecast scenario for foreign trade of the Republic of Tatarstan until 2020

Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation, Kazan,
e-mail: ¹fann26_12_96@mail.ru

Abstract. The events that took place in 2013-2015 led to a currency crisis in the Russian Federation. The state of the economy has worsened, the quality of life of citizens has decreased. Russia's main source of income - oil has fallen in price, the dollar against the ruble has reached its maximum mark, many different sanctions have been introduced by the countries of Europe and the United States, the country has lost an important trading partner - Ukraine.

The Republic of Tatarstan, as a subject of the Russian Federation, felt all these negative consequences. The main reason is the raw material dependence of the republic, about 70% of all exports fall to crude oil. The collapse of the ruble has significantly reduced the value of exports and imports. Sanctions of many developed countries have further complicated the situation.

The main factors negatively influencing the foreign economic activity of the Republic of Tatarstan in 2014-2016 are analyzed. Methods of forecasting foreign trade are considered. On the basis of the method of mathematical modeling "random walk" an optimal forecast scenario of the foreign trade of the Republic of Tatarstan up to 2020 was compiled.

The state of foreign economic activity depends on many factors. The use of extrapolation methods without taking into account political, economic factors can lead to significant deviations in forecasts. Therefore, to forecast the export, import and foreign trade turnover of the Republic of Tatarstan until 2020, it was done:

– The export and import volumes of 2007-2017 were transferred to the dollar exchange rate in 2007. So we can see the real growth / decline in foreign trade. Based on the data received, a forecast was made until 2020.

– A forecast was made for the dollar exchange rate until 2020, based on data from 2007-2017.

– Oil prices were forecasted until 2020 on the basis of data from 2007-2017.

– A forecast was made for the share of mineral products in the region's exports until 2020.

– The received forecast of imports and exports was transferred to the forecasted dollar rate.

– On the basis of forecasts of the share of mineral products and oil prices, the optimal variant of the forecast was chosen.

The optimal forecast for the foreign trade of the Republic of Tatarstan until 2020 was obtained: the foreign trade turnover is 20 262 129 010 US dollars, 15 761 915 710 dollars – export, 4 500 213,3 – import.

References

1. Konceptiya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Respubliki Tatarstan. 2009. 35 s. (in Russian).
2. Glebkova I. Y., Kachanova N. N. Statisticheskij analiz i metody prognozirovaniya pokazatelej vneshnej torgovli Rossii // «Innovacii i investicii» №7. 2013. S. 162-164 (in Russian).
3. Levashenko A. D., Sokolyanskaya A.N. Makroekonomicheskoe prognozirovanie OEHSR dlya ehffektivnoj vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 3-2015. S. 36-45 (in Russian).
4. Martyshchenko, L. A., Filyustin L. E., Golik E. S., Klavdiev A. A. «Voenno-nauchnyj issledovaniya i razrabotka vooruzheniya i voennoj tekhniki. CHast' I». M.: Ministerstvo oborony RF, 1993. 301 s. (in Russian).
5. «Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Tatarstan 2003». 2004g. S. 316-342 (in Russian).
6. «Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Tatarstan 2006». 2007 g. S. 380-410 (in Russian).
7. «Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Tatarstan 2008». 2009 g. S. 469-491(in Russian).
8. «Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Tatarstan 2011». 2012 g. S. 457-478 (in Russian).
9. «Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Tatarstan 2014». 2015 g. S. 447-472 (in Russian).
10. «Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Tatarstan 2016». 2017 g. S. 427-454 (in Russian).
11. «Tamozhennaya statistika vneshnej torgovli Respubliki Tatarstan 2017». 2018 g. 304 s. (in Russian).
12. Piskunov N. S. Differencial'noe i integral'noe ischisleniya dlya vtuzov, t. 2: Uchebnoe posobie dlya vuzov. 13-e izd. M.: Nauka, Glavnaya redakciya fiziko-matematicheskoy literatury, 1985. 560 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.07.2018 г.

УДК 314.728

Шворина К. В.

Миграционная подвижность населения Забайкальского края как показатель развития территории

ФГБУН «Институт природных ресурсов, экологии и
криологии СО РАН», Российская Федерация, г. Чита
e-mail: gorina08@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится характеристика миграционной ситуации в приграничном регионе – Забайкальском крае. На фоне существующих демографических проблем в регионе, связанных с усиливающейся депопуляцией и измельчением сельских населенных пунктов, происходит активная миграционная убыль населения, способствующая еще большему разряжению пограничного пространства. Активная межрегиональная и внутрирайонная мобильность жителей приводят к усилению асимметрии пространственного размещения городского и сельского населения и поляризации пространства расселения в регионе, что способствует изменению конфигурации географически освоенного пространства и постепенному «сжатию» демографического поля территории.

В статье рассмотрена значимость миграционных потерь для районов Забайкальского края. В большей степени механическая убыль сказывается на развитии центральных и приграничных районов региона.

В отношении изучения вопросов постоянного проживания жителей на территории Забайкальского края проявляется региональная специфика. По сравнению с данными по стране и сибирскому федеральному округу в Забайкальском крае наблюдается постепенное снижение числа лиц, непрерывно проживающих в месте постоянного жительства с рождения, что говорит о высокой миграционной подвижности населения. Дифференциация территории Забайкальского края по данному показателю позволила выявить ареалы с высокой внутрирайонной и межрегиональной миграционной подвижностью населения, что позволяет говорить об уровне закрепляемости собственного населения на территории, степени донорства в условиях межрегионального перераспределения населения.

Ключевые слова: Забайкальский край, миграционная подвижность населения, непрерывность проживания населения, миграционные потери.

Введение

В условиях сжатия социально-экономического пространства российских регионов особую актуальность приобретает проблема сохранения и укрепления единого экономического пространства страны. Усиливающийся дисбаланс в распределении населения по территории государства, отмеченный в Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г., создает необходимость выявления роли и места каждого региона в пространственной мобильности населения, их вклада в формирование миграционных потоков на разных территориальных уровнях.

Миграция населения выступает информативным показателем социально-экономического микроклимата территории, отражает уровень жизни населения, а

также в некоторой степени возможности развития территории. Она позволяет говорить о том, насколько территория реализует свои возможности и готова к применению новых направлений развития. Миграция населения зачастую является последствием неэффективного развития территории – общеизвестно, что население становится наиболее мобильным в условиях поиска лучших условий жизни и выбирает территориальные перемещения только в самых вынужденных условиях.

Материалы и методы

Важное значение имеет изучение ситуации с миграцией населения в приграничных регионах страны. В условиях нарастающей депопуляции населения на данных территориях миграционная убыль является фактором, усугубляющим социально-демографические риски. Примером пограничного региона со сложной миграционной ситуацией выступает Забайкальский край.

Тематика проблем механической убыли населения в регионе рассматривалась исследователями разных направлений, но в большей степени уделялось внимание вопросам международной миграции [1; 2], оттоку молодежи [3], вопросам адаптации мигрантов и др. В отношении исследования непосредственно миграционных процессов в регионе работ значительно меньше [4; 5]. В связи с этим в данной статье предлагается рассмотреть некоторые новые аспекты миграционной подвижности населения пограничного региона Забайкальского края.

На основании анализа переписной статистики Российской Федерации 2002 и 2010 годов нами определялся показатель миграционных потерь региона в сравнении с аналогичным показателем для Российской Федерации, Сибирским федеральным округом и Забайкальем.

Результаты и обсуждение

Забайкальский край занимает пограничное и периферийное положение территории Российской Федерации, исторически выполняя функцию форпоста с соседними Китаем и Монголией. Территория всегда характеризовалась слабой заселенностью и неравномерностью размещения населения вследствие неоднородных и суровых природно-климатических условий, но при этом государственная политика всегда была направлена на закрепление жителей в пограничной полосе. Государственные действия по обживанию и заселению восточных территорий России выражались в разнообразии используемых мер по принципу приказов, ссылок и рекрутских повинностей [6, с. 5]. Современный этап демографического развития региона преимущественно связан с процессами естественного движения населения, на долю миграционных перемещений на постоянное место жительства в Забайкальский край приходится незначительный процент соотечественников из других стран СНГ от общего потока, а также миграционные перемещения жителей государств ближнего зарубежья.

Своего демографического максимума в развитии за все время проведения статистического обследования Забайкальский край достиг к концу XX века – данные переписи 1989 г. на этот период демонстрируют пик численности населения региона. Достигнуть прежних значений в числе жителей региону на современном этапе не удается.

В условиях усиливающейся депопуляции миграционная убыль способствует еще большему разряжению пограничного пространства. Значительно усилилась механическая убыль населения после социально-экономического кризиса 2011 г. – регион ежегодно стал терять более 8000 человек (рис. 1) [7; 8]. При этом на общем фоне заметно увеличилось число мигрантов из стран СНГ. В отношении внутрирегиональных перемещений существует стойкий тренд в истощении ресурсов сельской местности – наблюдается постепенное измельчение сельских населенных пунктов. Активная межрегиональная и внутрирайонная мобильность жителей приводят к усилению асимметрии пространственного размещения городского и сельского населения и поляризации пространства расселения в регионе, что способствует изменению конфигурации географически освоенного пространства и постепенному «сжатию» демографического поля территории.

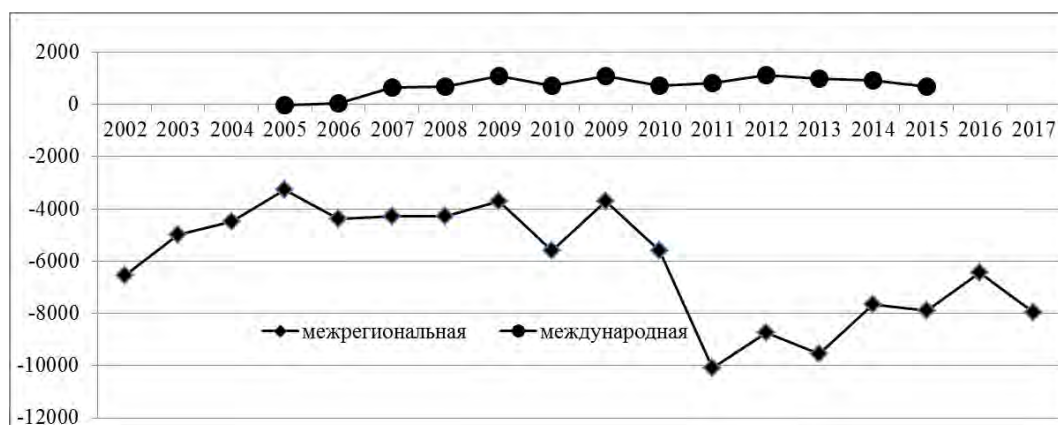

Рис. 1. Динамика миграции населения Забайкальского края, чел.
Рассчитано автором по: [7; 8]

Вопросы влияния миграции населения на общую демографическую ситуацию в районах можно выразить через показатель миграционных потерь. Он демонстрирует удельный вес мигрантов от общей численности населения района. Наиболее значительные потери в этом аспекте характерны для центральных районов – Агинского Бурятского округа (АБО), Оловянинского; приграничных – Акшинского, Нерчинско-Заводского, Газимуро-Заводского, Калганского, а также Шелопугинского. Потери их доходят до 3 % от общей численности жителей на 2015 г. Минимальные потери характерны для краевого центра г. Читы и Читинского района – до 0,32 %.

В отношении изучения вопросов постоянного проживания жителей на территории Забайкальского края проявляется региональная специфика. Среди уроженцев сибирских регионов по переписи 2010 г. больше всего расселены по территории страны забайкальцы (29 %). Подобная ситуация демонстрирует также уровень закрепляемости собственного населения на территории, степень донорства в условиях межрегионального перераспределения населения.

По сравнению с данными по стране и Сибирскому федеральному округу в Забайкальском крае наблюдается постепенное снижение числа лиц, непрерывно проживающих в месте постоянного жительства с рождения, что говорит о высокой миграционной подвижности населения (табл. 1) [9; 10]. При этом более подвижным является городское население. Проанализировать подобные показатели дает возможность только перепись населения, ежегодные статистические обследования

данную информацию не содержат, поэтому охарактеризовать современную ситуацию сложно.

Таблица 1.

Удельный вес населения, проживающего непрерывно в месте постоянного жительства с рождения в общей численности постоянно проживающего населения (%)

Регионы	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	55,0	46,2
городское	53,2	48,5
сельское	60,0	40,1
Сибирский федеральный округ	53,2	42,7
городское	52,1	45,8
сельское	55,8	34,9
Забайкальский край	59,5	43,1
городское	55,6	44,3
сельское	65,9	41

Расчитано автором по: [9; 10]

В отношении дифференциации данного показателя по территории Забайкальского края прослеживается взаимосвязь с уровнем жизни населения районов. По данным переписи 2010 г. самыми подвижными являлись жители районов АБО – с рождения в данном ареале проживали менее 200 жителей на 1000 человек населения (рис. 2).

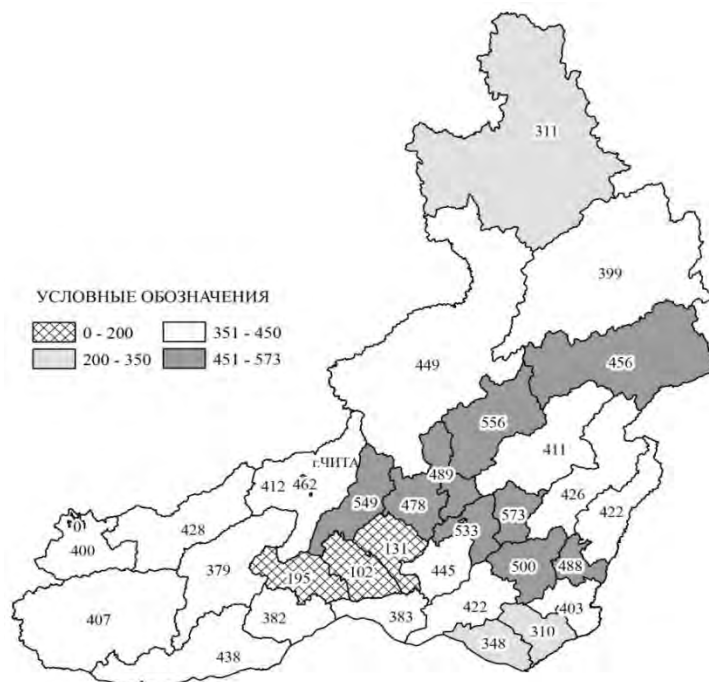

Рис. 2. Число лиц, непрерывно проживающих на территории Забайкальского края по переписи 2010 г. в расчете на 1000 чел. Составлено автором по: [11]

При этом самое подвижное население проживало в Агинском районе (102 чел.) и в п. Агинское (34 чел.). В отношении данного показателя районы АБО образуют единственный и столь подвижный ареал в Забайкальском крае, высокая миграционная подвижность населения которого связана, скорее всего, не столько с уровнем безработицы (эти районы за этот же период времени не относились к категории кризисных), сколько с внутрирегиональными и межрегиональными перемещениями.

В этом аспекте уровень благосостояния населения играет противоположную роль: жители, у которых есть финансовая возможность покинуть территорию Забайкальского края реализуют ее. Это характерно для уже упомянутого АБО, а также Краснокаменского и Забайкальского районов на юге региона. Северный Каларский район попадает в данную группу за счет ухудшения условий проживания. Уровень экономического развития территории является одним из основных факторов, обуславливающих здесь миграцию.

Окружающая человека среда, информационные ресурсы, социальные контакты и связи способствуют формированию у него определенных представлений об уровне жизни людей не только непосредственно в месте его постоянного проживания, но и на других территориях, о возможностях развития и приложения труда. Сложившиеся таким образом представления об уровне жизни на других территориях, неудовлетворенность реальной экономической ситуацией и комфортностью проживания в собственном регионе вызывают желание изменить качество своей жизни, мотивируют на принятие решения о возможной перемене места жительства, на выбор перспективных и подходящих вариантов переезда в другой регион. Катализатором усиления миграционных настроений в этом случае становятся значимые социально-экономические изменения в его жизни в месте прежнего проживания. Среди подобных условий выделяются сложности с трудоустройством и поддержанием достойного уровня жизни, являющиеся главными факторами миграции [12, с. 492].

Для Забайкальского края в этом отношении выталкивающими факторами миграции выступают занятость населения, уровень финансового состояния жителей и доступность жилья. Так, в Сибирском федеральном округе (СФО) самый высокий уровень безработицы наблюдается в Республике Тыве (18,6 %) и Забайкальском крае (10,4 %) [13]. При этом для последнего, единственного среди всех субъектов СФО, наблюдается рост уровня безработицы с 2005 года. Жители Забайкальского края среди всех субъектов СФО отмечают также высокую неудовлетворенность имеющейся работой.

В СФО высок удельный вес ищущих дополнительную работу (в общей численности занятых). Это характерно для Республики Тыва (22,3 %), Бурятии (21,2 %), Алтая (16,5 %) и Забайкальского края (12,4 %) [14].

Показательной характеристикой развития экономики региона является величина численности работников, имеющих заработную плату ниже величины прожиточного минимума. В этом отношении в СФО лидерство принадлежит уже не раз упомянутым ранее Республикам Тыва (38,2 %), Алтай (24,3 %) и Забайкальскому краю (20,4 %) [13].

Неблагоприятная социально-экономическая обстановка в регионе не способствует не только привлечению мигрантов, но и экономически не может удержать собственных жителей, пусть и связанных социальными, родственными узами с территорией рождения. Косвенно о степени привлекательности региона

для собственных жителей говорит также удельный вес вернувшихся к прежнему месту жительства из территорий временного пребывания. По данным федеральной статистики, в 2016 г. число вернувшихся в родной регион в Забайкальском крае составило 12,5 % – одно из наименьших в СФО. Нарастающее социальное неравенство дополнительно стимулирует жителей, имеющих устойчивое финансовое положение, обустроить свою жизнь за пределами региона своего изначального проживания. Так, приграничные регионы СФО лидируют по высокому удельному весу домохозяйств, испытывающих нехватку денежных средств на еду: Республика Хакасия – 5,2 %, Республика Бурятия – 2,7 %, Забайкальский край – 2 % [15].

Для населения, финансовые возможности которого ограничены, даже при желании сменить место жительства реализация миграционных намерений становится трудновыполнимым действием.

Выводы

Проблемы демографического развития территорий на современном этапе, особенно в условиях трансграничности, не способствуют эффективному социально-экономическому развитию территорий.

Забайкальский край, имеющий выгодное географическое положение, запасы полезных ископаемых, на сегодняшний день не использует полноценно все свои возможности приграничной территории России. Кризис социально-экономического развития сказывается на уровне жизни населения региона и выступает значительным миграционным фактором. Он сдерживает появление любых инновационных технологий в регионе и тормозит развитие непосредственно самой территории.

В Забайкалье поступательно увеличивается миграционная подвижность населения, проявляющаяся через высокую механическую убыль населения и непрерывность проживания людей в месте их постоянного жительства с рождения. *Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 16-06-00295 А «Разработка агент-ориентированной модели для оценки динамики и перспектив развития альтернативной энергетики в условиях приграничных регионов Востока России».*

Литература

1. Козыкина Н. В. Миграционные процессы в Забайкальском крае: состояние и тенденции развития. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2012. 160 с.
2. Власова О. В. Анализ миграционной ситуации в Забайкальском крае // Проблемы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в социальное пространство Байкальского региона Материалы международной научно-практической конференции, под ред. Л. Б. Ковальчук. 2016. С. 40–46.
3. Голомидова В. О. Безвозвратная трудовая эмиграция выпускников забайкальских вузов // Молодежь российских регионов в системе межрегиональных и межгосударственных социально-экономических и политических связей: I Молодежные социологические чтения под ред. А. А. Русанова. 2014. С. 172–177.
4. Булаев В. М. Очерки социально-демографической ситуации в России на начало XXI века. Разд. VII. Миграция населения. Особенности расселения и

- приживаемости коренных народов в регионах страны. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 142 с.
5. Солдатова Н. В. Исследование факторов, влияющих на динамику демографических процессов в Забайкальском крае // Бюллетень ВСЦН СО РАМН. 2013. № 3 (91). Ч. 1. С. 149–152.
 6. Горина К. В., Фалейчик Л. М. Пространственно-временные особенности развития демографического пространства в контексте геополитических функций приграничных территорий // Вестник ЗабГУ. № 05(120). 2015. С. 4–13.
 7. Миграция населения Забайкальского края. Стат.сб. / Забайкалкрайстат. Чита. 2011. 33 с.
 8. Миграция населения Забайкальского края. Стат.сб. / Забайкалкрайстат. Чита. 2016. 33 с.
 9. Всероссийская перепись населения. 2002. Том 10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pereris2002.ru/index.html?id=19>.
 10. Всероссийская перепись населения. 2010. Том 8. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/pereris2010/croc/pereris_itogi1612.htm.
 11. Население частных домохозяйств по месту постоянного проживания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://chita.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chita/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default.
 12. Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 2. С. 485–501.
 13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М. 2016. 1326 с.
 14. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016: Стат.сб. / Росстат. М. 2016. 146 с.
 15. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2016 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812.

Shvorina K. V.

***Migration mobility of the population of the
Transbaikal territory as a index of
development of the territory***

Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB
RAS, Russian Federation, Chita
e-mail: gorina08@yandex.ru

Abstract. *This article describes the migration situation in the transborder region of the Trans-Baikal Territory. Against the background of existing demographic problems in the region associated with the increasing depopulation and crushing of rural settlements, there is an active migratory decline in the population, which contributes to an even*

depletion of the border area. Active interregional and intra-district mobility of residents lead to an increase in the asymmetry of spatial distribution of urban and rural populations and the polarization of the settlement space in the region, which facilitates the change in the configuration of geographically developed space and the gradual "compression" of the demographic field of the territory.

The significance of migration losses for the Trans-Baikal Territory is examined. To a greater extent, the mechanical loss affects the development of the central and border regions of the region.

Regarding the study of issues of permanent residence of residents in the Trans-Baikal Territory, regional specificity is evident. Compared with the data for the country and the Siberian Federal District in the Trans-Baikal Territory, there is a gradual decrease in the number of people continuously living in the place of permanent residence since birth, which indicates a high migration mobility of the population? Differentiation of the territory of the Trans-Baikal Territory with respect to this indicator made it possible to identify areas with high intraregional and interregional migration mobility of the population, which makes it possible to speak about the level of fixing of the own population in the territory, the degree of donation in the conditions of inter-regional redistribution of the population.

Key words: Trans-Baikal Territory, migration mobility of the population, continuity of population living, migration losses.

References

1. Kozykina N. V. Migracionnye processy v Zabajkal'skom krae: sostoyanie i tendencii razvitiya: [monografiya]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural.un-ta, 2012. 160 s. (in Russian)
2. Vlasova O. V. Analiz migracionnoj situacii v Zabajkal'skom krae//Problemy social'no-kul'turnoj adaptacii i integracii migrantov v social'noe prostranstvo Bajkal'skogo regiona Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. pod nauchnoj redakciej L.B. Koval'chuk. 2016. S. 40-46. (in Russian)
3. Golomidova V. O. Bezvozvratnaya trudovaya eh migraciya vypusnikov zabajkal'skih vuzov // Molodezh' rossijskih regionov v sisteme mezhregional'nyh i mezhgosudarstvennyh social'no-ehkonomicheskikh i politicheskikh svyazej: I Molodezhnye sociologicheskie chteniya pod red. A. A. Rusanova. 2014. S. 172-177. (in Russian)
4. Bulaev V. M. Ocherki social'no-demograficheskoy situacii v Rossii na nachalo XXI veka. Razd. VII. Migraciya naseleniya. Osobennosti rasseleniya i prizhivaemosti korennyh narodov v regionah strany. Ulan-Udeh: Izd-vo BNC SO RAN, 2012. 142 s. (in Russian)
5. Soldatova N. V. Issledovanie faktorov, vliyayushchih na dinamiku demograficheskikh processov v Zabajkal'skom krae // Byulleten' VSCN SO RAMN. 2013. № 3 (91). Ch.1. S.149-152. (in Russian)
6. Gorina K. V., Falejchik L. M. Prostranstvenno-vremennye osobennosti razvitiya demograficheskogo prostranstva v kontekste geopoliticheskikh funkcij prigranichnyh territorij //Vestnik ZabGU. № 05 (120). 2015. S. 4-13. (in Russian)
7. Migraciya naseleniya Zabajkal'skogo kraja. Stat.sb./ Zabajkalkrajstat. Chita. 2011. 33 s. (in Russian)
8. Migraciya naseleniya Zabajkal'skogo kraja. Stat.sb./ Zabajkalkrajstat. Chita. 2016. 33 s. (in Russian)

9. VPN 2002. Tom 10. Prodolzhitel'nost' prozhivaniya naseleniya v meste postoyannogo zhitel'stva [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=19> (in Russian)
10. VPN 2010. Tom 8. Prodolzhitel'nost' prozhivaniya naseleniya v meste postoyannogo zhitel'stva [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (in Russian).
11. Naselenie chastnyh domochozjajstv po mestu postoyannogo prozhivaniya [Elektronnyj resurs]. URL: http://chita.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chita/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (in Russian).
12. Shvorina K. V., Falejchik L. M. Osnovnye trendy migracionnoj mobil'nosti naseleniya regionov Sibirskogo i Dal'nevostochnogo Federal'nyh okrugov //Ekonomika regiona. 2018. T.14. Vyp.2. S.485-501 (in Russian).
13. Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2016: Stat. sb. / Rosstat. M. 2016. 1326 s. (in Russian).
14. Rabochaya sila, zanyatost' i bezrobotica v Rossii (po rezul'tatam vyborochnyh obsledovanij rabochej sily). 2016: Stat.sb. /Rosstat. M. 2016. 146 c. (in Russian).
15. Dohody, raskhody i potreblenie domashnih hozyajstv v 2016 godu (po itogam vyborochnogo obsledovaniya byudzhetrov domashnih hozyajstv) [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistic/publications/catalog/doc_1140096812812 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.07.2018 г.

Крым – регион нового российского пограничья

УДК 911.3:292.471

Швец А. Б. ¹

Вольхин Д. А. ²

Крым в пространстве Юга России: приоритетные форматы и векторы межрегиональных взаимодействий

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: ¹fusion10@mail.ru; ²lomden@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассмотрена проблема инкорпорирования Республики Крым и г. Севастополя в социально-экономическое пространство Юга России. Рассмотрены проблемы этого процесса. Выявлено место Крыма в структуре межрегионального хозяйственного комплекса Юга России. Определены отраслевые направления хозяйства Южного федерального округа, которые могли бы сформировать межрегиональные экономические кластеры. Выявлены ограничения для осуществления межрегиональных взаимодействий Крыма и субъектов Южного федерального округа.*

***Ключевые слова:** межрегиональное взаимодействие, регион, Крым, Юг России.*

Введение

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией в 2014 году расширило географические границы Юга России, под которым в нашей работе понимается административная территория современного Южного федерального округа. Эффект вхождения Республики Крым и г. Севастополя в состав этого региона оказался намного сложнее, чем простое расширение геопространства одного из территориальных сегментов Российской Федерации.

Воссоединение с Крымом увеличило протяженность государственных и геополитических границ России с территориями, имеющими с ней недружественный характер взаимоотношений. Процесс инкорпорирования Республики Крым и г. Севастополя в экономическое пространство Юга России осложнен санкционной политикой европейских государств и США против Российской Федерации и ее новых субъектов. В этих неблагоприятных условиях формируются векторы межрегиональных взаимодействий регионов Южного федерального округа с Крымом. Наиболее рельефно они проявлены в контактах с

Краснодарским краем и Ростовской областью – регионами, которые одними из первых подписали межправительственные соглашения с Республикой Крым и городом Севастополем о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, социальной, культурной и иных сферах.

Пространство межрегиональных взаимодействий понимается нами как «процесс взаимного влияния регионов, выступающий универсальной формой их совместного развития (коэволюции)» [1, с. 96]. Источником межрегиональных взаимодействий является развитие территориального разделения труда, в результате которого территория получает хозяйственную специализацию и кооперационные связи.

Межрегиональное взаимодействие на кооперационной основе между Крымом и регионами современного Южного федерального округа России существовало в силу их территориальной близости ещё в бывшем Советском Союзе и осуществлялось на обязательной основе как вариант сотрудничества между союзными республиками. В настоящее время в условиях ограниченности инвестиционных ресурсов, характерных для многих территорий современной России, можно предположить, что взаимоотношения между субъектами межрегиональных взаимодействий выстраиваются не только на моделях кооперационного, но и конкурентного поведения. В этих моделях формируются «регионы-локомотивы» и «полюсы роста». Экономически менее развитые регионы в конкурентной модели взаимодействий вынуждены искать или создавать свои «ниши» в рыночном пространстве, постепенно встраиваясь в региональные хозяйственные отношения. Именно такой тренд догоняющего встраивания мы предполагаем в качестве основного для Республики Крым и г. Севастополя в процессе их современного инкорпорирования в межрегиональное взаимодействие с субъектами Южного федерального округа.

Цель работы: выяснить место и роль Республики Крым и г. Севастополя в процессе установления межрегиональных взаимодействий с субъектами Южного федерального округа для уточнения стимулов и барьеров этого инкорпорирования.

Материалы и методы

Межрегиональные связи между субъектами современной Российской Федерации имеют широкое содержание. Они добровольны и включают в себя не только экономические, но и социокультурные контакты, установление которых законодательно не регламентируется. Вместе с тем, если субъекты Российской Федерации решили установить межрегиональное сотрудничество, перерастающее впоследствии в процесс взаимодействия, то эта деятельность регулируется федеральным и региональным законодательством.

Правовой основой для осуществления межрегионального взаимодействия Республики Крым и г. Севастополя являются закон Республики Крым «О Соглашениях об осуществлении межрегионального и международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей» от 15 декабря 2014 года, а также закон г. Севастополя «О Соглашениях об осуществлении международного и межрегионального сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей» от 14 ноября 2016 года [2; 3].

Изучение перечисленных выше законодательных актов, а также содержания Федеральных целевых программ и Стратегий социально-экономического развития

Республики Крым и г. Севастополя до 2030 года позволило выстроить методическую схему выявления условий и факторов реализации потенциала межрегионального взаимодействия новых субъектов Южного федерального округа. Для корректировки полученной информации и построения картографических материалов, определяющих место Республики Крым и г. Севастополя в пространстве Юга России, привлекались статистические материалы Федеральной службы государственной статистики, характеризующие демографические и социально-экономические процессы в исследуемом регионе.

Различные аспекты проблемы взаимодействия регионов достаточно широко освещаются в научных периодических изданиях. Вопросы регулирования межрегионального сотрудничества и социально-экономической интеграции территорий, решение проблем разноуровненности регионального развития представлены в работах С. С. Артобалева [4], Л. Б. Вардомского [5], Е. А. Колодиной [6], Ю. В. Савельева [7] и др.

Особым аспектом в изучении межрегионального взаимодействия авторы считают проблему встраивания нового региона в экономическое пространство страны. Работы по этому аспекту межрегионального взаимодействия малочисленны, но крайне актуальны для Крыма, который в настоящее время проходит этап инкорпорирования в экономическое пространство Юга России. Оригинальный подход к решению проблемы встраивания территории в систему межрегиональных связей предложен в публикациях крымских экономистов А. С. Ванюшкина и М. Г. Никитиной [8; 9]. В работах упомянутых авторов предложены модели условий встраивания нового региона в экономическое пространство страны посредством поиска товарных групп, подходящих для встраивания экономических связей нового региона с другими регионами, а также поиска регионов-партнёров для развития отдельных отраслей хозяйства.

Поиск пространственных условий встраивания нового региона в экономическое пространство страны положен нами в основу методологии изучения процесса инкорпорирования Крыма в межрегиональное социально-экономическое взаимодействие с субъектами Южного федерального округа России.

Результаты и обсуждение

Для определения условий встраивания Крымского региона (Крыма), под которым мы понимаем Республику Крым и г. Севастополь, в экономическое пространство Юга России рассмотрим его место в демографическом и социально-экономическом потенциалах означенной выше российской территории.

Результаты изучения демографического и экономического «веса» (потенциала) Крымского региона в структуре аналогичных характеристик субъектов Южного федерального округа представлены нами на рисунках 1 и 2.

Крымский регион – одна из небольших по площади территорий Южного федерального округа. На долю Крыма приходится 27 тыс. кв. км (6 %) всей территории округа. По этому показателю ему уступает лишь Республика Адыгея, площади других субъектов Южного федерального округа в 2,7–4,1 раза больше крымской.

С позиций демографического потенциала Крым занимает срединное положение в рейтинге регионов Южного федерального округа (ЮФО) по численности постоянного населения, концентрируя согласно данным Росстата на

01.01.2017 года более 2,3 млн человек (14 %) всего населения округа [10]. По этому показателю Крым сопоставим с Волгоградской областью. Лидерами по людности в ЮФО являются соседние для Крыма Краснодарский край и Ростовская область, сосредоточившие населения в 2–2,5 раза больше, чем в Республике Крым.

В географической картине распределения населения Юга России Крым отличают самые высокие показатели плотности населения – 86,7 чел./кв. км (рис. 1; табл. 1). Это почти в 10 раз выше средней плотности населения России, в 2,5 раза выше значения данного показателя в ЮФО и в 23 раза больше аналогичного показателя наименее плотно заселенной в округе Астраханской области. Город федерального значения Севастополь входит в список наиболее плотно заселенных субъектов Российской Федерации, поскольку на одном квадратном километре его территории проживает 476 человек. Соседствующие друг с другом Республика Крым и Краснодарский край демонстрируют одинаковые значения плотности населения – более 73 чел./кв. км.

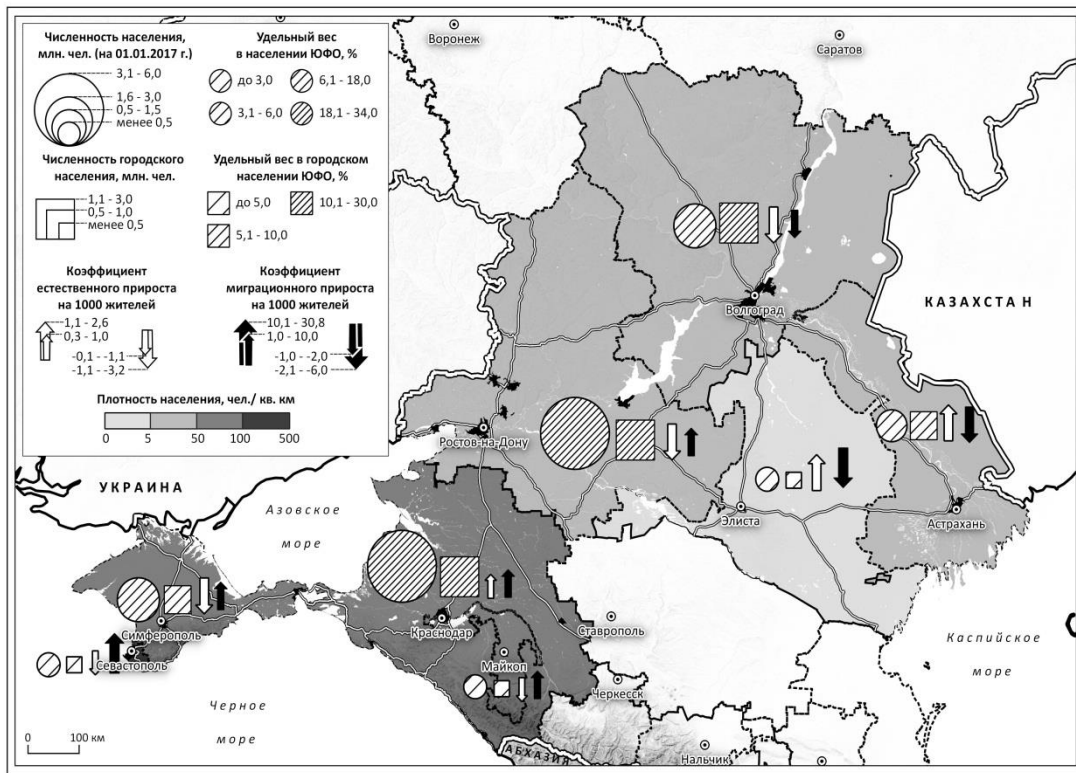

Рис. 1. Демографические характеристики Республики Крым и г. Севастополя в Южном федеральном округе Российской Федерации.
Составлено авторами по [10; 11]

Республика Крым наряду с Республикой Калмыкией, Волгоградской и Ростовской областями относится к субъектам ЮФО, демонстрирующим отрицательную постсоветскую динамику численности населения. В Республике Крым численность постоянного населения в 2016 году составила лишь 89,1 % от значений показателя 1991 года. На фоне перечисленных выше территорий Республика Адыгея, Краснодарский край, Астраханская область и г. Севастополь за последние 25 лет увеличили численность населения, обеспечив ЮФО

коэффициент прироста численности населения в 103 %.

В современной урбанистической структуре Юга России Крым концентрирует 17 из 96 городов региона, с общей численностью населения 1,37 млн чел., что составляет 13,4 % всего городского населения ЮФО. По уровню урбанизации со значением 58,6 % (с учетом уровня урбанизации в Республике Крым 50,9 % и в Севастополе 92,8 %) Крым уступает среднему по ЮФО показателю в 62,4 %, занимает 4 место в регионе, уступая более урбанизированным Астраханской, Волгоградской и Ростовской областям.

Таблица 1.

Основные демографические характеристики субъектов Южного федерального округа Российской Федерации

	Демографические показатели, 2016 г.				
	Площадь территории, тыс. кв. км	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, чел. / кв. км	Постсоветская динамика численности населения, 2016/1991 гг., %	Доля от общей численности населения ЮФО, %
ЮФО	447,8	16428,5	36,7	103,0	100,0
Республика Адыгея	7,8	453,4	58,1	103,8	2,8
Республика Калмыкия	74,7	277,8	3,7	84,4	1,7
Краснодарский Край	75,5	5570,9	73,8	119,1	33,9
Астраханская область	49,0	1018,9	20,8	101,9	6,2
Волгоградская область	112,9	2535,2	22,5	96,4	15,4
Ростовская область	101,0	4231,3	41,9	97,7	25,8
Республика Крым	26,1	1912,2	73,3	89,1	11,6
г. Севастополь	0,9	428,8	476,4	106,6	2,6
РК + Севастополь	27,0	2341,0	86,7	91,8	14,2
<i>Место Республики Крым</i>	<i>6</i>	<i>4</i>	<i>3</i>	<i>7</i>	<i>4</i>
<i>Место г. Севастополь</i>	<i>8</i>	<i>7</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>7</i>
<i>Место РК + г. Севастополь</i>	<i>6</i>	<i>4</i>	<i>1</i>	<i>6</i>	<i>4</i>

Составлено авторами по материалам Росстата и Крымстата

Естественное движение населения в Республике Крым и г. Севастополе характеризуется негативной тенденцией убыли населения, что демонстрируют большинство субъектов ЮФО. Коэффициент естественной убыли населения в

Республике Крым составляет (-3,2 ‰). Это своеобразный антирекорд в пространстве Юга России, где среднее значение упомянутого показателя составляет (-1,2 ‰). Начиная с 2002 года и до настоящего времени естественная убыль населения в Крыму частично компенсируется миграционным приростом.

Миграционные потоки в Крым имеют положительные значения коэффициента сальдо миграций. В Республике Крым этот показатель увеличился с 1,4 ‰ в 2002 году до 5,8 ‰ в 2016 году, а в г. Севастополе – до 30,8 ‰. По показателю сальдо миграций Республика Крым и г. Севастополь занимают соответственно третье и первое места среди субъектов ЮФО. Средняя для Крыма величина сальдо миграций составила 7,3 ‰, что в 1,5 раза выше аналогичного показателя для ЮФО. Основными поставщиками мигрантов в Крым стали в 2015–2017 годах регионы Южного и Центрального федеральных округов Российской Федерации. На долю этих территорий в 2015 году приходилась примерно половина общего потока межрегиональных прибывших мигрантов (25 % из Центрального округа и 20 % из Южного). В 2016 году значительно возрос объем потока мигрантов из Южного федерального округа, составив 59 % от общего потока межрегиональных прибывших, что связано с увеличением рабочих мест в Крыму на строительстве ряда крупных объектов федерального уровня в пределах географически близкого Крымского полуострова.

География прибытий мигрантов в Крым из других субъектов Южного федерального округа в 2015 и в 2016 годах показала, что наибольшее число прибывших зафиксировано из Краснодарского края (1260 и 1290 чел. соответственно по означенным годам) и Ростовской области (1039 и 541 чел.), а наименьшее – из республик Калмыкия (13 и 16 чел.) и Адыгея (44 и 56 чел.) [11]. Заметим, что пространственный рисунок выбытий из Крыма в регионы ЮФО практически совпадает с адресатами прибытий. Наиболее привлекательным для проживания жителей Крыма в 2015–2016 годах был Краснодарский край, а наименее – республики Адыгея и Калмыкия.

Сравнение социально-экономических показателей Крыма и субъектов ЮФО показало арьергардность положения нового субъекта федерации по основной группе макроэкономических показателей.

В 2016 году Республика Крым и г. Севастополь в сумме произвели валовой региональный продукт (ВРП) в объеме 380,1 млрд руб., что составило 7,8 % от ВРП ЮФО. По этому показателю среди субъектов округа Республика Крым занимает 5 место, обгоняя лишь республики Адыгею и Калмыкию, а Севастополь – предпоследнее 7-е место. Лидер экономического развития в ЮФО – Краснодарский край – производит ВРП в 5 раз больше крымского.

Социально-экономическое отставание Крыма от других субъектов ЮФО дополняют среднедушевые показатели денежных доходов населения в месяц и распределения ВРП (рис. 2; табл. 2). В 2016 году среднедушевые показатели денежных доходов населения в месяц составляли в Республике Крым 19059 руб., в г. Севастополь – 22916 руб. [14; 15]. В Южном федеральном округе показатель душевых доходов достигал в означенном году 27004 руб. По душевым показателям доходов населения крымские субъекты ЮФО занимали соответственно 74 и 56 места в 82 регионах Российской Федерации [15]. Географические соседи Крыма – Краснодарский край и Ростовская область – располагались в этом рейтинге на 14 и 32 местах соответственно.

По показателю ВРП на душу населения Республика Крым и г. Севастополь

занимают самые низкие позиции в ЮФО. Коэффициент душевого производства ВРП, рассчитанный как соотношение удельных весов Крыма в общем объеме ВРП и общей численности населения ЮФО, составил 0,53 и характеризует относительно низкую экономическую эффективность хозяйства Республики Крым и г. Севастополя.

Таблица 2.
Основные экономические характеристики субъектов Южного федерального округа Российской Федерации

	Экономические показатели, 2016 г.					
	Доля от общего ВРП ЮФО, %	ВРП на душу населения, руб.	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	Доля в общем объеме инвестиций в основной капитал ЮФО, %	Среднедушевые доходы, руб./мес.
ЮФО	100,0	298585,7	1110446	67718	100	26308
Республика Адыгея	1,9	201918,1	15391	34018	1,4	23600
Республика Калмыкия	1,1	201406,9	13510	48549	1,2	14569
Краснодарский Край	41,2	363731,3	428972	77399	38,6	32785
Астраханская область	6,9	332447,4	118625	116442	10,7	22760
Волгоградская область	15,2	292565,7	181485	71435	16,3	20739
Ростовская область	26,0	300186,2	287413	67887	25,9	27104
Республика Крым	6,5	165433,8	52965	27735	4,8	18071
г.Севастополь	1,3	151862,7	12087	28608	1,1	24937
РК + г.Севастополь	7,8	162358,7	65052	27788,1	5,9	21504
<i>Место Республики Крым</i>	5	7	5	8	5	7
<i>Место г.Севастополь</i>	7	8	8	7	8	3
<i>Место РК + г.Севастополь</i>	4	7	5	7	5	5

Составлено авторами по материалам Росстата и Крымстата

Чтобы убедиться в правоте такого высказывания, следует проанализировать структуру безвозмездных (из федерального бюджета) доходов, поступающих в консолидированный бюджет крымских субъектов федерации. В 2015 году величина безвозмездных доходов бюджета Республики Крым составила 53 млрд руб.; в 2016 году – 99 млрд руб.; в 2017 году – 101 млрд руб. [12]. Безвозмездные доходы г. Севастополя составляли в означенные выше годы 14 млрд руб.; 13 млрд

руб.; 21 млрд руб. В течение 2015–2017 годов удельный вес безвозмездных федеральных поступлений в среднем за три года составлял 62 % доходной части консолидированного бюджета крымских субъектов федерации. Для сравнения отметим, что величина безвозмездной федеральной помощи Краснодарскому краю достигала в аналогичный период 17 %, Ростовской области – 24 %; Астраханской – 24 %; Волгоградской – 25 %; республикам Адыгея – 46 %; Калмыкия – 48 %.

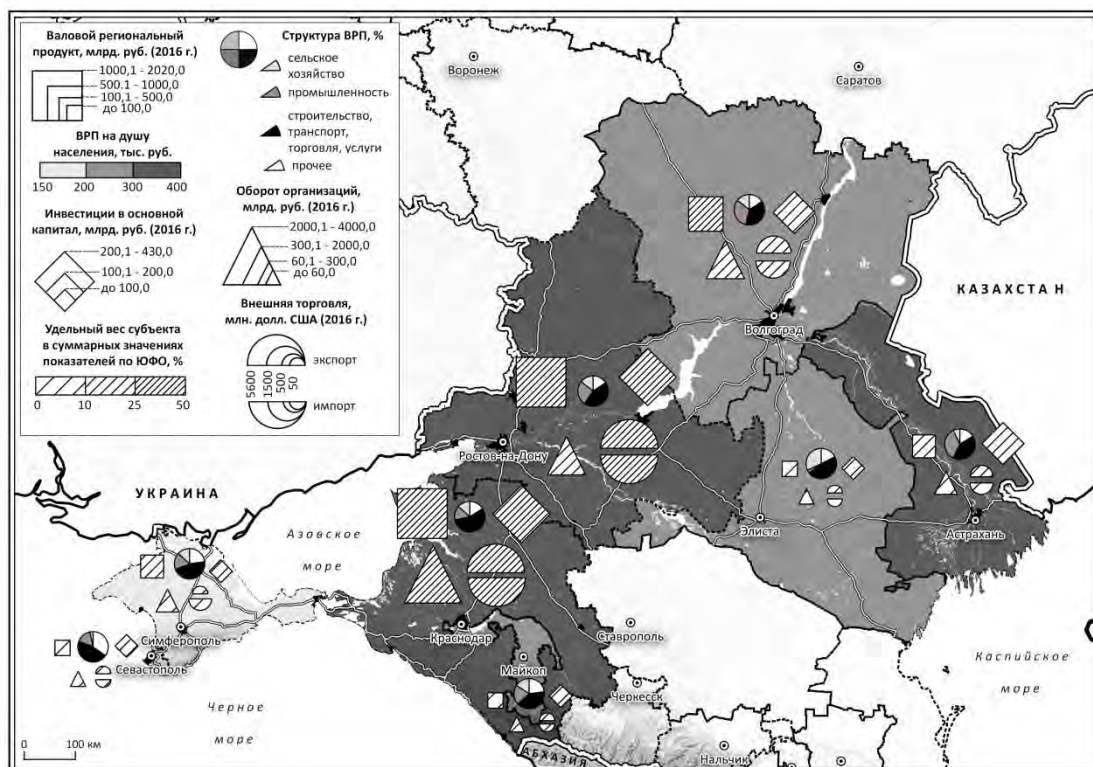

Рис. 2. Социально-экономические характеристики Республики Крым и г. Севастополя в Южном федеральном округе Российской Федерации.
Составлено авторами по [12; 14]

Приведенные выше показатели безвозмездных перечислений из федерального бюджета в регионы ЮФО свидетельствуют об их разных финансовых возможностях, «абсолютной зависимости Крыма от поступлений из федерального бюджета» и «частичной зависимости» от аналогичных доходов в иных субъектах округа [13].

Высокая степень зависимости от федеральных поступлений в бюджет региона свидетельствует о слабом использовании экономического потенциала Крыма. Изменение этой ситуации возможно лишь при увеличении объемов производства крымской промышленной, сельскохозяйственной продукции, строительства, роста оказания услуг организациями всех видов экономической деятельности. Такой тренд развития Крыма будет влиять на изменение структуры его финансового потенциала: от высокой доли безвозмездных доходов к росту налоговых и неналоговых поступлений в доходную часть бюджета.

В настоящее время Крым подтверждает тренд слабого использования собственного экономического потенциала показателями оборота организаций, в

который включается стоимость отгруженных товаров собственного производства и выполненных услуг собственными силами.

По обороту организаций Республика Крым и г. Севастополь располагаются в группе отстающих регионов Юга России: в 2016 году оборот всех организаций Крыма составил 267 млрд долл., что в 5–10 раз меньше показателей регионов – лидеров ЮФО – Краснодарского края и Ростовской области (табл. 3).

Таблица 3.
Торгово-экономические характеристики субъектов Южного федерального округа Российской Федерации

	Экономические показатели, 2016 г.				
	Оборот организаций, млрд руб.	Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.	Внешний товарооборот, млн долл.	Торговый баланс, млн долл.
ЮФО	7183	12849,9	7001,5	19851,4	5848,4
Республика Адыгея	56	23,9	51,5	75,4	-27,6
Республика Калмыкия	15	1,5	0,0	1,5	1,5
Краснодарский Край	3706	5588,8	3634,2	9223	1954,6
Астраханская область	245	320,8	357,7	678,5	-36,9
Волгоградская область	1039	1315,4	670,8	1986,2	644,6
Ростовская область	1854	5545,7	2186,6	7732,3	3359,1
Республика Крым	215	47,8	67,0	114,8	-19,2
г. Севастополь	52	6,0	33,5	39,5	-27,5
РК + Севастополь	267	53,8	100,5	154,3	-46,7
<i>Место Республики Крым</i>	5	5	5	5	5
<i>Место г. Севастополь</i>	7	7	7	7	6
<i>Место РК + г. Севастополь</i>	4	5	5	5	7

Составлено авторами по материалам Росстата и Крымстата

Для увеличения оборота организаций необходимо развивать крымское производство, в противном случае Крым останется логистическим тупиком, в который разнообразная продукция поступает, а сам регион вывозит на внешние рынки очень мало товаров. Это находит подтверждение в анализе статистики внешней торговли Крыма.

Во внешних торговых потоках Юга России Крым участвует в объеме 53,8 млн долл. США экспорта и 100,5 млн долл. США импорта, концентрируя 0,7 % внешнего товарооборота ЮФО, демонстрируя отрицательный торговый баланс.

В экономическом развитии Крыма есть и позитивный тренд – его экономика является наиболее быстро растущей в пространстве Юга России. За период 2014–2016 годов коэффициент прироста ВРП в Республике Крым составил 166,8 %, а в г. Севастополе – 212,8 %, что является рекордными показателями для ЮФО.

Для сохранения высоких темпов экономического роста необходимо преобразование инвестиционного имиджа Крыма, превращение его в такую

систему характеристик территории, которая позволит потенциальному отечественному или зарубежному инвестору оценить, насколько тот или иной объект инвестиций привлекательнее других для вложения средств.

В инвестиционном пространстве Юга России Крым занимает весьма скромные позиции. В 2016 году на долю Республики Крым и г. Севастополя приходилось менее 6 % инвестиций в основной капитал ЮФО, что в 6,5 раз меньше, чем удельный вес соседнего Краснодарского края. В этот же период на одного жителя крымского региона приходилось менее 30 тыс. руб. инвестиционных средств, что в 2 раза меньше среднего показателя по ЮФО. В 2016 году по объемам прямых иностранных инвестиций, достигавших 14 млн. долл. США, Крым уступал практически всем субъектам ЮФО. Заметим для сравнения, что в экономику Краснодарского края в 2016 году поступило 1,3 млрд долл. США. Таким образом, Крым характеризуется непривлекательным инвестиционным имиджем для иностранного и российского капитала. В Крыму отсутствуют крупные российские банки, а те банки, которые обосновались в регионе, либо не очень большие, либо находятся под санкциями. Эта ситуация делает невозможной какую-либо конкуренцию в банковской сфере и лишает крымских потребителей банковских услуг удовлетворять различные потребности в кредитно-финансовых продуктах.

Преобразование инвестиционного имиджа Крыма – сложная задача в условиях политических санкций западных государств. Для решения этой задачи потребуются преобразование отраслевых приоритетов экономического развития Крыма.

В целом Крым имеет аналогичную для всего Юга России отраслевую структуру хозяйства: 40 % ВРП Крыма приходится на транспортные, торговые и прочие виды услуг; 17,5 % – на промышленность; 11,6 % – на сельское хозяйство, почти 3 % ВРП производит строительная сфера и около 30 % приходится на прочие отрасли, в том числе на сферу управления, обеспечения военной безопасности, финансовую деятельность и прочее (табл. 4).

Аналогичность отраслевых компонентов хозяйственных систем Крыма и регионов ЮФО (в особенности Краснодарского края) – серьезный фактор для формирования конкурентного характера их межрегионального взаимодействия. Защита и поддержка конкуренции гарантированы Конституцией Российской Федерации. Конкуренция позволяет достичь максимального благосостояния общества, так как в условиях конкуренции ресурсы используются наиболее эффективно, а неэффективные производители вытесняются с рынка. Важно понимать, что конкурентная среда в регионе должна носить благоприятный характер, иными словами – сохранять паритетность взаимодействующих субъектов в освоении рыночного пространства друг друга.

В 2014–2015 годах межрегиональные взаимодействия Крыма и субъектов Юга России носили неконкурентный, а, скорее патронажно-гуманитарный характер. В целом они были сориентированы на ликвидацию тех ограничений и блокад, которые искусственно создавались для Крыма Украиной: транспортной, продовольственной, энергетической.

Решением Правительства Российской Федерации в 2014 году была подготовлена и впоследствии реализована схема закрепления 14 муниципальных районов Республики Крым, одного города Республики Крым, а также Севастополя за 16 субъектами Российской Федерации. Так у крымских муниципальных

территорий появились регионы-кураторы: Красногвардейский муниципальный район сотрудничает с Ростовской областью, Ленинский район – с Краснодарским краем, города Симферополь и Севастополь – с Санкт-Петербургом и Москвой соответственно.

Таблица 4.

Отраслевая структура валового регионального продукта субъектов Южного федерального округа Российской Федерации

	Экономические показатели, 2016 г.						Динамика ВРП, 2016/2014 гг., %
	ВРП, млн руб.	Структура ВРП, %					
		Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Транспорт Торговля. Услуги	Прочие отрасли	
ЮФО	4896268,6	13,6	22,5	7,1	40,7	16,1	
Республика Адыгея	91352,4	15,9	20,9	7,0	33,2	23,0	117,2
Республика Калмыкия	56045,1	32,0	3,5	4,5	42,5	17,5	121,7
Краснодарский Край	2015934,7	13,4	15,1	6,5	48,9	16,1	112,5
Астраханская область	338679,5	7,2	35,7	9,5	31,4	16,2	117,2
Волгоградская область	743283,7	14,4	31,8	7,7	30,5	15,6	103,9
Ростовская область	1270891,5	14,2	26,2	7,2	36,9	15,5	127,1
Республика Крым	315918,5	13,3	17,9	3,0	42,9	22,9	166,8
г. Севастополь	64163,2	3,4	15,5	1,9	44,3	34,9	212,8
РК +Севастополь	380081,7	11,6	17,5	2,8	43,1	24,9	173,1
Место Республика и Крым	5	6	5	7	3	3	2
Место г.Севастополь	7	8	6	8	2	1	1
Место РК +г.Севастополь	4	6	5	7	2	1	1

Составлено авторами по материалам Росстата и Крымстата

Региональное кураторство над Крымом призвано было решить две задачи: помочь крымским органам муниципального управления максимально быстро освоить набор российских модельных актов муниципального и регионального

управления, а также оказать жителям подшефных территорий безвозмездную помощь в организации сельхозработ, модернизации ЖКХ, приведении в порядок социальной сферы, ремонте школ, больниц, сельских клубов и библиотек, организации поставок в Крым необходимого школьного инвентаря и учебников, медицинского оборудования, пополнении библиотечных фондов, обеспечении семенами сельскохозяйственных культур, строительными материалами, медикаментами и др. Региональное кураторство над Крымом стало своеобразным трамплином для реализации Федеральной целевой программы его социально-экономического развития.

По подсчётам российских аналитиков только за вторую половину 2014 года безвозмездная «помощь российских регионов-кураторов Крыму была сопоставима с количеством средств, выделенных субъектами Российской Федерации полуострову за последние 23 года» [16].

К 2016 году стал меняться характер межрегионального взаимодействия Крыма и регионов Юга России. Основным вектором этого взаимодействия постепенно становится конкуренция.

Одним из первых конкурентный тренд проявился в межрегиональной торговле. Торговая сеть Крымского полуострова в условиях запрета Украиной ввоза на территорию Крыма продуктов питания очень быстро заполнялась продукцией краснодарских и ростовских производителей молока и молочных продуктов, растительного масла, муки, кондитерских и мясных изделий. Уже в 2014 году ростовская торговая сеть «Ассорти» уверенно создала 350 торговых точек в Крыму, не опасаясь западных санкций и наличия на крымских прилавках украинских товаров, которые зачастую поставлялись контрабандой [17]. Стоимость вложений в одну торговую точку в среднем оценивалась в 2 млн рублей.

Крымские производители пищевой продукции конкуренцию с торговыми представителями «материка» проиграли [18]. Особенно заметен этот проигрыш в молочном производстве. Из шести крымских предприятий, производящих молочную продукцию, к 2016 году осталось четыре: в Алуште, Джанкое, Саках и Симферополе. При этом ни один из сохранившихся заводов не может в настоящее время конкурировать с продукцией Юга России. «Материковая» молочная продукция не хуже крымской, но она дешевле, за счёт добавления консервантов может храниться до полугода. Продукция крымского производителя хранится до 5 суток, что указывает на отсутствие в ней химических добавок. Многие торговые сети Крыма не рискуют брать высококачественный, но скоропортящийся товар.

Конкурентный характер взаимодействия с материковыми производителями формируется в сельском хозяйстве Крыма. После перекрытия Украиной подачи воды по Северо-Крымскому каналу изменилась отраслевая структура крымского сельского хозяйства: из растениеводства полуострова ушли влаголюбивые культуры (рис и соя), сокращены в несколько раз площади, занимаемые кукурузой. В Крыму сделана ставка на возделывание засухоустойчивых сортов пшеницы. Но крымских производителей зерна настигли ограничения с его отгрузкой в морских портах полуострова, работа которых осложнена санкционной политикой. Отправлять зерно в порты Краснодарского края нелогично, поскольку эта территория является главной житницей европейской части России. Впрочем конкуренции в производстве сельхозпродукции опасаются как крымские аграрии, так и сельхозпроизводители Кубани и Ростовской области [19]. Для кубанских сельхозпредприятий Крым стал конкурентом в производстве винограда, персиков,

яблок, мяса птицы, баранины.

Для регионов Южного федерального округа возникла конкурентная среда в рыбной отрасли. Рыбная продукция Крыма потеряла рынок сбыта на Украине, куда отправлялось 98 % рыбы, выловленной у крымских берегов. По данным Министерства сельского хозяйства Российской Федерации в Черном и Азовском морях в настоящее время работают только 16 кубанских и ростовских рыболовческих судов и 30 керченских и севастопольских. Это позволяет крымским рыбакам вылавливать порядка 60 тыс. т рыбы ежегодно, а кубанским – только более 20 тыс. т.

Конкурентом для Кубани и Ростовской области становится продукция крымского виноделия. Крым имеет более сильные позиции в производстве десертных, более дорогостоящих вин. В настоящее время у крымского виноделия появилась возможность снизить издержки производства за счёт упразднения таможенного сбора и льгот свободной экономической зоны.

Несомненно, конкурентным для Крыма может стать пространство туристско-рекреационной отрасли ЮФО. Вхождение Крыма в состав ЮФО открыло новые перспективы в сфере организации отдыха. Наряду с курортами Большого Сочи и Кавказа Крым становится неотъемлемым элементом уже сформированного в России южного кластера гостеприимства. Полиструктурность туристско-рекреационной отрасли в регионах-лидерах ЮФО – Краснодарском крае и Ростовской области – её высокая степень инфраструктурной обустроенности и, самое главное, круглогодичность функционирования создают объективные условия для конкурентного межрегионального взаимодействия с Крымом.

Вместе с тем именно туристско-рекреационная отрасль может стать одним из главных сегментов формирования в пределах ЮФО горизонтальной кластеризации с экономической системой Крыма. В настоящее время предпосылки создания туристско-рекреационных межрегиональных кластеров формируются в сфере возрождающегося на Юге России круизного туризма Крымско-Кавказской линии, а также в перспективном подключении туристско-рекреационных ресурсов Крыма к разрабатываемому на межрегиональном уровне субъектов Юга России проекту туристического маршрута «Великий шелковый путь».

Нельзя забывать и о том, что потенциал межрегиональных взаимодействий между субъектами Юга России и Крымом реализуется в пространстве крупных инфраструктурных проектов, которые финансируются федеральным центром. Речь идёт о построенном по дну Керченского пролива магистральном газопроводе Кубань–Крым, который улучшил газоснабжение Крымского полуострова в наиболее дефицитных точках – городах Керчи и Севастополе. Ростовская АЭС создала возможность снабжать Крым электроэнергией после украинской энергетической блокады полуострова. Из Ростова-на-Дону по территории Таманского полуострова смонтирована высоковольтная линия электропередачи в Крым, по дну Керченского пролива проложена волоконно-оптическая линия связи с пропускной способностью свыше четырёх терабайт. Этого объема хватит для того, чтобы обеспечить потребности всего Крыма в Интернете, телефонии, телевидении. Регионы ЮФО участвуют в сооружении мостового перехода через Керченский пролив и создании трассы «Таврида».

Таким образом, Кубань и Ростовская область играют роль пространственного базиса инкорпорирования Крыма в экономическое пространство Юга России, предоставляя свои территории для осуществления крупных инфраструктурных

проектов, формирующих региональные скрепы хозяйственного единства в Азово-Черноморском секторе Евразии.

Выводы

Процесс встраивания Республики Крым и г. Севастополя в социально-экономическое пространство Юга России увеличил степень его разноуровненности. По особенностям современного социально-экономического развития Крым находится на уровне слаборазвитых территорий Юга России.

Особая геополитическая миссия Крыма – главной базы Черноморского флота Российской Федерации – создает благоприятные предпосылки для патронажа федеральным центром его социально-экономического развития. Отсюда самые высокие в Южном федеральном округе темпы экономического роста экономики Крыма. Но патронаж и ресурсы федерального центра не вечны. Поэтому Крым сосредотачивается на поиске внутренних резервов социально-экономического инкорпорирования в южнороссийское экономическое пространство.

У Крыма имеются благоприятные предпосылки межрегионального взаимодействия с субъектами Юга России: общность геополитической судьбы в Причерноморье и Приазовье; аналогичность отраслевой структуры хозяйственного комплекса; общность демографических процессов; инвестиционная привлекательность территории; общность имиджевых характеристик региона как территории гостеприимства и отдыха в Российской Федерации. Перечисленные предпосылки позволяют Крыму естественно вписаться в общие для Юга России тренды экономического и социального развития.

Вместе с тем Крым имеет отличительные черты, несвойственные регионам Юга России. Территория Крыма находится под специфическими санкциями западных стран, превращающих её в серую зону непризнанных государственных образований. Контрастный по сравнению с другими регионами Юга России уровень экономического развития Крыма формирует необходимость догоняющего роста по большинству его экономических и социальных параметров. Для осуществления догоняющего роста требуются ресурсы. Крым дефицитен по водным, минеральным, энергетическим ресурсам.

Подключение потенциала межрегиональных взаимодействий для ускоренного инкорпорирования Крыма в южнороссийское пространство осложнено преобразованием характера межрегиональных контактов. Основной тренд в межрегиональных взаимоотношениях субъектов Южного федерального округа выстраивается на конкурентной основе. Экономическая конкуренция Крыма с другими регионами Юга России пока не имеет благоприятного характера, поскольку Крым полностью не избавился от асинхронности экономического развития, в которой он функционировал как часть социально-экономической и политической системы Украины. Подтверждением сказанному выше является отсутствие социально-экономического эффекта выравнивания экономических показателей Крыма до среднероссийских или средних по Южному федеральному округу.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного побережья России в систему “горизонтальных” межрегиональных экономических связей в контексте формирования “Большой Евразии”».

Литература

1. Мирзоев Р. С. Межрегиональные взаимодействия в российском экономическом пространстве // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 3. Экономика. Экология. 2011. № 1 (18). С. 96–101.
2. Закон Республики Крым «О Соглашениях об осуществлении межрегионального сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей» от 15 декабря 2014 года № 31-ЗРК/2014 // Ведомости Государственного Совета Республики Крым, 2014, № 5, ст. 535.
3. Закон г. Севастополь «О Соглашениях об осуществлении международного и межрегионального сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей» от 14 ноября 2016 года № 19/373 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sevzakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/i_sozyv_2016/pr_zak_19_373/. - Дата обращения 23.07.2018
4. Артоболевский С. С. Региональная политика // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ.ред. С. С. Артоболевского, О. Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э.Баумана, 2011. С. 177–191.
5. Вардомский Л. Б. Россия в процессах постсоветской регионализации // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ.ред. С. С. Артоболевского, О. Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. С. 8–30.
6. Колодина Е. А. Теория и методология регулирования межрегиональной экономической интеграции. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. 271 с.
7. Савельев Ю. В. Теоретические основы современной межрегиональной конкуренции // Журнал экономической теории. 2010. № 2. С. 86–98.
8. Ванюшкин А. С., Никитина М. Г. Методологические подходы к оценке перспективности точек роста региона / А. С. Ванюшкин, М. Г. Никитина // Учёные записки Крымского федерального ун-та имени В. И. Вернадского. Серия Экономика и управление. Т.1(67). 2015. № 1. С. 40–47.
9. Ванюшкин А. С. Алгоритмическая система моделей встраивания нового региона в экономическое пространство страны // Учёные записки Крымского федерального ун-та имени В. И. Вернадского. Серия Экономика и управление. Т.1(67). 2015. № 2. С. 47–59.
10. Население Крыма и Севастополя: численность, национальный состав [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.statdata.ru/naselenie-krima-i-sevastopolya>. Дата обращения: 30.07.2018.
11. Внутрirosсийская миграция по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам 2015–2016 гг.): Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
12. Открытый информационный ресурс по анализу финансового развития субъектов федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iminfin.ru/areas-of-analysis/budget/finansoviy-pasport-subjecta-rf>.
13. Воробьёва Е. И. Оценка бюджетных возможностей отдельных регионов Южного федерального округа Российской Федерации // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2017. №4. С. 5–13.

14. Среднедушевые денежные доходы населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/standards_of_life/.
15. Корчагин Ю.А. Рейтинг регионов РФ по среднедушевым доходам в 2016 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=374>.
16. Шевченко А.М. Межрегиональные связи: как содействовать интеграции экономики Крыма и материковой России? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/7245/>.
17. Ростовская область и Крым: три года реального сотрудничества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://don24.ru/rubric/afisha/rostovskaya-oblast-i-krym-tri-goda-realnogo-sotrudnichestva.html>.
18. Эксперт: молокозаводы Крыма проигрывают конкуренцию «материку» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crimea.ria.ru/economy/20160421/1104536473.html>.
19. Крым: покупатель и конкурент. Кубанские производители получают новый канал сбыта, но опасаются конкуренции и вспышки АЧС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meat-expert.ru/forums/record/novosti-otrasli/ekonomika/krym-pokupatel-i-konkurent-kubanskie-proizvoditeli-poluchayut-novyy-kanal-sbyta-no-opasayutsya-konkurencii-i-vspyshki-achs-r3802/>.

Shvets A. B.¹
Volkhin D. A.²

Crimea in the space of South Russia: priority formats and vectors of interregional interactions

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Russian Federation, Simferopol
e-mail: ¹fusion10@mail.ru; ²lomden@mail.ru

Abstract. *After the reunification of the Crimea with Russia, there was a problem of its integration into the economic space of the southern regions of the country. To achieve this, Crimea will need to change its economic development priorities. It is necessary to increase the level of economic development of Crimea. Currently, the level of economic development of Crimea is lower than in most regions of Southern Russia. The level of economic development of Crimea in the southern Federal district can be compared with Kalmykia or Adygea. Changing the level of economic development will require Crimea not only to have its own resources, but also to attract resources from other regions of the South Russia. New interregional relations of Crimea with the regions of the southern Federal district are being formed. The novelty of these relations in their competitive nature. Competition between the subjects of the southern Federal district should be favorable and beneficial for all territories. Western sanctions against Russia create obstacles to the development of inter-regional relations of the Crimea. Promising sectors for the establishment of interregional relations of the Crimea with the regions of the South of Russia are tourism, agriculture, food industry. These are industries where there are real prerequisites for the formation of interregional clusters.*

Key words: *interregional cooperation, region, Crimea, South of Russia.*

References

1. Mirzoyev R. S. Mezhhregional'nye vzaimodejstviya v rossijskom ehkonomicheskom prostranstve // Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya. 2011. № 1 (18). S.96-101 (in Russian).
2. Zakon Respubliki Krym "O soglasheniyah ob osushchestvlenii mezhhregional'nogo sotrudnichestva, mezhdunarodnyh i vneshneehkonomicheskikh svyazej" ot 15 dekabrya 2014 goda № 31-ZRK/2014 // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym, 2014, № 5, st. 535 (in Russian).
3. Zakon g. Sevastopol' «O soglasheniyah ob osushchestvlenii mezhdunarodnogo i mezhhregional'nogo sotrudnichestva, mezhdunarodnyh i vneshneehkonomicheskikh svyazej» ot 14 noyabrya 2016 goda [Electronic resource]. URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/i_sozyv_2016/pr_zak_19_373/. (in Russian).
4. Artobolevskij S. S. Regional'naya politika // Regional'noe razvitie i regional'naya politika Rossii v perekhodnyj period / pod obshch.red. S. S.Artobolevskogo, O. B.Glezer. M.: Izd-vo MGTU im. N. E. Baumana, 2011. S.177-191 (in Russian).
5. Vardomskij L. B. Rossiya v processah postsovetskoj regionalizacii // Regional'noe razvitie i regional'naya politika Rossii v perekhodnyj period / pod obshch.red. S. S. Artobolevskogo, O. B. Glezer. M.: Izd-vo MGTU im. N. E. Baumana, 2011. S.8-30 (in Russian).
6. Kolodina E. A. Teoriya i metodologiya regulirovaniya mezhhregional'noj ekonomicheskoy integracii. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2004. 271 s. (in Russian).
7. Savel'ev Y.V. Teoreticheskie osnovy sovremennoj mezhhregional'noj konkurencii // Zhurnal ekonomicheskoy teorii. 2010. №2. S. 86-98 (in Russian).
8. Vanyushkin A.S., Nikitina M. G. Metodologicheskie podhody k ocenke perspektivnosti toчек rosta regiona // Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta imeni V.I.Vernadskogo. Seriya Ekonomika i upravlenie. T.1 (67). 2015. № 1. S. 40-47 (in Russian).
9. Vanyushkin A. S. Algoritmicheskaya sistema modelej vstraivaniya novogo regiona v ehkonomicheskoe prostranstvo strany // Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta imeni V.I.Vernadskogo. Seriya Ekonomika i upravlenie. T.1 (67). 2015. № 2. S. 47-59 (in Russian).
10. Naselenie Kryma i Sevastopolya: chislennost', nacional'nyj sostav [Electronic resource]. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-krima-i-sevastopolya>. (in Russian).
11. Vnutrirossijskaya migraciya po territoriyam pribytiya i vybytiya («shahmatka» po federal'nym okrugam 2015-2016 g.g: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. (in Russian).
12. Otkrytyj informacionnyj resurs po analizu finansovogo razvitiya sub"ektov federacii [Electronic resource]. URL: <http://iminfin.ru/areas-of-analysis/budget/finansoviy-pasport-subjecta-rf?territory=45000000>. (in Russian).
13. Vorob'yova E.I. Ocenka byudzhetnyh vozmozhnostej ot del'nyh regionov Yuzhnogo federal'nogo okruga Rossijskoj Federacii / E.I.Vorob'eva // Nauchnyj vestnik: Finansy, banki, investicii. 2017. №4. S.5-13 (in Russian).
14. Srednedushevye denezhnye dohody naseleniya [Electronic resource]. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/standards_of_life/. (in Russian).

15. Korchagin Y. A. Rejting regionov RF po srednedushevym dohodam v 2016 godu [Electronic resource]. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=374>. (in Russian).
16. Shevchenko A. M. Mezhtional'nye svyazi: kak sodejstvovat' integracii ekonomiki Kryma i materikovej Rossii? [Electronic resource]. URL: <https://riss.ru/analytics/7245/>. (in Russian).
17. Rostovskaya oblast' i Krym: tri goda real'nogo sotrudnichestva [Electronic resource]. URL: <https://don24.ru/rubric/afisha/rostovskaya-oblast-i-krym-tri-goda-realnogo-sotrudnichestva.html>. (in Russian).
18. Ekspert: molokozavody Kryma proigryvayut konkurenciyu «materiku» [Electronic resource]. URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20160421/1104536473.html>. (in Russian).
19. Krym: pokupatel' i konkurent. Kubanskie proizvoditeli poluchayut novyj kanal sbyta, no opasayutsya konkurencii i vspyshki ACHS [Electronic resource]. URL: <https://meat-expert.ru/forums/record/novosti-otrasli/ekonomika/krym-pokupatel-i-konkurent-kubanskie-proizvoditeli-poluchayut-novyj-kanal-sbyta-no-opasayutsya-konkurencii-i-vspyshki-achs-r3802/> (in Russian).

Поступила в редакцию 02.08.2018 г.

УДК 911.3.338.48

Яковенко И. М.¹

Страчкова Н. В.

Цветков С. А.

Конкурентоспособность Ленинского района на рынке туристско-рекреационных услуг Крыма: новые факторы роста

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: ¹yakovenko-tnu@ya.ru

Аннотация. В статье рассмотрено место Ленинского района на рынке туристско-рекреационных услуг Крыма. Определено влияние комплекса традиционных и новых факторов на конкурентные позиции района. Проведена балльная оценка с построением многоугольников конкурентоспособности. Выявлены важнейшие проблемы развития регионального туризма, обозначены перспективные направления развития функциональной и территориальной структуры туристско-рекреационного комплекса района.

Ключевые слова: конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности, рынок туристско-рекреационных услуг, Ленинский район Республики Крым.

Введение

На протяжении длительной истории процесса туристско-рекреационного освоения Крыма его особенностью являлись пространственно-временная неравномерность и сохранение резких диспропорций в уровне развития рекреационных районов полуострова. К числу районов, традиционно имевших низкую аттрактивность у въездных туристов и местных отдыхающих, относился Ленинский район Республики Крым, расположенный на Керченском полуострове. Транспортная отдаленность от основных туристских потоков, нехватка воды, отсутствие инфраструктурной подготовки территории не способствовали превращению туристской отрасли в бюджетоформирующий сегмент региональной экономики. Ресурсный потенциал рекреации и туризма района был актуализирован не в полной мере, а его использование носило очаговый и монофункциональный характер.

Радикальное изменение геополитической и социально-экономической среды развития Крыма с 2014 года обусловило появление новых факторов, стимулирующих процесс возрождения экономической и социокультурной активности в ранее депрессивных районах. Актуальной исследовательской задачей в контексте оптимизации развития территориальной структуры туристско-рекреационного комплекса Крыма является обоснование новых стратегий конкурентоспособности рекреационных районов – бывших аутсайдеров туристско-рекреационного рынка.

Конкурентные позиции Ленинского района ранее не выступали предметом специального исследования. В работе Н. В. Страчковой дана сравнительная оценка конкурентоспособности всех районов Крыма на рынке рекреационных услуг, при

этом позиции Восточного района в составе Ленинского административного района и г. Керчи были определены как относительно благоприятные [12]. Особенности развития туризма в регионах Крыма с геоэкологических и инновационных позиций рассмотрены в монографии А. С. Слепокурова, где Керченский полуостров был оценен автором как перспективный для развития диверсифицированного туризма [11]. Формулируя актуальные проблемы развития рекреационных районов Крыма, И. М. Яковенко охарактеризовала Восточный рекреационный район как район с преобладанием неорганизованной купально-пляжной рекреации, развитием ведомственных баз отдыха и наличием многих нерешенных материально-технических, социально-экономических и экологических проблем [15]. В рамках обоснования Стратегии развития туристско-рекреационного комплекса Крыма до 2020 г. И. М. Яковенко были обозначены перспективная целевая аудитория туризма в Казантипском и Керченском подрайонах (г. Керчь, Ленинский район), маркетинговые позиции и меры по оптимизации туристско-рекреационного процесса [17]. Среди основных конкурентных преимуществ этого подрайона были отмечены близкое соседство с Россией, огромный нереализованный грязелечебный потенциал озер, недорогой курортный и туристский сервис.

Присоединение Крыма к России, интеграция региона в российское рыночное туристское пространство, введение западных экономических санкций и иные факторы требуют переоценки потенциала изучаемого региона в территориальном разделении труда в сфере рекреации и туризма.

Целью данной статьи является анализ конкурентоспособности Ленинского района в системе туристско-рекреационного рынка Республики Крым, оценка влияния новых условий и факторов на создание и продвижение регионального туристского продукта.

Материалы и методы

В статье использованы литературно-аналитический и математико-статистический методы. Для оценки конкурентоспособности применен балльный метод (по 10-балльной шкале), основанный на сравнении региональных значений со среднекрымскими показателями и показателями, характеризующими район-аналог. В качестве района – аналога Ленинского района был выбран Черноморский муниципальный район Р. Крым, расположенный на северо-западе Крыма (Тарханкутский полуостров) и также демонстрирующий черты периферийности и пионерного рекреационного освоения.

В группе физико-географических параметров оценивались показатели: средняя температура воздуха с мая по сентябрь (°С); относительная влажность воздуха (%); число дней с ветром более 15 м/с; продолжительность солнечного сияния в летний период (часов в год); продолжительность купального сезона, (число дней); ландшафтное разнообразие (перепад высот); протяженность береговой линии (км); доля ООПТ в общей площади района (%). Медико-биологическая оценка базировалась на определении возможностей проведения основных видов рекреационных занятий и их ограничений и опиралась на методику классификации комфортности погод В. И. Русанова [10].

В оценку социо-экономико-географических параметров развития туристской сферы Ленинского района были включены показатели: транспортная доступность относительно въездного туристского потока; удобство взаиморасположения;

бальнеологические и грязевые ресурсы; пляжные ресурсы; биологические ресурсы; культурно-исторические ресурсы; этнический состав населения; материально-техническая база рекреации; уровень социально-экономического развития района.

Из числа экономических параметров развития туристской сферы региона были привлечены показатели: удельный вес рекреантов Восточного Крыма в общем рекреационном потоке (%); количество проведенных койко-дней в курортных средствах размещения (КСР) (тыс.); средняя стоимость 1 койко-дня по всем типам средств размещения (руб.); количество койко-мест в КСР (тыс. ед.); число работающих пляжей (ед.); число функционирующих детских учреждений отдыха (ед.); коэффициент заполняемости рекреационных предприятий (%); доля объема финансирования туристских кластеров района в общем финансировании кластеров Крыма(%); инвестиционный потенциал туристских кластеров (млрд руб.); удельный вес инвестиционных заявок Восточного побережья от общего числа заявок (%); удельный вес реализуемых инвестиционных проектов (%).

С целью визуализации результатов оценивания были построены многоугольники конкурентоспособности.

Анализ показателей туристской активности в регионе осуществлялся с использованием отчетов администрации Ленинского района Республики Крым, данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю, Министерства курортов и туризма Республики Крым.

Результаты и обсуждение

Понятия «конкуренция» и «конкурентоспособность» отражают процесс взаимодействия субъектов хозяйствования на рынке и хорошо изучены в специальной экономической литературе [8; 9]. Конкурентоспособность субъекта рыночного механизма складывается из ряда преимуществ, возникающих при реализации ряда функций конкуренции, в т. ч. регулирующей (воздействие на установление соответствия предложения спросу), аллокационной (размещение факторов производства в местах, где их применение обеспечит наибольшую отдачу), инновационной (стимулирование использования нововведений), адаптационной (приспособление к условиям внешней и внутренней среды) и некоторых других. Применительно к данному исследованию более важным понятием представляется «конкурентоспособность региона», которое трактуется достаточно широко: как наличие и реализация конкурентного потенциала региона, то есть возможности участия региона в конкурентных отношениях [9], как способность обеспечить высокий уровень и качество жизни населения, возможность реализовать имеющийся экономический потенциал с целью устойчивого роста экономики региона, как способность выявлять, создавать, использовать конкурентные преимущества [3].

Учитывая существующие теоретико-понятийные и методические подходы к изучению конкурентоспособности в сфере туризма [2; 4; 5; 7; 14], под конкурентоспособностью рекреационного региона понимаем определяемую конкурентными преимуществами реальную и потенциальную способность региона соперничать с другими регионами при решении задач формирования и удержания туристского потока, улучшения положения на региональном (национальном)

рынке туристских услуг и повышения общего уровня социально-экономического развития и уровня жизни населения региона.

Факторы конкурентоспособности рекреационного региона могут оцениваться на макро-, мезо- и микроуровне. Признанной методикой оценки конкурентоспособности на макроуровне является методика, разработанная экспертами Всемирного экономического форума в г. Давосе (Швейцария). С 2007 года ежегодный рейтинг стран в форме «Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма» (The Travel & Tourism Competitiveness Index (ТТСИ)) рассчитывается на основе 14 компонентов из 80 показателей [18]. Детально изучены факторы конкурентоспособности на микроуровне, в т. ч. на уровне туристских предприятий, основной целью стратегии конкурентной борьбы которых выступает увеличение доли туристского рынка. В процедурах оценивания используются как групповые, так и единичные показатели конкурентоспособности. Особую методологическую сложность представляет оценка туристской дестинации (рекреационного региона) мезоуровня, что часто связано с отсутствием общепринятых репрезентативных показателей и универсальных подходов к построению оценочных шкал.

Предлагаемая авторами методика оценки конкурентоспособности рекреационного региона включает 5 этапов: подготовительный; выбор оценочных параметров; определение интегрального индекса конкурентоспособности рекреационного региона; оценка его сильных и слабых сторон; разработка предложений по усилению конкурентных позиций. Учитывая разнородность показателей и параметров, в качестве метода, обеспечивающего их сопоставимость, предлагается использовать метод балльной оценки. Механизм перевода частных показателей из натуральных в балльные основан на сравнении показателей Ленинского и Черноморского районов со среднекрымскими значениями.

Современное состояние и перспективы туристско-рекреационного развития Ленинского района обусловлены рядом факторов.

- Ресурсный потенциал развития рекреации и туризма в Восточном Крыму менее разнообразен, чем на ЮБК и в Горно-Предгорном Крыму, но может обеспечить достаточно высокий уровень диверсификации туристско-рекреационной деятельности. Климатические условия региона благоприятны для летней купально-пляжной рекреации, но купальный сезон длится от 100 до 130 дней, уступая по продолжительности ведущим курортам полуострова (до 150 дней). Преобладают ракушечные пляжи, 25 из которых открыты для посещения [13]. Акватория Казантипа (бухта Татарская) по особенностям ветрового режима является идеальным местом для водно-развлекательных занятий и таких видов спортивного туризма, как виндсерфинг и кайтбординг. В пределах Ленинского района открыто свыше 150 минеральных источников общим дебитом 614,4 м³ в сутки. Огромен грязелечебный потенциал озер: Чокракское озеро имеет оценочные запасы более 4,6 м³, а по целебным свойствам грязей является ресурсом национального значения; крупными месторождениями лечебных грязей обладают также Тобечикское и Кояшское озера. Ландшафтные ресурсы прибрежной части района, включая ООПТ (Опукский и Казантипский природные заповедники, заказники «Арабатский», «Астанинские плавни», «Зеленое кольцо»), могут стать основой развития экологического туризма, однако большие площади внутренней части района заняты

маловыразительными засушливыми ландшафтами. Объекты, обеспечивающие развитие социокультурных видов туризма, немногочисленны, и большинство из них имеет невысокую познавательную и эстетическую ценность.

- Важнейшим фактором перспективного развития туристско-рекреационной системы Ленинского района становится его географическое, в т. ч. рекреационно-географическое положение. На протяжении всей истории развития крымского туризма вектор туристского потока в регион имел преимущественно меридиональный характер (с севера на юг), что в сочетании с плохой транспортной доступностью превращало районы Керченского полуострова в глубокую туристскую периферию и обуславливало отложенное рекреационное освоение. С 2014 года под влиянием санкций против Крыма и установлением пространственной блокады полуострова со стороны Украины въездной поток в Крым приобрел широтное направление (с востока на запад), таким образом, рекреационные районы Керчи и Ленинского района получили новый импульс социально-экономического, в т. ч. туристско-рекреационного развития. Кардинальное значение в улучшении рекреационно-географического положения имело строительство моста через Керченский пролив. Крымский мост становится реальными «въездными воротами в Крым», что не только открывает широкие возможности для активизации автомобильного туризма (с прогнозным прохождением через мост от 20 тыс. до 40 тыс. автомобилей в сутки), но и способствует налаживанию краткосрочных туристских обменов между жителями Крыма и соседних районов Краснодарского края. Окончательное решение транспортно-логистических проблем связывается с реализацией проекта строительства федеральной автомобильной трассы «Таврида», значительная часть которой пройдет через территорию района. Вместе с тем данный фактор не определяет автоматический рост туристской активности в самом Ленинском районе: по данным Министерства курортов и туризма Республики Крым, на восточном побережье Крыма в сезон 2017 года задержалось только 18,6 % въездного туристского потока [1].
- Оценка удобства взаиморасположения в контексте радиальных перемещений туристов в Крымском регионе выявляет не вполне благоприятные позиции Ленинского района. Оценка проводилась с учетом расстояния по автомагистралям и автодорогам между центром района п. Ленино и центрами других рекреационных районов Крыма. Ленинский район в системе иных рекреационных районов Крыма более всего удален от аэропорта «Симферополь» как второго по значению центра прибытия рекреантов, расстояние составляет около 158 км. По удаленности с Ленинским районом сопоставим только Черноморский район – расстояние до Симферополя от Черноморского 141 км.

Материально-техническая база рекреации и туризма в районе имеет тенденцию к росту, но пока не соответствует предъявляемым требованиям по разнообразию типов предприятий, емкости и уровню комфортности номерного фонда (табл. 1). Большинство коллективных средств размещения ориентированы на отдых родителей с детьми, имеют емкость до 100 койко-мест и находятся в черте частного сектора прибрежных населенных пунктов (Мысовое, Новоотрадное, Семеновка, Каменское, Нижнезаморское, Курортное, Осовины, Золотое, Юркино). Немногие объекты располагают оборудованием и специалистами для оказания медицинских и SPA-услуг (ООО «Пансионат с лечением “Крымское Приазовье”»), база отдыха

«RIGA resort & SPA», пансионат «Заря»). Слабо представлены детские оздоровительные лагеря – всего 4 учреждения. В районе отсутствуют брендовые туристские аттракции, уровень общехозяйственной и специальной туристской инфраструктуры оценивается как низкий.

Таблица 1.

**Санаторно-курортный и туристический комплекс Ленинского района
Республики Крым**

Показатели	По состоянию на 01.01.2016	По состоянию на 01.01.2017	По состоянию на 01.01.2018	Темп роста/ снижения, %
Количество КСР, всего ед.	36	36	34	94,5
из них: пансионатов	5	5	5	100,0
пансионатов с лечением	1	1	1	100,0
баз отдыха	23	23	21	91,3
гостиниц	3	3	3	100,0
ДОУ (ДОЛ) *	4	4	4	100,0
Количество круглогодичных мест, ед.	102	102	102	100,0
Максимальное количество сезонных мест	4727	4727	4727	100,0
Количество отдохнувших, чел.	21 300	22830	29000	127,0

* ДОУ – детские оздоровительные учреждения (лагеря)

Составлено авторами по данным администрации Ленинского района, 2016–2018 гг.

- По сравнению со староосвоенными рекреационными районами Крыма Ленинский район имеет очевидные преимущества в отношении цены на основные услуги: средняя стоимость 1 суток проживания (с учетом питания) в сезон пик (конец июля – первая половина августа) существенно ниже как в пансионатах с лечением, так и в детских оздоровительных лагерях, частных пансионатах и базах отдыха (рис. 1). Вместе с тем в условиях смены потребительских предпочтений россиян соотношение «цена/качество услуг» в данном районе нельзя считать оптимальным.
- Система туроперейтинга на территории Ленинского района пока не получила развития, что негативно сказывается на эффективности продвижения региональных туристских услуг. Продажей туров, в которых задействованы туристско-рекреационные ресурсы и объекты размещения Ленинского района, занимаются относительно небольшие крымские фирмы – «Экскурс-Крым»,

«Рускрымтур», «Алеан». Район включен в программу известного крымского маршрута «Крымская кругосветка», разработанного севастопольским туроператором «Кандагар» (посещение Казантипского заповедника, отдых на одном из пляжей Азова), но для размещения участников тура выбираются либо г. Керчь, либо г. Феодосия.

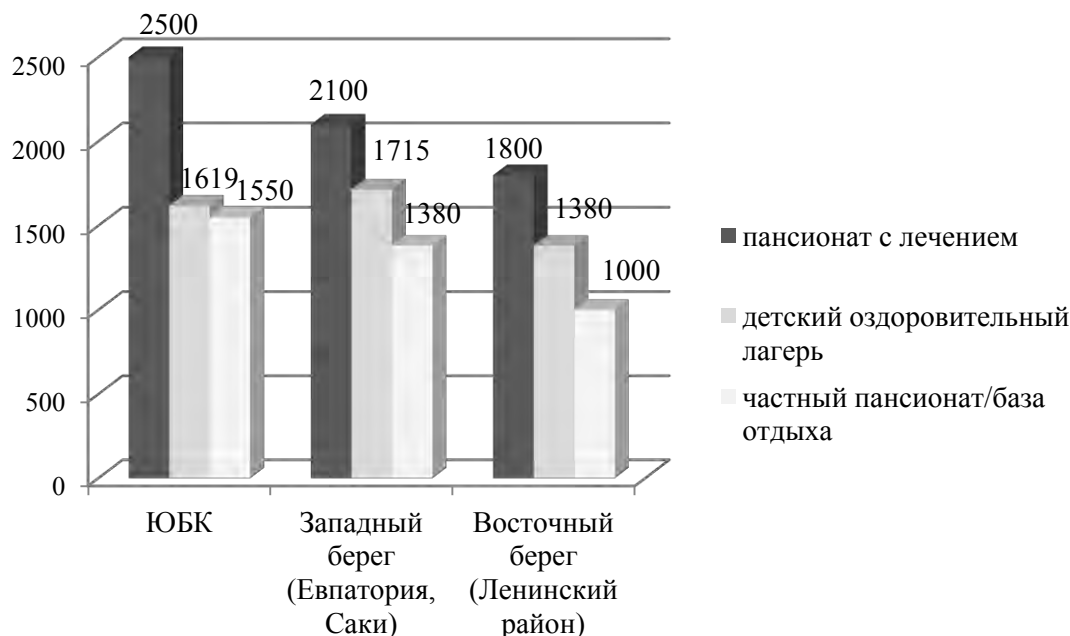

Рис. 1. Стоимость 1 койко-места в различных видах КСР по основным рекреационным регионам Крыма, руб. за 1 сутки, 2016.

Составлено авторами по [1]

- Значимым фактором роста конкурентоспособности Ленинского района на рынке туристско-рекреационных услуг Крыма выступает поддержка регионального туризма со стороны органов государственной власти. Коллективные средства размещения района участвовали в адресной программе загрузки в июне–сентябре 2014 г., что позволило преодолеть деструктивное воздействие западных санкций [16]. На территории района реализуется один из проектов Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года» – инфраструктурное обеспечение туристско-рекреационного кластера «Зона абсолютного здоровья» (с. Курортное, объем финансирования – 1,7 млрд руб.) [6]. В перспективе в кластер войдут бальнеологический лечебно-оздоровительный комплекс на основе лечебных грязей Чокракского месторождения (строительство санатория с бальнеолечебницей и гидрогеологической режимно-эксплуатационной станции по добыче грязи, мониторингу ее состояния и обеспечению режима охраны).

На основе описанной выше методики была проведена сравнительная балльная оценка конкурентных позиций Ленинского и Черноморского районов на рынке туристско-рекреационных услуг Крыма с построением многоугольников конкурентоспособности по трем группам параметров (рис. 2). Ленинский район уступает Черноморскому району по физико-географическим параметрам (7,0 и 7,25

баллов соответственно), но опережает по социо-экономико-географическим (6,8 и 5,7 баллов) и экономическим параметрам (5,7 и 5,4 балла) (рис. 3). Таким образом, Ленинский район, представляющий восточное направление рекреационного развития Крыма, демонстрирует более благоприятные перспективы рекреационного освоения, производства и реализации регионального турпродукта по сравнению с северо-западными крымскими дестинациями.

На пути успешного развития туристско-рекреационного комплекса

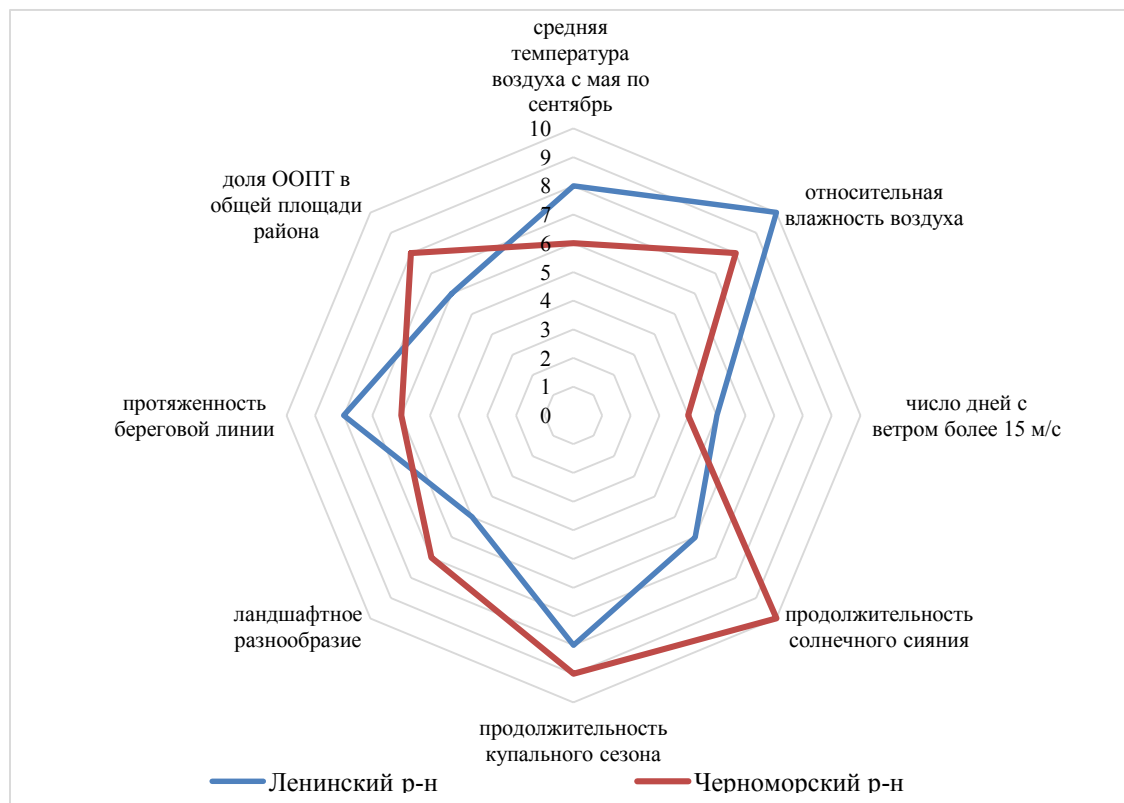

Рис. 2. Оценка конкурентоспособности Ленинского и Черноморского районов по группе физико-географических параметров. *Рассчитано авторами*

Ленинского района стоит ряд нерешенных проблем. К числу ключевых относятся:

✓ *нерациональное использование туристско-рекреационного ресурсного потенциала.* В районе отмечается наличие неактуализированных рекреационных ресурсов; в первую очередь, это касается потенциала бальнео- и грязелечения. Так, в районе приостановлена разработка и эксплуатация месторождений иловых сульфидных лечебных грязей на озере Тобечик, к югу от с. Челядиново, на озере Узунлар, вблизи с. Марфовка; пока не используются лечебные грязи Кояшского озера, месторождения Джау-Тепе, с. Вулкановка, сопочные грязи Булганакского месторождения. Освоение этой группы ресурсов позволит создать круглогодичный сегмент туристского предложения в районе.

Система управления туристско-рекреационными ресурсами практически отсутствует: в районе не разработаны детальные кадастры и паспорта всех имеющихся ресурсов, многие достойные туристского внимания достопримечательности остаются неизвестными не только для представителей туристского бизнеса, но и для местных жителей.

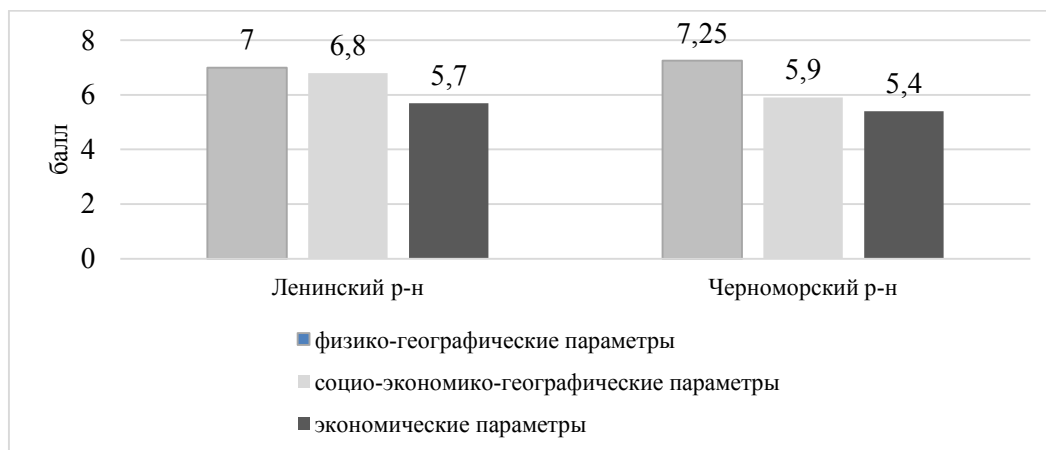

Рис. 3. Итоги оценки конкурентоспособности Ленинского и Черноморского районов на рынке туристско-рекреационных услуг Республики Крым.

Составлено авторами по материалам Крымстата

Рекреационное природопользование на территории и в акваториях района имеет недостаточный уровень дифференциации. В частности, оптимальное сочетание природоохранных и рекреационных функций на территории ООПТ пока не достигнуто. Заказники «Арабатский» и «Астанинские плавни» охраняются только табличками с оповещениями о входе в охраняемую территорию, сбор ботанических культур и отстрел охраняемых представителей фауны давно никем не контролируется. Та же проблема существует и в Караларском природном парке, который имеет заповедные зоны с многочисленными историческими и археологическими памятниками Куль-Обинской культуры, но не охраняемыми и подвергающимися разрушению и разграблению.

Опасной тенденцией является истощение туристско-рекреационных ресурсов и ухудшение их качества. Этот тезис подтверждается данными о сокращении ширины пляжей, особенно на азовском побережье, уменьшении числового и видового состава животных и рыб вследствие нарушений норм промысла, повсеместном распространении стихийных мусорных свалок. Проводимые мероприятия по охране природных комплексов и отдельных ресурсов непостоянны и редко имеют сохраняющий экологический характер.

✓ *отсутствие стратегии рекреационного освоения территории района.* Серьезным недостатком территориальной структуры рекреации и туризма является диспропорциональность распределения коллективных средств размещения и туристских потоков. Они концентрируются на побережье Азовского моря, в то время как черноморское побережье и центральные районы Керченского полуострова в силу отсутствия высококачественных рекреационных ресурсов в систему регионального туризма не включены. Район располагает резервными площадями для комплексного освоения побережья, однако до недавнего времени рекреационная застройка велась хаотично, с нарушением инженерно-технических, экологических и санитарно-технических норм.

✓ *низкое качество общехозяйственной и туристской инфраструктуры.* В районе необходимо решить проблему качества дорог, развития придорожного сервиса, обеспечения транспортной доступности аттрактивных объектов (например, в улучшении подъездных путей нуждаются городище «Зенонов

Херсонес», прибрежно-аквальный комплекс Элькен-Кая, грязевый вулкан Джау-Тепе и др.). Ожидаемый рост числа туристов, приезжающих на собственном автомобиле, потребует строительства кемпингов, мотелей и предприятий техобслуживания.

Развитие туристско-рекреационного комплекса тормозится в связи с неудовлетворительным состоянием системы водоснабжения и устаревшим номерным фондом в ряде оздоровительных предприятий (в частности, в районе Казантипа около половины всех средств размещения составляют сезонные сборно-щитовые домики с низким уровнем комфорта).

В модернизации нуждается пляжная инфраструктура: ощущается острая нехватка необходимых по регламенту раздевалок, душевых кабинок, шезлонгов и т. п. В районах курортной специализации водные аттракционы и спортивные площадки размещены фрагментарно, сеть других анимационных объектов развития не получила.

✓ *отсутствие квалифицированной рабочей силы.* В течение длительного периода в районе формировался специфический тип региональной экономики со значительным теневым сектором, низким уровнем деловой активности и замедленными темпами инновационной трансформации туристско-рекреационного продукта. Большая часть жителей работает сезонно, а основными статьями дохода является сдача квартир внаем. Для формирования общей культуры гостеприимства и специальных навыков гостиничного и ресторанного обслуживания необходимо налаживание системы профессиональных тренингов.

✓ *низкая инвестиционная активность в сфере рекреации и туризма.* С учетом имеющихся геополитических и социально-экономических детерминант ее развитию мешает отсутствие пакета региональных инвестиционных предложений в сфере рекреации и туризма и системы его продвижения, недостаток в местных специалистах, способных оценить инвестиционную привлекательность проектов и риски по их реализации.

✓ *высокий уровень сезонности в работе туристского сектора экономики района.* Обусловленный природно-климатическими особенностями, он усугубляется отсутствием соответствующих маркетинговых мероприятий по расширению рамок сезона. В низкий сезон проводятся лишь единичные событийные мероприятия (военно-исторические реконструкции боев в местах сражений ВОВ, в частности бой за батарею «29 БИС») и ботанические мероприятия, посвященные цветению диких растений в Опукском заповеднике (цветение диких тюльпанов Шренка).

Росту конкурентных позиций Ленинского района будет способствовать системное решение вышеизложенных проблем. Район позиционируется как перспективный с развитием круглогодичного бальнео- и грязелечения, приморского семейного отдыха и различных видов природоориентированного и культурного туризма. Цель создания диверсифицированного туристского продукта может быть достигнута за счет поддержки развития водных видов активного туризма, велотуризма, экологического, в т. ч. орнитологического, туризма, организованного рыболовного туризма. Недостаток аттракций следует компенсировать путем строительства сети развлекательных объектов (аквапарки, гольф-клубы, парки аттракционов, зоопарки, дельфинарии и т. д.). Хорошие перспективы имеет развитие событийного туризма с ивентами разных жанров и форматов.

Дальнейшее туристско-рекреационное освоение района нуждается в научно обоснованной стратегии, разработке и реализации генеральных планов развития курортов и населенных мест. Первоочередными районами создания новых рекреационных зон могут стать Чокрак, побережье Арабатского залива Азовского моря, побережье Черного моря к востоку от Феодосии, район м. Опук.

Выводы

Ленинский район занимает в системе туристско-рекреационного комплекса Республики Крым периферийное положение и имеет низкий уровень рекреационной освоенности территории со специализацией на приморском семейном отдыхе. Наличие неактуализированного ресурсного потенциала, улучшение рекреационно-географического положения района в системе транспортно-логистических туристских потоков в Крым, поддерживающая государственная политика в сфере туризма определяют необходимость пересмотра стратегии региональной конкурентоспособности.

В рамках исследования предложена и реализована методика оценки конкурентоспособности туристского региона, включающая пять этапов. Конкурентоспособность Ленинского района на рынке туристских услуг Крыма оценивалась по трем группам параметров с использованием балльной оценки и визуализацией в виде многоугольников конкурентоспособности. Результаты сравнительной оценки показали, что Ленинский район превосходит Черноморский район по социо-экономико-географическим и экономическим параметрам, но уступает по группе физико-географических параметров.

Анализ актуальных задач укрепления конкурентных позиций района выявил необходимость первоочередного решения таких проблем, как нерациональное использование туристско-рекреационного ресурсного потенциала; отсутствие стратегии рекреационного освоения территории района; низкое качество общехозяйственной и туристской инфраструктуры; отсутствие квалифицированной рабочей силы; низкая инвестиционная активность в сфере рекреации и туризма; высокий уровень сезонности в работе туристского сектора экономики района. Важными путями оптимизации туристско-рекреационного комплекса района является переориентация части въездного потока в Крым к дестинациям Ленинского района, создание круглогодичного сектора туристского предложения на базе ресурсов бальнео- и грязелечения, диверсификация и совершенствование качества туристских услуг, создание позитивного образа района и продвижение его в информационном пространстве.

Статья является результатом участия авторов в сети академической мобильности «ГИС – ландшафт – Технологии и методики формирования геопорталов современных ландшафтов регионов», реализуемой в рамках Программы развития ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Литература

1. Аналитическая справка об итогах работы предприятий санаторно-курортного и туристского комплекса Республики Крым в 2017 г. /Министерство курортов и туризма Республики Крым. Симферополь, 2018.

2. Дудецкий Д. Ю. Методика оценки управления конкурентоспособностью туристской дестинации [Электронный ресурс]. 2014. Режим доступа: <http://naukarus.com/metodika-otsenki-upravleniya-konkurentosposobnostyu-turistskoj-destinatsii>.
3. Калюжнова Н. Я. Конкурентная парадигма пространственного развития // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 11-2. С. 251–255.
4. Конкурентоспособность рекреационного региона [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: <https://www.bestreferat.ru/referat-286504.html>.
5. Конкурентоспособность туристической дестинации [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5702440/page:2/>.
6. Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г., № 790.
7. Писаревский И. М., Петрова Н. Б. Предпосылки анализа уровней конкурентоспособности туристской сферы регионов Украины // *Материалы I Международной научно-практической Интернет-конференции «Проблемы формирования новой экономики XXI века (19 декабря 2008 г.)*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.confcontact.com/2008dec/4_pisarev.php.
8. Портер М. Конкуренция. М.: Альпина Паблишер, 2011. 653 с.
9. Региональная экономика / Под ред. Видяпина В. И., Степанова М. В. М.: ИНФРА-М, 2007. 666 с.
10. Русанов, В. И. Методы исследования климата для медицинских целей. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. 191 с.
11. Слепокуров А. С. Геоэкологические и инновационные аспекты развития туризма в Крыму. Симферополь: Сонат, 2000. 100 с.
12. Страчкова Н. В. Рынок рекреационных услуг Крыма (социально-географическая оценка уровня развития). Симферополь: Таврия, 2001. 48 с.
13. Туристско-рекреационные паспорта городских округов и районов Республики Крым и города Севастополя / Под редакцией д.г.н., проф. И. М. Яковенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». 2017. 286 с.
14. Флит А. Л. Подходы к определению и оценке факторов конкурентоспособности в индустрии туризма [Электронный ресурс]. 2014. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-i-otsenke-faktorov-konkurentosposobnosti-v-industrii-turizma>.
15. Яковенко И. М. Актуальные проблемы рекреационных районов Крыма // *Ученые записки Таврического национального университета*. 2007. Т. 20 (59). География. № 2. С. 10–20.
16. Яковенко И. М., Воронина А. Б. Туристско-рекреационная деятельность в Крыму в условиях политических санкций Запада / *Сборник работ Международной научной конференции «Геополитические процессы в современном евразийском пространстве»*. Баян-Лука. 2017. С. 343–355.
17. Яковенко И. М. Географическое обоснование Стратегии развития туристско-рекреационного комплекса Крыма-2020 // *Ученые записки ТНУ*. Т. 24 (63). География. 2011. № 2. Ч. 2. С. 141–148.
18. The Travel & Tourism Competitiveness Index 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017>.

Yakovenko I. M.¹
Strachkova N. V.
Tsvetkov S. A.

Competitiveness of Leninsky district in the market of tourist services in Crimea: new growth factors

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Russian Federation, Simferopol
e-mail: ¹yakovenko-tnu@ya.ru

Abstract. *Leninsky district occupies a peripheral position in the system of tourist and recreational complex of the Republic of Crimea and has a low level of recreational development of the territory with specialization in seaside family rest. Such factors as significant poorly developed resource potential of the region, improvement of recreational and geographical position of the region in the system of transport and logistics tourist flows to the Crimea, the supporting state policy in the field of tourism determine the need to revise the strategy of regional competitiveness.*

Within the framework of the study, a methodology for assessing the competitiveness of the tourist region, including five stages, is proposed and implemented. The competitiveness of Leninsky district in the market of tourism services of Crimea was estimated by three groups of parameters using a point estimate. Polygons of competitiveness were constructed to visualize the evaluation results. The results of the comparative evaluation showed that Leninsky district surpasses the Chernomorsky district in socio-economic-geographical and economic parameters, but is inferior in the group of physical and geographical parameters. The most favorable factors for the development of tourism in the area compared to other recreational areas of the Crimea are the proximity to the main transport routes linking the Crimea with mainland Russia and the availability of undeveloped beach resources and reserves of therapeutic mud. Relatively low prices for accommodation services play an important role in competition.

Analysis of urgent task of strengthening the competitive position of the district has revealed the need for solutions to such problems as inefficient using the tourism and recreational resource potential; absence of a strategy for the recreational development of the district; low quality of tourist infrastructure; lack of skilled labour force; low investment activity in the sphere of recreation and tourism; high level of seasonality in the work of the tourism sector.

Important directions of the tourist and recreational complex optimization are the reorientation of part of the incoming flow to the Crimea to the destinations of Leninsky district, the creation of the year-round sector of the tourist offer on the basis of the resources of mud treatment, diversification and improvement of the quality of tourist services, modernization of tourist infrastructure, the creation of a positive image of the district and its promotion in the information space.

Keywords: *Black Sea Region, national tourist product, international cooperation in the field of tourism.*

References

1. Analiticheskaya spravka ob itogakh raboty predpriyatij sanatorno-kurortnogo i turistskogo kompleksa Respubliki Krym v 2017 g. /Ministerstvo kurortov AR Krym. Simferopol', 2018. (in Russian).
2. Dudetskij D. YU. Metodika otsenki upravleniya konkurentosposobnost'yu turistskoj destinatsii [Elektronnyj resurs]. URL: Rezhim dostupa:

- <http://naukarus.com/metodika-otsenki-upravleniya-konkurentosposobnostyu-turistskoy-destinatsii>. (in Russian).
3. Kalyuzhnova N. YA. Konkurentnaya paradigma prostranstvennogo razvitiya // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. №11-2. S. 251-255. (in Russian).
 4. Konkurentosposobnost' rekreatsionnogo regiona [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.bestreferat.ru/referat-286504.html>. (in Russian).
 5. Konkurentosposobnost' turisticheskoy destinatsii [Elektronnyj resurs]. URL: <https://studfiles.net/preview/5702440/page:2/>. (in Russian).
 6. Ob utverzhenii federal'noj tselevoj programmy «Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolya do 2020 goda» Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 11 avgusta 2014 g., №790. (in Russian).
 7. Pisarevskij I. M., Petrova N. B. Predposylki analiza urovnej konkurentosposobnosti turisticheskoy sfery regionov Ukrainy // Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii «Problemy formirovaniya novoj ehkonomiki XXI veka (19 dekabrya 2008 g.)» [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.confcontact.com/2008dec/4_pisarev.php. (in Russian).
 8. Porter M. Konkurenciya. M.: Al'pina Publisher, 2011. 653 s. (in Russian).
 9. Regional'naya ehkonomika / Pod red. Vidyapina V. I., Stepanova M. V. M.: INFRA-M, 2007. 666 s. (in Russian).
 10. Rusanov, V. I. Metody issledovaniya klimata dlya meditsinskikh. Tomsk: Izd-vo TGU, 1973. 191 s. (in Russian).
 11. Slepokurov A. S. Geoehkologicheskie i innovatsionnye aspekty razvitiya turizma v Krymu. Simferopol': Sonat, 2000. 100 s. (in Russian).
 12. Strachkova N. V. Rynok rekreatsionnykh uslug Kryma (sotsial'no-geograficheskaya otsenka urovnya razvitiya). Simferopol': Tavriya, 2001. 48 s. (in Russian).
 13. Turistsko-rekreatsionnye pasporta gorodskikh okrugov i rajonov Respubliki Krym i goroda Sevastopolya / Pod redaksiej d.g.n., prof. I.M. YAkovenko. Simferopol': IT «ARIAL». 2017. 286 s. (in Russian).
 14. Flit A. L. Podkhody k opredeleniyu i otsenke faktorov konkurentosposobnosti v industrii turizma [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-i-otsenke-faktorov-konkurentosposobnosti-v-industrii-turizma>. (in Russian).
 15. Yakovenko I. M. Aktual'nye problemy rekreatsionnykh rajonov Kryma // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. 2007. T. 20 (59). Geografiya. №2. S. 10-20. (in Russian).
 16. Yakovenko I. M., Voronina A. B. Turistsko-rekreatsionnaya deyatel'nost' v Krymu v usloviyakh politicheskikh sanktsij Zapada / Sbornik rabot Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Geopoliticheskie protsessy v sovremennom evrazijskom prostranstve». Banya-Luka. 2017. S. 343-355. (in Russian).
 17. Yakovenko I. M. Geograficheskoe obosnovanie Strategii razvitiya turistsko-rekreatsionnogo kompleksa Kryma-2020 // Uchenye zapiski TNU. T. 24 (63). Geografiya. 2011. №2. CH. 2. S. 141-148. (in Russian).
 18. The Travel & Tourism Competitiveness Index 2017 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017>. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.07.2018 г.

УДК 94.(470+571)

Баранов А. В.

Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Краснодар
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. В статье интерпретированы изменения численности и географии проживания народов Крыма в постсоветский период. Теоретической основой работы выбрана парадигма конструктивизма. Аргументирована зависимость численности основных этнических групп от конструирования коллективной идентичности, от межэтнических дистанций, от государственной политики. Раскрыто влияние различий уровня урбанизированности народов на их этничность. Выявлены причины резких колебаний численности украинцев в Крыму за 1989–2014 гг.

Ключевые слова: этническая структура населения, изменения, Крым, идентичности, миграции, постсоветский период.

Введение

Изменения этнической структуры населения Крыма всегда были важным аспектом межэтнических отношений, неразрывно связанным с конкуренцией за экономическое, политическое и социокультурное влияние на полуострове. Воссоединение Крыма и России повысило значение этнодемографических факторов в обеспечении межэтнического мира. Возрастает актуальность объективного исследования этнической географии Крыма в постсоветский период её развития. Необходим географический анализ изменений этнических ареалов народов Крыма, выяснение влияния пространственных факторов на уровень политической конфликтности и дислокацию «болевых точек» в полиэтничном крымском сообществе.

Цель работы – установить политические последствия изменений численности и географии проживания народов Крыма в постсоветский период на основе парадигмы конструктивизма в этнополитологии.

Источниковая основа статьи включает в себя опубликованные результаты переписей населения 1989, 2001 и 2014 гг. в аспекте этнической и языковой структуры [1; 2; 3]. Также исследованы материалы массовых анкетных опросов, позволяющие выявить в динамике соотношение этнической, языковой, конфессиональной и национальной идентичностей. Интерпретированы опросы, проведённые Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова (2008 и 2011 гг.) [4; 5], ВЦИОМ и Институтом социологии РАН (октябрь 2015 г.) [6], Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель–июнь 2016 г.) [7]. Проанализированы карты географии народов Крыма, основных конфессий, проявлений этнополитических конфликтов.

Географическая школа исследований этнических процессов сложилась в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского (ныне – Крымский

федеральный университет им. В. И. Вернадского) во главе с Н. В. Багровым [8, с. 85–122]. Ключевые работы о географии этнополитических и конфессиональных конфликтов создали А. Б. Швец [9, с. 277–282], А. Г. Шевчук [10, с. 64–75], А. Н. Яковлев [11, с. 43–50]. В их работах картографированы проявления конфликтов, обоснована причинно-следственная модель развития конфликтов и концепция их регулирования. Кратко отражён политико-географический аспект в «Атласе Автономной Республики Крым» [12, с. 45–51], в статье географа Р. Ш. Меметовой [13, с. 105–110] и монографии социолога Э. С. Муратовой [14, с. 152–162, 195–200]. В период воссоединения Крыма с Россией самым глубоким исследованием темы следует признать коллективную монографию Н. В. Киселёвой, В. П. Петрова, А. В. Мальгина и А. А. Форманчука [15, с. 175–260]. Новые подходы содержит статья Д. И. Узнародова [16, с. 60–66]. Но внимание к политико-географическим аспектам этнических процессов в современном Крыму снизилось, по крайней мере в открытых аналитических изданиях. На восполнение этого пробела и направлена статья.

Материалы и методы

Методологией исследования выбран социальный конструктивизм, дающий возможность трактовать этнические группы как объединения, основанные на представлениях индивидов о своей культурной общности и отличиях от других групп. Маркерами этнических групп чаще всего выступают идентичность (самосознание), язык, религия, представления об исторических традициях и «символах гордости». Статья применяет картографический метод, региональную парадигму в политической географии. Автор применяет центр-периферийный подход для выявления ареалов расселения русских, украинцев и крымских татар в соответствии с принципами историзма и экономико-социальной детерминации этнических явлений. Ареалы расселения различных народов не являются изолированными, а входят в качестве компонентов в полиэтничное и поликонфессиональное пространство Крыма. Это обязывает применить системный подход. На уровне эмпирических методик проведён вторичный анализ опубликованных итогов социологических опросов.

Результаты и обсуждение

Крым – многосоставное сообщество, он развивается на фронтире между западной, православной и исламской цивилизациями. В таких поликультурных регионах соотношение национальной, региональной, этнических и конфессиональных идентичностей неустойчиво и конкурентно, что порождает тенденцию конфликтности. Этническая и конфессиональная идентичность могут стать одним из факторов риска для интеграции общества либо могут мирно сочетаться с национальной, общероссийской идентичностью.

Крым всегда был полиэтничным и многоконфессиональным. Ни одна из его этнических групп не является автохтонной. Часто менялся политический статус региона, что влекло за собой ломку этностатусной иерархии народов. Всесоюзная перепись населения (январь 1989 г.) зафиксировала в Крымской области (включая г. Севастополь) постоянное население в количестве 2430,5 тыс. чел. Среди них преобладали русские – 67,05 %, украинцы – 25,75 %, белорусы – 2,06 %. Крымские

татары составляли 1,58 % населения, татары – 0,44 % [1]. Перепись 1989 г. отразила исходное состояние этнодемографии Крыма к началу репатриации крымских татар, армян, болгар и других реабилитированных народов.

Качественно иное состояние зафиксировала Всеукраинская перепись (декабрь 2001 г.), состоявшаяся в условиях почти завершённой репатриации. По итогам переписи 2001 г. русские составляли 60,2 % совокупного населения Автономной Республики Крым (АРК) и г. Севастополя, украинцы – 23,9 %, а крымские татары – 10,2 % (см. табл. 1) [2]. Важны различия этнической структуры двух административных единиц. Население АРК составляло 2033,7 тыс. чел., в том числе русские – 58,5 %, украинцы – 24,4 %, крымские татары – 12,1 %, белорусы – 1,5 % (всего проживало в АРК 125 этнических групп) [2]. Население г. Севастополя составляло в 2001 г. 377,2 тыс. чел., в том числе русские – 71,6 %, украинцы – 22,4 %, белорусы – 1,6 %, крымские татары – 0,5 % (всего проживало более 97 этнических групп) [17]. Количество украинцев превышало организаторами переписи 2001 г.

Материалы переписи 2001 г. подтверждают сосредоточение русских прежде всего в крупных городах, а украинцев – в сельских районах и малых городах, прилегающих к Перекопскому перешейку. В сравнении переписей 2001 и 2014 гг. очевиден рост численности назвавших себя русскими при резком и почти повсеместном снижении удельного веса украинцев. Учитывая незначительность миграционных обменов между Крымом и Украиной с марта 2014 г., можно уверенно говорить о смене этнической идентичности того же постоянного населения, которое в 2001 г. сочло себя украинцами.

Важный фактор – взаимное усиление этнической и религиозной идентичности. Это подтверждает концепцию многосоставного общества. 97,8 % татар считали себя мусульманами, а 85,1 % украинцев и 84,9 % русских – православными, судя по массовому опросу 2008 г. [4, с. 4].

Языковая ситуация значительно отличалась от этнической. Считали родным языком русский 79,1 % жителей региона, украинский – 9,6 %, крымско-татарский – 9,6 % [2]. Наиболее консолидированной в лингвистическом отношении выступает группа русских. Татары на втором месте, а наименее консолидированы украинцы. То есть в Крыму шла добровольная ассимиляция украинцев русскими, вопреки навязыванию «державной мовы». Уровни модернизированности русского и украинского сообществ качественно выше, чем татарского в силу уровня урбанизации. В Крыму русская этническая идентичность не совпадала с языковой идентичностью, а считали себя русскими по языку не только русские по происхождению, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки, поволжские татары и др. Для них русские исторические «символы гордости» и язык общения более привлекательны, чем украинские.

Опрос, проведенный Центром им. А. Разумкова в феврале–марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), доказал неравномерность межэтнических дистанций по шкале социальной дистанции Э. Богардуса. Самый низкий уровень дистанции крымских русских – относительно крымских украинцев (2,11), жителей Юга и Востока Украины – 2,89, жителей РФ – 3,11, жителей Центра Украины – 3,12. Наиболее высок уровень дистанции в отношении крымских татар – 3,97 балла, жителей Запада Украины – 4,54, турок – 5,60 и цыган – 6,02 балла. Уровень дистанции между русскими и татарами (4,22 балла) почти не отличался от такового между украинцами и татарами (4,10) [5, с. 29].

Таблица 1.

**Этнический состав населения муниципальных образований Республики Крым и г. Севастополя по материалам переписей 2001 и 2014 гг.
(в % от всей численности жителей)**

Муниципальные образования	Русские, 2001 г.	Русские, 2014 г.	Украинцы, 2001 г.	Украинцы, 2014 г.	Крымские татары*, 2001 г.	Крымские татары*, 2014 г.
Бахчисарайский	54,3	56,5	19,6	12,9	21,3	27,7
Белогорский	49,2	52,6	16,2	10,1	29,2	34,4
Джанкойский	38,9	46,1	33,8	23,5	21,6	26,1
Кировский	50,5	51,9	17,6	10,7	25,5	33,3
Красногвардейский	48,7	54,3	27,3	19,0	16,7	21,8
Красноперекопский	33,2	41,3	43,4	32,5	17,2	21,6
Ленинский	54,8	64,1	15,5	15,2	29,2	17,2
Нижнегорский	50,4	56,6	16,0	19,5	28,8	20,2
Первомайский	35,1	45,7	37,9	28,6	21,5	22,2
Раздольненский	41,1	49,8	40,1	30,3	13,3	15,9
Сакский	45,2	52,2	31,5	21,5	17,5	21,8
Симферопольский	49,4	56,1	23,5	15,0	22,2	25,3
Советский	48,5	53,6	22,1	13,5	22,2	28,6
Черноморский	52,8	63,1	29,3	18,9	12,7	14,8
Алуштинский горсовет	67,1	78,9	23,0	16,5	5,9	7,0
Армянский горсовет	55,7	61,3	36,2	29,5	3,5	4,5
Джанкойский горсовет	59,8	68,0	25,9	16,9	8,1	9,6
Евпаторийский горсовет	64,9	73,8	23,3	14,9	6,9	7,4
Керченский горсовет	78,7	87,3	15,4	8,5	1,9	1,7
Красноперекопский горсовет	51,0	60,5	40,9	30,5	3,0	4,6
Сакский горсовет	65,1	72,2	24,3	16,6	5,8	7,4
Симферопольский горсовет	66,7	72,4	21,3	13,1	7,0	9,9
Судакский горсовет	59,2	59,9	17,6	12,4	17,4	24,8
Феодосийский горсовет	72,2	79,7	18,8	12,2	4,6	4,3
Ялтинский горсовет	65,6	74,0	27,6	19,3	1,3	2,6
АР Крым в целом	58,2	65,2	24,3	16,0	12,0	14,9
г. Севастополь	71,6	81,1	22,4	14,2	0,5	1,5
Крымский полуостров в целом	60,4	67,9	24,1	15,7	11,7	12,6

* Крымские татары и «татары» учтены как один народ.

Составлено по: [2; 3]

Отметим весомые изменения баланса этнических идентичностей при переписи населения в Крыму (октябрь 2014 г.). Данные украинской переписи

2001 г. и российской 2014 г. сопоставимы, поскольку уровень миграционных потоков на полуостров и вовне его малозначителен. В обеих переписях этническая и языковая принадлежность определялась по самоидентификации индивидов. Но перепись 2001 г. сопровождалась протестами русских против завышения удельного веса украинцев в Крыму [2, с. 126–134]. На всём полуострове в 2014 г. проживало 2284,8 тыс. чел., из них 96,2 % назвали свою этническую принадлежность. Русские составляют 67,9 % совокупного населения Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших свою этничность, украинцы – 15,7 %, крымские татары – 10,6 %. Еще 2,05 % жителей назвали себя татарами, что на порядок превышает уровень 2001 г. (0,57 %). Федеральная служба статистики приняла решение добавить к категории крымских татар всех лиц, владеющих данным языком как родным. Не указали этничность 87,2 тыс. жителей Крыма (3,8 %), что в 8 раз больше, чем при переписи 2001 г. [3, с. 121–134].

Население Республики Крым (РК) составило в октябре 2014 г. 1889,4 тыс. чел., в том числе русских – 65,0 %, украинцев – 16,0 %, крымских татар – 12,6 %, белорусов – 1,0 % (в РК проживает 175 этнических групп). Население г. Севастополя составило 395,0 тыс. чел., в том числе русских – 81,0 %, украинцев – 14,2 %, белорусов – 1,0 %, крымских татар – 0,7 % [3, с. 121–134]. В условиях конфликта многие крымские украинцы добровольно сделали выбор в пользу признания себя русскими, что объясняется относительно низкой сплочённостью и слабым владением крымскими украинцами своим языком.

Среди муниципальных образований с наибольшим удельным весом крымских татар (см. табл. 2) по-прежнему Белогорский район (34,3 % населения), Кировский (33,2 %), Советский (28,6 %), Бахчисарайский (27,6 %), Джанкойский (26,1 %), Симферопольский сельский (25,3 %), г. Судак (24,7 %). Но за 2001–2014 гг. ареал проживания крымских татар расширился. Прирост удельного веса крымских татар идёт в 21 из 25 муниципальных образований республики, причём наиболее быстро – в престижных г. Ялте, Симферополе, Судак.

Полезную информацию даёт анкетный опрос крымских татар, проведённый ВЦИОМ и Институтом социологии РАН в октябре 2015 г. Выборка исследования – 1200 чел. Крымские татары идентифицируют себя, прежде всего, как народ (81 % ответов), жители Крыма (58 %), мусульмане (51 %). Среди опрошенных 16 % назвали себя россиянами, в том числе среди поддержавших воссоединение Крыма с Россией – 36 %. В сравнении подвыборок респондентов из разных типов поселений (г. Симферополь, средние и малые города, сёла) очевидно: исламская идентичность наиболее важна для татар Симферополя (86 % ответов), в сёлах её отметили 49 %, а в средних и малых городах – 44 % [6, с. 60, 62, 64, 65]. Таким образом, риски конфликта идентичностей высоки и они сосредоточены в Симферополе, что объяснимо борьбой за власть и относительной депривацией. Этническая и конфессиональная идентичности крымских татар имеют высокую степень сочетаемости, среди них первична этническая.

Таблица 2.

География расселения крымских татар* на Крымском полуострове по переписям 2001 и 2014 гг. (в % от всего населения)

№	Сельский район, город	2001 г.	2014 г. ¹⁹
1	Бахчисарайский район	21,3	27,6
2	Белогорский район	29,2	34,3
3	Джанкойский район	21,6	26,1
4	Кировский район	25,5	33,2
5	Красногвардейский район	16,7	21,7
6	Краснопереконский район	17,2	21,5
7	Ленинский район	29,2	17,2
8	Нижнегорский район	28,8	20,2
9	Первомайский район	21,5	22,2
01	Раздольненский район	13,3	15,9
11	Сакский район	17,5	21,8
12	Симферопольский район	22,2	25,3
13	Советский район	22,2	28,6
14	Черноморский район	12,7	14,8
15	Алуштинский горсовет	5,9	7,0
16	Армянский горсовет	3,5	4,5
17	Джанкойский горсовет	8,1	9,6
18	Евпаторийский горсовет	6,9	7,4
19	Керченский горсовет	1,9	1,8
20	Краснопереконский горсовет	3,0	4,5
21	Сакский горсовет	5,8	7,4
22	Симферопольский горсовет	7,0	9,9
23	Судакский горсовет	17,4	24,7
24	Феодосийский горсовет	4,6	4,3
25	Ялтинский горсовет	1,3	2,6
	Итого Республика Крым	12,0	14,9
	Город Севастополь	0,5	0,7
	Итого Крымский полуостров	10,2	12,6

*Крымские татары и татары учтены суммарно как один народ.

Составлено по: [2; 3]

Новейшие данные о балансе идентичностей в Крыму даёт опрос, проведённый Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель–июнь 2016 г., выборка 1101 чел.). Респонденты в первую очередь считают себя «гражданами России» (43,1 %) и «жителями Крыма» (35,3 %), «жителями

¹⁹ В 2014 г. суммированы показатели по категориям самоидентификации «крымские татары» и «татары».

планеты» (9,4 %), «жителями города, района» (8,4 %). Гражданами Украины признали себя 1,1 %. В сравнении этнических групп считают себя в первую очередь гражданами России 52 % русских, 28 % украинцев и 8 % крымских татар. Воспринимают себя прежде всего как жителей Крыма 30 % русских, 42 % украинцев и 65 % татар. Различия этнических групп в восприятии украинской и локальной идентичностей несущественны [7, с. 11–15]. Удельный вес респондентов, считающих себя в первую очередь гражданами России, в городах Крыма – 47 %, а в сельской местности – 38 %. Региональной идентичности привержены в большей мере сельские жители (46 %), а не горожане (28 %). Соотношение идентичностей в каждой из этнических групп своеобразно, а регионализм противоречив: он может быть и резервом конструирования российской идентичности (среди русских и украинцев), и конфликтогенным обоснованием неприятия «российскости» (среди крымских татар).

Выводы

Региональное сообщество Крыма – сложносоставное с достаточно отчётливым внутренним выделением русского, украинского и крымско-татарского сообществ как наиболее многочисленных и определяющих «повестку дня» конкуренции идентичностей. Но этнические, лингвистические и религиозные размежевания отчасти компенсируются, в том числе – их территориально дисперсным размещением «внахлест», что сдерживает их конфликт. Русская этническая идентичность крымчан интегрирована в общерусскую идентичность. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Сложилась сложносоставная региональная идентичность крымчан. Соотносят себя с ней и русские, и значительная часть украинцев, белорусов, армян, греков, других народов. В современном Крыму русское этническое самосознание является не только основой региональной идентичности, но и смысловым «ядром» укрепления российской национальной идентичности.

Ареал расселения русских крымчан охватывает, прежде всего, крупные города – центры промышленности, торговли и финансов. Наиболее русскими по населению являются г. Севастополь и Керчь. В 2014 г. перепись зафиксировала расширение ареала русских за счёт сокращения ареала расселения украинцев, что произошло в категориях населения с двойной и неустойчивой этнической и языковой идентичностью. Одновременно на протяжении всего периода 1989–2014 гг. шло неуклонное повышение удельного веса крымских татар в населении Крыма, распространение ареала их проживания из степных и предгорных сельских районов в курортные малые города (Саки, Судак и др.), в г. Симферополе и его окрестности. Логика данных миграционных процессов типична для стран мировой полупериферии и запаздывающей модернизации.

Межэтнические конфликты наиболее вероятны по линии «славяне – крымские татары». Риски конфликтов сосредоточены в столице республики – Симферополе, что объяснимо концентрацией ресурсов власти. Зонай риска являются также степные районы в связи с их экономической депрессивностью и близостью к российско-украинской границе.

Необходима научно обоснованная стратегия интеграции Крыма и России на основе укрепления национальной идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ. Ресурс её прочности – интеграция

этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, совершенствование механизмов согласования и представительства групповых интересов.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. Крымская область. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11.
2. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.
3. Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А. Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
4. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109). С. 4–22.
5. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4–5 (122–123). С. 27–39.
6. Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., 2016. № 3. С. 51–68.
7. Проект «Открытое мнение – Крым – 2016»: Краткий аналитический отчет по итогам исследования. М., 2016. 45 с.
8. Багров Н. В. Региональная геополитика устойчивого развития. Киев: Либідь, 2002. 254 с.
9. Швец А. Б. Конфликты ценностей в Крыму // Религия и гражданское общество: межконфессиональные и этнические конфликты в условиях геополитической конкуренции. Севастополь: Вебер, 2013. С. 277–282.
10. Шевчук А. Г. Регионализация этноконфессиональных процессов в социокультурном пространстве Автономной Республики Крым // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь: ООО «Антиква», 2013. Вып. 3. С. 64–75.
11. Яковлев А. Н. Особенности локализации социокультурной конфликтности в Крыму (2011–2012 гг.) // Этнокультурные и конфессиональные отношения в Крыму. Симферополь: ООО «Антиква», 2013. Вып. 3. С. 43–50.
12. Атлас Автономной Республики Крым / редкол.: Н. В. Багров, Л. Г. Руденко. Киев; Симферополь: ЗАТ «Институт передовых технологий», 2003. 32 с.
13. Меметова Р. Ш. Формирование мест современного компактного проживания крымскотатарского населения // Проблемы материальной культуры. Симферополь, 2013. С. 105–110.

14. Муратова Э. С. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь: Элиньо, 2008. 240 с.
15. Киселёва Н. В., Петров В. П., Мальгин А. В., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
16. Узнародов Д. И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки // Известия высш. учеб. завед. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. Ростов н/Д, 2016. № 3. С. 60–66.
17. Численность и состав населения Севастопольского горсовета по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/>.

Baranov A.V.

Changes to the ethnic structure of the crimea population in the post-soviet period: identity drift and migration processes

Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *Changes are interpreted in the number and geography of the peoples of the Crimea in the post-Soviet period. The paradigm of constructivism was chosen as the theoretical basis of the work. The dependence of the number of major ethnic groups on the construction of a collective identity, on inter-ethnic distances, and on state policy is argued. The influence of differences in the level of urbanization of peoples on their ethnicity is revealed. The reasons for the sharp fluctuations in the number of Ukrainians in the Crimea for 1989-2014 are revealed.*

Key words: *ethnic structure of the population, changes, Crimea, identities, migrations, post-Soviet period.*

References

1. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti. Krymskaya oblast'. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (in Russian).
2. Chislennost' i sostav naseleniya Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naseleniya 2001 g. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (in Russian).
3. Itogi perepisi naseleniya v Respublike Krym / pred. redkol. A. E. Surinov. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 s. (in Russian).
4. Krims'kij socium: liniï podilu ta perspektivi konsolidacii (Analitichna dopovid' Centru Razumkova) // Nacional'na bezpeka i oborona. Kiïv, 2009. №5 (109). S. 4–22 (in Ukrainian).
5. Stavlennya zhiteliv Krimu do imovirnih zagroz ta do pitan', yaki mayut' znachnij konfliktnij potencial // Nacional'na bezpeka i oborona. Kiïv, 2011. № 4–5 (122–123). S. 27–39 (in Ukrainian).

6. Mukomel' V. I., Hajkin S. R. Krymskie tatory posle «krymskoj vesny»: transformaciya identichnostej // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. M., 2016. № 3. S. 51–68 (in Russian).
7. Proekt «Otkrytoe mnenie – Krym – 2016»: Kratkij analiticheskij otchyot po itogam issledovaniya. M., 2016. 45 s. (in Russian).
8. Bagrov N. V. Regional'naya geopolitika ustojchivogo razvitiya. Kiev: Libid', 2002. 254 s. (in Russian).
9. Shvec A. B. Konflikty cennostej v Krymu // Religiya i grazhdanskoe obshchestvo: mezhkonnessional'nye i ehnticheskie konflikty v usloviyah geopoliticheskoy konkurencii. Sevastopol': Veber, 2013. S. 277–282 (in Russian).
10. Shevchuk A. G. Regionalizaciya ehntokonnessional'nyh processov v sociokul'turnom prostranstve Avtonomnoj Respubliki Krym // EHtnokul'turnye i mezhkonnessional'nye otnosheniya v Krymu. Simferopol': OOO «Antikva», 2013. Vyp. 3. S. 64–75 (in Russian).
11. Yakovlev A. N. Osobennosti lokalizacii sociokul'turnoj konfliktnosti v Krymu (2011–2012 gg.) // EHtnokul'turnye i konnessional'nye otnosheniya v Krymu. Simferopol': OOO «Antikva», 2013. Vyp. 3. S. 43–50 (in Russian).
12. Atlas Avtonomnoj Respubliki Krym / redkol.: N. V. Bagrov, L. G. Rudenko. Kiev; Simferopol': ZAT «Institut peredovyh tekhnologij», 2003. 32 s. (in Russian).
13. Memetova R. SH. Formirovanie mest sovremennogo kompaktnogo prozhivaniya krymskotatarskogo naseleniya // Problemy material'noj kul'tury. Simferopol', 2013. S. 105–110 (in Russian).
14. Muratova E. S. Islam v sovremennom Krymu: indikatory i problemy processa vozrozhdeniya. Simferopol': EHlin'o, 2008. 240 s. (in Russian).
15. Kiselyova N. V., Petrov V. P., Mal'gin A. V., Formanchuk A. A. EHtnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih resheniya. Simferopol': Salta, 2015. 352 s. (in Russian).
16. Uznarodov D. I. EHtnosocial'nye processy v Krymu v postsovetskij period: konfliktogennye faktory i istoricheskie predposylki // Izvestiya vyssh. ucheb. zaved. Sev.-Kav. region. Obshchestv. nauki. Rostov n/D, 2016. № 3. S. 60–66 (in Russian).
17. Chislennost' i sostav naseleniya Sevastopol'skogo gorsoveta po itogam Vseukrainskoj perepisi naseleniya 2001 goda. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/> (in Russian).

Поступила в редакцию 10.06.2018 г.

УДК 81-2

Каширина Е. С.¹

Ситько Ю. Л.²

Новиков А. А.³

Сорокина Е. И.⁴

Теплова Л. И.⁵

Особенности лингвистического картографирования при описании функционирования языка на ограниченной территории (на примере Большого Севастополя)

Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в Севастополе,
Российская Федерация, г. Севастополь
e-mail: ¹e_katerina.05@mail.ru; ²yurii.sitko@outlook.com;
³a_novik@bk.ru; ⁴amila@mail.ru; ⁵liubovteplova@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты первичной обработки полевых данных исследования функционирования языка на ограниченной территории (на примере Большого Севастополя). Проанализированы данные 134 анкет, собранных в селах Севастопольского региона. Определено, что для отображения особенностей функционирования языка на ограниченной территории наилучшим образом подходят такие способы изображения, как локализованные диаграммы.

Ключевые слова: лингвистическое картографирование, функционирование языка, русский язык, метод изоглосс, Севастополь, ГИС-технологии.

Введение

В условиях резкого снижения количества сел и сельского населения лингвисты наблюдают процесс разложения диалектного членения русского языка, сопровождающийся формированием более крупных территориальных вариантов общенационального языка, называемых региолектами (обзор проблемы в [1]). Вариативность русского языка в Крыму осознается как насущная проблема диалектологии (подробнее в [2]). Изменения, происходящие в языке, требуют постоянной и четкой их фиксации и лексикографирования, поскольку «коллектору диалектного материала и составителю словаря трудно идентифицировать реалию, которая скрывается за предъявляемой информантом лексемой, и семантическое описание следует строго за контекстом, что может привести к серьезным ошибкам, которые в сводном словаре уже нелегко обнаружить и трудно исправить» [3].

Проводимое филиалом МГУ в Севастополе систематическое описание функционирования языка на территории Большого Севастополя является продолжением работы, проводившейся при финансировании Севастопольского горсовета в 2007 г. [4; 5]. Фундаментальная научная задача исследования – системное описание функционирования в пределах Большого Севастополя русского языка (региолекта русского языка) в новейшее время, его взаимодействия с близкородственными и неродственными языками.

Севастопольский регион (Большой Севастополь) представляет собой близкий к эталонному регион и демонстрирует описанную проблематику, поскольку после окончания Великой Отечественной войны и до настоящего времени на территории Севастополя происходят разнообразные политические процессы (освобождение от оккупации, передача из состава РСФСР в состав УССР, существование в рамках

постсоветской Украины, воссоединение с Россией), массовые миграции населения (депортация и возвращение крымских татар, заселение сельских территорий Крыма жителями РСФСР и УССР), изменения в организации образования, связанные с преподаванием русского, украинского и крымско-татарского языков в школах на протяжении всего рассматриваемого периода, а также изменения в религиозной политике государства и конфессиональной принадлежности населения.

Описание становления новых социо- и региолектов, их формирования одновременно с переразложением диалектного членения русского языка в условиях постоянного взаимодействия с близкородственными и неродственными языками составляет актуальную задачу современной диалектологии.

Материалы и методы

С 25 июня по 7 июля 2018 г. проводилось первичное диалектологическое обследование русского языка в Байдарской долине (сёла Передовое, Орлиное), а также в сёлах Штурмовое, Черноречье, Хмельницкое и Сахарная Головка (рис. 1). Обследование проводили студенты, получившие специальные диалектологические знания и навыки в пределах курса «Диалектология».

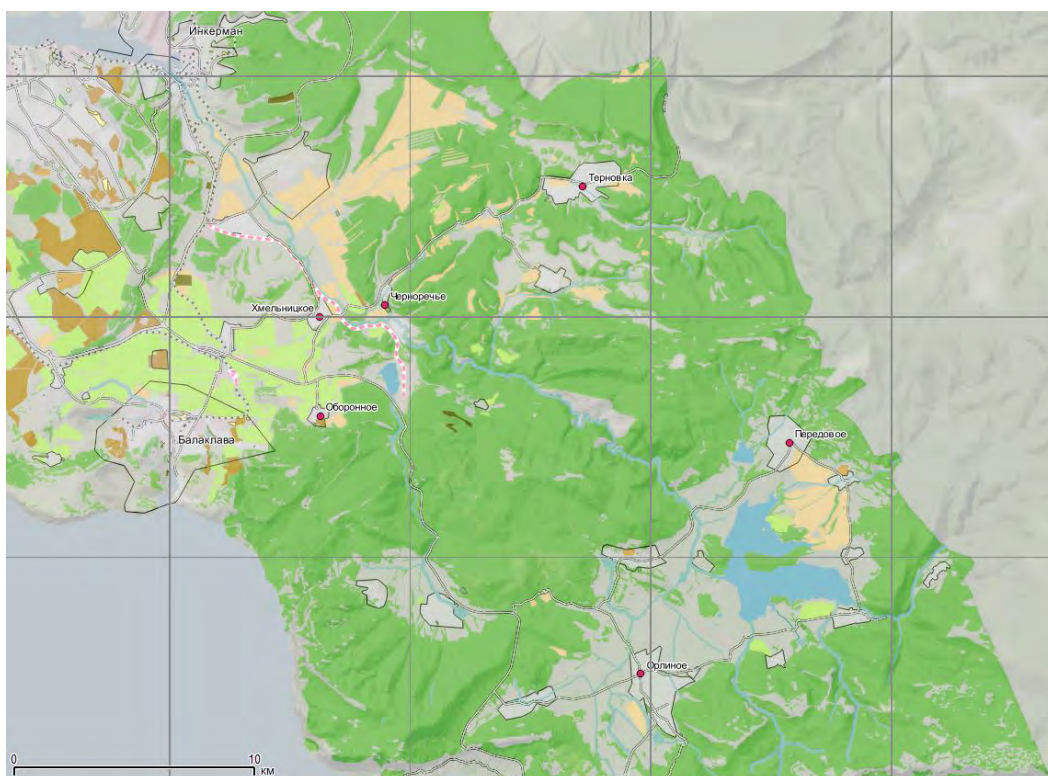

Рис. 1. Схема района проведения полевых лингвистических исследований в сельских населённых пунктах Севастопольского региона.

Составлено авторами

В процессе обследования использовался метод анкетирования, а также метод целенаправленной беседы с последующей расшифровкой и транскрибированием. Целью анкетирования было установление корреляции декларируемой информантом национальности с его родным («материнским», детским) языком, с

разговорным и домашним языками, с возможным владением иными языками, а также с историей личных миграций. Всего было собрано 134 анкеты (табл. 1).

Таблица 1.

**Распределение собранных анкет по населенным пунктам
Севастопольского региона**

Название населенного пункта	Численность населения в 2014 г. (чел.)	Число анкет, (шт.)
Орлиное	2106	33
Передовое	643	11
Черноречье	354	12
Хмельницкое	661	23
Сахарная Головка	4146	3
Штурмовое	1535	34
Оборонное	107	13
Терновка	1843	5

Составлено авторами по: [6]

Личные беседы проводились с целью предварительной оценки особенностей исследуемого региолекта русского языка. Языковой материал собирался методом подворового обхода с применением биографического метода (история образования населенного пункта, война и послевоенное время, топонимика (официальная и неофициальная), история переселений (военная, послевоенная, новейшего времени), национальный и количественный состав населения, история школьного образования, хозяйственная деятельность (работа и пенсия, приусадебный участок и подсобное хозяйство, животноводство, растениеводство и туризм). Тематика бесед подбиралась с расчетом спровоцировать реализацию соответствующих лексических полей, характеризующих соответствующие формы бытовой, хозяйственной, экономической и общественно-культурной деятельности носителей русского языка.

При сборе материала основное внимание обращалось на следующие параметры: ударение (колебания ударения и особенности интонации), особенности вокализма (характер редукции гласных звуков в безударной позиции), особенности консонантизма (употребление взрывного [г], фарингальных [h] и [ɦ] и фрикативного [γ]; наличие в речи губно-губного [w] и неслогового [ʏ] как следов южно-русских диалектов и / или влияния украинского языка; различия в речи [т] и [ц]).

Картографическое отображение фонетических, грамматических и синтаксических особенностей речи предполагает использование метода изоглосс, что связано не только с попыткой отобразить границы функционирования тех или иных явлений, но также отображает ареал функционирования того или иного явления, связанный с областью повседневной миграции информантов и реализации ими черт языка как интерсубъективных (онтологически представленных как объективно существующие в форме субъективных представлений различных индивидов).

Информанты условно были разделены на три поколения: старшее поколение (1930–1940 г. р. и позже), взрослые (до 1970, 1970–1980 и позже), молодежь (1985

и позже). Такое членение предположительно позволит отразить особенности влияния школьного образования на характер функционирования языка в разных поколениях. Картографическое отображение тех или иных результатов обследования речи в связи разделением информантов по поколениям требует применения точечного метода, поскольку информанты старшего поколения часто представлены единично, а сопоставление полученного от них материала с данными изоглосс может оказаться объяснением тех или иных фактов и частоты их возникновения. В этой связи считаем необходимым также учитывать при картографировании не только наличие или отсутствие того или иного явления, но также и частоту его присутствия в материале, что на электронных картах может отображаться интенсивностью цвета.

Для построения карт использовался программный пакет QGIS.

Результаты и обсуждение

Для целей лингвистического картографирования наиболее часто используется метод изолиний – изоглосс – построения линий, соединяющих районы с одинаковыми языковыми особенностями. Для создания карт с использованием метода изолиний необходим массив данных на территорию, достаточную для фиксации языковых особенностей (изменения отдельных языковых показателей). Сельская местность Севастопольского региона занимает площадь около 50 тыс. га и включает 39 населенных пунктов, что позволяет рассматривать регион как ограниченную территорию для исследования функционирования языка. Ограниченность пространственного охвата полученных данных не позволяет корректно применять метод построения изоглосс [7; 8].

Для отображения материнского языка жителей обследованных населенных пунктов использовались локализованные столбчатые диаграммы (рис. 2).

Из картосхемы видно, что большая часть респондентов родным («материнский», детский, тот, на котором говорили в семье) считает русский язык – 83 % опрошенных. Украинский язык является родным для 13 % опрошенных, крымско-татарский и другие языки – для 4 % респондентов. В разрезе отдельных населенных пунктов необходимо отметить наличие украинского языка как родного почти во всех селах. Среди других языков были указаны белорусский, чеченский, армянский и молдавский. Некоторые респонденты указывали два языка в качестве родных.

Локализованные круговые диаграммы отражают использование жителями рассматриваемых населенных пунктов того или иного языка в разговорной речи (рис. 3). Исследование показало, что в качестве разговорного языка наиболее широко используется русский. В сёлах Передовом, Штурмовом и Оборонном был указан только русский язык. В других населенных пунктах в качестве разговорного используется украинский и единично белорусский языки.

Увеличивается роль русского языка при рассмотрении использования домашнего языка – 93 % опрошенных. Остальные 7 % приходятся на украинский, крымско-татарский и другие языки (армянский). Украинский язык в качестве домашнего используют жители сел Орлиное и Черноречье, крымско-татарский – жители села Орлиное.

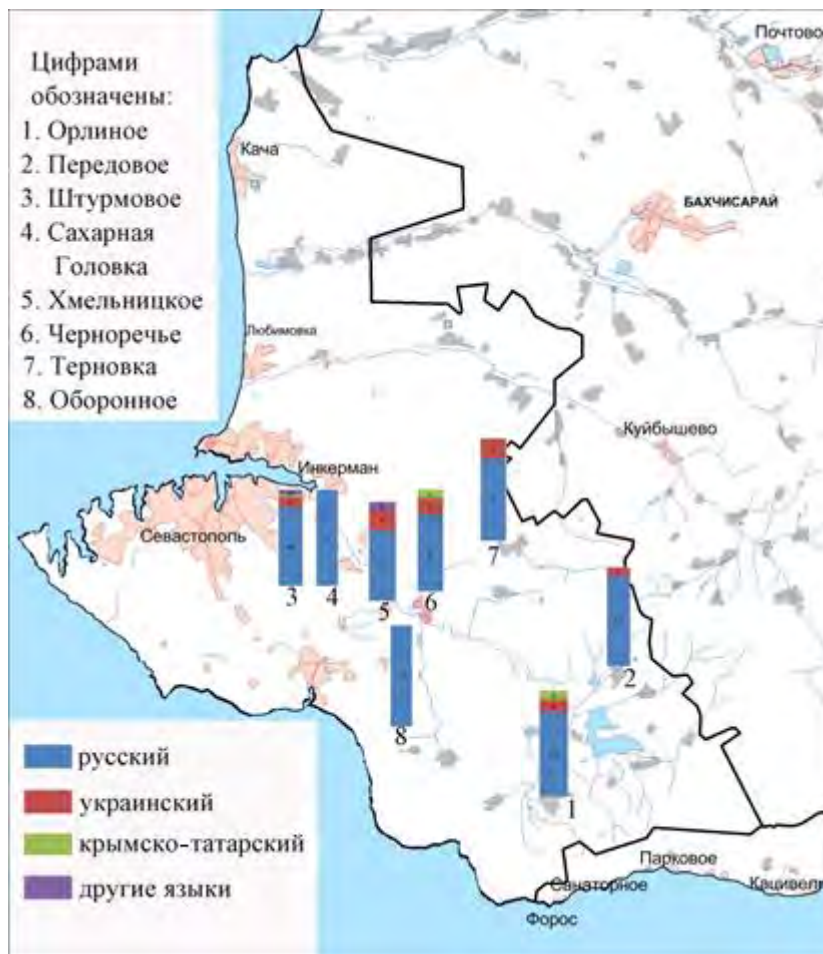

Рис. 2. Родной язык респондентов сельских населённых пунктов в Севастопольском регионе.

Разработали авторы по материалам полевых исследований

Таким образом, наиболее сложная (разнообразная) языковая ситуация зафиксирована в селе Орлином, где отмечено использование не менее трех языков в качестве родного, разговорного и семейного. В целом разнообразие используемых языков снижается при рассмотрении в цепочке родной язык (7) – разговорный язык (4) – домашний язык (4).

Выводы

Проведенный анализ результатов лингвистического анкетирования в сельской местности Севастопольского региона, а также способов изображения полученного пространственного материала позволил сделать следующие выводы.

1. Родным языком большинство (84 %) респондентов сельской местности Севастопольского региона считает русский. На втором месте указан украинский язык – 14 %. Другие языки, включая крымско-татарский, являются родными для 4 % опрошенных.

2. В качестве разговорного языка для абсолютного большинства опрошенных указывается русский (отметим, что зафиксированы случаи, когда респондент не

отдает себе отчет, на каком языке он говорит: *я нормально говорю*). Также жителями обследованных населенных пунктов используется украинский, крымско-татарский, белорусский языки.

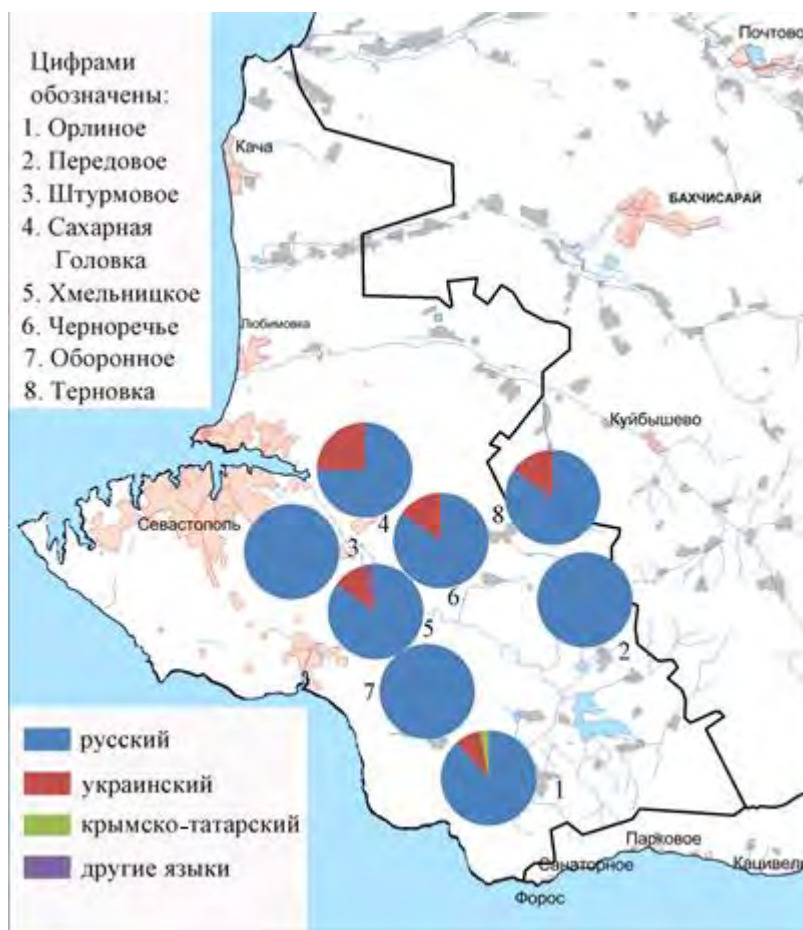

Рис. 3. Разговорный язык респондентов в сельских населённых пунктах Севастопольского региона.

Разработано авторами по материалам полевых социологических исследований

3. В качестве «домашнего» абсолютное большинство опрошенных (более 93 %) утверждают, что используют русский язык.

4. Картографическая составляющая исследования требует широкого применения метода построения изоглосс. Вместе с тем динамичный характер объекта исследования предполагает использование способа ареалов, картодиаграмм, значков и знаков движения. Для отображения использования языка в качестве родного, разговорного и семейного на ограниченной территории наиболее приемлем метод локализованных диаграмм.

Для лингвистического картографирования методом изоглосс необходимо расширение изучаемой территории и проведение аналогичных полевых работ в других селах Севастопольского региона и Республики Крым.

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ 18-412-920001 р.а.

Литература

1. Ливинская И. В. К вопросу о региональном варьировании национального языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2015. № 6. С. 37–42.
2. Ровнова О. Г. Идеи георусистики глазами диалектолога // Георусистика Первое приближение : [сборник науч. ст]. под. ред. А. Н. Рудякова. Симферополь: Антиква, 2010. С. 50–68.
3. Мызников С. А. Сводная русская диалектная лексикография: некоторые аспекты практической работы // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения / Материалы докладов и сообщений международной научной конференции. М.Л. Каленчук (отв. ред.). СПб: Нестор-История, 2016. С. 93–96.
4. Аналитический сборник по результатам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе / Под ред. Ю. Л. Ситько. Севастополь: ОО САЭЛ, 2007. 204 с.
5. Ситько Ю. Л. К вопросу об особом варианте русского языка в г. Севастополе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2017. № 3. С. 23–31.
6. Вендина Т. И. Проблемы методологии лингвистической географии и общеславянский лингвистический атлас // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 5. С. 3–14.
7. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Наука. М., 1986.
8. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по городу Севастополю [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sevastopol.gks.ru/>.

Kashirina E. S. ¹

Sitko Yu. L. ²

Novikov A. A. ³

Sorokina E. I. ⁴

Teplova L. I. ⁵

Features of Linguistic Mapping in Describing the Language Functioning in a Limited Area (on the Example of Great Sevastopol)

Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, Russian Federation, Sevastopol

e-mail: ¹*e_katerina.05@mail.ru*; ²*yurii.sitko@outlook.com*;

³*a_novik@bk.ru*; ⁴*amila@mail.ru*; ⁵*liubovteplova@mail.ru*

Abstract *This paper offers a survey of primary processing of field data aims used to demonstrate functioning of the language in a limited area (on the example of Great Sevastopol). 50 questionnaires collected in the villages of Sevastopol region are analyzed. It is being determined that such methods of mapping and of localized charts are best suited for displaying the peculiarities of functioning the language in a limited area.*

Key words: *linguistic mapping, language functioning, Russian language, isogloss, heterogloss, Sevastopol, GIS technologies*

References

1. Livinskaya I. V. K voprosu o regionalnom varirovanii nacionalnogo yazyka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya». 2015. № 6. S. 37-42 (in Russian).
2. Rovnova O. G Idei georusistiki glazami dialektologa Georusistika Pervoe priblizhenie [sbornik nauch st] pod red A N Rudyakova Simferopol Antikva 2010 S. 50-68 (in Russian).
3. Myznikov S. A. Svodnaya russkaya dialektnaya leksikografiya nekotorye aspekty prakticheskoy raboty // Russkaya leksikografiya XXI veka problemy i sposoby ih resheniya / Materialy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii M. L.Kalenchuk (otv. Red). SPb: Nestor-Istoriya, 2016. S. 93-96 (in Russian).
4. Analiticheskij sbornik po rezultatam monitoringa funkcionirovaniya russkogo yazyka v g. Sevastopole / Pod red Yu. L. Sitko. Sevastopol: SAEL, 2007. 204 s. (in Russian).
5. Sitko Yu. L. K voprosu ob osobom variante russkogo yazyka v g Sevastopole // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya “Russkaya filologiya”. 2017. № 3. S. 23-31 (in Russian).
6. Vendina T. I. Problemy metodologii lingvisticheskoy geografii i obshcheslavyanski – lingvisticheskij atlas // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2010. T. 69. 5. S. 3-14 (in Russian).
7. Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. I. Fonetika. Pod red. R. I. Avanesova, S.V. Bromlej. Nauka. M. 1986 (in Russian).
8. Oficialnyj sayt territorialnogo organa Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po gorodu Sevastopolyu (Elektronnyj resurs). URL: <http://sevastopol.gks.ru> (in Russian).

Поступила в редакцию 18.07.2018 г.

УДК 338.48(292.471):656

Лобас К. В.

Анализ дорожно-транспортной инфраструктуры Крыма как важной составляющей сферы туризма

ФГАУО ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: lobas_kseniya@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования, проведенного на основе социологического опроса. Представлен портрет опрошенных туристов, география их прибытий на полуостров, их удовлетворённость качеством дорожно-транспортной инфраструктуры Крыма, профессионализмом работников сферы дорожно-транспортной инфраструктуры. Результаты исследования отображены графически.

Ключевые слова: Крым, туристический поток, дорожно-транспортная инфраструктура, аэропорт, Крымский мост, федеральная трасса «Таврида», авиатранспорт, паромная переправа.

Введение

В результате событий 2014 г. на Украине и сложившейся в мире геополитической ситуации Крым для туристов стал труднодоступной территорией. Особенно это коснулось автомобилистов, которые добирались на полуостров через Керченский пролив паромной переправой. В первые годы ожидание в очереди на паром доходило до суток. Электронный билет немного улучшил ситуацию. Однако российские туристы ждали открытие Крымского моста.

Открытие Крымского моста состоялось 16 мая 2018 г. В настоящее время по мосту осуществляется движение автомобилей и пассажирских автобусов по двум полосам в каждом направлении. Мост является самым протяженным в Европе, его длина составляет 19 км. Пропускная способность моста составляет до 40 тыс. автомобилей в сутки [1].

Насколько повлияло открытие моста и нового аэровокзального комплекса в Симферополе на сокращение времени доставки туристов на полуостров и качество их обслуживания, рассмотрено в статье.

Материалы и методы

Для анализа влияния открытия Крымского моста на турпоток в Крым и удовлетворенности туристов дорожно-транспортной инфраструктурой было проведено анкетирование. Опрошено 230 человек в городах-курортах Крыма и в зоне вылета нового аэровокзального комплекса «Аэропорт Симферополь».

Результаты и обсуждение

В результате проведенного соцопроса был определен портрет крымского туриста. Определили, что соотношение туристов по половому признаку

практически равно, а по возрастному составу наблюдаются четкие разграничения (рис. 1). Выделяются группы туристов возрастом 25–35 лет (38 %) и 35–45 лет (32 %). Зачастую это молодые семьи с детьми, предпочитающие пляжный отдых, а также экскурсионные программы. Туристы этого возраста относятся к экономически активному населению, имеющему доход выше среднего (рис. 2).

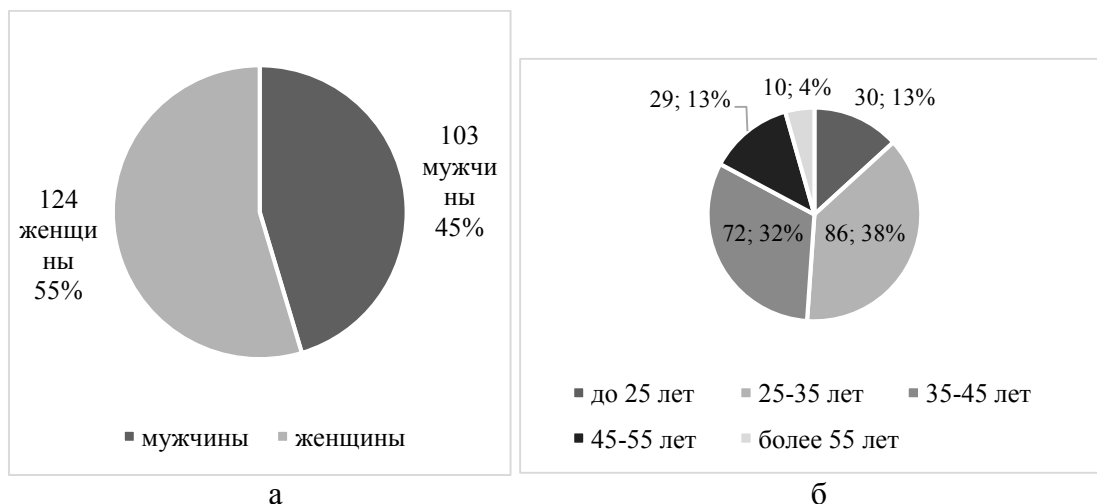

Рис. 1. Половой (а) и возрастной (б) состав группы туристов, принявших участие в опросе. Составлено автором

В Крым приезжают семьи с доходом до 40 тыс. рублей в месяц, их количество составляет лишь 19 % опрошенных. Это молодежь до 25 лет и лица старше 55 лет, основными доходами которых являются социальные выплаты в виде стипендий и пенсий. На отдых в Крым приезжают жители из ближайших к Крыму регионов России (Краснодарский край, Ростовская область), Украины, прибывающие автобусами. Большая часть опрошенных имеет доходы 40–70 тыс. руб. (35 %) и 70–100 тыс. руб. (32 %). Они прибывают в Крым авиатранспортом или на личном автомобиле.

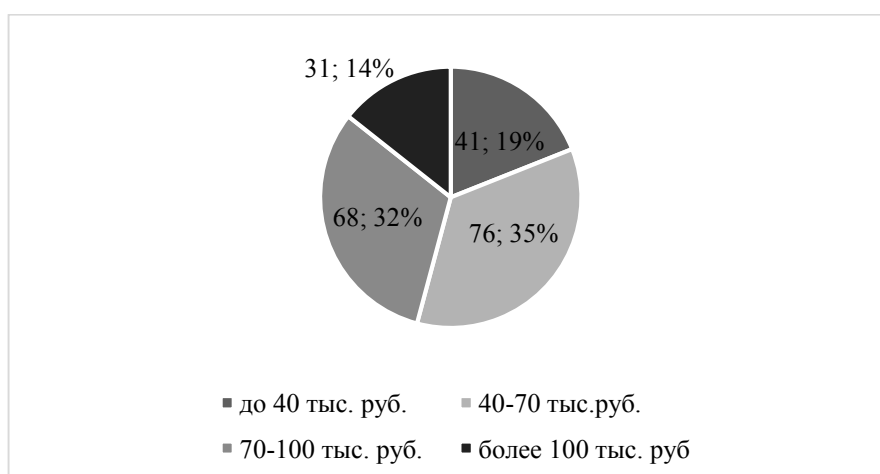

Рис. 2. Структура доходов опрошенных туристов (на семью). Составлено автором

В результате проведенного опроса было выявлено, что большинство туристов предпочитают отдых с семьей – 62 % (рис. 3). Данный показатель близок к результатам онлайн-опроса туристической метапоисковой системы Momondo. Проводимый в 2014 г. опрос среди жителей стран мира показал, что практически половина российских туристов предпочитают отдых семьей с детьми (48 %). Зачастую они выбирают пляжный отдых, что характерно для Крыма. С друзьями предпочитает отдыхать 25 % опрошенных в Крыму, чаще это молодежь. Данный показатель также отражает общероссийскую тенденцию (37 %) [2].

Рис. 3. Структура предпочтений туристов в выборе компании для отдыха.
Составлено автором

Проанализировав географию турпотока в Крым, можно утверждать, что большинство туристов прибывают на полуостров из европейской части Российской Федерации (рис. 4). Вместе с тем Крым актуален для жителей Хабаровского края и Ханты-Мансийского автономного округа. Как видно из рис. 4, основной турпоток в Крым направлен из Центрального (в основном Москва и Московская область) и Южного (Ростов-на-Дону и Краснодар) федеральных округов.

Определенные регионы выделяются на фоне остальных по количеству туристов благодаря авиасообщению. На летний период прямое авиасообщение с Симферополем имеют такие города: Москва (21 % опрошенных туристов), Санкт-Петербург (7,3 %), Архангельск, Барнаул, Белгород, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Иркутск, Казань, Кемерово, Киров, Краснодар, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Махачкала, Минеральные Воды, Мурманск, Нальчик, Нижневартовск, Ханты-Мансийск и Сургут (чем обусловлено массовое посещение Крыма туристами из ХМАО), Нижнекамск, Нижний Новгород, Новосибирск, Новый Уренгой, Ноябрьск и Салехард, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Сочи, Ставрополь, Сыктывкар, Тамбов, Томск, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Чебоксары, Челябинск, Череповец [3].

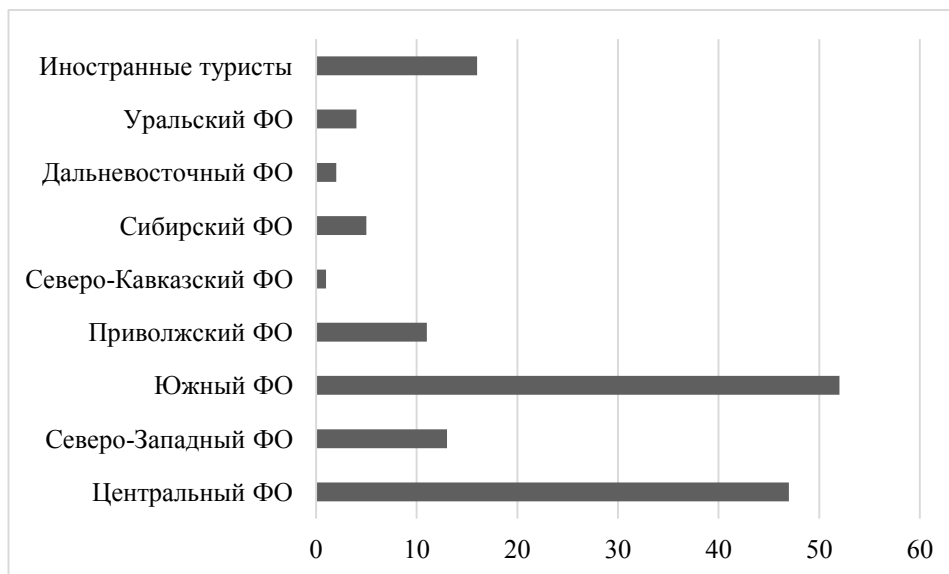

Рис. 4. География турпотока в Крым из регионов России и из-за рубежа. Составлено автором

Также в Крым на отдых приезжают из-за рубежа. В основном это туристы из городов Украины (75 % иностранных туристов): Донецк, Винница, Запорожье, Черновцы, а также Херсонская область. Кроме того, Крым посещают туристы из Грузии, Беларуси (несмотря на длительный путь в объезд Украины), Молдовы, а также Колумбии (турист, приехавший на Чемпионат мира по футболу, решил посетить Крым).

Исходя из проведенного опроса на рисунке 5 видно, что 75 % туристов бывали в Крыму ранее, и только 25 % приехали впервые. Большинство ездят отдыхать в Крым еще с детства, а после присоединения Крыма к России такой вид туризма носит ностальгический характер. Кроме того, было выявлено, сколько раз туристы побывали в Крыму, включая детские годы.

Из рисунка 6 видно, что практически половина опрошенных туристов (46 %) бывали в Крыму 5 и более раз. В основном это семьи с детьми. Меньший процент опрошенных (23 %) бывали ранее в Крыму 3-4 раза.

Рис. 5. Соотношение количества туристов, посещавших Крым ранее и приехавших впервые. Составлено автором

Как сообщалось Министерством курортов и туризма Республики Крым по данным проведенного этим ведомством социопроса в 2017 г., 85 % туристов довольны отдыхом в Крыму и планируют посещение полуострова в будущем. На рис. 5 отражено подтверждение тому, что туристы приедут в Крым, поскольку процент возвратности туристов составляет 75 % [4].

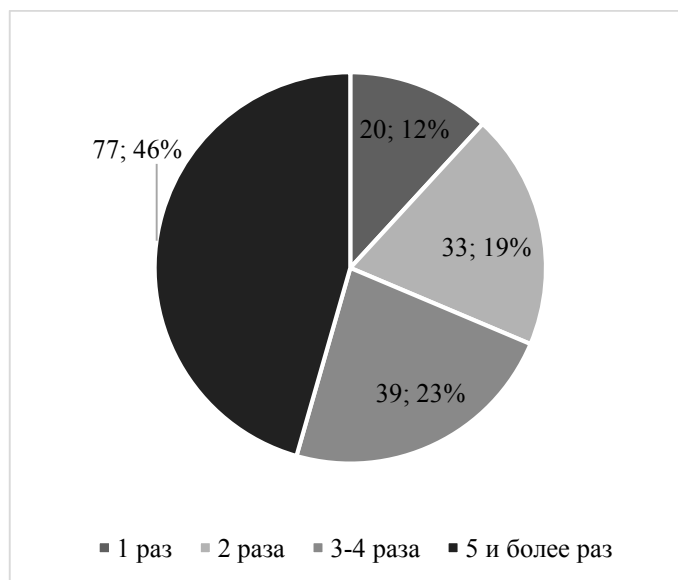

Рис. 6. Количество посещений Крыма опрошенными туристами.
Составлено автором

Туристы отмечают в Крыму уникальные ландшафты, благоприятный климат, памятники архитектуры. Это факторы их возвратности на полуостров в будущем. Сдерживающим возвратность туристов в Крым до 2018 г. была его транспортная доступность. Ожидается, что открытие Крымского моста и нового аэровокзального комплекса в Симферополе позволит увеличить турпоток в Крым. На данный момент в эксплуатацию введен только автомобильный переход по Крымскому мосту, однако движение поездов планируют запустить в 2019 г. Тогда не будет необходимости туристам добираться с помощью единого билета и пересаживаться с поезда на автобус. Это значительно повысит комфортность поездки и сократит время доставки желающих познакомиться с Крымом.

Железнодорожная часть Крымского моста будет включать два пути пропускной способностью 47 пар поездов в сутки, расчетная скорость пассажирских поездов составит 120 км/ч, грузовых – 80 км/ч [1].

Большинство туристов (61 %), прибывавших в Крым после 2014 г. с помощью паромной переправы, отметили значительное сокращение времени их доставки на полуостров в связи с открытием Крымского моста (рис. 7). Незначительное сокращение отметили 22 %, однако это скорее туристы, прибывающие авиатранспортом в связи с открытием дополнительных прямых рейсов в Крым. Соответственно открытие моста на их поездку никак не повлияло. И 17 % высказали мнение, что время не только не сократилось, а увеличилось по сравнению с периодом до 2014 г., когда можно было добраться по материку через Украину. Такую тенденцию особенно отмечают туристы из Республики Беларусь, Украины (в частности из приграничных областей), а также Курской и Белгородской областей Российской Федерации.

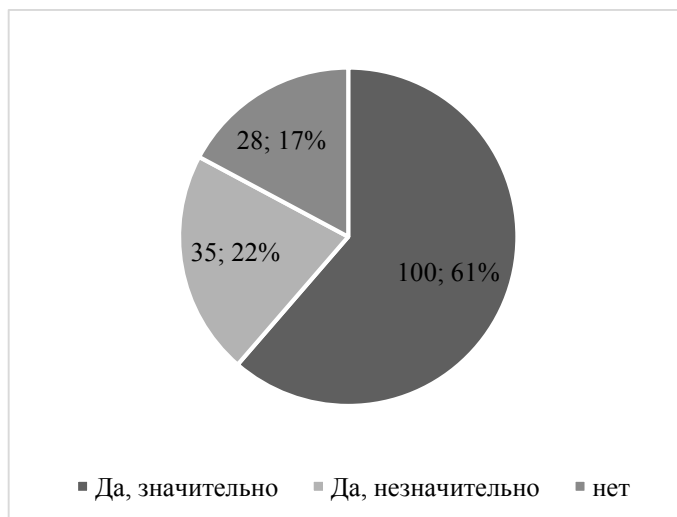

Рис. 7. Структура оценки туристами сокращения времени их доставки в Крым в связи с открытием Крымского моста. *Составлено автором*

При этом большинство туристов (45 %) прибывают в Крым на личном автомобиле (рис. 8). Причем не только из близлежащих областей, но и из Москвы, Санкт-Петербурга, Свердловской области, а также Ханты-Мансийского автономного округа. 35 % опрошенных туристов прибыли на полуостров авиатранспортом. Такой высокий процент связан с введением новых прямых рейсов в города России, как отмечалось выше. И лишь 20 % опрошенных прибыли с помощью единого билета и автобуса. Это связано с меньшей стоимостью билетов, однако это более длительно, и поездка осуществляется с меньшим комфортом. Ожидается, что с введением железнодорожной части Крымского моста этот процент может возрасти, т. к. не будет необходимости в пересадках на автобус. Также в этот процент входят туристы, прибывшие автобусом из городов Украины и близлежащих городов России: Краснодар, Ростов-на-Дону, имеющих прямое автобусное сообщение с Симферополем, Ялтой, Севастополем и относительно дешевизну билетов.

Рис. 8. Структура турпотока в Крым по видам транспорта. *Составлено автором*

В ходе исследования туристы отвечали на вопросы относительно качества дорожно-транспортной инфраструктуры Крыма (рис. 9).

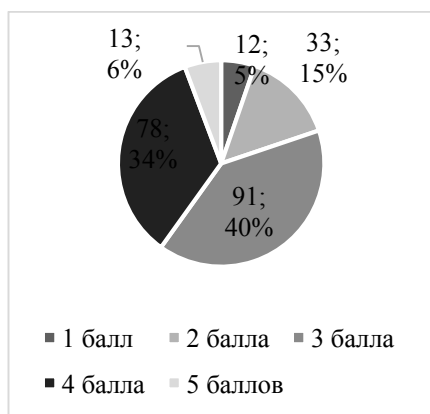
Рассматривая качество дорожного покрытия (рис. 9-а), необходимо отметить, что большинство туристов оценили его состояние как удовлетворительное (на 3 балла) – 40 %, 34 % опрошенных оценили как хорошее (на 4 балла). Средний балл по данному показателю составляет 3,2. Однако качество дорожного покрытия в Крыму отличается географически.

По данным Федеральной службы государственной статистики на конец 2017 г. протяженность дорог Республики Крым составляла 15 420,5 км, города Севастополь – 1095,6 км. Из них дорог с твердым покрытием – 12 891,4 км и 975,8 км соответственно. Таким образом, удельный вес дорог с твердым покрытием составляет 83,6 % и 89,1 %. Однако на сегодняшний день дорог федерального значения в Крыму нет [5].

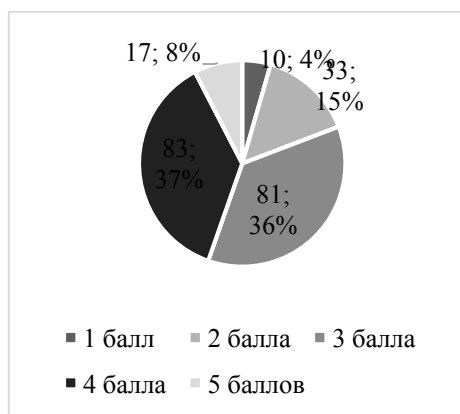
Федеральной трассой станет строящаяся «Таврида», которая будет соединять Крымский мост и г. Севастополь, пересекая Крым с востока на запад. Запуск трассы планируется на 2020 г., однако некоторые участки открыты уже сегодня, а готовность трассы составляет 30 %. Разрешенная скорость движения автомобилей будет составлять 120 км/ч. Полная стоимость строительства – 149,3 млрд руб.

Однако в сезон 2018 г. с нынешним турпотокм мы наблюдаем постоянные дорожные заторы в связи со строительством «Тавриды».

Рассматривая удобство транспортных развязок (рис. 9-б), видим, что мнение туристов разделилось: 37 % отметили оценку 4 балла, 36 % – 3 балла, 15 % – 2 балла. Это связано с развязками и указателями на мосту. Туристы отметили неудобство именно указателей, их недостаток. Таким образом, мы получили средний балл 3,3 по данному показателю.

а. Дорожное покрытие

б. Удобство транспортных развязок

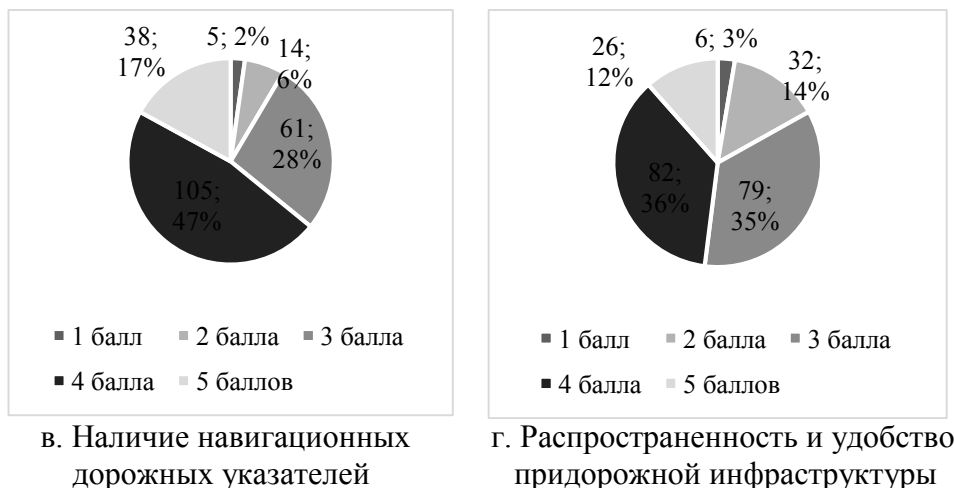

Рис. 9. Оценка туристами качества дорожно-транспортной инфраструктуры Крыма по 5-балльной шкале. Составлено автором

По пункту «Наличие навигационных дорожных указателей» (рис. 9-в) на полуострове средний балл выше (3,7). Туристы отмечают удобство указателей, достаточное их количество. Это не только указатели на населенные пункты, но, в первую очередь, указатели на достопримечательности с указанием расстояния до них. 47 % туристов поставили отметку «4 балла».

По пункту «Распространенность и удобство придорожной инфраструктуры» (рис. 9-г) средний балл составил 3,4. На полуострове проблем с распространённостью придорожной инфраструктуры практически не отмечается, однако выделяются проблемы качества обслуживания. 9 % туристов поставили баллы 1 и 2 (рис. 10-а).

А оценка профессионализма сотрудников аэропорта (рис. 10-б) выделяется высоким показателем (средний балл – 4,2). 48 % опрошенных оценили на «хорошо», и 41 % – на «отлично». Высокое качество обслуживания туристов в аэропорту – важная составляющая общего мнения об отдыхе на Крымском полуострове.

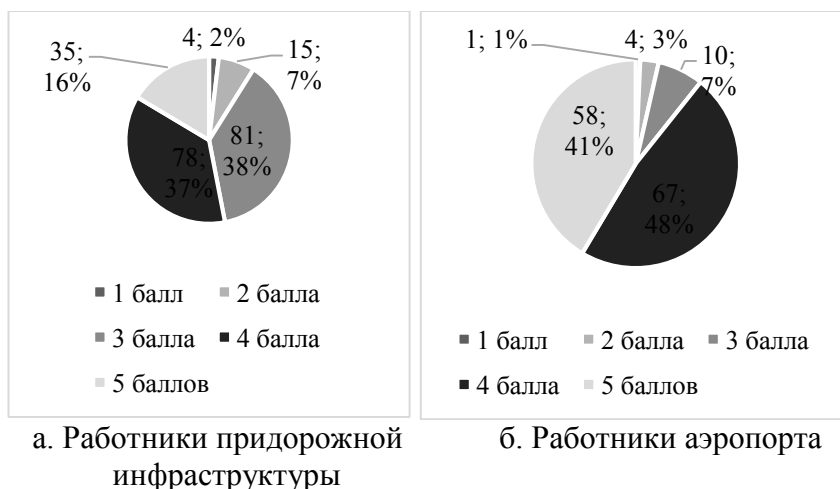

Рис. 10. Оценка профессионализма работников сферы дорожно-транспортной инфраструктуры Крыма. Составлено автором

В связи с этим для повышения качества обслуживания туристов в Крыму с 2016 г. начала работу горячая линия «Вежливый Крым». Эта система обратной связи с туристами работает круглосуточно с 1 мая по 31 октября. С ее помощью собираются отзывы о пребывании на полуострове, положительные и отрицательные.

Если профессионализм работников придорожной инфраструктуры и аэропорта туристы оценивают достаточно высоко, то качество самой дорожно-транспортной инфраструктуры на сегодняшний день оценивается как удовлетворительное.

Выводы

В ходе исследования транспортных преимуществ Крыма после ввода в строй Крымского моста было проведено анкетирование и опрошено 230 человек всех возрастных категорий экономически активного населения, а также разного достатка, большая часть которых (75 %) бывали в Крыму и ранее. Большая часть опрошенных имеет доходы на семью 40–70 тыс. руб. (35 %) и 70–100 тыс. руб. (32 %). Именно эти туристы предпочитают отдых с семьей – 62 % (зачастую это пляжный отдых).

Рассмотрев географию прибытий в Крым, мы видим, что большинство туристов приезжают из Москвы и Московской области (21 % опрошенных), Санкт-Петербурга (7,3 %), а также Краснодарского края. География прибытий разнообразна по федеральным округам благодаря прямому авиасообщению на летний период. Из иностранных туристов по количеству выделяются туристы из Украины.

Открытие Крымского моста позволило сократить время доставки туристов в Крым по мнению 61 % опрошенных. Остальные отмечают либо незначительно сокращение времени, либо его увеличение в связи с геополитическими событиями 2014 г., т. к. нет возможности добираться напрямую через Украину.

В связи с открытием моста туристы предпочитают добираться на полуостров именно на личном автомобиле (45 %), а 35 % авиатранспортом (в связи с введением прямого авиасообщения с Симферополем).

С неудовлетворительным качеством дорожного покрытия в Крыму сталкиваются не только туристы, прибывающие автомобильным, но и авиатранспортом – при трансфере из аэропорта. Средняя оценка данного показателя 3,2 балла, что является лимитирующим фактором для развития туризма. А вот наличие навигационных дорожных указателей в пути следования из Керчи практически половина (47 %) оценивают как хорошее.

Профессионализм работников придорожной инфраструктуры и аэропорта, по сравнению с качеством самой дорожно-транспортной инфраструктуры, имеет более высокую оценку. Это немаловажно, т. к. в равной мере с качеством придорожной инфраструктуры влияет на величину турпотока на полуостров.

Литература

1. Крымский мост [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.most.life/>.
2. Турпром – Туристический портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tourprom.ru/news/26300/>.

3. Международный аэропорт «Симферополь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sipaero.ru/month.php>.
4. РИА Новости. Туризм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/tourism/20170705/1497895251.html>.
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

Lobas K. V.

Analysis of road transport infrastructure of Crimea as an important component of tourism.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Russian Federation, Simferopol
e-mail: lobas_kseniya@mail.ru

Abstract. *The article presents the results of the study on the basis of a sociological survey. We consider the portrait of the interviewed tourists, the geography of their arrival on the Peninsula, their satisfaction with the quality of the road transport infrastructure of the Crimea, the professionalism of workers in the field of road transport infrastructure. The results of the study are displayed in the form of charts.*

Key words: *Crimea, the number of tourists, road-transport infrastructure, an airport, the Crimean bridge, the Federal highway "Tavrida", air transport, ferry.*

References

1. Krymskij most [Elektronnyj resurs]. 2018 – Rezhim dostupa: <http://www.most.life/> (in Russian).
2. Turprom – Turisticheskij portal [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.tourprom.ru/news/26300/> (in Russian).
3. Mezhdunarodnyj aeroport «Simferopol» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://sipaero.ru/month.php> (in Russian).
4. RIA Novosti. Turizm [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ria.ru/tourism/20170705/1497895251.html> (in Russian).
5. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> (in Russian).

Поступила в редакцию 03.07.2018 г.

УДК 910.3

Лозова Д. В.¹

Сазонова Г. В.²

Особенности санаторно-курортного освоения территории Республики Крым

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Таврическая академия (структурное подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь

e-mail: ¹ lozova_diana@mail.ru, ² galisaz@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности современного процесса санаторно-курортного освоения территории Республики Крым, являющегося составной частью рекреационного освоения региона. Определено значение санаторно-курортного лечения в структуре рекреационного хозяйства Республики Крым; проанализированы основные факторы его развития и организационно-управленческая структура. Выявлены и охарактеризованы особенности функционально-территориальной структуры санаторно-курортного комплекса Республики Крым, а также выделены основные типы регионов Республики Крым по пространственной форме освоения и организованности рекреационного процесса территории.

Ключевые слова: рекреационное освоение территории, санаторно-курортное освоение, санаторно-курортный комплекс, санаторно-курортные предприятия, линейный тип, очаговый тип, оазисный тип.

Введение

На современном этапе развития общества возросли потребности населения в санаторном лечении и отдыхе, и, как следствие, все большие масштабы приобретает процесс рекреационного освоения территорий. Данный факт объясняется повышением уровня жизни населения, ухудшением экологической обстановки жизненной среды людей в городах, возрастанием эмоциональной нагрузки на организм, ухудшением здоровья в целом и т. п. Поэтому потребности в лечении и отдыхе являются необходимым условием восстановления жизненных и духовных сил человека, фактором восстановления производительных сил общества. Вопрос рекреационного освоения Республики Крым является актуальным, поскольку продолжается активное интегрирование полуострова в санаторно-курортную сферу России.

Кроме того, в Федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» туристский потенциал, комфортные климатические условия для рекреации и лечения, наличие действующей туристско-рекреационной инфраструктуры названы в качестве конкурентных преимуществ и ключевых факторов развития макрорегиона [1]. В то же время в этой же Программе противоречия между экологоемким развитием промышленности, агропромышленного комплекса, транзитно-транспортного сектора и санаторно-курортного и рекреационного комплексов обозначены в качестве одного из основных рисков, сдерживающих конкурентные преимущества Республики Крым и г. Севастополя [1]. Поэтому изучение процесса санаторно-курортного освоения территории Республики Крым позволит не только

оптимизировать работу рекреационного комплекса, но и способствовать эффективному социально-экономическому развитию региона в целом.

Целью статьи является выявление пространственных особенностей санаторно-курортного освоения территории Республики Крым для определения приоритетных направлений его развития в современных условиях.

Несмотря на значительное количество литературы, посвященной различным аспектам развития рекреационного комплекса Республики Крым, вопросам рекреационного (санаторно-курортного в частности) освоения посвящено недостаточное количество трудов. Изучение рекреационной освоенности территории на стыке экономики, истории и географии носит междисциплинарный характер исследования [2; 3], в ходе которого особая роль принадлежит именно географам, т. к. общественно-географические исследования носят комплексный характер и позволяют выявить региональные различия в рекреационном освоении территории. Первые работы по рекреационному освоению территории Крыма – исследования отечественных ученых-географов – Твердохлебова И. Т. [4], Кузнецова М. В. [5], Веденина Ю. М. [6;7], впоследствии продолженные Яковенко И. М. [8; 9; 10; 11], Таган Т. А. [11], Радыгиной Е. В. [12] и др.

Материалы и методы

В ходе изучения санаторно-курортного освоения территории Республики Крым на современном этапе нами использовались системно-структурный, аналитический и картографический методы исследования.

Результаты и обсуждение

Рекреационное освоение является многосторонним процессом приспособления территории для определенных видов рекреационных занятий и, как правило, определяется ее предыдущей историей освоения и использования. Для территорий, имеющих давнее промышленное или хозяйственное использование, но утрачивающих по каким-либо причинам свою функциональность, развитие рекреации может послужить спасительным «толчком» для удержания уровня освоенности. В процессе освоения рекреационная функция может приобретать различную степень выраженности: ведущую, паритетную (наряду с рекреационной развиты промышленная, сельскохозяйственная, транспортная и другие функции), дополнительную (преобладают производственные или природоохранные функции). Для современного уровня развития цивилизации характерны интенсивные формы рекреационного освоения территории, которые предполагают полную реализацию ресурсов природного и антропогенного происхождения, использование экономико-географических условий, благоприятствующих развитию рекреации.

Процесс санаторно-курортного освоения Республики Крым начался в середине XIX века и имел, на наш взгляд, разновременный характер. Он происходил под действием нескольких факторов: природного (наличие лечебных природных ресурсов), исторического (сезонный отдых императорской семьи в Крыму, статус «Всесоюзной здравницы» в советское время), политического (плановая санаторно-курортная застройка и пропаганда крымских здравниц в советское время), социально-экономического (высокий уровень развития

материально-технической базы, наличие квалифицированных кадров и др.). В настоящее время на развитие санаторно-курортного комплекса в Республике Крым наибольшее воздействие оказывают политический и социально-экономический факторы, роль которых усилилась в контексте последствий процесса интеграции Крыма в российское экономическое и политическое пространство: транспортная блокада полуострова со стороны Украины и функционирование санаторно-курортной отрасли в условиях санкций.

Санаторно-курортное лечение традиционно является составной частью рекреационного хозяйства Республики Крым и на 01.01.2017 включало 151 здравницу, или 20 % от общего количества средств коллективного размещения рекреационной сферы Республики Крым. В 2016 году предприятиями комплекса было обслужено около 422 тысяч организованных отдыхающих, что составляет 8 % от общего числа туристов, посетивших РК. Численность занятых в санаторно-курортных учреждениях в 2016 г. составила более 18 тыс. чел., что составляет 55 % занятых в рекреационной сфере и всего 2 % от численности экономически активного населения республики. Доходы от предоставляемых услуг санаторно-курортных организаций составили около 9 млрд руб. (т. е. порядка 40 % от общего дохода коллективных средств размещения) [20]. Таким образом, в структуре рекреационного хозяйства санаторно-курортное лечение занимает ведущие позиции в качестве доходобразующей отрасли. Но при этом отрасль не является отраслью специализации хозяйства Республики Крым, хотя при должном уровне круглогодичной загрузки санатории могут стать серьезным стимулом экономического роста региона.

В различные этапы развития санаторно-курортной деятельности сменялись и особенности управления комплексом. Если первоначально, в дореволюционное время, санаторно-курортная деятельность не имела единой организационной структуры (частная и в меньшей степени государственная формы собственности), то в советское время имела плановый характер развития в государственном и профсоюзном подчинении, что обуславливало эффективность управления. В настоящее время управленческий аппарат санаторно-курортной деятельности имеет достаточно сложную структуру и осуществляется на нескольких уровнях – государственном, региональном, локальном. Представлены министерства и ведомства не только России, но и Украины, Беларуси, Узбекистана.

Санаторно-курортный комплекс Республики Крым представлен 6 типами предприятий, из которых наибольшее число занимают санатории – 89 (58 % от общего числа), и имеет достаточно дифференцированную функционально-территориальную структуру (рис. 1).

Санатории являются основным типом лечебно-профилактических учреждений, предназначенным для лечения, профилактики и медицинской реабилитации с использованием природных лечебных физических факторов в сочетании с искусственными факторами, лечебной физкультурой, лечебным питанием и другими методами в условиях специально организованного режима. Среди всех лечебно-профилактических учреждений республики санатории имеют наибольшую емкость (13,9 тыс номеров, 27,4 тыс. койко-мест). Традиционно районами санаторного лечения на территории полуострова является Южный Берег Крыма и г. Саки. В 2016 г. в санаториях Крыма численность работающих составила 12,4 тыс. человек (68 % занятых на санаторно-курортных предприятиях) [13]. *Санатории для детей* являются специализированным лечебно-профилактическим

учреждениями, осуществляющими этапное лечение больных детей, ликвидацию последствий перенесенных ими заболеваний, подготовку и возвращение детей к обычному для сверстников образу жизни. В Крыму насчитывается 26 детских санаториев общей емкостью 7,6 тыс. койко-мест. При этом основная доля мест (73 %) приходится на г. Евпаторию – специализированный детский курорт. Численность работающих в предприятиях данного типа в 2016 г. составила 2163 человек [13].

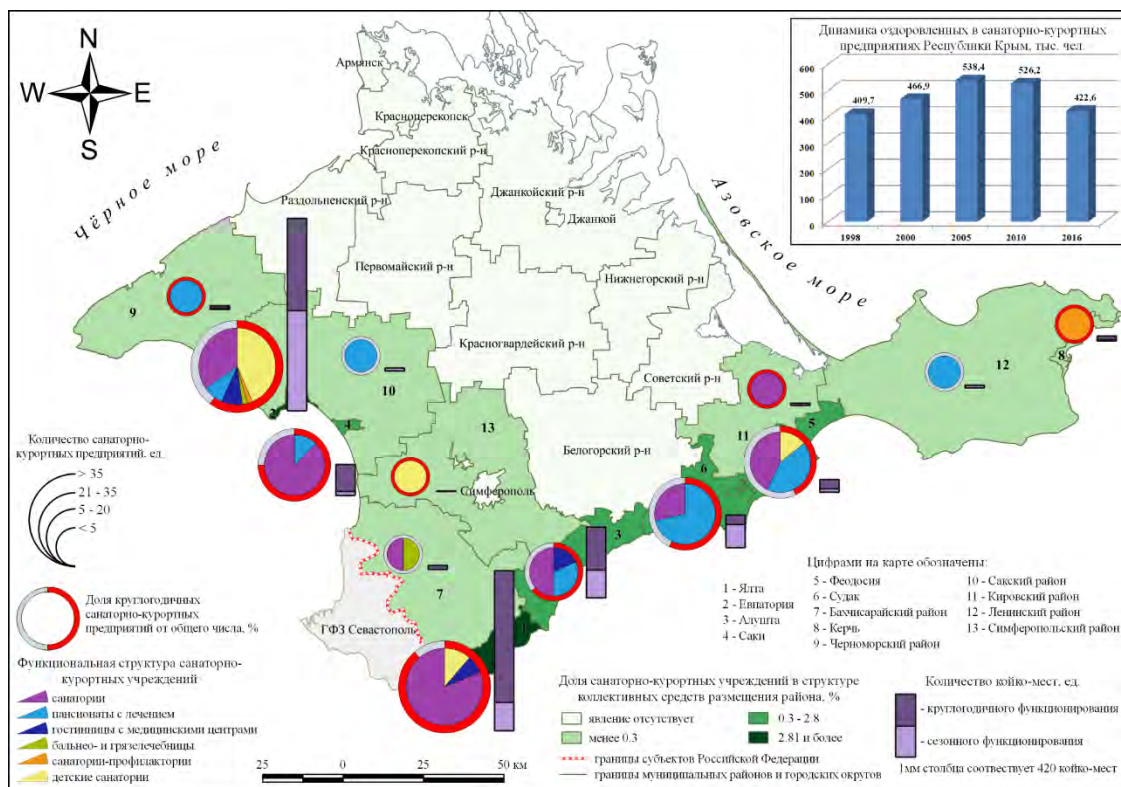

Рис.1. Структура и география санаторно-курортных предприятий Республики Крым, 2017 г. Составлено авторами

К учреждениям санаторного типа относятся и санатории-профилактории, организованные при предприятиях вокруг крупных промышленных центров и ориентированные на оздоровление сотрудников в утреннее и вечернее нерабочее время, для оздоровления ослабленных или долечивания выписавшихся из клиники граждан. В Крыму получили развитие только в Керчи – 2 учреждения общей мощностью 1246 койко-мест. Пансионаты с лечением обычно размещены в курортных зонах, вблизи курортных поликлиник и санаториев. В настоящее время в Крыму функционирует всего 22 учреждения данного типа. Гостиницы с лечением (гостиницы с медицинским центром) имеют лицензию на оказание медицинских услуг, штат высококвалифицированных врачей. В учреждениях данного типа, помимо отдыха и оздоровления, возможно получение консультации врача, прохождение полноценного обследования и назначение курса лечения по индивидуальным программам или исходя из рекомендаций лечащего врача. Лечение может включать в себя как комплексную программу, так и отдельные процедуры. В РК данный тип учреждений насчитывает 12 многопрофильных гостиниц с лечением, среди них: 5 единиц – гостиницы с лечением без звезд, 2

единицы – 3*, 4 единицы – 4*, 1 единица – 5* (санаторно-курортный комплекс «Mriya Resort&Spa»). Среди них только 1 учреждение работает сезонно (100 койко-мест сезонного функционирования). Общая емкость гостиниц с лечением насчитывает 3943 койко-мест.

Бальнеолечебницы – это лечебно-профилактические учреждения для проведения водолечебных процедур с использованием пресных, а также минеральных и газовых вод. В Республике Крым активно используются бальнеологические ресурсы озер Керченского полуострова, Евпатории, Сак, но, как правило, в многопрофильных санаториях и пансионатах с лечением. Полноценная водолечебница функционирует на базе минеральных вод источника «Аджи-Су» Бахчисарайского района – водолечебница «Черные воды». Единственная сохранившаяся грязелечебница, функционирующая на базе лечебных грязей Мойнакского озера в г. Евпатории, в настоящее время находится на реконструкции.

Территориальная структура санаторно-курортных предприятий имеет дифференциацию по ведущим лечебным функциям. Преобладают многопрофильные учреждения с широким перечнем лечения заболеваний. Среди ведущих лечебных функций выделяются общеоздоровительный профиль; лечение заболеваний нервной системы и опорно-двигательного аппарата; туберкулезолечение; кардиология; лечение заболеваний дыхательной системы нетуберкулезного характера; урология и гинекология.

Так, например, санатории общеоздоровительного профиля (в т. ч. детские) и пансионаты с лечением не имеют четкой привязки к конкретным природным лечебным ресурсам. В то время как здравницы с преобладающим профилем урологии, гинекологии и лечения кожных заболеваний концентрируются на Юго-Западном побережье (г. Евпатория, г. Саки) и ориентированы на рапу и ценные лечебные грязи озер Евпаторийской группы. Заболевания нервной и сердечно-сосудистой систем являются ведущей лечебной функцией санаториев Ялты, Алушты, опорно-двигательного аппарата – Евпатория, Саки. Заболевания эндокринной системы являются одним из профилей здравниц Евпатории и Сак – «Победа», «Морской», «Солнечный» и др., размещение которых ориентировано, главным образом, на бальнеологические ресурсы, богатые йодом и бромом.

Спецификой территориальной структуры можно считать крайнюю неравномерность освоения – в рекреационное использование вовлечена узкая приморская полоса шириной от 0,5 до 3 км на разных участках побережья. Преобладающим типом рекреационного освоения территории Республики Крым является линейный тип, сформированный при развитии и расширении очагов рекреационной деятельности вдоль побережья. Территориальная структура санаторно-курортных предприятий имеет дифференциацию по ведущим лечебным функциям. Преобладают многопрофильные учреждения с широким перечнем лечения заболеваний. Среди однопрофильных предприятий выделяются противотуберкулезные санатории и санатории с лечением заболеваний органов дыхания нетуберкулезного характера, сконцентрированные преимущественно в Ялте и Алуште (рис. 2).

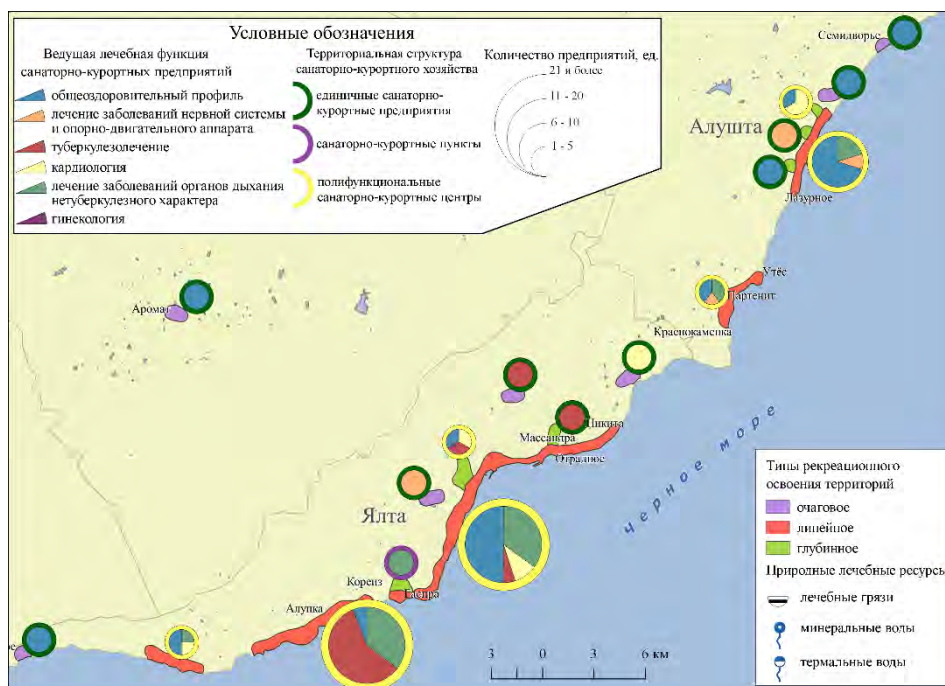

Рис. 2. Территориальная структура и типы санаторно-курортного освоения Бахчисарайского района, городских округов Ялты и Алушты, 2017 г.
Составлено авторами

Линейная модель освоения присуща и сакско-евпаторийскому побережью, являющемуся полифункциональным санаторно-курортным центром. Ведущие лечебные функции предприятий данной территории – общее оздоровление, лечение заболеваний нервной системы и опорно-двигательного аппарата, кардиология. Кроме того, Евпатория традиционно является центром детского санаторного отдыха и лечения – 55 % детских санаториев Республики Крым размещены в Евпатории (рис. 3).

С линейным типом освоения связан ряд проблем: исчерпание земельных ресурсов для дальнейшего наращивания санаторно-курортной инфраструктуры, перегрузка природных и комплексов и, как следствие, обострившиеся экологические проблемы.

Глубинный тип освоения рассматривается как альтернатива линейному, но, несмотря на свои преимущества, он не получил должного значения в Крыму, доля глубинных территорий составляет всего 2 %. Это санатории в пределах горного Крыма, примыкающие к южному берегу, и санатории Евпатории, ориентированные на бальнеоресурсы. Остальные курортные регионы имеют слабую степень санаторно-курортной освоенности и только небольшие очаги санаторно-курортной деятельности, приуроченные к природным лечебным ресурсам.

Очаговое освоение являлось ведущей формой пространственной структуры рекреационного развития Крыма на протяжении дореволюционного периода, а также получило развитие с 2014 г., т. е. с начала этапа трансформаций туристско-рекреационного комплекса Республики Крым в составе Российской Федерации.

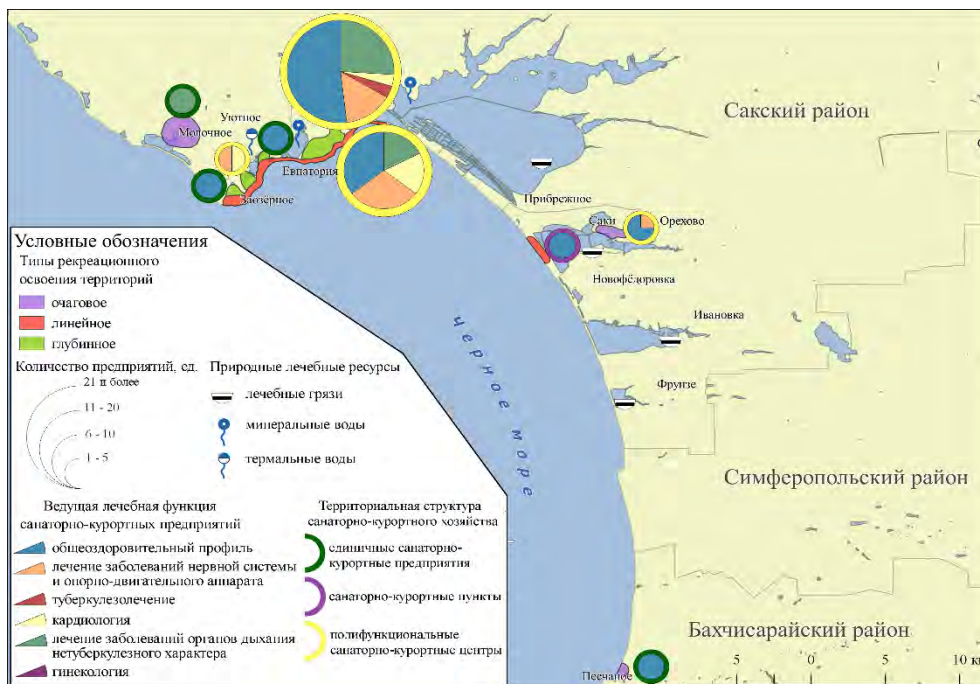

Рис. 3. Территориальная структура и типы санаторно-курортного освоения г. Евпатории и Сакского района, 2017 г. Составлено авторами

Очаговый тип освоения можно присвоить единичным санаторно-курортным предприятиям Феодосии, Керчи, Ленинского района (имеющих общеоздоровительный профиль лечения заболеваний дыхательной системы нетуберкулезного характера соответственно) (рис. 4).

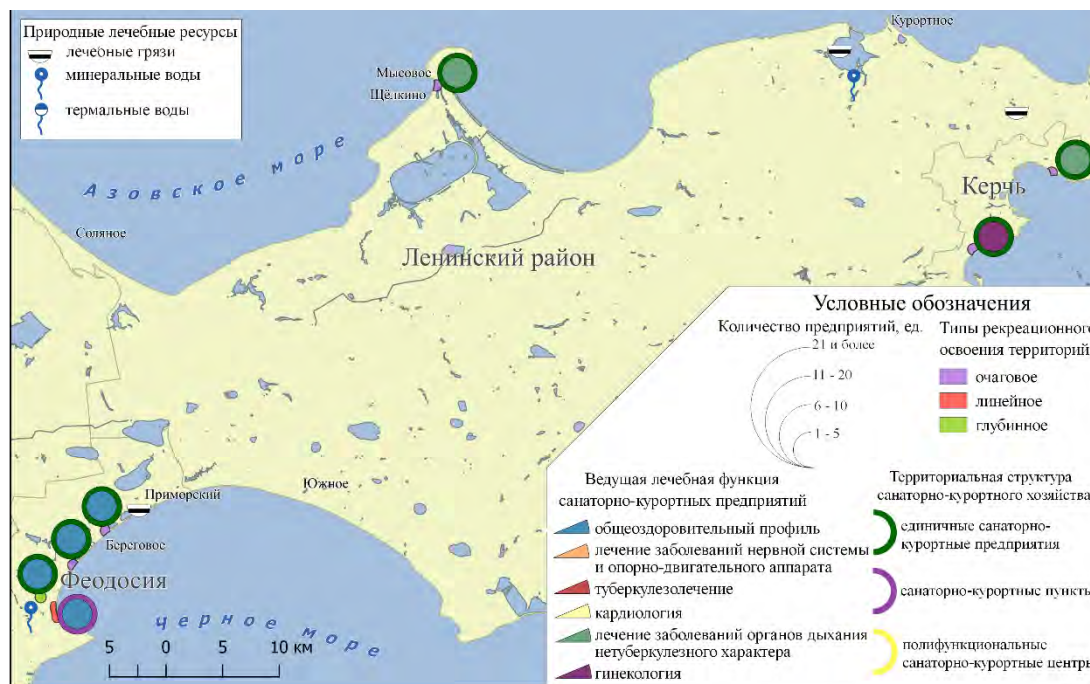

Рис. 4. Территориальная структура и типы санаторно-курортного освоения Ленинского района и городских округов Керчь и Феодосия, 2017 г. Составлено авторами

Отдельные очаги санаторно-курортного освоения можно выделить в Черноморском и Симферопольском районах, имеющие общеоздоровительную функцию и туберкулезолечение соответственно.

Оазисный тип освоения, имеющий место в мировой практике, в пространственной структуре рекреационного освоения территории Республики Крым не выявлен, а в северо-западном, северном, северо-восточном Крыму санаторно-курортная деятельность не представлена.

Выводы

Санаторно-курортное освоение территории является сложным историческим, социально-экономическим и географическим процессом, происходящим под влиянием как генерирующих, так и лимитирующих факторов развития. Сложившаяся функционально-территориальная структура санаторно-курортного лечения в Республике Крым определила типы рекреационного освоения территории, всестороннее изучение которых позволит более рационально использовать лечебные рекреационные ресурсы, повысить эффективность работы санаторно-курортного лечения в целом, устранить диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 11.08.2014 г. № 790 (ред. от 22.01.2018 г.) «Об утверждении федеральной целевой программы “Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года”». С. 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/429>.
2. Цёхла С. Ю., Окуловский А. С. Прогнозирование социальных показателей повышения равномерности использования туристско-рекреационного потенциала АР Крым // Инновации. Менеджмент. Маркетинг. Туризм. 2013. № 1. С. 274–276.
3. Мальгин А. В. Русская Ривьера. Симферополь: СОНАТ, 2006. 352 с.
4. Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т. Рекреационная география. М., Изд-во Московского ун-та, 1981. 207 с.
5. Кузнецов М. В. Проблемы интенсификации рекреационно-географического процесса в системе общественной организации территории Крыма: автореф. дисс. канд. геогр. наук. Л., 1982. 24 с.
6. Веденин Ю. А. Опыт анализа процесса развития рекреационных функций территории. М., 1976. С. 35–41.
7. Веденин Ю. А. К изучению эволюции рекреационных функций территории // Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1977. № 4. С. 12–21.
8. Яковенко И. М. Рекреационное природопользование: методология и методика исследований. Симферополь: Таврия, 2003. 335 с.
9. Яковенко И. М., Дугаренко И. А. Горный Крым: эволюция и география рекреационных функций. Симферополь: ИТ Ариал, 2014. 240 с.
10. Яковенко И. М. Пространственная структура туристско-рекреационного освоения Крыма: эволюция и перспективы // Ученые записки Крымского

- федерального университета имени В. И. Вернадского. 2016. География. Геология. Том 1. С. 180-190.
11. Таган Т. А., Яковенко И. М. Сущность и специфические особенности территориального рекреационного неравенства // Культура народов Причерноморья. 2009. № 152. С. 50–54.
 12. Радыгина Е. В. Динамика процесса рекреационного освоения территории Крыма (XIX – начало XXI вв.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2004. № 4. С. 451–458.
 13. Туризм и туристские ресурсы Республики Крым за 2016 год, сборник / Крымстат. г. Симферополь, 2017. 150 с.

Lozova D. V.¹
Sazonova G. V.²

Features of sanatorium and resort development of the territory of the Republic of Crimea

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Russian Federation, Simferopol
e-mail: ¹ lozova_diana@mail.ru, ² galisaz@mail.ru

Abstract. *The article describes the features of the modern process of sanatorium and resort development of the territory of the Republic of Crimea, which is an integral part of the recreational development of the region. The importance of Spa treatment in the structure of recreational facilities of the Republic of Crimea is determined; the main factors of its development and organizational and management structure are analyzed. The features of the functional-territorial structure of the sanatorium-resort complex of the Republic of Crimea are identified and characterized, and the main types of regions of the Republic of Crimea in the spatial form of development and organization of the recreational process of the territory are highlighted.*

Key words: *recreational development of the territory, sanatorium-resort development, sanatorium-resort complex, sanatorium-resort complex, linear type, focal type, oasis type.*

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.08.2014 N 790 (red. ot 22.01.2018) "Ob utverzhdenii federal'noj celevoj programmy "Social'no-ehkonomicheskoe razvitiye Respubliki Krym i g. Sevastopolya do 2020 goda. s. 7. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/429>. (in Russian)
2. Cyohla S. YU., Okulovskij A. S. Prognozirovaniye social'nyh pokazatelej povysheniya ravnomernosti ispol'zovaniya turistsko-rekreacionnogo potentsiala AR Krym // Innovacii. Menedzhment. Marketing. Turizm. 2013. №1. S. 274-276. (in Russian)
3. Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era. Simferopol': SONAT, 2006. 352 s. (in Russian)
4. Mironenko N. S., Tverdohlebov I. T. Rekreacionnaya geografiya. M., Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1981. 207 s. (in Russian)
5. Kuznecov M. V. Problemy intensivifikacii rekreacionno-geograficheskogo processa v sisteme obshchestvennoj organizacii territorii Kryma: avtoref. diss. kand. geogr. nauk. L., 1982. 24 s. (in Russian)

6. Vedenin, YU. A. Opyt analiza processa razvitiya rekreacionnyh funkcij territorii. M., 1976. S. 35-41. (in Russian)
7. Vedenin, YU. A. K izucheniyu ehvolyucii rekreacionnyh funkcij territorii// Izvestiya AN SSSR. Ser. Geogr. 1977. №4. S. 12-21. (in Russian)
8. YAkovenko I. M. Rekreacionnoe prirodopol'zovanie: metodologiya i metodika issledovaniy. Simferopol': Tavriya, 2003. 335 s. (in Russian)
9. YAkovenko I. M., Dugarenko I. A. Gornyj Krym: ehvolyuciya i geografiya rekreacionnyh funkcij. Simferopol': IT Arial, 2014. 240 s. (in Russian)
10. YAkovenko, I.M. Prostranstvennaya struktura turistsko-rekreacionnogo osvoeniya Kryma: ehvolyuciya i perspektivy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. 2016. Geografiya. Geologiya. Tom 1. S. 180-190. (in Russian)
11. Tagan T. A., YAkovenko I. M. Sushchnost' i specificheskie osobennosti territorial'nogo rekreacionnogo neravenstva // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2009. № 152. s.50-54. (in Russian)
12. Radygina, E.V. Dinamika processa rekreacionnogo osvoeniya territorii Kryma (XIX-nachalo XXI vv.) // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. 2004. №4. S. 451-458. (in Russian)
13. Turizm i turistskie resursy Respubliki Krym za 2016 god, sbornik / Krymstat. g. Simferopol', 2017. 150 s. (in Russian)

Поступила в редакцию 20.08.2018 г.

УДК 911.3

Ожегова Л. А.¹

Сикач К. Ю.²

Ожегов А. Ю.³

Воссоединение Крыма с Россией: причины и геополитические последствия

^{1,2}Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Российская Федерация, г. Симферополь

³Физико-технический институт (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Российская Федерация, г. Симферополь

e-mail: ¹luda-ojegova@rambler.ru, ²sikach89@gmail.com,

³sojegov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины и геополитические последствия событий весны 2014 года – воссоединения Крыма с Россией. Определены доминанты развития Крыма в соответствии с ФЦП «Социально-экономическое развитие Крыма и г. Севастополя до 2020 года».

Ключевые слова: геополитическая напряженность, воссоединение, Крым.

Введение

В марте 2014 года, когда Крым воссоединился с Россией, геополитические процессы вышли на новую стадию развития. Рост геополитической напряженности, обострение отношений между Россией с одной стороны и западным миром в лице США и Европейского Союза с другой требует анализа основных причин и последствий вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Эти важнейшие вопросы современной геополитики нашли отражение в работах географов-обществоведов и представителей других общественных наук: Воронина И. Н., Швеца А. Б., Киселева С. Н., Баранова А. В. и других.

Воссоединение Крыма с Россией активно используется антироссийскими силами как удобный повод безосновательно обвинять Россию в агрессивной политике по отношению к странам-соседям, нарушении мира и стабильности в регионе. Экономические и политические санкции со стороны западных стран и их сателлитов в отношении России не только не отбросили назад ее экономику, но, наоборот, укрепили уверенность в правильности своего выбора. В Европе же, активно поддерживающей санкционное давление, наоборот, наблюдается устойчивый политический кризис. Целью данной статьи является обобщение причин и анализ последствий присоединения Крыма к России.

Результаты и обсуждение

Распад в 1991 году СССР и появление на карте мира новых государств (бывших советских республик) привел к созданию цивилизационного блока, центром которого стала Российская Федерация. В декабре 1991 г. Россия, Украина и Беларусь основали Содружество Независимых Государств (СНГ), в рамках которого осуществляется

регулирование сотрудничества между бывшими республиками СССР, сохранившими еще на долгие годы тесные связи с Россией.

Для России постсоветский этап ознаменовался не только социально-экономическим, но и политическим кризисом. Страна пережила резкий экономический спад, бедность, парад суверенитетов, две чеченские войны (1994–1996 гг., 1999–2009 гг.), дефолт 1999 года. Нарастание проблем внутри российской экономики и отсутствие заинтересованности в активном политическом, социокультурном, экономическом присутствии в бывших братских республиках неотвратимо привели к доминированию в рамках СНГ центробежных сил. Бывшие республики стали все больше отдаляться от России, которая в период острейшего социально-экономического кризиса не могла не то, чтобы помогать другим союзным государствам, но и эффективно развиваться сама. На постсоветском пространстве начал стремительно расти уровень национализма, что в конечном счете привело к волне «цветных революций». «Революция роз» в 2003 году в Грузии и «оранжевая революция» в Украине в 2004 году привела к власти прозападных президентов. А «тюльпановая революция» 2005 г. и «дынная революция» 2010 г. в Киргизии, «сиреневая революция» в 2009 г. в Молдове уже сопровождалась человеческими жертвами. Все это создавало множество очагов напряженности на российских границах и составляло угрозу национальной безопасности.

10 февраля 2007 года на Мюнхенской конференции по безопасности президент В. В. Путин впервые прямо и жестко обозначил позицию России по ключевым вопросам международной политики, обозначив тем самым начало активной внешней политики Российской Федерации, направленной на защиту национальных интересов. Речь российского лидера имела огромный резонанс и вызвала критику со стороны западного мира. Однако процессы трансформации сложившегося в 90-е годы мироустройства уже было не остановить. Следующим шагом в обострении ситуации в мире стал российско-грузинский конфликт августе 2008 г. в связи с событиями в Южной Осетии.

Однако решающее влияние на дальнейший рост геополитической напряженности в мире и обострение взаимоотношений России с Западом оказал украинский кризис 2013–2014 гг. и последовавшая за ним «Крымская весна». Украина – географически уникальная страна, которая столетиями являлась местом столкновения геополитических интересов крупных государств. «Украина – это расколота страна, с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий», – писал С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» в 1996 году [1]. Эта линия разлома формировалась столетиями, но реальный раскол в Украине произошел только в конце 2013 года. Именно тогда президент Украины В. Янукович отказался подписать соглашение об ассоциации с ЕС как не соответствующее национальным интересам страны и назвал приоритетным развитие экономического сотрудничества с Россией.

Последовавший вслед за массовыми протестами населения и столкновениями с силами правопорядка государственный переворот привел к потере Украиной Крыма и части Донбасса. Поворотным моментом в истории Крыма стал день 16 марта 2014 года, когда на референдуме (явка составила 82,71 % с учётом Севастополя) за воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77 % крымчан и 95,6 % севастопольцев. С момента подписания соответствующего межгосударственного

договора 18 марта 2014 года Республика Крым и город Севастополь являются частью России.

Смысл Крыма для России в том, что древняя земля Тавриды – колыбель русского Православия [2]. Для России Крым – не только сакральное место, где находятся важнейшие памятники истории России и символы русской духовности, но, прежде всего, стратегически важная территория, контроль над которой обеспечивает не только доминирование в Северном Причерноморье, но и национальную безопасность всей страны.

О последствиях воссоединения Крыма с Россией как для Крыма, так и для России спорят уже не первый год. Они довольно многоаспектны и зачастую противоречивы. На поверхности – территориальный и демографический аспекты последствий. Так, Россия не просто увеличила свою площадь почти на 27 тыс. км². Россия вернула в свой состав неповторимую по своим природно-климатическим особенностям и рельефу территорию с разнообразными рекреационными ресурсами, уникальным географическим положением, богатым культурно-историческим наследием, уникальным экономическим, научным и военным потенциалом. Находясь в сложной демографической ситуации, Россия увеличила численность населения более, чем на два миллиона человек (до 146 млн чел.).

Однако большее значение, несомненно, имеют геополитические последствия. Прежде всего, благодаря географическому положению Крымского полуострова Россия получила стратегический контроль над всем Азово-Черноморским регионом, Керченским проливом, что резко увеличило возможности контроля морского и воздушного пространств не только в районе Черного моря, но и далеко за его пределами. Россия получила не только полный контроль над базой Черноморского флота в Севастополе и другими военными объектами (Украина активно ограничивала возможности России не только полноценно обновлять ЧФ, но и использовать его, например, в ходе российско-грузинского конфликта 2008 г.), но и целый ряд торговых портов – Керчь, Феодосия, Ялта, Евпатория, Севастополь, что позволяет существенно расширить портовые мощности в Черном море. Хотя их потенциал до сих пор используется преимущественно в каботажных перевозках в виду действия санкций со стороны стран Запада и Украины.

Установление контроля над Керченским проливом обеспечило не только свободное судоходство российских судов по Керчь-Еникальскому каналу, но и дало возможность реализовать давние планы по строительству Крымского моста, совершившего «инфраструктурную революцию» на полуострове.

Вторым значимым инфраструктурным объектом и вторым брендом Крыма стал международный аэропорт «Симферополь», в котором с 16 апреля 2018 года запущен новый терминал. Аэропорт способен обслуживать 3 625 пассажиров в час и 6,5 млн человек в год. Аэропорт Симферополь является региональным аэропортом с самой крупной внутрисоссийской маршрутной сетью. В 2018 году рейсы в Крым выполняют 17 авиакомпаний по 63 направлениям [3].

Возвращение Крыма радикально изменило конфигурацию экономических зон в Черном море. Если после 1991 года около 1/3 черноморского бассейна находилось под контролем Украины, то после воссоединения Украина потеряла практически 70 % ранее контролируемых морских пространств. Россия же теперь контролирует около 40 % акватории Черного моря (примерно равную площадь с Турцией) и, что самое стратегически важное, находится в географическом центре Причерноморского

региона, что делает ее военно-стратегической доминантой в Азово-Черноморском бассейне.

Вхождение Крыма в состав России существенно упрочило ее военно-стратегическое положение. В пределах Южного федерального округа Крым имеет наиболее западное выдвинутое в Черное море положение, что вместе со сложившейся военной инфраструктурой определяет стратегическое значение полуострова в случае предупреждения и отражения военной агрессии со стороны стран Черноморского бассейна.

Особо важным является и факт, что Севастополь – единственная военноморская база на Черном море с потенциалом для оснащения и отправки новых судов и военной техники стратегического назначения. Пока Россия его контролирует, она будет оставаться единственной региональной силой с возможностями контроля над водой во всем Черноморском регионе [4]. Именно это обстоятельство позволило России усилить присутствие и продемонстрировать возможности своих вооруженных сил в Средиземном море и на Ближнем Востоке, что обеспечило успех в борьбе с международным терроризмом в ходе военных операций в Сирии. Поддержка с Черного моря помогла существенно укрепить положение и расширить возможности использования потенциала военно-морской базы в Тартусе, что позволило России утвердиться в Сирии в качестве постоянной военной силы.

Изменение конфигурации экономической зоны в Черном и Азовском морях сопровождается переходом под контроль России запасов углеводородов шельфовой зоны, разработкой которых занимается компания Черноморнефтегаз (г. Симферополь). Акватории Черного и Азовского морей, относящиеся к Южному нефтегазовому региону, являются перспективными участками для разведки и добычи углеводородного сырья. Наименее всего изучена акватория Черного моря. Запасы категорий А+В+С1 топливно-энергетических ресурсов составляют: по газу – 50771 млн куб. м, газовому конденсату – 2104 тыс. т, по нефти – 23344 тыс. т [5]. И освоение именно этих ресурсов, способных полностью решить проблему обеспечения полуострова необходимыми источниками энергии, тормозится после событий 2014 года.

Произошла существенная трансформация географии транспортной сети Крыма – главное направление транспортных потоков сменилось с Север–Юг на Восток–Запад. В ходе реализации принятой 11 августа 2014 года Правительством РФ Федеральной Целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» [6] происходит усиление субширотной транспортной оси Керчь – Феодосия – Симферополь с ответвлением на г. Евпаторию и г. Севастополь в результате сооружения Крымского моста, строительства автомагистрали «Таврида», увеличения пропускной способности железнодорожной линии Керчь – Феодосия – Джанкой. Благодаря реализации ФЦП Крым успешно интегрирован в российское экономическое пространство, обеспечена его транспортная доступность, снимаются инфраструктурные ограничения, тормозившие устойчивое развитие региона.

Однако сохраняется ряд факторов, которые все еще сдерживают социально-экономическое развитие Крыма: нестабильность социально-политической обстановки в приграничных регионах Украины; наличие рисков в возможностях для развития международного сотрудничества, ослабление международных и внешнеэкономических связей, в том числе с приграничными регионами Украины; недостаточность ресурсной и инфраструктурной обеспеченности региона жизненно

необходимыми источниками энергии, воды, продовольствия, в том числе наличие ограничений в обеспечении водными ресурсами для питьевого и производственного потребления, включая отсутствие круглосуточного водообеспечения отдельных районов и др. [6].

Для решения этих проблем понадобится много лет. К августу 2018 года уже выполнена треть мероприятий ФЦП, но не все объекты удастся реализовывать с такой скоростью, как планировалось, что, возможно, потребует продления сроков реализации программы до 2022 года.

Выводы

Воссоединение Крыма с Россией – акт восстановления исторической справедливости, подтвердивший русскую цивилизационную принадлежность Крыма. Для жителей Крыма необходимость присоединения к России диктовалась нежеланием подчиняться агрессивному националистическому режиму, установившемуся в Украине в ходе государственного переворота 2014 года.

Для России Крым – не только сакральное место, но, прежде всего, стратегически важная территория, контроль над которой обеспечивает не только доминирование в Северном Причерноморье, но и национальную безопасность всей страны.

Последствия воссоединения Крыма с Россией многоаспектны. Они затрагивают все стороны жизни не только крымчан, но и всей России. Ведущую роль играют геополитические последствия. Благодаря географическому положению Крымского полуострова Россия получила стратегический контроль над всем Азово-Черноморским регионом.

Реализация ФЦП позволила совершить на полуострове «инфраструктурную революцию» – введены в эксплуатацию новый терминал международного аэропорта «Симферополь», автомобильная часть Крымского моста, идет строительство федеральной трассы «Таврида».

Литература

1. Хантингтон Самюэль П. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон. М.: АСТ, 2014. 576 с.
2. Киселев С.Н. Смысл Крыма для России в том, что это колыбель русского православия// Брега Тавриды. 2014. № 3–4 (134–135). С. 269–276.
3. Международный аэропорт «Симферополь» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://sipaero.ru/post.php?id=468>
4. Петров В. П. Геополитическое значение Крыма//вестник РУДН. Серия: политология. 2018. т. 20. № 1. С. 21–30
5. Балансовые запасы полезных ископаемых на 31.12.2014 // Доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Крым за 2014 год. С. 34–35. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://meco.rk.gov.ru/rus/file/Doklad_o_sostoyanii_i_ohrane_okrujayuschey_sredi_Respubliki_Krim_2014_v2.pdf
6. Постановление правительства РФ об утверждении целевой федеральной программы «Социально-экономическое развитие Крыма и г. Севастополя до 2020

года» [Электронный ресурс] / Режим доступа:
<https://government.ru/media/files/41d4fa3a896280aaadfa.pdf>.

7. Shvets A. I., Voronin I. N. The change of trends in political and geographical subjectivity of Crimea // Journal of Geography, Politics and Society. 8 (2). 2018. P. 44-53.

Ozhegova L. A.¹
Sikach K. U.²
Ozhegov A. Y.³

Reunion of Crimea with Russia: causes and geopolitical consequences

^{1,2}V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation

³V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Physicotechnical Institute, Simferopol, Russian Federation

e-mail: ¹luda-ozhegova@rambler.ru, ²sikach89@gmail.com,

³sojegov@yandex.ru

Abstract. *The article examines the main causes and geopolitical consequences of the events of the spring of 2014 - the reunification of the Crimea with Russia. The dominants of the development of Crimea in accordance with the Federal Target Program "Social and economic development of the Crimea and the city of Sevastopol until 2020" are determined.*

Keywords: *geopolitical tension, reunion, Crimea.*

References

1. Hantington Samyuehl' P. Stolknovenie civilizacij / Samyuehl' Hantington. M.: AST, 2014. 576 s. (in Russian)
2. Kiselev S.N. Smysl Kryma dlya Rossii v tom, chto ehto kolybel' russkogo pravoslaviya // Brega Tavridy. 2014. № 3-4 (134-135). S. 269-276. (in Russian)
3. Mezhdunarodnyj aehroport «Simferopol'» [EHlektronnyj resurs] / URL: <http://sipaero.ru/post.php?id=468>. (in Russian)
4. Petrov V.P. Geopoliticheskoe znachenie Kryma // Vestnik RUDN. Seriya: politologiya. 2018. t. 20. № 1. S. 21-30. (in Russian)
5. Balansovye zapasy poleznyh iskopaemyh na 31.12.2014 // Doklad o sostoyanii i ohrane okruzhayushchej sredy Respubliki Krym za 2014 god. S. 34-35. [EHlektronnyj resurs] / URL: http://meco.rk.gov.ru/rus/file/Doklad_o_sostoyanii_i_ohrane_okrujayuschey_sredi_Respubliki_Krim_2014_v2.pdf. (in Russian)
6. Postanovlenie pravitel'stva RF ob utverzhdenii celevoj federal'noj programmy «Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Kryma i g. Sevastopolya do 2020 goda» [EHlektronnyj resurs] / URL: <https://government.ru/media/files/41d4fa3a896280aaadfa.pdf>. (in Russian)
7. Shvets A. B., Voronin I. N. The change of trends in political and geographical subjectivity of Crimea // Journal of Geography, Politics and Society. 8 (2). 2018. P. 44-53. (in English).

Поступила в редакцию 19.07.2018 г.

УДК 911.3

Сидорчук И. Б.

***Риск сохранения и воспроизводства
социального неравенства в
интегрирующемся регионе***

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: aniry_09@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются понятие риска социального неравенства и особенности пространственного проявления показателей социальной напряженности, выявлены региональные тенденции воспроизводства социального неравенства.

Ключевые слова: социальное неравенство, риск, социальная напряженность, социально-экономическая дисгармония, региональное.

Введение

Задачи социально-экономического развития российского Крыма требуют принятия управленческих решений, которые должны базироваться не только на представлении об изменениях количественных пропорций в использовании ресурсной составляющей экономического развития территории, но и на понимании сущности пространственных процессов и рисков, характерных для региона, интегрирующегося в социально-экономическое пространство России. Одной из острых социальных проблем республики можно назвать социальное неравенство. Если социальное неравенство на глобальном уровне угрожает стабильному существованию планеты, то социальное неравенство внутри страны при совпадении с религиозными, языковыми, этническими, политическими разногласиями мешает социально-экономическому развитию, может привести к конфликтам и социальной напряженности.

Исследованием социального неравенства и рисков, возникших вследствие него, в современной России занимаются географы Зубаревич Н. В. [1], Дружинин А. Г. [2], Гладкий Ю. Н. [3], Мишнина Е. И. [4], Сидоров В. П. [5] и др., социологи Возьмитель А. А. [6], Маркин В. В. [7], Козырева П. М. и Смирнов А. И. [8] и др.

Риски социального неравенства в Республике Крым осложняются полиэтничностью региона и сохранением в отношении Крыма и г. Севастополя санкционной политики коллективного Запада. Это усиливает воздействие фактора социального неравенства на появление в крымском регионе риска социокультурной конфликтности. Сущность подобного типа конфликтности в Крыму исследуют крымские географы А. Б. Швец и А. Н. Яковлев [9; 10], историки и политологи Габриэлян О. А. [11], Григорьянц В. Э. [12], Ишин А. В. [13], Никифоров А. Р. [14] и др.

В современных условиях именно на местном уровне особенно остро проявляются случаи повышенной напряженности и даже конфликтности по какому-то, на первый взгляд, незначительным поводам. В таких конфликтах мобилизация обычно происходит на основе групповой идентичности, базирующейся на

общности этничности, религии, культуры, языка и т. п. Но так или иначе конфликты несут в себе проблему распределения экономических, социальных и властных ресурсов внутри местного социума. Именно тогда, когда существует комбинация факторов различной идентичности с более широким ощущением экономического и социального неравенства и несправедливости вероятнее всего возникновение в регионе социальной напряженности и наиболее сложных для регулирования конфликтов [7].

В соответствии с вышеизложенным, целью данной работы стало определение сущности социальной напряженности как одного из рисков, доставшихся из прошлого периода вхождения Республики Крым в административно-территориальную систему Украины для последующего учета его влияния на характер современного социального неравенства в республике.

Материалы и методы

Эффективное исследование разнообразных процессов и явлений в современном мире невозможно без использования компьютерных технологий. Для объективного и достоверного анализа и создания картографического обеспечения параметров и оценки рисков сохранения и воспроизводства социального неравенства населения целесообразно применение ГИС-технологий и программных средств.

В процессе экономико-географического изучения социальной напряженности как риска социального неравенства ГИС-технологии позволяют применять разнообразные способы анализа факторов возникновения и воспроизводства социальной напряженности в регионе, обобщить и систематизировать статистические данные, характеризующие различные аспекты исследуемого явления, разработать геоинформационную методику анализа этих показателей, визуализировать их на основе построения карт и диаграмм и установить основные пространственно-временные закономерности формирования и развития социальной напряженности, выделить основные группы регионов социальной напряженности в Республике Крым.

Важной составляющей обобщения и систематизации статистических данных является расчет нормированных показателей. Нормирование показателей позволяет перейти от частных несопоставимых в натуральном виде показателей, характеризующих наличие социальной напряженности, в единую систему измерений, в систему условных индексов, что позволяет анализировать распределение всех видов показателей по регионам в одной системе координат.

Для определения индексируемых показателей социальной напряженности в нашем исследовании был применен оптимизационный метод, основанный на определении референтных точек и показывающий расположение показателя каждого конкретного региона между ними [15]. При оптимизационном методе нормирования показателей нами была применена стандартизация на основе вариационного размаха сравнений эмпирических значений социальной напряженности в республике с минимальными значениями. Чем ближе данный индекс к 1, тем выше степень социальной напряженности в регионе.

Результаты и обсуждение

В современном обществознании существуют различные подходы к определению понятия «риск». В самом общем понимании риск – это явление, характеризующееся неизвестностью будущих результатов, вероятностью их отрицательного влияния на современную ситуацию [7; 16].

Главным условием развития общества в период неопределенности является не избежание риска, не предотвращение, а предвидение его, снижение до возможной нейтрализации. Это обстоятельство требует своевременного предвидения, заблаговременного выявления симптомов неблагоприятной ситуации и их последствий.

Под рисками социального неравенства мы понимаем явления, воздействие которых формирует ситуацию неопределенности перспективного социально-экономического развития региона за счет усиления в нём факторов социального неравенства. Особое опасение вызывает сохранение фактора социально-экономической дисгармонии в обществе (безработица, заболеваемость социально опасными болезнями, преступность, бездомность, суицид) в качестве ведущего тренда сохранения социального неравенства в регионе.

Воздействие на региональное развитие рисков социального неравенства как объективного фактора может провоцировать риски, связанные с личностными особенностями, т. е. они являются причиной возникновения рисков субъективной природы. Так, например, отсутствие спроса на местном рынке труда повышает риски хронической безработицы, правонарушений, заболеваемости социально-опасными болезнями, бездомности, суицида. Субъективные (личностные) риски являются потенциальным источником риска социальной напряженности в регионе.

Наличие социальной напряженности приводит к ухудшению эффективности экономики региона (снижая потребление) и уменьшению его инвестиционной привлекательности, вызывает «бегство» капитала. Социальная неустроенность, поляризация общества при низком уровне толерантности ведет к возникновению социокультурных конфликтов.

В нашей работе для понимания «рисков из прошлого» были выделены территории со слабо, умеренно и сильно выраженной степенью социальной напряженности, характерной для Республики Крым в 2012 году (рис. 1). Данные территории выявлялись по совокупности показателей, характеризующих процессы сохранения социально-экономической дисгармонии в Крыму (безработица, заболеваемость социально опасными болезнями, безопасность среды проживания). Социальная напряжённость в крымских регионах рассчитывалась как интегральный нормированный показатель упомянутых выше характеристик социально-экономической дисгармонии в обществе.

Слабо выраженная степень социальной напряженности в 2012 году наблюдалась в Армянске, Керчи, Севастополе, Симферополе, а также в Черноморском и Бахчисарайском административных районах (рис. 1).

Данные территории являлись относительно благополучными в социально-экономическом плане, а также имели невысокие значения показателей социального неравенства.

В описанную выше группу вошли также территории сельских административных районов Крыма с достаточно высокими показателями социального неравенства: Кировский, Первомайский, Красногвардейский и

Нижнегорский. Указанные районы относятся к территориям с низким уровнем экономического развития. Однако это не повысило уровень социальной напряжённости в них. Очевидно, жители означенных выше территорий приспособились жить в достаточно бедных условиях, не имеют возможности или не хотят изменить их, о чём косвенно свидетельствует низкая миграционная подвижность населения, характерная для упомянутых регионов.

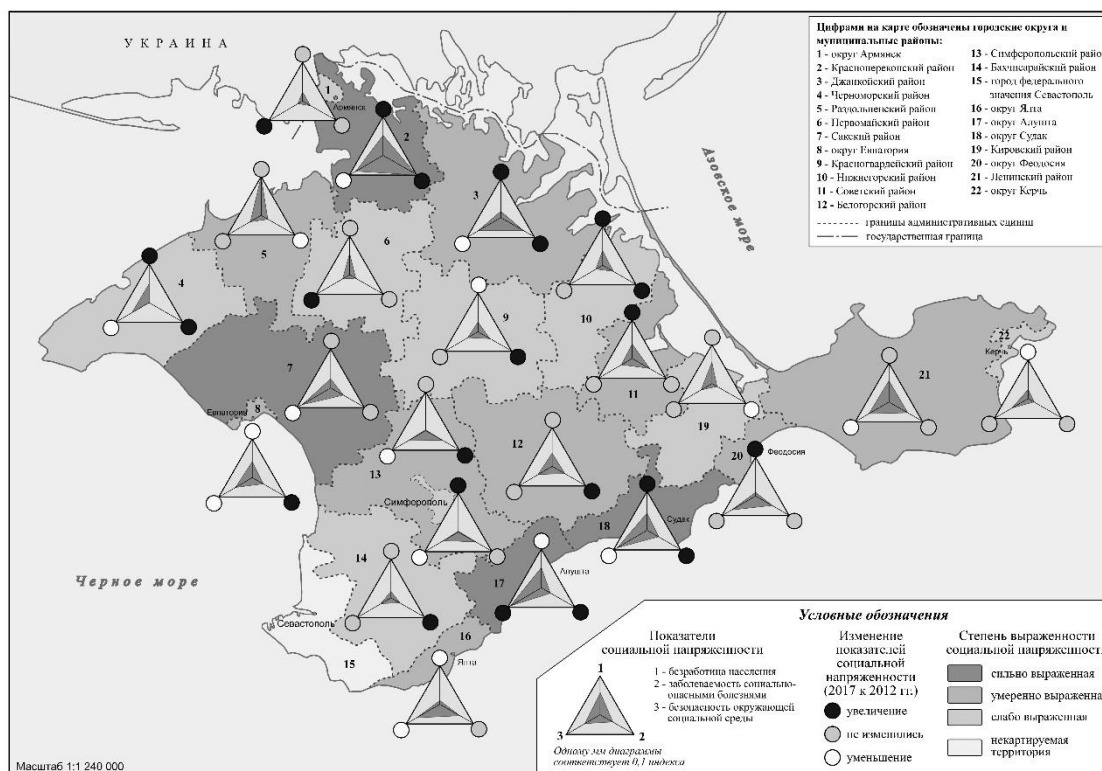

Рис. 1. Показатели социальной напряжённости в Республике Крым, 2012, 2017 гг. Составлено автором

К регионам с умеренно выраженной социальной напряженностью в 2012 году относились Евпаторийский, Феодосийский, Ялтинский городские советы, а также Белогорский, Джанкойский, Ленинский, Симферопольский, Советский, Раздольненский административные районы. Здесь процессы социально-экономической дисгармонии в обществе демонстрировали среднюю степень проявленности. Исключение составляли характеристики криминогенной обстановки, которые ухудшались параллельно с процессами преобразования аграрных отношений в системе общественной организации территории Крыма, в т. ч. вследствие поляризации рыночной стоимости земли в приморских и внутренних районах полуострова и расслоении общества по возможности приобретения ценных в рекреационном отношении земельных участков.

Именно ситуация с возможностью свободного приобретения земельных участков в личное пользование стала одной из причин социально-экономических конфликтов, имеющих на полуострове этническую окраску. Географически социокультурные конфликты концентрировались в исследуемый период, по мнению А. Б. Швеца и А. Н. Яковлева, в предгорной и югобережной зонах Крыма, куда относятся перечисленные выше территории [9]. В пределах югобережных и

предгорных территорий Крыма сконцентрированы наиболее благоприятные для ведения бизнеса условия. В предгорье высока концентрация крымско-татарского населения, в среде которого не исчерпан потенциал «исторической обиды» на тех, кто лишил их возможности жить и владеть этой землей. Чаще всего историческая обида крымских татар актуализировалась в исследуемый период в различных формах самозахватов («самовозвратов» по версии крымско-татарских СМИ) земли или имущества сельхозпредприятий, расположенных в пределах привлекательных территорий [10].

В третью группу регионов – с *сильно выраженной социальной напряженностью* – в 2012 году входили территории городских советов Алушты и Судака, а также Красноперекопского и Сакского административных районов. Социальное неравенство в пределах первых двух территорий имело близкие к средним значениям, а в Сакском и Красноперекопском районах – высокие значения проявления. Во многом социальная напряженность в этих регионах была обусловлена процессами на рынке труда (высокий уровень безработицы и большое количество увольнений), а также самой сложной криминогенной обстановкой среди всех территорий Крыма. На развитие деструктивных процессов в Красноперекопском районе оказывала также влияние его отдаленность от крымского регионального центра и существенная разница в уровне и образе жизни населения в городах с развитой химической промышленностью – Армянске и Красноперекопске – и сельской периферией этого района.

Важно отметить, что к 2017 году произошло некоторое смягчение социальной напряженности в российском Крыму. Значение интегрального нормированного показателя социальной напряженности несколько снизилось в регионах республики, исключение составили территории Армянского, Судакского, Феодосийского городских муниципальных округов, а также Бахчисарайского, Белогорского, Джанкойского, Красногвардейского, Первомайского, Советского и Черноморского муниципальных районов, где наблюдается увеличение значений данного показателя (рис. 2).

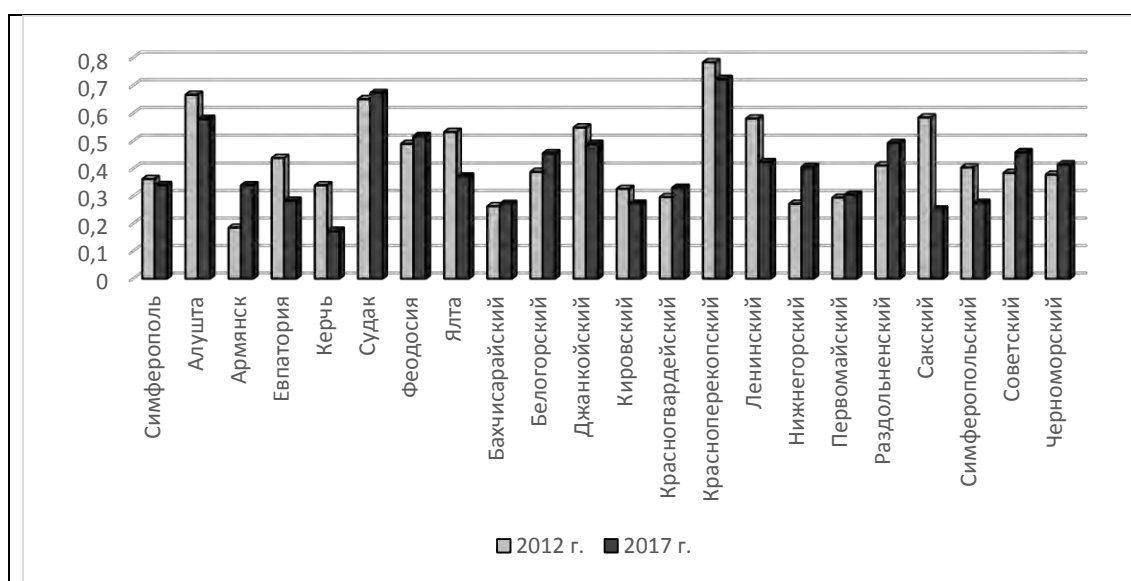

Рис. 2. Интегральный индекс социальной напряженности в Республике Крым, 2012 и 2017 гг. Составлено автором

Сравнение отдельных показателей социальной напряжённости в крымских регионах 2012 года с аналогичными показателями 2017 года позволило определить пространственный вектор причин трансформации социальной дисгармонии в Крыму (рис. 1). В целом вектор увеличения значений показателей социальной дисгармонии направлен с севера на юг Крымского полуострова, что требует углублённого социологического изучения. Возможно, этот пространственный сдвиг совпадает с направлением современной экономической активности населения Крыма после фактического прекращения Украиной экономических связей с полуостровом на севере.

Для уточнения возможных причин снижения социальной напряжённости в Крыму нами была проанализирована трансформация уровня социально-экономического развития регионов республики (рис. 3).

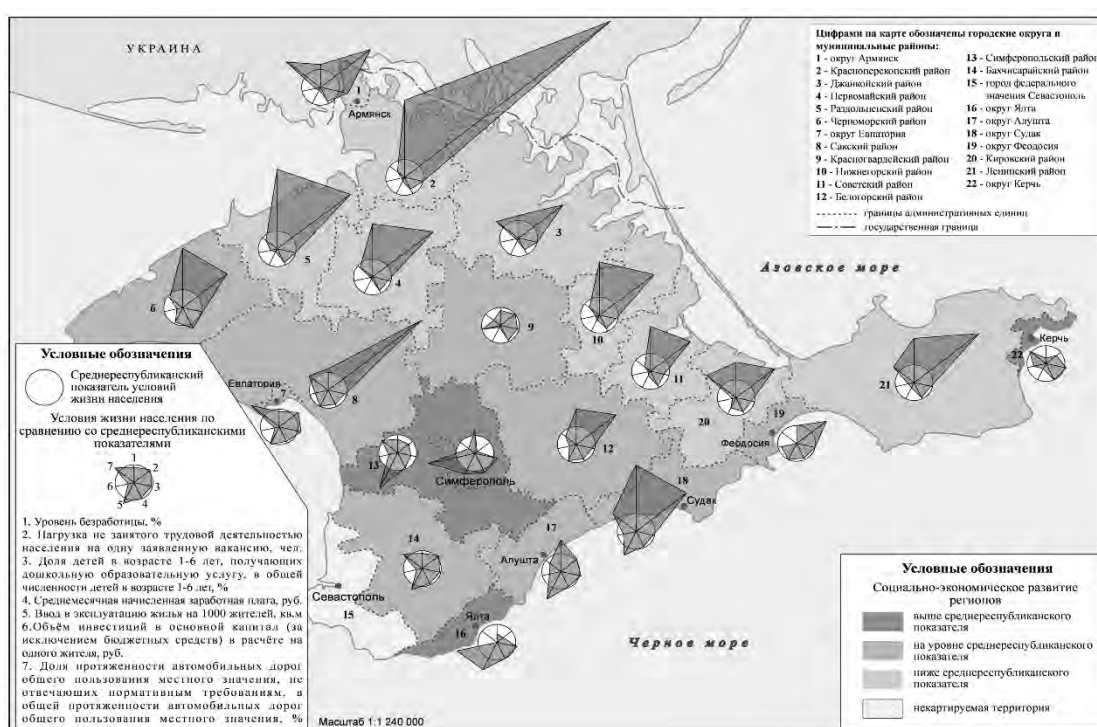

Рис. 3. Уровень социально-экономического развития регионов Республики Крым, 2017 г. Составлено автором

Сравнивая региональные характеристики уровня социально-экономического развития (рис. 3) с показателями изменения социальной напряжённости в крымских регионах в 2017 году (рис. 1), приходим к выводу о том, что уровень социально-экономической развитости территориальных единиц микрорегионального уровня, к которым следует относить внутрикрымские городские и районные муниципальные образования, не оказывает прямого влияния на уменьшение социальной напряжённости в них. Это означает, что социальное неравенство как один из факторов усиления подобной напряженности может сохраняться и воспроизводиться в регионе вопреки его экономическому благополучию.

Доказательство упомянутой выше мысли находим, анализируя трансформацию характеристик ведущих показателей социальной напряжённости в

районах социально-экономического развития выше или на уровне среднего по республике в 2017 году. В число таких территорий вошли муниципальные городские округа Симферополя, Алушты, Судака, Феодосии и Красногвардейского, Белогорского, Бахчисарайского, Симферопольского, Сакского и Черноморского районов (рис. 3). В этих территориальных единицах анализируемые показатели либо увеличили свои значения по сравнению с 2012 годом, либо оставили их неизменными. Исключение составили лишь городские муниципальные округа Симферополь и Судак, а также Симферопольский, Черноморский и Сакский районы, где показатели безопасности окружающей среды в указанный период уменьшились, а также городской округ Алушта и Красногвардейский район, где произошло снижение уровня безработицы.

Риск сохранения и воспроизводства социального неравенства как одного из факторов социальной напряжённости может быть вызван разного рода ошибками властных структур, бессистемностью государственной региональной политики.

Полиэтничность региональных и местных сообществ выдвигает органам власти и управления Крыма вопросы, связанные с социальным неравенством и консолидацией Крыма в общероссийском пространстве с целью предотвращения дезинтеграции социального пространства и нейтрализации риска политических потрясений.

С 2017 года социально-экономическое развитие Республики Крым осуществляется в рамках «Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» [17]. Проблема социального неравенства лишь косвенно затронута в Стратегии, где указывается, что без достижения пропорциональности внутрирегионального развития невозможно эффективное функционирование экономики республики. Следовательно, для Крыма применяется «выравнивающая» модель регионального развития, которая была характерна для советского периода развития России. Выровнять уровень экономического развития территории можно, но решит ли это проблему социального неравенства? Выше мы приводили доказательство несовпадения показателей уровня экономического развития муниципальных единиц Крыма и социального неравенства в них.

Нам представляется, что преодоление проблемы социального неравенства в Крыму должно иметь комплексный характер, меняющий и форму, и содержание явления. Первоочередным действием должна стать оптимизация территориальной структуры хозяйства региона, в т. ч. уменьшение чрезмерной рекреационной нагрузки на югобережные и западные прибрежные районы за счет актуализации туристско-рекреационного потенциала центральных, восточных и северных районов Крыма. Нуждаются в смягчении резкие диспропорции в уровне промышленной и сельскохозяйственной освоенности территорий Крыма, инфраструктурной и информационной подготовки территорий для новых, более перспективных видов деятельности с учетом сложившихся здесь условий.

Следовательно, стратегия регионального смягчения риска сохранения и воспроизводства социального неравенства в Крыму должна основываться на детализации конкурентных преимуществ различных муниципальных территорий полуострова.

Выводы

Следствием локализации социального неравенства в регионе может быть обострение социальной обстановки в обществе и возникновение различных видов рисков.

Выявление и характеристика «рисков из прошлого» способствуют научному осмыслению сложившейся в Крыму социально-экономической ситуации в современных российских условиях, определению на этой основе конкретных мер по снижению социального неравенства и, соответственно, повышению эффективности социальной политики.

Литература

1. Зубаревич Н. В. Проблема социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение? // *Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления.* 2009. № 3 (35). С. 154–169.
2. Дружинин А. Г. Метрополизация и территориально-социальное неравенство: постсоветские тренды // *Социально-экономическая география 2011: теория и практика.* 2011. С. 82–87.
3. Гладкий Ю. Н. Об углублении социально-экономического неравенства субъектов Российской Федерации // *Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие.* 2016. С. 37–40.
4. Мишнина Е. И. Социальные риски: понятие и факторы формирования // *Качество жизни населения Рязанского региона.* 2012. С. 17–24.
5. Сидоров В. П. Социально-экономическое неравенство территорий и геополитические конфликты // *Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований.* 2015. С. 408–411.
6. Возьмитель А. А. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // *Власть.* 2016. № 8. С. 5–13.
7. Маркин В. В. Региональные неравенства на юге России: нормы и пределы социальных рисков // *Этносоциальные процессы и риски на Юге России: сб. ст. конф.* 2015. С. 34–38.
8. Козырева П. М. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // *Россия реформирующаяся.* М.: Новый Хронограф, 2018. С. 290–318.
9. Швец А. Б. Типологический подход в исследовании социокультурной конфликтности // *Ученые записки ТНУ. Серия «География».* 2007. Т. 20 (59), № 2. С. 73–79.
10. Швец А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму // *Культура народов Причерноморья.* 2005. № 73. С. 165–176.
11. Габриелян О. А. Проблемы и возможности современного проекта «освоения» Крыма // *Материалы научно-практической конференции «Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие».* Симферополь: АнтикВА, 2006. С. 60–65.

12. Григорьянц В. Е. О некоторых особенностях развития социокультурной ситуации в Крыму // Пилигримы Крыма. / Сб. науч. статей и материалов. Вып. 2 (7). Новая и новейшая история Крыма. Симферополь: Крымский Архив, 2003. С. 28–35.
13. Ишин А. В., Шевчук А. Г. Православие и ислам в Крыму: проблемы взаимодействия // Пилигримы Крыма. / Сб. науч. статей и материалов. Вып. 2 (7). Новая и новейшая история Крыма. Симферополь: Крымский Архив, 2003. С. 269–272.
2. Никифоров А. Р. Этнические процессы в современном Крыму // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы / Материалы исследований. Симферополь, 2002. С. 94–99.
3. Россощанский А. И. Интегральная оценка качества жизни населения регионов СЗФО // Вопросы территориального развития. 2014. Вып. 2(12). С. 1–7.
4. Петухова Е. П. Социальные риски домашних хозяйств в условиях неопределенности // Фундаментальные исследования. 2013. № 11–8. С. 1670–1675.
5. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rk.gov.ru/rus/info.php?id=635811>.

Sidorchuk I. B.

The risk of preservation and reproduction of social inequality in the integrating region

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Russian Federation, Simferopol
e-mail: aniry_09@mail.ru

Abstract. *The article reveals the concept of the risk of social inequality, features of the spatial manifestation of social tension indicators, reveals regional trends in the reproduction of social inequality.*

Keywords: *social inequality, risk, social tension, socio-economic disharmony, regional development.*

References

1. Zubarevich N. V. Problema social'nogo neravenstva regionov: vozmozhno li real'noe smyagchenie? // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2009. №3 (35). S. 154-169. (in Russian)
2. Druzhinin A. G. Metropolizaciya i territorial'no-social'noe neravenstvo: postsovetskie trendy // Social'no-ehkonomicheskaya geografiya 2011: teoriya i praktika. 2011. S. 82-87. (in Russian)
3. Gladkij YU. N. Ob uglublennii social'no-ehkonomicheskogo neravenstva sub"ektov Rossijskoj Federacii // Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdisciplinarnye issledovaniya, sohranenie i razvitie. 2016. S. 37-40. (in Russian)
4. Mishnina E. I. Social'nye riski: ponyatie i faktory formirovaniya // Kachestvo zhizni naseleniya Ryazanskogo regiona. 2012. S. 17-24. (in Russian)
5. Sidorov V. P. Social'no-ehkonomicheskoe neravenstvo territorij i geopoliticheskie konflikty // Polimasshtabnye sistemy "centr-periferiya" v kontekste globalizacii i

- regionalizacii: teoriya i praktika obshchestvenno-geograficheskikh issledovanij. 2015. S. 408-411. (in Russian)
6. Voz'mitel' A. A. Social'noe neravenstvo i ego riski v sovetskoj i postsovetskoj Rossii // *Vlast'*. 2016. № 8. S. 5-13/ (in Russian)
 7. Markin V. V. Regional'nye neravenstva na yuge Rossii: normy i predely social'nyh riskov // *EHtnosocial'nye processy i riski na YUge Rossii: sb. st. konf.* 2015. S. 34-38. (in Russian)
 8. Kozyreva P. M. Masshtaby i dinamika social'no-ehkonomicheskogo neravenstva v sovremennoj Rossii // *Rossiya reformiruyushchayasya*. M.: Novyj Hronograf, 2018. S. 290-318. (in Russian)
 9. SHvec A. B. Tipologicheskij podhod v issledovanii sociokul'turnoj konfliktnosti // *Uchenye zapiski TNU. Seriya «Geografiya»*. 2007. T. 20 (59), № 2. S.73-79. (in Russian)
 10. SHvec A. B., Bednarskij I. G., YAkovlev A. N. Proyavleniya sociokul'turnoj konfliktnosti v Krymu // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2005. № 73. S. 165-176. (in Russian)
 11. Gabrielyan O. A. Problemy i vozmozhnosti sovremennogo proekta «osvoeniya» Kryma // *Materialy nauchno–prakticheskoy konferencii «Avtonomnaya Respublika Krym v HKHI veke: opyt, problemy, razvitie»*. Simferopol': AntikvA, 2006. S.60–65. (in Russian)
 12. Grigor'yanc V. E. O nekotoryh osobennostyah razvitiya cociokul'turnoj situacii v Krymu // *Piligrimy Kryma*. / Sb. nauch. statej i materialov. Vyp.2 (7). Novaya i novejschaya istoriya Kryma. Simferopol': Krymskij Arhiv, 2003. S.28–35. (in Russian)
 13. Ishin A. V., SHEvchuk A. G. Pravoslavie i islam v Krymu: problemy vzaimodejstviya // *Piligrimy Kryma*. / Sb. nauch. Statej i materialov. Vyp.2 (7). Novaya i novejschaya istoriya Kryma. Simferopol': Krymskij Arhiv. 2003. S.269–272. (in Russian)
 14. Nikiforov A. R. EHtnicheskie processy v sovremennom Krymu // *EHtnografiya Kryma H1H–HKH vv. i sovremennye ehtnokul'turnye processy*. / *Materialy issledovanij*. Simferopol'. 2002. S.94–99. (in Russian)
 15. Rossoshanskij A. I. Integral'naya ocenka kachestva zhizni naseleniya regionov SZFO // *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2014. Vyp. 2(12). S. 1-7. (in Russian)
 16. Petuhova E. P. Social'nye riski domashnih hozyajstv v usloviyah neopredelennosti // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2013. № 11–8. S. 1670-1675. (in Russian)
 17. Strategiya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym do 2030 goda [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rk.gov.ru/rus/info.php?id=635811>.(in Russian)

Поступила в редакцию 20.08.2018 г.

УДК 911.3:30:316.48(477.75)

Яковлев А. Н.

***Внешние риски развития
социокультурной конфликтности в
Крыму***

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Таврическая академия (структурное
подразделение), Российская Федерация, г. Симферополь
e-mail: andrey_yakovlev84@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к пониманию феномена социокультурной конфликтности, внешние риски развития и трансформации социокультурной конфликтности в современном Крыму.

Ключевые слова: социокультурная конфликтность, трансформация, форма проявленности конфликта, внешние риски развития и трансформации конфликтов.

Мировое сообщество вступило в XXI век не только с великими достижениями в различных сферах научно-технического, социального, экономического и культурного развития, но и с грузом острых, углубляющихся проблем, одной из которых является необходимость разрешения сложных противоречий, конфликтов, имеющих широкий спектр причин локального, межрегионального и глобального характера [1].

Одной из наиболее актуальных проблем современности, решение которой непосредственно влияет на процессы формирования и развития устойчивой общественно-территориальной системы, является гармонизация межэтнических и межконфессиональных контактов, становление толерантных отношений внутри общества. По мнению исследователя этнополитических конфликтов Л. А. Лешуковой, феномен этничности на современном этапе переживает своеобразный ренессанс, превращаясь, с одной стороны, в механизм политической мобилизации и становления культуры национального типа, с другой – выступает причиной конфликтного противостояния в полиэтничных и поликонфессиональных регионах. Именно выяснение основных причин трансформации межэтнических противоречий в конфликт, исследование феномена этнической деструктивности являются актуальными задачами ученых, занимающихся данной проблематикой, решение которых позволит сформулировать практические советы для политики и управления, принятия необходимых компетентных решений в сфере этнокультурных отношений [2]. Среди вопросов, которые решают современные общественные науки, в том числе общественная география, обозначена необходимость осмысления территориальных причин и следствий масштабных социальных трансформаций, которые происходят в странах, возникших в границах бывшего Советского Союза. Эти трансформации часто имеют конфликтную основу. Конфликты, которые проявились на постсоветском пространстве, были вызваны различными причинами, но большинство из них связывались исследователями с глубинными

структурными изменениями в сфере этнических и конфессиональных отношений [3].

Современное пространство культурного диалога этносов Крыма длительное время было достаточно противоречиво. Поэтому и сейчас рассматривать его только с позиций законов гармонии равнозначно игнорированию двойственной природы человека, в которой уживаются и доброе, и злое начала, а также игнорированию совокупности внешних геополитических, экономических и других факторов, способных нарушить начатый после воссоединения Крыма с Российской Федерацией процесс становления толерантного гражданского общества на полуострове.

В реальности пространство межэтнического диалога в Крыму представлено толерантными отношениями этносов, четко проявляющимися на уровне быта. С другой стороны, в межкультурных контактах этносов Крыма толерантность обычно заканчивается там, где начинается политический интерес представителей различных этнических элит, пытающихся любыми средствами доказать приоритетность амбиций своей этнической группы, ведущей диалог с иными народами в сложном в геополитическом отношении регионе [4]. Сам термин «социокультурный» понимается в близком по содержанию значении, рассмотренном еще в работах выдающегося социолога и культуролога П. А. Сорокина. Он рассматривал этот термин как доказательство паритетности социального и культурного, т. е. когда не допускается ни ясного или косвенного намека на преобладание одного над другим, когда ни культура не выводится из социального, ни социальное из культурного, и они не сводятся друг к другу [5]. С другой стороны, существует расширенная трактовка «социокультурного», определяемая российским социологом А. Л. Темницким, включающая в него все социально-материальные, социально-демографические и социально-психологические тенденции, наблюдаемые в обществе. Кроме того, данный термин употребим для обозначения системы ценностей населения, религиозных взглядов и убеждений, предпочтений в сфере экономического поведения [6]. Рассматривая противоречия и конфликты, возникающие в социокультурных процессах Крымского региона, мы имеем в виду особый вид проявления общественных конфликтов, который затрагивает сферу идентичности человека или группы людей. Идентичность, как правило, наиболее ярко и остро проявляется в сфере этнического и конфессионального самосознания людей. Эти сферы самосознания наиболее ревностно сохраняют информацию о ценностном комплексе этноса или религиозной группы. По этой причине конфликты, возникающие на этнической или конфессиональной почве, являются синонимами социокультурных, т. е. имеющими место в обществе в момент позиционирования определенными группами своих культурных ценностей. Их можно определить как обобщенные представления людей относительно целей и норм поведения, сохранения традиций и групповой идентичности. В ценностях воплощается исторический опыт и культура отдельных групп, они служат своеобразным стандартом их поведения. Следовательно, социокультурная конфликтность объединяет обширную группу конфликтов, возникающих как реакция самозащиты группы людей в те моменты, когда совершается попытка изменения или уничтожения их ценностных

ориентиров в области этнического или конфессионального мироощущений [7]. Возникновение социокультурных противоречий во многом обусловлено рядом других региональных факторов: историко-культурным, этнодемографическим, политико-географическим и геополитическим, цивилизационно рубежным и др.

В современном мире одним из ведущих факторов актуализации социокультурных конфликтов и противоречий является фактор региональной геополитики и геостратегии, возможности или невозможности соразмерно реагировать на внешние мировые и региональные геополитические вызовы в контексте общего геополитического вектора государства, концептуальные основы которого наиболее широко были рассмотрены в работах крымского географа и известного политического деятеля, профессора Н. В. Багрова, итогом исследований геополитического фактора развития крымского полуострова которого стала монография «Региональная геополитика устойчивого развития» [8].

Межэтническая напряженность в Крыму впервые после развала Советского Союза проявила себя в начале 1990-х годов [9]. Основой возникновения противоречий и конфликтов стали: непростые отношения между русскими и украинцами Крыма, обретавшими новую этническую и политическую титульность в суверенной Украине, а также общая настороженность славянского населения полуострова в отношении процесса массового возвращения крымских татар, грозившего серьезным изменением демографической структуры Крыма, в которой традиционно доминировали русские. Адаптационные процессы репатриантов усложнялись несбалансированностью программы первоначального приёма и расселения вернувшихся на свою историческую родину народов, противоречиями и неспособностью «старых и молодых» этнических, конфессиональных, бюрократических и политических элит Крыма идти на договорные компромиссы, желанием элит различными способами сохранить «свой» властный ресурс [9].

В целом крымская региональная общественная система дважды переживала мощные трансформационные процессы, связанные с глобальными геополитическими метаморфозами, автоматически приводившими к трансформации социокультурных противоречий и конфликтов: после распада Советского Союза, в результате которого полуостров стал одним из субъектов украинского государства, и в 2014 году в результате изменения субъектности Крыма после воссоединения с Российской Федерацией. С 2014 года отмечается постепенное снижение интенсивности форм организации и географии проявления социокультурной конфликтности, актуализируемых внутрирегиональными особенностями. Вместе с тем интенсифицируются попытки внешнего воздействия на социокультурные процессы внутри полуострова, что предполагает возможность ренессанса пребывающих в латентной форме, унаследованных от «украинского периода» конфликтов и противоречий и становление их новых форм проявления.

Целью данной работы является рассмотрение основных внешних рисков, способных интенсифицировать развитие и трансформацию социокультурной конфликтности в Крыму, влияние которых стало особенно выраженным после периода, названного в СМИ «Крымской весной».

Материалы и методы

Основным методами в работе стали: мониторинг печатных и электронных СМИ, в материалах которых отмечались конфликтные проявления на территории полуострова в период с 1990 по 2017 годы, сравнительно-географический, сравнительно-исторический анализ, а также анализ литературы по исследуемой тематике.

Результаты и обсуждение

По мнению известного российского политолога И. В. Юрченко, «юг России с его многочисленным многонациональным населением играет очень важную роль в развитии Российской Федерации, но в новых геополитических условиях особое значение имеют пограничные регионы». Безусловно, к таким регионам нового пограничья юга России относится Крым [10]. Как указывает в своих работах российский и абхазский историк, этнолог Ю. Д. Анчабадзе, в известных условиях соседство и сотрудничество могут сменятся резкими конфликтами, и тогда любое различие в этнокультурном облике будет восприниматься как раздражитель, усиливающий противостояние, по которому проходит одна из линий взаимного размежевания. Процесс снижения эскалации конфликтности в полиэтничных регионах сопряжен с трудностями, связанными с непростыми межгосударственными отношениями в исследуемом регионе. Политолог Р. В. Асриев, отмечая низкую эффективность механизмов регулирования конфликтов, существующих в настоящее время как на уровне государства, так и на уровне межгосударственных отношений, подчеркивает, что крайне актуальной является задача гармонизации этнических отношений в рамках существующих в настоящее время государств и их отношений между собой [10].

Рассматриваемые социокультурные процессы дезорганизации общества наиболее остро, интенсивно проявили себя в украинский период развития Крыма в процессе затяжного, прогрессирующего системного кризиса украинского государства, что неизбежно приводило к возникновению противоречий и конфликтов, связанных с необходимостью защиты ценностных установок и ориентиров различных этносов полуострова, постоянно демонстрируя резонансность и широкую географию актуализации, продуцируя новые формы проявленности конфликтов и противоречий. Среди наиболее широко представленных на полуострове форм проявленности конфликтов и противоречий следует выделить следующие: манифесты, декларации, резолюции, протестные заявления, земельные захваты, захваты административных зданий, перекрытие дорог, массовые столкновения протестующих сторон, акты вандализма и девиантного поведения конфликтующих сторон и др.

Кульминацией конфликтогенного развития, дезорганизованного крымского общества в украинский период (период украинской политико-правовой системы) стал 2014 год, продемонстрировавший все факторы и объекты формирования конфликтности в Крыму, все отмеченные ранее и представленные впервые формы, высочайшую интенсивность, динамику, повсеместность и резонансность социокультурных конфликтов и противоречий. В год «Крымской весны» региональное сообщество пережило острую системную трансформацию, связанную с изменением государственной принадлежности (субъектности) Крыма,

что автоматически привело к мощным мобилизационным процессам в межэтнических отношениях, отмеченных 72 случаями конфликтных проявлений [11]. При этом 2014 г. стал отправной точкой мощных трансформационных процессов, качественно изменивших социокультурное развитие полуострова.

После воссоединения Крыма с Российской Федерацией изменилась политико-правовая среда развития общественных процессов. Это привело к подчиненности возможных ранее проявлений конфликтности, мер и способов решения конфликтных ситуаций по «букве закона», нивелированию источников конфликтогенности (в том числе запрет на дальнейшую деятельность организаций и объединений экстремистского характера), планомерно проводимой политике развития толерантности и добрососедства, стабилизации межэтноконфессиональных отношений. Конфликтные ситуации и противоречия постепенно приобретают латентную форму, не приводящую к значимому общественному резонансу в регионе. Практически полностью отсутствуют представленные на протяжении более чем двадцатилетнего периода, ставшие традиционными формы проявления конфликтов и противоречий, что подтверждается данными экспертных оценок и Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым [12; 13; 14].

После воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией впервые и крайне остро проявила себя внешняя конфликтная составляющая, источником которой выступило украинское государство. Именно украинские государственные и неподконтрольные государству организации неоднократно пытались дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в Крыму. Основной формой организации данных попыток стали диверсии. Ранее диверсионные методы, напрямую направленные на дестабилизацию социально-экономической обстановки в Крыму, организовывались и приводились в жизнь непосредственно на территории Украины, ярчайшими примерами выступают события 2015 года, которые часто классифицируют как террористические действия. Деструктивное влияние на формирование в Крыму устойчивой общественно-территориальной системы целенаправленно оказывал в 2015 г. украинский центр политико-географического влияния, который вернее обозначать как западный, учитывая наличие внешнего управления украинским государством со стороны США и Европы, что подтверждается фактом появления иностранных граждан на ключевых постах украинского правительства [15]. В авангарде попыток украинского центра влияния дестабилизировать межэтноконфессиональные отношения крымского сообщества находится сформированное на территории Украины «крымско-татарское правительство в изгнании», представленное активистами признанной в России экстремистской организации Меджлис-Курултай крымских татар. Попытки активистов Меджлиса, объединившихся в настоящее время с украинскими националистическими организациями, возродить на полуострове проблему этнополитической нестабильности, актуализировались в форме террористических актов. Речь идет о серии резонансных происшествий («блокад»), направленных на этнополитическую мобилизацию крымских татар, «несогласных» с фактом воссоединения полуострова с Российской Федерацией. Речь идет о «продовольственной», «энергетической», «транспортной» блокадах Крыма и заявленной «морской» блокаде полуострова. Особенностью «блокад» как провакативных поводов к конфликтам является их экзогенный (внешний) по

отношению к субъекту воздействия характер. Локализованные вне Крымского полуострова, но способные напрямую оказывать влияние на экономику и социокультурные процессы в крымском регионе, «блокады» расширили варианты форм организации конфликтности на полуострове. В целом в 2015 г. нами отмечены 9 случаев трансграничных противоречий и конфликтов с различным уровнем резонансности в прессе, способных оказывать влияние на характер социокультурных процессов на Крымском полуострове. [15].

В 2016, 2017 годах диверсионные действия были перенесены непосредственно на территорию Крыма, на полуострове сотрудниками специальных служб и правоохранительных органов Российской Федерации задерживались диверсионно-террористические группы, пресекались и устранялись последствия диверсий и провокаций. Диверсионные действия украинской стороны в 2016, 2017 годах отмечены 9 случаями, наиболее резонансно актуализированных на территории Армянского, Алуштинского, Судакского городских округов. Диверсионные группы задерживались в Симферополе и Севастополе. Ситуацию усугубляют действия украинской стороны в акватории Черного и Азовского морей, часто трактуемые российскими СМИ как откровенное пиратство. Предупреждая о рисках пиратского пленения, во внешнеполитическом ведомстве обратили внимание на то, что 25 апреля 2018 года правительство Украины запретило судам, идущим под российским флагом, перемещаться и перевозить грузы по территории страны. Тем самым Кабмин поддержал инициативу Министерства инфраструктуры, которая распространяется и на транспортные средства зарегистрированных в России судовладельцев. Кроме того, запрет на транзит и перевозку грузов касается судов, посещавших порты Крыма и Севастополя, в независимости от того, под каким флагом они перемещаются. Наиболее резонансный прецедент произошел 25 марта 2018 г. в Азовском море, когда украинские пограничники задержали российское судно «Норд» с 10 членами экипажа. Все они – граждане России [16].

Следующей формой внешнего воздействия на стабильное существование общественной системы республики является откровенно пропагандистская, выражаясь современным языком «фейковая», информационная компания, развернутая с 2014 года повсеместно на территории Европейских государств и, прежде всего, на Украине. Наиболее опасными нам представляются украинские интернет-ресурсы, имеющие всеобщий доступ в информационном пространстве полуострова, в форме явной антироссийской риторики освещающие многие экономические, социальные и в особенности этноконфессиональные аспекты развития российского Крыма. Примерами наиболее показательных тем, активно разрабатываемых для антироссийской пропаганды, особенно среди крымско-татарского населения полуострова, являлись: серия исчезновений крымских татар в 2014 году, подаваемая украинскими, крымско-татарскими (на территории Украины) и западными СМИ как политический заказ по «устранению несогласных активистов». Активно муссируется тема проводимых на полуострове действий по «профилактике экстремизма и терроризма», основной целью которой является предотвращение экстремистской деятельности и ликвидации т. н. «спящих ячеек», запрещенных в России радикальных религиозных организаций, подаваемых в контексте притеснения крымско-татарского населения на территории республики, и др.

Санкции и пространственная блокада Крыма также являются внешними факторами риска для проекта «Новый Крым» [17]. Ситуация превращения границы между Крымом и миром в барьерный рубеж на неопределённый срок создает феномен «морального и физического дискомфорта» для жителей полуострова. Барьерная граница нарушает ощущение «периметра безопасности», о котором часто пишут этнологи, объясняя появление случаев агрессивного поведения людей на блокированных по разным причинам территориях [17]. Значительный резонанс вызывают высказывания и официальные заявления высокопоставленных лиц украинской стороны о намерениях проведения диверсии с целью прекращения функционирования главного элемента транспортной инфраструктуры современного Крыма – Крымского моста [18].

Выводы

Крымская региональная общественная система дважды переживала мощные трансформационные процессы, связанные с глобальными геополитическими метаморфозами: после распада Советского Союза, в результате которого полуостров стал одним из субъектов Украинского государства, и в 2014 году в результате изменения субъектности Крыма после воссоединения с Российской Федерацией. Начиная с 1990-х годов на полуострове фиксируются проявления социокультурной конфликтности и противоречий, постоянно расширяющих формы проявленности и географию локализации. Отправной точкой мощных трансформационных процессов крымского регионального сообщества стал 2014 год. Трансформационные процессы коснулись всех сфер жизни общественно-политической системы, в том числе сформировавшихся в регионах Крыма социокультурных конфликтов и противоречий. С 2014 года кардинально меняется политико-правовая среда развития общественных процессов, это привело к подчиненности возможных ранее конфликтов «букве закона», нивелированию источников конфликтности. Следствием указанных трансформаций стало сокращение вариантов фиксируемых ранее форм проявленности конфликтов и противоречий, все меньше география проявления конфликтов в регионах полуострова. Конфликтные ситуации и противоречия постепенно приобретают латентную форму, не приводящую к эскалации и резонансности протекания. Основная масса выявленных конфликтов и противоречий по аналогии с предыдущими годами локализуются в определенной группе регионов, формируя ареал с высоким уровнем конфликтности (конфликтогенности), приуроченный к центральному, предгорным и южнобережным районам Крыма. Следует отметить, что с 2014 года, впервые с 1990 года, в группу наиболее конфликтогенных регионов полуострова регулярно входит муниципальное образование городской округ Армянск. Это связано с его пограничным положением и непрекращающимися попытками противоправных провокативных действий с украинской стороны, в своей совокупности определяющих главные внешние риски развития социокультурной конфликтности на полуострове. Наиболее острой и резонансной формой становятся диверсии (и/или попытки организации диверсии) на территории Крыма, проводимые подконтрольными украинскому государству организациями.

Литература

1. Самраилова Е. К. Этнополитический конфликт: монография: в 2 т. Т. I. Методология исследования / Е. К. Самраилова. М.: АТиСО, 2006. С. 8.
2. Лешукова Л. А. Этнополитический конфликт как тип социокультурного взаимодействия // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Сборник научных статей. Симферополь: Антиква, 2013. С. 33.
3. Швец А. Б. Крым в контексте постсоветской конфликтности // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Сборник научных статей. Симферополь: Антиква, 2013. С. 21–29.
4. Швец А. Б. Динамика территориальной локализации социокультурных противоречий в современном Крыму // Проблемы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Сборник научных статей. Симферополь, 2009. С. 11–14.
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во Политической литературы, 1992. С. 219–240.
6. Темницкий А. Л. Социокультурное в условиях сложного общества: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // Вестник МГИМО-Университета. М.: МГИМО – Университет. 2011. № 4 (19). С. 11–21.
7. Яковлев А. Н. Территориальные формы локализации социокультурных противоречий в современном Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2008. Т. 4, № 1–2. С. 1.
8. Багров Н. В. Региональная геополитика устойчивого развития. Киев: Лыбидь, 2002. 254 с.
9. Швец А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 73. С. 165–175.
10. Юрченко И. В., Юрченко Н. Н. Особенности развития Черноморского региона с учетом геополитических проблем и рисков столкновения западных и незападных ценностей // Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического/отв. ред. И. Г. Чайка, Ю. В. Ефремов, Л. А. Морева. Краснодар: Платонов. Вып. 9. 2017. 568 с.
11. Яковлев А. Н. Территориальные особенности социокультурных конфликтов в Российском Крыму (2014 г.) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: География. 2014. Т. 22. № 3. С. 52–60.
12. Киселева Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения // Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
13. Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым // Информация об основных наиболее важных результатах реализации государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия» на 2015–2017 годы» за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gkmmn.rk.gov.ru/file/info_zal6.pdf

14. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Крым стабильное – Заур Смирнов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gkmm.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/354785.htm>
15. Яковлев А. Н. Факторы трансформации социокультурных противоречий в изменившемся социокультурном пространстве Крыма (2015 г.) Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте Материалы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Под общей редакцией А. Г. Дружинина. 2016. С. 542–547
16. Судоходные компании РФ предупредили об угрозе пиратства на Украине [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/society/20180428/1114329624.html?inj=1>
17. Швец А. Б. О новых трендах «нового Крыма» / А. Б. Швец, А. Н. Яковлев. //Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований / под ред. И. Н. Воронина и А. Г. Дружинина. Материалы междунар. науч. конференции Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 520–525.
18. Депутат Верховной Рады пообещал взорвать Крымский мост [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politnavigator.net>.

Yakovlev A. N.

***External risks of socio-cultural conflict in
Crimea***

V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Russian Federation
e-mail:andrey_yakovlev84@mail.ru

Abstract. *The article describes the main approaches to understanding the phenomenon of socio-cultural conflict, external risks of development and transformation of socio-cultural conflict in modern Crimea*

Keywords: *sociocultural conflict, transformation, the form of manifestation of the conflict, external risks of development and transformation of conflicts*

References

1. Samrailova E. K. Ehtnopoliticheskiy konflikt: monografiya: v 2 t. T. I. Metodologiya issledovaniya / E. K. Samrailova. M.: ATiSO, 2006. S. 8. (in Russian)
2. Leshukova L. A. Ehtnopoliticheskiy konflikt kak tip sociokul'turnogo vzaimodejstviya // Ehtnokul'turnye i mezhhkфессиональные отношения в Крыму. Sbornik nauchnyh statej. Simferopol': Antikva, 2013. S. 33. (in Russian)
3. SHvec A. B. Krym v kontekste postsovetsoj konfliktnosti // Ehtnokul'turnye i mezhhkфессиональные отношения в Крыму. Sbornik nauchnyh statej. Simferopol': Antikva, 2013. S. 21-29. (in Russian)
4. SHvec A. B. Dinamika territorial'noj lokalizacii sociokul'turnyh protivorechij v sovremennom Krymu // Problemy garmonizacii mezhehtnichnyh i mezhhkфессиональных отношений в Крыму. Sbornik nauchnyh statej. Simferopol', 2009. S. 11-14. (in Russian)

5. Sorokin P. A. *Селовек. Цивилизация. Общество*. М.: Изд-во Политической литературы, 1992. С.219-240. (in Russian)
6. Temnickij A. L. *Сociokul'turnoe v usloviyah slozhnogo obshchestva: ot neraschlenennogo ponyatiya k dual'nym oppozitsiyam* // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. М.: MGIMO – Universitet. 2011. №4 (19). С.11-21. (in Russian)
7. YAKovlev A. N. *Territorial'nye formy lokalizatsii sociokul'turnyh protivorechij v sovremennom Krymu* // *Geopolitika i ehkogeodinamika regionov*. 2008. Т. 4, № 1-2. С. 1. (in Russian)
8. Bagrov N. V. *Regional'naya geopolitika ustojchivogo razvitiya*. Kiev: Lybid', 2002. 254 s. (in Russian)
9. SHvec A. B., Bednarskij I. G., YAKovlev A. N. *Proyavleniya sociokul'turnoj konfliktnosti v Krymu* // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2006. № 73. С.165 -175. (in Russian)
10. YUrchenko I. V., YUrchenko N. N. *Osobennosti razvitiya CHernomorskogo regiona s uchetom geopoliticheskikh problem i riskov stolknoveniya zapadnyh i nezapadnyh cennostej* // *Vestnik Krasnodarskogo regional'nogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo/otv. red. I.G. CHajka, YU.V. Efremov, L.A. Moreva. Krasnodar: Platonov. Vyp.9. 2017. 568s.* (in Russian)
11. YAKovlev A. N. *Territorial'nye osobennosti sociokul'turnyh konfliktov v Rossijskom Krymu (2014g.)* // *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya*. 2014. Т. 22. № 3. С. 52-60. (in Russian)
12. Kiseleva N. V., Mal'gin A. V., Petrov V. P., Formanchuk A. A. *Ehtnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih resheniya* // *Simferopol': Salta, 2015. 352 s.* (in Russian)
13. Gosudarstvennyj komitet po delam mezhnacional'nyh otnoshenij i deportirovannyh grazhdan Respubliki Krym // *Informatsiya ob osnovnyh naibolee vazhnyh rezul'tatah realizatsii gosudarstvennoj programmy Respubliki Krym po ukrepleniyu edinstva rossijskoj natsii i ehtnokul'turnomu razvitiyu narodov Rossii «Respublika Krym – territoriya mezhnacional'nogo soglasiya» na 2015 - 2017 gody» za 2016 god* [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://gkmm.rk.gov.ru>. (in Russian)
14. *Sostoyanie mezhnacional'nyh i mezhhkonnatsional'nyh otnoshenij v Respublike Krym stabil'noe – Zaur Smirnov.* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gkmm.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/354785.htm>. (in Russian)
15. YAKovlev A. N. *Faktory transformatsii sociokul'turnyh protivorechij v izmenivshemsya sociokul'turnom prostranstve Kryma (2015g.)* // *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Sed'maya Ezhegodnaya nauchnaya Assambleya ARGO)*. 2016. s 542-547. (in Russian)
16. *Sudohodnye kompanii RF predupredili ob ugroze piratstva na Ukraine* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://crimea.ria.ru/society/20180428/1114329624.html?inj=1>
17. SHvec A. B. *O novyh trendah «novogo Kryma»*. / A. B. SHvec, A. N. YAKovlev. // *Polimasshtabnye sistemy «centr -periferiya» v kontekste globalizatsii i regionalizatsii: teoriya i praktika obshchestvenno-geograficheskikh issledovanij /pod obshchej red. I. N. Voronina i A. G. Druzhinina. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii Simferopol': IT «ARIAL», 2015. С. 520-525.*
18. *Deputat Verhovnoj Rady poobeshchal vzorvat' Krymskij most* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.politnavigator.net>.

Поступила в редакцию 19.08.2018 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксёнова Марина Юрьевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры географии и экологии ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск
Баранов Андрей Владимирович	Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления факультета управления и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
Безруков Леонид Алексеевич	Доктор географических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
Бекшаев Илья Алексеевич	Обучающийся ГОУ ВО Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет», г. Орехово-Зуево
Вольхин Денис Антонович	Ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Воронин Игорь Николаевич	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Гольдин Евгений Борисович	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры лесного дела и садово-паркового строительства Академии биоресурсов и природопользования (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Горбунова Татьяна Юрьевна	Младший научный сотрудник ФГБУН «Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН», г. Феодосия, пгт Курортное
Горшков Евгений Иванович	Директор ООО «Современные геотехнологии», г. Москва
Гуров Сергей Александрович	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь

Демидова Елена Евгеньевна	Младший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Дружинин Александр Георгиевич	Доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
Дьячкова Татьяна Валерьяновна	Кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры биологии и экологии ГОУ ВО Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет», г. Орехово-Зуево
Жгулёва Ольга Александровна	Младший научный сотрудник управления научной и инновационной деятельности ФБГОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», г. Йошкар-Ола
Зиновьев Андрей Станиславович	Старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
Игнатов Евгений Иванович	Доктор географических наук, профессор географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Ипполитова Нина Александровна	Кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
Исаев Владислав Сергеевич	Кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник геологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Кадырова Лейля Ренатовна	Аспирант кафедры географии и картографии ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
Каширина Екатерина Сергеевна	Старший преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (филиал МГУ в Севастополе)
Кондакова Татьяна Юрьевна	Кандидат географических наук, заведующая кафедрой социально-экономической географии и туризма ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
Крамчанинова Алена Геннадьевна	Соискатель ФБГОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», г. Йошкар-Ола
Красноярова Бэлла Александровна	Доктор географических наук, профессор, заведующая лабораторией ландшафтно-водноэкологических исследований и природопользования, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул

Купцов Александр Евгеньевич	Старший преподаватель кафедры социально-экономической географии и туризма ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
Каширина Екатерина Сергеевна	Кандидат географических наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (филиал МГУ в Севастополе)
Лачининский Станислав Сергеевич	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
Лобас Ксения Вадимовна	Ассистент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Логвина Елена Владимировна	Кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Лозова Диана Валериевна	Обучающаяся кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Мальганова Ирина Григорьевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры географии и картографии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
Мельникова Татьяна Борисовна	Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова» (Севастопольский филиал), г. Севастополь
Мифтякова Эльмира Фергатовна	Аспирант кафедры географии и экологии ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск
Молчанова Екатерина Александровна	Обучающаяся кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Морачевская Кира Алексеевна	Кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
Нагирная Анастасия Викторовна	Кандидат географических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт географии Российской академии наук», г. Москва

Назаренко Антон Евгеньевич	Аспирант Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН, г. Барнаул
Низамова Алина Радиловна	Обучающаяся кафедры географии и картографии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
Новиков Антон Алексеевич	Старший преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (филиал МГУ в Севастополе)
Ожегов Александр Юрьевич	Обучающийся кафедры компьютерной инженерии и моделирования Физико-технического института (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Ожегова Людмила Александровна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Пакина Алла Анатольевна	Кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры рационального природопользования географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Панасюк Михаил Валентинович	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой географии и картографии ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
Позаченюк Екатерина Анатольевна	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой физической географии, океанологии и ландшафтоведения географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Пудовик Елена Михайловна	Кандидат географических наук, доцент кафедры географии и картографии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
Размахнина Юлия Сергеевна	Аспирант Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
Робер-Бёф Камилла Сюзанна Рене	Ассистент кафедры географии и картографии Университета Париж–Нантер, г. Париж

Сазонова Галина Васильевна	Старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Сидорчук Ирина Борисовна	Старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Сикач Ксения Юрьевна	Кандидат географических наук, ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Ситько Юрий Леонидович	Кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (филиал МГУ в Севастополе)
Сорокин Иван Сергеевич	Обучающийся кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
Сорокина Екатерина Ивановна	Кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (филиал МГУ в Севастополе)
Старикова Александра Вячеславовна	Кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва
Страчкова Наталья Васильевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Теплова Л. И.	Обучающаяся Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (филиал МГУ в Севастополе)
Тотонова Елена Егоровна	Кандидат географических наук, доцент ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет», г. Якутск
Уставщикова Светлана Владимировна	Кандидат географических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Хабибуллина Аделя Рафхатовна	Магистрант кафедры географии и картографии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
Хамина Наталья Владимировна	Старший преподаватель Педагогического института (структурное подразделение) ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск
Харитонов Александр Михайлович	Научный сотрудник ФГБУН «Тихоокеанский институт географии ДВО», г. Владивосток
Чаплыгина Ольга Георгиевна	Кандидат географических наук, доцент ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск
Цветков Сергей Александрович	Обучающийся кафедры туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Шайхутдинов Фаннур Мансурович	Обучающийся кафедры географии и картографии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
Швец Александра Борисовна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Шворина Ксения Владимировна	Кандидат географических наук, научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г. Чита
Яковенко Ирина Михайловна	Доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой туризма географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь
Яковлев Андрей Николаевич	Старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ.....	3
Воронин И. Н., Швец А. Б. БАГРОВ И РАЗВИТИЕ КРЫМСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.....	5
Дружинин А. Г. ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЮРКСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ.....	11
Демидова Е. Е. «ДЕВИАНТНОЕ» СТРАНОВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ПРИМЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	25
Панасюк М. В., Робер-Бёф К. ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЫ КРУПНОГО ГОРОДА	34
Нагирная А. В. ГЕОГРАФИЯ ИНТЕРНЕТА И ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	44
Безруков Л. А.Размахнина Ю. С. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ.....	53
РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ.....	67
ВОПРОСЫ ГЕОЭКОЛОГИИ	
Позаченюк Е. А., Горбунова Т. Ю. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЛАНДШАФТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМАМИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ.....	69
Пакина А. А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭКОСИСТЕМ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕГИОНА.....	82

Назаренко А. Е., Красноярова Б. А. СТОИМОСТНАЯ ОЦЕНКА ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ ПО ДЕПОНИРОВАНИЮ УГЛЕРОДА ЭКОСИСТЕМАМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ	89
Новиков А. А., Игнатов Е. И., Исаев В. С., Горшков Е. И., Каширина Е. С. ОЦЕНКА ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	100
Харитонов А. М. ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ ЛЕСОРЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)	109
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ РЕГИОНОВ	
Аксёнова М. Ю., Мифтякова Э. Ф. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)	123
Бекшаев И. А., Дьячкова Т. В. СМЕРТНОСТЬ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ ПРИЧИНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ОРЕХОВО ПОКРОВСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)	134
Гольдин Е. Б. АРХИПЕЛАГ МАДЕЙРА: ОХРАНА ПРИРОДЫ И ТУРИЗМ	148
Гуров С. А., Молчанова Е. А. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЭКЗОТИЧЕСКИХ ОСТРОВНЫХ ДЕСТИНАЦИЯХ	159
Жгулёва О. А., Крамчанинова А. Г. СТРУКТУРИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	167
Ипполитова Н. А. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ)	175

Кадырова Л. Р., Панасюк М. В. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ УРОВНЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	187
Кондакова Т. Ю., Старикова А. В. УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ В ВУЗЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ И БАВАРИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)	197
Купцов А. Е., Кондакова Т. Ю. ТОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РЕГИОНОВ ПОРТУГАЛИИ	208
Лачининский С. С., Морачевская К. А., Зиновьев А. С., Сорокин И. С. МЕЖДУНАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СТРАН МИРА	220
Логвина Е. В. ТУРИСТСКАЯ ОТРАСЛЬ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРУЗИИ	228
Мельникова Т. Б. АНАЛИЗ ВОСПРИИМЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ К КОНЦЕНТРАЦИИ И НАРАЩИВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ	236
Низамова А. Р., Пудовик Е. М. ПРИМЕНЕНИЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ГЕОМАРКЕТИНГЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КРУПНОГО ГОРОДА	245
Тотонова Е. Е. ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАНАДЫ	255
Уставщикова С. В. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ (2000-2017 гг.)	263
Хабибуллина А. Р., Мальганова И. Г. ПРИМЕНЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ И ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПЛАНИРОВАНИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	274

Хамина Н. В. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)	283
Чаплыгина О. Г. ЭКСПОРТ И ИМПОРТ РОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ СТОРОНЫ РАЗВИТИЯ	292
Шайхутдинов Ф. М., Мальганова И. Г. РАЗРАБОТКА ОПТИМАЛЬНОГО ПРОГНОЗНОГО СЦЕНАРИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ДО 2020 ГОДА	301
Шворина К. В. МИГРАЦИОННАЯ ПОДВИЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ	310
КРЫМ – РЕГИОН НОВОГО РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ	
Швец А. Б., Вольхин Д. А. КРЫМ В ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ: ПРИОРИТЕТНЫЕ ФОРМАТЫ И ВЕКТОРЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	319
Яковенко И. М., Страчкова Н. В., Цветков С. А. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА НА РЫНКЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ УСЛУГ КРЫМА: НОВЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА	337
Баранов А. В. ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ДРЕЙФ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ	351
Каширина Е. С., Ситько Ю. Л., Новиков А. А., Сорокина Е. И., Теплова Л. И. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ПРИ ОПИСАНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА НА ОГРАНИЧЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШОГО СЕВАСТОПОЛЯ)	361
Лобас К. В. АНАЛИЗ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КРЫМА КАК ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СФЕРЫ ТУРИЗМА	369

Лозова Д. В., Сазонова Г. В. ОСОБЕННОСТИ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	379
Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю. ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ: ПРИЧИНЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	389
Сидорчук И. Б. РИСК СОХРАНЕНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ИНТЕГРИРУЮЩЕМСЯ РЕГИОНЕ	395
Яковлев А. Н. ВНЕШНИЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ В КРЫМУ	405
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	415